Ю. В. БРОМЛЕЙ

ОЧЕРКИ ТЕОРИИ ЭТНОСА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ
им. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

Ю. В. БРОМЛЕЙ

ОЧЕРКИ ТЕОРИИ ЭТНОСА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1983

В книге дается характеристика всех основных функций этносов, проявляющихся в самых различных сферах жизни общества, от экономики до психологии. Автор анализирует недостаточно разработанные аспекты теории этноса — виды и уровни этноса, место этнических образований среди других человеческих общностей, типы этнических процессов, этнические функции культуры и психики (включая самосознание), рассматривает главные этапы этнической истории человечества, начиная от возникновения этносов в первобытном обществе до этнических процессов в современном мире.

Б $\frac{0508000000-037}{042(02)-83}$ 156-82

© Издательство «Наука», 1983 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В условиях научно-технической революции все более очевидным становится единство человечества. Вместе с тем оно остается весьма сложным и многообразным. Одно из специфических проявлений этого многообразия представляют этносы или этнические общности. Под ними в настоящее время обычно принято подразумевать все разновидности народов мира: нации, народности, племена, этнические группы и т. д. По самым скромным подсчетам, современное человечество унаследовало от прошлого две—три тысячи этнических общностей. При этом неравномерность всемирно-исторического процесса привела к огромным различиям между такого рода общностями как по уровню развития, так и по масштабам. Подобные различия колеблются в диапазоне между архаическими по своему характеру народностями и даже племенами, насчитывающими сегодня всего лишь тысячи, а иногда и сотни людей, с одной стороны, и многомиллионными нациями — с другой. Пестрота этнической или, иначе говоря, национальной структуры современного человечества придает особую сложность ее динамике — этническим, национальным процессам. Эти процессы по-разному протекают в различных социальных средах: в условиях капиталистической системы и в условиях содружества стран социализма.

Для капитализма характерны «проявления национальных антагонизмов»[1], порожденных классовыми антагонизмами. Этот феномен, зафиксированный еще основоположниками марксизма[2], особенно наглядно проявляется в современном капиталистическом мире, для которого столь характерны межнациональные, межэтнические конфликты. Одно это делает весьма существенным изучение национальных и шире — этнических явлений. Существенно и то, что без учета этнических аспектов социально-экономических и политических процессов, происходящих в развитых капиталистических странах, невозможно уяснить специфику этих процессов в каждой из таких стран.

Принципиально иначе, чем в капиталистическом мире, протекают этнические, национальные процессы в условиях социализма. Особенно показательны в данном отношении их результаты в нашей стране, где, как известно, впервые в истории человечества успешно решен один из самых острых и сложных вопросов — национальный вопрос. «История не знает государства, которое в крат-

[1] Постановление ЦК КПСС «О 60-й годовщине образования Союза Советских Социалистических Республик. — Коммунист, 1982, № 4, с. 14.
[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 4, с. 445.

чайшие сроки сделало бы так много для всестороннего развития наций и народностей, как СССР. . .» [2a]. Как показывает в целом опыт многонационального Советского Союза, других стран, входящих в социалистическое содружество, социализм, ликвидируя социально-классовые предпосылки эксплуатации одной нации другой, устраняет основу межнациональных антагонизмов, стимулирует сближение наций. Это, разумеется, не означает, что с утверждением социализма автоматически исчезают противоречия в межнациональных отношениях. Такого рода отношения, как свидетельствует практика, не свободны от трудностей, в значительной мере обусловленных тем, что народы социалистических стран вступили на путь строительства нового общества, находясь на разных уровнях экономического и культурного развития. «Национальные отношения и в обществе зрелого социализма — это реальность, которая постоянно развивается, выдвигает новые проблемы и задачи» [3]. И они, несомненно, требуют к себе пристального внимания.

Весьма актуально и изучение бурно протекающих в наше время этнических процессов в развивающихся странах. Будучи теснейшим образом связанными с социально-экономическими и политическими факторами, эти процессы имеют в каждой из таких стран свою специфику, во многом детерминированную общим направлением их развития (капиталистической или социалистической ориентацией). В свою очередь происходящие здесь этнические процессы сами оказывают значительное воздействие на остальные сферы социальной жизни.

В силу всего сказанного изучение современной этнической, национальной проблематики приобретает не только теоретическое, но и практическое значение. При этом очевидна необходимость как страноведческо-регионального, так и глобального ее рассмотрения. В современных условиях «национальный вопрос — явление *мировое*» [4]. Вместе с тем, разумеется, современная этническая, национальная проблематика должна рассматриваться не в статике, а в динамике. Как известно, марксизм-ленинизм придает особое значение при рассмотрении социальных явлений точному изучению всего ряда их известных состояний и связей между различными ступенями развития [5], постановке этих явлений «*в определенные* исторические рамки» [6].

Несомненна в то же время и самостоятельная познавательная значимость изучения этнического прошлого человечества. Ведь, хотя суть всемирно-исторического процесса составляет смена социально-экономических формаций, однако многообразие его проявлений в значительной мере обусловлено этнической спецификой

[2a] Постановление ЦК КПСС «О 60-й годовщине образования Союза Советских Социалистических Республик». — Коммунист, 1982, № 4, с. 4.
[3] *Брежнев Л. И.* Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 4. М., 1974, с. 63.
[4] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 24, с. 385.
[5] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 1, с. 167.
[6] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 25, с. 263.

народов мира и воплощено в ней. Игнорируя это обстоятельство, невозможно получить адекватное представление о многих сторонах исторических явлений. Более того, такой подход лишает возможности раскрыть основное содержание собственно этнической истории народов мира (например, их этногенеза).

Поскольку этнические (национальные) явления в той или иной степени сопряжены почти со всеми сторонами жизни человечества, к их изучению в большей или меньшей мере причастны многие научные дисциплины. Прежде всего в этой связи, очевидно, следует назвать этнографию. Ведь, согласно распространенному среди специалистов мнению, народы-этносы являются основным исследовательским объектом этнографической науки. Однако изучение этнической проблематики этнографией далеко не исчерпывается. Эта проблематика, например, неизбежно оказывается в поле зрения историка, воссоздающего историческое прошлое какого-либо народа. Этнические проблемы не могут не привлекать внимание также археолога, занятого изучением этногенеза. Социолога интересуют взаимосвязи этнических и социально-экономических явлений; искусствоведа — этническое своеобразие отдельных компонентов художественной культуры; лингвиста — этнолингвистические процессы; психолога — этнические особенности психики. Есть этнические аспекты также у экономических и демографических исследований. Занимаются изучением этнической проблематики и представители ряда естественных наук: антропологии, физической географии, ботаники и т. д. На стыке этих наук и этнографии в последнее время возникли своеобразные пограничные дисциплины: этническая антропология, этногеография, этноботаника.

Разумеется, что для каждой из этих общественных и естественных дисциплин, как и для них в целом, весьма существенное методологическое значение имеет разработка теории этноса. Иначе невозможны ни сколько-нибудь четкое размежевание их усилий, ни кооперация таковых. При этом на первых порах особенно важной оказалась разработка теории этноса для этнографической науки, поскольку речь шла об основном ее исследовательском объекте. Именно поэтому несколько лет назад нами была предпринята попытка охарактеризовать взаимосвязь объекта и предмета этнографической науки. Данной задаче были, в частности, посвящены наши монографии «Этнос и этнография» (М., 1973) и «Современные проблемы этнографии» (М., 1981). Поскольку работы эти рассчитаны прежде всего на этнографа, в них, естественно, значительное место отведено сугубо этнографическим сюжетам. Между тем во всесторонней разработке теории этноса, как уже говорилось, заинтересована не только этнография, но и многие другие научные дисциплины. Это и побудило нас подготовить работу, рассчитанную на представителей всех тех дисциплин, которые в той или иной мере имеют исследовательский интерес к этнической проблематике. Правда, может показаться, что для этой цели достаточно простого воспроизводства отдельных, по-

священных теории этноса разделов упомянутых выше монографий. Однако такой чисто «механический» подход представляется неприемлемым. Прежде всего дело в том, что на данные разделы неизбежно оказали своеобразное «обратное» воздействие те главы этих работ, в которых рассматриваются собственно этнографические сюжеты. А это в свою очередь привело к определенной неравномерности освещения в них отдельных вопросов теории этноса. Выявилась также необходимость уточнения и дополнения некоторых положений наших предыдущих работ. Все это во многом предопределило характер данной книги, в которой наряду с обобщением основных результатов проведенного у нас за последние годы изучения (в том числе и ее автором) теоретических аспектов этнической проблематики, предпринята попытка их дальнейшей разработки.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЭТНИЧЕСКИХ СИСТЕМ

*

Очерк первый

ПОНЯТИЙНО-ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ

(предварительные замечания)

Поскольку в любой теоретической системе важнейшая роль принадлежит ее основным понятиям, составляющим как бы опорные узлы этой системы, представляется необходимым, приступая к рассмотрению теории этноса, уделить особое внимание соответствующему понятийно-терминологическому аппарату. Такое внимание, на наш взгляд, тем более оправдано, что трактовка содержания многих этнических терминов до сих пор вызывает расхождения между специалистами. Нельзя в данной связи не учитывать и потребность как в уточнении уже ранее установившихся значений некоторых терминов (в частности в силу их многозначности), так и введения дополнительной терминологии для вновь выявленных аспектов этнических явлений. «Понятия не неподвижны, а вечно движутся, переходят друг в друга, переливают одно в другое, без этого они не отражают живой жизни» [1]. Совершенно очевидно, таким образом, что одно из важнейших предварительных условий рассмотрения теоретических аспектов этнической проблематики — ознакомление с историей и современным состоянием ее понятийно-терминологического арсенала.

Вся существующая ныне этническая терминология является производной от древнегреческого слова «ἔθνος».

Словари древнегреческого языка дают под этим словом около десяти значений, среди которых: народ, племя, толпа, группа людей, класс людей, иноземное племя, язычники, стадо, род. Этимологический анализ этого слова позволяет увидеть в нем указание на всякую совокупность одинаковых живых существ, имеющих некие общие свойства (обычаи, повадки, внешний вид и т. п.). Последовательное рассмотрение употребления слова «ἔθνος» в древнегреческой литературе от Гомера до Аристотеля показывает, что на архаической стадии существования этого слова

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 29, с. 226—227.

преобладало значение «стая, рой, группа». Однако уже существует значение «племя, народ». В исторической литературе V—IV вв. до н. э. это значение становится доминирующим. При этом еще слабо различаются два оттенка: «греческое племя» и «негреческое племя». В последующие века (вплоть до первых веков нашей эры) наблюдается тенденция употребления термина «этнос» в значении «негреческое племя» [2]. На протяжении средневековья это слово используется (главным образом в библиях) во множественном числе в значении «люди»; с латинизацией его появляется прилагательное «ethnicos» (этнический), которое становится термином, использовавшимся в экклезиастических текстах обычно в смысле «идолопоклоннический», «языческий» [3].

В новое время использование слова «этнос» в международной научной практике долго ограничивалось преимущественно производными от него терминами — «этнография» [4] и «этнология» [5]. В обоих случаях под ними понимали описание и изучение различных народов, их образа жизни, культуры, происхождения и т. д., тем самым фактически отождествляя понятия «этнос» и «народ». Однако в своей практической деятельности ученые XIX в., изучавшие конкретные народы, пользовались прежде всего такими терминами, как «нация», «раса», «племя» [6]. Лишь постепенно термин «этнос» (этнический) начинает употребляться в научной литературе в самостоятельном значении. При этом он нередко, однако, применялся в довольно необычном для нас смысле, что, в частности, характерно для эволюционистов, которые, создавая обобщающие труды, мало интересовались отдельными народами и их этнической спецификой. Так, Л. Г. Морган использовал термин «этнический период» для обозначения стадий, пройденных человечеством в ходе своего развития. Он писал в своем известном труде «Древнее общество» (1877 г.), что «этнический период. . .

---

[2] *Поплинский Ю. К.* Термин «этнос» в древнегреческой литературе классического периода — В кн.: Краткое содержание докладов годичной научной сессии Ин-та этнографии АН СССР. Л., 1970, с. 77—79.

[3] *Rohan-Csermak G. de.* Le probleme de l'«ethnie» et la notion de «complexe ethnique europeen» (mimeographed. Ms., 1965).

[4] Этот термин вошел в научный обиход в конце XVIII в. Правда, его появление подчас относят к началу XVIII в. Однако, как показали специальные исследования, в действительности он употребляется в первый раз в 1775 г. См.: *Fischer H.* «Völkerkunde», «Ethnographie», «Ethnologie» (Kritische Kontrolle der frühesten Belege). — In: Zeitschrift für Ethnologie. Braunschweig, 1970, Bd. 95, Hf. 2, S. 174—176.

[5] Термин «этнология» появляется в начале XIX в. Его пропагандистом был известный французский физик Андрэ-Мари Ампер, который на рубеже 20—30-х годов XIX в. в своих таблицах по классификации наук выделил этнологию в качестве отдельной дисциплины: (См.: *Rohan-Csermak G. de.* La première apparation du terme «ethnologie». — Ethnologia Europaea, 1967, vol. 1, N 3, p. 170—184).

[6] Об этом см. подробнее: *Шнирельман В. А.* Проблема доклассового и раннеклассового этноса в зарубежной этнографии — В кн.: Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М., 1982, с. 208—213.

представляет собой определенное состояние общества и отличается свойственным этому периоду образом жизни» [7].

В значении несколько более близком к современному использовали термин «этнический» физические антропологи второй половины XIX в., для которых различие между народами представляло главную цель исследования [8]. Однако сама трактовка «этнического» была еще весьма расплывчатой, что видно хотя бы из того определения, которое ему давал известный французский антрополог П. Топинар. «Под *этническими признаками*, — писал он, — разумеют все факты, вытекающие из соединения людей между собою, под влиянием какого бы то ни было побуждения: общественных нужд, выгоды, личного произвола или воинственных наклонностей» [9]. Высшей формой такой общности он считал французов или американцев США, а низшей — племена типа тода. По его мнению, в основе такого единства лежали нормы, а позднее — законы, которые сплачивали людей. Необходимыми атрибутами «общественного быта» он называл материальную и духовную культуру, а также язык.

Сближение понятий «народный» и «этнический» характерно для известного немецкого этнографа А. Бастиана, взгляды которого развивались от эволюционизма к диффузионизму. Под «этническим» он понимал культурноспецифический облик народа [10]. Он, например, выделял отдельные «этнические ареалы» (египетский, ассирийский, китайский, японский, индийский и пр.) как особые историко-культурные провинции — своеобразную предтечу более поздних культурных кругов в работах Венской культурно-исторической школы [11].

Заслуживает упоминания и сделанное в конце XIX в. французским социологом Ж. В. Ляпужем предложение употреблять термин «ethnie» для обозначения культурной единицы. Вслед за тем для той же цели известный швейцарский лингвист Ф. де Соссюр использовал слово «ethnism» [12].

На рубеже XIX—XX вв. во многом перекликающееся с современными определение «этнической группы» дал французский антрополог Ж. Деникер. Он отмечал, что под «этническими группами» обычно понимаются «народы», «нации», «племена» и т. д., причем они отличаются друг от друга прежде всего языком, образом жизни

---

[7] *Морган Л. Г.* Древнее общество. Л.: Изд-во Ин-та народов Севера ЦИК СССР, 1934, с. 8.

[8] См.: *Quatrefages de Bréau A.*, *Hamy E. T.* Crania ethnica. Paris, 1882, t. 1—2.

[9] *Топинар П.* Антропология. СПб., 1879, с. 407.

[10] Ср.: *Bastian A.* Der Völkergedanke in Aufbau einer Wissenschaft vom Menschen und seine Begründung auf Ethnologische Sammlungen. Berlin, 1881; *Он же.* Ethnische Elementargedanken in der Lehre vom Menschen. Berlin, 1895, Bd. 1—2.

[11] См.: *Fiedermutz-Laun A.* Der Kulturhistorische Gedanke bei Adolf Bastian. Wiesbaden, 1970, S. 216—217.

[12] См.: *Rohan-Csermak G. de.* The theory of ethnos today. A critical survey. — In: IX-th International Congress of Anthropological and ethnological sciences. Chicago, 1973, p. 2.

и поведением [13]. Впрочем, в своей классификации Дж. Деникер термину «этнос» предпочел термин «народ». Более определенную позицию в данном отношении занял в начале XX в. русский этнограф Н. М. Могилянский, употребивший термин «этнос» для обозначения объектов этнографических исследований [14].

По окончании первой мировой войны этническая терминология вновь оказалась в поле зрения отдельных ученых разных стран. Во Франции в 1919 г. эту проблематику затронул Ф. Рено, поставивший вопрос о разграничении этноса («ethnie») и большого этноса («grande ethnie») [15]. В Германии примерно в это же время к этнической проблематике обращается известный буржуазный социолог Макс Вебер. В его работе «Хозяйство и общество», которая, правда, вышла в свет лишь в 1922 г., т. е. через два года после смерти автора, специальная глава посвящена отношениям этнических общностей [16].

Но особенно много сделал в эти годы для разработки этнической проблематики русский этнограф С. М. Широкогоров (1887—1939 гг.). Не случайно с его именем обычно связываются первые фундаментальные шаги в создании теории этноса [17]. Еще в курсе лекций, прочитанных в 1921—1922 гг. в Дальневосточном университете, он попытался наметить типологические признаки этноса [18]. Вслед за тем им была посвящена этой теме специальная монография [19]. Правда, взгляды С. М. Широкогорова по этому вопросу довольно долгое время оставались незамеченными. Лишь в середине 30-х годов в Западной Европе появляются публикации С. М. Широкогорова, частично излагающие его представления об этносе [20].

В целом, однако, в предвоенные годы этническая терминология не получала сколько-нибудь заметного распространения в зарубежной научной литературе; слово «этник» (ethnic), хотя подчас и используется в специальных исследованиях англоязычных авторов [21], однако лишь в том значении, которое за ним закрепи-

---

13 *Deniker J.* Les races et les peuples de la terre. Eléments d'anthropologie et d'ethnographie. Paris, 1900, p. 3, 16; *Он же.* The races of man. An outline of anthropology and ethnography. London, 1900, p. 8.

14 *Могилянский Н. М.* Этнография и ее задачи — В кн.: Ежегодник Русского антропологического общества при императорском С-Петербургском университете. СПб., 1909, т. III, с. 102—105. (Как следует из примечания к статье, в ее основе лежит доклад, сделанный автором еще в 1902 г.).

15 *Rohan-Csermak G. de.* The theory. . ., p. 2.

16 *Weber Max.* Wirtschaft und Gesellschaft. Tübingen, 1922.

17 *Mühlmann W. E.* Rassen, Ethnien, Kulturen. Berlin, 1964, S. 58; *Rohan-Csermak G. de.* The theory. . ., p. 2—3.

18 *Широкогоров С. М.* Место этнографии среди наук и классификации этносов. Владивосток, 1922.

19 *Широкогоров С. М.* Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. Шанхай, 1923.

20 *Shirokogoroff S. M.* Psychomental Complex of the Tungus. London, 1935; *Он же.* Ethnographie und Ethnologie. — Archiv für Anthropologie und Völkerforschung, 1937, XXIV.

21 *Tax S.* The municipios of the Midwestern Highlands of Gautemala. — American Anthropologist, 1937, vol. 39, N 3, p. 423—444.

лось в обиходном английском языке, т. е. «племенной», «языческий».

Некоторый сдвиг в распространении этнической терминологии в работах зарубежных авторов наметился в первое послевоенное десятилетие [22], когда она начинает проникать на страницы отдельных справочных изданий [23]. Но особенно заметно усиливается внимание к этнической проблематике и соответственно к ее теоретическим, в том числе терминологическим аспектам, в 60-е годы, что связано с обострением межэтнических, а также межрасовых отношений в капиталистическом мире. К этому времени в научном обиходе оказывается довольно значительный арсенал этнических терминов, правда отличающийся немалой пестротой. При том пестротой не только содержательного характера, о чем пойдет речь ниже, но и чисто «внешней». Прежде всего это относится к терминам, используемым для обозначения самих этнических общностей. Таковы, например: «Ethnos», «ethnische Gruppe» (в лит. на нем. яз.), «ethnie» (в лит. на франц., а подчас и на нем. яз.), «ethnic group», «ethnic community», «ethnic unit» (в лит. на англ. яз.). Вместе с тем распространяются и производные термины, в частности, «ethnic identity» (букв. «этническая идентичность»), «ethnic relations» (букв. «этнические отношения»). Особенно широкое хождение в последнее время в англоязычной литературе получил термин «ethnicity», который, правда, трактуется далеко не однозначно: то как «характер или качество этнической группы» [24] (в этом случае при переводе на русский язык данного термина можно было в качестве эквивалента использовать слов «этничность»), то как «этническая единица» [25].

Наконец, следует упомянуть и о том, что в зарубежной литературе иногда используется термин «ethnic» для обозначен индивида в качестве представителя определенной этнической (культурной) общности [26].

---

[22] См., например: *Warner L. W.*, *Srole L.* The Social Systems of American Ethnic Groups. Yale University Press. New Haven, 1945; *Francis E. K.* The nature of the ethnic group. — American Journal of Sociology, 1947, 52; *Bloom L.* Concerning ethnic research. — American Sociological Review, 1948, 13, *Hatt P.* Class and ethnic attitudes. — American Sociological Review, 1948, 13.

[23] David Riesman Dictionary, 1953; *Winick Ch.* Dictionary of Anthropology. New York, 1956.

[24] *Glazer N.*, *Moynihan D. P.* Introduction. — In: Ethnicity: [illegible] and Experience/Ed. by N. Glazer and D. P. Moynihan. Cambridge (Mass.), 1975, p. 1—3.

[25] *Parsons T.* Some Theoretical Considerations on the Na[illegible]nd Trends of Change Ethnicity. — In: Ethnicity: Theory and Experienc[illegible]4. В немецкоязычной литературе для обозначения соответствующ[illegible]ия используется слово «Ethnizität» (см., например: *Hampel J.* Etn[illegible] Weltproblem. — In: Politische studien. München, 1976, N 230).

[26] *Warner L. W.* and *Srole L.* The Social Systems of An[illegible]ican Ethnic Groups. Yankee City Series. New Haven, Yale University Press, 1945, v. III, p. 28; *Francis E. K.* Interethnic Relations. An Essay in Sociological Theory. New York: Elsevier, 1976, p. 394.

Дальнейшее развитие исследования в области этнической проблематики получили в зарубежной (особенно американской) науке в конце 60—70-х годов, о чем свидетельствует проведение ряда конференций [27] и появление значительного числа специальных монографий и сборников. Не случайно в это время появляются уже попытки классификации различных точек зрения по теоретическим аспектам данной проблематики [28]. Показательно также возникновение специальных журналов, посвященных этнической тематике. Так, в США стали издаваться ежеквартальники: с 1973 г. — «The Journal of Ethnic Studies», с 1974 г. — «Ethnicity. An Interdisciplinary Journal of the Study of Ethnic Relations», а с 1978 г. в Лондоне начал выходить ежеквартальный журнал «Ethnic and Racial Studies».

Во внедрении этнической терминологии в современную отечественную научную литературу (в первую очередь этнографическую) немалую роль сыграли работы П. И. Кушнера, написанные им на рубеже 40—50-х годов [29]. Существенно содействовала распространению этнической терминологии подготовка многотомной серии «Народы мира», написание которой настоятельно потребовало использование терминов, обозначающих в обобщенной форме все многообразие этнической структуры мира [30]. Не могло не сказаться и общее усиление внимания советских этнографов к проблемам этногенеза и этнической истории [31], в частности, к современным этническим процессам [32]. В резуль-

---

[27] Ethnic Groups and Boundaries/Ed. by F. Barth. Oslo, 1969; Ethnicity and Resource Competition in Plural Societies. Hague; Paris, 1975.

[28] Например: *Schermerhorn R. A.* Comparative Ethnic Relations. A Framework for Theory and Research. New York, 1970; *Rohan-Csermak G. de.* The Theory of Ethnos Today. A Critical Survey. — In: IXth International Congress of Anthropological and Ethnological Sciences. Plan of the Congress and Resumes of Contributions. Chicago, 1973; *Isajiw W. W.* Definitions of Ethnicity. — Ethnicity, 1974, vol. 1, N 2.

[29] *Кушнер П. И.* Национальное самосознание как этнический определитель — КСИЭ, 1949, вып. 8; *Он же.* Этнические территории и этнические границы — ТИЭ, нов. серия, 1951, т. 15, с. 6.

[30] Народы мира. Этнографические очерки. М., 1954—1966.

[31] *Долгих Б. О.* Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. — ТИЭ, нов. серия, 1960, т. 55, *Першиц А. И.* Племя, народность и нация в Саудовской Аравии — СЭ, 1961, № 5; *Чебоксаров Н. Н.* Проблемы происхождения древних и современных народов (вступительное слово на симпозиуме VII МКАЭН). М., 1964; *Брук С. И.* Основные проблемы этнической географии (Методика определения этнического состава населения, принципы этнического картографирования). М., 1964; *Гурвич И. С.* Этническая история северо-востока Сибири. — ТИЭ, нов. серия, 1966, т. 89; *Козлова К. И.* Специфика этнической общности марийцев в период присоединения к России — СЭ, 1968, № 6; Этнические процессы в странах Зарубежной Европы. М., 1970; *Итс Р. Ф.* Этническая история юга Восточной Азии. Л., 1972; Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М., 1982; др.

[32] См., например: *Брук С. И., Чебоксаров Н. Н.* Современный этап национального развития народов Азии и Африки — СЭ, 1961, № 4; *Жданко Т. А.* Этнографическое изучение процессов развития и сближения социалисти-

тате появился ряд специальных статей, посвященных разработке понятия «этнос» и производных от него категорий [33], а затем и

ческих наций в СССР. — СЭ, 1964, № 6; *Григулевич И. Р., Ефимов А. В.* К вопросу о возникновении и развитии наций в Латинской Америке — В кн.: Нации Латинской Америки. М., 1964; *Ганцкая О. А., Терентьева Л. Н.* Этнографические исследования национальных процессов в Прибалтике — СЭ, 1965, № 5; *Васильева Г. П.* Современные этнические процессы в Северном Туркменистане — СЭ, 1968, № 1; *Бромлей Ю. В., Козлов В. И.* Ленинизм и основные тенденции этнических процессов в СССР — СЭ, 1970, № 1; Осуществление ленинской национальной политики у народов Крайнего Севера. М., 1971; *Брук С. И.* Этнодемографические процессы в СССР (по материалам переписи 1970 г.) — СЭ, 1971, № 4; *Арутюнян Ю. В.* Социально-культурные аспекты развития и сближения наций в СССР (программа, методика и перспективы исследования). — СЭ, 1972, № 3; Национальные проблемы Канады. М., 1972; *Исмагилова Р. Н.* Этнические проблемы современной Тропической Африки. М., 1973; Этнические процессы в странах Юго-Восточной Азии. М., 1974; Современные этнические процессы в СССР. М., 1975 (2-е изд. 1977); Этнические процессы в странах Южной Азии. М., 1976; Национальные процессы в Центральной Америке и Мексике. М., 1974; *Пименов В. В.* Удмурты: Опыт компонентного анализа этноса. Л., 1977; Этнические и культурно-бытовые процессы на Кавказе. М., 1978; *Терентьева Л. Н.* Этническая ситуация и этнокультурные процессы в Советской Прибалтике. — В кн.: Расы и народы. М., 1979, 9; Современные этнонациональные процессы в странах Западной Европы. М., 1981; Этнические процессы в странах Южной Америки. М., 1981 и др.

33 *Токарев С. А.* Проблема типов этнических общностей (К методологическим проблемам этнографии). — ВФ, 1964, № 11; *Козлов В. И.* О понятии этнической общности — СЭ, 1967, № 2; *Лашук Л. П.* О формах донациональных этнических связей — ВИ, 1967, № 4; *Чебоксаров Н. Н.* Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских ученых — СЭ, 1967, № 4; *Гумилев Л. Н.* О термине «этнос» — В кн.: Доклады отделений и комиссий Географического общества СССР. Л., 1967, вып. 3; *Лашук Л. П.* Опыт типологии этнических общностей средневековых тюрок и монголов — СЭ, 1968, № 1; *Сатыбалов А. А.* Методологические вопросы классификации типов этнических (национальных) общностей. — В кн.: Методологические вопросы общественных наук. Л.: Изд. Ленинградского ун-та, 1968; вып. 1 *Шелепов Г. В.* Общность происхождения — признак этнической общности — СЭ, 1968, № 4; *Бромлей Ю. В.* Этнос и эндогамия. — СЭ, 1969, № 6; *Он же.* К вопросу о сущности «этноса» — Природа, 1970, № 2; *Он же.* Этнос и этносоциальный организм. — Вестник АН СССР, 1970, № 8; *Козлов В. И.* Этнос и экономика. Этническая и экономическая общности — СЭ, 1970, № 6; *Бромлей Ю. В.* К характеристике понятия «этнос» — В кн.: Расы и народы. М., 1971; *Козлов В. И.* Что же такое этнос? — Природа, 1971, № 2; *Чистов К. В.* Этническая общность, этническое сознание и некоторые проблемы духовной культуры. — СЭ, 1972, № 3; *Бромлей Ю. В.* Опыт типологизации этнических общностей — СЭ, 1972, № 5; *Козлов В. И.* Проблема этнического самосознания и ее место в теории этноса — СЭ, 1974, № 2; *Мыльников А. С.* К вопросу о локальных особенностях культуры в этнических процессах — В кн.: Расы и народы. М., 1975, вып. 5; *Брук С. И., Чебоксаров Н. Н.* Метаэтнические общности — В кн.: Расы и народы, 1976, вып. 6; *Марков Г. Е.* Этнос, этнические процессы и проблемы образа жизни — В кн.: Расы и народы, 1977, вып. 7; *Першиц А. И., Покшишевский В. В.* Ипостаси этноса. — Природа, 1978, № 12; *Козлов В. И.* Этнос и культура (к проблеме соотношения национального и интернационального в этнографическом изучении культуры). — СЭ, 1979, № 3; *Козлов В. И.* О классификации этнических общностей (состояние вопроса) — В кн.: Исследования по общей этно-

монографий, уделяющих теории этноса особое внимание [34]. Постепенно эти понятия стали употребляться и в общественно-политической литературе [35].

Среди производных от слова «этнос» терминов особенно заметное распространение в нашей литературе получило понятие «этническая общность». Ему подчас придается более широкое значение, чем «этнос» — «народ» [36]. При такой трактовке предполагается существование этнических общностей разных таксономических уровней и порядков. Этносы, или народы, — «это как бы основные единицы этнической классификации человечества, наряду с которыми можно выделять этнические общности, таксономически более высокого или более низкого порядка» [37]. Вместе с тем для обозначения этнических общностей «высшего» таксономического уровня недавно предложен термин «метаэтническая общность» [38], а для «низшего» — «субэтнос» [39].

Характеризуя имеющуюся в нашей литературе «этническую» терминологию, следует упомянуть и о том, что для обозначения таких исторических образований, как нация, в ней все чаще стало употребляться понятие «социально-этническая общность» [40]. Кроме

графии. М., 1979; *Лашук Л. П.* Концепция специфического начала теории этнической общности — Вестник Московского университета. Сер. 8, История, 1981, № 6 и др.

[34] *Козлов В. И.* Динамика численности народов. Методология исследования и основные факторы, М., 1969; *Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А.* Народы, расы, культуры. М., 1971; *Бромлей Ю. В.* Этнос и этнография. М., 1973; *Он же.* Современные проблемы этнографии. Очерки теории и истории. М., 1981.

[35] Весьма показательно проникновение этой терминологии со страниц специальных журналов и монографий в массовые издания (см., например: *Баграмов Э. А.* Развитие и сближение социалистических наций — Правда, 1971, 16 июля. Ленинизм и национальный вопрос в современных условиях. М., 1972, с. 10, 11, 24 и сл.; *Бромлей Ю. В.* Этнография на современном этапе — Коммунист, 1974, № 16, с. 63—64; *Куличенко М. И.* Расцвет и сближение наций в СССР. Проблемы теории и методологии. М.: Мысль, 1981; *Федосеев П. Н.* Новая социальная и интернациональная общность — Правда, 1982, 9 апр.).

[36] *Левин М. Г., Чебоксаров Н. Н.* Общие сведения (расы, языки и народы). — В кн.: Очерки общей этнографии. Общие сведения, Австралия и Океания, Америка, Африка. М., 1957, с. 10—11; *Чебоксаров Н. Н.* Проблемы происхождения древних и современных народов, с. 5; *Он же.* Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских ученых, с. 100; *Бромлей Ю. В.* Наука о народах мира. — Наука и жизнь, 1968, № 8, с. 42.

[37] *Чебоксаров Н. Н.* Проблемы типологии. . ., с. 96.

[38] *Брук С. И., Чебоксаров Н. Н.* Метаэтнические общности — В кн.: Расы и народы. М., 1976, вып. 6.

[39] *Бромлей Ю. В.* Современные проблемы этнографии. Очерки теории и истории, с. 49.

[40] *Джунусов М. С.* Нация как социально-этническая общность людей. — ВИ, 1964, № 4; *Баграмов Э. А.* Национальный вопрос и буржуазная идеология. М., 1966; *Калтахчян С. Т.* Ленинизм о сущности нации и пути образования интернациональной общности людей. М., 1969; *Тоненбаум В. О.* Государство: система категорий. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1971, с. 104; *Калтахчян Н. М., Калтахчян С. Т.* Ленинская теория наций и ее фальсификаторы. М., 1973; *Баграмов Э. А.* КПСС — партия интернационалистов-ленинцев. М., 1975; *Дашдамиров А. Ф.* Советский народ. Баку,

того, для разграничения узкого и широкого значения понятия «этнос» нами были предложены новые термины: «этникос» и «этносоциальный организм» [41]. Используется в нашей научной литературе также термин «этническая группа», под которым в одних случаях подразумевается внутреннее подразделение этноса, обладающее самосознанием, в других — «осколки» этноса [42].

Далеко не одинаково определяются и историко-стадиальные рамки употребления терминов, обозначающих этнические подразделения. В последнее время чаще всего наши специалисты при использовании этих терминов исходят из представления, что этническими являются не только донациональные образования типа племени и народности, но также национальные общности, в том числе нации [43]. Вместе с тем можно встретить мнение, что термин «этнос» («этническая общность») следует применять лишь к донациональным подразделениям [44].

В целом ситуация осложняется тем, что как само слово «этнос», так и основные его аналоги употребляются все еще далеко не однозначно. Это относится к представлениям как о масштабах человеческих общностей, обозначаемых данными терминами, так и о характерных чертах такого рода общностей.

В нашей отечественной науке с самого начала употребления термина «этнос» за ним установилось значение «народ» [45] (в том смысле этого слова, которое оно имеет, когда речь идет о «народах мира»). Такое общее понимание данного термина сохраняется и в советской науке. При этом имеются в виду не только малочисленные, но и такие многомиллионные общности, как русские, англичане, французы и т. п. Вместе с тем, как уже отмечалось, для обозначения этнических образований других таксономических уровней в нашей литературе стали употребляться специальные термины.

Что касается использования этнической терминологии в зарубежной литературе, то в ней доминирующим долгое время был взгляд на этнические единицы как на сравнительно небольшие совокупности людей: либо отделившиеся от крупных социальных общностей группы, либо просто подразделения архаического характера. Не случайно наиболее часто при этом употребляется термин «этническая группа»; и хотя как бы само собой подразу-

1977; *Иордан М. В.* Интернационализм против национализма. М., 1980. Понятие *социально-этническая общность* стало употребляться и в зарубежной литературе. См.: *Kosing A.* Nation in Geschichte und Gegenwart. Studie zur historisch-materialistischen Theorie der Nation. Berlin, 1976. (*Козинг А.* Нация в истории и современности. Исследование в связи с историко-материалистической теорией нации. М.: Прогресс, 1978).

41 *Бромлей Ю. В.* Этнос и этносоциальный организм. — Вестник АН СССР, 1970, № 8, с. 48—54.

42 *Бромлей Ю. В.* Современные проблемы этнографии, с. 49.

43 Современные этнические процессы в СССР, с. 13 и сл. (См. также прим. 40).

44 *Сатыбалов А. А.* Методологические вопросы классификации типов этнических (национальных) общностей, с. 154.

45 *Могилянский Н. М.* Этнография и ее задачи, с. 102—105.

мевается, что в данной связи речь идет о небольшой группе, однако имеются и прямые указания на это. Так, в некоторых дефинициях «этнической группы» особо подчеркивается, что она «существует как субгруппа более крупного общества» [46]. Примерно в таком же духе обычно трактуются и другие термины, обозначающие этнические общности («ethnic unit», «ethnic community»); а также термин «ethnicity», который нередко соотносится (и даже отождествляется) с понятием «этническая группа» [47]. Правда, уже в первое послевоенное десятилетие отдельные зарубежные авторы стали допускать возможность использования этнической терминологии и применительно к крупным общностям людей; делалось это, однако, в весьма расплывчатой форме, например, оговаривалось, что под таковыми общностями имеются в виду «нации, которые еще не полностью осознали себя» [48]. Лишь в середине прошлого десятилетия стало более определенно декларироваться стремление расширить использование этнической терминологии с тем, чтобы не ограничивать ее только меньшинствами, а распространить также «на все группы общества. . . обладающие этническими свойствами» [49]. Однако в конкретных исследованиях зарубежных авторов до сих пор явно преобладает использование этнической терминологии для обозначения небольших этнических подразделений, что, впрочем, в определенной мере обусловлено и этнической структурой изучаемых ими стран.

Значительный разнобой в зарубежной литературе наблюдается и в отношении определения основных характерных черт этнических подразделений. При этом, хотя акцент преимущественно делается на субъективные факторы, однако нередко отмечаются и объективные признаки такого рода, а также условия их возникновения. Среди последних чаще всего называется общность предков, географического или государственного (национального) происхождения [50]. Более того, высказывается мнение, что именно факт происхождения людей является основным в концепции этнической группы. К примеру, согласно одному из современных определений «этнической единицы», таковой является «любой крупный коллектив, который объединен общностью происхожде-

---

[46] Dictionary of the Social Sciences/Ed. by J. Gould and W. L. Kolb. New York, 1964. Ср.: *Theodorson G. A.*, *Theodorson A. G.* A Modern Dictionary of Sociology. New York, 1969.

[47] См., например: *Isajiw W. W.* Definitions of Ethnicity, p. 111—132; Ethnicity and aging. New York, 1979, p. 1—3. О других значениях «ethnicity» см. выше, с. 11.

[48] *Francis E. K.* The nature of the ethnic group, p. 393—400. Ср.: *Naroll R.* On ethnic unit classification. — Current Anthropology, Oct. 1964, v. 5, N 4, p. 283, 288.

[49] См.: *Glazer N.*, *Moynihan D. P.* Introduction. . ., p. 4; *Nicolas G.* Fait «ethnique» et usages du concept d'«etnie». — Cahiers internationaux de sociologie. 1973, v. LIV, p. 99—100.

[50] В обзоре дефиниций «этнисити», сделанном в середине прошлого десятилетия В. В. Исаивым, в частности, отмечается, что наибольшее число такого рода дефиниций включает этот показатель (*Isajiw W. W.* Definitions of Ethnicity, p. 117).

ния»[51] (правда, при этом под общностью происхождения понимается фактически общность исторических судеб). Соответственно такого рода концепциям определенные свойства этнической группы выводятся из общего происхождения ее членов[52].

Что касается конкретных из этих свойств, то в данной связи преобладают указания (в общей форме) на культуру, культурные традиции[53]. Так, согласно одному из определений этнической группы — «это группа с общими культурными традициями и с чувством тождественности»[54]. «Общность культуры, — отмечается в другой работе, посвященной характеристике «этнической группы», — является, вероятно, наиболее важной ее общей чертой»[55]. Детализируя эту общую характеристику основных свойств этнических единиц, обычно прежде всего называют религию и язык или язык и культуру[56]. Этническая идентификация, отмечено, например, авторами введения к сборнику, специально посвященному проблеме «этнисити», базируется на таких факторах, как различия в религии, языке, государственном (национальном) происхождении[57]. Нередко указывается также наличие общих ценностей, ценностных ориентаций[58] или общего этноса лиц, составляющих этническое подразделение[59], а также на особенности стиля их жизни[60]. Иногда отмечается наличие у этнисити особых социальных институтов[61]. В число признаков этнической группы включается и территориально-организационная обособленность[62], наряду с этим, впрочем, можно встретить и мнение, что для существования этноса важны не столько территориальные, сколько социальные границы[63].

Наряду с социокультурными факторами в числе оснований для выделения «этнисити» довольно часто называются расовые или просто физические признаки людей[64]. «Этнисити», по словам одного из американских социологов, в прошлом в самой общей форме трактовалась как единица, имеющая биологическую основу, иногда ясно выраженную в терминах расовых различий; более

---

[51] *Francis E. K.* Interethnic Relations. . ., p. 6—7.
[52] См.: *Keyes Ch. F.* Towards a New Formulation of the Concept of Ethnic Group. — Ethnicity, 1976, vol. 3, N 3, p. 205.
[53] См.: *Isajiw W. W.* Definitions of Ethnicity, p. 117.
[54] *Theodorson G. A., Theodorson A. G.* A modern dictionary of sociology. New York, 1969, p. 4.
[55] *Parsons T.* Some Theoretical Considerations. . ., p. 57.
[56] *Héraud J.* Die Völker als die Träger Europas. — Ethnos (Wien—Stuttgart), 1967, Bd. IV, S. 5.
[57] *Glazer N., Moynihan D. P.* Introduction. . ., p. 18.
[58] *Barth F.* Introduction. — In: Ethnic Groups and Boundaries. Oslo, 1969, p. 14.
[59] См.: *Isajiw W. W.* Definitions of Ethnicity, p. 17.
[60] См.: *Parsons T.* Some Theoretical Considerations. . ., p. 65.
[61] См.: *Montagu A.* The concept of race. — American Anthropologist, 1962, v. 69, p. 919—928.
[62] См.: *Naroll R.* On ethnic unit classification, p. 285—309.
[63] См.: *Barth F.* Introduction. . ., p. 14—19.
[64] См.: *Isajiw W. W.* Definitions of Ethnicity, p. 17.

того, подчеркивает он далее, ранее были предприняты попытки отождествить «этнисити» с расой [65]. По его же собственному мнению, когда в таких случаях речь идет о расе (о родстве по крови), то имеется в виду, что это в основном культурный феномен, культурный символ, а не просто физиологическая данность [66]. Вместе с тем подчас прямо отмечается, что раса как таковая не должна включаться в дефиницию «этнисити» [67]. Наконец, совсем недавно в качестве альтернативы термина «этническая группа» был предложен термин «этническая популяция», которым обозначается группа людей со значительным числом общих поведенческих характеристик [68].

Особое значение зарубежными авторами при характеристике этнических образований придается субъективным факторам. Среди таковых и групповая идентификация, и чувство «мы», и сознание народности (peoplehood), и солидарность [69], и т. п. Весьма показательна в данной связи точка зрения Е. К. Френсиса, особо подчеркивающего фундаментальное значение для теории этнических общностей «релятивного» момента — взаимодействия этих общностей [70]. На особую роль в формировании этнических свойств «этнической ситуации», «межэтнических контактов» указывают и другие исследователи [71]. Однако, пожалуй, значительно более распространены представления, исходящие из субъективных факторов «внутригруппового» характера. Так, по мнению американских ученых Л. Варнера и Л. Срола, этнический термин может быть применен к «любому лицу, который сам, или его считают, членом группы с определенной культурой и который принимает участие в деятельности группы» [72]. Еще больший акцент на субъективной стороне проблемы делают Т. Шибутани и К. Кван, считающие, что «этническая группа состоит из лиц, которые постигают себя как некий вид; данные лица объединены эмоциональными связями и стремятся к сохранению их типа» [73], сама же этническая группа определяется при этом как совокупность «людей, которые мыслят себя подобными вследствие общего происхождения реального или фиктивного и таким же образом рассматриваются другими» [74]. Близка к этой точка зрения канадских социологов

---

[65] *Parsons T.* Some Theoretical Considerations. . ., p. 54—55.
[66] Там же, с. 74—75.
[67] См.: *Montagu A.* The concept of race, p. 919—928.
[68] *Abruzzi W. S.* Ecological Theory and Ethnic Differentiation among Human Populations. — Current Anthropology, 1981, vol. 23, N 1, p. 16.
[69] См.: *Isajiw W. W.* Definitions of Ethnicity, p. 117.
[70] *Francis E. K.* Interethnic Relations: An Essay in Sociological Theory. New York, 1976, p. 168.
[71] См.: *Barth F.* Introduction. . ., p. 14—19; *Cohen R.*, *Middleton J.* Introduction. — In: From Tribe to Nation in Africa. Seranton, 1970, p. 9; *Cohen R.* Ethnicity: Problem and Focus in Anthropology. — Annual Review of Anthropology, 1978, N. 7, p. 385—389.
[72] *Warner L. W.*, *Srole L.* The Social Systems of American Ethnic Groups, p. 28.
[73] *Shibutani T.*, *Kwan K. M.* Ethnic Stratification: A Comparative Approach. Macmillan Co. New York, 1965, p. 40.
[74] *Shibutani T.*, *Kwan K. M.* Ethnic. . ., New York—London, 1968, p. 572.

Р. Бретона и М. Пинарда, которые утверждают, что личность объединяется с этнической единицей «эмоциональными и символическими связями» [75]. По мнению немецкого этнолога В. Мюльмана, этнос — это «единство, самоосознаваемое людьми» [76]. Не многим от этой отличается и позиция француза М. Маже, рассматривающего этнос как «совокупность физических лиц, которые коллективно и бессознательно приписывают себе определенные ценностные характеристики» [77]. В том же ряду стоит точка зрения М. Вебера, предлагающего именовать этническими группами «те группы людей, которые поддерживают субъективную веру своего общего происхождения, исходя из физического сходства или обычаев, либо того и другого, или исходя из памяти о колонизации и эмиграции» [78]. Нетрудно вместе с тем заметить, что хотя в данном определении и делается акцент на субъективной стороне проблемы, однако учитываются и отдельные объективные факторы. Аналогичный подход к проблеме характерен и для некоторых современных исследователей. Так, Т. Шибутани и К. Кван пишут: «Этнические категории — субъективны, поскольку они существуют только в мышлении людей, однако они не субъективны в том смысле, что человек может объявить себя, как угодно. Эти категории объективны, так как они являются прочно закрепленными верованиями, разделяемыми большим количеством людей, и они объективны, поскольку существуют независимо от желания отдельных индивидов» [79]. В том же ряду стоит дефиниция этнической группы, которую дает Ф. Барт, считающий, что определяющим признаком этой единицы выступает не столько культурное тождество составляющих ее индивидов, сколько сознание этого тождества [80]. Попытка явно «компромиссного» соединения объективных и субъективных факторов предпринята В. В. Исаивым. Он характеризует этнисити «как непроизвольную группу людей, обладающих общей культурой или относящихся к потомкам таких людей, которые самоотождествляются или при отношениях с иными лицами причисляют себя к общей непроизвольной группе» [81]. Тенденция сочетать объективные и субъективные факторы при характеристике этноса прослеживается и у французского социолога Г. Николя [82]. В англоязычной литературе весьма определенно фиксирует роль этих двух начал для этнисити П. Л. ван ден Берге, который указывает, что таковая «всегда является

---

[75] *Breton R., Pinard M.* Group formation among imigrants: Criteria and processes. — Canadian Journal of Economics and Political Science, 1960, v. 26, p. 465—477.
[76] *Mühlmann W.* Rassen, Ethnien, Kulturen. Berlin, 1964, S. 57.
[77] *Maget M.* Problems d'ethnographie europeene. — Ethnologie generale, Paris, 1968, p. 1326.
[78] *Weber M.* Economy and Society. Bedminster Press. New York, 1968, v. 1, Chapter 5, p. 389.
[79] *Shibutani T., Kwan K. M.* Ethnic Stratification, p. 47.
[80] *Barth F.* Introduction. . ., p. 13.
[81] *Isajiw W. W.* Definitions of Ethnicity. p. 122.
[82] *Nicolas G.* Fait «ethnique». . ., p. 102.

продуктом взаимодействия объективных и субъективных факторов» [83].

Наконец, в литературе на английском языке особо следует выделить точку зрения Р. Наролла, постулирующего невозможность дать качественно единый критерий выделения «основной этнической группы»; соответственно он предлагает в каждом конкретном случае учитывать различные факторы: самосознание (если оно есть), сознание общности происхождения, формы брачно-семейных отношений, религию, а главным образом — языковое тождество и территориально-организационную обособленность [84].

В русскоязычной литературе первая обстоятельная характеристика этноса принадлежит, как уже говорилось, С. М. Широкогорову. Согласно его определению, «этнос есть группа людей, говорящих на одном языке, признающих свое единое происхождение, обладающих комплексом обычаев, укладом жизни, хранимых и освященных традицией и отличаемых ею от таковых других» [85]. Однако такое понимание этноса у С. М. Широкогорова удивительным образом сочетается с причислением этой общности к биологическим [86]. Впрочем, подобные представления довольно живучи.

В частности, в последнее время в нашей литературе можно встретить мнение, что этносы представляют собой биологические единицы — популяции [87] или же системы, «возникающие вследствие некоей мутации» [88].

Однако в целом среди наших специалистов явно преобладает представление об этносе как социальном явлении в широком смысле этого слова. Вместе с тем и в рамках этого общего подхода к пониманию природы этноса в его конкретных дефинициях имеются немалые расхождения. Одни авторы, например, в качестве главных признаков этноса называют язык и культуру [89], другие добавляют к этому территорию и этническое самосознание [90], некоторые указывают, кроме того, на особенности психического склада [91]; в этом же ряду подчас отмечаются антропологические особенности [92]; включается в число этнических признаков и общность происхождения [93], а также государственная принадлеж-

---

[83] *Berghe P. L. van den.* Ethnic Pluralism in Industrial Societies: A Special Case? — Ethnicity, 1976, v. 3, N 3, p. 254.
[84] *Naroll R.* On ethnic unit classification, p. 285, 287, 309.
[85] *Широкогоров С. М.* Этнос. . ., с. 122.
[86] Там же, с. 28.
[87] *Гумилев Л. Н.* О термине «этнос», с. 14—15.
[88] *Гумилев Л. Н.* Биосфера и импульсы сознания — Природа, 1978, № 12, с. 97; *Бородай Ю. М.* Этнические контакты и окружающая среда — Природа, 1981, № 9, с. 82.
[89] *Кушнер П. И.* Этнические территории и этнические границы, с. 6.
[90] *Чебоксаров Н. Н.* Проблемы типологии. . . с. 99; *Козлов В. И.* Проблема этнического самосознания и ее место в теории этноса — СЭ, 1974, № 2.
[91] *Козлов В. И.* О понятии этнической общности, с. 107—108, 111.
[92] *Чистов К. В.* Этническая общность. . ., с. 75; *Артановский С. Н.* Некоторые проблемы теории культуры. Л., 1977, с. 52.
[93] *Шелепов Г. В.* Общность происхождения. . ., с. 65—73.

ность [94]. Высказывалось и мнение, что ни один из признаков этноса не является непременным [95]. Вместе с тем отмечалось, что этносы — целостные системы, неразрывно связанные с социально-экономическими факторами [96]. Обращалось внимание и на отдельные виды внутренних связей различных типов этнических общностей [97]. Подчеркивалась также необходимость искать «специфическое начало теории этнической общности» в историко-генетическом подходе к проблеме [98].

Чем же обусловлен весь этот разнобой в характеристике этнических категорий не только в зарубежной, но и в отечественной научной литературе? Ответ на этот вопрос, на наш взгляд, следует искать прежде всего в том, что нередко этническая терминология используется для обозначения разных явлений объективной реальности. Как мы могли только что убедиться, в одних случаях в данной связи подразумеваются только биологические общности (популяции), в других и биологические (расовые) и социальные общности, в-третьих — только социальные. При этом в последнем случае имеются в виду либо все народы мира, либо только те из них, что находятся на архаической ступени развития, либо вообще лишь отдельные обособленные части народов. В тех же случаях, когда для выявления характерных свойств этнических единиц берутся сравнительно однотипные объекты (например, народы мира), многозначность в определении таких свойств в значительной мере обусловлена сложностью самих этих объектов. К тому же сказываются и различия в подходе к решению задачи выявления тех свойств рассматриваемых объектов, которые могут быть определены как наиболее типичные черты этнических единиц. Даже приведенные выше самые общие сведения о дефинициях этнических образований в зарубежной и отечественной научной литературе дают, в частности, основание полагать, что нередко в данной связи дело ограничивалось либо фиксацией внешних свойств этих образований, либо выделением одной из характерных черт, либо простым перечнем нескольких из них. Все эти терминологические расхождения в свою очередь сопряжены с различиями идейно-теоретического характера. В частности, сказывается присущая буржуазной науке тенденция к абсолютизации отдельных аспектов этнических явлений, гипертрофированию этнического самосознания, выдвижению на передний план этнических факторов взамен классовых и т. п.[99]

---

[94] *Токарев С. А.* Проблема типов этнических общностей. . ., с. 44.

[95] Там же, с. 43—46.

[96] *Бромлей Ю. В.* Этнос и этнография, с. 27—31.

[97] *Токарев С. А.* Проблема типов. . . с. 43—46; *Арутюнов С. А., Чебоксаров Н. Н.* Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества — В кн.: Расы и народы. М., 1972, вып. 2, с. 8—30.

[98] *Лашук Л. П.* Концепция специфического начала теории этнической общности, с. 64—66.

[99] Критический анализ буржуазных концепций в области этнической проблематики см.: *Труфанов И. П.* О некоторых тенденциях в исследовании

Немалую роль в расхождениях, имеющих место при характеристике этнических категорий, играют и различия познавательно-методологического плана. Прежде всего это относится к довольно распространенному в подобных случаях односторонне «дедуктивному» подходу, в силу которого оказывается возможным весьма вольный «подбор» основных параметров для определяемого термина. А это в свою очередь подчас ведет к тому, что одним и тем же термином обозначаются далеко не идентичные явления объективной реальности.

В свете всего сказанного, на наш взгляд, необходимым предварительным условием определения характерных свойств этнических общностей является ориентировочное выделение (на основе существующих обыденных и теоретических знаний) тех совокупностей людей, отнесение которых к категории таковых общностей представляется целесообразным на данном этапе развития науки. Далее на пути восхождения от абстрактного к конкретному надлежит выявить «сквозные» черты, объединяющие эти общности, не ограничиваясь при этом, разумеется, лишь их внешними признаками. Одновременно, синтезируя индуктивный и дедуктивный подходы к проблеме, неизбежно придется соотносить изучаемый объект с другими «ближайшими» к нему явлениями (общностями людей). Только таким путем возможно определить место этноса среди других человеческих общностей. Поскольку, однако, в целом система таковых общностей все еще остается недостаточно разработанной, необходимой предпосылкой решения данной задачи оказывается рассмотрение хотя бы основных черт этой системы. Правда, на первый взгляд такое обращение здесь к проблемам общего характера может показаться излишним, однако, по нашему мнению, оно достаточно оправдано, ибо, как подчеркивал В. И. Ленин, «. . .кто берется за частные вопросы без предварительного решения общих, тот неминуемо будет на каждом шагу бессознательно для себя «натыкаться» на эти общие вопросы» [100].

этносоциальных процессов в США — СЭ, 1972, № 4, с. 180—184; *Бадалян И. А.* Некоторые методологические аспекты этнической проблематики в работах современных социологов и этнографов Запада — СЭ, 1976, № 1, с. 155—165; *Таболина Т. В.* Опыт классификации зарубежных концепций этнических процессов — В кн.: Изучение преемственности этнокультурных явлений. М., 1980, с. 184—201; *Она же.* Основные направления изучения этнических процессов в современной американской литературе — В кн.: Всесоюзная конференция «Этнокультурные процессы в современном мире». Краткие тезисы докладов и сообщений. Элиста, 1981, с. 169—170; *Чертина З. С.* Национальные отношения при социализме в буржуазной историографии США. М., 1982, с. 34—67; *Баграмов Э. А.* Национальный вопрос в борьбе идей. М., 1982, с. 27—62; *Евтух В. В.* Историография национальных отношений в США и Канаде (60—70-е годы). Киев, 1982, с. 49—74 и др.

[100] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 15, с. 368.

Очерк второй

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ОСНОВНЫХ ВИДОВ ОБЩНОСТЕЙ ЛЮДЕЙ

Будучи единым биологическим видом (Homo sapiens), развиваясь по общим социальным законам, человечество вместе с тем распадается на многочисленные группы. Такие группы в русскоязычной литературе в целом обычно именуются «общностями людей». Выделение их, как и любая классификация, в немалой мере зависит от исходных посылок. Многие из таковых, имеющие общеметодологический характер, достаточно хорошо известны — это основные положения марксистско-ленинской теории познания [1]. Поэтому ограничимся здесь лишь некоторыми предварительными замечаниями специального характера. Прежде всего представляется необходимым условиться о том значении, которое вкладывается в сам термин «общность». Такая необходимость обусловлена тем, что это слово в русском языке, как и во многих других, не однозначно. Его различные значения в русском с известной долей условности могут быть сведены к двум основным: во-первых, «общность» — это одинаковость явлений по какому-то признаку; во-вторых, неразрывная связь, целостность [2]. Для удобства эти два значения рассматриваемого слова могут быть, на наш взгляд, представлены как общность — одинаковость (идентичность) и общность — объединение. В обиходном русском языке, судя по всему, первое из указанных значений является наиболее распространенным [3]. В научном же лексиконе слово «общность» у нас чаще всего употребляется во втором значении. И такое его употребление представляется предпочтительным. Дело не только в общей нежелательности менять (без особых на то причин) устоявшиеся понятия. Необходимо также учитывать становящуюся все более насущной потребность в международной конвенциональности при использовании понятийного аппарата не только в области естественных, но и общественных наук. Между тем в отличие от русского языка в других международных языках, для которых этот статус признан ООН, слово «общность» обычно подразумевает прежде всего различные виды целостных объединений [4]. Принимая во внимание все это, мы от-

---

[1] См., например: Методологические проблемы общественных наук. М.: Наука, 1979, раздел 1.

[2] См.: Словарь современного русского языка. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1959, т. 8, с. 551—552.

[3] На это косвенно указывает обычно приводимый набор соответствующих синонимов: одинаковость, совпадения, тождество, равенство, идентичность (*Александрова З. Е.* Словарь синонимов русского языка. М.: Сов. энциклопедия, 1969, с. 302).

[4] Так, в англ. языке слово «общность» — «community» — означает также «общину» и «общество»; во франц. языке это слово — «communaute»,

даем предпочтение такому его употреблению; а в тех случаях, когда все же приходится в данной работе использовать слово «общность» в значении «одинаковость», это специально оговаривается (разумеется, если не очевидно из контекста).

Выделяя различные виды общностей людей, представляется эвристичным учитывать предложения, касающиеся разграничения простой классификации явлений и их типологизацию в узком значении данного слова (выделение типов). Согласно этой точки зрения, классифицировать явления можно по любому признаку в полном отвлечении от его значимости для таковых. Решающую роль в этом случае при выборе признака играет цель классификации. Иными словами, основание классификации нейтрально по отношению к сущности явления. Этим классификация отличается от собственно типологизации. Задача последней — выработка целостного представления об органическом единстве набора существенных признаков, выражающих сущность явления [5]. Поэтому, если даже в классификации используется простое сочетание нескольких конкретных признаков явления, она все же остается неспособной выявить внутреннюю организацию группируемого множества [6] и не достигает уровня типологизации, которая предполагает раскрытие явления как системы.

Характеризуя общности людей, все это непременно следует иметь в виду, ибо на земном шаре существовало и существует необозримое число такого рода образований самой различной величины: от двух человек до всего человечества. И их простая классификация практически беспредельна.

Ограничиваясь здесь упоминанием наиболее важных разновидностей общностей людей, напомним, что среди таковых обычно прежде всего различают временные и устойчивые образования. Первые объединяют людей на сравнительно короткий срок, охватывающий часть их жизни (организации молодежи, учащихся и т. п.); более того, каждый человек может временно оказаться членом общности, которая, строго говоря, является случайной (пассажиры в поезде, в самолете и т. п.). Устойчивые же формы общности людей объединяют их на протяжении не только всей жизни, но и многих поколений. Состав многопоколенных, потомственных общностей всегда текучий: члены общности покидают ее, умирают, вступают новые, но, несмотря на эти изменения, общность продолжает существовать как одно и то же целое,

---

помимо «общности», значит «общество», «коллектив», «община», «сообщество», «объединение»; в испан. языке интересующее нас слово — «comunidad» — аналогичным образом наряду с «общностью» означает «общество», «коллектив», «корпорация», «сообщество», «община».

[5] См.: *Тульчинский Г. А., Светлов В. А.* Логико-семантические основания классификации. — В кн.: Типы в культуре. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1979, с. 26, а также выступление Г. А. Тульчинского в том же сборнике, с. 169.

[6] См.: *Коган М. С.* Классификация и систематизация.— В кн.: Типы в культуре, с. 7—8.

нередко на протяжении столетий и даже нескольких социально-экономических формаций.

Объединения могут охватывать людей и на очень большой и на очень малой территории, а также быть экстерриториальными. Общности могут быть более плотными и более дисперсными, т. е. члены общности могут жить вместе или быть рассеяны среди других людей [7].

Трактовка общности людей как объединения неизбежно предполагает наличие между ними определенных связей, представляющих собой обмен информацией, веществом и энергией. Этим общность-объединение отличается от общностей-одинаковостей (или простых множеств людей), выделяемых на основе идентичных внешних признаков, за которыми не стоят внутренние связи. Например, могут быть выделены множества блондинок, высоких людей, долихокефалов и т. п. Такие общности-одинаковости принято именовать условными, или «статистическими», группами, выделенными исследователями на основе условного признака [8]. Этим общностям противопоставляются так называемые реальные группы, охватывающие реально взаимодействующих друг с другом людей [9], т. е. общности-объединения.

Связи внутри общностей-объединений могут быть поверхностными (внешними) и глубинными (сущностными). Они могут иметь характер непосредственных (личных) контактов, а могут быть опосредованными (обезличенными), причем в малочисленных общностях, как правило, преобладают непосредственные, прямые личные контакты, в многочисленных — опосредованные, косвенные. Малочисленные общности подчас называют «малыми» [10] группами, многочисленные — «большими» или иначе — «первичными» и «вторичными». В «первичных» группах их члены не только

---

[7] См.: *Поршнев Б. Ф.* Социальная психология и история. М., 1966, с. 84—85; *Щепаньский Я.* Элементарные понятия социологии. М.: Прогресс, 1969, с. 119, 126.

[8] Подчас к условным относят и те группы, члены которых «имеют лишь косвенные объективные взаимоотношения» (*Платонов К. К.* Общие проблемы теории групп и коллективов. — В кн.: Коллектив и личность. М.: Наука, 1975, с. 6). Однако в силу объективного характера этих взаимоотношений нет никаких оснований считать их условными и, стало быть, вряд ли правомерно именовать и соответствующие группы «условными». Кстати сказать, весьма показательно, что в рассматриваемом случае к условным отнесены группы, выделенные по национальному признаку (там же, с. 6).

[9] См.: *Обозов Н. Н.* Общие понятия о группах и коллективах. — В кн.: Социальная психология. История. Теория, эмпирические исследования. Л.: Изд. Ленинград. ун-та, 1979, с. 122; *Семенов В. Е.* Разновидности больших групп в социальной психологии. — В кн.: Социальная психология. . ., с. 188.

[10] Правда, существует мнение, что понятие «контактная группа» более точно, чем «малая группа» (См.: *Уманский Л. И.* Критерии групповой диагностики. — В кн.: Коллектив и личность, с. 77). Однако в данном случае остается открытым вопрос о соответствующем наименовании группы, основанной на опосредованных контактах (она ведь тоже контактная).

осознают свое членство, но и знают друг друга в лицо [11], тогда как единство членов «вторичных» групп требует применения каких-либо символических средств для своего выражения [12].

Представляется также существенным учитывать, что взаимосвязи людей внутри общностей могут иметь не только синхронный, но и диахронный характер. Поскольку в последнем случае большинство человеческих общностей состоит из представителей разных возрастных групп, само развитие таких общностей представляет собой процесс последовательной смены и преемственности поколений [13]. При этом, хотя между людьми, составляющими общность, в момент ее фиксации наблюдателем могут отсутствовать синхронные данному моменту взаимодействия, однако эти люди обладают однотипными чертами благодаря межпоколенным потокам информации, восходящим к их общему прошлому [14]. В частности, именно на этом основано выявление историко-генетической общности отдельных групп людей, не имеющих в момент исследования непосредственных контактов [15]. Но и для тех человеческих объединений, у которых налицо внутренние синхронные взаимоотношения, значимость диахронных связей может быть весьма существенной, поскольку в большинстве случаев единство таких общностей возникает в ходе их генезиса [16]. Вместе с тем следует иметь в виду, что однотипность определенной совокупности отдельных общностей людей может быть порождена не только историко-генетическим родством этих общностей или их взаимодействием в прошлом, но и просто аналогичными условиями общественного развития [17].

Человеческие общности-объединения нередко обладают новыми интегративными свойствами, не характерными для отдельных входящих в них людей. Значимость этих свойств для таких общностей, однако, может быть различной. В одних случаях, хотя и обнаруживаются некоторые «кооперативные черты» у людей,

---

11 Общение в таких группах имеет полифункциональный характер. В частности, предлагается выделять такие его коммуникативные функции, как информационная, аффективная и регулятивная (см.: *Ломов Б. Ф.* Общение и социальная регуляция поведения индивида. — В кн.: Психологические проблемы социальной регуляции поведения. М., 1976, с. 124—125).

12 *Sprott W. J. H.* Human Groups. Harmonds worth, 1969 (1-st Ed. — 1958), p. 11—16; *Chaplin I. P.* Dictionary of psychology. New York, 1971, p. 378, 491.

13 Ср.: *Кон И. С.* Возрастные категории в науках об обществе и человеке. — Социологические исследования, 1978, № 3, с. 80.

14 См.: *Чебоксаров Н. Н., Арутюнов С. А.* Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества. — В кн.: Расы и народы. М., 1972, 2, с. 19 и сл.

15 См., например: *Жирмунский В. М.* Эпическое творчество славянских народов и проблема сравнительного изучения эпоса. М., 1958, с. 6—7; *Першиц А. И.* К проблеме сравнительно-исторического синтеза (на примере этнографической информации об отставших в своем развитии народов Востока). — НАА, 1980, № 4, с. 76—78.

16 Ср.: *Фофанов В. Н.* Социальная деятельность как система. Новосибирск, 1981, с. 31.

17 Ср.: *Жирмунский В. М.* Эпическое творчество. . ., с. 6—7.

входящих в общность, однако эти черты не существенны как для нее в целом, так и для ее членов; в свою очередь изменение свойств отдельных членов таких общностей не имеет для нее значения (например, пассажиры автобуса). В этих случаях перед нами общности-объединения суммативного, собирательного характера. В других случаях общие связи между отдельными частями объединения, как и с его средой, придают ему особые свойства, отличные от тех, которыми обладают его части. При этом такие общие свойства объединения могут быть для него настолько существенны, что их значительное изменение влечет за собой распад системы. Такие образования представляют собой целостные системы, одной из характерных черт которых является также их внутренняя неоднородность [18]. Существенный показатель целостной системы — наличие у нее особых связей, благодаря которым она противостоит своей среде как нечто единое. Такого рода связи обычно именуются системообразующими. Вместе с тем нередко для функционирования той или иной системы как единого целого немаловажную роль играют связи, которые, хотя относятся к среде существования данной системы и, стало быть, как бы находятся за пределами таковой, тем не менее выступают в качестве важного «основания» интегрирования ее составных частей. Примером может служить такая социальная общность, как семья: для нее системообразующими являются брачно-семейные отношения, однако существенную роль могут играть также поселенческие, языковые, идеологические и другие связи. Такие «внесистемные» связи компонентов системы предлагается именовать «средовыми». Они по отношению к системе чаще всего выступают как «базисные», а внутрисистемные связи в таком случае могут характеризоваться как «профилирующие» [19]. Если общность-целостность самостоятельно развивается и воспроизводит себя, то она может рассматриваться как «органическая система» [20].

Отличаются объединения людей также и тем, что одни из них сложились помимо воли и сознания отдельных индивидуумов, другие же были созданы по желанию вошедших в них людей. Общности людей могут быть разграничены и в зависимости от того, сознают их члены такую общность или не сознают; при этом одна и та же общность в зависимости от конкретных условий может обладать или не обладать самосознанием (например, «класс в себе» и «класс для себя»). Члены общностей, обладающие самосознанием, идентифицируют друг друга на основе различных признаков. Это может быть определенная идеология, обладание особыми предметами, проживание на общей территории, выполнение

---

[18] См.: *Кузьмин В. П.* Категория меры в марксистской диалектике. М., 1966; *Он же.* Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. М.: Политиздат, 1976; *Афанасьев В. Г.* О целостных системах. — ВФ, 1980, № 6, с. 66—67, 74.

[19] Ср.: *Фофанов В. Н.* Социальная деятельность. . ., с. 57.

[20] Ср.: *Фофанов В. Н.* Социальная деятельность. . ., с. 31—32.

тех или иных ритуальных действий, специфические черты внешности и т. п. На данной основе развивается чувство как идентичности, выражаемое словом «мы», так и отличия от других общностей, обозначаемое словом «они».

Общности, обладающие самосознанием, могут иметь собственную внутреннюю организацию, т. е. специальные институты, формы контроля, образцы деятельности. Такого рода общности в зарубежной науке нередко подразделяют на «формальные», т. е. обладающие фиксированными средствами внутренней организации, и «неформальные», которые, не имея таковых, действуют на основе нефиксированных организационных средств [21]. Более точным представляется классификация подобных групп на официальные и неофициальные. Официальная организация предполагает определение извне структуры группы: функциональные обязанности ее членов определены официально. Деятельность неофициальной группы регулируется внутренними структурными особенностями, которые формируются вследствие психологического, а не правового взаимодействия людей [22]. Кроме того, иногда выделяют неорганизованные группы (конгломераты), к которым относятся все группы, участвующие в массовых мероприятиях (театр, кино, экскурсия и т. п.) [23].

Как известно, каждый человек «охвачен» целой сетью различных связей с другими людьми. Поэтому задача типологизации общностей людей может быть с известной мерой условности представлена как выделение сгустков связей, объединяющих людей в отдельные совокупности. При этом в силу многообразия связей одни и те же лица одновременно оказываются в целом ряде общностей, различающихся не только масштабами и характером этих связей, но и их интенсивностью. К тому же интенсивность такого рода связей может быть разной у однотипных контактов, осуществляемых в пределах, различных по своим масштабам, но между собой так или иначе сопряженных образований; в результате возникает своеобразная иерархия однотипных общностей.

Связи, объединяющие конкретные человеческие общности, в соответствии с биосоциальной природой людей могут иметь как биологическое, так и социальное основание. Ведь человек представляет собой единство двух начал — социального и биологического [24]. В силу этого существуют как социальные, так и биологические общности.

Хотя человек «не выпрыгивает» из природы, остается ее частью, однако еще в ходе антропогенеза определяющим началом в раз-

---

[21] См.: *Krech D., Crutchfield R., Ballachey E.* Individual in society. New York, 1962, p. 420—421; *Щепаньский Я.* Элементарные понятия. . ., с. 118, 138, 139.

[22] См.: *Обозов Н. Н.* Общие понятия. . ., с. 123.

[23] См.: *Платонов К. К.* Общие проблемы. . ., с. 10.

[24] См., например: *Буева Л. П.* Человек и общественный прогресс. — ВФ, 1982, № 2, с. 34; *Дубровский Д. И.* Проблема «психика и мозг» в свете категорий социального и биологического. — ВФ, 1982, № 5, с. 66—67.

витии человечества стали социальные факторы, значение которых по мере его поступательного движения все более возрастало. Поэтому представляется целесообразным рассмотрение отдельных форм человеческих общностей начать с их социальных разновидностей.

Существует мнение, согласно которому социальными общностями являются только те совокупности людей, которые имеют общее самосознание [25]. Однако при этом явно упускается из вида, что в подобном случае за пределами социальных оказываются, например, такие общности, как экономическая общность, общности по некоторым сферам культуры и даже классовые общности (в частности «класс в себе»).

Характеризуя социальные общности в целом, необходимо различать объединения людей по одной строго определенной отдельной сфере общественной жизни (например, языковая общность) и общности, охватывающие сразу несколько таких сфер (например, племя, семья и т. п.).

Реальным основанием для существования подавляющего большинства социальных общностей является целенаправленная деятельность людей, составляющая их главное свойство. Подчеркивая сущность людей как деятелей, как субъектов исторического процесса, В. И. Ленин отмечал, что «. . .история вся слагается именно из действий личностей, представляющих из себя несомненно деятелей» [26]. Иначе говоря, общественная жизнь людей есть не что иное, как непрекращающийся процесс деятельности. Этот процесс представляет собой чрезвычайно сложный комплекс взаимосвязанных, взаимопроникающих координированных человеческих усилий, направленных на решение различных проблем, встающих в ходе социальной жизни. При этом следует различать: а) направленность деятельности — сферы приложения активности человеческих индивидов, или виды деятельности; б) взаимоотношения, которые возникают между людьми в процессе деятельности; в) способ деятельности, средства и механизмы ее осуществления [27].

Основоположниками марксизма неопровержимо доказано, что определяющей для общественного развития сферой человеческой деятельности является производство материальных благ. Оно имеет, как известно, две диалектически взаимосвязанные стороны: производительные силы, выражающие отношения людей к природе, и производственные отношения — отношения между людьми в процессе производства. «Чтобы производить, — писал К. Маркс, — люди вступают в определенные связи и отношения, и только в рамках этих общественных связей и отношений существует их отношение к природе, имеет место производство» [28].

---

[25] *Козлов В. И.* О понятии этнической общности. — СЭ, 1967, № 2, с. 103, прим. 9.
[26] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. I, с. 159.
[27] *Маркарян Э. С.* Очерки теории культуры. Ереван, 1969, с. 212—213.
[28] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 6, с. 441.

Характером производственных отношений в конечном счете и определяется тип общества.

Соответственно главным критерием выделения такой важнейшей социальной ячейки, как классы, марксизм-ленинизм считает отношение людей к средствам производства. Именно этот момент подчеркивает данная В. И. Лениным характеристика классов, как больших групп людей, различающихся «по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают» [29]. С момента возникновения классов они выдвигаются в жизни общества на передний план. Поэтому деление на классы приобретает в ней гораздо большее значение, чем принадлежность людей к иным социальным общностям. Соответственно важнейшее требование научного изучения классовых обществ сводить корни общественных явлений «*к интересам* определенных классов» [30].

Производственно-экономической деятельностью, играющей важнейшую роль в жизни общества, деятельность людей, однако, не ограничивается. Она включает, например, и такие виды деятельности, как общественно-политическая, научно-теоретическая, художественно-эстетическая. Во всех видах деятельности осуществляется общение между людьми, без которого, собственно, невозможна общественная практика [31]. Совокупность же складывающихся при этом общественных отношений [32] вместе с базирующимися на них институтами и представляет содержание каждой конкретной социальной системы как реально функционирующей и развивающейся целостности. При этом нередко социальная система выступает как носитель общих интересов, играющих для нее роль своеобразного системообразующего фактора. Как указывали К. Маркс и Ф. Энгельс, «*интерес*, — вот что сцепляет друг с другом членов гражданского общества» [33]. Такого рода специфические интересы социальной общности могут быть осознаны или не осознаны индивидами, входящими в данную общность, но они во многом и предопределяют их поведение [34].

---

[29] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 39, с. 15.

[30] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 1, с. 532.

[31] *Буева Л. П.* Социальная среда и сознание личности. М., 1968, с. 57—59.

[32] Характеризуя структуру общественных отношений, В. И. Ленин отмечал, что они «делятся на материальные и идеологические. Последние представляют собой лишь надстройку над первыми, складывающимися помимо воли и сознания человека как (результат) форма деятельности человека, направленной на поддержание его существования» (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 1, с. 149).

[33] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 2, с. 134.

[34] См.: *Айзикович А. С.* Важная социологическая проблема. — ВФ, 1965, № 17, с. 167; *Дашдамиров А. Ф.* Нация и личность. — Баку: Элм, 1976, с. 24.

Отправные представления о «социальных общностях» также во многом зависят от того значения, которое вкладывается в сами понятия «социальное», «социальные отношения». В нашей современной литературе эти понятия обычно рассматривают в двух планах: в широком и узком [35]. В первом случае «социальными» именуются все общественные явления. Иными словами, сюда включаются явления экономические, языковые, политические, национальные, правовые, нравственные, эстетические и т. д. Во втором случае [36] под «социальными» понимаются лишь отношения между основными элементами социальной структуры общества [37]: прежде всего классами, а также социальными группами, стоящими вне классов, и внутриклассовыми социальными слоями. При этом существует мнение, что не только в первом, но и во втором случае имеется в виду, что социальные отношения охватывают все отдельные виды общественных отношений, как бы синтезируя их [38], разумеется, лишь в сфере взаимодействия основных элементов социальной структуры общества. Очевидна и необходимость терминологического разграничения указанных двух значений слова «социальный»; в ожидании соответствующих предложений представляется целесообразным для его первого (широкого) значения использовать слово «общественный» [39].

Обобщающий типологический подход к общественным явлениям наиболее яркое и законченное воплощение получил в марксистском учении о социально-экономических формациях, критерием выделения которых и служат, как известно, определенные производственные отношения. Именно это имел в виду В. И. Ленин, когда писал, что исторический материализм Маркса «дал вполне объективный критерий, выделив *производственные отношения*,

---

[35] См., например: Строительство коммунизма и развитие общественных отношений. М., 1966, с. 7—8; *Павленок П. Д.* Формирование и развитие социально-классовой структуры социалистического общества. М.: Изд-во МГУ, 1978, с. 8; Методологические проблемы общественных наук, с. 98—99.

[36] Иногда выделяют три трактовки понятия «социальные отношения», рассматривая в качестве их отдельной разновидности отношения между всеми группами, входящими в определенную историческую общность (см. об этом: *Руткевич М. Н.* Методологические проблемы изучения социальной структуры социалистического общества. Свердловск, 1972, с. 3).

[37] Иными словами, теми элементами общества, суть существования которых составляют производственные отношения. Подчас, правда, можно встретить возражения против употребления термина «социальный» в узком и широком значении. Однако, если принять это возражение, то придется отказаться от таких, например, терминов, как «социально-экономический», ибо в нем слово «социальный» явно имеет «узкое значение», т. е. не охватывает все общественные явления; в ином случае употребление второго в составе рассматриваемого термина — слова «экономический» — оказалось бы лишенным всякого смысла.

[38] См.: *Плетников Ю. К.* О природе социальной формы движения. М.: Изд-во МГУ, 1971, с. 67—68.

[39] Ср.: *Дроздов А. В.* Понятие социальной структуры как социологическая категория. — В кн.: Проблемы исторического материализма. Л., 1971, с. 20.

как структуру общества, и дав возможность. . . обобщить порядки разных стран в одно основное понятие *общественной формации*» [40].

Что касается типологической характеристики остальных макросоциальных единиц, то в нашей научной литературе не до конца преодолены трудности терминологического порядка, связанные с обозначением основных из этих единиц, т. е. тех, что выступают в качестве самостоятельных ячеек социального развития.

Обычно для обозначения такого рода единиц применяется слово «общество». Однако это слово многозначно. Одно из его значений — совокупность всех людей. Употребляется оно и в смысле, близком к понятию «социально-экономическая формация» (феодальное общество, капиталистическое общество и т. д.). К тому же это слово довольно плохо принимает множественное число [41].

Не бесспорно и предложение употреблять в интересующей нас связи термин «страна». Явно доминирующая роль пространственно-территориального значения делает этот термин, на наш взгляд, малопригодным для обозначения единиц самостоятельного социального развития [42]. К тому же он довольно неопределенен. Не случайно его иногда характеризуют как завуалированный синоним государства [43]. Что касается самого термина «государство», то он тоже не однозначен. Его основное значение в марксистской литературе — это «машина для поддержания господства одного класса над другим» [44]. Но в таком значении данный термин, естественно, не может выступать в роли символа, обозначающего макроединицу социального развития. Правда, более приемлемо использование для этой цели второго значения слова «государство», когда под ним подразумевают конкретную территориальную общность людей, на которую простирается власть определенной политической организации экономически господствующего класса [45]. Однако не следует забывать, что при первобытнообщинном строе государства как особого органа власти, отдельного от народа, не существовало. В силу этого слово «государство» (и во втором своем значении) имеет исторически ограниченный характер.

---

[40] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 1, с. 137.

[41] *Поршнев Б. Ф.* Мыслима ли история одной страны? — В кн.: Историческая наука и некоторые проблемы современности. М., 1969, с. 305.

[42] Например, Польшу после разделов, разумеется, нельзя было характеризовать как самостоятельную единицу социального развития, хотя, очевидно, не будет большой ошибкой говорить о Польше как о стране.

[43] *Поршнев Б. Ф.* Мыслима ли история одной страны?, с. 306.

[44] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 39, с. 73.

[45] Это, в частности, фиксируют нормативные словари русского языка, в которых обычно указывается, что одно из значений слова «государство» — «страна и ее население, находящееся под властью определенного правительства» (Словарь современного русского литературного языка. М.; Л., 1954, т. 3, с. 338. Ср.: Толковый словарь русского языка. М., 1935, т. I, с. 609).

В свете всего сказанного привлекает внимание попытка Ю. И. Семенова ввести общий для всех исторических эпох термин, специально обозначающий самостоятельные единицы социального развития. Он предложил именовать такого рода единицы «социальными организмами». При этом социальные организмы родового общества характеризуются им как социально-бытовые, а классового — как социально-политические [46].

Предложение Ю. И. Семенова не осталось незамеченным. Понятие «социальный организм» постепенно стало появляться на страницах наших научных изданий [47]. Но вместе с тем обнаружилась и другая тенденция: несколько настороженное отношение к этому понятию [48]. В известной мере, очевидно, сказывается как «биологическое» происхождение слова «организм», так и то, что понятие «социальный организм» было широко использовано философами-позитивистами. Однако, несмотря на все это, В. И. Ленин, как известно, считал возможным употреблять это понятие [49].

Разумеется, используя категорию «социальный организм», следует учитывать принципиальные отличия социального уровня системной организованности от уровня развития биологических систем [50]. В интересующей нас связи особенно важно подчеркнуть, что в иерархии биологических систем организменной является только одна ступень [51]. Между тем в социальной сфере в силу условности употребления в ней понятия «организм» [52] этим понятием может быть, очевидно, названа каждая система, в большей или меньшей степени отвечающая представлению о самовоспроизводящейся целостности. В этом смысле организмом является и

---

[46] *Семенов Ю. И.* Категория «социальный организм» и ее значение для исторической науки. — ВИ, 1966, № 8, с. 88—106. См. также: *Плетников Ю. К.* О природе социальной формы движения. М., 1971, с. 57—62.

[47] В том числе в работах по этнической проблематике. *Козлов В. И.* Динамика численности народов. М., 1969, с. 23; *Бромлей Ю. В.* Этнос и этносоциальный организм. — Вестник АН СССР, 1970, № 8, с. 48—54; *Генинг В. Ф.* Этнический процесс в первобытности. Свердловск, 1970, с. 9. См. также: *Плетников Ю. К.* О специфике социальной формы движения материи. — Проблемы социального развития, ч. I. Материалы к IX ВСК. М., «Институт социологических исследований», 1978, с. 43—44; *Рутгевич М. Н.* Органическая целостность и динамизм социально-классовых отношений на этапе зрелого социализма. — Коммунист, 1981, № 13, с. 65—66.

[48] *Поршнев Б. Ф.* Мыслима ли история одной страны?, с. 305, прим. 4.

[49] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 1, с. 429.

[50] Следует, например, учитывать, что социальные системы превосходят биологические, в частности, по способности усиливать самоорганизацию на основе прогнозирования (*Малиновский А. А.* Общие вопросы строения систем и их значение для биологии. — В кн.: Проблемы методологии системного исследования. М., 1970, с. 182).

[51] Одним из общепринятых является следующее членение живой природы: 1) клетка и субклеточные структуры; 2) организм; 3) популяция; 4) биогеоценозы (*Ляпунов А. А.* О рассмотрении биологии с позиций изучения живой природы как большой системы. — В кн.: Проблемы методологии системного исследования. М., 1970, с. 187—188).

[52] Эта условность в значительной мере связана с тем, что в отличие от биологических организмов любое социальное образование является проницаемым для других подобных общностей.

семья, и община, и город, и т. д. Поэтому очень существенно условиться о критериях выделения во всей иерархии социальных систем организменного уровня. Ю. И. Семенов определяет такой критерий лишь в самой общей форме, говоря о социальном организме «как самостоятельной единице социального развития» [53]. Уточняя этот тезис, В. И. Козлов отмечает, что данный «термин следует прилагать лишь к тем социальным образованиям, которые могут существовать и развиваться независимо от других. Это условие связано прежде всего с определенными размерами социальных образований» [54]. Действительно, как правило, наибольшей степенью независимости обладают макроединицы социального развития. И все же на этом основании, на наш взгляд, было бы поспешно заключать, что в иерархии социальных общностей организмами непременно являются единицы самого высшего уровня. Представляется очевидным, что для функционирования социальной общности как организма необходимы не только его «внешняя» независимость, но и внутреннее единство. Между тем самые «высшие» по своему уровню социальные единицы далеко не всегда обладают достаточно устойчивым единством. Подобные макросоциальные общности фактически представляют собой всего лишь систему социальных общностей основного уровня — социальных организмов [55].

Каковы же конкретные типы «социальных организмов»? Очевидно, что для разных этапов всемирно-исторического процесса они не оставались неизменными.

Первое объединение людей — первобытное стадо — еще не представляло подлинного социального организма. Будучи формой, переходной между зоологическим объединением, с одной стороны, и «готовым» человеческим обществом — с другой, оно представляло собой биосоциальное образование [56]. На рубеже между ранним и поздним палеолитом первобытное стадо превратилось в первобытный род. При этом основной производственной ячейкой становится родовая община (или родовая коммуна) [57], которая вместе с родом на ранней стадии первобытного строя была главной социальной единицей [58]. На поздней же стадии первобытного строя (а по мнению некоторых исследователей, лишь на стадии его разложения) [59] высшей единицей социального развития становится племя, объединявшее несколько экзогамных

---

[53] *Семенов Ю. И.* Категория «социальный организм. . .», с. 94.
[54] *Козлов В. И.* Динамика численности народов, с. 23.
[55] *Семенов Ю. И.* Категория «социальный организм». . ., с. 94.
[56] *Семенов Ю. И.* Категория «социальный организм». . ., с. 94.
[57] Вопрос о соотношении рода и родовой общины остается дискуссионным (подробнее об этом см.: *Бромлей Ю. В.* Современные проблемы этнографии (очерки теории и истории). М., 1981, с. 181—185).
[58] *Першиц А. И., Монгайт А. Л., Алексеев В. П.* История первобытного общества. М., 1968, с. 98—99; *Семенов Ю. И.* Категория «социальный организм». . ., с. 94.
[59] *Генинг В. Ф.* Этнический процесс в первобытности, с. 89.

родов и обладавшее общими органами власти. Такое племя, очевидно, и следует рассматривать в качестве социального организма, ибо для него характерна не только значительная независимость, но и внутреннее единство. Правда, с момента возникновения союзов племен отдельное племя перестает быть высшей социальной макроединицей. Однако и в этом случае племя, судя по всему, продолжало играть роль социального организма, так как союзы племен обычно не обладали достаточно устойчивым внутренним единством.

Характеризуя племя как социальный организм первобытности, следует особо подчеркнуть, что его целостность в значительной мере обеспечивалась определенными органами власти. Но эта власть еще не имела политического характера. Для удобства такого рода общности, на наш взгляд, могут быть определены как «потестарные» (от лат. «potestas» — власть). Соответственно племена, обладающие органами власти, можно условно именовать «социально-потестарными организмами».

Что касается социальных организмов классовых формаций, то предложение Ю. И. Семенова определять их как социально-политические общности представляется в общем приемлемым. Необходимо лишь одно уточнение. Дело в том, что Ю. И. Семенов под социально-политическим организмом понимает не только государственные образования, но и народы. Между тем если представление, что государство — политическая общность бесспорно, то причисление к таковым и народов представляется неправомерным. Ведь если государственные границы рассекают территорию расселения народа на части, то народ, естественно, не представляет целого «организма». Но, как известно, народы далеко не всегда полностью «вписываются» в границы одного государства. Поэтому понятие «социально-политический организм», на наш взгляд, следует употреблять лишь для обозначения государственных образований.

Итак, социальный организм имеет два основных стадиальных типа: один из них — «социально-потестарный» — характерен для первобытнообщинного строя, другой — «социально-политический», или «государственный», — присущ классовым формациям.

Наряду с социальными организмами в качестве общественных макроединиц выступают и историко-культурные общности. Впрочем, их характеристика во многом зависит от трактовки термина «культура». Как известно, все многочисленные определения культуры могут быть с определенной условностью разделены на широкие и узкие. Нами отдается предпочтение широким ее определениям, которые получают в последнее время все большее признание у наших культурологов [60]. К обоснованию такой трактовки

---

[60] *Францев Г.* Культура — Философская энциклопедия. М., 1964, т. 3; *Чесноков Д. И.* Исторический материализм. М.: Мысль, 1965, с. 389; *Зворыкин А. А.* Определение культуры и место материальной культуры в общей

культуры мы еще вернемся ниже, здесь же лишь отметим, что при подобном подходе в культуру включается не только объективированный труд (в предметной форме и в форме фиксированного в сознании людей опыта), но и непосредственные проявления самой направленной деятельности людей, выраженной в их действиях и поступках.

Как и «собственно социальные» компоненты общественной жизни, культура, несомненно, должна рассматриваться и в историко-стадиальном плане и в плане фиксации конкретной общности в определенном пространственно-временном континууме.

В первом случае, например, в соответствии с делением истории человечества на социально-экономические формации выделяются «формационные» типы культуры (первобытнообщинная, рабовладельческая, феодальная, капиталистическая, социалистическая). Внутри каждого из этих типов при историко-стадиальном подходе в свою очередь могут быть выделены подтипы (например, раннекапиталистическая культура).

Региональный же подход позволяет выделить локальные общности культуры (локальные культуры). Такой подход обнаруживает, однако, чрезвычайное многообразие пространственно ограниченных систем. Это обусловлено тем, что системообразующую роль может выполнять почти каждый из огромного множества компонентов, входящих в существующую в данный момент культуру. Такую роль, например, одновременно могут играть и язык, и архитектурный стиль, и определенный вид пахотного орудия, и т. п. При этом в пределах определенного пространства создается обширная сеть взаимопересекающихся и к тому же неравновеликих культурных общностей. Вместе с тем системообразующую функцию выполняют и целые внутренне связанные блоки компонентов культуры — культурные комплексы. На их основе могут быть выделены исторически сложившиеся пространственно-

---

культуре. — Тр. VII МКАЭН. М., 1967, т. 4; *Маркарян Э. С.* Очерки теории культуры. Ереван, 1969, с. 61 и сл.; *Коган Л. Н.* Духовное производство и культура. — В кн.: Вопросы духовной культуры советских рабочих. Свердловск, 1969, вып. 1, с. 3 и сл.; *Маркарян Э. С.* Место и роль исследования культуры в современном обществознании. — ВФ, 1970, № 5, с. 101—111; *Межуев В. М.* Марксистский историзм и понятие культуры. Автореф. канд. дисс. М., 1971; *Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А.* Народы, расы, культуры. М., 1971, с. 164; *Маркарян Э. С.* Вопросы системного исследования общества. М., 1972; *Арнольдов А. И.* Социалистическая культура; теория и жизнь. — В кн.: Идеологическая борьба и современная культура. М., 1972, с. 57; *Соколов Э. В.* Культура и личность. Л., 1972, с. 38 и сл.; *Маркарян Э. С.* О генезисе человеческой деятельности и культуры. Ереван, 1973, с. 41; *Мансуров Н. С.* Вместо вступления. Проблема культуры в социологическом исследовании. — В кн.: Социологические проблемы культуры. М., 1976, с. 3; Основы марксистско-ленинской теории культуры. М.: Высшая школа, 1976, с. 21 и сл.; *Межуев В. М.* Культура и история. М.: Политиздат, 1977; *Давидович В. Е., Жданов Ю. А.* Сущность культуры. Ростов: Изд.-во Ростовского ун-та, 1979; *Злобин Н. С.* Культура и общественный прогресс. М., 1980; *Келле В. Ж., Ковальзон М. Я.* Теория и история. М.: Политиздат, 1981, с. 241 и сл.

определенные макроструктурные единицы культуры. Эти общности, разумеется, должны рассматриваться в соответствующем социально-историческом контексте. Любая их абсолютизация чревата произвольными построениями подобными тем, что столь характерны, например, для представителей «диффузионистского» направления в культурологии (Л. Фробениус, Ф. Гребнер, Э. Смит) или «циклических» теорий развития общества (О. Шпенглер, А. Тойнби)[61].

Рассмотрение культурных ареалов как исторических категорий позволило советским этнографам М. Г. Левину и Н. Н. Чебоксарову выделить две своеобразные разновидности таких общностей: хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области. В первом случае имеются в виду «исторически сложившиеся комплексы особенностей хозяйства и культуры, характерные для народов, обитающих в определенных естественно-географических условиях, при определенном уровне их социально-экономического развития»[62]. Под историко-этнографическими областями понимаются части ойкумены, у населения которых в силу общности социально-экономического развития, длительных связей и взаимного влияния сложились сходные культурно-бытовые особенности[63]. Одну из специфических разновидностей исторически сложившихся культурных комплексов представляют, как мы увидим, и этнические общности, но об этом ниже. Здесь же лишь отметим необходимость учитывать наличие разномасштабных уровней типологизации историко-культурных общностей[64], в результате чего создается их своеобразная иерархия[65].

Наряду с социальными (в широком смысле слова) общностями, так сказать, макроуровня (социальными организмами, или историко-культурными образованиями, сопряженными в целом с социальными организмами) представляется обоснованным выделение больших социальных групп, функционирующих одновременно

---

[61] Критический анализ этих концепций см., например: *Артановский С. Н.* О сравнительно-историческом и структурном методах в этнографии. — В кн.: Методологические вопросы общественных наук. М., 1968, с. 218—221; *Семенов Ю. Н.* Общественный прогресс и социальная философия современной буржуазии. Критический очерк американских и английских теорий. М., 1965, с. 7—94; *Он же.* Социальная философия А. Тойнби. Критический очерк. М., 1980; *Артановский С. Н.* Критика буржуазных теорий культуры и проблемы идеологической борьбы. Учебное пособие. Л. 1981, с. 61—70.

[62] *Левин М. Г., Чебоксаров Н. Н.* Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области. (К постановке вопроса). — СЭ, 1965, № 4, с. 4; *Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А.* Народы, расы, культуры, с. 169 и сл.

[63] *Левин М. Г., Чебоксаров Н. Н.* Хозяйственно-культурные типы. . ., с. 4—10; *Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А.* Народы, расы, культуры, с. 215 и сл.

[64] *Баткин Л. М.* Тип культуры как историческая целостность (методологические заметки в связи с итальянским Возрождением). — ВФ, 1969, № 9, с. 107.

[65] *Бромлей Ю. В.* Основные виды историко-культурных общностей и тенденции их динамики. — СЭ, 1981, № 1, с. 10.

в различных частях того или иного социального организма. К таким группам наряду с социально-экономическими (классы, слои, группы) и этническими общностями предлагается относить также и «демографические группы (например, женщины, молодежь), в том случае, если их объединяет общность специфических социальных характеристик (например, ролей), определенное место в социальной структуре» [66]. От этих общностей предложено отличать социальные группы «локального» характера: поселенческие, семейные и т. п. [67]

Нередко среди социальных образований выделяют в качестве особой категории «исторические общности». Между тем общеизвестно, что все социальные явления, в том числе социальные общности, складываются в ходе исторического процесса[68]. Более того, уже давно стала очевидной несостоятельность деления прошлого человечества на историческое и доисторическое (протоисторическое) время[69], отвергнуто сложившееся еще в эпоху колониальной экспансии Европы противопоставление «исторических» народов «неисторическим». В этом смысле все социальные общности являются историческими. Однако в нашей научной литературе до недавнего времени исторические общности сводились преимущественно к таким социальным образованиям, как племя[70], народность[71], нация, к которым иногда добавляется род[72]. Кроме того,

---

[66] *Дилигенский Г. Г.* Некоторые методологические проблемы исследования психологии больших социальных групп. — В кн.: Методологические проблемы социальной психологии. М., 1975, с. 198; см. также: *Кон И. С.* Возрастные категории. . . .

[67] См.: *Дилигенский Г. Г.* Некоторые методологические проблемы. . . .

[68] Именно поэтому В. И. Ленин подчеркивал, что «безусловным требованием марксистской теории при разборе какого бы то ни было социального вопроса является постановка его в *определенные* исторические рамки» (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 25, с. 263).

[69] Впрочем, такое деление все еще довольно распространено среди зарубежных археологов, которые, в частности, проводят конгрессы «праисторических» наук.

[70] Не включение в прошлом в число исторических общностей «племени» восходит к известному замечанию И. В. Сталина, что не следует смешивать «нацию, являющуюся исторической категорией, с племенем, являющимся категорией этнографической» (см.: *Сталин И. В.* Марксизм и национальный вопрос. — В кн.: *Сталин И. В.* Соч., т. 2, с. 301).

[71] Устойчивое отнесение в нашей литературе «племен» и «народностей» к историческим общностям начинается после публикации в 1950 г. ответов И. В. Сталина на вопросы в области языкознания, в ходе которых он неоднократно упоминал в одном ряду племя, народность и нацию. (См.: *Сталин И. В.* Относительно марксизма в языкознании. М.: Изд-во «Правда», 1950, с. 10—11). Однако в первые годы после этих публикаций в нашей литературе можно еще было встретить утверждение, что племя не является «исторически сложившимся образованием» (см., например: *Потапов Л. П.* О национальной консолидации народов Сибири. — ВИ, 1955, № 10, с. 61).

[72] В некоторых случаях в данной связи говорят о «родо-племенной общности» и в качестве «переходной» общности называют первобытное стадо. (См.: *Келле В., Ковальзон М.* Исторический материализм. М.: Высшая школа, 1969, с. 232—233).

как известно, в последнее время среди исторических общностей особо выделяется такое, сложившееся в нашей стране образование, как советский народ. Вместе с тем постепенно к числу исторических стали относить и другие устойчивые общности [73]: класс, семью и т. п.[74] В последнее время появились и попытки дифференцированного подхода к трактовке понятия «историческая общность». В частности, предложено к социально-историческим (историческим) относить только те общности, которые возникают, развиваются и отмирают исключительно в силу естественноисторического процесса, независимо от того, осознают и желают этого люди или нет. При этом в число социально-исторических общностей не включаются те устойчивые объединения, которые сознательно создаются для достижения определенных целей [75]. Соответственно в качестве таких общностей для примера называются государство и партия, а к социально-историческим общностям причисляются класс и нация, а также семья [76]. Впрочем, иллюстрации эти, на наш взгляд, не вполне корректны, ибо, например, решающая роль в возникновении государства принадлежит все же не желаниям людей, а естественноисторическим факторам; наоборот, в возникновении каждой конкретной семьи желания людей (особенно в современных условиях) играют немалую роль.

И все же, разумеется, «историзм» у разных социальных общностей далеко не одинаков. В этой связи привлекают внимание возможности, открываемые разграничением филогенетического и онтогенетического аспектов проблемы. В филогенетическом плане подавляющее большинство социальных общностей является историческим, ибо в той или иной конкретной форме каждый данный тип (род) таких общностей обычно более или менее длительное время существовал в прошлом. Иное дело, если какая-либо конкретная социальная общность рассматривается в плане онтоге-

---

[73] Правда, апелляция к традиционному употреблению понятия «исторические общности» можно встретить до сих пор. (См.: *Цамерян И. П.* К вопросу о национальной структуре и национальных отношениях развитого социалистического общества. — Научный коммунизм, 1982, № 2, с. 48—49). При этом критерии выделения такого рода общностей усматриваются в том, что они «имеют исторический объективно закономерный характер ... базируются на определенной экономической основе, расселены на определенной территории и отличаются своей определенной социальной сущностью, природой» (там же, с. 48). Между тем всем этим требованиям отвечают не только племя, народность и нация, но также, например, община.

[74] См., например: *Чесноков Д. И.* Исторический материализм, с. 233—242; *Кугель С. А., Шкаратан О. И.* Некоторые методологические проблемы изучения социальной структуры общества. — Философские науки, 1965, № 1, с. 55; *Сатыбалов А. А.* Методологические вопросы классификации типов этнических (национальных) общностей. — В кн.: Методологические вопросы общественных наук. Л.: Изд-во Ленинградск. ун-та, 1968, с. 154.

[75] См.: *Глейзерман Г. Е.* Исторический материализм и развитие социалистического общества. М., 1973, с. 187.

[76] Марксистско-ленинская теория исторического процесса. Исторический процесс: действительность, материальная основа, первичное и вторичное. М.: Наука, 1981, с. 94.

неза. В этом случае оказывается, что многие отдельно взятые социальные общности существуют сравнительно небольшой исторический период (например, та или иная семья, данный производственный коллектив, общество людей, объединяемых каким-либо хобби, и т. п.). И это дает определенные основания для выделения в качестве «исторических» тех социальных общностей, для каждой из которых не только в филогенетическом, но и в онтогенетическом отношении типична устойчивость, значительная историческая протяженность [77], простирающаяся, как правило, на несколько или по крайней мере на одну социально-экономическую формацию. В данной связи показательна, в частности, попытка А. Ф. Дашдамирова проиллюстрировать на конкретных примерах различие между историческими общностями филогенетического и онтогенетического характера. В первом случае он указывает наряду с нацией и классом также семью, производственную ячейку и т. п., а во втором ограничивается перечнем: «класс, нация, народ (трудящиеся массы), устойчивые национально-государственные образования»[78]. Конечно, оба перечня, на наш взгляд, могут быть существенно пополнены, в частности в последний можно, например, включить род, племя, народность, касту, сословие, многонациональное государство. Но гораздо важнее другое: вытекающая из всего сказанного сама возможность постановки вопроса об употреблении понятия «историческая общность людей» в широком (филогенетическом) и узком (онтогенетическом) значении.

Характеризуя общности людей, мы, очевидно, не вправе ограничиваться рассмотрением лишь их социальных объединений в широком смысле этого слова. Ведь, как уже отмечалось, человек подчиняется не только законам общественного развития, но и биологическим законам[79]. Хотя определяющим является социальное начало, значение которого в процессе поступательного развития человечества непрерывно возрастает, однако человек остается частью природы. И это неизбежно накладывает свою печать на всю жизнь людей.

Одним из основных типов биологических (антропологических) подразделений людей являются, как известно, расы, на которые распадается все ныне живущее человечество, представляющее, с биологической точки зрения, один вид — Homo sapiens. Расы отличаются друг от друга прежде всего внешними, фиксируемыми обыденным сознанием, физическими признаками — цветом кожи,

---

[77] Ср.: *Дашдамиров А. Ф.* Нация и личность, с. 26—29.

[78] *Дашдамиров А. Ф.* Нация и личность, с. 28—29.

[79] Поэтому представляется не очень убедительным утверждение, что общностями являются только те группы людей, которые основаны на общественных отношениях (см.: *Платонов К. К.* Общие проблемы. . ., с. 6). Иное дело мнение, согласно которому социальные общности выделяются как группы, в основе которых лежат общественные отношения (см.: *Амвросов А. А.* От классовой дифференциации к социальной однородности общества. М., 1972, с. 11).

волос, глаз, формой носа, чертами лица, ростом, формой черепа и др. Наряду с этими внешними признаками расы обладают такими скрытыми от простого наблюдения чертами, как серологические, дерматоглифические, одонтологические и многие другие биологические особенности людей. Все эти особенности — наследственны и сравнительно мало изменяются в результате непосредственного влияния среды, хотя своим происхождением в значительной степени обязаны воздействию на ряд поколений географических условий в глубокой древности. Соответственно всех представителей одной расы объединяют генетически унаследованные свойства и, стало быть, каждая раса представляет собой общность-объединение, основанное прежде всего на диахронных связях. Эти связи уходят в далекое прошлое ко времени палеолита, когда в ходе расогенеза сформировались основные современные расы.[80] Вместе с тем в межпоколенном воспроизводстве расы важнейшая роль принадлежит синхронным связям: репродуктивным отношениям между ее членами.

При научной (антропологической) классификации населения мира принято выделять так называемые большие расы (их обычно насчитывают не менее трех: негроидная, европеоидная, монголоидная), просто расы, или малые расы (их насчитывают обычно более двух десятков), а также антропологические типы, представляющие низшую в таксономическом отношении единицу[81]. Эти классификации опираются не только на внешне очевидные черты, но и на выявляемые посредством специальных исследований.

Особую разновидность биологических общностей людей представляют «популяции». Правда, термином этим, имея в виду совокупность людей, пользуются не только в биологическом, но и в демографическом и экономическом контекстах, говоря о популяции как о населении некоего города, местности, среды обитания. Но в антропологии, как и в биологии, под популяцией понимают генетическую единицу. Поэтому первоочередное значение придается родственным связям, а не пространственной близости. Принято различать популяции в зависимости от распространения тех или иных генов: генетические популяции определяют как относительно замкнутые группы, внутри которых скрещивание особей осуществляется с бóльшей частотой, чем за их пределами[82].

В советской антропологической литературе элементарная человеческая популяционная единица — «дем» — определяется как наименьшая группа людей, заключающих браки на протяжении

---

[80] См.: *Алексеев В. П.* О самом раннем этапе расообразования и этногенеза. — В кн.: Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М.: Наука, 1982, с. 32—55.

[81] См.: *Рогинский Я. Я., Левин М. Г.* Антропология. М., 1963, с. 347—429.

[82] Это определение принадлежит одному из основателей популяционной генетики С. С. Четверикову (см.: *Дубинин Н. П.* Эволюция популяций и радиация. М., 1966). Ср. определение генетической популяции в кн.: *Харрисон Дж., Уайнер Дж., Таннер Дж., Барникот Н.* Биология человека. М., 1968, с. 131.

нескольких поколений преимущественно между собой[83]. Однако необходимо учитывать, что практически, особенно в современных условиях, брачные связи, за исключением отдельных изолятов, не ограничиваются только рамками дема. В результате соседние демы нередко частично перекрывают друг друга. В силу этого образуется своеобразная брачная непрерывность, что в свою очередь приводит к созданию более крупных популяций, объединяющих несколько демов.

Вообще следует иметь в виду, что популяция — явление иерархичное. При этом перед нами иерархия, построенная не только по принципу концентрических, но и пересекающихся, частично совпадающих кругов. Основание этой иерархии составляет дем, а ее высший уровень в известном смысле представляет все человечество, которое нередко характеризуется как популяция — вид[84]. Между ними расположено огромное количество различных по своим основаниям популяций, отличающихся друг от друга прежде всего степенью проницаемости ограничивающих их генетических барьеров. Впрочем, на «высших» в таксономическом отношении уровнях иерархии популяций последние уже не имеют достаточно регулярных брачных связей и тем самым в значительной мере утрачивают характер функционирующих общностей — объединений. Именно с этим в значительной мере связаны споры между специалистами относительно правомерности рассматривать все человечество в качестве целостной популяции. Возражения против такой трактовки человечества в основном сводятся к ссылкам на действие так называемой «изоляции расстоянием», в силу которой по мере роста расстояния между брачащимися уменьшается вероятность их случайных встреч для заключения браков[85]. Однако, по мнению других специалистов, если исходить из определения популяции как сообщества свободно скрещивающихся организмов, то в таком случае наиболее крупной популяцией окажется биологический вид. Поэтому непризнание того, что человечество представляет собой наивысшую категорию в системе популяций, неизбежно означает отрицание видового единства человечества[86]. Представляется, что эти противоположные точки

---

[83] *Bunak V. V.* The evolution of the elementary unit of population and its anthropological significance. M., 1968, p. 1; *Арутюнов С. А., Чебоксаров Н. Н.* Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества. — В кн.: Расы и народы. М., 1972, 2, с. 18.

[84] Мысль о том, что вид является высшей единицей в иерархии популяций, была высказана еще С. С. Четвериковым (*Четвериков С. С.* О некоторых моментах эволюционного процесса с точки зрения современной генетики. — Журнал экспериментальной биологии, 1926, серия А, т. 2, № 1, с. 34—35, 49).

[85] *Алексеев В. П.* О роли социальных факторов в биологической дивергенции человеческих популяций. — СЭ, 1976, № 4, с. 125; *Он же.* Некоторые дополнительные соображения о соотношении исторического процесса и биологической дифференциации человечества. — СЭ, 1977, № 4, с. 50—54.

[86] *Чебоксаров Н. Н.* О специфике расообразования у человека. — СЭ, 1976, № 4, с. 143—144; См. также: *Рычков Ю. Г.* Антропологическое исследова-

зрения на человечество обусловлены разным пониманием популяции как общности. В первом случае упор делается на синхронные связи, во втором — на сам факт биолого-генетического единства.

Одним из важнейших и вместе с тем достаточно сложных является вопрос о соотношении между популяцией и расой. Каждая популяция, несомненно, характеризуется тенденцией к усилению однородности генетического фонда, т. е. стремлением к превращению в расовое подразделение. Именно это свойство популяции, как полагают сторонники популяционной концепции, и привело к образованию рас. И все же совпадение популяции с расой или даже с расовым подразделением совершенно не обязательно. Дело в том, что, несмотря на отмеченную выше тенденцию, для достижения сравнительно крупной популяцией генетической однородности требуется смена многих и многих десятков поколений. Правда, подчас расовые группы в результате заключения лишь внутригрупповых браков сами становятся своеобразными популяциями. Но это уже явление «вторичное», не имеющее прямого отношения к вопросу о роли популяций в расогенезе. В целом же популяцию от расы отличают различия в степени генеалогического родства [87] и разная доля диахронных и синхронных связей. В расе преобладающее значение имеют первые, в популяции — вторые.

Рассматривая различные виды человеческих объединений, следует учитывать, что одна и та же группа людей может одновременно входить в несколько самых различных общностей, в той или иной мере сопряженных друг с другом [88]. При этом нередко имеет место полное или почти полное совпадение нескольких «простейших» общностей, их своеобразный симбиоз. Среди рассмотренных выше общностей наиболее показательны в этом отношении социальные макроорганизмы, каждый из которых может быть представлен в виде совокупности таких общностей, как территориальная, экономическая, социальная и (в классовых формациях) политическая. Подобные сложные образования могут быть также результатом сочетания социальных и биологических общностей. Примером тому может служить моногамная семья, несомненно представляющая собой не только социальную, но и биологическую единицу, поскольку одна из ее основных функций — биологическое воспроизводство людей. Выступают в качестве не только биологической, но и социальной категории также расовые группы [89]. Это происходит тогда, когда антропологические

ние процесса изоляции на Памире и Кавказе. — Тр. VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук. М., 1968, т. I, с. 282.

[87] *Алексеев В. П.* Некоторые дополнительные соображения, с. 52.

[88] «Лишь в некоторых видах общностей тот же человек не может состоять одновременно: в разных антагонистических классах или в антагонистических социальных системах и др.» (*Поршнев Б. Ф.* Социальная психология и история, с. 85).

[89] См.: *Ефимов А. В.* Социальный аспект биологической категории «раса». — В кн.: Против расизма. М., 1966, с. 27—46.

отличия группы людей, относящихся к одной расе, фиксируются обыденным сознанием, которое к тому же, наделяя их теми или иными социокультурными чертами (реальными или вымышленными), противопоставляет на этом основании данную общность другим по их расовой принадлежности группам.

Одним словом, различные человеческие общности, как и лежащие в основании большинства их отдельные виды деятельности, находятся в постоянном взаимодействии, в той или иной степени переплетаясь друг с другом.

Особое место среди всей этой чрезвычайно сложной иерархии человеческих объединений занимают общности, именуемые в специальной научной литературе «этносами». Однако, как уже отмечалось выше, вопрос о месте этносов в системе различных подразделений, на которые распадается человечество, остается дискуссионным.

Этим и определяется та задача, которая ставится нами перед следующим очерком.

Очерк третий

К ВОПРОСУ О ВЫДЕЛЕНИИ ЭТНОСОВ СРЕДИ ДРУГИХ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ОБЩНОСТЕЙ

Преодоление разнобоя в употреблении термина «этнос» требует, как уже отмечалось, прежде всего предварительного выделения в объективной реальности того явления, для обозначения которого наиболее целесообразно использовать этот термин. При такой процедуре в качестве исходных ориентиров неизбежно приходится принимать те сферы действительности, которые уже имеют устоявшиеся наименования, принятые как в научном, так и в обыденном языке[1].

В рассматриваемом нами случае для термина «этнос», как мы уже знаем, одним из таких «ориентировочных» понятий в нашей отечественной науке традиционно выступает слово «народ». Но известно и то, что оно многозначно, так как используется для наименования различных общностей. В русском языке наряду

---

[1] В нашей обществоведческой литературе в последнее время справедливо обращено внимание на то, что первичное содержание научных представлений, особенно гуманитарного характера, нередко «восходит к семантике донаучного обыденного языка, которая дает исходный материал для научного мышления» (*Швырев В. С.* Об отношении теоретического и эмпирического в научном знании. — В кн.: Методология и методы социальной психологии. М., 1977, с. 14).

с такими значениями[2], как «все население страны, государства», «трудящиеся массы», «толпа», «просто множество людей»[3], в это слово вкладывается еще одно значение, которое особенно отчетливо проступает в словосочетании «народы мира». Для выделения этого специфического смысла слова «народ» и предлагается использовать термин «этнос».

Такое употребление термина «этнос», однако, влечет за собой еще одно весьма существенное в «семантическом» отношении последствие. Дело в том, что словосочетание «народы мира» само охватывает целый ряд разновидностей человеческих общностей, подразумевая такие образования, как «нация», «национальность», «народность», «племя». Соответственно важнейшим назначением термина «этнос» оказывается выполнение роли общего, «родового» наименования этих образований. Так, по крайней мере, принято считать в современной этнографической науке[4].

Приступая к рассмотрению вопроса о вычленении этносов среди других общностей людей, нельзя не обратить внимание на наличие и у племен, и у народностей, и у наций, и у национальностей одного общего весьма наглядного и вместе с тем непременного внешнего признака: каждое из этих образований имеет свое самоназвание — собственное имя. Стало быть, общим внешним ориентиром для определения явления, стоящего за термином «этнос», может служить то обстоятельство, что он прилагается к тем случаям употребления слова «народ», когда им (подобно тому как это имеет место при использовании терминов «племя», «народность», «нация» и «национальность») обозначаются общности людей, имеющие свои самоназвания. Нет и не было ни племени, ни народности, ни нации, ни национальности, у которых бы оно отсутствовало. Все они, будь то кривичи, сиу, эвенки, каталонцы, шотландцы, шведы, украинцы, японцы и т. д., имеют свои самоназвания[5]. Это собственное самоназвание принято, как известно, обозначать производным от слова «этнос» термином «этноним». Следует, однако, особо подчеркнуть, что в данном случае имеются в виду не вообще этнонимы, а этнонимы-самоназвания, или эндоэтнонимы. Дело в том, что этнонимы, даваемые данному этносу другими народами (экзоэтнонимы), нередко существенно отличаются не только от этнонима-самоназвания, но и друг от

---

[2] Как и в русском языке, многозначны аналоги слова «народ» и во многих других языках (см. немецкое — Volk, английское — people и т. д.).

[3] См.: Словарь современного русского литературного языка. М.; Л., 1958, т. 7, стб. 496—497; Современный энциклопедический словарь. М., 1980, с. 870.

[4] Это обстоятельство нам уже не раз приходилось специально подчеркивать (см. например: *Бромлей Ю. В.* Этнография на современном этапе. — Коммунист, 1974, № 16, с. 63).

[5] При этом пока оставляем в стороне вопрос о происхождении того или иного самоназвания этнических общностей: возникло ли оно спонтанно внутри данной общности, или же из названия, которое первоначально было дано со стороны, соседями, а затем превратилось в ее имя собственное (см.: *Никонов В. А.* Этнонимия. — В кн.: Этнонимы. М., 1970, с. 12—13).

друга[6]. Иначе дело обстоит с эндоэтнонимами — они, как правило, не только однозначны, но и довольно устойчивы.

Вместе с тем необходимо учитывать, что само по себе наличие самоназвания у совокупности людей, обозначенной словом «народ», может оказаться недостаточным ориентиром для выявления этноса. Это связано с тем, что такого рода сочетания в разговорном языке (как в русском, так и во многих других европейских) обычно употребляются в нескольких различных ситуациях. Прежде всего, когда надо обозначить всех людей (граждан), проживающих в пределах того или иного социального организма, т. е. потестарного, или политического, образования (как общегосударственного, так и областного). В таком смысле, например, говорят о «французском народе» (французах), имея в виду граждан Франции, или «бельгийском народе» (бельгийцах), имея в виду граждан Бельгии. Для обозначения такого рода самоназваний, нам кажется, можно использовать термин «политоним»[7].

Группа людей, имеющих самоназвание, может обозначаться словом «народ» и тогда, когда ее расселение в той или иной мере не совпадает с границами одного социального организма (либо выходя за его пределы, либо охватывая лишь часть его). Здесь возможны два основных варианта: а) когда самоназвание группы восходит к наименованию территории, на которой она проживает, т. е. является топонимом; б) когда самоназвание группы отражает ее этнический характер, т. е. является этнонимом.

Как же отличить этнонимы от топонимов и политонимов? Представляется, что в данном отношении один из основных показателей — это устойчивость самоназвания. Ведь и племена, и народности, и нации — общности, как известно, весьма устойчивые, существующие под одним и тем же собственным именем в течение многих поколений людей. При этом в рассматриваемой связи, пожалуй, особенно показательны те случаи, когда отдельные части такой общности по той или иной причине оказываются на длительное время сравнительно далеко за пределами ее первоначального местонахождения. Если соответствующая группа людей устойчиво из поколения в поколение сохраняет свое самоназвание, то скорее всего это самоназвание — этноним и, стало быть, мы имеем дело с этнической общностью. Ведь политоним в подобных случаях сравнительно быстро выходит из употребления[8], во всяком случае группа граждан (подданных) данного го-

---

[6] Например, этнос, имеющий эндоэтноним «дойч», по-русски именуется «немцы», по-французски «алеман», по-английски — «джемен», по-итальянски — «тедеско», по-фински — «саксаляйнен», по-сербски — «шваб» и т. д.

[7] От древнегреч. πολίτεια — государство и ὄνομα — имя. При этом может быть две формы политонима: пространная — народ Франции и краткая — французы (аналог. по-франц.: Le peuple de la France; Français).

[8] Так, бывшие граждане Югославии, переселившиеся в США и проживающие здесь длительное время, обычно называют себя не югославами, а сербами, хорватами, словенцами и т. п., т. е. в соответствии со своей этнической принадлежностью. Правда, выходцы из таких полиэтнических государств, как,

сударства, оказавшись за его пределами, обычно не сохраняет свой политоним во втором поколении (гражданство, как правило, не имеет наследственного характера). Нередко аналогична и судьба топонима [9]. Если же политоним у той или иной переселенческой группы сохраняется в течение нескольких поколений, то это значит, что данное самоназвание одновременно является и этнонимом [10]. Иногда это результат превращения политонимов в этнонимы, иногда — наоборот [11]. Более того, подчас бывает, что этноним дает начало политониму, а этот в свою очередь служит основанием для «нового» этнонима [12]. Все это неизбежно создает трудности для отграничения этнических общностей от политических и локальных. Однако и в этих сложных случаях критерий «межпоколенной устойчивости» самоназвания у представителей рассматриваемой общности, оказавшихся за пределами «изначального» расселения, позволяет довольно уверенно отграничить этноним от «чистого» политонима или топонима.

Наконец, этнонимы не следует также смешивать с конфессионимами (наименованиями религий) и лингвонимами (наименованиями языков) [13]. Правда, они могут быть взаимозаменяемыми или просто совпадать друг с другом (например, «православный» в значении «русский», японский язык и японский народ и т. п.). Однако обычно отличить конфессионим или лингвоним от этнонима довольно легко, поставив вопрос: сохранится ли рассматриваемое нарицательное имя при смене его носителями (носителем) религии или языка? Если в таких случаях мы будем иметь дело с изменением этого имени, то перед нами соответственно конфессионим или лингвоним, если же такого изменения не произойдет, то, значит, речь идет об этнониме.

скажем, Пакистан и Индия, нередко прочно сохраняют свой политоним (пакистанцы, индийцы), приобретающий характер своеобразного этнонима. Однако при этом существенно подчеркнуть, что речь идет в подобных случаях не об эндоэтнонимах (самоназваниях), а всего лишь экзоэтнонимах, поскольку внутри обозначаемых ими совокупностей переселенцев устойчиво сохраняются групповые этнические самоназвания. (См.: *Дридзо А. Д., Кочнев В. И., Семашко И. М.* Индийцы и пакистанцы за рубежом. М., 1978).

[9] Например, дети русских сибиряков, переселившихся в Европейскую часть СССР, будут себя именовать не сибиряками, а просто русскими, т. е. утратят топоним (сибиряки) и сохранят этноним (русские).

[10] Совпадение политонима и этнонима особенно характерно для относительно моноэтничных государств: например, француз (français) или итальянец (italiano) — это одновременно и политонимы и этнонимы.

[11] Аналогичным образом обстоит с топонимами, которые составляют один из наибольших отрядов «топографических» наименований (см.: *Никонов В. А.* Этнонимия, с. 21).

[12] Так, самоназвание переселившихся в конце VII в. на территории к югу от Дуная кочевников-тюрок — «болгары» явилось, как известно, исходным для наименования возникшего здесь государства (политонима), что обусловило вскоре распространение этого этнонима и на все его население славянского происхождения.

[13] О понятии «лингвоним» см.: *Дуличенко А. Д.* Очерки общей и русской лингвоники. — Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. Тарту, 1978, вып. 442, с. 23—52.

Вместе с тем, разумеется, суть этнических общностей отнюдь не сводится к их самоназваниям, сколь устойчивыми бы они ни были. Поэтому для выделения этносов среди других человеческих общностей надлежит выяснить, что объединяет людей одного этнонима, помимо этого чисто внешнего признака?

Отвечая на данный вопрос, прежде всего нельзя не обратить внимание на то, что наличие единого самоназвания-этнонима предполагает существование у каждой из интересующих нас общностей самосознания. Действительно, даже в том случае, если, например, отдельные группы русских, испанцев, армян, поляков проживают в разных странах, каждая из этих групп осознает свою определенную общность со всеми группами, имеющими такое же самоназвание. Вместе с тем представители каждой из таких одноименных совокупностей людей обычно отличают себя от членов всех иных подобных общностей. При этом особую роль играет антитеза «мы» — «они». Примечательно, что само представление (в том числе обыденное) о существовании такой особой категории человеческих общностей (под каким бы названием они ни выступали: народ, этнос, племя, нация и т. д.) неизбежно предполагает подобное различение. И когда, например, речь идет о венграх как совокупности людей, имеющих общий этноним, то всегда само собой разумеется наличие у членов этой совокупности представлений о своем отличии от всех иных общностей такого рода [14].

Нетрудно заметить, что пока мы имели дело только с внешними, притом субъективными проявлениями свойств этноса. И может сложиться впечатление, что перед нами весьма зыбкие показатели, особенно если при этом исходить из представления о произвольном характере определения людьми своей принадлежности к тому или иному этносу. Поводом для возникновения подобного представления может послужить тот факт, что подчас один и тот же человек относит себя то к одному, то к другому этносу, например, то к украинцам, то к русским. Однако эта «произвольность» легко объясняется тем, что такой человек в той или иной мере обладает объективными свойствами обоих этносов, к которым он себя относит, т. е. применительно к рассматриваемому примеру свойствами и украинского и русского этносов. Весьма показательно, что ни к какому третьему этносу (скажем, к турецкому, французскому, японскому и т. п.) данный человек себя никогда не причислит.

Этническое самосознание, как и любая форма сознания,— явление вторичное, производное от объективных факторов, ибо «сознание. . . никогда не может быть чем-либо иным, как осознанным бытием. . . а бытие людей есть реальный процесс их жизни» [15]. Именно поэтому совершенно неправомерно было бы сводить, как это нередко делают буржуазные ученые, сущность

---

[14] Подробнее об этническом самосознании как компоненте этноса см. ниже.
[15] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 3, с. 25.

этносов лишь к самосознанию[16], оставляя в стороне то объективное бытие этих общностей, которое оно отражает[17].

Среди всего многообразия человеческих общностей этносы, несомненно, должны быть отнесены к тем, что возникают не по воле людей, а в результате объективного развития исторического процесса. Они охватывают многие поколения людей[18], т. е. являются потомственными, имея соответственно переменный состав. Одним словом, одно из характерных свойств этносов — устойчивость. Следует вместе с тем подчеркнуть, что этносы представляют собой сложные образования, каждое из которых обладает как общими свойствами с другими подобными образованиями (со всеми или по крайней мере с частью их), так и специфическими чертами, отличающими каждый из них от большинства или даже всех остальных этносов[19]. Иногда, правда, можно встретить мнение, что отличие этносов друг от друга — вопрос второстепенный для выяснения их сущности. Однако при этом упускается из виду, что этнос без отграничения от других подобных общностей — фикция. Конечно, само единство внешних отграничительных особенностей этноса представляет собой выражение его определенных внутренних связей[20]. Но все же характерная особенность этнических общностей как раз и состоит в том, что их непременным свойством, имеющим важное типологическое значение, является взаимное различение. Этносы — категория сопоставительная. И в основе этого сопоставления лежат несомненно те объективные свойства этносов-народов, которые существуют независимо от субъективного желания их членов и воспринимаются ими в качестве отличительных черт своей общности. Обычно такого рода свойствам присуща устойчивость.

Переходя к выяснению самих этих объективных свойств этносов, начнем с одного из наиболее сложных вопросов: насколько обязательна для их функционирования общность территории? При его решении следует иметь в виду, что такие служащие нам, в частности, в качестве важнейших ориентиров общности, как «нация», «народ», «национальность», обычно не вполне равнозначны в отношении придаваемых им пространственно-политических параметров. Так, термин «нация» в нашей литературе, как правило, служит для обозначения совокупности людей одного этнонима,

---

[16] См. об этом очерк первый настоящей работы.

[17] В тех случаях, когда у группы людей, которые обладают устойчивым самосознанием, внешне выраженным в самоназвании — этнониме, их общность исчерпывается этими субъективными признаками, мы, очевидно, имеем не этническую, а всего лишь, так сказать, этнонимическую категорию.

[18] Показательно, в частности, что этносы-народы, как правило, сохраняются на протяжении нескольких социально-экономических формаций.

[19] Подробнее см. ниже.

[20] Именно эти внутренние связи обеспечивают функционирование и воспроизводство этноса как целостной системы (Ср.: *Дашдамиров А. Ф.* Нация и личность. Баку, 1976, с. 65—69).

живущих в пределах одного государства[21]. Несколько иные пространственно-политические параметры вкладываются в слово «народ». Хотя, как не раз говорилось выше, оно также может обозначать совокупность людей, имеющих один этноним, однако подчас охватывает лиц, находящихся не только на территории одного государства, но и на общей (смежной) территории разных государств. Но для обозначения людей одного этнонима, проживающих на отдаленных несмежных территориях, это слово обычно не употребляется. Для таких целей применительно к новому и новейшему времени чаще используется термин «национальность»[22]. Для первобытного общества примерно такую же роль может выполнять, на наш взгляд, слово «соплеменность»[23], которым могут обозначаться не только те члены племени, что находятся на территории его основного расселения, но и оказавшиеся за пределами таковой. Впрочем, особенно распространено в рассматриваемых случаях (притом применительно ко всем эпохам) просто употребление множественного числа соответствующего этнонима (например, дулебы, цыгане, армяне, японцы, украинцы и т. п.).

В свете всего сказанного представляется достаточно очевидным, что вопрос о значении территориальных параметров для выделения этносов не может быть решен однозначно. При этом следует четко разграничивать территориальную целостность как условие возникновения этноса и как фактор его существования. Выступая в качестве важнейшего условия формирования этноса[24], целостность территории не является строго обязательным фактором воспроизводства всех его частей[25]. И носители одного этнонима (одной национальности), проживающие на отдаленных друг от друга территориях, нередко из поколения в поколение сохраняют свою этническую (национальную) принадлежность (например, армяне в СССР, Сирии, США и т. д.; украинцы в СССР, ЧССР, Канаде и т. д.).

Каковы же в таком случае (помимо самоназвания и самосознания) конкретные сферы объективного существования характерных для этносов свойств?

Эти свойства, как отмечалось выше, должны обладать и устойчивостью и способностью отличать этносы друг от друга. Поэтому на первый взгляд может показаться, что к ним относятся прежде

---

[21] Правда, иногда термином «нация» обозначают людей одного этнонима, живущих в разных государствах (например, поляки в период от разделения Польши до 1918 г.). Однако нетрудно заметить, что в этом случае этот термин употребляется в значении, принятом в австромарксизме, не включающем в число признаков нации общность территории и экономики.

[22] О значениях слова «национальность» см. ниже.

[23] См.: *Бромлей Ю. В.* Опыт типологизации этнических общностей. — СЭ, 1972, № 5, с. 65.

[24] См. подробнее ниже, с. 57.

[25] См.: *Чебоксаров Н. Н., Арутюнов С. А.* Передача информации на механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества. — В кн.: Расы и народы. М., 1972, вып. 2, с. 19—22.

всего внешние отличительные особенности физического типа людей, т. е. расовые (антропологические) признаки. Характерно, что в житейской практике эти внешние весьма наглядные, устойчивые и дифференцирующие признаки нередко служат отправным, начальным показателем при решении вопроса об этнической принадлежности того или иного человека или группы людей.

Что касается научной трактовки этой проблемы, то обращает на себя внимание следующее, не лишенное определенной противоречивости обстоятельство. В работах советских этнографов последних лет подчас специально отмечается, что большинство народов мира имеют сравнительно однородный расовый состав[26]. Для работ же наших антропологов, напротив, характерно подчеркивание того, что физический тип отдельных этнических общностей, как правило, неоднороден; соответственно говорится о необходимости строго разграничивать расы и этнические общности[27].

Диаметральная противоположность этих суждений во многом объясняется тем, что в них за основу взяты антропологические единицы разных таксономических уровней. В первом случае главным образом имеются в виду большие расы (а лишь иногда и так называемые малые расы), во втором — преимущественно самая малая классификационная единица — антропологический тип.

Для наблюдателя, не обладающего специальными знаниями, различия между близкими антропологическими типами практически неуловимы. Поэтому он обычно воспринимает этносы-народы как нечто целостное в антропологическом отношении. Но, несмотря на то что в повседневной практике иногда такие наблюдения и влияют на этническую оппозицию «мы» — «они», в преобладающем числе случаев различия между народами на уровне антропологических типов не являются их сколько-нибудь существенными этническими признаками.

Что касается внешних физических особенностей, характерных для больших рас, то они тоже, как правило, не выступают в качестве факторов, отличающих соседние этносы. Это обусловлено прежде всего тем, что преобладающим является отсутствие четких антропологических границ между смежными народами-этносами, принадлежащими к одной из больших рас[28]. А такая принадлежность довольно характерна для соседних этнических общностей, ибо каждая из больших рас имеет весьма обширные ареалы своего преимущественного распространения, охватывающие

---

[26] См.: *Токарев С. А.* Проблема типов этнических общностей (к методологическим проблемам этнографии). — ВФ, 1964, № 11, с. 44; *Козлов В. И.* О понятии этнической общности. — СЭ, 1967, № 2, с. 110.

[27] При этом делаются, например, ссылки на то, что северные итальянцы выше ростом, более брахикефальны, менее темноглазы и менее темноволосы, чем уроженцы Южной Италии; северные французы обладают более высоким ростом, более светлыми волосами, чем южные, и т. д. (*Рогинский Я. Я., Левин М. Г.* Антропология. М., 1963, с. 321).

[28] По наблюдениям антропологов, внутри больших рас между соседними этническими общностями нередко существует своеобразная антропологическая непрерывность.

обычно большое число «родственных» этносов. Показательно, в частности, что свыше 85% всех людей, входящих в индоевропейские народы, и около 95% говорящих на языках уральской лингвистической семьи принадлежат к европеоидной расе; почти 100% населения этносов, составляющих китайско-тибетскую языковую семью, относится к монголоидной расе и т. п. Некоторое разнообразие основных расовых типов отмечено среди народов семито-хамитской и алтайской лингвистической семей, но эти две семьи в сумме составляют лишь немногим более 3% всего человечества[29]. Следует учитывать также, что примерно 30% населения мира принадлежит к смешанным и промежуточным в расовом отношении группам[30], а это крайне затрудняет использование антропологических показателей в качестве этнодифференцирующих признаков. Наконец, необходимо напомнить, что значительная часть этносов состоит из людей, принадлежащих к различным расам (например, большинство латиноамериканских народов). А в таких случаях невозможность рассматривать расовые различия как этнические сама собой очевидна. Поэтому совершенно неправомерно утверждение, что расовое единство является обязательным признаком любой этнической общности[31]. Достаточно ясно, что принятие такого представления, если даже и иметь в виду только большие расы, неизбежно исключает из числа этнических общностей все неоднородные в данном отношении народы.

В силу всего вышесказанного встречающиеся в повседневной практике попытки определения этнической принадлежности людей на основе одних только внешних антропологических показателей обычно имеют весьма приблизительный характер[32]. Такие показатели выполняют этноотличительные функции лишь в тех случаях, когда сопоставляемые народы обладают расовыми отличиями, которые резко бросаются в глаза при повседневном общении[33], приобретая значение социального знака[34]. Это свойственно преимущественно этносам, соседи которых принадлежат к другим расам. Подобная ситуация складывается обычно на границах

---

[29] См.: *Козлов В. И., Чебоксаров Н. Н.* Расы и этносы. — В кн.: Расы и общество. М., 1982, с. 100.

[30] См.: *Брук С. И.* Население мира. Этнодемографический справочник. М., 1981, с. 105.

[31] Так, например, по мнению мексиканского социолога К. А. Эчанове Трухильо, «народ — это сообщество людей, соединенных единством основных черт — расы, языка, традиций, обычаев, тенденций» (*Echanove Trliillo C. A.* Sociologia mexicana. Mexico, 1948, p. 182).

[32] См.: *Кожанов А. А.* Внешность как фактор этнического сопоставления (к вопросу о методике изучения). — СЭ, 1977, № 3, с. 15.

[33] Рассматривая вопрос о роли антропологических признаков в этнической дифференциации, отметим одно довольно распространенное предубеждение. Согласно ему, признание того, что эти признаки в отдельных случаях играют определенную роль в этническом размежевании, якобы открывает дорогу расизму. Однако при этом не учитывается, что расизм вытекает не из самого признания расовых отличий (существование таковых бесспорно), а из представления о неравенстве рас.

[34] См.: *Ефимов А. В.* Социальный аспект биологической категории «раса». — В кн.: Против расизма. М., 1966, с. 27—46.

основных ареалов больших рас, т. е. в целом в условиях далеко не типичных. Еще менее типичны случаи, когда в результате изоляции этнос в целом оказывается в окружении народов другого расового типа[35]. В этих случаях перед нами так называемые этнорасовые общности, представляющие собой своеобразный «синтез» двух различных категорий объединения людей. Пожалуй, несколько чаще, чем этносы-народы, антропологические особенности отличают их «осколки» — этнические группы, которые в этом случае представляют собой этнорасовые единицы. Подобные группы чаще всего возникают в результате перемещения части этноса в другое расовое окружение. Например, русских от бурят в Забайкалье или англичан от зулусов в Южной Африке можно без труда отличить по их расовым признакам[36]. Видимо, имея в виду прежде всего такие группы, подчас, как уже отмечалось, в число этнических признаков включают антропологические особенности[37]. Однако было бы неправомерно абсолютизировать это представление, распространив его на все этнические единицы, в том числе на этносы-народы. Ведь в подавляющем большинстве случаев, когда антропологические черты отдельной этнической группы выступают в качестве одного из ее этноразделительных признаков, эти же черты не выполняют подобной функции применительно к основной части этноса-народа, от которого данная группа обособилась. В данной связи остается напомнить, что на этнические группы приходится сравнительно незначительная часть населения мира. Между тем, как мы могли убедиться, для подавляющего большинства этносов-народов расовые отличия не являются характерной чертой.

Нет оснований также полагать, будто главная для всех этносов черта состоит в том, что они представляют собой биологические популяции[38]. Вопрос о соотношении этноса и популяции весьма сложен. Но, как показывает его специальное рассмотрение, в действительности сопряженность популяции с этносом — явление производное от образующих его социокультурных факторов, т. е. вторичное. В частности, преимущественное заключение браков в рамках этносов (эндогамия), обусловливающее существо-

---

[35] Так, все негритосы Юго-Восточной Азии (андаманцы, семанги, аэта) благодаря длительной изоляции, оградившей их от метисации, превратились в устойчивые этнические общности (*С. И. Брук, Н. Н. Чебоксаров, Я. В. Чеснов.* Проблемы этнического развития стран зарубежной Азии. — ВИ, 1969. № 1, с. 93—94).

[36] *Дебец Г. Ф.* Расы, языки, культуры. — В кн.: Наука о расах и расизм. М.; Л., 1938, с. 117.

[37] Вероятно, случаи таких совпадений привели к близости содержания терминов «раса» и «народ» в некоторых западноевропейских языках, например, в английском (race—people). См.: *Козлов В. И., Чебоксаров Н. Н.* Расы и этносы, с. 110.

[38] Специальный критический анализ такого рода представлений см.: *Козлов В. И.* О биолого-географической концепции этнической истории. — ВИ, 1974, № 12; *Першиц А. И., Покшишевский В. В.* Ипостаси этноса. — Природа, 1978, № 12.

вание сопряженной с ним популяции, вызвано не биологическими, а социокультурными факторами[39].

Как свидетельствует анализ данных, относящихся ко всем выбранным нами эквивалентам этносов («нации», «национальности», «народности», «племени»), среди свойств, присущих людям, для этнического размежевания, как правило, особенно существенное значение имеют характерные черты культуры в самом широком смысле этого слова[40]. Именно в сфере трактуемой таким образом культуры обычно и сосредоточены все основные отличительные особенности народов-этносов.

Эти особенности проявляются как в материальной, так и в духовной культуре. Например, наглядно об этом свидетельствует своеобразие традиционного жилища у различных народов мира. Здесь и свайные постройки (например, у части меланезийцев и микронезийцев), и плавучие жилища (например, у оранг-лаутов и некоторых других народов Юго-Восточной Азии), и переносные жилища — юрты, чумы, тапи (у кочевников Средней Азии, народов Севера, индейцев прерий), и дома-башни (у народов Кавказа, у части арабов, некоторых народов Афганистана,) и жилища из снега — иглу (у «полярных» эскимосов), и т. п.

Весьма часто этнические особенности дают о себе знать в сфере такого компонента материальной культуры, как пища. При этом различия между народами касаются и состава потребляемой пищи, и способов ее приготовления, и времени ее приема. Так, для одних народов основу пищевого рациона составляют продукты земледелия (например, для славянских народов), для других — мясо (например, для многих народов Севера), третьи являются ихтиофагами, т. е. употребляют в пищу главным образом рыбу (например, нанайцы, нивхи, ульчи). Хорошо известно существование у многих народов запретов на употребление отдельных видов пищи. В частности, народы Индии в большинстве своем не едят говядины; народы, исповедующие ислам и иудаизм, — свинины; ряд народов почти не употребляет в пищу молока (например, монкхмеры); у некоторых народов еще недавно деликатесом считалось мясо собаки (например, полинезийцы) и т. п.

Существенно различаются у народов мира также семейный быт, брачные обычаи и обряды. Наряду с моногамной (единобрачной) семьей, распространенной в настоящее время у подавляющей части человечества, до сих пор у некоторых народов все еще сохраняется как полигамия (многоженство), так и полиандрия (многомужество). Чрезвычайно многообразны брачные церемонии. У одних народов (например, у племени пунанов на о. Калимантан) для заключения брачного союза достаточно, чтобы жених и невеста в присутствии старейшины рода заявили о взаимном согласии вступить в брак, у других народов (например, у племени коши

---

[39] См. об этом: *Бромлей Ю. В.* Этнос и эндогамия. — СЭ, 1969, № 6; *Он же.* Этнос и этнография, с. 114, 124, а также в данной книге, с. 207—211.

[40] О трактовке культуры в таком ее значении см. ниже, с. 98—100.

в Афганистане) свадебная церемония длится двое суток, у третьих (у некоторых народов Индии) — восемь суток. Наряду с характерными для большинства европейских народов свадьбами, на которых присутствуют лишь ближайшие родственники и знакомые, у некоторых этносов (например, у ряда народов Кавказа) на свадьбу, по традиции, приглашались сотни гостей. Вместе с тем на Кавказе до недавнего времени нередко встречалась «свадьба без новобрачных»: обычай запрещал жениху и невесте присутствовать на собственной свадьбе. По-разному обстоит дело и с разводом: есть народы (в частности, католического вероисповедания), у которых брак вообще нерасторжим, и есть народы (главным образом исповедующие ислам), у которых для того, чтобы развестись, мужу достаточно объявить об этом жене.

В сфере повседневного поведения этнические особенности бывают настолько своеобразными, что нередко воспринимаются представителями других народов как нечто странное и удивительное. Индийца, скажем, удивляет, что жена европейца называет мужа по имени, обращаясь к нему в присутствии его матери и без ее разрешения. Японцу кажется странным, как может человек в жилом доме находиться в той же обуви, что и на улице. Болгары в отличие от многих других народов кивают головой в знак отрицания, а в знак согласия покачивают ею из стороны в сторону. Когда японцы, например, рассказывают о печальном событии, они улыбаются, чтобы не огорчить слушателя.

Всем этим и обусловлен тот факт, что в повседневной практике при разграничении этносов-народов, как правило, указывают на такие устойчивые и отчетливо внешне выраженные компоненты их культуры, как язык, религия, народное искусство, устное творчество, обычаи, обряды, нормы поведения, привычки и т. п. Сюда относятся также принятые жесты вежливости и приветствия, походка, этикет в еде, гигиенические привычки и многое, многое другое. Все эти бесчисленные компоненты культуры имеют у отдельных народов свои характерные черты — этническую окраску и, передаваясь из поколения в поколение, образуют так называемую этническую культуру [41], обладающую специфическим для нее стилем [42].

Правда, уже давно обращено внимание на то, что ни один из компонентов культуры не является непременным этнодифференцирующим признаком [43]. В одних случаях главная роль в этом отношении принадлежит языку, в других — религии, в третьих — характерным чертам поведения и т. д. Не случайно все попытки выделить один непременный для всех случаев основной этнодиф-

---

[41] Подробнее о понятии «этническая культура», ее структуре, функциях и механизме воспроизводства см.: Методологические проблемы исследования этнических культур: Материалы симпозиума. Ереван, 1978.

[42] *Leroi-Gourhan A.* Le geste et la parole: La mémoire et les rythmes. Paris, 1945, p. 93. Актуальные проблемы этнографии и современная зарубежная наука. Л., 1979, с. 27.

[43] См.: *Токарев С. А.* Проблема типов этнических общностей. . ., с. 43—46.

ференцирующий признак оказывается обреченным на неудачу [44]. Это подчас служит основанием для игнорирования вообще культуры как носителя этнических свойств [45]. Между тем в действительности перед нами свидетельство лишь того, что этнос представляет собой не отдельный компонент культуры, а определенную культурную целостность, многие составляющие которой, как правило, в той или иной степени обнаруживают устойчивые специфические черты. Именно этим этнос и отличается от таких наиболее близких ему по своему характеру устойчивых общностей людей как языковая и религиозная. И если бы, скажем, язык и этнос, языковое и этническое деление всегда совпадали, то, видимо, различение этих понятий потеряло бы смысл; то же самое относится к соотношению этноса и религии [46].

Однако далеко не всякая совокупность людей, обладающая комплексом характерных культурных черт, является этносом. Как уже говорилось, этносу присуща непременно антитеза: «мы» — «они». Поэтому этнос представляет только та культурная общность людей, которая осознает себя как таковую, отличая себя от других аналогичных общностей. Это осознание членами этноса своего группового единства принято именовать этническим самосознанием, внешним выражением которого является общее самоназвание (этноним). Важным компонентом этнического самосознания выступает представление об общности происхождения всех членов этноса, под которым обычно понимается совместная историческая практика их предков [47].

Характеризуя этнос в целом, необходимо также упомянуть о том, что культурное единство его членов неразрывно связано с наличием у них определенных общих черт психики. Без учета данного обстоятельства невозможно, как будет показано ниже, уяснить механизм, обеспечивающий не только устойчивость общих черт деятельности членов отдельных этнических коллективов, но и передачу ими этих черт из поколения в поколение.

Рассматривая этнические общности в генетическом плане, особо подчеркнем, что они представляют собой динамические, исторически сложившиеся системы. Ни один этнос не является

[44] Даже язык далеко не всегда выступает в такой роли. Как справедливо заметил в этой связи Ю. И. Семенов, «язык, отличая англичан от французов, не отличает их от американцев, англоканадцев, отличая испанцев от итальянцев, не отличает первых от чилийцев, аргентинцев, кубинцев, отличая немцев от чехов, не отличает первых от австрийцев, германошвейцарцев. Однако. . . различие между англичанами и американцами, испанцами и чилийцами, немцами и австрийцами проявляется в культуре» (*Семенов Ю. И.* К определению понятия «нация». Постановка проблемы. — Народы Азии и Африки, 1967, № 4, с. 89).

[45] См.: *Гумилев Л. Н.* О термине «этнос», с. 5 (Ср.: *Вьюгов В.* Национальность, национальный вопрос и социальное равенство. — Народная мысль, 1915, № 1, с. 26—30).

[46] Показательно, что в тех случаях, когда такого рода деление совпадает, языковая (соотв. религиозная) общность людей нередко «заслоняет» их этническую принадлежность.

[47] Подробнее см. в настоящей работе очерк «Этническое самосознание — непременный компонент этноса».

вечным, неизменным. Но изменчивость этнических систем, разумеется, нисколько не противоречит тому, уже неоднократно отмечавшемуся нами факту, что устойчивость — одна из их характерных черт. Ведь при этом имеется в виду относительная стабильность, более медленная изменчивость этнических явлений по сравнению с другими компонентами социальной жизни.

Характеризуя генетический аспект рассматриваемой проблемы, напомним еще раз, что для возникновения этноса важнейшее значение имеет единство территории его расселения. Ведь, чтобы у группы людей появились специфические культурные черты, они должны систематически общаться друг с другом, а это, как правило, возможно лишь при условии их расселения в пределах относительно целостной территории. Несомненно, сохраняет определенное значение территориальное единство и для дальнейшего воспроизводства культурной общности. Поэтому в нашей научной литературе большинство дефиниций этноса указывает на общность территории как на один из его непременных признаков [48].

Неоднократно отмечалась также существенная роль в формировании и функционировании, если не всех, то во всяком случае большинства этносов экономического, а нередко также политического (государственного) фактора. Не случайно оба эти фактора подчас включаются даже в общее определение этноса [49]. Однако проблема соотношения этнических общностей, с одной стороны, экономических и социально-политических — с другой, решается далеко не однозначно [50]. К этой проблеме нам предстоит еще не раз возвращаться. Здесь же лишь еще раз напомним, что сложившиеся этносы нередко обладают общими чертами и при отсутствии единой для всех их частей территории, а соответственно также без экономической и потестарно-политической целостности. К таким чертам, как можно было убедиться выше, в первую очередь относятся характерные особенности культуры (в том числе языка) и психики этноса, его самосознание и самоназвание. Этот комплекс, на наш взгляд, и составляет ядро собственно этнических свойств.

Очерк четвертый

ОСНОВНЫЕ ФОРМЫ ЭТНОСА. ИЕРАРХИЯ ЭТНИЧЕСКИХ ОБЩНОСТЕЙ

В свете всего сказанного в предыдущем очерке собственно этнос (или этнос в узком значении этого термина) может быть определен как исторически сложившаяся на определенной тер-

[48] См.: *Токарев С. А.* Проблема типов этнических общностей. . ., с. 43—44; *Козлов В. И.* Динамика численности народов. М., с. 56.
[49] См.: *Токарев С. А.* Проблема типов этнических общностей. . ., с. 53.
[50] См.: *Семенов Ю. И.* К определению понятия «нация». . ., с. 90.

ритории устойчивая межпоколенная совокупность людей, обладающих не только общими чертами, но и относительно стабильными особенностями культуры (включая язык) и психики, а также сознанием своего единства и отличия от всех других подобных образований (самосознанием), фиксированном в самоназвании (этнониме).

В современном русском языке такому пониманию термина «этнос» в известной мере соответствует слово «национальность». Имеются в виду те случаи, когда в это слово вкладывается содержание более узкое, чем то, которое обычно придается слову «нация» [1], т. е., когда «национальность» понимается как совокупность лиц одной национальной принадлежности независимо от их территориального размещения [2]. Но слово «национальность» не одно-

---

[1] См.: *Калтахчян С. Т.* Ленинизм о сущности нации и пути образования интернациональной общности людей. М., 1969, с. 89; *Дашдамиров А. Ф.* Нация и личность. Баку: Элм, 1976, с. 70; *Козинг А.* Нация в истории и современности. М., 1978, с. 162 и сл.

[2] О таком значении слова «национальность» в современном русском языке, в частности, наглядно свидетельствует наименование одной из палат Верховного Совета СССР — Совет Национальностей. Весьма показательно в интересующей нас связи, что в указанном значении «национальность» неоднократно используется в партийных документах. См., например, резолюцию X съезда РКП(б) «Об очередных задачах партии в национальном вопросе», где сказано об отношениях «между трудовыми массами национальностей России» (В. И. Ленин, КПСС о советском многонациональном государстве. М., 1981, с. 114), резолюцию XII съезда РКП(б) «по национальному вопросу», в которой говорится о «неравенстве национальностей Союза Республик», и относительно наличия в некоторых республиках нескольких национальностей (там же, с. 128, 129), Постановление ЦК КПСС «О 60-й годовщине образования Союза Советских Социалистических Республик», отмечающее наличие в Советах Народных Депутатов «представителей более ста национальностей» (Коммунист, 1982, № 4, с. 9). В последнем случае особенно очевидно, что под каждой национальностью одновременно подразумеваются отдельная нация и одноименные национальные группы, точнее, все люди данной национальности, проживающие в нашей стране, которые, таким образом, рассматриваются как определенная общность (само собой разумеется, сложившаяся не по воле людей, а в ходе естественноисторического процесса). Если бы дело обстояло иначе и за отдельную национальность в одном случае считалась та или иная нация, а в других одноименные ей национальные группы, то неизбежно оказалось бы, что в нашей стране насчитывается не одна сотня национальностей.

Вместе с тем в свете приведенных выше фактов вызывает удивление сделанное «со всей ответственностью» заявление, что в решениях КПСС, в теоретических документах нашей партии термин «национальность» «не применялся в смысле особой исторической общности людей» (*Демерян И. П.* К вопросу о национальной структуре и национальных отношениях развитого социалистического общества. — Научный коммунизм, 1982, № 1, с. 47). То же самое, по мнению этого автора, относится и к трудам классиков марксизма-ленинизма (там же). Между тем он сам вслед за этим тезисом вынужден признать, что К. Маркс и Ф. Энгельс применяли термин «национальность» как идентичный по смыслу понятию «народность» (при этом сделаны ссылки на: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., 2-е изд., т. 20, с. 345), т. е. общности, исторический характер которой не вызывает сомнений у самого цитируемого автора.

значно, а, главное, оно ограничено в стадиальном плане [3]. Поэтому нами было предложено терминологически обособить употребление узкого значения слова «этнос», закрепив за таким его употреблением наименование «этникос» (древнегреч. ἔθνικος прилагательное от ἔθνος) [4].

Каждый взрослый человек, где бы он ни находился, непременно относится к какому-либо этникосу: или к основному его ядру или к «периферийной» части. В силу этого человечество в любой данный момент представляет собой совокупность этникосов. Иначе говоря, этникосы охватывают все человечество и в этом смысле представляют явление панойкуменное.

Здесь, однако, следует коснуться одной недавней попытки отрицать обоснованность трактовки национальности, а соответственно этникоса как особой исторической общности людей. Попытка эта, предпринятая И. П. Цемеряном, на наш взгляд, заслуживает специального рассмотрения, поскольку речь идет о наиболее рельефно выраженном негативном отношении к выделению этникоса как специфической общности людей. В подтверждение своей точки зрения наш оппонент ссылается на пример украинцев СССР и Канады [5]. Он считает неверным тезис, «что украинцы Канады и украинцы, проживающие в СССР, имеют *тождественные* этнические признаки и составляют некую историческую общность» [6]. При этом указывается на то, что условия жизни украинцев Канады — территория, социально-экономический и политический строй, культурная среда — наложили определенный отпечаток на эту национальную группу [7]. Действительно, такого рода воздействия имеют место (в частности, в большинстве своем украинцы Канады в настоящее время по крайней мере двуязычны) [8]. И, конечно, говорить о тождестве (полной идентичности) культуры украинцев Канады и украинцев СССР нет никаких оснований (впрочем, подобного рода утверждения в нашей литературе и не встречаются). Но одно дело тождественность, а совсем другое —

---

[3] В частности, этот термин в нашей научной литературе обычно не принято распространять на этнические общности первобытности; спорна и правомерность его использования для обозначения этносов классовых докапиталистических социально-экономических формаций (См.: *Сатыбалов А. А.* Методологические вопросы классификации типов этнических (национальных) общностей. — В кн.: Методологические вопросы общественных наук. Л., 1968, с. 162—164).

[4] *Бромлей Ю. В.* К характеристике понятия «этнос». — В кн.: Расы и народы. М., 1971, 1, с. 27.

[5] При этом, очевидно, имеется в виду, что в свое время нами была сделана ссылка на данные группы как на одно из свидетельств наличия этнической общности у людей, проживающих в различных государствах и соответственно не имеющих общей территории и экономики (см.: *Бромлей Ю. В.* Этнос и этнография. М., 1973, с. 37—38).

[6] *Цемерян И. П.* Некоторые актуальные вопросы теории наций и национальных отношений. — Научный коммунизм, 1979, № 2, с. 26 (курсив мой. — *Ю. Б.*).

[7] *Цемерян И. П.* Некоторые актуальные вопросы. . ., с. 26.

[8] См.: Национальные проблемы Канады. М., 1972, с. 166.

наличие определенных общих черт в культуре обеих рассматриваемых групп украинцев [9]. И в этой связи достаточно показательно признание самого И. П. Цемеряна, что у этих групп «сохранились некоторые *общие черты*», которые он характеризует следующим образом: «*общий* в своей основе (и по происхождению) язык, отдельные *общие черты* в национальной форме культуры и быта» [10]. Правда, автор приводимых строк как бы не заметил, что тем самым признал наличие у украинцев СССР и Канады общих этнических признаков («*национальной формы*») [11], ибо, по его же словам, под таковыми «понимаются язык, особенности культуры и быта, характера (или национальной психологии), сознание единого происхождения» [12].

Есть, впрочем, у нашего оппонента еще одно возражение: «. . .любая исторически сложившаяся общность людей имеет свою экономическую базу, на основе которой она возникла и существует» [13]. Совершенно очевидно, что в этом случае имеются в виду только те исторически сложившиеся общности людей, которые представляют собой системы, функционирующие как единое целое [14]. Однако понятие «общность» используется, как мы могли убедиться выше, для обозначения самых различных совокупностей людей. В частности, в рассматриваемой связи представляется не лишним напомнить о том, что бывают общности, основанные как на синхронных, так и на диахронных связях [15]. Соответственно, далеко не все исторические общности обязательно представляют целое, имеющее единую экономическую базу. Так, основоположники марксизма-ленинизма не раз подчеркивали, что созданный капитализмом рабочий класс не столько национальное, сколько интернациональное явление. Еще Ф. Энгельс констатировал, что «пролетарии во всех странах имеют одни и те же интересы, одного и того же врага, им предстоит одна и та же борьба. . .» [16]. Но, разумеется, рабочий класс как интернациональная общность, проявляющаяся в однотипности его социально-экономического положения, в общих интересах и задачах борьбы, хотя и возникает на

---

[9] Известно, что не всякая общность есть тождество.

[10] *Цемерян И. П.* Некоторые актуальные вопросы. . ., с. 26 (курсив мой. — *Ю. Б.*).

[11] В этой связи представляется уместным заметить, что по наблюдениям специалистов славянские группы (в том числе украинцы) в Канаде существенно отличаются устойчивостью к ассимиляции по сравнению с ассимиляционными процессами среди аналогичных этнических групп в США, где данный процесс протекает значительно интенсивнее (Национальные проблемы Канады, с. 167).

[12] *Цемерян И. П.* Некоторые актуальные вопросы. . ., с. 25.

[13] Там же. Ср.: *Цемерян И. П.* К вопросу. . ., с. 43.

[14] Для этой разновидности исторических общностей в нашей литературе последних лет, как уже отмечалось, все чаще используется понятие «социальный организм» (см.: выше, с. 33—35).

[15] Точнее говоря, не бывает существующих сколько-нибудь длительное время человеческих общностей, у которых бы совершенно отсутствовали диахронные связи.

[16] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 2, с. 590.

основе общих социально-экономических предпосылок, тем не менее не представляет собой единого в экономическом отношении целого, не имея общей экономики. Нет таковой и у других видов исторически сложившихся человеческих общностей (например, религиозных, языковых и т. п.). А из всего этого следует, что отсутствие единого экономического базиса у украинцев СССР и украинцев Канады не дает основания отрицать, что они представляют определенную общность, имеющую одинаковые этнические признаки [17]. И поскольку эта общность проявляется в этнической сфере, ее естественно именовать «этнической». Что касается правомерности обозначать такие общности «национальностями» (имея в виду капиталистическую и социалистическую эпохи), то напомним, что именно так называл дисперсно расселенных лиц одной национальной принадлежности В. И. Ленин. Рассматривая вопрос о создании автономных округов, он, в частности, подчеркивал, что к таким округам могли бы тяготеть «*члены данной национальности*, рассеянные по разным концам страны или даже земного шара» [18]. Поэтому трудно согласиться с утверждением И. П. Цемеряна, что как собирательный термин «национальность» «применяется лишь в тех случаях, когда им заменяется *перечень* различных форм исторической общности — нации, народности, национальные и этнические группы» [19]. О том, что это не так, свидетельствует использование при употреблении данного термина в собирательном значении не только множественного, но и единственного числа [20].

Но в конечном счете дело, разумеется, не в терминах, а в типичности для этнической структуры человечества того явления, при котором лица с общим этнонимом и определенными общими чертами культуры и психики рассеяны «по разным концам страны или даже земного шара» [21]. И в этой связи представляется не лишним напомнить, что, например, по данным переписи 1979 г., в СССР число лиц, не живущих в пределах соответствующих национальных образований, составляет 55 млн.[22] Что касается «рассеянности» этникосов-национальностей по разным государствам, то относительно масштабов этого явления свидетельствуют, в частности, следующие данные: 65,9% албанцев проживает в Албании,

---

[17] Если же встать на путь отрицания у них вообще всякой общности, то в таком случае неизбежно придется поставить под сомнение саму правомерность использования этнонима «украинцы» для обозначения проживающих в Канаде выходцев из Украины.

[18] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 24, с. 148—149 (курсив мой. — *Ю. Б.*).

[19] *Цемерян И. П.* Некоторые актуальные вопросы. . ., с. 25 (курсив мой. — *Ю. Б.*).

[20] Например, в резолюции XII съезда РКП(б) отмечалось, что в некоторых многонациональных республиках имеет место «завзятый шовинизм более сильной национальности» (В. И. Ленин, КПСС о советском многонациональном государстве, с. 129).

[21] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 24, с. 148—149.

[22] См.: Население СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. М.: Политиздат, 1980, с. 27—30.

30,5% — в Югославии; 43,0% курдов — в Турции, 21,6% — в Иране, 20,0% — в Ираке; 52,2% пуштунов — в Пакистане, 47,4% — в Афганистане; 62,1% таджиков — в Афганистане, 37,8% — в СССР [23]. «Рассеянность» этникосов-национальностей по разным концам земного шара тоже достаточно наглядна: 17,7% норвежцев проживает за пределами Норвегии, в том числе 12,7% в США, 4,0 — в Канаде; 12,2% литовцев — за пределами СССР, в том числе 11,0% — в США; 11,9% англичан — за пределами Великобритании, в том числе 3,9% — в США, 3,1% — в ЮАР; 9,9% словаков — за пределами ЧССР, в том числе 8,4% — в США [24].

Заканчивая предварительную характеристику этникосов, необходимо особо подчеркнуть теснейшую связь собственно этнических явлений с социально-экономическими, которыми они в конечном счете и обусловлены. Вообще следует иметь в виду, что в объективной реальности этникос не существует вне собственно социальных институтов [25] различных уровней (от семьи до государства). При этом характер сочетания этнических свойств с собственно социальными в известной мере зависит от пространственных параметров этникоса, от компактного или рассеянного размещения самих носителей этнических свойств.

Среди компактных этнических образований особое место занимают те, что сопряжены с так называемыми социальными организмами, под которыми нами понимаются [26] отдельные территориально-политические (потестарные) общности (общества), представляющие собой самостоятельные макроединицы общественного развития (племена — в первобытном обществе, государства — в классовом) [27]. Возникающие при этом особые образования во

---

[23] Подобные примеры легко продолжить. Но и в свете приведенных кажется несколько странным утверждение, что раскол крупных национальных общностей на две части представляет исключительные в истории случаи. (См.: *Куличенко М. И.* Расцвет и сближение наций в СССР. Проблемы теории и методологии. М.: Мысль, 1981, с. 61).

[24] См.: Страны и народы: Земля и человечество. М.: Мысль, 1978, с. 337—339.

[25] Следует напомнить об условности самого разграничения собственно этнических и социальных явлений в узком значении слова, при котором под последними, как говорилось выше, прежде всего понимаются классово-профессиональные отношения и соответствующие им институты. Ведь социальное в широком значении этого слова включает в себя этническое, следовательно, этникосы сами представляют собой социальные институты.

[26] См. выше, с. 33—35.

[27] Правда, В. И. Козлов недавно предложил именовать «социальным организмом» любую этническую общность «пока она существует и воспроизводит себя (а это стремление характерно обычно и для ее отколовшихся частей)». См.: *Козлов В. И.* О классификации этнических общностей (состояние вопроса). — В кн.: Исследования по общей этнографии. М., 1979, с. 14. Однако это предложение представляется не очень удачным, по крайней мере, в трех отношениях. Во-первых, понятие «организм» предполагает пространственную целостность обозначаемого им объекта. Во-вторых, если «социальными организмами» именовать как территориально-политические (потестарные) общности, так и этносы, то мы лишимся однозначного употреб-

многих случаях обладают относительной самостоятельностью, обеспечивающей наиболее благоприятные условия для устойчивости этноса и его воспроизводства. Эти «синтетические» образования, являющиеся одной из важнейших форм существования этноса, могут быть, на наш взгляд, определены как этносоциальные организмы (сокращенно — эсо) [28].

Такого рода образования наряду с этнической (прежде всего культурной) обычно обладают территориальной, экономической, социальной и политической общностью (это, так сказать, максимальный вариант) [29]. Но основными компонентами эсо, несомненно, являются, с одной стороны, этнические, с другой — социально-экономические факторы. Следовательно, каждый этносоциальный организм включает ту часть соответствующего этникоса, которая размещена на компактной территории внутри одного политического (потестарного) образования и представляет, таким образом, определенную социально-экономическую целостность.

Составляя, как известно, базис всех общественных явлений, в том числе этнических, социально-экономические факторы значительно подвижнее последних. Именно этой относительной консервативностью, а также определенной самостоятельностью этнических свойств и обусловлена возможность сохранения одного и того же по своим этническим параметрам этникоса на протяжении нескольких социально-экономических формаций. Например, польский этникос существовал и при феодализме и при капитализме, существует он и при социализме (именно поэтому мы говорим о поляках применительно и к феодальной, и к капиталистической, и к социалистической эпохам).

Но иное дело этносоциальный организм. Принадлежность к той или иной формации неизбежно придает ему особый характер. Этот факт по существу и лежит в основе обычного для нашей литературы последних лет выделения таких историко-стадиальных типов этносоциальных общностей, как племя, народность, буржуазная и социалистическая нации [30].

ления интересующего нас термина, к тому же окажется, что один «социальный организм» (этнос) может быть частью другого «социального организма» (например, государства). В-третьих, и это особенно существенно, далеко не всякая этническая общность представляет «самостоятельную единицу общественного развития», каковой предлагается рассматривать «социальный организм» (см.: *Семенов Ю. И.* Категория «социальный организм» и ее значение для исторической науки. — ВИ, 1966, № 8, с. 94).

[28] См.: *Бромлей Ю. В.* Этнос и этносоциальный организм. — Вестник Академии наук СССР, 1970, № 8.

[29] Так как далеко не каждое из таких образований обладает своей «потестарной» надстройкой, представляется не приемлемым предложение В. И. Козлова именовать их «этнопотестарными организмами» (См.: *Козлов В. И.* О классификации этнических общностей. . ., с. 14).

[30] О «нации» как этнической общности см., например: *Джунусов М. С.* Нация как социально-этническая общность. — ВИ, 1966, № 4, с. 21; *Джандильдин Н.* Природа национальной психологии. Алма-Ата, 1971, с. 9; *Цемерян И. Н.* Теоретические проблемы образования и развития Советского

Впрочем, в нашей литературе, как мы уже знаем, высказывались сомнения относительно правомерности включения наций в число этносоциальных общностей. При этом наряду с утверждением, что якобы термин «этнический» за пределами этнографии в значении «национальный» не употребляется [31], можно встретить и другие попытки аргументировать указанную точку зрения. Одна из них сводится к ссылкам на то, что между нациями и народностями нет прямой этнической преемственности. Действительно, в ряде случаев нация возникает на базе нескольких народностей. Но и в этих случаях она обычно целиком включает эти народности, к тому же нередко находящиеся в генетическом родстве. Наглядный пример этого дает история формирования французской нации на основе двух народностей: северофранцузской и провансальской [32]. Вряд ли правильно сбрасывать со счета и тот факт, что зачастую одна и та же общность людей, имеющая единый этноним, на разных этапах развития является сначала донациональным, а затем национальным образованием. Например, русские выступают и как народность и как буржуазная и социалистическая нации.

Здесь следует упомянуть и мнение, согласно которому подвергнутые В. И. Лениным критике ошибки русского либерального народника Н. Михайловского заключались, в частности, в том, что он пытался изобразить нацию чисто этнической категорией, утверждая, будто национальные связи представляют собой продолжение и обобщение связей родовых. При этом родовые связи характеризуются как этнические, а национальные как социальные. Действительно, В. И. Ленин подчеркивал в полемике с Н. Михайловским решающее значение для формирования русской нации буржуазных связей [33], т. е. связей социальных (в узком значении слова). Но отсюда совсем не следует, что он рассматривал родовые связи как этнические [34]: известно, что термин «этнический» им

многонационального государства. М., 1973, с. 42, 64; *Агаев А. Г.* Объективный закон национальных отношений в развитом социалистическом обществе. — В кн.: Ленин. Советское многонациональное государство. Дагестан. Махачкала, 1974, с. 156; *Дашдамиров А. Ф.* Нация и личность, с. 33 и сл.

31 *Сатыбалов А. А.* Методологические вопросы классификации типов этнических (национальных) общностей, с. 154. Однако весьма показательно, что это утверждение не помешало его автору широко употреблять формулу «этнические (национальные) общности» (там же, с. 153—169), тем самым явно включая «национальное» в «этническое».

32 См.: *Люблинская А. Д.* К вопросу о развитии французской народности (IX—XV вв.). — ВИ, 1953, № 9, с. 78—96; *Покровская Л. В.* Провансализм (к вопросу о языковых отношениях в Южной Франции). — В кн.: Этнические процессы в странах зарубежной Европы. М., 1970, с. 83—100. Подробнее см. в данной книге, с. 305—306.

33 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 1, с. 154.

34 Кстати, напомним, что и современная наука не ограничивает этнические явления лишь «родовой» стадией общественного развития и вместе с тем не рассматривает «родовые связи» только как этнические. Более того, «род», являясь важнейшей социальной ячейкой первобытного общества, в известном смысле представляет собой «антиэтнос» (см.: *Бромлей Ю. В.* Этнос и этнография, с. 129, а также очерк одиннадцатый данной книги).

вообще не употреблялся. И вся его полемика с Н. Михайловским никоим образом не свидетельствует о такой трактовке родовых связей. Критическая мысль Ленина в ходе этой полемики направлена против переоценки Михайловским роли родовых связей как таковых в истории общественного развития вообще и русской истории в частности. Он особо подчеркивал отсутствие родовых связей уже в эпоху Московского царства, т. е. тогда, когда о национальных связях в собственном смысле слова едва ли можно было говорить [35]. И это лишний раз свидетельствует о том, что признание наличия у русской нации этнической преемственности отнюдь не дает оснований для заключения, будто тем самым она оказывается непосредственным продолжением родовых связей.

Характеризуя состояние рассматриваемого вопроса, нельзя не упомянуть и мнение М. И. Куличенко, что «пользование понятием «социально-этническая общность» применительно к нации приводит. . . к неправильной оценке соотношения социального и этнического в содержании понятия «нация», к недооценке первого и переоценке второго» [36]. Замечание это вызывает недоумение, хотя бы уже потому, что автор этих строк сам характеризует нацию как «социальный и этнический организм» [37]. Более того, в своей очередной работе он признает, что без этнических черт нет нации, что этническое — непременная сторона национального [38]. Выражается им понимание и того, что специалисты «применяют понятие «этническое» в узком смысле слова, чтобы полнее учесть его существенное отличие от понятия «социальное» и облегчить тем самым анализ этого сложнейшего аспекта жизни народов» [39]. И после всего этого следует утверждение, что новые понятия, указывающие на наличие в нации двух сторон — собственно социальной и этнической, ощутимых результатов не дают [40]. Вместо подобного рода определений, указывающих на сложность структуры нации, она квалифицируется просто как «социальная общность» [41]. Однако никто из характеризующих ее «новыми терминами» (как социально-этнической, так и этносоциальной общностью) не отрицает, что она является социальным образованием (ведь этническое в таком случае рассматривается как часть социального в широком значении слова) [42]. Но в данной связи возникает вопрос: какую в этом контексте познавательную нагрузку несет характеристика нации просто как социальной общности? Представляется очевидным, что в таком случае в познавательном

---

[35] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 1, с. 154.
[36] *Куличенко М. И.* Национальные отношения в СССР и тенденции их развития. М., 1972, с. 30.
[37] Там же, с. 58.
[38] Там же, с. 46, 52.
[39] Там же, с. 52.
[40] Там же, с. 53.
[41] Там же, с. 54.
[42] Данное обстоятельство, кстати сказать, очевидно и для автора цитируемой работы, который, в частности, признает, что «этническое — это тоже, конечно, социальное» (там же, с. 52).

отношении гораздо важнее выяснить ту differentia specifica, которая выделяет нации из различных видов социальных общностей людей, подобно тому как, скажем, понятие «социально-экономические» явления вычленяет их среди всей совокупности социального. Этой цели и служат новые термины, составленные из слов «социальный» и «этнический», в которых последнее слово выделяет нации из всех социальных общностей, ставя их в один ряд с другими типами этнических образований (народностями, племенами и т. п.).

Правда, при этом нельзя не учитывать и того, что лингвистическая «структура» самого термина, используемого в качестве «родового» понятия для наций и однопорядковых с ней общностей, отнюдь не нейтральна в семантическом отношении. В частности, уже обращено внимание на то, что при определении нации как «социально-этнической общности» составляющие этого последнего термина выступают в качестве равноправных, равнозначных [43]. Действительно, это так. Напомним в данной связи, что в русском языке (как и во многих других языках) существуют два способа словосложения: сочинительный и подчинительный. При сочинительном способе составляющие компоненты равноправны, независимы. Одно из важнейших свидетельств этого способа — соединение составляющих посредством дефиса [44]. При подчинительном словосложении «первая основа обычно подчинена второй части, поясняет, уточняет ее» [45]. О подчинительном способе, помимо отсутствия дефиса, свидетельствует, в частности, наличие суффикса лишь в последнем компоненте. Таким образом, если термин «социально-этнический» представляет собой пример сочинительного словосложения, то термин «этносоциальный» — подчинительного (суффикс *-альный* во втором компоненте), причем «опорной основой» выступает слово «социальный», а «этно» выполняет поясняющую функцию. Иначе говоря, в термине «социально-этнический» социум (общество) и этнос как бы приравниваются; термин же «этносоциальный» означает, что речь идет прежде всего о социальной, обладающей какими-то этническими чертами, свойствами общности. Именно поэтому нами и отдается предпочтение прилагательному «этносоциальный».

Но, разумеется, рассматриваемый вопрос не сводится лишь к чисто грамматической стороне. Поэтому само по себе отнесение нации к числу этносоциальных организмов еще не решает полностью вопроса о значимости для нее этнических и социальных факторов. Наличие или отсутствие при этом переоценки этнического в ущерб социальному зависит прежде всего от понимания сущности данных факторов. И в этой связи представляется необходимым еще раз подчеркнуть, что социально-экономические па-

---

[43] *Козинг А.* Нация в истории современности, с. 143.
[44] *Потиха З. А.* Современное русское словообразование. М., 1970, с. 321.
[45] *Лопатин В. В.* Рождение слова: Неологизм и окказиональные образования. М., 1973, с. 15—16.

раметры этносоциальных организмов всех типов имеют определяющее значение для их принадлежности к формации. Важнейшую роль играют социальные факторы как для возникновения эсо, так и для их функционирования и развития; притом в этом отношении для разных типов эсо далеко не одни и те же виды социальных связей являются определяющими. Вместе с тем социальное в эсо (в том числе и нациях) находится в диалектической взаимосвязи, неразрывном единстве с этническим [46]. Собственно этнические компоненты являются непременными составляющими этносоциальных организмов всех типов, включая нации. Как уже справедливо отмечалось в нашей литературе, если экономические связи, даже весьма прочные, «не выступают во взаимосвязи с этническими факторами, то и не ведут к образованию каких-либо национальных связей» [47], иначе говоря, к возникновению наций. Это обусловлено тем, что этнические факторы играют своеобразную системообразующую роль для всех типов эсо, ибо каждый этносоциальный организм (будь то племя, народ или нация) включает только лиц одной этнической принадлежности, только одного этноса. В данной связи весьма показательно, как уже отмечалось, что при решении вопроса о differentia specifica нации среди других общностей людей неизбежно в такой роли оказываются ее этнические свойства. Это особенно наглядно проявляется при сопоставлении нации с государством (страной). Так же, как последнее, нация характеризуется собственно социальными (в том числе экономическими) связями, но в отличие от нации государственная политическая единица далеко не обязательно обладает этнической однородностью, будучи обычно в той или иной мере многонациональной. Например, хотя все население Социалистической Республики Румынии охвачено экономическими и другими собственно социальными связями, однако к румынской нации может быть отнесена только та его часть, которая обладает соответствующими этническими чертами (88,3% населения страны на 1978 г.[48]). Стало быть, если утверждать, что нация не этническая, а только социальная (в узком значении слова) общность, то будет утрачено основание для ее отграничения от других общностей людей (в первую очередь от государства).

В данной связи привлекает внимание представление, что «нация принадлежит к тем историческим социальным явлениям, которые существуют только в этнической форме» [49]. Иначе говоря, этническое рассматривается как фактор, играющий для нации формообразующую роль. При этом, очевидно, «форму» следует понимать в научном значении этого слова, т. е. как «структуру»,

---

[46] Ленинизм и национальный вопрос о современных условиях. М., 1974, 2-е изд., с. 14.
[47] Ленинизм и национальный вопрос. . ., с. 126.
[48] См.: *Брук С. И.* Население мира. Этнодемографический справочник. М., 1981, с. 325.
[49] *Калтахчян С. Т.* Вступительная статья. — В кн.: *Козинг А.* Нация в истории и современности. М., 1978, с. 6—7.

и, стало быть, речь в данном случае должна идти о структурообразующей роли этнического. Понимание же этнического как «внешней формы» («внешней оболочки») нации было бы явным упрощением проблемы. Правда, этнические функции, как правило, выступают в качестве «дополнительных» к основным функциям тех или иных общественных явлений [50] и осуществляются довольно часто их внешними чертами. Однако этническому присуща и роль основного содержания: такую роль оно, в частности, выполняет в этническом самосознании [51].

Рассматривая этническое как системообразующий для нации фактор, необходимо вместе с тем особо подчеркнуть, что этим такого рода факторы далеко не исчерпываются. Важнейшая системообразующая роль в данном отношении принадлежит собственно социальным свойствам нации. Ведь именно они определяют не только формационную принадлежность соответствующего социального организма, но и его пространственные рамки.

Как показывает этническая история человечества, при смене основных типов эсо их социально-экономические и этнические параметры изменяются по-разному. Если для первых характерны кардинальные изменения и в этом смысле — разрыв постепенности, то для вторых — в той или иной мере преемственность. Это особенно наглядно проступает в тех случаях, когда переход от одного типа эсо к другому не связан со сколько-нибудь существенным изменением масштабов этникоса, в рамках которого он совершается. В данном отношении, пожалуй, наиболее показателен переход от буржуазных наций к социалистическим. И нельзя не согласиться с тем, что в таких случаях социально-экономическая, социально-классовая структура разрушается как целостность, хотя отдельные ее элементы переходят в новую структуру, образующую новую целостность; структура же этнического не подвергается ломке как таковая, а происходит лишь изменение ее элементов под влиянием преобразования социально-классовой структуры [52].

Возвращаясь к характеристике внутренней структуры этносоциальных организмов в целом, следует особо остановиться на вопросе о пространственных аспектах соотношения этникоса и социального организма. Дело в том, что в условиях классовых обществ оно далеко не всегда одинаково. При этом в зависимости от характера этого соотношения можно выделить три основных разновидности этносоциальных организмов.

Первую из них представляет такое совпадение этникоса и социального организма, при котором за пределами их общей территории данный этникос существует либо в гетерогенном

---

[50] См.: *Чистов К. В.* Этническая общность, этническое сознание и некоторые проблемы духовной культуры. — СЭ, 1972, № 3, с. 74.

[51] См.: очерк седьмой данной книги.

[52] *Джунусов М. С.* Общественный прогресс и национальные отношения. Алма-Ата, 1976, с. 42.

виде, либо в виде небольших гомогенных групп, не обладающих сколько-нибудь полной общественно-экономической самостоятельностью.

Примером этой разновидности среди современных этнических общностей может служить датская нация, поскольку за пределами Дании датский этникос находится в дисперсном состоянии. Еще одним примером являются словаки, подавляющее большинство которых составляет одну из наций Чехословацкой Социалистической Республики (или словацкий социальный организм — Словацкую Социалистическую Республику), и лишь незначительная часть проживает за ее границами как в гетерогенном состоянии, так и в форме небольших гомогенных групп (например, словацкие поселения в СССР, в Венгрии, в Югославии, в Румынии). Существовала подобная разновидность этносоциальных организмов и в далеком прошлом. Так, можно полагать, что уже в архаический период (3000—2500 лет до н. э.) Древний Египет представлял собой по существу моноэтническое государство, подавляющую массу населения которого составляли (не считая, разумеется, рабов) египтяне.

Вторую разновидность сочетания основных компонентов при образовании этносоциального организма представляют случаи, когда из одного этникоса социальные организмы вычленяют несколько этносоциальных образований. Наглядным примером разделения одного этникоса на отдельные этносоциальные организмы могут служить два современных германских государства — ГДР и ФРГ. Здесь мы имеем в пределах одного этникоса одновременно два различных исторических типа этносоциальных организмов, принадлежащих к разным формациям. Вместе с тем на основе одного этникоса, разделенного между двумя государствами (т. е. двух эсо), при наличии соответствующих условий может сложиться единый этносоциальный организм. Примером этого может служить недавнее образование Социалистической Республики Вьетнам. В прошлом примеры подобного соотношения этникоса и социальных организмов дает Древняя Греция. Здесь в середине I тысячелетия до н. э. в пределах эллинской этнической общности [53] существовало несколько городов-государств (полисов), представляющих собой своеобразные этносоциальные организмы.

Наконец, в третью разновидность можно выделить случаи, когда в рамках одной социально-политической общности (государства) одновременно имеется несколько компактных и относительно самостоятельных этникосов. Образуемые при этом этносоциальные организмы следует, очевидно, рассматривать как имеющие не вполне завершенную структуру, поскольку они лишены собственной политической надстройки [54]. Классическим

---

[53] Имеются данные, позволяющие говорить о наличии общеэллинского самосознания в VII в. до н. э. (*Ehrenberg V.* Hellens. — In: The Oxford Classical Dictionary. Oxford, 1953, p. 411).

[54] В частности, в силу этого обстоятельства термин «этносоциальный организм» представляется в данной связи предпочтительней термину «этнопо-

образцом этого варианта являются такие нации дореволюционной России, как, скажем, украинская, литовская, грузинская, армянская и т. д. Другим примером может служить Иран. Начиная с момента своего возникновения в эпоху Ахеменидов (с VI в. до н. э.) и до наших дней, это государство отличает полиэтничность. В настоящее время здесь имеется несколько народов, насчитывающих свыше миллиона человек: персы (16 млн.), азербайджанцы (5,8 млн.), курды (3,2 млн.), гилянцы (2 млн.), мазандеранцы (1,3 млн.); кроме того, по всему Ирану разбросано большое число менее крупных этнических общностей [55].

Из фактов неполного совпадения в пространственном плане этникоса и социального организма при «образовании» эсо было бы, однако, неверно делать вывод, что последние представляют простую сумму двух общностей: этнической и социальной. В действительности эсо представляет собой их неразрывное единство. В силу этого социальная общность каждого эсо в пространственном плане как бы вписывается в его этнические границы; в свою очередь, к каждому эсо относится только та часть этникоса, для которой характерны общие социально-политические (потестарные) параметры.

Разграничение понятий «этникоса» (этнос в узком значении слова) и «этносоциального организма» позволяет существенно конкретизировать вопрос о соотношении этнических общностей и государства. Если иметь в виду собственно этнос (этникос), то мы могли уже убедиться, что государственная принадлежность не является его непременным компонентом, как это считают некоторые авторы [56]. Ведь один и тот же этнос (этникос) может одновременно находиться в различных государственно-политических образованиях. Что же касается этносоциального организма, то эта общность и государство находятся в неразрывном единстве. Однако тесное единство, как уже говорилось, не всегда означает полное тождество. Часто этносоциальный организм и государство лишь сопряжены. При этом в одних случаях, помимо основного этносоциального организма, государство может включать отдельные этнические группы, не представляющие целостных этносоциальных образований, в других — в рамках одного государства могут функционировать несколько этносоциальных организмов.

Разграничение узкого и широкого значений термина «этнос» проливает, на наш взгляд, дополнительный свет и на вопрос

тестарный организм» (см.: *Козлов В. И.* О классификации этнических общностей, с. 14—15). Ведь при употреблении последнего термина все рассматриваемые выше случаи третьей разновидности неизбежно окажутся вне категории «организмов» этнического характера. Между тем этникосы, находящиеся в пределах территориально-потестарных (государственных) образований, несомненно отвечают представлению об организме как о самовоспроизводящейся целостности (См. об этом также на с. 62—63, сн. 27).

[55] *Брук С. И.* Население мира. Этнодемографический справочник, с. 441—442.

[56] *Токарев С. А.* Проблема типов этнических общностей (к методологическим проблемам этнографии), с. 53.

о соотношении понятий «нация» и «национальность», остающийся в известной мере все еще дискуссионным. В этой связи особое внимание привлекает полемика, развернувшаяся вокруг предложения С. Т. Калтахчяна рассматривать национальность как этническую характеристику нации. Одним авторам, например И. П. Цемеряну, кажется, что такой подход, предполагая появление национальности задолго до возникновения нации, тем самым означает, что национальность «представляет собой чуть ли не от века данное!» [57]. Действительно, этническая сторона каждой нации во многих случаях, как мы уже могли убедиться [58], формируется задолго до появления таковой [59]. Но из этого отнюдь не следует, что она представляет собой явление «чуть ли не от века данное» (а тем более, что извечна национальность) [60]. Этнические явления, хотя и более устойчивы, чем социально-экономические, однако тоже изменчивы, что, в частности, фиксирует специальное понятие «этнические процессы».

В связи с рассматриваемым вопросом привлекает внимание проделанный немецким философом-марксистом А. Козингом тщательный анализ употребления терминов «нация» и «национальность» в трудах основоположников марксизма. В результате такого анализа он пришел к выводу, что это употребление никоим образом не противоречит той точке зрения, согласно которой национальность есть этническая характеристика нации [61]. И этот вывод, на наш взгляд, обоснован в целом достаточно убедительно [62]. Отсылая читателя к соответствующим страницам его работы [63], вместе с тем необходимо напомнить, что, как уже отчасти отмечалось, само слово «национальность» далеко не однозначно [64]. Даже его «этническая» семантика не исчерпывается

---

[57] *Цемерян И. П.* Некоторые актуальные вопросы. . ., с. 26.

[58] См. выше, с. 64.

[59] И уже чисто терминологическим является вопрос относительно того, каким словом обозначить предшествующую нации одноименную ей этническую общность и, в частности, использовать ли для этой цели термин «национальность» (см. с. 72).

[60] По словам И. П. Цемеряна, авторы, рассматривающие национальность как этническую сторону нации, считают, что «нации как этнические общности. . . существовали задолго до возникновения наций» (*Цемерян И. П.* Некоторые актуальные вопросы. . ., с. 25—26). Конечно, нации не могли существовать до возникновения нации. Но одноименные этнические общности действительно нередко намного предшествовали появлению наций (об этом, например, свидетельствует история таких этнических общностей, как армяне, болгары, венгры, поляки, турки, хорваты, чехи и т. д.).

[61] *Козинг А.* Нация в истории и современности, с. 167—172. (Ср.: *Кулиненко М. И.* Национальные отношения в СССР . . ., с. 55—58).

[62] Впрочем, детали этого анализа представляются не бесспорными: например, мнение, что шотландцы и валлийцы вошли в английскую нацию (см.: *Козинг А.* Нация в истории и современности, с. 171), разумеется, если под нацией понимать не политическую, а этносоциальную общность.

[63] *Козинг А.* Нация в истории и современности, с. 167—172.

[64] В частности, привлекает внимание трактовка термина «национальность», предлагаемая М. И. Куличенко. По его мнению, «национальная принадлежность не только во многом, но нередко и целиком определяется не

лишь «этнической характеристикой нации». В частности, из приведенных А. Козингом примеров достаточно хорошо видно, что национальности включают группы людей, которые, хотя и находятся за пределами соответствующей нации, но имеют с ее членами одну этническую принадлежность. Нетрудно заметить, что в данном случае речь идет об употреблении слова «национальность» в значении «этникос» (в представлении о «национальности» как «этнической характеристики нации» имеется в виду лишь та част этникоса, которая сопряжена с ней). Далее, «этническая» семан тика слова «национальность» включает (во всяком случае в русском языке) такое значение, как просто принадлежность к определенной этнической единице, не только к нации, но также к народности и даже к так называемым национальным (этническим) группам, под которыми обычно понимаются те части этникоса, что находятся за пределами нации и народности. Еще одно значение слова «национальность» — это этнические общности, предшествующие нации (в первую очередь народности), притом понимаемые не только как этникосы, но и как этносоциальные образования [65]. Наконец, перечисляя значения слова «национальность», вряд ли следует полностью игнорировать и употребление его в ряде западноевропейских языков в смысле «гражданство», «подданство» (английское — nationality, французское — nationalité). Это не лишне учитывать хотя бы уже потому, что именно с таким значением мы сталкиваемся в ходе все расширяющихся международных научных связей в области общественных наук. К тому же следует иметь в виду, что в русском языке прилагательное «национальный», этимологически связанное со словом «национальность», не-

---

самосознанием этнической принадлежности, а именно теми социально-экономическими и политическими связями, которые складываются в ходе исторического развития» (*Куличенко М. И.* Национальные отношения в СССР. . ., с. 54—55). Вместе с тем он характеризует национальность как совокупность «черт и признаков, по наличию которых люди определяют свою принадлежность к нации, народности, национальной и этнической группе» (там же, с. 54). Совершенно очевидно, что если использовать это определение, то в одной национальности окажутся представители и нации и одноименной национальной группы, независимо от того, обладают ли они одинаковыми или разными социально-экономическим параметрами, имеют или не имеют общую территорию.

[65] В этой связи следует напомнить, что еще в 1941 г. советский историк И. В. Арский, сославшись на отдельные высказывания Ф. Энгельса, предложил обозначить словом «национальности» общности, непосредственно предшествующие нации (*Арский И. В.* Вопрос о формировании национальностей в Западной Европе. — Учен. зап. ЛГУ. Серия исторических наук, 1941, вып. 12, с. 116). Недавно это предложение было поддержано (правда, с некоторыми оговорками) А. Козингом, полагающим, что одно из основных (двух) значений слова национальность — форма, исторически предшествовавшая нации и представляющая собой ее естественно-историческую этническую основу (*Козинг А.* Нация в истории и современности, с. 154—162). На наш взгляд, это предложение, однако, недостаточно эффективно, поскольку еще более расширяет семантику и без того многозначного слова «национальность». (Ср.: *Сатыбалов А. А.* Методологические вопросы. . ., с. 164—165).

редко (в виде кальки с западноевропейских языков) употребляется в значении «государственный» (например, «национальный доход», «национальные вооруженные силы» и т. п.).

Вся эта многозначность существительного «национальность», а тем более прилагательного «национальный» неизбежно порождает недоразумения, связанные с их неадекватным толкованием, создает дополнительные трудности на пути углубленного изучения национальных явлений. Поэтому представляется необходимым как-то размежевать хотя бы основные значения интересующих нас терминов. На наш взгляд, в известной мере такой цели можно достичь путем добавления к слову «национальность» (resp. — «национальный») специальных «индикаторов». Для начала предложим один такой индикатор, призванный подчеркнуть употребление этого слова в собственно этническом значении (в смысл «этникос»): имеется в виду использовать термин «этнонациональность» [66] (resp. — «этнонациональный») [67].

Возвращаясь к основному нашему вопросу — сопоставлению этникосов и эсо в целом, подчеркнем, что последние в своей совокупности (в отличие от первых) полностью не исчерпывают всей ойкумены. Дело в том, что в большинстве социальных организмов (во всяком случае современных) обычно наряду с основной этнической общностью, образующей эсо (или основными общностями, образующими ряд эсо), присутствуют большие или меньшие иноэтнические вкрапления — осколки этникосов, ядра которых находятся в других социальных организмах. При этом такие вкрапления — этнические группы — могут находиться в компактном и в дисперсном состоянии. Первые из них принято именовать этноареальными, вторые — этнодисперсными группами [68].

Хотя такие группы и не представляют эсо, однако они, разумеется, не лишены определенных социальных параметров. Как уже отмечалось, вообще этникос в объективной реальности не существует вне социальных образований (в узком значении этого слова) [69]. Причем роль таковых могут выполнять самые различные социальные общности. В случае, когда этникос образует эсо, в такой роли, как мы знаем, выступает государство (точнее, социальный организм) [70]; в случае, когда он образует этноареальную или этнодисперсную группу, — семья, община, совокупность семей и т. п. Поэтому, когда речь идет об отдельных частях этни-

---

[66] Ср. в английском языке термин «ethnic nationality», употребляемый для обозначения этнической принадлежности.

[67] Этот термин при использовании слова «национальный» в этническом значении, постепенно начинает у нас входить в научный обиход (см., например: Современные этнонациональные процессы в странах Западной Европы. М., 1981, с. 184).

[68] См.: Современные этнические процессы. М., 1977, 2-е изд., с. 17.

[69] В данной связи привлекает внимание мнение М. И. Артамонова, что этнос сам по себе — аморфное явление (*Артамонов М.* Снова «герои» и «толпа». — Природа, 1971, № 2, с. 76).

[70] Следует иметь в виду, что отдельные этникосы вообще не имеют «своего» эсо (таковы, например, цыгане).

косов, обособленных от их основного массива, очевидно, можно эти части рассматривать как этносоциальные группы [71]. Иногда такие группы имеют несколько иные этносоциальные параметры, чем основной этнический массив государства (например, в средние века немецкие переселенцы в некоторых славянских странах, имевшие льготные права); чаще же этноареальные и этнодисперсные группы бывают теснейшим образом вовлечены в систему социально-экономических связей, характерных для того социального организма, в пределах которого они находятся [72]. Однак место, занимаемое разными этническими группами в такого рода системе в рамках даже одного и того же социального организма, далеко не всегда одинаково. На этой основе возникает так называемая этническая стратификация. Она особенно отчетливо проявляется в полиэтничных антагонистических классовых обществах, для которых характерно гетерогенное размещение этнических групп. По мнению авторов специального исследования этой проблемы, «этнические категории составляют важную основу для стратификации, так как люди считают их естественными подразделениями человечества» [73]; при этом они отмечают, что привилегированные и подчиненные этнические группы искусственно углубляют свои культурные различия и стремятся законсервировать и упрочить свой особый образ жизни [74]. В тех случаях, когда в стране проживает значительное число этнических групп, подчас при соответствующих других условиях (прежде всего антагонистических классовых отношениях) складывается целая градация социальных стереотипов, отражающих установившиеся предубеждения о социальном статусе каждой из этих групп; при этом подобные стереотипы не остаются неизменными [75].

---

[71] Даже самые малочисленные этнические группы, существующие в форме отдельных «простейших» социальных институтов-семей, обладают способностью к самовоспроизводству. Однако такое воспроизводство обычно относительно кратковременно (ограничивается двумя—тремя поколениями). В данной связи, в частности, достаточно показательны отдельные факты сравнительно быстрой ассимиляции малых этнических групп, оказавшихся вне «своей» родо-племенной или социально-политической общности. Более крупные этнические группы, как правило, сохраняются значительно дольше.

[72] Нередко такие группы стремятся, используя этнический фактор, «институализироваться» как целое, создавая те или иные общие образования культурного, религиозного и даже административного характера.

[73] *Shibutani T., Kwan K. M.* Ethnic Stratification: A Comparative Approach. New York, 1965, p. 46.

[74] См. там же, с. 34—35.

[75] Определенное представление о такого рода предубеждениях и их динамике дают специальные обследования, проведенные в США в 1926 и 1946 гг. среди представителей 40 этнических и этнорасовых групп. Составленная на основе этого обследования шкала (по методу Э. Богартуса) отражает «степень предпочтения», выраженного опрошенными по отношению к лицам различной этнической и этнорасовой принадлежности. В 1926 г. на первом месте в этой шкале оказались англичане, на пятнадцатом —итальянцы, на тридцатом — негры, на тридцать четвертом — корейцы; в 1946 г. на первое место переместились американцы (белые, родившиеся в США;

Отражая в той или иной мере различные градации в социально-экономическом, а вместе с тем и в правовом положении отдельных этнических групп, этническая стратификация в конечном счете — порождение классово-антагонистических отношений. Именно поэтому она принципиально чужда социализму. Это, как известно, не исключает хозяйственно-культурной специфики отдельных этнических подразделений. Но такого рода различия не влекут за собой в условиях социализма неравноправия, о чем подробнее пойдет речь ниже.

Особенно существенные различия в статусе этнических групп (как и эсо), разумеется, имеют место в случае их принадлежности к разным социально-экономическим формациям. Это относится, в частности, и к тем этническим группам, которые представляют части одного и того же этникоса (например, украинцы ЧССР и Канады).

Возвращаясь к вопросу о соотношении этникоса и одноименных этносоциальных образований, следует подчеркнуть, что последние не исчерпываются этносоциальными организмами. Соответственно основными формами существования этносов, очевидно, следует считать, с одной стороны, этникосы, с другой — не только эсо, а и всю совокупность этносоциальных образований.

В силу различий в соотношении этникосов и социальных организмов последние выступают как моноэтничные или полиэтничные образования. В первом случае этникос и социальный организм в пространственном плане полностью или почти полностью совпадают; при этом социальный организм включает либо одно эсо, либо, кроме того, лишь небольшую долю других этнических вкраплений — этнических групп. Во втором случае социальный организм состоит из нескольких этникосов, которые образуют либо отдельные эсо, либо этнические группы (чаще и то и другое). Соотношение этих образований и определяет этнический облик полиэтничных социальных организмов — степень их этнической мозаичности.

При классификации этнических общностей следует также учитывать и то, что этникосы, возникшие на разных стадиях социально-экономического развития человечества, нередко сосуществуют одновременно. В частности, многие этникосы, появившиеся еще в далеком прошлом, сохраняются до наших дней. И хотя суть конкретных этнических образований в каждый данный момент определяется социально-экономическими чертами,

---

в 1926 г. они были на втором месте), на пятнадцатом оказались поляки (итальянцы передвинулись на девятнадцатое место), на тридцатом — японцы, на тридцать четвертом — негры. (См.: *Bogardus E. S.* Changes in Racial Distances. — International Journal of Opinion and Attitude Research, 1947, N 1, p. 58; *Van der Zanden J. W.* American Minority Relations, 1946, p. 73. Критическую характеристику приведенных здесь данных см.: *Громов Ю. А.* Расизм, расовые предрассудки и предубеждения — характерные черты современного капиталистического общества. — В кн.: Расы и общество. М., 1982, с. 200—202).

обусловленными их формационной принадлежностью, тем не менее стадиально-генетические факторы обычно сказываются на «внешних» параметрах таких общностей (масштабах, структуре и т. п.). Поэтому представляется целесообразным терминологически фиксировать то обстоятельство, что одни из этникосов (этносов) возникли еще в условиях первобытнообщинного строя (например, многие народы Севера), другие — в докапиталистических классовых обществах (например, русские), третьи — при капитализме (например, французы) и социализме (например, алтайцы). При этом первый тип этникосов (этносов) предлагается именовать «архогенетическими», второй — «палеогенетическими», третий — «неогенетическими».

Говоря о необходимости разграничения узкого и широкого значения термина «этнос», мы должны особо подчеркнуть, что их смешение чревато подменой одного другим. С такой подменой, в частности, связан один из основных пороков определения нации О. Бауэром. Характеризуя нацию, О. Бауэр фактически имеет в виду национальность. Об этом наглядно свидетельствует как его тезис, что нация «мыслима вопреки территориальному разделению», так и особенно ссылка в данной связи на то, что, например, «немец, находящийся в Америке . . . остается немцем, вопреки своей территориальной оторванности от родины» [76]. Подменяя, таким образом, этносоциальный организм — нацию этникосом — национальностью [77], О. Бауэр к тому же ошибочно интерпретирует последнюю. Впрочем, на это обстоятельство (к нему нам еще придется возвращаться) [78] уже не раз обращалось внимание в нашей литературе [79], в то время как указанная подмена, хотя и однопорядковых, но далеко не идентичных явлений, обычно оставалась в тени.

Разграничение понятий «этникос» (этнос в узком смысле слова) и «этносоциальный организм» проливает дополнительный свет также на остающийся все еще дискуссионным вопрос о соотношении этнической и экономической общностей. Существующий до сих пор в нашей литературе разнобой по данному вопросу [80], несомненно, главным образом объясняется смешением двух значений, вкладываемых в термин «этнос».

---

[76] *Бауэр О.* Национальный вопрос и социал-демократия. СПб., 1909, с. 136.

[77] Весьма показательно, что, анализируя работу О. Бауэра по национальному вопросу и имея в виду при этом нацию в полном смысле данного слова, В. И. Ленин особо подчеркивал значение для нее общности территории и экономики. См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 25, с. 258—259; Ленинский сборник, 1937, XXX, с. 53; *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 30, с. 262.

[78] См. ниже, с. 118 (прим. 142), 161, 209 (прим. 30).

[79] См., например: *Баграмов Э. А.* Национальный вопрос и буржуазная идеология (Критика новейших политико-социологических концепций). М., 1966; *Калтахчян С. Т.* Ленинизм о сущности нации. . .

[80] См. об этом: *Козлов В. И.* Этнос и экономика. Этническая и экономическая общности. — СЭ, 1970, № 6, с. 47—49.

В самом деле, если иметь в виду этнос в узком значении слова (этникос), то какой бы смысл мы ни придавали понятию «экономическая общность», все равно нет никаких оснований говорить, например, о непременном наличии такой общности у одного этноса, находящегося в составе разных государств.

Эта несовместимость понятий «экономическая общность» и «этнос» в узком смысле слова убедительно продемонстрирована В. И. Козловым в специальной статье о соотношении этноса и экономики [81].

Иное дело этносоциальный организм. Весьма показательно в данной связи, что, как правило, в нашей литературе «экономическая общность» считается важнейшим признаком такого этносоциального организма, как нация. Правда, в понятие «экономическая общность» вкладывается при этом самое различное содержание. Весьма наглядно это проявилось во время развернувшейся в конце 60-х годов дискуссии по теории нации, в ходе которой неоднократно предпринимались попытки уточнить понятие «общность экономической жизни». Одни участники дискуссии предлагали понимать такую общность как устойчивую «общность хозяйственной жизни (при наличии рабочего класса)» [82], другие — как «общность экономических связей» [83], третьи — как «единство промышленной экономики» [84], четвертые просто ссылались в данной связи на «экономику» [85], предоставляя читателям самим догадываться о вкладываемом в это понятие содержании.

Как справедливо замечает в данной связи В. И. Козлов, наличие различных точек зрения «в значительной степени обусловлено терминологическо-понятийной нечеткостью» [86]. И это делает необходимым рассмотрение в первую очередь вопроса о трактовке самого понятия «экономика». Как известно, оно имеет два основных значения: политэкономическое и экономгеографическое. В первом случае имеются в виду преимущественно или даже исключительно производственные отношения [87], т. е. отношения людей друг к другу в процессе производства [88]. При экономгеографическом определении понятия «экономика» (фиксирующем внимание на отношении людей к природе) под этим понятием прежде всего подразумевается совокупность отраслей хозяйства какой-то тер-

---

[81] *Козлов В. И.* Этнос и экономика. . ., с. 49.

[82] *Рогачев И. М., Свердлин М. А.* Нации — народ — человечество. Л., 1967, с. 12; *Они же.* О понятии нация. — ВИ, 1966, № 1, с. 45.

[83] *Калтахчян С. Т.* Ленинизм о сущности нации . . ., с. 190.

[84] *Бурмистрова Г. Ю.* Некоторые вопросы теории нации. — ВИ, 1966, № 12, с. 109.

[85] *Агаев А. Г.* Нация, ее сущность и самосознание. — ВИ, 1967, № 7, с. 95—99.

[86] *Козлов В. И.* Этнос и экономика. . ., с. 48.

[87] Обзор различных точек зрения по этому вопросу см.; *Кузьминов И. И.* Очерки политической экономии социализма. Вопросы методологии. М., 1971, с. 28—57.

[88] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. т. 13, с. 6—7.

ритории (например, «экономика СССР») [89], народное хозяйство данной страны, данного района [90].

Совершенно очевидно, что при экономгеографическом определении экономики понятие «экономическая общность» приложимо к любому ареалу (даже расчлененному политическими границами) [91]. Следовательно, оно ни в коей мере не выражает своеобразия нации по сравнению с любой другой группой людей, занимающей определенную территорию [92]. Не случайно сторонники трактовки «экономической общности» как «общности хозяйственной жизни» в конечном счете видят в последней хозяйственные связи [93]. Но хозяйственные, или экономические, связи — это уже компонент производственных отношений, т. е. категория не экономгеографическая, а политэкономическая.

Если иметь в виду этнос в узком смысле слова (этникос), то, как уже говорилось, к нему неприложимо представление о любом виде «экономической общности», в том числе «общности экономических связей». Но этнос в широком значении слова, т. е. этносоциальный организм, несомненно, обладает определенной общностью экономических связей. Правда, для разных исторических типов этносоциальных организмов степень развития таких связей неодинакова [94]. Но для нации они особенно характерны.

Таким образом, казалось бы наиболее естественным сводить «экономическую общность» нации (пока мы рассматриваем лишь этот тип этносоциального организма) к «общности экономических связей» [95].

Однако экономика в политэкономическом ее понимании, т. е. производственные отношения, далеко не исчерпываются экономическими связями. Ядро производственных отношений составляют, как известно, отношения собственности на средства производства. Стало быть, с позиций политэкономии «экономическую общность» следует прежде всего рассматривать как совокупность людей, объединенных едиными производственными отношениями. Иначе говоря, это определенная социальная целостность, состоящая из связанных производственными отношениями классов. В данной связи естественно возникает вопрос: представляет ли нация такого рода совокупность или, другими словами, социально-экономическое целое?

---

[89] *Козлов В. И.* Этнос и экономика. . ., с. 48—49.

[90] *Рогачев П. М., Свердлин М. А.* Нации — народ — человечество, с. 17—18.

[91] Например, можно говорить об определенной экономической общности скандинавских стран, стран Латинской Америки, стран Тропической Африки и т. п.

[92] Ср.: *Козлов В. И.* Этнос и экономика. . ., с. 50.

[93] См.: *Рогачев П. М., Свердлин М. А.* Нации — народ — человечество, с. 14.

[94] См. об этом, например: *Сатыбалов А. А.* Методологические вопросы классификации. . ., с. 156—160.

[95] Иногда эти два понятия полностью отождествляются. Так, В. И. Козлов пишет: «Экономической общностью является общность людей, основанная на экономических (или хозяйственных) связях между ними» (*Козлов В. И.* Этнос и экономика. . ., с. 51).

Понимая нацию как этносоциальный организм, мы, очевидно, должны ответить на этот вопрос положительно. Даже в случае, если нация не имеет «своего» государства, то и тогда для нее характерен определенный господствующий тип производственных отношений и соответствующие социальные связи (например, украинская нация в составе Российской империи конца XIX—начала XX в.). Правда, нам могут возразить, что если нация расчленена политическими границами (т. е. находится в составе двух государств), то она может иметь разные типы господствующих производственных отношений. Однако нам уже приходилось отмечать, что в таком случае мы имеем два этносоциальных организма (и, стало быть, не одну нацию, в нашем понимании этого термина, а две нации, принадлежащие к одному этносу в узком значении данного термина).

Таким образом, «экономическая общность» нации, на наш взгляд, это не только «общность экономических связей», но и определенная совокупность классов (при капитализме — антагонистических, при социализме — дружественных), социально-экономическое целое.

Однако «экономическая общность» нации не просто совокупность любых связанных производственными отношениями классов. Это, как известно, классовая структура совершенно определенного уровня — уровня капиталистической и социалистической формаций. В данной связи нельзя не отметить, что именно это и попытались учесть в своей трактовке «экономической общности» нации авторы, предложившие при ее расшифровке указывать на наличие рабочего класса [96]. Это предложение довольно точно отражает одно из основных отличий классовой структуры наций от предшествующих ей исторических типов этносоциальных организмов. Вместе с тем очевидно, что расшифровка «экономической общности» как «наличие рабочего класса», с точки зрения логики, далеко не безупречна. Следовательно, либо необходимо, помимо «экономической общности», указывать отдельно на наличие рабочего класса как на характерную черту нации (фактически это, собственно, и делают рассматриваемые авторы), либо понимать «экономическую общность» как определенную классовую структуру, включающую рабочий класс. Мы отдаем предпочтение последнему варианту хотя бы потому, что в противном случае подчеркивается лишь общее в классовой структуре буржуазных и социалистических наций. В частности, при характеристике «общности экономики» или «общности экономической жизни» буржуазной нации, на наш взгляд, речь должна идти прежде всего о рабочем классе и о капиталистах, связанных в ее рамках единым способом производства [97]. Определяя же «экономическую общ-

---

[96] *Рогачев П. М., Свердлин М. А.* Нации — народ — человечество, с. 12, 15—17.

[97] В частности, при такой трактовке «общности экономической жизни» вряд ли есть основания опасаться, что эта формула может дать повод ду-

ность» социалистических наций, видимо, тоже следует указывать хотя бы два основных класса соответствующей формации: рабочих и крестьян [98].

После всего сказанного о соотношении «экономической общности» и нации решение аналогичного вопроса применительно к остальным историческим типам этносоциальных организмов представляется достаточно тривиальным. Хотя в целом в докапиталистических формациях экономические связи были значительно слабее, чем в новое и новейшее время [99], тем не менее относительно соответствующих этносоциальных организмов (племен и народностей) можно, очевидно, так же, как и о нациях, говорить, что у них имеется «экономическая общность», поскольку все они (в отличие от этносов в узком смысле слова) представляют определенную социально-экономическую целостность [100].

Собственно социальная сторона этносоциальных общностей наряду с социально-экономическими чертами характеризуется также определенными идейно-потестарными (политическими) параметрами, однотипными тем, что присущи соответствующим социальным организмам. В антагонистических социально-экономических формациях это прежде всего идеология и политика господствующих классов.

Наконец, следует напомнить, что этносоциальные общности, как и любые виды этнических образований, обладают определенной демографической структурой. Ведь этнос представляет собой совокупность людей, способную к демографическому самовоспроизводству. Вместе с тем в его рамках наличествует разделение по полу и возрасту, происходит смена поколений, имеет место естественный прирост (или убыль) населения [101], немалое значение для функционирования этноса имеет и такой количественный показатель как численность составляющих его людей. В масштабах всего человечества эти демографические факторы

мать, что при капитализме существует общность интересов эксплуататоров и эксплуатируемых (см.: *Калтахчян С. Т.* Ленинизм о сущности нации. . ., с. 189—190).

[98] Кстати, указание при характеристике «экономической общности» нации на ее классовую структуру (капиталистическую или социалистическую) делает совершенно излишним специальное упоминание о наличии промышленности.

[99] Следует также учитывать качественно различный характер экономических связей внутри этносоциальных организмов разных формаций. См.: *Ганковский Ю. В.* Народы Пакистана (основные этапы этнической истории). М., 1964, с. 7—13; *Сатыбалов А. А.* Методологические вопросы классификации. . ., с. 156—160.

[100] Показательно, что если в таких этносоциальных организмах даже после уничтожения антагонистических классов не сложилась развитая классовая структура, типичная для социалистической формации, то они обычно по-прежнему именуются «народностями» (подробнее об этом см. ниже).

[101] См.: *Пименов В. В.* Удмурты. Опыт компонентного анализа этноса. Л., 1977, с. 13, 40.

в сочетании с собственно этническими показателями образуют этнодемографическую структуру населения мира [102].

Этносы (в их двух основных формах) занимают центральное место в этнической структуре человечества. Но она не исчерпывается только ими, будучи чрезвычайно сложной. Эта сложность проявляется как в обилии вариантов существования этносов и типов этнических общностей, так и в их иерархичности. Однако для обозначения всего этого типологического многообразия используется весьма ограниченный арсенал символов (терминов). В результате нередко различные исследователи употребляют одни и те же термины для обозначения типологически различных этнических явлений. Этим, в частности, во многом обусловлены те расхождения, о которых шла речь в первом очерке.

Следует иметь в виду и то, что существующие типологизации [103] этнических общностей обычно ограничиваются лишь указанием на основные последовательно сменяющиеся типы этноса, оставляя, как правило, в тени вопрос о всем многообразии его одновременно существующих разновидностей.

Таким образом, совершенно очевидна настоятельная необходимость как более четкого семантического разграничения уже имеющихся терминов, так и введения новых.

Прежде всего представляется целесообразным терминологически разграничить различные уровни этнической иерархии. Для этой цели предлагается ввести следующие понятия [104]: а) «основные этнические подразделения» — совокупности людей, обладающие наибольшей интенсивностью этнических свойств и выступающие в качестве самостоятельных единиц общественного развития; б) «элементарные этнические единицы», или «микроэтнические единицы», — те наименьшие составные части основного этнического подразделения, которые представляют предел делимости последнего; в) «субэтнические подразделения» — общности, у ко-

---

[102] См.: Народы мира. Численность и расселение народов мира. М., 1962; Страны и народы. Земля и человечество. М., 1978; *Брук С. И.* Население мира. Этнодемографический справочник. М., 1981.

[103] Типологизацию этнических общностей следует отличать от простой их классификации. Если в первом случае имеется в виду выделение главных типов таких общностей на основе их определяющих (собственно этнических и собственно социальных) свойств, то во втором — систематизация, опирающаяся на отдельные частные признаки этнических образований — язык, территория, культура, демографические показатели и т. д. (Ср.: *Козлов В. И.* О классификации этнических общностей. . ., с. 5—23). При этом мы исходим из общих представлений о том, что «типологию не следует смешивать с эмпирической классификацией. В основе последней лежат непосредственно наблюдаемые признаки. . . Типы же, лежащие в основе типологии, представляют известные концептуальные конструкции», предполагающие неявные сущности данного многообразия явлений (*Швырев В. С.* Об отношении теоретического и эмпирического в научном познании. — В кн.: Методология и методы социальной психологии. М., 1977, с. 18). См. об этом также выше, с. 24.

[104] Ср.: *Генинг В. Ф.* Этнический процесс в первобытности. Свердловск, 1970, с. 40—41.

торых этнические свойства выражены с меньшей интенсивностью, чем у основных этнических единиц, и которые являются их составными частями; г) «макроэтнические единицы», или «метаэтнические [105] общности» [106] — образования, охватывающие несколько основных этнических подразделений, но обладающие этническими свойствами меньшей интенсивности, чем каждое из таких подразделений. Следует также заметить, что для обозначения рассматриваемых образований наименование «метаэтнические» представляется более предпочтительным, чем «макроэтнические», уже хотя бы потому, что последнее может быть понято просто как «крупные этносы». К тому же нельзя не учитывать, что у этих образований общность, как только отмечалось, менее интенсивна, чем у этносов, а их наименование «макроэтническими» может дать повод для противоположного заключения. В то же время в рассматриваемом контексте термин «метаэтническая общность», на наш взгляд, удобнее термина «надэтническая» [107], поскольку в последнем случае могут предполагаться образования, полностью лишенные этнических свойств (между тем у интересующих нас объединений есть, как мы еще в этом не раз сможем убедиться, определенные признаки, сближающие их с этносами, — общие черты культуры и единое самосознание). Основательными представляются и общие соображения авторов, предложивших термин «метаэтнические общности», а именно, что его введением подчеркиваются два обстоятельства: 1) метаэтническая общность представляет совокупность этносов (по аналогии с термином «метагалактика») и 2) эти общности находятся в состоянии перехода, изменения состояния (по аналогии с понятием «метастабильное состояние») [108]. Вместе с тем для обозначения таких образований иногда используется термин «межэтническая общность», хотя, на наш взгляд, он менее удачен термина «метаэтническая общность», поскольку (как и «надэтническая общность») может быть понят как простая совокупность нескольких этносов, полностью (или почти полностью) лишенных единых черт этнического характера.

Подобно основным этническим единицам — этносам (этникосам и этносоциальным организмам) метаэтнические общности могут быть подразделены на этносоциальные и собственно этнические. Первые в истории народов чаще всего выступают как метаэтнополитические [109] общности, вторые — только как метаэтнокультурные. Поскольку в последнем случае системообразую-

---

[105] От др. греч. — «мета» (за, после).

[106] *Брук С. И., Чебоксаров Н. Н.* Метаэтнические общности. — В кн.: Расы и народы, 1976, вып. 6.

[107] *Брук С. И., Чебоксаров Н. Н.* Метаэтнические общности, с. 17 и сл.

[108] См.: *Брук С. И., Чебоксаров Н. Н.* Метаэтнические общности, с. 17, прим. 5.

[109] Представляется целесообразным в данном случае (как и в других подобных) использовать префикс мета, поскольку без его добавления к термину «этнополитическая общность» последняя легко может быть понята как отдельная разновидность основного этнического подразделения — этнос, сопряженный с государственно-политическим образованием.

щим фактором, основным объективным критерием для выделения этнокультурных метаобщностей служат те или иные компоненты культуры, эти общности в свою очередь могут быть метаэтнолингвистическими, метаэтноконфессиональными, метаэтнохозяйственными и т. н. При этом, помимо общности по соответствующему основному компоненту культуры (языку, религии, типу хозяйства), такие образования имеют общие черты в некоторых других связанных с ним сферах повседневной культуры, т. е. в конечном счете являются комплексными.

Несколько особое место в этнической иерархии занимают микроэтнические единицы, представляющие предел делимости основой этнической общности. Как и применительно ко всем другим этническим подразделениям, так и в данном случае, разумеется, следует различать два аспекта: собственно этнический и этносоциальный.

Поскольку предел делимости этникоса, при котором в основном сохраняются его свойства, представляет отдельный человек, очевидно, что он и является собственно этнической микроединицей. Существует предложение (правда, еще недостаточно прочно утвердившееся в науке) именовать человека в роли носителя этнических свойств, этнической информации — «этнофором» (от древнегреч. этнос + несущий — ἔθνος + φέρων) [110]. Совершенно очевидно, что своеобразие этнофора в этнической иерархии заключается прежде всего в том, что в отличие от всех других ее подразделений он не способен самостоятельно обеспечить межпоколенное воспроизводство этнических свойств.

К микроэтносоциальным единицам следует прежде всего отнести такую элементарную общественную ячейку, как семья, которой в классовых обществах принадлежит немалая роль в воспроизводстве этноса, межпоколенной трансмиссии этнических свойств [111].

Промежуточное положение между микроэтническими единицами и этносами занимают «субэтносы». Обычно их существование связано с осознанием групповых особенностей тех или иных компонентов культуры. Происхождение таких групп далеко не одинаково. В одних случаях — это бывшие этносы, постепенно утратившие роль основных этнических подразделений, в других — бывшие этнографические группы, осознавшие свою общность, в третьих — социальные общности, обладающие специфическими чертами культуры (например, донские казаки). Могут быть выделены также субэтносы хозяйственно-культурного, лингвистического и административно-территориального происхождения [112]. Особое место среди субэтносов принадлежит тем, что возникали

---

[110] См.: *Васильева Э. К., Пименов В. В., Христолюбова Л. С.* Современные этнокультурные процессы в Удмуртии: Программа и обследования. — СЭ, 1970, № 2, с. 57.

[111] О микроэтносоциальных ячейках доклассовых обществ см. ниже, с. 269.

[112] См.: *Martynova M. Yu.* The Formation of Different Types of Sub-Ethnic Groups among the Croatians. — In: Problems of the European Ethnography and Folklore. M., 1982, p. 77—78.

на основе расовых групп. В частности, очевидно, негров США можно рассматривать не только как просто этнорасовую группу, но и в качестве субэтноса североамериканской нации (этносоциальной общности).

Таким образом, один и тот же человек может одновременно входить в несколько этнических общностей различных уровней. Например, можно считать себя русским (основное этническое подразделение), донским казаком (субэтнос) и славянином (метаэтническая общность).

Этнические общности во всем многообразии их таксономических уровней следует отличать от так называемых этнографических общностей. Такого рода общности выступают в двух основных разновидностях: «этнографические группы» и уже упоминавшейся выше «историко-этнографические области». Под этнографическими группами принято понимать те локальные (внутренние) подразделения этноса-народа, у которых имеются отдельные специфические элементы культуры. Очевидно, однако, что различие в таксомическом уровне (более низком, чем у этноса) не может служить критерием для разграничения между этническими и этнографическими общностями. Ведь под второй разновидностью этнографических общностей — историко-этнографической областью обычно понимается ареал, охватывающий несколько этносов-народов [113], т. е. категория, имеющая в пространственном плане более высокий таксономический ранг, чем этнос.

Поэтому представляется целесообразным за основу разграничения этнических и этнографических общностей принимать не таксономические различия пространственного характера, а общий качественный критерий. Таковой, на наш взгляд, достаточно отчетливо проступает при сопоставлении понятий «этнос» и «историко-этнографическая область». Будучи, как и этнос, комплексной (многокомпонентной) культурной общностью, историко-этнографическая область отличается от него тем, что она обычно не осознается людьми, составляющими ее, т. е. не обладает самосознанием [114]. Данный показатель, на наш взгляд, и должен служить основным критерием при разграничении этнических и этнографических общностей вообще. Для этого имеются тем большие основания, что в таком случае название «этнографическая общность» будет прямо выражать возможность выявления подобных общностей главным образом путем специального

---

[113] *Левин М. Г., Чебоксаров Н. Н.* Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области. (К постановке вопроса). — СЭ, 1965, № 4, с. 4—10.

[114] Если же у такой общности появляются элементы самосознания, то при этом следует различать, имеет ли оно топонимический или этнический характер (о критериях разграничения этих двух видов самосознания см. выше, с. 46). Лишь в последнем случае, очевидно, можно со всей определенностью данную общность, состоящую из нескольких этносов-народов, отнести к разряду метаэтнических.

этнографического исследования. Приложение же этого критерия к термину «этнографическая группа», в свою очередь, позволяет отграничить обозначаемые им общности от тех отмеченных специфическими чертами культуры совокупностей людей внутри этносов, которые обладают самоназванием. Именно такого рода этнические подразделения предлагается, как уже говорилось, именовать субэтносами [115]. И, следовательно, поморы и различные группы казаков, обладающие самосознанием, будут представлять собой субэтносы русского народа, а северные и южные русские — его этнографические группы.

Следует, в свою очередь, различать внутриэтнические историко-этнографические общности (этнографические группы) от общностей межэтнических, охватывающих несколько этносов. В последнем случае под ними, как уже отмечалось, понимаются части ойкумены, у населения которых в силу общности социально-экономического развития, длительных связей и взаимного влияния сложились сходные культурно-бытовые черты [116]. Эти черты проявляются как в материальной, так и в духовной традиционной культуре, особенно в тех ее элементах, что несут эстетическую нагрузку. Нередко такого рода черты в значительной мере обусловлены природной средой (не случайно историко-этнографические общности подчас в большей или меньшей степени совпадают с географическими ареалами). Еще один путь возникновения историко-этнографических образований — трансформация метаэтнополитических общностей в результате утраты ими своих государственных функций и самосознания.

Одна из характерных черт генезиса историко-этнографических общностей состоит в том, что все они формируются на протяжении длительных периодов времени в ходе культурной интерференции соседних народов. В силу этого структура таких общностей многослойна, а границы лабильны. Для этих образований присуще также сохранение основных черт культуры на протяжении многих поколений. Их скорее следует именовать «традиционно-культурными» (и такое наименование, на наш взгляд, предпочтительнее). Представляется также важным учитывать, что в пространственном плане традиционно-культурные общности имеют разные таксономические уровни. Соответственно среди них возможно выделение наиболее крупных единиц — «провинций», которые охватывают целые части света или большие группы соседствующих стран, и меньших — «областей», в свою очередь дробящихся на подобласти и небольшие историко-культурные регионы [117], а в конечном счете на этнографические группы. Таким образом,

---

[115] Ранее такое этническое подразделение нами именовалось «этнической группой» (см.: *Бромлей Ю. В.* Этнос и этнография, с. 33). Между тем последний термин, как уже говорилось, больше подходит для обозначения «осколков» этноса.

[116] *Левин М. Г., Чебоксаров Н. Н.* Хозяйственно-культурные типы. . ., с. 4—10.

[117] *Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А.* Народы, расы, культуры. М., 1971, с. 216.

складывается своеобразная иерархия историко-этнографических (традиционно-культурных) общностей: этнографическая группа, историко-этнографическая область и историко-этнографическая провинция. Например, Юго-Восточноазиатская провинция, по наблюдениям специалистов, на рубеже XIX—XX вв. включала Западноиндокитайскую (Бирма, Таиланд), Восточноиндокитайскую (Лаос, Камбоджа, Вьетнам), Западноиндонезийскую (Малайзия, Суматра, Ява, Мадура, Бали, Калимантан и соседние острова), Восточноиндонезийскую (весь остальной Малайский архипелаг) и Филиппинскую области. Другой пример — Сибирская историко-этнографическая провинция. В ней выделяются такие области, как Ямало-Таймырская, Западносибирская, Алтае-Саянская, Восточносибирская, Камчатско-Чукотская и Амуро-Сахалинская [118].

Впрочем, определение критериев для разграничения всех уровней историко-этнографических (традиционно-культурных) общностей — задача весьма сложная. Это обусловлено уже упоминавшейся генетической и структурной многослойностью таких образований, размытостью их границ.

Наряду с такого рода «многофакторными» общностями могут быть выделены, так сказать, «однофакторные» историко-культурные ареалы. Основная системообразующая роль в них принадлежит отдельным компонентам культуры, причем эти компоненты в той или иной мере налагают свой отпечаток и на другие её традиционно-бытовые сферы; вместе с тем в отличие от однофакторных метаэтнических общностей рассматриваемые историко-культурные ареалы не обладают четким самосознанием. В тех случаях, когда в качестве системообразующего фактора выступает язык, эти ареалы могут быть названы лингвоэтнографическими (такие ареалы могут возникнуть на базе метаэтнолингвистических общностей), когда же религия, — конфессионально-этнографическими. Могут играть системообразующую роль и типы традиционного хозяйства — в таком случае мы будем иметь хозяйственно-культурные ареалы (не следует смешивать с хозяйственно-культурными типами [119], поскольку каждый хозяйственно-культурный ареал представляет конкретное выражение того или иного из таких типов).

Подобно этникосам историко-этнографические (традиционно-культурные) общности «пересекаются» с определенными социально-экономическими (как отдельными социальными организмами, так и целыми группами социальных организмов, принадлежащих к одной социально-экономической формации). Например, Африканская тропическая историко-этнографическая провинция, включающая часть континента южнее Сахары, еще в недавнем прошлом состояла из отставших в своем социально-экономическом

---

[118] *Левин М. Г., Чебоксаров Н. Н.* Хозяйственно-культурные типы. . ., с. 10—17.

[119] О понятии «хозяйственно-культурный тип» см. второй очерк данной книги (с. 37).

отношении стран, являвшихся в подавляющем большинстве колониями европейских держав [120]. В результате синтеза историко-этнографических (традиционно-культурных) и социально-экономических общностей складываются особые образования, которые условно могут быть названы «социокультурными регионами» [121].

Таким образом, можно выделить две основные разновидности историко-культурных образований: этнические и историко-этнографические (традиционно-культурные) общности. Каждая из них имеет несколько таксономических уровней и, пересекаясь с социальными общностями, образует «синтетические» этносоциальные и этнографосоциальные (или социокультурные) единицы; кроме того, историко-этнографические общности (так же, как и метаэтнические) могут быть подразделены на «комплексные» (многофакторные) и «однокомпонентные» (однофакторные).

В каждый данный момент взаимопересечение огромного числа этих общностей самого различного вида образует сложную сеть, представляющую как бы пространственное строение культуры всего человечества. Во временном плане данная сеть, как и ее составляющие, основой которых, как правило, является традиционная культура, отличается значительной устойчивостью. Большинство из этих составляющих существует довольно длительное время, некоторые даже на протяжении нескольких социально-экономических формаций.

Необходимо подчеркнуть, что, несмотря на свою устойчивость, все историко-культурные общности (как этнические, так и историко-этнографические) представляют собой динамические явления, подверженные в той или иной мере изменениям во времени. Такие изменения нередко сопровождаются трансформацией одного вида этих общностей в другой. Так, у этнографической группы может появиться сознание общности (самосознание) этнического характера, и она в таком случае превратится в субэтнос; в свою очередь субэтнос, утратив такого рода самосознание, может трансформироваться в этнографическую группу. Аналогичные превращения могут также иметь место между метаэтническими общностями и теми видами историко-культурных макрообщностей (в том числе историко-этнографических), которые не обладают этническим самосознанием (например, этнографолингвистическая общность, приобретая самосознание, становится метаэтнолингвистической). Возможны также трансформации противоположной направленности. Этническая история человечества знает немало подобных превращений, но об этом речь пойдет несколько позднее, после более детального ознакомления с характерными чертами основных объектов нашего исследования — этнических общностей.

---

[120] *Андрианов Б. В., Чебоксаров П. Н.* Опыт историко-этнографического районирования некоторых регионов Африки и зарубежной Азии. — СЭ, 1975, № 4, с. 34—38.

[121] См.: *Бромлей Ю. В.* О соотношении историко-культурных ареалов и цивилизаций. — В кн.: Социология и проблемы социального развития. М., 1978, с. 276.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ОСНОВНЫЕ КОМПОНЕНТЫ ЭТНОСА: ИХ СТРУКТУРА, ФУНКЦИИ И СРЕДА

*

Очерк пятый

КУЛЬТУРА И ЕЕ ЭТНИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ

При выяснении наиболее существенных, неотъемлемых свойств этноса как единого целого не представлялось возможным вдаваться в детальный анализ отдельных из них[1]. Иначе мы рисковали потерять целостное представление об этносе. Но при таком подходе неизбежно осталась в тени внутренняя структура этноса. Между тем без ее анализа невозможно получить сколько-нибудь отчетливое представление о роли отдельных компонентов этноса в его функционировании как целостной системы. Это и заставляет нас вновь вернуться прежде всего к рассмотрению вопроса об этнических функциях такой объективной основы этнических общностей, как культура. Решение этого вопроса в свою очередь во многом зависит от понимания самого феномена культуры.

В нашей, как и в зарубежной, обществоведческой литературе стало обычным при рассмотрении проблемы культуры сетовать на многозначность этого феномена. Действительно, в научных работах существует множество его определений [2].

Чем же обусловлено такое обилие дефиниций? Иногда в этой связи указывают на то, что оно «в известной мере объясняется . . . широтой использования данного термина в конкретных дисциплинах» [3]. Однако этот ответ неизбежно порождает новый вопрос:

---

[1] См. выше очерки третий и четвертый.

[2] Только в англоязычной научной литературе к началу 50-х годов было фиксировано свыше 160 определений, даваемых понятию «культура» различными авторами (см.: *Kroeber A. L. and Kluckhohn. C.* Culture. A Critical Review of Concepts and Definitions. Papers of the Peabody Museum of American Archaeology and Ethnology. Harward University, v. 47, N 1. Cambridge, 1952). Показательно, что вскоре в другой работе было отмечено существование свыше 250 определений культуры в западной литературе (*Моль А.* Социодинамика культуры. М.: Прогресс, 1973, с. 35; оригинал на фр. яз. вышел в 1967 г.). Весьма различные определения «культуры» встречаются также и в марксистской литературе (попытку общего обзора см.: *Schlemm Helmut.* Zu einer allgemeinen Wessensbestimmung der Kultur. Berlin, 1975).

[3] *Межуев В. М.* Культура и история. (Проблемы культуры в философско-исторической теории марксизма). М.: Политиздат, 1977, с. 4.

чем вызвана подобная широта его использования? Отвечая на него, на наш взгляд, следует, в частности, иметь в виду, что в тех случаях, когда в качестве научного термина используется слово, взятое из какого-либо языка (даже мертвого), первичные значения этого слова могут оказывать определенное влияние на семантику самого термина; такое влияние особенно вероятно ожидать, если семантика научного термина формируется постепенно и первоначально стихийно, а слово, являющееся его прототипом одновременно широко употребляется в обиходном языке. Именно так и формировалась семантика термина «культура» [4]. И в силу этого на ней не могло не сказаться то обстоятельство, что как лексическая единица «культура» издавна имела весьма широкое значение [5]. Показательно, что хотя в качестве специального термина слово «культура» первоначально употреблялось в сравнительно узком значении «просвещенности, образованности, воспитанности», однако постепенно его семантика все более расширялась, оказавшись в конечном счете в той или иной форме сопряженной с понятием человеческой деятельности [6]. Иначе говоря, современное употребление слова «культура» в известном смысле возвращается к исходному, притом достаточно широкому значению этого слова.

Как же это произошло? Очевидно, в результате «подведения» под слово «культура» все новых значений, которые не противоречат его исходной семантике. Само же такое «подведение» оказалось возможным лишь потому, что при создании новых дефиниций «культуры» обычно шли от термина к тем или иным явлениям объективной реальности. Между тем, несмотря на распространенность этого подхода при определении содержания социальных терминов, его недостаточная корректность не требует особых доказательств [7].

Разумеется, в тех случаях (как это имеет место в рассматриваемом), когда уже существуют те или иные определения используемого термина, абстрагироваться от них невозможно. Поэтому прежде всего следует хотя бы в самых общих чертах ознакомиться с основными из имеющихся дефиниций «культуры». Очевидно, что простое их перечисление малорезультативно. Не случайно уже неоднократно делались попытки классификаций этих определе-

---

[4] См.: *Ион Э.* Проблемы культуры и культурная деятельность. М.: Прогресс, 1969, с. 408—419, прим. 27.

[5] Термин «культура» восходит к латинскому слову cultura, первоначально означавшему — возделывание, обработка, земледелие, уход, улучшение (образовано от глагола colere — взращивать, возделывать землю, заниматься земледелием). Однако уже в I в. до н. э. это слово получило и другое, переносное значение — просвещенность, воспитанность.

[6] Уже в XVII в. немецкий правовед и философ С. Пуфендорф понимал под культурой совокупность того, что создано деятельностью общественного человека и существует благодаря человеку и общественной жизни (см.: *Ион Э.* Проблемы культуры. . ., с. 413).

[7] См. об этом выше, с. 22.

ний[8]. Такие попытки предпринимались и в нашей литературе. Правда, обычно дело ограничивается указанием на наличие широких и узких дефиниций культуры. Причем последняя обычно сводится к духовной сфере общественного бытия [9]. Но встречаются и более «специализированные» их группировки [10]. Среди последних привлекает внимание классификация Л. Е. Кертмана — одна из наиболее основательных в нашей литературе. Им выделяется три группы определений культуры. Первая из этих групп, по его словам, охватывает определения, в которые «по существу включается вся жизнь общества» [11]. К данной группе причисляются все те дефиниции, в которых подчеркивается надорганический характер культуры. Ко второй группе отнесены те определения культуры, в которых она «трактуется как определенная сторона, часть, элемент общественной жизни»; при этом отмечается, что данный тип определений носит в большинстве случаев описательный характер [12]. Наконец, в особую группу выделены те случаи, в которых культура предстает «как явление абстрагированное, выделяемое из процесса только чисто аналитически» [13].

Первый из этих типов определений культуры условно назван Л. Е. Кертманом «антропологическим», второй — «социологическим», третий — «философским». При этом, очевидно, не обошлось без определенного влияния соответствующих традиций западной науки. Особенно это относится к наименованию первой группы. Оно в известной мере отражает тот факт, что «широкий» подход к культуре действительно характерен для зарубежной антропологической литературы, точнее говоря, для литературы

---

[8] См.: например: *Blumenthal A.* The place of the term «culture» in the social sciences. Hanover, Minneapolis, Liverpool, New Hampschire, Minnesota, 1935; *Cafagna A. C.* A Formal Analysis of Defenitions of «Culture». — In: Essays in the science of culture. In Honor of Leslie A. White/Ed. Dole G. E., Carneiro R. L., New York, 1960; *Kroeber A. and Kluckhohn C.* Culture. . . (на русском языке подробное изложение содержащейся в последнем из названных обзоров классификации см.: *Штаерман Е. М.* Проблемы культуры в западной социологии. — Вопросы философии, 1967, № 1).

[9] См., например: *Арнольдов А. И.* Социализм и культура. М., 1962, с. 39—40; Коммунизм и культура. М., 1966, с. 7.

[10] Одна из попыток такого рода содержится, например, в статье: *Файнбург З. И.* Проблемы культуры в современном марксистско-ленинском социальном знании (Введение). — В кн.: Философские и социологические вопросы культуры социалистического общества. Реферативный сборник. М., 1978, с. 9—10. При этом в современной марксистской литературе выделяется шесть основных направлений поиска определения сущности культуры: 1) как знаковой системы; 2) в качестве совокупности всех результатов общественной человеческой деятельности; 3) как некой специфической совокупности ценностей, образцов поведения; 4) как некоторой совокупности идей, как духовного производства и его воплощения; 5) как некоторого кода, свода правил; 6) как специфического только для человека творческого подхода к действительности.

[11] *Кертман Л. Е.* К методологии изучения культуры и критика ее идеалистических концепций. — Новая и новейшая история, 1973, № 3, с. 36.

[12] *Кертман Л. Е.* К методологии изучения культуры. . ., с. 38.

[13] *Кертман Л. Е.* К методологии изучения культуры. . ., с. 39.

по культурной антропологии. Но такой подход не чужд и представителям других дисциплин [14], в первую очередь философии и социологии [15]. Правда, дополнительным аргументом в пользу рассматриваемого наименования может служить представление об антропологии как о науке, посвященной до недавнего времени слаборазвитым народам, для которых характерна нерасчлененность общественного бытия [16]. Однако последнее обстоятельство не помешало как раз антропологам выступать с «расчлененными» определениями культуры. Так, сам автор рассматриваемой статьи приводит [17] известное определение культуры одного из основоположников антропологии Э. Тэйлора, представляющее длинный перечень отдельных элементов духовной жизни людей [18]. Показательно, что в статье эта дефиниция отнесена к числу социологических [19]. Весьма условно и само наименование «социологической» той группы дефиниций культуры, в которой к ней относятся лишь отдельные сферы или стороны (свойства) жизни общества. Подобный подход к проблеме не менее характерен и для многих других обществоведческих дисциплин (например, истории, искусствоведения, языкознания и т. п.). Не совсем понятен принцип выделения третьей, «философской», группы дефиниций культуры. Ведь использование абстрактных понятий характерно и для остальных двух групп, особенно первой. Характерно, что для иллюстрации определений третьей группы автор в первую очередь ссылается на работы антропологов и социологов (Э. Эванс-Притчарда, А. Крёбера, Т. Парсонса) [20].

Но, если таким образом имеются достаточные основания для объединения первой и третьей групп дефиниций культуры, то вторая из указанных групп, напротив, нуждается, на наш взгляд, в разделении. Дело в том, что в нее одновременно помещены определения культуры, критерием для выделения которых служат два существенно различных сечения жизни общества. В одних случаях — отдельные его сферы, т. е. имеет место «структурное» членение общества, в других определенные свойства, аспекты тех или иных социальных явлений, т. е. фактически дается их «функциональный» срез. Первый тип этих дефиниций обычно имеет

---

[14] Кстати, это обстоятельство не осталось незамеченным самим автором (*Кертман Л. Е.* К методологии изучения культуры. . ., с. 36).

[15] См., например; *Францев Г.* Культура. — Философская энциклопедия. М., 1964, т. 3; *Зворыкин А. А.* Определение культуры и место материальной культуры в общей культуре. — Тр. VII МКАЭН, 1967, т. 4: *Маркарян Э. С.* Очерки теории культуры. Ереван, 1969; и др.

[16] *Кертман Л. Е.* К методологии изучения культуры. . ., с. 37.

[17] *Кертман Л. Е.* К методологии изучения культуры. . ., с. 38.

[18] *Тэйлор Э.* Первобытная культура. М., 1939, с. 1.

[19] *Кертман Л. Е.* К методологии изучения культуры. . ., с. 38.

[20] *Evans-Pritchard E. E.* Social Anthropology: Past and Present (The Marett Lecture). — Man, v. 50, p. 118—124; *Kroeber A. L.* The Nature of Culture. Chicago, 1952; *Kroeber A. L., Parsons T.* The Concept of Culture and of Social System. — American Sociological Review, October 1958; Toward a General Theory of Action/Ed. by T. Parsons. Cambridge, 1951.

описательный, дескриптивный характер. Наглядным примером в данном отношении могут служить уже упоминавшиеся определения культуры Э. Тэйлора. По его словам, таковая «слагается в своем целом из знаний, верований, искусства, нравственности, законов, обычаев и любых других способностей и привычек, усвоенных человеком как членом общества» [21]. Показательно, что сколь ни многочисленны перечисленные здесь сферы жизни общества, все они относятся лишь к духовной деятельности людей. Впрочем, и тогда, когда «структурные» дефиниции культуры включают также и результаты материальной деятельности, такие дефиниции обычно далеко не охватывают всех тех сфер жизни общества, которые в других подобных определениях относятся к рассматриваемому феномену. Об этом, в частности, может свидетельствовать понятие «культуры», предлагаемое английским социальным антропологом Б. Малиновским. Он включает в данное понятие «наследуемые изобретения, вещи, технологические процессы, идеи, обычаи и ценности» [22]. Достаточно сопоставить это определение культуры, например, с тем, которое дает тому же феномену другой английский социальный антрополог — А. Рэдклифф-Браун, чтобы убедиться не только в несовпадении, но и в ограниченности обеих дефиниций в «структурном» плане. По А. Рэдклифф-Брауну, понятие культура охватывает «язык, верования, эстетические вкусы, профессиональное мастерство и всякого рода обычаи» [23]. Нередко при «структурном» определении культуры она специально противопоставляется другим сферам жизни общества, что делает особенно наглядным ее ограниченность «узкими» рамками. Так, в материалах ЮНЕСКО культура обычно ставится в один ряд с образованием и наукой. В других случаях культура просто отождествляется с такой сферой социального бытия, как духовная жизнь общества, из которой, однако, нередко исключается язык. Одним словом, среди «структурных» дефиниций есть как довольно широкие, претендующие, в частности, на охват многих сфер социального бытия и даже всей его духовной жизни, так и весьма узкие. При том даже самые широкие из этих дефиниций оставляют за своими рамками те или иные сферы, которые включаются в понятие «культура» другими ее «структурными» определениями. И в этом смысле все дефиниции культуры, принадлежащие к данной категории, могут быть отнесены к числу «узких», хотя степень «узости» у каждой из них весьма различна.

Что касается дефиниций культуры, в основу которых положены определенные свойства (функции) общественных явлений, то такого рода дефиниции в свою очередь можно разделить на две группы. Одна — это те определения, в которых выделяются какие-либо свойства социальной жизни, проявляющиеся в пределах

---

[21] *Тэйлор Э.* Первобытная культура, с. 1.
[22] *Malinowski B.* Culture. — In: Encyclopaedia of the Social Science. New York, 1931, v. 4, p. 621.
[23] *Kroeber A. L., Kluckhohn C.* Culture. . ., p. 48.

определенного, ограниченного числа ее сфер (нередко даже одной). Другую группу представляют те случаи, когда определенное свойство в той или иной мере простирается на все сферы общественной жизни. Первая из этих групп может быть условно названа «дефинициями ограниченных свойств», вторая — «дефинициями сквозных, универсальных свойств». К дефинициям первой группы, например, принадлежит утверждение, что культура — это «общий и принятый способ мышления и действия» (К. Юнг) [24], поскольку оно ограничивает культуру сферой мышления, делая акцент на такой его черте, как общепринятость. Другим примером «дефиниций ограниченных свойств» может служить представление о культуре, как о поведении, которому человек научился, а не получил биологически (Р. Бенедикт, Ф. Меррил) [25]; эта дефиниция связывает культуру тоже лишь с одной сферой — поведением и одной чертой — научением. Близко к этой точке зрения понимание культуры как сферы воспитательной и просветительской деятельности [26].

Есть и определения, так сказать, переходного характера от рассматриваемой группы к дефинициям универсальных свойств. К таковым, в частности, может быть отнесена точка зрения, согласно которой культура — это «организация феноменов, материальных предметов, действий, идей и чувств, состоящая из употребления символов или от них зависящая» (Л. Уайт) [27]. В этом определении, с одной стороны, в общей форме обозначены основные сферы жизни общества, с другой — выделяется одно объединяющее их свойство. И все же рассматриваемая формула, видимо, не дает оснований считать, что она имеет в виду все сферы жизни общества, предлагает «сквозное», универсальное для них свойство. Ведь очевидно, что в жизни общества не все явления непременно имеют символический характер — например, орудия труда; даже внешние проявления поведения могут не полностью укладываться в символические рамки [28]. Поэтому к разряду дефиниций «универсальных свойств» вряд ли правильно безоговорочно относить даже те определения культуры, в которых специфика таковой усматривается вообще лишь в том, что ее компоненты могут трактоваться как символы [29]. Но нельзя не учитывать и другого: сами по себе подобные дефиниции нередко как раз и претендуют на выдвижение одного свойства социальной жизни в качестве универсального критерия культуры.

---

[24] *Young K.* Introductory Sociology. New York, 1934, p. XIII.

[25] *Benedict R.* Patterns of Culture. Boston, 1934; *Она же.* Race, Science and politics. New York, 1959, p. 13; *Merrill F.* Society and Culture. An Introduction to Sociology. New Jercey, 1962, p. 25—46.

[26] См. о таком подходе: Культура — человек — философия: к проблеме интеграции и развития. — Вопросы философии, 1982, № 1, с. 37.

[27] *White L. A.* Energy and the Evolution of Culture. — American Anthropologist, 1943, v. 45, N 3, pt I, p. 335.

[28] *Соколов Э. В.* Культура и личность. Л., 1972, с. 52.

[29] См., например: *Kloskowska A.* Semioticzni kriterii kultury. — Studia sociologiczne, 1968, N 1, s. 2.

Дефиниции культуры, основанные на выделении «сквозных» свойств социальной жизни, в современной науке получают все большее и большее распространение. Одним из примеров этого может служить попытка свести сущность культуры к информации (Ю. М. Лотман) [30]. В этом же ряду стоит представление о культуре как о совокупности всех идей, воспринятых и осознанных людьми (Р. Осгуд) [31]. Следует упомянуть и мнение, что культура — это совокупность знаний, трактуемых в широком смысле, т. е. как в плане их содержания, так и производства и распространения [32]. В интересующей нас связи заслуживает быть отмеченным и предложение считать, что культура — это духовная жизнь общества, понимаемая как сторона социального бытия (Л. Е. Кертман). Впрочем, при этом культура невольно ограничивается одной из сфер общества, ибо отождествляется с духовной жизнью, противостоящей обычно сфере материальной. Не случайно из понятия «культура» в рассматриваемом определении в конечном счете исключаются материальные ценности, а самому термину «материальная культура» отводится роль «специального понятия» [33]. Иными словами, рассматриваемая дефиниция культуры в конечном счете мало отличается от тех ее «узких» определений, при которых она сводится к духовным ценностям [34].

К разряду дефиниций «сквозных» свойств, на наш взгляд, можно с известной условностью отнести определения, связывающие культуру с отдельными аспектами деятельности. Такова, например, трактовка культуры как творческой деятельности и ее результатов (В. М. Межуев, Н. С. Злобин и др.) [35], поскольку творчество в конечном счете может рассматриваться как исходный момент любой деятельности и ее результатов.

В целом степень «широты» определений культуры типа «сквозных» свойств (функций) весьма различна. «Пронизывая» (но не включая) все сферы жизни общества, они в то же время могут иметь весьма широкий характер, охватывая целую сумму различных свойств социального бытия, или — сравнительно узкий, будучи ограниченными, одним—двумя его частными аспектами. Правда, даже в первом случае дефиниции культуры подчас несколько односторонни. Так определенная односторонность, в част-

---

[30] См.: *Лотман Ю. М.* К проблеме типологии культуры. — Тр. по знаковым системам. Тарту, 1967, с. 30—39.

[31] См.: *Kroeber A. L. and Kluckhohn C.* Culture. . ., p. 131.

[32] См. выступление И. Д. Ковальченко на заседании «круглого стола» по проблеме «Предмет и метод истории культуры» (История СССР, 1979, № 6, с. 148).

[33] *Кертман Л. Е.* К методологии изучения культуры. . ., с. 42—44.

[34] См.: *Агости Э. П.* Нация и культура. М., 1963, с. 16.

[35] *Межуев В. М.* О понятии культура. М., 1968; *Злобин Н. С.* Некоторые методологические вопросы культуры и культурной революции. М., 1969; *Он же.* Культура и общественный прогресс. М., 1980; Основы марксистско-ленинской теории культуры. М., 1976, с. 22; Культура — человек — философия: к проблеме интеграции и развития. — ВФ, 1982, № 1, с. 36.

ности, отмечалась в дефиниции, сводящей культуру к творческой деятельности. Подчеркивание творческого характера культуры чрезвычайно важно, ибо она — прежде всего результат творческой активности людей. Однако далеко не все виды культурной деятельности можно считать творческими. «Любая деятельность общества — практическая и теоретическая, материальная и духовная — наряду с творческим аспектом включает в себя аспект функционирования», т. е. «простого» воспроизводства традиционных стереотипов культуры, и аспект усвоения культуры, т. е. овладения уже существующими знаниями [36]. Обращалось также внимание и на ограниченность такого критерия выделения культуры как целенаправленный характер деятельности. Объективные основания для ссылок на этот критерий несомненны, ибо деятельность людей есть целенаправленная активность. И все же следует учитывать, что на протяжении истории человечества развитие культуры нередко шло «экспериментальным» путем, конечные результаты которого могли не предвидеться заранее [37]. Впрочем, даже «узкие» дефиниции культуры, как правило, отражают те или иные реальные сферы и свойства (аспекты) жизни общества. Однако при этом обычно остается далеко не бесспорным обоснование того, почему именно данная сфера или данное свойство (а не другие) должно именоваться культурой.

От всех определений культуры, ограниченных отдельной сферой или отдельным свойством жизни общества (в том числе самых крупномасштабных), на наш взгляд, следует непременно отличать дефиниции глобального, всеобъемлющего характера. Как правило, в основе таких определений лежит представление о культуре как о всей деятельности людей или совокупности всех ее результатов. Такого рода определения получили в послевоенные годы значительное распространение в зарубежной, главным образом американской, литературе. Так, по А. Креберу культура — это «вся полнота деятельности общественного человека» [38]; по П. Сорокину — «все, что создано или модифицировано в результате сознательной или неосознанной деятельности двух или более индивидуумов, взаимодействующих или взаимно обуславливающих поведение» [39], по М. Герсковицу — «созданная человеком

---

[36] *Соколов Э. В.* Культура и личность, с. 59—61; Весьма своеобразно мнение, согласно которому, с одной стороны, — характеристика культуры как синонима творческой деятельности признается «в принципе верной», с другой, — подчеркивается, что, «как справедливо указывает ряд исследований, при таком определении из понятия культура выпадает вся репродуцирующая, воспроизводящая деятельность» (Культурная деятельность. Опыт социологического исследования. М., 1981, с. 8).

[37] *Соколов Э. В.* Культура и личность, с. 59—61. См. также: *Маркарян Э. С.* О генезисе человеческой деятельности и культуры. Ереван, 1973, с. 49—51.

[38] *Kroeber A. L.* Anthropology. New York, 1948, p. 9.

[39] *Sorokin P. A.* Social and Cultural Dynamics. 4 vols, New York, 1937—1941, v. 1, 1937, p. 3.

часть окружения»[40]; по Е. Рейтеру — «все материальное и нематериальное, что создано человеком»[41], и т. п.[42]

Имеют хождение подобные «глобальные» дефиниции в последнее время и в нашей литературе. Так, Ц. Г. Арзаканьян предлагает понимать под культурой «основные результаты материальной, духовной и художественной деятельности человека и общества, средства для практической реализации этой деятельности и саму эту деятельность. . .»[43] По определению А. А. Зворыкина, «культура — это все то, что создано человеком, в отличие от того, что создано природой»[44]. По мнению М. С. Кагана, культура — это «продукт деятельности общества», все, что «творит субъект, осваивая мир объектов», а также «приемы, способы, процедуры, с помощью которых деятельность осуществляется»[45]. Впрочем, подчас такого рода определения культуры несколько «сужаются» за счет ограничения результатов только теми, что рассматриваются как определенные ценности, как достижения. Эта точка зрения, получившая довольно широкое распространение в нашей литературе, нашла отражение и в «Философской энциклопедии», где отмечается, что «культура есть совокупность достижений общества в его материальном и духовном развитии, используемых обществом, составляющих культурные традиции и служащих дальнейшему прогрессу человечества»[46].

Если дефиниции культуры «структурного» характера, как и «сквозных свойств», оставляют за своими пределами те или иные срезы социальной жизни, которые на основании других критериев могут быть отнесены к культуре, и в этом смысле все являются сравнительно узкими, то глобальные определения отличаются, так сказать, чрезмерной широтой. Это дает основание для того, чтобы усматривать главный недостаток таких определений в том, что они лишают понятие «культура» его специфического содержания[47]. Поскольку дефиниции этого рода фактически включают как все сферы, так и все стороны жизни общества, то это позволяет утверждать, что данное понятие не нужно[48].

---

[40] *Herskovits M. J.* Man and his Works. New York, 1948, p. 17.

[41] *Reuter E. B.* Race and Culture. — In: An Outline of the Principles of Sociology/Ed. by R. E. Park. New York, 1939, p. 191.

[42] Подробный обзор такого рода дефиниций культуры в зарубежной литературе см.: *Кертман Л. Е.* К методологии изучения культуры. . ., с. 36.

[43] *Арзаканьян Ц. Г.* Культура и цивилизация: проблемы теории и истории. — Вестник истории мировой культуры, 1961, № 3, с. 65.

[44] *Зворыкин А. А.* Определение культуры и место материальной культуры в общей культуре. М., 1964, с. 3.

[45] *Каган М. С.* Человеческая деятельность. М., 1974, с. 181, 184, 221.

[46] Философская энциклопедия. М., 1964, т. 3, с. 118; Ср. также: *Ким М. П.* Коммунистическая партия — организатор культурной революции в СССР. М., 1955, с. 8; *Баллер Э. А.* Культура социалистическая и культура буржуазная. М., 1961, с. 6; *Кабанов П. П.* История культурной революции в СССР. Учебное пособие. М., 1971, с. 5 и др.

[47] *Кертман Л. Е.* К методологии изучения культуры. . ., с. 37, 40.

[48] См.: *Келле Ж. В., Ковальзон М. Я.* Теория и история. М., 1981, с. 228.

Соответственно даже самые широкие определения культуры не должны иметь тотального характера. В данной связи среди появившихся в последние десятилетия в нашей литературе дефиниций культуры «сквозного» характера, на наш взгляд, особого внимания заслуживает предложение, принадлежащее Э. С. Маркаряну [49]. Согласно его трактовке, культура представляет собой специфический способ деятельности людей и ее результаты (или только способ деятельности). По мысли Э. С. Маркаряна, общество и культура — равноправные аспекты единого целого (социальной системы, социального организма). Он пишет в этой связи: «При решении проблемы взаимоотношения общества (в узком смысле) и культуры теоретически правильным и методологически плодотворным может быть лишь такое их понимание, при котором соотношение понятий «общество» и «культура» рассматриваются не как соотношение части и целого, а как выражение двух различных сторон, планов органически единого и генетически одновременно возникшего целого . . .» [50]. При этом, по его мнению, термин «культура» фиксирует внимание на содержании кооперированной деятельности людей, на используемых ими средствах и механизмах, тогда как термин «общество» отражает морфологический аспект этой деятельности, специфику социального строения человеческих объединений [51]. Предложенная Маркаряном трактовка культуры получила определенное распространение в нашей научной литературе последних лет [52]. Вместе с тем эта трактовка вызвала определенное возражение. В частности, по мнению Л. Е. Кертмана, «такое понимание не является плодотворным, во всяком случае для исторического исследования в области культуры» [53]. Основной аргумент при этом — сомнения в возможности того, что отдельные компоненты общественной жизни людей могут не относиться к обществу, как часть к целому [54]. Но ведь у Маркаряна речь идет не о компонентах, не о частях, а об одной, хотя и «универсальной» *стороне* целого — социальной системы [55]. Не дает также оснований трактовка Э. С. Маркаряном культуры рассматривать ее в качестве «всеобъемлющей» и тем самым лишенной специфики. И все же предлагаемое им решение проблемы от-

---

[49] *Маркарян Э. С.* Очерки. . ., с. 60–63.

[50] *Маркарян Э. С.* Очерки. . ., с. 57. Поэтому вряд ли правомерно утверждение, что при таком подходе культура сливается с «обществом» (Культурная деятельность. Опыт социологического исследования. М., 1981, с. 9).

[51] Там же, с. 62.

[52] Из последних работ см., например: *Давидович В. Е., Жданов Ю. А.* Сущность культуры. Ростов-на-Дону, 1979, с. 106; *Арутюнов С. А.* Процессы и закономерности вхождения инноваций в культуру этноса. — СЭ, 1982, № 1, с. 8.

[53] *Кертман Л. Е.* К методологии изучения культуры. . ., с. 39.

[54] Там же.

[55] *Маркарян Э. С.* Очерки. . ., 57. См. также: *Маркарян Э. С.* Об исходных методологических предпосылках исследования этнических культур. — В кн.: Методологические проблемы исследования этнических культур. Материалы симпозиума. Ереван, 1978, с. 8–10.

крывает определенные возможности для критики. Прежде всего это относится к использованию термина «общество» для обозначения одного из аспектов социального бытия. Ведь при всей многозначности слова «общество» оно во всемирно-историческом контексте обычно употребляется для обозначения либо основных самостоятельных единиц социального развития, либо всего человечества как социальной целостности. В этих значениях данное слово, на наш взгляд, и следует использовать при выделении культуры в качестве одного из основных аспектов социальной жизни [56]. Тем самым, кстати сказать, будет устранен повод для сомнения относительно правомерности рассматривать «культуру» в качестве равноправного «обществу» ингредиента социального бытия. Следовательно, в интересующей нас связи речь, очевидно, должна идти о том, что в каждом «обществе» как социальном организме, так и во всем человеческом обществе могут быть выделены два важнейших аспекта: с одной стороны, присущая обществу система социальных отношений, с другой — способ деятельности составляющих его коллективов, который трактуется Э. С. Маркаряном как система средств и механизмов функционирования общества [57]. Таким образом, одной стороной жизни общества, притом основной, выступают социальные явления в узком значении этого слова [58], другой — если принять предложение Э. С. Маркаряна — культура [59].

Вместе с тем нельзя полностью сбросить со счета и замечания оппонентов Э. С. Маркаряна, касающиеся соотношения понятий «способ деятельности» и «способ производства» [60]. Правда, Э. С. Маркарян, пытаясь сопоставить эти понятия, отмечает, что значение термина «способ деятельности» по широте охватываемых им компонентов очень близко тому смыслу, которое придавал К. Маркс понятию «способ производства», с тем, однако, различием, что в рассматриваемом случае строится абстракция, обобщающая специфику осуществления всей сферы человеческой деятельности [61]. Между тем известно, что в марксистской литературе под «способом производства» в первую очередь принято понимать единство производительных сил и производственных отношений.

---

[56] Правда, в одной из более поздних работ сам Э. С. Маркарян вплотную подошел к такому решению вопроса. Однако при этом он ограничился лишь общим указанием на необходимость расценивать соотношение «собственно социальных» и «культурных» компонентов «как выражение двух различных сторон, планов рассмотрения органически единого целого (социальной организации)». См.: *Маркарян Э. С.* О генезисе. . ., с. 53—54.

[57] См.: *Маркарян Э. С.* Очерки. . ., с. 60—63.

[58] Об узком и широком значении термина «социальный» см. выше, с. 31.

[59] Именно это имеют в виду В. Е. Давидович и Ю. А. Жданов, когда пишут: «Полагая культуру и социальность (общество) как диалектическое единство противоположностей, мы получаем возможность найти ей место в системе категорий, логически моделирующих общественную жизнь» (*Давидович В. С., Жданов Ю. А.* Сущность культуры. Ростов, 1979, с. 27).

[60] См., например: *Злобин П. С.* Культура и общественный прогресс, с. 23.

[61] *Маркарян Э. С.* Об исходных методологических предпосылках. . ., с. 8.

Но такое понимание этого термина находится в «разных плоскостях» с трактовкой «способа деятельности» [62] как средств и механизмов функционирования общества (скорее подобной ее трактовке соответствует «технологическая» интерпретация «способа производства», имеющая в виду прежде всего способ соединения техники с человеком). Не вполне корректно также рассмотрение в качестве двух адекватных (по своим основаниям) аспектов жизни общества: его специфической структуры (собственно социальных отношений), с одной стороны, и системы средств и механизмов его функционирования — с другой.

И все же представляется, что сама идея рассмотрения общества в разных проекциях в целях отчленения культуры, несомненно, заслуживает внимания. Но к решению этой задачи, на наш взгляд, эвристично подойти с общефилософских позиций, попытавшись выделить в обществе те наиболее общие универсальные свойства, которые присущи всем формам существования (движения) материи: неорганической, органической и социальной [63]. Имеется в виду прежде всего тот факт, что наряду с движением любой, представляющий систему, объект обладает двумя фундаментальными свойствами: структурой, т. е. существенными взаимосвязями составляющих его элементов [64], и субстратом, под которым обычно понимается определенный «строительный материал, из которого состоит соответствующий объект» [65]. Этими фундаментальными свойствами обладает и социальная форма существования материи. Наряду со структурой она имеет свой «особый материальный субстрат — «общественное тело» (Gesellschaftskörper [66])» [67].

Как известно, основными «простейшими» элементами в социальных системах являются люди (социальные субъекты), а существенные связи между ними представляют социальные отношения [68], создающие структуру общества [69]. Поскольку же простей-

---

[62] Следует, впрочем, учитывать и то, что при определении культуры как способа деятельности в нашей литературе наметилась различная трактовка самого понятия «способ деятельности» (см.: Культурная деятельность. Опыт социологического изучения. М., 1981, с. 8—9).

[63] Познавательная значимость такого подхода уже отмечалась нами. (См.: Материалы заседания «круглого стола» по проблеме «Предмет и метод истории культуры». — История СССР, 1979, № 6, с. 135—137).

[64] См.: *Юдин Б. Г.* Методологические проблемы исследования самоорганизующейся системы. — Проблемы методологии системного исследования. М., 1970, с. 360.

[65] Очерки по диалектическому материализму. М., 1977, с. 48.

[66] См.: *Marx K.* Grundrisse der Kritik der politischen Ökonomie (Rohentwurf) 1857—1858. Berlin: Dietz Verlag, 1953, S. 593.

[67] *Плетников Ю. К.* О специфике социальной формы движения материи. — Проблемы социального развития, ч. I. Материалы к IX ВСК. М., 1978, с. 34.

[68] Таким образом, в данном случае собственно социальное (т. е. в узком значении этого слова) представляет один из аспектов общества. Такой подход к выделению собственно социального следует отличать от тех случаев, когда оно соотносится с обществом как часть с целым (см. выше, с. 31).

[69] Как отмечалось в нашей философской литературе, «в самом общем виде социальную структуру можно определить как систему общественных от-

шие элементы социальных систем имеют биосоциальную природу, постольку, очевидно, субстрат таких систем отличается двойственным характером. «Общественное тело — система органического и неорганического тела общественного человека, совокупность людей и воспроизведенных людьми продуктов труда» [70]. Соответственно оно может быть разделено на биологический и внебиологический субстрат. Впрочем, в последнем случае, видимо, точнее говорить о надбиологическом субстрате общества, поскольку в конечном счете он выступает своеобразной «надстройкой» над биологической деятельностью людей. Но так или иначе представляется объективной реальностью существование в социальных системах особого явления, отличающегося не только от биологического субстрата их основных элементов, но и от структурных связей между последними, т. е. социальных отношений в узком смысле слова. Ясно, что этот общественный (надбиологический) субстрат — результат деятельности людей, воплощенной в их духовных свойствах, в самой этой деятельности, а также в опредмеченных формах. Нетрудно заметить, что данное явление в общих чертах совпадает с теми так называемыми широкими определениями культуры, в которых последняя противопоставляется природе, в том числе биологической природе самого человека. Однако в отличие от такого рода определений в рассматриваемом случае имеется в виду не вообще все надбиологическое [71], а лишь одна из сторон общественного бытия — его субстратный аспект. Поскольку же в целом это бытие предстает как дуалистическое единство структуры и субстрата, принятие во внимание такого дуализма открывает, на наш взгляд, один из возможных путей к размежеванию собственно социальных и культурных явлений. При этом трактовка культуры как надбиологического субстрата, воплощающего специфическую человеческую активность, представляется достаточной, чтобы служить «точкой отсчета» для раскрытия основных черт ее структуры и функций [72]. Но, разумеется, сама такая конкретизация во многом зависит от характера познавательных задач, от ракурса рассмотрения культуры.

ношений, как систему связей и взаимодействия элементов общественной жизни» (*Дроздов А. В.* Понятие социальной структуры как социологическая категория. — В кн.: Проблемы исторического материализма. Л., 1971, с. 33).

[70] *Плетников Ю. К.* О специфике социальной формы. . ., с. 34.

[71] Как справедливо отмечалось в нашей литературе, определение культуры только как надбиологического, надорганического явления недостаточно для выяснения специфики этого феномена. Ведь само собой разумеется, что вся общественная жизнедеятельность рода человеческого имеет небиологический характер (см.: *Кертман Л. Е.* К методологии изучения культуры. . ., с. 36—37).

[72] См.: *Бромлей Ю. В.* Выступление на заседании круглого стола журнала «История СССР», посвященного теме «Предмет и метод истории культуры» (История СССР, 1979, № 6, с. 136).

В этой связи, на наш взгляд, заслуживает внимания выделение С. А. Артановским трех важнейших аспектов рассмотрения культуры: историко-социологического, философско-антропологического и феноменологического. При социологическом подходе к культуре людей акцент, по его мнению, делается прежде всего на ее общественных функциях; ее внутреннее содержание, структура отодвигаются на второй план. При философско-антропологическом аспекте внимание исследователя обращается на связи культуры с созидательной деятельностью человека; она рассматривается как «ответ, который общество дает на вызов, бросаемый ему окружающей средой». При феноменологическом подходе культура рассматривается как достояние нашего повседневного жизненного опыта [72а].

Наряду с расхождениями в определении культуры, обусловленными соотношением этого понятия с конкретными свойствами или сферами объективной реальности, имеются различия, связанные с вопросом о придании ему оценочного характера. Соответственно выделяются аксиологический и дезаксиологический подход к понятию «культура». Первый из них, содержащий оценочный момент, восходит к философско-историческим воззрениям XVIII—XIX вв. Такой подход весьма характерен для обыденной речи. Так, говоря о человеке, что он культурен или некультурен, ему дают положительную или отрицательную оценку. Однако оценочное понимание культуры вошло и в общественные науки, что наиболее четко отразилось в дефинициях культуры как совокупности ценностей, т. е. только положительных результатов человеческой деятельности. Между тем аксиологическая трактовка понятия культуры во многом уязвима для критики. Во-первых, к сожалению, далеко не все созданное человеком полезно для него и способствует прогрессу. Во-вторых, аксиологический подход к культуре недостаточно учитывает диалектический характер развития как культуры в целом, так и ее отдельных компонентов (ведь новое побеждает в борьбе со старым, и то, что вчера было прогрессивно, со временем может стать консервативным). В-третьих, само различение положительного и отрицательного зависит от ценностных ориентаций эпохи, общества, класса и поэтому исторически обусловлено. В-четвертых, нельзя забывать, что с аксиологическим пониманием культуры тесно сопряжено противопоставление «культурных» народов «некультурным». Именно последнее обстоятельство еще во второй половине XIX в. сыграло существенную роль в критике ценностной трактовки понятия «культура».

Наконец, следует учитывать и то, что при дезаксиологическом подходе легче систематизировать, объяснять, охватить единым по-

---

[72а] См.: *Артановский С. Н.* Некоторые проблемы теории культуры. Л., 1977, с. 14—18. Нетрудно заметить, что эти три аспекта рассмотрения культуры во многом перекликаются с выделенными нами тремя разновидностями дефиниций культуры: «функциональным», «структурным» и «глобальным».

пятийным аппаратом огромное множество разнородных явлений, относящихся к различным обществам и эпохам [73].

Всем этим и объясняется, видимо, то, что в настоящее время многие советские культурологи и культурологи других социалистических стран считают правомерным дезаксиологическое общее определение культуры [74].

В свою очередь по поводу такого подхода к культуре высказываются опасения, что он может привести к недооценке значения исторически различающихся уровней культурного развития человечества [75]. Но это опасение вряд ли основательно. В марксистской культурологии дезаксиологическая трактовка культуры отнюдь не ведет, как это наблюдается в позитивистской буржуазной социологии, к отказу от идеи культурного прогресса как таковой. Видимо, просто не следует смешивать две различные проблемы: проблему рассмотрения культуры как общего понятия общественной науки и проблему неравноценности ее исторически различающихся уровней [76]. Иначе говоря, общий подход к понятию культура предполагает одновременное выражение определенного (прежде всего классового) отношения к конкретным проявлениям этого феномена [77].

Как и «собственно социальные» компоненты общественной жизни, культура, несомненно, должна рассматриваться и в историко-стадиальном плане и в плане фиксации конкретной общности в определенном пространственно-временном континууме.

В первом случае, например, в соответствии с делением истории человечества на социально-экономические формации выделяются «формационные» типы культуры (первобытнообщинная, рабовладельческая, феодальная, капиталистическая, социалистическая). Внутри каждого из этих типов при историко-стадиальном подходе в свою очередь могут быть выделены подтипы (например, раннекапиталистическая культура).

---

[73] См.: *Орнатская Л. А.* К вопросу о происхождении и формировании понятия культура. — В кн.: Проблемы философии и социологии. Л., 1968, с. 34; *Соколов Э. В.* Культура и личность, с. 42—43.

[74] См., например: *Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А.* Народы, расы, культуры. М., 1971, с. 242—246; *Злобин Н. С.* Культура и общественный прогресс, с. 14—18.

[75] *Межуев В. М.* Марксистский историзм и понятие культуры. Автореф. канд. дисс., с. 6.

[76] Весьма показательно, что даже такие понятия, как «социально-экономическая формация», «класс», «государство», которые в конкретно-историческом контексте непременно в той или иной мере имеют ценностный характер, на уровне общефилософского определения не несут аксиологической нагрузки.

[77] При этом следует, однако, иметь в виду, что в разных сферах культуры возможности аксиологического подхода далеко не однозначны; более того, «существуют культурные ценности, исторически сопоставимые и несопоставимые». (О критериях их разграничения см.: *Першиц А. И.* Проблемы аксиологических сопоставлений в культуре. — СЭ, 1982, № 3, с. 3—12).

Региональный же подход, как уже отмечалось, позволяет выделить локальные общности культуры (локальные культуры), в том числе этнические и историко-этнографические общности.

Что касается внутренней структуры культуры, то многообразие проявлений этого феномена предполагает его рассмотрение в данной связи под разными углами зрения, в разных плоскостях. Разумеется, при этом немалое значение имеют и сами исходные представления об «объеме» культур, прежде всего идет ли речь о широком или узком ее понимании. В первом случае особенно существенным представляется макромасштабный подход к строению культуры, при котором в качестве одного из важнейших ориентиров выступают основные способы ее существования. Такой подход позволяет выделить три составные части культуры: 1) «интериорное» общественное сознание людей [78] (как идейно-теоретического, так и общественно-психологического уровней); 2) проявление его в поведении и действиях [79]; 3) «опредмеченные» результаты деятельности (как материальные, так и духовные).

Представляя определенное единство [80], выраженное в широком понятии «культура», эти «уровни» имеют и существенные различия. Данное обстоятельство особенно важно иметь в виду при рассмотрении вопроса о соотношении в целом общественного сознания и указанных уровней культуры. Вопрос этот чрезвычайно сложен. Дело в том, что, представляя собой и сам процесс направленной активности людей и его результаты, общественное сознание существует для исследователя так же объективно, как и указанные уровни культуры. Но это не исключает правомерности разграничения в общественном сознании двух сторон: «экстериорной», закрепленной во «внешней» деятельности и в ее результатах, и «интериорной», фиксированной в головах людей. При таком подходе естественно отнести к интериорному общественному сознанию лишь последнюю сторону, оставляя за его рамками «опредмеченное сознание», которое находится вне сознания. Соответственно сюда войдут эстетические взгляды, этические убеждения, религиозные верования, представления и знания, фиксированные

---

[78] Основы этой составной части культуры формируются в онтогенетическом развитии человека путем интериоризации действий, т. е. постепенного преобразования «внешних действий в действия внутренние, умственные» (*Леонтьев А. Н.* Об историческом подходе к изучению психики человека. — В кн.: Психологическая наука в СССР. М., 1959, т. I, с. 32).

[79] Поведение — это реакция организма на внутренние или внешние раздражители; поведение может быть инстинктивным, неосознанным, но может быть и преднамеренным, осмысленным. Действиями принято называть лишь осознанные комплексы поступков, связанные с выбором средств, обеспечивающих, по убеждению действующего, достижение определенной цели Действия делятся, как известно, на практические (внешние) и умственные (внутренние): в рассматриваемом случае имеются в виду прежде всего внешние действия.

[80] «Деятельность вне сознания превратилась бы в механическое движение, а сознание без деятельности — в беспредметное массовое созерцание» (Психология, Минск, 1970, с. 344).

человеческим сознанием [81]; материальное же оформление их за пределами психики людей в виде художественных произведений, поступков, обрядов и т. п. может быть отнесено к «объективированному сознанию». Точнее говоря, в последнем случае речь должна идти об «общей зоне» общественного сознания и «опредмеченной» культуры, ибо художественные произведения, поступки людей, обряды и т. п. — суть синтез объективного и субъективного, в котором слиты духовные и материальные начала. Выделение такой зоны, отражая единство общественного сознания и «опредмеченной» культуры, в то же время позволяет, на наш взгляд, провести определенное разграничение между понятиями «интериорное общественное сознание» (или собственно общественное сознание) [82] и «объективированная культура».

Впрочем, недавно было высказано сомнение относительно целесообразности (применительно к социолингвистике) выделения в общественном сознании «экстериорной» и «интериорной» сторон. При этом общая ссылка на то, что «интериорная интеллектуальная культура» существует для общества в ее внешних проявлениях [83], сопровождается утверждением, согласно которому «общественное сознание реально проявляется в речи, и «интеллектуальная культура» как социализированная система не существует вне речи, вне языка» [84]. Действительно, культура не существует вне общества: ни в генетическом, ни в функциональном плане. Она им порождается, его и «обслуживает». Но, как справедливо подчеркивалось в нашей лингвистической литературе, «первичным и исходным является в деятельности общения мысль, она идет всегда впереди языка» [85]. Более того, хорошо известно, что далеко не вся психическая деятельность людей (в том числе в сфере их сознания) полностью адекватно объективируется в практике [86]. Но эта «скрытая» («интериорная») деятельность людей, как правило, порождена обществом (сформирована и вызвана им) и, следовательно, есть достаточные основания отнести ее к культуре в широком смысле слова, а тем более к общественному сознанию. Нельзя не напомнить в связи с рассматриваемой проблемой и о том, что у людей имеются знания, умения, навыки и т. п., сформировавшиеся прижизненно свойства, которые по тем или иным

---

[81] Ср.: *Зеленов Л. А., Селиванов Ф. А.* Содержание понятия о форме общественного сознания. — Уч. зап. Томского гос. ун-та. Томск, 1963, 47, с. 31—32.

[82] Иногда, впрочем, говорят об «общественном сознании» в узком смысле слова, имея при этом в виду сознание лишь материальных общественных отношений, а не всего общественного бытия. (*Уледов А. К.* Структура общественного сознания, с. 21).

[83] *Дешериев Ю. Д.* Социальная лингвистика. К основам общей теории. М., 1977, с. 85.

[84] *Дешериев Ю. Д.* Социальная лингвистика. . ., с. 84.

[85] *Звегинцев В. А.* Язык и лингвистическая теория. М., 1973, с. 168.

[86] В противном случае мы оказались бы на позициях бихевиоризма, утверждающего, что если что то в психике не поддается непосредственному наблюдению и изменению, то это «что-то» вообще не существует.

причинам остаются не объектированными, хотя в любой момент могут проявиться и внешне. Очевидно, есть основания и этот «потенциальный» слой общественного сознания причислить к «интериорной культуре». Ко всему этому остается добавить, что в последнее время все более ясной становится несостоятельность представления, будто без слова нет и мышления. Существуют, как известно, многочисленные средства невербальной коммуникации (жест, ритм, мимика, выражение глаз и т. п.). И как свидетельствуют специальные наблюдения, например, музыкальная мысль практически может быть совершенно автономной от словесной структуры [87]. Более того, новые данные в области функциональной асимметричности мозга, касающиеся специфики левого и правого полушария, показывают возможность дифференциации чувственно-образных и абстрактно-символических составляющих мыслительного процесса [88].

Возвращаясь к проблеме внутренней структуры культуры, следует отметить, что эта проблема, разумеется, далеко не исчерпывается ни вопросом о ее широкой и узкой трактовке, ни членением в соответствии с тремя указанными выше основными способами ее существования. В частности, морфология каждого из этих способов сама по себе может служить основанием для разграничения отдельных аспектов внутреннего строения всей культуры, трактуемой как в широком, так и в узком значении слова. Например, используя для этой цели строение общественного сознания в соответствии с его главными видами [89], можно выделить нравственную, правовую, политическую, религиозную, эстетическую, познавательную и другие сферы культуры. При этом каждая из таких сфер, не ограничиваясь лишь идейно теоретическим и социально психологическим уровнем общественного сознания, простирается как на «внешнюю» деятельность, так и на ее овеществленные результаты [90]. Так, нравственная (этическая) сфера культуры, помимо этических норм и убеждений, включает нравственные действия, поведение, навыки отдельных лиц или групп, а также общественные учреждения и мероприятия, реализующие нравственные отношения данного общества [91].

В основу моделирования внутреннего строения культуры может быть положена и структура деятельности, в частности ее деление на сферу производства и потребления. Первая из них и служит основанием для общепринятого вычленения в культуре производительных сил, включающих, с одной стороны, людей с профессио-

---

[87] См.: *Дубровский Д. И.* Существует ли внесловесная мысль? — ВФ, 1977, № 9, с. 104.

[88] *Дубровский Д. И.* Существует ли внесловесная мысль?, с. 103.

[89] См.: *Уледов А. К.* Структура общественного сознания. М., 1981, с. 70—148.

[90] Соответственно структура общественного сознания может даже служить основанием для членения культуры в узком смысле слова, хотя оно само как бы находится за ее пределами.

[91] Ср.: *Попелова И.* Этика. Об исторической и современной проблематике нравственной теории. М., 1965, с. 423.

нальными знаниями, производственными навыками и уменьями, с другой — орудия труда. Сферу непосредственного потребления, повседневного удовлетворения материальных и духовных потребностей людей в советской научной литературе принято обозначать термином «быт» [92]. Соответственно относящиеся к этой сфере человеческой деятельности компоненты культуры [93] могут быть названы по-русски «бытовой культурой» [94]. Однако, как известно, для русского слова «быт» в западноевропейских языках нет адекватного термина [95]. В этой связи для передачи его смысла на других языках нами недавно было предложено использовать формулу «внепроизводственная культура» [96]. Бытовая, внепроизводственная культура наряду с самой деятельностью в сфере повседневного потребления и ее опредмеченными результатами включает, на наш взгляд, также нормы повседневного внепроизводственного поведения; к бытовой (внепроизводственной) культуре, очевидно, следует отнести и ту часть знаний, использование которых непосредственно обеспечивает повседневную жизнедеятельность людей.

При всей значимости морфологического анализа культуры на основе выделения отдельных сфер деятельности нельзя не отметить, однако, и определенную ограниченность такого подхода. И дело не столько в отсутствии определенных пределов дробления этих сфер, сколько во взаимном переплетении и проникновении различных видов человеческой активности, крайне затрудняющем их достаточно четкое разграничение (например, почти невозможно отличить от других сфер деятельности такое «производство», как воспитание людей, ибо оно пронизывает почти все области человеческой жизни).

---

[92] См.: *Синицын В.* Быт эпохи строительства коммунизма. Челябинск, 1960, с. 13; *Анохина Л. А., Крупянская В. Ю., Шмелева М. Н.* Быт и его преобразование в период построения социализма. — СЭ, 1965, № 4, с. 17; *Харчев А. Г.* Быт и семья в социалистическом обществе. Л., 1968, с. 4—5; *Иманкулов Е. Н.* Взаимодействие двух тенденций в быту советских наций (на примере Казахстана). Автореф. канд. дис., Алма-Ата, 1970, с. 11—12; *Арутюнов С. А.* Процессы и закономерности развития бытовой сферы в современной японской культуре (автореф. докт. дисс.). М., 1970, с. 13; *Цонков Г.* Формирование и развитие социалистического быта. Автореф. докт. дисс. М., 1971, с. 21; Советский энциклопедический словарь. М., 1980, с. 186—187.

[93] Показательно, например, что Н. К. Крупская рассматривала бытовую жизнь как часть культуры (см.: *Крупская Н. К.* Культура, быт и непрерывка. М., 1930).

[94] См.: *Арутюнов С. А.* Процессы и закономерности развития бытовой сферы в современной японской культуре, с. 13. Представление о быте как о сфере культуры, однако, несовместимо со сведением последней лишь к опредмеченным результатам деятельности. Этим и объясняется, очевидно, распространенное противопоставление понятий «культура» и «быт».

[95] Далеко неточным является, в частности, такой довольно распространенный при переводе «эквивалент» термина «быт», как нем. «Lebensweise» (дословно — «образ жизни»).

[96] См.: *Bromlej Ju.* Subject — Matter and main trends of investigation of culture by Soviete ethnographers. — Arctic Anthropology, 1979, v. XVI, N 1, p. 46.

Поэтому в качестве критериев определения внутреннего строения культуры значительно чаще, чем деятельность, выступают формы ее «опредмечивания», «объективизации». Нередко именно этот критерий кладется в основу самого общего членения культуры на материальную и духовную. Под первой обычно подразумеваются вещи, материально существующие в пространстве на протяжении известного отрезка времени. К ним относятся: орудия труда, оружие, средства передвижения, жилище и другие постройки, одежда, пища и т. д. В ту же категорию могут быть включены культурные растения и домашние животные; особую разновидность материальной культуры составляют раскраска тела, нанесение рубцов, татуировка, прически, все виды косметики и парфюмерии. Духовная культура представляет собой информацию, которая существует в коллективной живой памяти любой человеческой группы. К духовной культуре относятся все запечатленные в клетках мозга знания, нравы и обычаи, правовые нормы, различные виды искусства и народного творчества, религиозные верования и т. п. [97]

Разграничение материальной и духовной культуры на основе форм объективизации деятельности все же довольно условно, ибо многие продукты человеческого труда являются одновременно результатом как духовного, так и физического труда. Так, любой компонент духовной культуры должен объективироваться, найти свое материальное выражение (в форме письменности, речи, изображения, скульптуры, звуках, издаваемых музыкальными инструментами, и т. п.). Такая объективизация невозможна без физических усилий, причем в отдельных случаях соответствующий труд может быть даже очень значителен (например, в искусстве ваяния) [98].

Одну из заслуживающих внимания попыток снять все эти трудности, возникающие при разграничении материальной и духовной культуры, представляет предложение Э. С. Маркаряна руководствоваться в данной связи различиями двух главных видов направленности человеческой деятельности: с одной стороны, на биофизическую среду (в том числе и самого человека), с другой — на духовный мир людей, их сознание и психику в целом [99]. К этой попытке весьма близко предложение снять отмеченные выше противоречия в подразделении культуры на материальную и духовную на основе их функционального разграничения. Согласно данному предложению, к материальной культуре относится все, что удовлетворяет материальные потребности человека, к духовной культуре — все, что удовлетворяет его духовные потребности.

---

[97] См.: *Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А.* Народы, расы, культуры, с. 165.
[98] *Йон Э.* Проблемы культуры и культурная деятельность. М., 1969, с. 427—428, прим. 79.
[99] *Маркарян Э. С.* Понятие «культура» в системе современных социальных наук. М., 1973.

Но, разумеется, и при этом некоторые явления культуры оказываются амбиволентными, удовлетворяя как материальные (физические), так и духовные (психические) потребности (например, целая категория предметов, связанных с декором, — большая часть одежды, украшенные предметы утвари, жилище и т. п.) [100].

Вообще следует учитывать, что «функциональный» подход к анализу внутреннего строения культуры может существенно дополнить «морфологическое» ее членение, делающее акцент на выделении в ней отдельных компонентов в соответствии с отдельными сферами жизнедеятельности людей и их результатами. Правда, функциональный подход особенно характерен, как известно, для западных этнологов и социологов-функционалистов. Один из главных методологических пороков многих из их работ связан с абсолютизацией, преувеличением роли отдельных функций культуры [101]. Но данное обстоятельство, разумеется, не может служить основанием для игнорирования самих этих функций. Не случайно поэтому соответствующий подход к членению культуры получил в последнее время отражение и в нашей научной литературе. При этом в ней указываются прежде всего следующие «технические» функции культуры и ее соответствующие аспекты: 1) инструментальная функция, с которой в первую очередь связана «механическая» техника, выступающая преимущественно как специфическая система средств совместного воздействия человеческих индивидов на материальную среду; 2) нормативная функция, сопряженная с «организационной» техникой («соционормативной» культурой) как специфической системой средств организации коллективной жизни; 3) сигнификативная функция, выражающаяся в «символической» («знаковой») технике как специфической системе средств, благодаря которой осуществляются умственные и эмоциональные действия человека; 4) коммуникативная функция, неразрывно связанная со знаковой техникой, обеспечивающая общение людей [102].

Наряду с этими «техническими» функциями культуры, в известном смысле простирающимися на все общество, можно выделить ее «специфические» функции, связанные с обеспечением отдельных видов социальных потребностей. Таковы, например, эстетическая, познавательная и религиозная функции. Все они в той или иной степени пересекаются с «техническими» функциями культуры. Каждой из этих функций соответствует особая сфера культуры, однако их проявление данными сферами обычно не ограни-

---

[100] *Вийрес А. О.* Выражение этнической специфики в сфере материальной культуры. — В кн.: Методологические проблемы исследования этнических культур. Материалы симпозиума. Ереван, 1978, с. 48—49.

[101] См.: *Артановский С. Н.* Историческое единство человечества и взаимное влияние культур. Л., 1967, с. 85—88.

[102] *Соколов Э. В.* Культура. — Уч. зап. Ленинградск. пед. ин-та им. А. И. Герцена, 1968, с. 376—378; *Маркарян Э. С.* Очерки теории культуры, с. 85—86.

чивается (например, эстетическую функцию выполняет не только такая сфера культуры, как искусство, но и другие ее сферы).

Особое внимание привлекают сравнительно недавние предложения выделять в соответствии с обеспечением культурой различных социальных потребностей людей следующие четыре основные ее подсистемы или сферы: производственную, жизнеобеспечивающую, соционормативную и познавательную. Под производственной сферой культуры при этом понимается производство и воспроизводство материальных благ, орудий и средств производства, непосредственно не связанных с потреблением. Культура жизнеобеспечения выполняет функции, относящиеся к социально-организованному удовлетворению витальных («первичных») потребностей людей; хотя эта подсистема функционирует преимущественно в сфере потребления, в нее входят определенные элементы производства, связанные с удовлетворением «первичных» потребностей людей. (Нетрудно заметить, что эта подсистема во многом совпадает с той сферой жизнедеятельности людей, которую принято именовать «бытом».) В соционормативную культуру, обеспечивающую детерминацию и регуляцию человеческого поведения, включаются такие институты, как право, мораль, обычай, ритуал, значительная часть религиозных институтов и различные социальные структуры. К познавательной подсистеме культуры относятся как совокупность эмпирических и научных знаний, так и та область познания, которая осуществляется не рациональным, а эмоциональным, чувственным путем, через искусство в самых различных его проявлениях [103].

Среди выполняемых культурой многочисленных ролей представляется правомерным особо выделить ее этническую функцию. Эту функцию, на наш взгляд, выполняет совокупность этнодифференцирующих и этноинтегрирующих свойств культуры.

Эти последние, весьма существенные в рассматриваемом нами контексте свойства культуры, теснейшим образом сопряжены с остальными функциями культуры, нередко выступая фактически в качестве одной из их сторон. Особенно это относится к сигнификативной и коммуникативной функциям культуры. Так, сигнификативной функции культуры принадлежит важная роль как в объединении представителей одного этноса (этнической интеграции), так и в разграничении представителей различных этносов (этнической дифференциации). При этом первостепенное значение имеет так называемая открытая (явная) культура [104]. Что каса-

---

[103] См.: *Мкртумян Ю. И.* Компоненты культуры этноса. — В кн.: Методологические проблемы исследования этнических культур. Материалы симпозиума, с. 44—45; *Арутюнов С. А.* Процессы и закономерности вхождения инноваций в культуру этноса, с. 9—10.

[104] «Открытой» (overt) культуре принято противопоставлять «скрытую» (covert) культуру (*Hall E. T.* The Silent Language. New York, 1959). Иногда эти два уровня культуры считают соответствующими осознанным и неосознанным уровням психики (*Степанов Ю. С.* Семиотика. М., 1971, с. 22). Однако такая их интерпретация не вполне удачна, ибо открытые

ется коммуникативной функции, то она обеспечивает характерные для каждого этноса информационные связи в сфере культуры, т. е. передачу этнокультурной информации [105].

Передача этнокультурной, как и всякой другой, информации в человеческом обществе осуществляется в различных формах: через произведения материальной и духовной культуры, путем жестов и т. п. Но главной формой такой передачи выступает речь — словесная информация (устная или письменно-литературная) [106]. Обмен сведениями этнокультурного характера осуществляется на основе как непосредственных (личных), так и опосредованных (неличных) контактов [107]. Хотя по мере развития средств массовой коммуникации удельный вес непосредственных контактов в передаче этнокультурной информации непрерывно сокращается, однако в данном отношении такие контакты все равно остаются наиболее действенными [108]. Главными видами контактов, связанных с передачей этнокультурной информации, являются бытовые, производственные и учебные. Важнейшей социальной ячейкой, в рамках которой осуществляется эта трансмиссия, в классовых обществах обычно, как мы еще убедимся, является семья, а в доклассовых — различные формы общин.

Усвоение этнокультурной информации происходит как непроизвольно (бессознательно), так и осознанно. Первый способ является древнейшим, так как основывается на имитативных способностях человека и до сих пор остается ведущим [109]. Это во многом обусловлено тем, что основная масса этнокультурной (в первую очередь связанной с языком) информации усваивается человеком в раннем возрасте.

Межпоколенной, диахронной этнокультурной информации принадлежит основная роль в воспроизводстве этноса. «Наличием этих непрерывных диахронных инфосвязей между сменяющими

компоненты культуры могут быть неосознанными и, наоборот, осознанные — скрытыми (например, европейцы обычно разговаривают между собой на расстоянии друг от друга примерно 75 см, делая это неосознанно, хотя само это явление относится к открытой культуре). Точнее, пожалуй, говорить в данной связи о наглядной стороне деятельности и ее «внутреннем», скрытом значении.

105 Основанием для такого наименования служит то обстоятельство, что в данном случае имеется в виду передача «кода» этнических свойств, носителем которых является повседневная культура, прежде всего ее традиционные формы. Точнее говоря, при этом идет речь о культурно-психической информации, ибо подразумевается передача не только «значений», но и «установок», т. е. и обучение и воспитание.

106 Подробнее см.: *Чебоксаров Н. Н., Арутюнов С. А.* Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества. — В кн.: Расы и народы. М., 1972, 2, с. 19.

107 В качестве посредника может выступать третий человек или различные средства связи (*Панферов В. Н.* Психология общения. — ВФ, 1971, № 7, с. 127).

108 *Кобищанов Ю. М.* Этнос и информация. — В кн.: Семиотика средств массовой информации. М., 1973, ч. II, с. 5.

109 *Кобищанов Ю. М.* Этнос и информация, с. 5.

друг друга последовательными поколениями этноса обусловлены его преемственность и стабильность во времени»[110]. Но наряду с диахронной важное значение для функционирования этноса имеет синхронная информация, обеспечивающая его пространственную стабильность[111] и культурную интегрированность. В известном смысле этносы представляют собой пространственно ограниченные «сгустки» специфической культурной информации, а межэтнические контакты — обмен такой информацией. И в этом плане различные исторические типы этнических общностей существенно отличаются друг от друга[112].

Из всех компонентов культуры в широком смысле слова обычно наиболее отчетливо выраженными этническими функциями обладает язык. Не случайно в научной литературе при определении основных признаков как этнических образований вообще, так и отдельных их типов язык уже давно неизменно выдвигается на первое место[113], и для этого есть достаточные основания.

Являясь основным коммуникативным средством, язык в то же время выполняет и весьма существенные сигнификативные функции, выступая в качестве условного знака принадлежности его носителей к определенной группе.

О роли языка как этнического признака в нашей научной литературе последнего времени существуют довольно противоречивые суждения. Например, согласно одной точке зрения, наиболее четко сформулированной С. А. Токаревым, — язык относится к самым важным, однако отнюдь не обязательным признакам этнических общностей[114]. К этой точке зрения примыкает мнение А. Г. Агаева, считающего, что «функцию этнического признака выполняет обособленный, только данному народу свойственный, данным народом созданный язык»[115]. Вместе с тем существует представление, что под языковым признаком этнических единиц

---

110 *Чебоксаров Н. Н., Арутюнов С. А.* Передача информации как механизм существования. . ., с. 19. Определяющая роль для этноса диахронных, вертикальных связей четко видна в тех случаях, когда между отдельными частями достаточно однородного в культурном отношении этноса синхронные, горизонтальные связи практически полностью отсутствуют, а значительная этнокультурная общность сохраняется. Хорошими примерами таких «дисперсных» этносов могут служить мяо (мео) и яо (ман) Юго-Восточной Азии, многочисленные группы которых живут дисперсно в Китае и разных странах Индокитая, или эскимосы, рассеянные на бескрайних просторах Гренландии, Канады, Аляски и Сибири (там же, с. 22).

111 *Чебоксаров Н. Н., Арутюнов С. А.* Передача информации. . ., с. 22.

112 Подробнее см. третью часть этой книги.

113 В частности, особое значение языка для нации отмечалось еще Жан-Жаком Руссо и Дж. С. Миллем (*Руссо Жан-Жак.* Опыт о происхождении языков, а также о мелодии и музыкальном подражании. — Избр. соч., М., 1961, т. I, с. 221; *Милл Дж. Ст.* Размышления о представительном правлении. СПб., 1863, с. 302).

114 *Токарев С. А.* Проблема типов этнических общностей (к методологическим проблемам этнографии). — ВФ, 1964, № 11, с. 43.

115 *Агаев А. Г.* Функции языка как этнического признака. — В кн.: Язык и общество. М., 1968, с. 135.

достаточно понимать «общность языка внутри народа»[116]. Соответственно делается вывод, что в качестве этнического признака общность языка не обязательно должна обладать дифференцирующими свойствами[117]. Все эти представления, однако, не лишены некоторой односторонности.

Представители первой из названных точек зрения обычно ссылаются на наличие общего языка у нескольких народов (английского — у англичан, североамериканцев, канадцев, англоавстралийцев; испанского — у мексиканцев, испанцев, аргентинцев, кубинцев и т. д.; арабского — у сирийцев, египтян, алжирцев и т. д.). Однако при этом явно не учитывается, что в таких случаях язык отгораживает каждый из соответствующих этносов от всех этнических общностей, пользующихся иными языками. Например, общность испанского языка наглядно отличает аргентинцев от многих (неиспаноязычных) народов (например, бразильцев), хотя одной этой общности, разумеется, недостаточно для выделения их в отдельную нацию. Следовательно, общность языка во всех случаях, когда она налицо, в той или иной мере играет роль этнического разграничителя, хотя подчас и дополнительного. К тому же, в том случае, когда несколько этносов говорит на одном языке (английском, испанском, португальском, сербохорватском и т. п.), как правило, каждый этнос вносит в этот язык свою специфику. Она может заключаться в ином алфавите или правописании, в фонетических особенностях, в лексике, в специфических оборотах и фразеологических сочетаниях, но в той или иной форме она обычно присутствует[118]. Явным, например, своеобразием, в известной мере культивируемым, отличается аргентинский испанский и бразильский португальский[119-120].

Существование общего языка у нескольких этносов вместе с тем свидетельствует об излишней категоричности тезиса, связывающего выполнение функции этнического признака лишь с тем языком, который свойствен только данному народу. Впрочем, не исключено, что данный тезис имеет в виду всего лишь ту особую функцию языка, которую он выполняет в качестве этнического символа. И действительно, такую роль, тесно связанную с этническими чувствами, этническим сознанием, может выполнять лишь традиционный для данного народа, «данным народом сотворенный» язык[121]. Но, обращая внимание на эту, обычно остающуюся вне поля зрения исследователей, этносигнификативную

---

[116] *Козлов В. И.* О понятии этнической общности. — СЭ, 1967, № 2, с. 105; *Он же.* Динамика численности народов. М., 1969, с. 27.

[117] *Исаев М. И.* Нация и язык. — ВИ, 1968, № 2, с. 106.

[118] См.: *Арутюнов С. А.* К проблемам этничности и интерэтничности культуры. — СЭ, 1980, № 3, с. 65.

[119-120] См.: *Былинкина М. И.* О национальном языке Аргентины. — В кн.: Нации Латинской Америки. М., 1964, с. 371—401; *Вольф Е. М.* Португальский язык в Бразилии. — В кн.: Нации Латинской Америки, с. 402—418.

[121] *Агаев А. Г.* Функции языка как этнического признака, с. 130—131.

функцию языка, мы, видимо, не должны смешивать такие не вполне идентичные понятия, как символ и признак.

Точка зрения, учитывающая лишь «внутреннюю» роль общности языка как этнического признака, плохо согласуется со случаями, когда части одного народа говорят на разных языках. Возникающее при этом противоречие обычно пытаются «снять» ссылкой на исключительность таких случаев. Однако в действительности они оказываются не столь уж редкими. В литературе, например, в этой связи уже неоднократно делались указания на шотландцев, ирландцев [122]. Не менее показательны и ссылки на некоторые народы нашей страны; башкир, карел, эвенков, значительные массы которых считают своим родным языком русский. В полном смысле слова «общность» языка отсутствует у советских украинцев: каждый восьмой русскоязычен. Такое явление характерно и для значительной части армян, мордвы и т. д.[123] Нельзя сбрасывать со счета и случаи, когда части одного народа говорят на очень сильно расходящихся диалектах. Это относится, например, к немцам и особенно к китайцам, северные, восточные и южные группы которых не понимают друг друга. У некоторых народов существует даже несколько, хотя и близких, но разных литературных языков: например, у мордвы — эрзянский и мокшанский языки; у норвежцев — риксмол, ланнсмол, самнорск [124].

Нередко основная часть этноса (эсо) обладает традиционным для него языком, а отделившаяся от него этническая группа, живущая в инонациональном окружении, переходит на язык этого окружения.

Все это в целом не оставляет сомнений, что если исходить из идеи «общности языка» (имея в виду при этом общность одного языка) как обязательного этнического признака, то немало народов автоматически окажется за пределами этнической категории [125].

После такого заключения может показаться, что основная слабость рассматриваемого взгляда сводится к некоторому преувеличению значения этого признака. В действительности же главный недостаток такого подхода связан с игнорированием по существу роли языковой общности как этнического разграничителя, без чего подобная общность практически и не может выступать в качестве этнического признака. Даже в этнических общностях, неоднородных в лингвистическом отношении, каждый из языков (в том числе и не традиционный для данной общности) в той или иной мере выполняет этнодифференцирующую роль. Более того, несмотря на такую неоднородность, язык нередко по существу продолжает выполнять внутриэтническую функцию, поскольку языковая коммуникация внутри этноса поддерживается в таких

---

[122] *Токарев С. А.* Проблема типов этнических общностей. . ., с. 43.
[123] *Агаев А. Г.* Функции языка как этнического признака, с. 127.
[124] *Козлов В. И.* О понятии этнической общности, с. 105—106; *Он же.* Динамика численности народов, с. 28.
[125] См.: *Агаев А. Г.* Функция языка как этнического признака, с. 127.

случаях благодаря двуязычию (а иногда и многоязычию) значительной части его членов. Следует учитывать также, что интегрирующие и дифференцирующие этнические свойства языка представляют диалектическое единство. Поэтому выполнение языком дифференцирующей для данного этноса функции неизбежно предполагает его определенную языковую общность. К тому же дифференцирующая функция способствует выполнению языком функции внутриэтнического объединения [126].

Одним словом, неправомерны не только отрицание обязательного выполнения языком этноинтегрирующей и этнодифференцирующей функцией, но и абсолютизация как языкового единства этносов, так и их языковой уникальности. Хотя языковая общность непременно присуща каждому этносу и каждый этнос в процессе становления обычно пользуется одним языком, однако совсем не обязательно, чтобы на протяжении всего своего дальнейшего существования он обслуживался только этим языком. Несмотря на непременное выполнение языком этнодифференцирующей функции, это не обязательно проявляется по отношению ко всем смежным с ним этносам.

Рассматривая язык в качестве этнического признака, мы должны учитывать еще одно его свойство, которое может быть квалифицировано как иерархичность. Мы имеем в виду как наличие диалектов внутри многих языков, так и вхождение подавляющего большинства их в более широкие лингвистические общности (языковые группы и семьи). В результате, помимо главных линий языкового размежевания, оказывается возможным проведение лингвистических границ и в более узких и в более широких рамках. При этом, если степень внутреннего единства таких общностей ослабевает по мере повышения таксономического уровня (от диалекта до лингвистической общности типа языковой семьи), то наибольшей четкости лингвистическая граница достигает, так сказать, на «среднем» уровне — на уровне отдельного языка, являющегося основной лингвистической единицей. Единицы такого типа обычно и выступают в качестве важнейших этнических признаков. Однако это не исключает выполнения роли этнодифференцирующего фактора и другими лингвистическими единицами, что немало способствует образованию своеобразной иерархии этнических общностей.

Судя по всему, этноразграничительным свойствам языка не на всех этапах всемирно-исторического процесса принадлежала одинаковая роль. В первобытнообщинную эпоху, хотя язык и выступал как важнейший фактор этнического сплочения племен [127], однако, на наш взгляд, ему тогда еще не принадлежала роль важнейшего этнического разграничителя. И это представляется очевидным независимо от того, принимается ли нами или не принимается в целом гипотеза господства лингвистической непрерыв-

---

[126] *Агаев А. Г.* Функция языка. . ., с. 128.
[127] *Лашук Л. П.* О формах донациональных этнических связей. — ВИ, 1967, № 4, с. 80.

ности в первобытнообщинную эпоху [128]. Ведь все же, видимо, достоверным [129] является представление, что в первобытную эпоху соседние племена, как правило, составляли сравнительно однородные в лингвистическом отношении группы, внутри которых действительно существовала своеобразная лингвистическая непрерывность [130].

С переходом к классовому обществу и с образованием новых, более крупных этносов, так называемых народностей, этническая роль языка, судя по всему, возрастает. Этому немало способствует закрепление языка в письменности. Что касается наций, то для их единства, как известно, большое значение имеет распространение литературных языков, влекущее за собой нивелирование разговорной практики.

Характеризуя этническую роль языка, нередко подчеркивают, что языковая общность — важнейшее условие формирования этноса. Действительно, если при этом иметь в виду этносы типа народности и нации, то языковой общности в данном отношении в подавляющем большинстве случаев принадлежит немалая роль [131]. Однако было бы ошибочно полагать, будто такая общность обязательно предшествует возникновению этноса. Нередко дело обстоит несколько иначе: формирование этноса и его языковой общности представляет собой одновременный процесс. Впрочем, для прочно «стабилизировавшегося» этноса языковая общность, как уже говорилось, теряет обязательный характер. Этим и объясняется такое нередко отмечаемое в настоящее время явление, как превышение населения, сознающего себя принадлежащим к данной этнической общности, над населением, считающим родным языком основной язык этой общности [132].

При характеристике языка как этнического признака следует учитывать своеобразие самого восприятия этого признака.

---

[128] См.: *Бубрих Д. В.* О древней прибалтийско-финской речи. — Изв. Карело-финской научно-исследовательской базы АН СССР. Петрозаводск, 1949, № 1, с. 55; *Толстов С. П.* Значение трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания для развития советской этнографии. — СЭ, 1950, № 4.

[129] В последнее время в нашей литературе, правда, высказывались определенные сомнения в правомерности гипотезы лингвистической непрерывности (см.: *Герценберг Л. Г.* К вопросу о языковом ландшафте в древнейшую эпоху. — В кн.: Охотники, собиратели, рыболовы. Проблемы социально-экономических отношений в доземледельческом обществе. Л., 1972, с. 46—48). Однако было также отмечено, что такого рода сомнения основаны, по-видимому, на недоразумении, ибо «лингвистические цепи возникали не столько в результате генетического родства языков (и в этом можно полностью согласиться с Л. Г. Герценбергом), сколько вследствие интенсивных контактов носителей» (*Шнирельман В. А.* Протоэтнос охотников и собирателей (По австралийским данным). — В кн.: Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М., 1982, с. 89).

[130] *Бутинов Н. А.* О первобытной лингвистической непрерывности в Австралии. — СЭ, 1951, № 2; *Шнирельман В. А.* Протоэтнос охотников и собирателей. (По австралийским данным). — В кн.: Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М., 1982, с. 88—90.

[131] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 21, с. 410.

[132] *Агаев А. Г.* Функции языка как этнического признака, с. 133—134.

Он обычно воспринимается как нечто целостное, единое, т. е. однозначно. Это обусловлено тем, что каждый язык представляет целостную систему со сравнительно постоянными и «жестко» взаимосвязанными частями. Вместе с тем такая «жесткость» позволяет, как правило, распознать язык (отличить от других) уже при соприкосновении с его отдельными элементами. Именно поэтому языковая принадлежность этнической группы обычно может быть выяснена при первых же контактах с ней, при этом для такой цели даже не обязательно в совершенстве владеть соответствующим языком.

Что касается культуры в узком значении этого слова, т. е. духовной культуры, то вопрос относительно ее этнических свойств гораздо сложнее, чем о тех же свойствах языка, и одних аналогий с ним здесь явно недостаточно.

Многочисленные и разнообразные «неязыковые» комплексы духовной культуры в большинстве случаев, хотя и обладают значительной самостоятельностью, однако не представляют целостных систем с «жестко» взаимозависимыми частями. И, следовательно, по одной детали, одному фрагменту той или иной сферы культуры подчас крайне рискованно судить о ней в целом. Из всех таких комплексов культуры, пожалуй, наибольшая степень «жесткости» взаимосвязи отдельных компонентов, как правило, обнаруживается в религии. Данное обстоятельство играет определенную роль в выполнении религией в некоторых случаях функции основного этнического признака.

В отличие от языка лишь некоторые элементы культуры (в узком значении слова) выделяются обыденным сознанием в качестве отличительных черт данного этноса, его основных «опознавательных» знаков [133]; при этом нередко их типичность для данного этноса абсолютизируется — они считаются исключительно его принадлежностью. Остальные же особенности культуры, если и оказываются в «поле зрения» обыденного сознания, то фиксируются им, как правило, весьма неопределенно и неинтенсивно [134]. Поэтому для выявления такого ряда особенностей необходимы специальные исследования. Поскольку последние ведутся главным образом этнографами, это делает правомерным наименование таких особенностей «этнографическими» чертами культуры. Хотя обыденное сознание чаще всего не придает им сколько-нибудь существенного значения, тем не менее объективно они отличают один этнос от другого.

Данное обстоятельство в свою очередь и является, на наш взгляд, основанием для того, чтобы всю совокупность несущих этническую нагрузку компонентов культуры (в узком смысле слова) именовать «этнической», помня при этом, что она включает «этнографический» слой.

---

[133] Подробнее об этом см. с. 124—127.

[134] Впрочем, это не исключает того, что нередко отдельные из них по тем или иным причинам могут со временем превратиться в «символы» этноса.

Сопоставляя этнические функции языка и культуры (в узком значении слова), мы должны прежде всего иметь в виду следующее обстоятельство [135]. Когда в качестве этнического признака фигурирует язык, то, само собой разумеется, что мы имеем дело с явлением, характерным для определенной группы, индивидуальные различия которой в данном («языковом») отношении часто незначительны. Для основной же массы «неязыковых» сфер культуры групповой характер тех или иных черт деятельности индивида, как правило, не столь самоочевиден. Более того, хорошо известно, что культура общности не есть простая сумма индивидуальных культур ее членов.

Однако это отнюдь не значит, что не существует общей групповой культуры. В каждой общности людей имеется «совокупность» произведений, ценностей и способов поведения, которые приняты и признаны группой и приобрели значение для ее членов, определяя нормы поведения, считающиеся «обязательными», например, нормы приличия, принципы общежития и т. д. Такая общность обусловлена не сознательной договоренностью индивидов, как полагают представители конвенциональных теорий, а тем, что производство материальных благ и иная деятельность людей выступают прежде всего как коллективная, общественная. Поэтому сначала формируется содержание общественного сознания, а потом уже и индивидуального [136-137]. Соответственно культура общности имеет определенный «приоритет» перед функционирующей в ее рамках культурой индивидов. При этом каждое общество как бы представляет индивиду некоторую возможность оригинальности и отклонения от общепризнанных образцов. Но лишь весьма немногие из подобных отклонений могут затем приобрести характер черт, типичных для данной культуры.

Поскольку, таким образом, в целом культура отдельного индивида не обладает всеобщей значимостью для этноса, она сама по себе не может служить отличительным признаком последнего. В такой роли могут выступать лишь те культурные черты, которые характерны для всего этноса. Именно поэтому феномен групповой культуры представляет важнейшее условие выполнения культурой этнических функций. При этом, однако, не следует смешивать культуру индивида и единичные явления культуры. Последние, как известно, нередко выступают в роли характерных признаков этноса. Ведь такие явления (например, отдельные архитектурные памятники), будучи отраженными обыденным сознанием, могут иметь всеобщую значимость в пределах этноса. Однако и в таких случаях — это всего лишь символы этноса [138], не представляющие непосредственные этнические свойства его членов.

---

[135] Кроме того, необходимо учитывать, что в подавляющем большинстве случаев, когда имеет место то или иное несовпадение этноса и символизирующего его языка, такое несовпадение достаточно очевидно.

[136-137] *Уледов А. К.* Структура общественного сознания, с. 150.

[138] Даже если об этом явлении осведомлены все члены этноса, то «всеобщность» имеет не оно само, а лишь знания о нем. Характерно, что в такой

В связи с рассматриваемым вопросом нельзя также не напомнить о том, что в нашей историко-философской литературе последних лет довольно распространено мнение, будто об общности культуры как этническом признаке, если и можно говорить, то главным образом лишь применительно к первобытнообщинной эпохе, когда все члены небольших племенных коллективов, занимаясь одинаковой хозяйственной деятельностью, представляли в социальном отношении по существу недифференцированное целое [139]. В классовых обществах, согласно этой точке зрения, вместе с исчезновением у этнических образований социальной однородности исчезает не только их культурное единство, но и вообще чуть ли не всякая общность культуры. Одним из логических следствий такого представления явилось, в частности, исключение культуры вообще из определения нации [140]. Основным аргументом при этом служат обычно ссылки на известное указание В. И. Ленина, что «есть две национальные культуры в каждой национальной культуре» [141]. Однако в данном случае как бы не замечается, что, подчеркивая наличие внутри нации капиталистической эпохи буржуазной и пролетарской культуры, В. И. Ленин отнюдь не отрицает существования национальной культуры. Он выступал против лозунга «национальная культура» (соответственно — «национально-культурная автономия») не из-за отсутствия национальной культуры вообще, а в силу того, что в каждой национальной культуре в условиях капитализма господствующей является буржуазная культура [142] и есть лишь элементы демократической и социалистической культур [143]. Впрочем, с позиций формальной логики все же может показаться, что наличие двух национальных культур у буржуазных наций противоречит признанию какой-либо культурной общности таковых. Но, если следовать этой ло-

---

же роли этнических символов могут выступать и явления природы (например, Фудзияма для японцев).

139 См.: *Козлов В. И.* Динамика численности народов, с. 44.

140 См., например: *Калтахчян С. Т.* К вопросу о понятии «нация». — ВИ, 1966, № 6, с. 42; *Мнацаканян М. О.* Нация и национальная государственность. — ВИ, 1966, № 9, с. 35. По мнению С. А. Токарева, особенности быта и культуры представляют второстепенные этнические признаки (*Токарев С. А.* Введение. — В кн.: Основы этнографии. М.: Высшая школа, 1968, с. 9); *Козлов В. И.* Этнос и культура.—СЭ, 1979, № 3, с. 79.

141 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 24, с. 129.

142 Именно осуществление лозунга «национальной культуры» на деле облегчало «вовлечение пролетариата и трудящихся масс в сферу влияния идей буржуазного национализма» (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 23, с. 317). Вместе с тем следует подчеркнуть, что отмеченное В. И. Лениным господство буржуазной культуры в каждой национальной культуре не дает оснований для их отождествления. Между тем именно так поступил О. Бауэр. Выдвинув тезис, что общность культуры нации «охватывает лишь господствующий класс», он на этом основании трудящиеся массы исключил из нации вообще (*Бауэр О.* Национальный вопрос и социал-демократия. СПб., 1909, с. 51).

143 Ср.: *Strobach H.* Lenins Zwei-Kulturen Theorie und der Begriff der Volkskultur. — In: Abhandlungen und Berichte des Staatlichen Museums für Völkerkunde. Dresden—Berlin, 1976, Bd. 35, S. 33—42.

гике, то придется неизбежно прийти к заключению, что В. И. Ленин отрицал и само существование буржуазных наций, ибо его тезису о двух национальных культурах в каждой национальной культуре, как известно, предшествует формула: «есть две нации в каждой современной нации» [144]. В действительности же перед нами одно из проявлений диалектической противоречивости самих буржуазных наций, представляющих единство [145] противоположностей [146] как в социально-классовой, так и в культурной сфере [147]. И было бы, очевидно, явным упрощением понимать ленинское указание в том смысле, будто наличие в каждой этнической единице классовых формаций антагонистических компонентов культуры ведет к полному разрушению всякой культурной общности в таких образованиях [148]. Ленинская мысль нацелена не на отрицание национальной культуры, как таковой [149], а на акцептацию ее раздвоенности, классовой противоречивости в условиях капитализма [150].

---

[144] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 24, с. 129. Между тем В. И. Ленин резко осуждал левацко-вульгарную трактовку классовых противоречий, доходящую до отрицания понятия «нация», «народ», «население» и т. п. (См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 25, с. 276, 305). В этой связи в нашей философской литературе справедливо отмечалось, что, «подчеркивая наличие «двух наций» в составе каждой нации буржуазного общества, марксизм-ленинизм вовсе не отрицает реальности нации как исторически сложившейся и притом устойчивой общности людей. Он рассматривает классы и нации как элементы объективной структуры общества» (*Глезерман Г. Е.* Классы и нации. М.: Политиздат, 1977, с. 34).

[145] Диалектическое единство противоположностей, разумеется, не означает их одинаковости, тождества. Разъясняя это, В. И. Ленин писал: «Диалектический момент» требует указания «*единства*», т. е. связи отрицательного с положительным» (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 29, с. 208)

[146] Ср.: *Бурмистрова Т. Ю.* Некоторые вопросы теории нации. — ВИ, 1966, № 12, с. 104—105; *Ломидзе Г.* Национальная культура и народность литературы. — Дружба народов, 1971, № 2, с. 253.

[147] Как будто имея в виду именно рассматриваемый случай, В. И. Ленин по поводу представления, что капиталистическая система всего лишь совокупность противоречий, доходящих до нарушения общественных связей, писал следующее: «Антагонистический, полный колебаний и противоречий характер *этой связи* не дает права отрицать ее *существования*. И мы знаем, что именно развитие противоречий все сильнее и сильнее обнаруживает силу этой связи, *вынуждает* все отдельные элементы и классы общества стремиться к соединению и притом. . . к соединению всех представителей данного класса *во всей нации* . . .» (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 2, с. 207).

[148] В данной связи нельзя не согласиться, в частности, с мнением Т. Ю. Бурмистровой, что хотя не все в наследии Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского может принять рабочий класс, но бесспорно одно: и Л. Н. Толстой, и Ф. М. Достоевский — великие представители русской культуры (*Бурмистрова Т. Ю.* Некоторые вопросы теории нации).

[149] Не случайно В. И. Ленин, говоря вообще о национальной культуре, обычно это понятие не ставит в кавычки, но непременно употребляет их, когда речь идет о лозунге «национальной культуры».

[150] Ленинизм и национальный вопрос в современных условиях.—2-е изд. М.: Политиздат, 1974, с. 32; *Куличенко М. И.* Расцвет и сближение наций в СССР. Проблемы теории и методологии. М.: Мысль, 1981, с. 67—68.

Но классовая противоречивость национальной культуры отнюдь не исключает ее определенной внутренней взаимосвязанности и даже однородности отдельных компонентов. При этом следует учитывать то чрезвычайно важное обстоятельство, подчас упускаемое в рассматриваемой связи из виду, что классовые различия в культуре в разной мере, с разной степенью остроты проявляются в ее разных сферах [151].

Классовость культуры в антагонистических обществах проявляется прежде всего в том, что значительная часть идеологических форм создается в интересах господствующих классов и обслуживает только их интересы. Сюда относится политическая идеология, в значительной мере религия, многие элементы морали и искусства, философские принципы. Как известно, весьма существенны классовые различия и в сфере потребления материальной и духовной культуры. Классовый характер могут иметь также различного рода материальные символы и атрибуты социального престижа: приветствия, украшения, манеры, особенности жилища, одежды и т. д.[152]

Но, как справедливо отметил Н. Н. Чебоксаров, хотя культурно-бытовые различия между социальными группами внутри одного этноса и имеют тенденцию углубляться на всем протяжении истории классового общества, они никогда не охватывают всего культурного достояния народа [153]. Нельзя сбрасывать со счета и довольно частое для классовых обществ религиозное единство различных социальных групп внутри одного этноса [154], не говоря уже об обычной для них языковой общности, соответственно, единой письменности [155]. Немало общих черт, характерных для всех классов и слоев данной этнической общности, сохраняется в сфере бытовой культуры, притом не только в ее материальных, но и духовных компонентах. К тому же в условиях научно-технической революции многие из этих компонентов

---

[151] *Пименов В. В.* О некоторых закономерностях в развитии народной культуры. — СЭ, 1967, № 2, с. 7—8.

[152] *Соколов Э. В.* Культура. — Уч. зап. Ленингр. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена. Философские исследования. Л., 1968, с. 379.

[153] *Чебоксаров Н. Н.* Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских ученых. — СЭ, 1967, № 4, с. 98.

[154] В данной связи привлекает внимание анализ религиозного поведения, проделанный С. А. Арутюновым. Разграничивая в религиозном поведении социальный и обыденный аспекты, он отмечает, что первый аспект выделяет индивида из общества либо как личность повышенного религиозного уровня, либо как члена обособленной конфессиональной группы. Использование же многих религиозных обрядов, глубоко въевшихся в повседневную жизнь населения, т. е. обыденное религиозное поведение, уподобляет индивида обществу и как бы растворяет его в этносе (*Арутюнов С. А.* Процессы и закономерности развития бытовой сферы в современной японской культуре. Автореф. докт. дис., с. 16).

[155] См., например: *Агаев А. Г.* Социалистическая национальная культура. М.: Политиздат, 1974, с. 41.

(правда, главным образом материальных, но отчасти и духовных) все более приобретают межнациональный характер [156].

Следует иметь в виду и межсоциальную диффузию культуры в широком смысле слова, в частности проникновение элементов профессиональной городской культуры в сельскую [157] и, наоборот, традиционной сельской — в городскую [158]. Одним словом, нет оснований полагать, будто наличие антагонистических классов внутри этносов ведет к полному уничтожению их культурной общности. Более того, такая общность сохраняется как раз в тех сферах культуры (язык, религия, обычаи, обряды, народное творчество, материальная культура и т. д.), которые чаще всего являются основными носителями этнической специфики.

В подтверждение точки зрения, будто культурная общность характерна лишь для этносов родо-племенной эпохи [159], нередко ссылаются на то, что в приходящих им на смену крупных этнических образованиях нарушается пространственное единообразие культуры [160]. Действительно, локальные различия в культуре — явление, встречающееся, если не во всех, то во всяком случае в подавляющем большинстве относительно крупных этносов. При этом границы пространственного распространения как отдельных компонентов культуры, так и их целых комплексов зачастую не совпадают ни между собой, ни в целом с территориальными рамками этнических общностей. Многочисленные примеры этого уже не раз проводились в специальной литературе; о том же весьма наглядно свидетельствуют историко-этнографические атласы. Особенно характерны локальные различия для материальной культуры [161], и это объясняется тем, что она непосредственно

---

[156] См.: *Арутюнов С. А.* Этнографическая наука и изучение культурной динамики. — В кн.: Исследования по общей этнографии. М., 1979, с. 31—44.

Однако наличие в культуре каждой нации значительного «слоя» заимствованных элементов не даст оснований для отказа от понятия «национальная культура». Ведь такие элементы обычно приобретают характерные именно для данной нации этнические (национально-специфические) черты (см.: *Куличенко М. И.* Расцвет и сближение. . ., с. 68—70).

[157] Например, многие компоненты одежды русского населения конца XIX — начала XX в. ведут свое происхождение от одежды горожан (см.: *Маслова Г. С.* Национальная одежда русских, украинцев и белорусов в XIX — начале XX в. Восточнославянский этнографический сборник. — ТИЭ, 1956, т. XXXI, с. 640—643).

[158] Об этом, в частности, наглядно свидетельствует использование материалов сельского фольклора при создании произведений профессиональной художественной литературы.

[159] Иногда культуру этнических образований этой эпохи характеризуют даже как однозначную. Но, разумеется, по-настоящему однозначных культур никогда не было (см.: *Лем Ст.* Модель культуры. — ВФ, 1969, № 8, с. 59).

[160] См., например: *Козлов В. И.* Динамика численности народов, с. 44—46.

[161] Этим во многом и обусловлены те трудности, с которыми встречаются археологи, при определении этнической принадлежности той или иной «археологической культуры». Не случайно вопрос о ее соотношении с этносом в последнее время весьма оживленно дискутируется как зарубежными, так и советскими археологами (см., например: *Кнабе Г. С.* Вопрос о соотношении археологической культуры и этноса в современной зарубежной литературе. — СА, 1959, № 3; *Формозов А. А.* Могут ли служить орудия

связана как с уровнем развития производительных сил, так и с особенностями природной среды.

Но, констатируя существование внутри крупных этносов локальных вариантов тех или иных комплексов культуры, не следует их абсолютизировать. Локальные различия в одних сферах культуры отнюдь не исключают возможности ее единства во многих других. И в этом отношении материальная и духовная культура далеко не равнозначны, поскольку последняя дает нам большее число примеров общеэтнического единства и своеобразия. Русские народные песни и танцы, например, явно отличаются от украинских и тем более от грузинских [162]. К тому же локальные комплексы культуры каждого этноса на «своем пограничном участке» могут в известной мере выполнять этнодифференцирующую функцию. Наконец, следует учитывать, что даже в сфере материальной культуры, как показывают специальные исследования, гомогенность внутри этноса обычно резко падает у его границ, зато сходство в данном отношении между этносами затухает постепенно, по мере их удаления друг от друга [163].

Еще один аргумент против представления об общности культуры как этническом признаке — ссылка на то, что основные формы материальной культуры определяются чаще спецификой локальных хозяйственно-культурных типов (ХКТ), нежели этнической спецификой [164]. Однако, как уже отмечалось в нашей литературе, абсолютизировать определяющую роль ХКТ не следует. Например, при единых в общем кочевом скотоводческом ХКТ и, более того, при сходном даже в деталях его локальных вариантах в некоторых странах этносы тюрко-монгольского происхождения, как правило, стойко придерживаются юрты, как основного типа жилища, тогда как этносы, говорящие на семитских, индоевропейских и тибетских языках, примерно в той же географической амплитуде, столь же стойко держатся другого типа традиционного кочевого жилища, так называемого «черного шатра». Показательно и то, что при единстве ХКТ поливных пашенных рисоводов в значительной части стран Южной и Юго-Восточной Азии в питании одних народов молоко и молочные продукты занимают важнейшее место, а у других, ничуть не менее

каменного века этническим признаком? — СА, 1967, № 5; *Монгайт А. Л.* Археологические культуры и этнические общности (к вопросу о методике историко-археологических исследований). — Народы Азии и Африки, 1967, № 1; Обсуждение статьи А. Л. Монгайта. — Народы Азии и Африки, 1967, № 1; *Каменецкий И. С.* Археологическая культура — ее определение и интерпретация. — СА, 1970, № 2; *Renfrew C.* Space, time and polity. — In: The evolution of social sistems. London, 1977, p. 89—112).

162 *Козлов В. И.* Динамика численности народов, с. 45.

163 См.: *Clarke D. L.* Analitical archaeology. London, 1968.

164 См.: *Козлов В. И.* Этнос и культура. (К проблеме соотношения национального и интернационального в этнографическом изучении культуры). — СЭ, 1979, № 3, с. 74.

широко разводящих коров и буйволов, напротив, являются совершенно неприемлемыми [165].

Но главное саму специфику ХКТ есть достаточные основания рассматривать как этническую. При этом этническая специфика по-разному выражена в ранние и поздние периоды существования хозяйственно-культурного типа. В периоды своего формирования хозяйственно-культурные типы тесно сопряжены с этническими общностями. В сформировавшихся и давно существующих ХКТ происходит обособление от них культуры отдельных этносов [166].

В рассматриваемой связи вместе с тем весьма существенно подчеркнуть неправомерность сведения культурного единства этнических образований лишь к совокупности их отличительных особенностей, т. е. так называемой этнической культуре [167]. Ведь в таком случае из сферы проявления культурного единства того или иного этноса оказываются автоматически исключенными все те компоненты культуры, которые, во-первых, характерны для всего человечества [168]; во-вторых, присущи всем этносам данного хозяйственно-культурного типа; в-третьих, являются общей принадлежностью соответствующей историко-этнографической области [169].

Одним словом, этническую культуру не следует смешивать с культурой этноса (нации) в целом [170]. Последняя включает не

---

[165] *Арутюнов С. А.* К проблемам этничности и интерэтничности культуры, с. 62.

[166] Подробнее см.: *Чеснов Я. В.* Об этнической специфике хозяйственно-культурных типов. — В кн.: Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М., 1982, с. 109—124, а также в данной книге очерк одиннадцатый, с. 273.

[167] О понятии этническая культура см. в данной книге, с. 116, а также: Методологические проблемы исследования этнических культур. Материалы симпозиума. Ереван, 1978.

[168] Культурные явления, имеющие общечеловеческий характер, т. е. свойственные, хотя бы в зачаточной мере, всем современным и древним народам, в этнографической литературе подчас именуют «элементами культуры» (см.: *Вейле К.* Элементы человеческой культуры. Начатки и первичные формы матриархальной культуры. М.; Пг., 1923).

[169] Характеристику двух последних разновидностей культурных общностей см. выше, с. 37.

[170] Такое смешение, однако, встречается нередко и, говоря, например, о развитии этнической (национальной) культуры, имеют в виду не этнические (национально) специфические черты культуры, а культуру этноса (нации) в целом. Возможность такого смешения в значительной мере связана с тем, что прилагательное «этнический», как и «национальный» в русском языке (как, впрочем, и во многих других), может употребляться для обозначения как особенного, так и отдельного (как этнического, национально-специфического, так и всего принадлежащего этносу, нации). Поэтому национальной может быть названа как национально-специфическая культура, так и культура всей нации. Такое неоднозначное употребление прилагательного «национальный» весьма важно учитывать при характеристике взаимоотношений интернационального и национального: первое существует во втором не столько как в особенном, сколько как в отдельном. Это различие, кстати сказать, подчас остается незамеченным (см.: *Козлов В. И.* Этнос и культура, с. 32).

только этнические, национально-специфические, но и межэтнические, интернациональные компоненты культуры.

Недавно В. И. Козловым было предложено наряду с этнической и межэтнической выделять иноэтническую культуру [171]. Это предложение интересно, но довольно трудно провести грань, отделяющую межэтническую и иноэтническую культуры. Судя по всему, В. И. Козлов видит основное отличие иноэтнической культуры от межэтнической в том, что первая, хотя и потребляется членами данного этноса, но ими не создается. Но если придерживаться этого критерия, то из межэтнической культуры придется, например, исключить все художественные произведения, созданные отдельными авторами, не принадлежащими к данному этносу. Поэтому иноэтничными скорее следует именовать те элементы «чужеродной» для данного этноса культуры, которые не стали органической частью этого этноса, т. е., если и потребляются его членами, то лишь как исключение, а не как правило. Точнее говоря, эти (иноэтничные) элементы культуры, хотя и приняты данным эсо, но не подвергнуты этнически специфической адаптации. Разумеется, степень такой адаптации может быть весьма различной. В частности, если произведение иноэтничной литературы переведено на язык данного этноса, это уже можно расценивать как определенный уровень этнически специфичной адаптации [172].

В конечном счете этнос характеризует совокупность этнических, межэтнических [173] (в том числе общечеловеческих) и иноэтнических компонентов культуры. И именно культура этноса в целом обеспечивает его функционирование как системы.

В таком функционировании этноса чрезвычайно важная роль принадлежит общности культуры. Ее символические (знаковые) компоненты, в первую очередь язык, обеспечивают, как уже говорилось, взаимное понимание и взаимную информацию членов этноса, без чего невозможна была бы их эффективная совместная деятельность. Благодаря знаковым системам оказываются возможными накопление, хранение и передача из поколения в поколение информации, обеспечивающей культурную преемственность в рамках этноса. Но «интегрирующая» роль культуры для этноса не исчерпывается лишь ее, собственно, коммуникативной функцией пространственного и временного планов. В интегрирующем отношении существенна также роль сигнификативной функции культуры. Ведь благодаря значениям все культурные явления обладают своеобразной двойственностью. Наряду со

---

[171] *Козлов В. И.* Этнос и культура, с. 32.

[172] *Арутюнов С. А.* К проблемам этничности и интерэтничности культуры, с. 64.

[173] При этом, как уже говорилось, нередко те или иные компоненты культуры, являясь общими для определенной группы этносов, т. е. будучи межэтническими, одновременно могут отличать отдельные этносы этой группы от не входящих в нее этносов, т. е. непосредственно выполнять этнодифференцирующую роль.

своим «внешним», явным выражением они имеют «вторую жизнь», определяемую их значениями. Значения как бы скрыты в предмете, они постигаются разумом, эстетическим чувством, нравственной интуицией, но не открываются в нем с первого взгляда. В этом смысле значения — ключ к пониманию культуры. В любой организованной человеческой группе реакция людей на внешние стимулы не прямая, а опосредованная культурой, ее значениями. Не зная значений культурных явлений, невозможно уяснить их сути [174].

Весьма наглядную иллюстрацию этого тезиса мы находим у С. А. Арутюнова, характеризующего знаковые функции внеязыковой части культуры. В этой связи он, в частности, отмечает, что когда говорят друг с другом два человека одной этнической культуры, например немец с немцем, то любое простейшее бытовое указание типа «пойди на кухню и приготовь себе завтрак» дополняется в сознании самой обстановкой кухни, теми или другими предметами утвари, набором продуктов, которые сами по себе несут информацию, понятную в контексте данной культуры, содержат в себе программу деятельности более широкую, чем та, что была в речевой деятельности, более широкую, чем та, что была в речевой форме. Однако она будет непонятна человеку другой культуры, например эскимосу или эвенку, даже если общий смысл речевого указания им ясен. И, наоборот, эвенк-охотник, входящий в безлюдную таежную избушку, понимает информацию, оставленную его предшественниками в виде предметов культуры, тогда как тот же немец в подобной ситуации может оказаться совершенно беспомощным [175].

Важное значение для внутренней интеграции этносов имеет и характерная для них (особенно для этносоциальных организмов) общность «соционормативной» культуры (моральных и соответствующих правовых норм, институтов), обеспечивающая координацию поведения, деятельности объединенных в их рамках людей [176]. Степень подобной координации может быть различной, но в той или иной мере она необходима, ибо в противном случае внутри этноса наступает хаос, делающий неизбежным его гибель. Для понимания подлинной роли этой, нередко остающейся вне поля зрения исследователей, специфической стороны культурной общности этноса необходимо учитывать, что в «организационном» плане именно выработанная людьми система норм, регулирующих их поведение, и отличает жизнь человеческого коллектива от жизни сообществ животных, базирующейся на инстинкте [177].

Но при всей огромной значимости для этноса внутреннего культурного единства — это всего лишь одна из сторон его как

---

[174] См.: *Соколов Э. В.* Культура и личность. Л.: Наука, 1972, с. 89.
[175] См.: *Арутюнов С. А.* Этнографическая наука и изучение культурной динамики, с. 26—27.
[176] См.: *Першиц А. И.* Проблемы нормативной этнографии. — В кн.: Исследования по общей этнографии. М., 1979, с. 224—234.
[177] См.: *Маркарян Э. С.* Очерки теории культуры, с. 68.

целостной системы. Существование таковой, как мы знаем, невозможно без выполнения культурой этнодифференцирующей функции. Эти два аспекта этноса — «внутренний» и «внешний» — находятся в сложной диалектической взаимосвязи.

С одной стороны, как говорилось, этнодифференцирующую роль могут играть не только те компоненты культуры, которые едины для всего этноса, но и ее локальные варианты, а подчас и культурные черты, характерные для отдельных входящих в этнос социальных групп. С другой стороны, из отмеченного нами выше наличия общих черт культуры у отдельных народов отнюдь неправомерно было бы делать прямолинейный вывод, что внешние отличительные особенности каждого этноса обязательно должны принадлежать только ему одному. Такого рода «абсолютные» особенности, несомненно, имеют место в сфере культуры: например, в подобной роли нередко выступают специфические формы отдельных предметов культуры (формы различной домашней утвари, украшений, орнаментов и т. п.). Но удельный вес этих «абсолютно» отличных элементов культуры в каждой этнической общности сравнительно невелик [178]. Более того, по мере усиления культурных контактов между народами таких возникших в прошлом особенностей становится все меньше и меньше. Вновь же появившиеся в той или иной этнической единице специфические явления культуры быстро становятся достоянием других народов.

В силу взаимодействия культур, а также определенной культурной конвергентности в развитии народов преобладающая часть этнических особенностей в сфере культуры имеет, так сказать, относительный характер [179]. Они выступают как общее свойство нескольких этнических единиц, отличающее одновременно всех их от некоторых других единиц того же типа. Правда, если подойти к данному вопросу абстрактно, то в конечном счете придется чуть ли не каждый компонент культуры рассматривать как относительно специфический, ибо у каких-то народов прошлого и настоящего такого компонента может не оказаться. Поэтому относительно специфическими чертами той или иной этнической общности, очевидно, следует практически считать только черты, отличающие ее в первую очередь от общностей, с которыми она находится в сравнительно постоянных контактах. И все же даже при таком «отборе» относительных черт они, очевидно, будут перевешивать абсолютные. И в этом одно из существенных отличий этнических свойств основной массы компонентов культуры (в узком значении слова) от языка, который в значительном боль-

---

[178] Однако полностью отрицать их тоже вряд ли правомерно (см.: *Кишкин Л. С.* К вопросу о национальном своеобразии (Отклик на статью Лихачева Д. С.). Русская литература, 1969, № 2).

[179] Например, грузинские и армянские земледельцы отличаются друг от друга, в частности, тем, что первые предпочитают кислый, а вторые — пресный хлеб. Но, как известно, ни тот, ни другой способ приготовления хлеба не является «абсолютной» спецификой ни грузин, ни армян.

шинстве случаев тесно сопряжен лишь с одной этнической общностью.

Следует также учитывать, что подавляющее большинство этнодифференцирующих свойств культуры выступает лишь в качестве показателей внешнего отличия этнической общности, а не в роли этнической границы (барьера для этнических контактов) [180], в то время как язык обычно выполняет и ту и другую функции. Некоторое исключение в этом отношении представляет лишь религия, которая, как уже говорилось, подчас выполняет роль, если не основного, то дополнительного этноразграничительного барьера.

Имеется еще одна существенная особенность этнодифференцирующих свойств «неязыковых» компонентов культуры по сравнению с аналогичными свойствами языка. Она состоит в том, что если последние дают о себе знать в самых разнообразных областях человеческой деятельности, то сфера проявления этноотличительных особенностей отдельных компонентов всех других видов культуры (даже когда они охватывают значительные комплексы) сравнительно ограничена. Правда, в целом все то в культуре, что противостоит языку, фактически полностью охватывает деятельность людей (за исключением, разумеется, языковой). Стало быть, и проявление этнокультурных отличий можно ожидать в самых разнообразных сферах. И хотя в действительности эти потенциальные возможности реализуются далеко не целиком, однако важно иметь в виду, что нередко этнокультурные отличия подчас оказываются устойчивее, чем язык. Более того, этническая окраска отдельных элементов культуры нередко переживает даже этническое самосознание.

Этнодифференцирующие свойства культуры — одно из проявлений ее сигнификативных функций. В качестве этнических символов могут выступать элементы как материальной, так и духовной культуры. Внутреннее сигнификативное единство культуры этноса, т. е. заложенная в ее компонентах информация, читаемая, как уже отмечалось выше, определенным образом в общем ее контексте и тем самым программирующая конкретную деятельность, вместе с тем выполняет этнодифференцирующую функцию, отличая один народ от другого [181]. Но эта функция знаковых свойств культуры, разумеется, проявляется лишь при условии контактов между этносами. Поэтому один и тот же элемент культуры может в одном случае выражать этническую специфику и не иметь ее в другом. Например, католическая религия

---

[180] Хорошо известно, в частности, что музыка, танцы, произведения изобразительного и прикладного искусства, архитектуры в значительной мере понятны представителям многих, если не всех, этносов, хотя, как правило, глубже воспринимаются народом, для которого характерны (ср.: *Каган М. С.* Лекции по марксистско-ленинской эстетике. Л., 1966, ч. III, с. 106).

[181] См.: *Арутюнов С. А.* Этнографическая наука и изучение культурной динамики, с. 27.

имела этническую марку там, где хорваты общались с сербами, и не имела такой марки в контактной зоне хорватов и венгров, которые в значительной части тоже были католиками. Равным образом наличие юбки у мужчин отличает шотландцев от англичан, но не отличает первых от греков и албанцев, где ношение юбки тоже бытовало у мужчин. Таким образом, этнические знаки существуют не сами по себе, а лишь тогда, когда они отличают одну этническую общность от другой [182].

Этносемиотический подход к культуре, однако, не исчерпывается лишь ее этнознаковыми функциями. Следует учитывать, что в каждом этносе есть свои различия между «внешним» выражением, формой проявления того или иного элемента культуры (знаком) и его «внутренним» содержанием [183]. При этом нередко лишь «внешнее», открытое проявление данного элемента культуры отличает один этнос от другого, в то время как по существу здесь различие невелико или вообще отсутствует.

Характеризуя этнические функции культуры в узком значении слова, необходимо еще раз подчеркнуть, что далеко не всем ее сферам в одинаковой степени присуще выполнение этих функций. Особенно в данном отношении существенны различия между устойчивыми и неустойчивыми компонентами.

Правда, нередко в специальной литературе можно наблюдать тенденцию к сведению культуры лишь к повторяющимся элементам, к устойчивому ее слою. Особенно отчетливо эта тенденция проявилась у отдельных представителей американской культурной антропологии, которые, находясь под влиянием бихевиоризма, подчас обозначают культуру как «комплекс образцов поведения». Со сведением культуры к устойчивым компонентам связаны и определения ее как «социального наследия, передаваемого из поколения в поколение», или как «совокупности образцов, определяющих жизнь», «социального унаследованного комплекса практики и верований» [184]. Однако, на наш взгляд, представляется очевидным, что культура в каждый данный момент включает не только устойчивые, унаследованные от прошлого компоненты, но и временные явления, имеющие, например, характер моды; к тому же, разумеется, из культуры нет оснований исключать и те способы деятельности и их результаты, которые не приобрели устойчивости лишь по причине своего недавнего возникновения.

Наличие разновременных слоев культуры отражает диалектику ее развития: с одной стороны, наследование, использование накопленных прежними поколениями культурных ценностей, с другой — отрицание устаревших форм культуры, замена их

---

[182] См.: *Чеснов Я. В.* Социально-экономические уклады и этнические традиции в агроэтнографии. — СЭ, 1972, № 4, с. 71.

[183] См.: *Степанов Ю. С.* Семиотика, с. 6—20.

[184] Обзор этих определений см.: *Bierstedt R.* The Social Order. An Introduction to Sociology. New York, 1957, p. 103—114; *Kroeber A. L. and Kluckhohn C.* The Concept of Culture. A Critical Review of Definitions, p. 81—139.

другими, более отвечающими новым, современным условиям [185]. И это дает основание выделить в культуре два генетически различных слоя: с одной стороны, исторически ранний («нижний») слой, который состоит из унаследованных от прошлого компонентов культуры, с другой — исторически поздний («верхний») слой, включающий новые, современные культурные явления [186]. Поэтому при генетическом подходе к строению культуры она выступает прежде всего как органическое единство преемственности и обновления ее компонентов, причем последнее может быть как экзогенным, т. е. заимствованным, так и эндогенным, т. е. возникшим в данной среде без влияния извне [187].

Было бы, очевидно, явным упрощением полностью отрицать выполнение определенных этнических функций временными, неустойчивыми компонентами культуры. Такие компоненты, несомненно, придают этнической общности в каждый данный момент свой неповторимый колорит. И все же не этот слой культуры несет основную этническую нагрузку. Ее выполняют, как уже не раз отмечалось, наиболее устойчивые компоненты культуры, составляющие как бы ее каркас.

Для обозначения таких компонентов, или сторон, культуры широко используется термин «традиция» (или чаще во множественном числе — «традиции»).

Это слово прочно вошло в наш литературный, политический, научный и бытовой лексикон. У большинства, если не у всех, распространенных в научной литературе представлений о традиции есть одна общая черта — они в той или иной мере сохраняют первоначальный смысл этого слова (лат. «traditio» — передача, предание), что выражается в подчеркивании ее устойчивости, преемственности [188]. И все же сами определения понятия «традиция» (или «традиции») отличаются немалым разнообразием, причем значения его не остаются неизменными. В прошлом это понятие ассоциировалось главным образом с архаическими способами

---

[185] См.: *Баллер Э. А.* Проблема преемственности в развитии культуры. — Вестник истории мировой культуры, 1961, № 5, с. 15; *Пименов В. В.* О некоторых закономерностях в развитии народной культуры, с. 6.

[186] См.: *Пименов В. В.* Удмурты. Опыт компонентного анализа этноса. Л., 1977, с. 140.

[187] *Арутюнов С. А.* Процессы и закономерности развития бытовой сферы в современной японской культуре. М., 1970. Автореф. докт. дисс., с. 12.

[188] См., например: БСЭ, 1956, т. 43, с. 90; *Чотонов А.* О национальных традициях народов Средней Азии. Фрунзе, 1964, с. 21; *Сарсенбаев Н. С.* Обычаи и традиции в развитии. Алма-Ата, 1965, с. 89; *Кампарс П. П., Закович И. М.* Советская гражданская обрядность. М., 1967, с. 11 и др. Примерно о том же свидетельствуют дефиниции «традиции» в зарубежных справочных изданиях. Например, в английском словаре социальных наук «традиция» определяется как «нейтральный термин, который мы употребляем для обозначения «трансмиссии», обычно устной, через которую правила поведения, оценки и верования передаются из поколения в поколение и таким образом увековечиваются». A Dictionary of the Social Sciences/Ed. Could J., Kolb W. L. London, 1964, p. 723).

культурного наследия (с мифом, фольклором, религией, бытовыми обрядами и т. п.)[189].

В последнее время отчетливо проявилась тенденция приложения термина «традиция» ко всем сферам общественной жизни[190]. В этой связи, в частности, подчеркивается, что «традиции имеют место в материальном производстве, в политической жизни, в художественном творчестве, в науке и т. д.»[191], что под традицией следует понимать «исторически сложившиеся формы поведения людей решительно во всех областях общественной жизни»[192].

Такое широкое понимание термина «традиция» находит в настоящее время достаточное основание в обыденном его употреблении в литературе и живой речи. Это и производственные, и семейные, и обрядовые традиции; это и общественные, революционные, боевые, национальные традиции; это и культурные, литературные, идейные и архитектурные, фольклорные, религиозные, научные и прочие традиции[193].

Распространение термина «традиция» за пределы архаических сфер жизни общества весьма возможно, в значительной мере связано с сужением в условиях НТР самих этих сфер, а также с сокращением сроков активного функционирования отдельных элементов культурного наследия[194].

Среди «широких» определений понятия «традиция», пожалуй, одно из наиболее емких предложено Э. С. Маркаряном в ходе дискуссии по проблемам культурной традиции на страницах журнала «Советская этнография». Согласно данному определению, «культурная традиция — это выраженный в социально-организованных стереотипах групповой опыт, который путем пространственно-временной трансмиссии аккумулируется и воспроизводится в различных человеческих коллективах»[195]. Такое обобщенное понятие традиции, которое способно охватить все способы фиксации в социальной памяти, трансмиссии (передачи) и репродуцирования (воспроизведения) культуры, было поддержано подавляющим числом участников дискуссии. При этом подчеркивалось, что при таком подходе традиция оказывается присущей

---

189 См.: *Соколов Э. В.* Традиции и культурная преемственность. — СЭ, 1981, № 3, с. 57.

190 См., например: *Баллер Э. А.* Преемственность в развитии культуры. М., 1969; *Бромлей Ю. В.* Этнос и этнография. М., 1973, с. 68—69; *Артановский С. Н.* Некоторые проблемы теории культуры. Л., 1977, с. 37—40; *Давидович В. Е., Жданов Ю. А.* Сущность культуры, с. 205.

191 *Уледов А. К.* Структура общественного сознания, с. 177.

192 *Баллер Э. А.* Преемственность в развитии культуры, с. 68.

193 *Пименов В. В.* О некоторых закономерностях в развитии народной культуры, с. 9; см. также: *Дроздов И. Ф.* Являются ли традиции признаком наций? — ВИ, 1968, № 3, с. 87; *Барсегян И. А.* О классификации форм культурной традиции. — СЭ, 1981, № 2, с. 102.

194 Ср.: *Соколов Э. В.* Традиция и культурная наследственность, с. 57.

195 *Маркарян Э. С.* Узловые проблемы теории культурной традиции. — СЭ, 1981, № 2, с. 80.

всем этапам развития человечества и всем типам общества от самых архаичных до современных [196].

Вместе с тем были высказаны некоторые сомнения относительно целесообразности столь широкого определения «традиции», при котором она совпадает с подавляющей частью общего объема культуры. В частности, как отметил С. А. Арутюнов, от традиций следует отделять ту часть культуры, которая «экстериоризирована в хранилищах информации типа книг, картин, перфокарт» [197]. Это замечание представляется заслуживающим внимания. Нам уже доводилось отмечать [198], что далеко не всякий вид преемственности, не все явления общественной жизни, обладающие устойчивостью, безоговорочно могут быть отнесены к традиционным. К ним относятся лишь те устойчивые явления общественной жизни, трансмиссия которых является доменом общественного сознания [199]. Именно поэтому для обозначения переданных из поколения в поколение результатов труда (как материальных, так и духовных) термин «традиция» не применяется, что, однако, не исключает воплощения в этих результатах тех или иных традиций.

Культурным традициям принадлежит чрезвычайно важная роль во всемирно-историческом процессе. Зафиксированные в культурной традиции программы человеческой деятельности, концентрированно выражая исторический опыт тех или иных исторических общностей, подобно генетическим программам популяций, ориентированы, в частности на существенно важные для выживания этих общностей устойчивые, стабильные свойства как природной, так и этносоциальной среды. Благодаря выраженному в информационных программах культурной традиции предвидению условий обитания последующих поколений людей как раз и становится возможным адаптивное воспроизводство этих условий в простой или расширенной форме [200].

Преемственность, устойчивость традиций не дают оснований рассматривать их лишь как консервативное начало в общественном развитии. Во-первых, очевидно, правомерно говорить о существовании наряду с отрицательными традициями, которые обычно называют пережитками, как положительных, так и относительно нейтральных традиций [201]. Во-вторых, нельзя забывать, что в ходе

---

[196] См.: «От редакции». — СЭ, 1981, № 3, с. 72.

[197] *Арутюнов С. А.* Обычай, ритуал, традиция. — СЭ, 1982, № 2, с. 97.

[198] *Бромлей Ю. В.* Этнос и этнография, с. 69.

[199] Не случайно во всех дефинициях «традиции» неизменно подчеркивается, что имеется в виду передача обычаев, преданий, норм поведения, взглядов, представлений, вкусов, идей, убеждений и т. п., «распредмеченных» компонентов общественного сознания.

[200] См.: *Маркарян Э. С.* Культурная традиция и задача дифференциации ее общих и локальных проявлений. — В кн.: Методологические проблемы исследования этнических культур. Материалы симпозиума. Ереван, 1978, с. 85.

[201] *Пименов В. В.* О некоторых закономерностях в развитии народной культуры, с. 9; *Токарев С. А.* Аксиологический подход к культурной тради-

межпоколенной передачи элементов культуры они сами приспосабливаются к новым условиям и потому не остаются абсолютно неизменными. В-третьих, следует иметь в виду, что в обществе всегда, с одной стороны, живут традиции, унаследованные от ушедших поколений, а с другой — происходит становление новых традиций, представляющих собой квинтэссенцию опыта сегодняшнего дня — опыта, из которого будут черпать знания грядущие поколения [202]. Более того, нельзя забывать, что и сами сохранившиеся от прошлого традиции являются важнейшими функционирующими компонентами каждого жизнедействующего общества.

Не лишено, очевидно, оснований и мнение, что процесс возникновения новых традиций нельзя фатально привязывать к гибели старых традиций, поскольку между новыми и старыми традициями могут существовать органические связи, в результате чего некоторые традиции, возникнув в далеком прошлом, вообще долго не исчезают, а в соответствии с новым общественным бытием обогащаются и развиваются как по содержанию, так и по форме [203].

В «структурном» плане представляется возможным разграничение традиций в зависимости от их содержания на «стереотипы деятельности» и «стереотипы воспитания». Если в первом случае имеется в виду тот воспроизводимый людьми опыт, который представляет собой стереотипизированные механизмы и средства их деятельности (таков, например, стереотип похоронного обряда), то во втором — память о каких-либо событиях прошлого, служащих в данное время образцом действий. При этом одним из наиболее специфических компонентов «традиций — воспоминаний» выступают исторические традиции — память той или иной социальной общности (в том числе и этнической) о важнейших событиях (революционных, военных и т. п.) ее исторического прошлого [204]. Своеобразие этого рода традиций заключается в том, что их содержание составляют преимущественно единичные факты (событийного характера). Необходимо, однако, особо подчеркнуть, что при объективизации традиций событийного характера в «экстериорной» культуре (в узком значении слова) такого рода традиции преобразуются либо в повторяющиеся (в деятельности) [205], либо в постоянные (в предметах) [206] ее компоненты.

Во «временном» плане целесообразно разграничение культурных традиций на «внутриформационные» и «межформационные» [207].

ции. — СЭ, 1981, № 2, с. 104; *Першиц А. И.* Проблемы теории традиции глазами этнографа. — СЭ, 1981, № 3, с. 45—46.

[202] *Баллер Э. А.* Преемственность в развитии культуры, с. 69.

[203] *Баллер Э. А.* Преемственность в развитии культуры, с. 70.

[204] В первобытных и раннеклассовых обществах такого рода традиции (имеющие, правда, преимущественно мифический характер) повествуют также о происхождении того или иного этноса, его миграциях и т. п.

[205] Таковы, например, посвященные тому или иному событию ежегодные празднества.

[206] Таковы, например, посвященные тому или иному событию памятники.

[207] См.: *Першиц А. И.* Проблемы теории традиции глазами этнографа, с. 45.

Кроме того, в историко-генетическом отношении в культурных традициях могут быть выделены те пласты, что восходят к первобытнообщинному строю (архогенетические), а также к новому и новейшему времени (неогенетические). Существуют также традиции регионально-эпохальные. В этом смысле можно говорить о традициях эпохи Ренессанса, первоначального накопления, Великих географических открытий и т. д.[208] Наконец, понимание культурных традиций как социально-стереотипизированных форм опыта позволяет отнести к таковым не только межпоколенную, но и внутрипоколенную его передачу[209]. Иначе говоря, могут быть вычленены «внутрипоколенные» стереотипы (т. е. сформировавшиеся на протяжении одного поколения) и «межпоколенные» разновидности культурных традиций. Внутрипоколенные традиции, как правило, представляют собой своеобразную эпохальную моду, действующую на протяжении ряда лет или десятилетий и охватывающую далеко не всё данное эсо, а лишь часть его смежных возрастных групп. В силу этого такие внутрипоколенные стереотипы обычно лежат за пределами основных общеэтнических традиций[210]; и все же, хотя частичное и временное, выполнение ими этнических функций не исключено.

Понятие «традиция» теснейшим образом связано с понятием «обычай». Подчас их даже отождествляют. Однако, хотя это однопорядковые понятия, они все же далеко не идентичны. Первое шире второго: «обычаи можно называть традициями, но не все традиции являются обычаями»[211]. Иначе говоря, «традиция» есть «родовое» понятие, «обычай» — видовое[212]. В самой общей форме обычай может быть определен как такие стереотипизированные формы поведения, которые связаны с деятельностью, имеющей практическое значение[213]. Преобладающим в нашей литературе является представление об обычаях как о традициях преимущественно в сфере быта[214] или семейно-бытовых отношений. Но такое представление об обычаях, на наш взгляд, явно сужает зону их действия, ибо обычаи существуют также в сфере общественно-политической жизни[215]: они, например, в той или иной мере регулируют межгрупповые отношения[216]. Поэтому представляется более точным соотнести зону действия обычаев с той своеобразной

---

[208] См.: *Арутюнов С. А.* Обычай, ритуал, традиция, с. 99.
[209] См.: *Маркарян Э. С.* Узловые проблемы теории культурной традиции, с. 87.
[210] См.: *Арутюнов С. А.* Обычай, ритуал, традиция, с. 98—99.
[211] *Чотонов А.* О национальных традициях народов Средней Азии, с. 15.
[212] См.: *Саринтулян К. С.* О регулятивных аспектах культурной традиции. — СЭ, 1981, № 2, с. 100.
[213] См.: *Арутюнов С. А.* Обычай, ритуал, традиция, с. 97.
[214] См., например: *Баллер Э. А.* Преемственность в развитии культуры, с. 68.
[215] В первобытном обществе в сфере социально-потестарной жизни.
[216] В первобытном же обществе обычаи, как известно, вообще охватывают все виды человеческих отношений.

сферой культуры, которая именуется «соционормативной» [217]. Но при этом, разумеется, за пределами данной сферы остаются кодифицированные нормы. Иначе говоря, обычаи — это традиции, относящиеся к некодифицированной «соционормативной» культуре, т. е. определенные устойчивые образцы, общепринятые и практически значимые некодифицированные нормы социального поведения.

Нередко термины «обычаи» и «традиции» ставятся в один ряд. Но при этом неизбежно возникает вопрос: в каком значении в таком случае употребляется слово «традиция»? Вопрос этот обычно остается открытым. Пытаясь ответить на него, следует, видимо, учитывать, что традиции, помимо обычаев, включают переданные от поколения к поколению исторически сложившиеся и фиксированные общественным сознанием идеи, знания, взгляды, представления, вкусы и т. п. Совокупность таких отличных от обычаев устойчивых компонентов общественного сознания и составляет, на наш взгляд, «традиции» в узком значении данного термина.

Одним из компонентов традиций являются обряды (ритуалы), выступающие эффективным средством социального регулирования. Они представляют собой исторически сложившиеся или специально учрежденные стереотипные формы массового поведения, выражающегося в повторении стандартизированных действий. Смысл ритуала, однако, заключен не в самих составляющих его движениях, а в том, что они обозначают (символизируют). В силу своего символического характера обрядовые действия лишены непосредственной целесообразности [218]. Однако в конечном счете такие действия выполняют целый ряд немаловажных для этноса функций. Прежде всего ритуал играет роль механизма регуляции внутриэтнических связей. К числу важнейших аспектов этой роли относятся: кооперирование деятельности индивидов посредством их включения в систему социальных институтов; поддержание определенной иерархии социальных статусов; интериоризация индивидами групповых норм и ценностей; установление психологических сопереживаний групповой солидарности; снятие возникающих в повседневном общении людей эмоциональных напряжений, проективная компенсация стрессов; утверждение социальной значимости жизненных состояний (рождение, наступление половой зрелости, вступление в брак, смерть) и поведенческих актов индивидов как форма их социальной оценки и контроля и т. д. Важная роль принадлежит ритуалу в аккумуляции и диахронной трансмиссии культурного опыта этноса. В частности, ритуал выполняет функцию воспроизводства этнической специфики жизненного уклада и форм общения людей [219].

---

[217] Эта сфера охватывает, в частности, и социально-бытовые отношения.

[218] *Левкович В. П.* Обычаи и обряды и их роль в совершенствовании семейных отношений. — В кн.: Социальные исследования, вып. 4. Проблемы брака, семьи и демографии. М., 1970, с. 118.

[219] См.: *Сарингулян К. С.* Ритуал в системе этнической культуры. — В кн.: Методологические проблемы исследования этнических культур. Материалы симпозиума. Ереван, 1978, с. 76—78.

Рассматривая этнические функции культуры, следует четко разграничивать собственно традиции, передаваемые устно или путем непосредственного наблюдения, от культурной преемственности, обеспечиваемой письменностью. Если письменная информация может существовать определенное время независимо от человеческого сознания, то устно-зрительные традиции непременно предполагают постоянное их сохранение в живой памяти людей [220]. Поэтому письменная информация может вообще не отражать черты культуры, характерные в данный момент для соответствующего этноса. Традиции же в собственном значении этого слова, т. е. устно-зрительные, всегда в той или иной мере представляют собой живую деятельность.

Итак, наиболее «этничный» слой культуры в узком значении слова определяется двумя основными параметрами: надындивидуальностью (коллективностью, массовостью) и устойчивостью (традиционностью, повторяемостью).

На обозначение этого феномена может претендовать целый ряд употребляемых в нашей научной литературе терминов. На первый взгляд может показаться, что для такой цели наиболее подходит термин «массовая» культура. Однако в нашей современной научной литературе этот термин либо ограничивается той разновидностью культуры, которая формируется в результате распространения достижений профессиональной культуры в широкие массы общества [221], либо употребляется с тем негативным значением [222], которое восходит к традициям буржуазного культуроведения.

Устойчивую надындивидуальную культуру часто имеют в виду, говоря о «народной» культуре. Но, к сожалению, этот термин не однозначен, ибо само слово «народ» имеет не только этнический, но и социально-классовый смысл. Поэтому понятие «народная культура» обычно употребляется не в значения «общеэтническая», а как «простонародная», преимущественно «крестьянская» культура. Однако, как уже отмечалось, в рамках этноса, помимо социально-групповой культурной специфики, имеются и черты культуры, характерные для него в целом. Последние — неотъемлемая часть того слоя культуры, о котором идет речь. Следовательно, указанное употребление понятий «народная» культура (фактически общепринятое) не охватывает целиком этот слой. Конечно, можно поставить вопрос об употреблении в данном понятии прилагательного «народная» лишь в его этниче-

---

[220] Соответственно устно-зрительные традиции предполагают непосредственные межличностные контакты; письменная же информация может осуществиться и без таких контактов и в этом смысле имеет «опосредованный» характер.

[221] См.: *Арутюнов С. А.* Этнографическая наука и изучение культурной динамики. — В кн.: Исследования по общей этнографии. М., 1979, с. 34.

[222] См., например: *Засурский Я. Н.* Американская «массовая культура» и ее экспансия. — В кн.: Национальный язык и национальная культура. М., 1978, с. 161 и след.

ском значении; однако неизбежно при этом будет сказываться уже установившаяся его трактовка (чему, надо полагать, должна немало содействовать и ассоциация с понятием «народные массы»).

Пожалуй, несколько лучше отражает интересующее нас явление термин «бесписьменная» культура, поскольку он акцентирует внимание на устно-зрительной традиции. Но и этот термин не вполне подходит для данной цели, ибо письменная культура тоже может быть и массовой, и устойчивой.

Следует упомянуть о попытке ввести в научный обиход термин «фольклорная» культура, имея в виду ее устную трансмиссию [223]. Однако и здесь приходится учитывать многозначность самого термина «фольклор», под которым понимают и предмет исследования, и самое науку, трактуемую к тому же далеко не одинаково [224].

В рассматриваемой связи, на наш взгляд, большего внимания заслуживает термин «традиционная культура». Ведь он непосредственно выражает один из основных параметров интересующего нас явления. И в тех случаях, когда речь идет об архаических обществах, в которых массовые устойчивые формы деятельности в подавляющем большинстве имеют традиционный характер, он, очевидно, вполне пригоден для обозначения определяемого нами феномена. Но в развитых обществах надындивидуальные компоненты культуры, уже ставшие относительно устойчивыми (на протяжении жизни одного поколения), но еще не превратившиеся в межпоколенную традицию, — явление довольно распространенное. А главное в таких обществах многие традиции (в первую очередь профессиональные) не имеют широкого массового характера. Поэтому применительно к развитым обществам одной ссылки на традиционность для наших целей явно недостаточно.

Для этого, на наш взгляд, более подходит термин «бытовая культура» («внепроизводственная культура»), под которым, как уже говорилось, нами понимается культура в сфере повседневного удовлетворения материальных и духовных потребностей людей [225]. При таком понимании этот термин противостоит понятию «профессиональная культура», относящемуся к специализированному производству, отделенному от потребления в пространственно-временном отношении [226]. При этом следует особо подчеркнуть два момента. Во-первых, в понятие «профессиональной культуры» включаются как способы деятельности специалистов-профессио-

---

[223] *Melicherčik A.* Teoria narodopis\. Tranosci s v liptovskom sv. Mikulasi, 1945. Ср.: *Пименов В. В.* Удмурты, с. 166.

[224] См.: *Бромлей Ю. В.* Этнос и этнография, с. 179—180.

[225] Термин этот близкий, хотя и не адекватный термину «культура жизнеобеспечения», поскольку в последнем случае имеется в виду обеспечение лишь витальных, «первичных», а не всех повседневных потребностей людей.

[226] Правда, можно встретить мнение, что установление границ между бытовой и профессиональной культурой не представляет существенного интереса для конкретного анализа (в частности, процессов их отражения в языке). Согласно этому важно другое — установление состава бытовой и профессиональной культуры, а также структуры их компонентов (*Дешериев Ю. Д.* Бытовая культура и ее отражение в языке. — В кн.:

налов, так и ее результаты (продукции)[227]. Во-вторых, имеется в виду и профессионально-индивидуальное, и профессионально-массовое производство.

В первом случае бытовая культура отличается от профессиональной не только как сфера потребления от сферы производства, но и как массово-анонимные явления от индивидуально-авторских. Однако, как мы знаем, для «этнического» слоя культуры типична надындивидуальность. Поэтому та продукция профессионального производства, которая имеет индивидуальный характер, как правило (по крайней мере на начальной стадии), не выступает в качестве непосредственно массового носителя этнических (этнографических) свойств[228].

Что касается продукции современного массового профессионального производства, то она не выполняет обычно сколько-нибудь значительных этнических функций уже по другим причинам: прежде всего в силу ее все большей международной стандартизации и унификации. Правда, было бы неосторожно абсолютизировать это обстоятельство, ибо продукция профессионально-массового производства далеко не всегда полностью лишена этнорегиональной специфики[229].

Даже в области таких современных видов промышленного производства, как моторостроение, станкостроение, приборостроение, можно обнаружить те или иные этнорегиональные различия, тяготеющие к определенным «национальным школам» — американской, английской, французской, японской. Эти различия, разумеется, не касаются технологической основы и проявляются во внешних чертах продукции, так что опытный специалист, если и не всегда, то в достаточно показательном числе случаев обычно может определить происхождение того или иного изделия, даже не глядя на его фабричную марку. Различия «национальных школ» еще очевиднее, когда речь идет о предметах массового по-

---

Национальный язык и национальная культура. М., 1978, с. 109). Однако совершенно очевидно, что отнесение того или иного компонента культуры к ее бытовой или профессиональной сфере возможно лишь в случае, если имеются критерии их разграничения. Это тем более необходимо, что один и тот же элемент культуры (например, телевизор) может выступать и как часть профессиональной культуры (например, пока он находится вне сферы потребления, т. е. быта) и как элемент бытовой культуры (с момента, когда им начинают пользоваться в быту). Показательно, что сам автор как раз и выносит за пределы отражаемых языком предметов бытовой культуры наименования сложных систем, требующих специальных (профессиональных) знаний, и особенно термины, фиксированные в языке науки. (Там же, с. 110).

227 Такое «широкое» понимание термина «профессиональная культура» не следует смешивать с его употреблением в более «узком» значении. В последнем случае под «профессиональной культурой» понимаются только профессиональные знания, навыки, нормы поведения специалистов-профессионалов.

228 Подробнее см. ниже.

229 См.: *Козлов В. И.* Этнос и культура, с.75—76.

требления, как, например, легковой автомобиль; в этом случае они без труда определяются уже на любительском уровне [230].

И все же несомненно, что в этническом отношении культура во внепроизводственной, в бытовой сфере обычно более показательна, чем в сфере производства. И это не случайно. Ведь именно бытовая культура чаще всего сохраняет некоторые весьма показательные в этническом отношении традиционные черты [231].

В подтверждение рассматриваемого тезиса можно также сослаться, например, на то, что в сфере потребления культура японского крестьянина-рисовода гораздо более отличается от культуры вьетнамского рисовода, чем японского рабочего, ремесленника или торговца [232]. Это происходит, на наш взгляд, потому что формы бытовой культуры тесно связаны с первичными потребностями людей, удовлетворение которых непосредственно зависит от общих для всего этноса условий существования. А главное, бытовая культура вырабатывается трудящимися массами данного этноса в целом, а не его профессиональными или иными группами [233]. Напротив, форма группового (профессионального, конфессионального или какого-нибудь иного) поведения создается спецификой данной профессии или иного признака группы. Поэтому профессиональная деятельность рисовода во Вьетнаме, Японии и в других странах данного региона почти идентична, как идентична во всем мире профессиональная деятельность шлифовщика линз или деятельность филателиста. Правда, у профессиональной деятельности есть сторона, находящаяся как бы за рамками непосредственного производства. Это прежде всего моменты поведения индивида в процессе его приспособления

---

[230] *Арутюнов С. А.* К проблемам этничности и интерэтничности культур, с. 62.

[231] Наглядной иллюстрацией этого могут служить следующие строфы А. С. Пушкина, характеризующие патриархальный быт русской деревни:

Они хранили в жизни мирной
Привычки милой старины;
У них на масленице жирной
Водились русские блины;
Два раза в год они говели;
Любили круглые качели,
Подблюдны песни, хоровод;

В день Троицын, когда народ,
Зевая, слушает молебен,
Умильно на пучок зари
Они роняли слезки три;
Им квас как воздух был потребен,
И за столом у них гостям
Носили блюда по чинам.

«*Евгений Онегин*», *гл. II, XXXV*

[232] *Арутюнов С. А.* Процессы и закономерности развития бытовой сферы в современной японской культуре, с. 14.

[233] Поэтому было бы явным упрощением придавать каждому из названных уровней культуры социальную значимость, полностью отождествляя с определенной социальной группой, подобно тому как это делает Г. Науманн с выделенными им «высшим» и «низшим» слоями культуры (*Naumann H.* Primitive Gemeinschaftskultur. Beiträge zur Volkskunde und Mythologie. Jena, 1921, S. 4—6; *Он же.* Grundzüge der deutschen Volkskunde. Leipzig, 1922, S. 2—6. Критику концепций Г. Науманна см.: *Spamer A.* Um die Prinzipien der Volkskunde. — Hessische Blätter für Volkskunde. Bd. XXIII, 1924, S. 67—108; *Штейниц В.* Некоторые вопросы немецкой этнографии. — СЭ, 1955, № 1).

к условиям производства. Ведь за одним и тем же станком он может сидеть в разной позе, одну и ту же производственную площадь использовать в разных формах и с разной эффективностью и, разумеется, по-разному организовать свое поведение в моменты, не связанные прямо с производством (питание, отдых, туалет и т. д.). Во всех этих случаях будет проявляться специфика, выработанная не в производственной, а в домашней сфере, т. е. характерные для данного этноса модели повседневного образа жизни [234]. К тому же и сама производственная деятельность не лишена определенной этнической специфики (предпочтение профессий, особенности трудового ритма и т. п.) [235].

Даже и произведения индивидуально-профессиональной культуры нередко содержат черты, характерные для «своего» этноса. Но сами эти произведения обычно, во всяком случае первоначально, имеют единичный характер, не являются достоянием большинства членов этноса. Следовательно, они непосредственно не выражают, а в лучшем случае лишь отражают культурную специфику этноса; и для того чтобы такие ценности стали достоянием всего этноса и соответственно его характерным свойствам, обычно нужны специальные усилия [236]. Иное дело — бытовой уровень культуры. Непосредственными носителями основной массы его компонентов, функционирующих преимущественно на базе устно-зрительных традиций, являются, если не все, то по крайней мере подавляющее большинство членов этноса. Одним словом, именно в бытовой культуре непосредственно сосредоточены наиболее характерные свойства этноса. Но, разумеется, при этом имеется в виду не вся бытовая культура, а лишь ее устойчивые, повторяющиеся компоненты, т. е. традиционная часть.

---

[234] *Арутюнов С. А.* Процессы и закономерности развития бытовой сферы в современной японской культуре, с. 14—15.

[235] См.: *Бромлей Ю. В.* XXVI съезд КПСС и задачи изучения современных национальных процессов. — В кн.: Развитие национальных отношений в СССР в свете решений XXVI съезда КПСС. М., 1982, с. 15—16.

[236] Поэтому выполнение индивидуально-профессиональными формами культуры этнических функций теснейшим образом связано с их проникновением в быт народа. Так, например, произведение профессионального художника, хотя и может выражать определенные характерные для соответствующего этноса специфические черты, однако, не превратившись в достояние основной массы его потребителей, оно остается вне непосредственных носителей этнических свойств. Напротив, изделия народного художественного творчества благодаря своей массовости оказываются постоянными компонентами повседневного быта членов этноса, а поэтому непосредственными и коллективными выразителями его специфики. Это и придает всем видам народного творчества — от изобразительного искусства до фольклора — значение существенных этнических признаков. Впрочем, если иметь в виду не отличительные признаки этноса, а в целом его культурное достояние, то, разумеется, в таковое войдут все произведения индивидуально-профессиональной культуры. (Подробнее см.: *Бромлей Ю. В., Козлов В. И.* К изучению современных этнических процессов в сфере духовной культуры народов СССР. — СЭ, 1975, № 1, с. 8—9).

Поэтому, на наш взгляд, в целом тот слой объективированной культуры (культуры в узком значении слова), который несет основную этническую нагрузку, целесообразно именовать традиционно-бытовой (традиционно-внепроизводственной) культурой. Такое наименование предполагает, что в этот слой культуры не входит не только вся профессиональная культура (как индивидуальная, так и массовая), пока она отделена в пространственно-временном отношении от сферы повседневной жизни, но и все неустойчивые (нетрадиционные) компоненты бытовой культуры.

Правда, в архаических обществах, где производство и потребление неразрывно слиты, вся культура практически является не только традиционной, но и бытовой. Поэтому для таких обществ, очевидно, нет необходимости отдельно выделять традиционно-бытовую культуру. Но применительно к обществам, в которых производство и быт разграничены в пространственно-временном отношении, понятие «традиционно-бытовая» культура приобретает особый смысл, позволяя наметить «этническое ядро» культуры.

Употребляя понятие «традиционно-бытовая» культура, не следует забывать, что при этом мы имеем в виду определенную зону культуры в узком значении слова. В рамках же культуры в широком смысле слова ей соответствуют еще две «специфические» зоны: обиходный язык и обыденное сознание. В своей совокупности эти три подсистемы (обыденное сознание, обиходный язык и традиционно-бытовая культура) и являются основными носителями этнических свойств, так сказать, этническим слоем культуры вообще. Удельный вес этого слоя в культуре этнической общности в целом на разных этапах истории человечества не оставался неизменным. В первобытном обществе он охватывал все сферы культуры.

По мере технического, а соответственно и социального прогресса сфера проявления этнических свойств культуры начинает сужаться. В частности, в связи с характерной для нашего времени широкой стандартизацией и унификацией материальной культуры наблюдается тенденция все большего исчезновения из сферы последней этнической специфики. Она перемещается в сферу поведения и духовной культуры, включая общественное сознание. Впрочем, роль отдельных компонентов духовной культуры в выполнении этнических функций постепенно тоже начинает ослабевать. В данном отношении особенно показательна религия, масштабы распространения которой все более сужаются по мере повсеместного роста атеизма.

При всей многогранности своей внутренней структуры культура каждой этнической общности представляет определенную целостность, состоящую из множества систем и подсистем, наложенных друг на друга и взаимопроникающих. Именно поэтому культура этноса способна сопротивляться внешним воздействиям

и самовосстанавливаться, когда какая-то ее часть оказывается разрушенной [237].

Культурное единство и своеобразие каждой этнической системы — несомненно результат общности исторических судеб многих поколений входящих в нее людей. Длительное совместное проживание в примерно одинаковых природных и социальных условиях вело к выработке у них определенной культурной общности.

Целостность культуры этнической общности базируется на множестве различных типов связей [238]. При этом имеют место взаимосвязи между самыми разнообразными комплексами культуры: например, между фонетическим строем языка и музыкальной культурой [239], между типом хозяйства и религией [240], а подчас и воспитанием детей [241].

Последнее обстоятельство нередко используется буржуазными социологами и антропологами для плюралистической трактовки развития как культуры, так и общества в целом [242]. При этом противопоставляемый плюрализму материалистический монизм обычно преподносится как концепция «единственного фактора». Между тем в действительности идея монизма отнюдь не исключает признания взаимодействия различных компонентов той или иной социальной общности. Различие между плюралистической и монистической концепциями состоит совсем в ином.

Исходные принципы плюралистической концепции так или иначе ведут в конечном счете к признанию уравновешивающего равноправия компонентов. Принципы же монистической концепции требуют выделения такого компонента (структурной единицы) системы, воздействие которого на систему в целом (а тем самым и на отдельные компоненты ее) можно считать определяющим, причем не в течение лишь какого-либо отрезка времени (подобное «неравноправие» частей может признавать и плюралистическая концепция), а в качестве постоянно действующего в ходе истории фактора [243].

Как известно, марксизм открыл такую определяющую структурную единицу в способе производства материальных благ. Осо-

---

[237] *Соколов Э. В.* Культура, с. 378.
[238] *Соколов Э. В.* Культура, с. 379.
[239] См. следующий очерк.
[240] В этом отношении, например, показательно, что среди кочевников почти не встречаются христиане.
[241] В частности, по наблюдениям отдельных исследователей, чем важнее роль охоты в культуре бесписьменных народов, тем меньше строгости в воспитании ими детей. (См.: *Berry Y. W.* Ecological and cultural factors in spatial perceptual development. — In: Canadian Journal of Behavioral Science, 1971, 3 (4), p. 324—336).
[242] См.: *Steward J.* Theory of culture change. The methodology of multilinear evolution. Urbana, 1955; *Don Martindale.* Social Life and Cultural Change. New York, 1962; *Parsons T.* An Outline of the Social System. — In: Theories of Society. Foundations of modern sociological theory. New York, 1965.
[243] *Маркарян Э. С.* Очерки теории культуры, с. 40—41.

бенно тесно с ним связана, естественно, материальная культура, прежде всего культура первичного производства [244]. При этом способ производства не только определяет общий уровень материальной культуры, но и сам частично входит в нее, прежде всего той своей стороной, которую принято именовать производительными силами.

Несколько иной является зависимость от способа производства духовной культуры. Несомненно, что уровень духовной культуры в решающей степени зависит от материальных оснований культуры [245], т. е. в конечном счете от способа производства. Но очевидно и то, что изменения производительных сил, как правило, не могут непосредственно определять все процессы, происходящие в духовной культуре [246]. В качестве внешней, объективной основы истории духовной культуры выступают производственные отношения, которые и определяют все иные отношения, возникающие в обществе между людьми, в том числе и духовные отношения [247].

Однако не все входящие в духовную культуру элементы одинаково близки к экономическому базису, и поэтому не все они испытывают его воздействие в равной степени: если политические и правовые (соционормативные) компоненты духовной культуры в значительной мере непосредственно отражают экономический строй общества, то, скажем, философия или искусство отражают изменения, происходящие в ходе экономического развития, лишь опосредованным образом [248].

«Относительно искусства, — писал К. Маркс, — известно, что определенные периоды его расцвета отнюдь не находятся в соответствии с общим развитием общества, а следовательно, также и с развитием материальной основы последнего. . .» [249] Будучи, таким образом, вторичными, производными, многие компоненты духовной культуры обладают в своем развитии определенной самостоятельностью [250]. Отдельные аспекты этого чрезвычайно сложного феномена, теоретические основы разработки которого в ходе борьбы с вульгаризаторами исторического материализма были заложены еще Ф. Энгельсом и В. И. Лениным, в последние годы

---

[244] Несколько менее жестко детерминирована сферой производства культура материального жизнеобеспечения (см.: *Першиц А. И.* Проблема аксиологических сопоставлений в культуре, с. 5—8).

[245] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 1, с. 255.

[246] Исключение здесь представляют лишь естественные и технические науки, развитие которых в той или иной степени непосредственно связано с изменением производительных сил общества.

[247] См.: *Баллер Э. А.* Преемственность в развитии культуры, с. 53.

[248] См.: Там же, с. 58; *Першиц А. И.* Проблема аксиологических сопоставлений в культуре, с. 8—12.

[249] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 12, с. 736.

[250] Особенно значительна она у такого специфического компонента культуры, каким является язык.

явились предметом специального анализа в ряде теоретических работ советских ученых [251].

Поэтому ограничимся здесь констатацией лишь того, что в относительной самостоятельности отдельных компонентов культуры заложены две противоположные тенденции, связанные с выполнением ею этнических функций. С одной стороны, эта самостоятельность — важнейшее условие для возникновения этнических различий. Без нее было бы прежде всего невозможно появление таких различий между народами, принадлежащими к одному и тому же культурно-хозяйственному типу и находящимися на одном и том же уровне общественного развития. Именно в силу относительной самостоятельности один и тот же элемент культуры может у разных народов выступать в далеко не идентичных сочетаниях с другими явлениями культуры. Следует иметь в виду и то, что с этой относительной самостоятельностью неразрывно связана та самая устойчивость отдельных компонентов культуры, которая является существенной чертой ее этнодифференцирующих свойств. Но, с другой стороны, тот же фактор, проявляющийся в частности, в отсутствии прямой и строгой зависимости между отдельными компонентами культуры, представляет собой существенную предпосылку взаимовлияния культур различных народов, т. е. тенденции межэтнической интеграции.

Вообще диалектика функционирования культуры такова, что она одновременно может выступать и как средство общения и как средство разобщения людей. Именно это свойство культуры и лежит в основе ее этнических функций.

Очерк шестой

ОБ ЭТНИЧЕСКИХ ЧЕРТАХ ПСИХИКИ

В связи с вынесенной в название очерка темой могут возникнуть сомнения относительно правомерности ее постановки вообще, а соответственно относительно права на существование этнической психологии. Сомнения подобного рода являются неизбежными, если принять точку зрения, согласно которой психика и культура — явления тождественные. Такое отождествление весьма характерно для некоторых зарубежных авторов [1]. Недоуме-

---

[251] См., например: *Журавлев В. В.* Марксизм-ленинизм об относительной самостоятельности общественного сознания. М., 1961; *Баллер Э. А.* Преемственность в развитии культуры, с. 42—59; *Храпченко М. Б.* О прогрессе в литературе и искусстве. — Вопросы литературы, 1970, № 5, с. 125—126; *Пименов В. В.* Удмурты, с. 9—199, 222—224; *Першиц А. И.* Проблема аксиологических сопоставлений в культуре, с. 3—12.

[1] См.: *Королев С. И.* Вопросы этнопсихологии в трудах зарубежных авторов. М., 1970, с. 34.

ния относительно различий между психикой и культурой можно встретить иногда и на страницах наших изданий [2].

Культура и психика несомненно находятся в тесной взаимосвязи, представляют неразрывное единство, что, в частности, отчетливо проявляется в наличии у них такой общей зоны, как общественное сознание. Но единство психики и культуры не означает их тождества хотя бы уже потому, что психика не исчерпывается сознанием [3].

Сказанное, разумеется, относится и к «широкому» и к «узкому» понятиям культуры. Если же сводить культуру, как это подчас делается, лишь к объективированной деятельности, то при этом по одну сторону демаркационной линии окажется практическая (экстериорная), происходящая вне мозга людей деятельность (вместе с ее результатами), по другую — психическая (интериорная) деятельность [4]. Более того, хорошо известно, что далеко не вся психическая деятельность полностью и адекватно объективируется в практике, т. е. в культуре в узком значении слова [5].

Отвечая, таким образом, положительно на поставленный в начале очерка вопрос, сразу же подчеркнем особые трудности, связанные с разработкой проблем этнической психологии.

В значительной мере такого рода трудности получили отражение в сфере понятийного аппарата и прежде всего в отсутствии общепринятого понимания психических явлений [6]. К тому же следует иметь в виду, что речь идет о категориях особого вида психических явлений — групповой, социальной психологии. А они еще недостаточно разработаны.

Это в свою очередь выдвигает проблему правомерности использования положений психологии личности в социальной психологии, в том числе в таком ее разделе, как этническая психология.

И все же обращение при разработке проблем этнической психологии, как и в целом социальной психологии, к марксистски трудам по психологии личности представляется неизбежным. Для этого имеются тем большие основания, что фактически речь идет

---

[2] См.: *Рогачев П. М., Свердлин М. А.* Нации — народ — человечество. Л., 1967, с. 32.

[3] См., например: *Дубровский Д. И.* Психические явления и мозг. М., 1971, с. 211.

[4] В прошлом в нашей психологической литературе против понятия «психическая деятельность» решительно выступал С. Л. Рубинштейн. Однако в дальнейшем он отказался от этого (см.: *Шорохова Е. В.* Принцип детерминизма в психологии. — В кн.: Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1969, с. 90—91).

[5] В противном случае мы оказались бы на позициях бихевиоризма, утверждающего, что если что-то в психике не поддается непосредственному наблюдению и измерению, то это «что-то» вообще не существует.

[6] «Термин «психическое» — один из самых широко употребляемых в современном научном обиходе — влечет за собой пестрый шлейф, сотканный из различных значений и смыслов. И в таком виде он фигурирует в качестве краеугольного камня психологии, отображая ее теоретическую несобранность» (*Дубровский Д. И.* Психические явления и мозг, с. 162).

о двух взаимопроникающих дисциплинах. Ведь, как подчеркивает К. Маркс в тезисах о Фейербахе, «сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений» [7]. К тому же в общей психологии уже давно сложился понятийный аппарат, игнорирование которого при рассмотрении вопросов социальной психологии может лишь привести к дальнейшему увеличению многозначности отдельных терминов. Но вместе с тем все эти соображения, разумеется, не дают основания для механического перенесения положений и терминологии из одной психологической дисциплины в другую. Нельзя, в частности, не учитывать, что психология группы не может быть сведена к простой сумме психических свойств, общих входящим в данную группу индивидам [8].

Рассматривая понятийный аппарат интересующего нас раздела социальной психологии — этнической психологии, — прежде всего обратимся к такой категории, как психический склад.

В нашей литературе большинство представлений об этой категории восходит к известному определению нации, согласно которому общность ее психического склада проявляется в общности культуры [9]. Но само это определение интерпретируется весьма по-разному, притом не всегда достаточно четко и последовательно.

Общее в понимании психического склада, кажется, ограничивается лишь тем, что под ним, как правило, подразумеваются особенности психики [10], причем нередко подчеркивается их устойчивость [11]. Имея в виду именно данное свойство психического склада, его определяют так же, как инвариантное в изменяющемся многообразии психической жизни людей [12]. Аналогичный смысл имеет и противопоставление психического склада как относительно устойчивых социально-психологических явлений — относительно подвижным [13].

Расхождения в трактовке психического склада обнаруживаются сразу же, как только мы обратимся к вопросу о его соотношении с характером. Нередко их просто отождествляют. Такая трактовка психического склада, рассматриваемого в качестве од-

---

[7] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 3, с. 3.

[8] *Ковалев А. Г.* Предмет и проблемы социальной психологии. — В кн.: Вопросы марксистской социологии. Л., 1962, с. 110; *Парыгин Б. Д.* Социальная психология как наука. Л., 1967, с. 136—138; *Андреева Г. М.* Социальная психология. М., 1980, с. 18—19, 177—178, 182, 201, 221.

[9] *Сталин И. В.* Соч., т. 2, с. 296.

[10] БСЭ, т. 35, с. 237.

[11] *Богорозов Н. З., Гозман И. Г., Сахаров Г. В.* Психологический словарь. Магадан, 1965, с. 182.

[12] *Горячева А. И.* О некоторых категориях социальной психологии. (К вопросу о структуре общественной психологии). — В кн: Проблемы общественной психологии. М., 1965, с. 197—198.

[13] *Поршнев Б. Ф.* Элементы социальной психологии. — В кн.: Проблемы общественной психологии. М., 1965, с. 182—183; *Он же.* Принципы социально-этнической психологии. М., 1964, с. 2—3.

ного из основных признаков этнических образований (прежде всего наций), получила широкое распространение в самых различных видах нашей историко-философской литературы, начиная от учебных пособий [14] и кончая специальными монографиями [15]; встречается она и в трудах по общей психологии [16]. При этом одни исследователи считают более правильным говорить не об общности, а лишь о некоторых особенностях психического склада, оставляя упоминание таковых в своей дефиниции этнической общности [17]. Другие, отмечая, что понятия «психический склад» и «характер» не совпадают по объему, полагают, что при определении нации их не следует возводить в социологические категории и поэтому более точно говорить о некоторых особенностях психики [18]. Третьи ученые, соглашаясь с представлением о неправомерности отождествления психического склада и характера, предпочитают упоминать в рассматриваемой связи не психический склад, а характер [19].

Весь этот разнобой в значительной мере усугубляется далеко не однозначным употреблением термина «характер» как в философско-социологической, так и в общенсихологической литературе. Например, БСЭ, отражая отмеченное выше отождествление психического склада и характера, определяет последний как совокупность основных, наиболее устойчивых психических свойств человека [20]. И в нашей специальной литературе по психологии можно встретить широкое понимание характера как совокупности качественно своеобразных психологических черт человека, влияющих на его поведение и поступки [21].

Однако наряду с такой широкой интерпретацией характера в общей психологии явно преобладают узкоспециальные дефини-

---

[14] См., например: *Чесноков Д. И.* Исторический материализм. М., 1964, с. 384.

[15] См., например: *Арутюнян С. М.* Нация и ее психический склад. — Тр. Краснодарск. пед. ин-та. Краснодар, 1966, вып. 53.

[16] Об этом, например, свидетельствует сведение психического склада к таким трем компонентам, как целостность характера, его сложность и динамичность (*Левитов Н. Д.* Вопросы психологии характера. М., 1956, с. 226).

[17] *Козлов В. И.* О понятии этнической общности. — СЭ, 1967, № 2, с. 107—111.

[18] *Рогачев П. М., Свердлин М. А.* Нации — народ — человечество, с. 28—32; *Калтахчян С. Т.* К вопросу о понятии «нация». — ВИ, 1966, № 6, с. 39—42; *Он же.* Ленинизм о сущности наций и пути образования интернациональной общности людей. М., 1969, с. 110—186.

[19] *Бурмистрова Т. Ю.* Некоторые вопросы теории наций. — ВИ, 1966, № 12, с. 105—107.

[20] БСЭ, т. 46, с. 66. См., например, также: *Горячева А. И.* О некоторых категориях социальной психологии, с. 198, 212.

[21] *Левитов Н. Д.* Вопросы психологии характера, с. 14; *Ковалев А. Г.* Психология личности. М., 1970, с. 202, 214. Ср.: Общая психология. М.: Просвещение, 1974, с. 423.

ции [22]. Притом и такой подход к вопросу в свою очередь не исключает расхождений между специалистами. Правда, почти все психологи выделяют в структуре характера два компонента. Однако, если один из них во всех случаях определяется как воля, то по поводу другого имеются известные расхождения. В одних случаях указывается «направленность характера», в других — говорят об «основных жизненных установках», в третьих — отмечается «отношение к действительности» и т. д. [23]

Одним из компонентов, или сторон, характера некоторые специалисты по общей психологии считают темперамент [24]. Однако в большинстве случаев темперамент все же оставляют за рамками характера, включая его, правда, в психический склад. Что касается способностей, то общая психология, как правило, их рассматривает отдельно от характера, подчеркивая, однако, весьма тесную взаимосвязь этих двух сторон психической жизни людей [25].

Таким образом, хотя психический склад и характер понятия однопорядковые, относящиеся к основным свойствам психики, однако возражения против отождествления этих понятий имеют под собой известные основания. Характер в специальном значении термина уже психического склада, понимаемого в конечном счете чаще всего как совокупность всех устойчивых свойств психики.

Если о понятии «характер» не сложилось еще достаточно единого мнения, то относительно его конкретных качеств как будто имеется гораздо большее единодушие. Общепризнано, например, что трудолюбие или храбрость являются чертами характера. Конечно, никакой перечень подобных черт [26] не может сам по себе раскрыть сущность понятия «характер». Но при ее выявлении конкретные характерологические черты все же могут, на наш взгляд, служить определенным ориентиром.

Прежде всего представляется очевидным, что такого рода черты выражают морально-волевые качества людей. Ясно также, что это не просто определенные осознаваемые людьми взгляды, идеалы, интересы и т. п. Хотя сознание способно как активизировать, так и затормаживать проявление тех или иных свойств

---

[22] Даже и в тех случаях, когда она дается, одновременно нередко приводится более строгая дефиниция характера (см.: *Левитов Н. Д.* Вопросы психологии характера, с. 14, 16).

[23] См.: *Крутецкий В. А.* Проблема характера в советской психологии. — В кн.: Психологическая наука в СССР. М., 1960, т. II, с. 48—50.

[24] *Крутецкий В. А.* Проблема характера. . ., с. 53—54.

[25] *Крутецкий В. А.* Проблема характера. . ., с. 54—55.

[26] Конкретные проявления характера чрезвычайно многообразны. Показательно, что встречающиеся в психологической литературе простые перечисления свойств характера в общей сложности насчитывают сотни различных черт. О чрезвычайном разнообразии черт человеческого характера и множестве их оттенков, в частности, свидетельствует тот факт, что для обозначения этих явлений в русском языке, как показывают специальные подсчеты, имеется до 1500 слов (См.: *Осипова Е. В.* Некоторые проблемы теории личности. — В кн.: Социальные исследования. М., 1970, вып. 3, с. 29).

характера, однако они дают о себе знать и помимо сознания, т. е. проявляются бессознательно [27].

Очевидно и то, что, проявляясь во «внешней» деятельности людей, черты характера выражают особенности их отношения к тем или иным сторонам действительности. Нетрудно заметить и своего рода «иерархичность», «разномасштабность» свойств характера. «Уровень» этих свойств может быть весьма различным: от частных выражений (например, аккуратности, гостеприимства и т. п.) до самых общих. Среди последних, имея в виду «общую» направленность характера, можно, скажем, отметить убежденность, отношение к труду и другим видам деятельности, установки, связанные со взаимоотношениями между личностью и различными коллективами, и т. п. К «общим» же волевым чертам характера могут быть в первую очередь отнесены целеустремленность, инициативность, организованность, настойчивость, решительность и т. д.

Волевые качества людей органически связаны с нравственными, с направленностью личности. Вообще было бы упрощением рассматривать человеческий характер лишь как простую сумму его черт. Он представляет собой целостную систему, обладая определенными структурными свойствами (силой, твердостью, определенностью, уравновешенностью и т. п.), а также определенными доминирующими чертами [28].

Но можно ли говорить о характере не только личности, но и группы, прежде всего этнической (национальной) общности? На этот вопрос, как уже отмечалось, нередко дается негативный ответ, притом не только в зарубежной [29], но и в нашей литературе.

В этой связи представляется важным сразу же обратить внимание на то, что основоположники марксизма рассматривали национальный (этнический) характер как реальность. Например, Ф. Энгельс, сравнивая развитие Англии, Франции и Германии в XVIII в., счел необходимым специально подчеркнуть, что «английский национальный характер существенно отличен как

---

[27] Признание реальности бессознательного предполагает раскрытие «специфических форм психической деятельности, остающихся неосознанными, но являющихся необходимым механизмом целенаправленного поведения человека». При этом следует иметь в виду диалектически сложный характер взаимодействия между сознательным и бессознательным: «то, что в какой-то момент выступает в форме осознаваемого психического феномена, может затем, утратив качество осознаваемости, легко проявиться в форме непереживаемого процесса, в форме неосознаваемой установки, чтобы спустя какое-то время вновь выступить в своем первом обличье и т. д.» (*Басин Ф., Рожнов В., Рожнова М.* Фрейдизм: псевдонаучная трактовка психических явлений. — Коммунист, 1972, № 2, с. 100, 101).

[28] См.: *Левитов Н. Д.* Вопросы психологии характера, с. 111—135.

[29] Зарубежная литература по вопросам национального характера исчисляется многими сотнями работ. В книге голландских психологов Дейкера и Фрейды библиографический список работ, посвященных национальному характеру, насчитывает около тысячи названий (*Duijker H. C., Frijda N. H.* National character and national stereotypes. Amsterdam, 1960, с. 602).

от немецкого, так и от французского»[30]. К. Маркс в одном из своих писем (1870 г.) отметил более страстный и более революционный характер «ирландцев в сравнении с англичанами»[31]. Число подобных примеров можно легко умножить[32]. Правда, в трудах В. И. Ленина можно найти сравнительно немного по вопросу о национальном характере (как и о психическом складе)[33]. Но значит ли это, что он вообще отрицал их реальность? В подтверждение тезиса о негативном отношении В. И. Ленина к данному вопросу подчас ссылаются на его «Речь по итальянскому вопросу» на Третьем конгрессе Коммунистического Интернационала[34]. В ней в ответ на слова итальянского социалиста Лаццари: «Мы знаем психологию итальянского народа», — Ленин заявил: «Я лично не решился бы этого утверждать о русском народе. . .»[35]. Совершенно очевидно, что В. И. Ленин в данном случае всего лишь возражает против безапелляционного утверждения о знании психологии целого народа. Но, как известно, ссылка на незнание какого-либо явления отнюдь не тождественна непризнанию самого факта его существования и, следовательно, подмена этих двух понятий неправомерна. Более того, в работах В. И. Ленина имеется прямое указание на то, что он считал национальный характер реальностью. Такое свидетельство содержит статья «Украина», в которой В. И. Ленин говорит о русских и украинцах как о народах, близких не только по языку, местожительству, истории, но и по «характеру»[36].

Представление о национальном (этническом) характере как особой социально-психологической категории исходит из того, что не отдельные личности выступают в качестве элементов этой категории, а прежде всего специфические для данной этнической общности социально-психологические черты[37]. Хотя в природе

---

[30] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 1, с. 602.

[31] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 32, с. 557.

[32] См., например: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 1, с. 618—619; т. 2, с. 144, 356, 358; т. 3, с. 412; т. 37, с. 351—352.

[33] См.: *Поршнев Б. Ф.* Социальная психология и история. М., 1968, с. 70.

[34] *Гак Г. М.* Диалектика коллективности и индивидуальности. М., 1967, с. 50.

[35] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 44, с. 17.

[36] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 32, с. 342. Царистское прошлое «*все* сделало для *взаимоотчуждения* народов, столь близких и по языку, и по месту жительства, и по характеру, и по истории». Текст не оставляет сомнения в том, что для В. И. Ленина близость русских и украинцев «по характеру» — столь же реальная категория, как их близость по языку, местожительству и истории. И поэтому нельзя согласиться с утверждением Г. М. Гака, будто в рассматриваемом тексте «противопоставление национальных характеров» трактуется всего лишь как плод царской политики национальной розни (*Гак Г. М.* Диалектика коллективности и индивидуальности, с. 50). В рассматриваемой связи можно сослаться и на известное указание В. И. Ленина о необходимости учета «той *психологии*, которая особенно важна в национальном вопросе» (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 48, с. 234).

[37] Ср.: *Кон И. С.* К проблеме национального характера. — В кн.: История и психология. М., 1971, с. 124—125.

не существует таких черт вне психики отдельных личностей, однако национальный (этнический) характер было бы неверно сводить к простой сумме их психических свойств. Как известно, социальный коллектив усиливает или ослабляет те или иные стороны индивидуальной психики [38]. Это относится и к этническому характеру. Уже не раз отмечалось, что он значительно отчетливее проявляется в случаях, когда выступают не отдельные лица, а группы взаимодействующих людей [39]. Но вместе с тем очевидно и то, что черты национального (этнического) характера должны быть так или иначе интегрированы в психике индивида. Поэтому само собой разумеется, чтобы считаться типичными для данного этноса, соответствующие черты характера должны быть присущи большинству или, по крайней мере, значительной части его членов и отличать их от представителей других этносов. Однако эта типичность не исключает наличия вариаций отдельных специфических социально-психологических черт в различных группах, входящих в данную этническую общность [40]. Более того, в классовых обществах такие вариации обычно доминируют. Следует напомнить и то, что особенности групповой психики (в том числе и этнической) не сводятся к простой сумме психических черт, составляющих ее индивидуумов [41]. Вообще необходимо особо подчеркнуть недопустимость абсолютизации характера отдельных этнических общностей. Ведь большинство определяющих черт характера, таких, как трудолюбие, патриотизм, мужество, целеустремленность, являются общечеловеческими. Следовательно, речь может идти не о монопольном обладании какой-либо этнической общностью той или иной из этих черт, а лишь о различии между отдельными народами в формах (оттенках и стиле) ее проявления [42]. Легко, например, заметить, что в силу специфики

---

[38] См.: *Поршнев Б. Ф.* Социальная психология и история, с. 106.

[39] См.: *Джандильдин Н.* Природа национальной психологии. Алма-Ата, 1971, с. 146—152; Социальная психология. М., 1975, с. 142; *Андреева Г. М.* Социальная психология, с. 221.

[40] Разумеется, не следует забывать и того, что у каждого из членов этноса существуют и свои индивидуальные психические черты. Именно на этот аспект проблемы обращает внимание Д. С. Лихачев, отмечая, что «правильнее говорить не о национальном характере народа, а о сочетании в нем различных характеров, каждый из которых в той или иной мере национален. . .» (*Лихачев Д. С.* Национальное единообразие и национальное разнообразие. — Русская литература, 1968, № 1, с. 138).

[41] Поэтому, в частности, представляется несостоятельным в методологическом отношении использование при изучении национального характера концепции «типичной (или модальной) личности», предложенной американским культурным антропологом А. Кардинером. Поскольку общество, по Кардинеру, это сумма индивидов, имеющих сходную структуру личности, постольку он полагает достаточным изучить личностные черты двух—трех индивидов, чтобы судить о типичной для данного общества (этноса) личности (см. подробнее: *Аверкиева Ю. П.* Современные разновидности «научного» расизма. — В кн.: Расы и общество, с. 125—126).

[42] Ср.: *Баграмов Э. А.* Буржуазная социология и проблема «национального характера». — ВФ, 1964, № 6, с. 107; *Андреева Г. М.* Социальная психология, с. 222.

социально-экономических, географических и других условий существования такое свойство, как трудолюбие, проявляется у разных народов далеко не одинаково [43]; они могут также различаться аккуратностью и пунктуальностью [44]. Даже храбрость выражается каждым народом по-своему [45], да и юмор различных народов имеет свои неповторимые оттенки и т. д.

Таким образом, в целом характер каждой данной этнической общности представляет собой органическое единство общего и особенного. Его уникальность в конечном счете является результатом всей совокупности присущих ему специфических форм проявления общечеловеческих психических свойств. Однако это не механическая сумма специфических черт. Своеобразие характера этнической общности (как и отдельных людей) определяется, на наш взгляд, в первую очередь наиболее типичными для них доминирующими чертами.

Как известно, отношение людей к действительности обычно сопровождается определенными переживаниями — чувствами. Само собой разумеется, что не лишены таких переживаний и проявления свойств характера этнической общности. Это и служит основанием для включения таких чувств в его структуру [46].

Основной сферой проявления характера этнической общности, как и отдельной личности, несомненно, является деятельность. Ни направленность, ни воля, ни структурные особенности характера не могут быть определены, если мы не знаем, как люди действуют: трудятся, отдыхают, играют, каково их поведение, ка-

---

[43] Ср.: *Ровов В. Н.* О некоторых элементах национальной психологии. — Вестник МГУ. Серия философии, 1967, № 2, с. 72.

[44] В частности, пунктуальность, высоко ценимая немцами или голландцами, сравнительно мало значит в Испании и еще меньше — в странах Латинской Америки (*Кон И. С.* К проблеме национального характера, с. 125—126).

[45] В этом отношении прекрасной иллюстрацией может служить отмеченное Л. Н. Толстым своеобразие в проявлении храбрости русских людей: «Француз, который при Ватерлоо сказал: «Гвардия умирает, но не сдается», и другие, в особенности французские герои, которые говорили достопамятные изречения, были храбры и действительно говорили достопамятные изречения; но между их храбростью и храбростью капитана есть та разница, что если бы великое слово, в каком бы то ни было случае даже шевелилось в душе моего героя, я уверен, он не сказал бы его: во-первых, потому, что, сказав великое слово, он боялся бы этим самым испортить важное дело, а во-вторых, потому, что, когда человек чувствует в себе силы сделать великое дело, какое бы то ни было слово не нужно. Это, по моему мнению, особенная и высокая черта русской храбрости» (*Толстой Л. Н.* Собр. худ. произв. М., 1948, т. I, с. 316).

[46] На наш взгляд, следует, однако, различать чувства, выступающие в качестве компонентов характера этноса и сопровождающие проявления его общих морально-волевых качеств, от специфических чувств, неразрывно связанных с этническим самосознанием и выражающих эмоциональное отношение к собственно этнической действительности (к свойствам как своего, так и других этносов). (Ср.: *Арутюнян С. М.* Нация и ее психический склад, с. 32; *Джандильдин Н.* Природа национальной психологии, с. 175—180).

кие они совершают поступки [47]. Разумеется, общие характерные черты всех разновидностей деятельности не могут не налагать определенной печати на их результаты. Следы такого воздействия обнаруживаются и в отдельных памятниках материальной культуры, и в различных видах народного искусства [48], и в таких устойчивых компонентах духовной культуры, как обычаи, и даже в речи и языке [49]. Не лишне еще раз подчеркнуть ту, казалось бы, тривиальную мысль, что хотя черты характера не только проявляются через культуру, но и прежде всего ею детерминируются, все же в «интериорном» состоянии они находятся за пределами объективируемой культуры, отличаясь у каждой этнической общности своей спецификой [50].

С характером этноса неразрывно связана типичная для его членов система побуждений — совокупность их потребностей, интересов, ценностных ориентаций, установок, убеждений, идеалов и т. п. Определяя в конечном счете направленность характера, эта система охватывает все сферы, «этажи» человеческой психики — от потребностей до идеалов. Они включают также миропонимание, нравственные принципы, интересы и выступают в обобщенном виде.

Все подобные компоненты психики, будучи сами детерминированы конкретно-историческими (естественными и общественными) условиями существования этноса, в конечном счете и предопределяют характер его членов [51]. Изменение этих условий неизбежно влечет за собой изменение системы побуждений, а вслед за ней и этнического характера [52].

---

[47] Ср.: *Левитов Н. Д.* Вопросы психологии характера, с. 137.

[48] Наглядной иллюстрацией этого может служить описание Н. В. Гоголем танцев различных народов. «Испанец пляшет не так, как швейцарец, шотландец, как теньеровский немец, русский не так, как француз, как азиатец. Даже в провинциях одного и того же государства изменяется танец. Северный русс не так пляшет как малороссиянин, как славянин южный, как поляк, как финн; у одного танец говорящий — у другого бесчувственный; у одного — бешеный, разгульный — у другого спокойный; у одного напряженный, тяжелый — у другого легкий, воздушный» (*Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч., 1952, т. 8, с. 184—185).

[49] В этой связи представляется небезынтересным напомнить о том, что переводы одного и того же текста различаются в зависимости от характерных черт тех наций, на языки которых эти переводы сделаны.

[50] См.: Личность и труд. М., 1965, с. 215—221; *Ковалев А. Г.* Психология личности, с. 44, с. 178; *Дашдамиров А. Ф.* Социально-психологические проблемы национальной определенности личности. — СЭ, 1977, № 3, с. 9.

[51] «Одни и те же условия, — указывали К. Маркс и Ф. Энгельс в «Немецкой идеологии», — одна и та же противоположность, одни и те же интересы должны были в общем повсюду создать также одни и те же нравы» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 3, с. 53).

[52] «Так, в начале XVIII в. в Европе многие считали, что англичане склонны к революции и перемене, тогда как французы казались весьма консервативным народом; 100 лет спустя мнение диаметрально изменилось. В начале XIX в. немцев считали (и они сами разделяли это мнение) непрактичным народом, склонным к философии, музыке и поэзии и малоспособными к технике и предпринимательству. Произошел промышленный переворот в Германии — и этот стереотип стал безнадежным анахронизмом».

Что касается «механизма» воспроизводства типичных для каждого этноса черт характера, то оно обеспечивается в первую очередь особой, присущей только людям системой межпоколенной передачи опыта. Как известно, индивид не рождается с теми или иными сложившимися чертами этнического характера. Он приобретает их в результате прижизненного усвоения [53], так называемой социализации личности. Притом в отличие от животных у людей в качестве основного средства межпоколенной передачи общественно-исторического опыта выступает такой социальный инструмент, как язык [54].

Одним словом, устойчивые черты характера отнюдь не являются имманентным свойством человеческого мозга — они сами продукт определенных внешних условий, прежде всего общественно-исторических [55]. И то, что в рамках той или иной этнической общности подчас па протяжении ряда поколений продолжают функционировать традиционные для нее психические черты, происходит не в силу их полной независимости от изменений внешней среды, а лишь потому, что они обладают некоторой инерцией, обеспечиваемой социальными средствами межпоколенной передачи общественно-исторического опыта [56].

Общая психология наряду с характером в психический склад обычно включает такие сложные психические образования, как темперамент и способности. Аналогичным образом нередко поступают и представители социальных наук, характеризуя национальные общности [57]. Вместе с тем в нашей обществоведческой литературе последних лет можно встретить решительные возражения против такого понимания структуры психического склада этнических (национальных) общностей. В подтверждение делаются, например, ссылки на то, что «нет наций способных и неспособных» и что «у больших наций, части которых расселены

(*Кон И. С.* К проблеме национального характера, с. 154. См. также: *Козлов В. И., Шелепов Г. В.* «Национальный характер» и проблемы его исследования. — СЭ, 1973, № 2, с. 78—79).

[53] *Леонтьев А. Н.* О социальной природе психики человека. — ВФ, 1961, № 1, с. 30—31.

[54] См.: *Лобашов М. Е.* Сигнальная наследственность. — В кн.: Исследования по генетике. Л., 1961, сборник 1.

[55] На словах признание роли социальной среды в формировании психики можно встретить и у современных буржуазных этнопсихологов (М., Мид, Дж. Торер, А. Кардинер, К. Клакхон). Однако по сути дела они лишь более завуалированно отстаивают биологизаторские представления, что «человек — прежде всего существо, поведение и склонности которого определяются врожденными инстинктами или подсознательными влечениями». (*Баграмов Э. А.* Буржуазная социология и проблема «национального характера», с. 103).

[56] Поэтому некоторые зарубежные этнографы поступают неправомерно, механически перенося наблюдения, касающиеся этнической психологии отставших в своем развитии племен (в частности аборигенов Океании) на современные народы (см. подробнее: *Андреева Г. М.* Социальная психология, с. 228).

[57] См.: *Рогачев П. М., Свердлин М. А.* Нации — народ — человечество, с. 30; *Калтахчян С. Т.* К вопросу о понятии «нация», с. 39.

в различных климатических полосах, нет и не может быть единого темперамента»[58].

Однако эта позиция представляется излишне категоричной. В частности, относительно темперамента более гибким, на наш взгляд, является мнение, что это понятие в качестве одной из характеристик психического склада этнических общностей (наций) следует применять несколько в ином смысле, чем в общей психологии[59]. В последней оно выражает, как известно, особенности психической деятельности человека, имеющие в качестве своей основы определенный тип высшей нервной деятельности. Хотя практически в человеческой массе имеются многочисленные вариации основных четырех типов, однако для каждой личности характерно преобладание свойств одного из этих типов[60]. Другое дело народы — этносы. Как правило, мы не можем сказать, что тому или иному из них присущ лишь данный тип темперамента. В каждой этнической общности можно обнаружить как холериков и флегматиков, так меланхоликов и сангвиников. В то же время нельзя не напомнить, что основоположники марксизма неоднократно отмечали своеобразие темперамента отдельных народов[61]. Различие между этническими общностями в глубине, быстроте реакций на всевозможные жизненные ситуации признается и рядом наших исследователей[62]. Правда, при этом речь может идти, как правило, о наиболее характерном для данного этноса типе темперамента[63] или в случае, если имеются в виду крупные общности, — о специфических для них сочетаниях преобладающих типов темперамента[64].

Но вместе с тем не менее ошибочно было бы абсолютизировать значение темперамента как свойства этноса. Во-первых, нельзя

---

[58] *Бурмистрова Т. Ю.* Некоторые вопросы теории нации, с. 106; Ср.: *Козлов В. И.* О понятии этнической общности, с. 107—108; *Он же.* Некоторые проблемы теории нации. — ВИ, 1967, № 1, с. 90.

[59] *Горячева А. И.* О некоторых категориях социальной психологии, с. 214; *Разов В. И.* О некоторых элементах национальной психологии, с. 75—76.

[60] Мнение, что имеются смешанные темпераменты, «явно ошибочно и является следствием механического понимания психики как суммы элементов, которые могут перемешиваться и составлять различные комбинации» (*Ковалев А. Г.* Психология личности, с. 194).

[61] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 2, с. 355—356; 493—494; т. 32, с. 557; Воспоминания о К. Марксе и Ф. Энгельсе. М., 1956, с. 291.

[62] *Королев С. И.* Вопросы этнопсихологии в трудах зарубежных авторов, с. 46; *Горячева А. И.* О некоторых категориях социальной психологии, с. 214.

[63] В литературе по этнопсихологии можно встретить, например, указание на то, что у японцев преобладает сангвинический темперамент, а у итальянцев — холерический. *Королев С. И.* Изучение этнопсихологии в Японии. — В кн.: Проблемы этнографии и этнической истории народов Азии. М., 1968, с. 239.

[64] В частности, очевидно, можно согласиться с мнением, что правильнее говорить не о национальном темпераменте, а о преобладании определенных проявлений тех или иных типов темперамента в той или иной национальной среде (*Калтахчян С. Т.* Ленинизм о сущности нации и пути образования интернациональной общности людей, с. 121).

забывать, что речь идет всего лишь о преобладающем темпераменте. Во-вторых, подобно антропологическому типу темперамент соседних этнических общностей обычно весьма близок. Наконец, следует учитывать как влияние культурной среды на формирование темперамента, так и воздействия на его проявления социальных моментов [65]. Это воздействие, прежде всего «подавление» темперамента, однако, полностью не исключает возможности определенного его влияния, хотя и в модифицированном виде, на поведение социальной группы [66].

Весьма сложным является вопрос о различиях между этносами в такой сфере психики, как способности. На данный вопрос в нашей литературе, как правило, дается категорически отрицательный ответ. И это вполне понятно. Ведь как раз утверждение о существенно неодинаковых способностях народов являются одним из главных оснований человеконенавистнических расистских взглядов. При этом решающий акцент делается на различиях в уровне умственных способностей. Отсюда и разделение народов на интеллектуально [67] неполноценных и особо одаренных. В подтверждение такого рода различий зарубежные психологи, защитники расистских теорий, в последнее время нередко ссылаются на обследования с помощью набора тестов, получившего в психологической литературе название «коэффициента ума». Однако объективный анализ этих и других подобных психотехнических обследований неопровержимо свидетельствуют, что не только отдельные народы, но даже и целые расы не обладают передаваемыми по наследству различиями в уровне умственных способностей [68]. Частной, но весьма яркой иллюстрацией этого тезиса могут служить отдельные случаи воспитания с раннего возраста в семьях европейцев детей, родители которых принадлежали к отсталым народам [69].

---

[65] Как отмечал еще Н. Г. Чернышевский, «природный темперамент вообще заслоняется влияниями жизни» (*Чернышевский Н. Г.* Очерк научных понятий по некоторым вопросам всеобщей истории (примечания к «Всеобщей истории» Вебера). — Избр. филос. соч. М., 1938, с. 249—250).

[66] См.: *Королев С. И.* Вопросы этнопсихологии в трудах зарубежных авторов, с. 46, прим. 57.

[67] При всей многозначности трактовки понятия «интеллект» большинство современных психологов рассматривают его как сложный комплекс разнообразных и взаимодействующих способностей человека (*Рощин С. К.* Психологическая наука и расизм. — В кн.: Расы и общество. М., 1982, с. 165).

[68] *Рогинский Я. Я.* О психотехническом исследовании разных племен и народов. — В кн.: Наука о расах и расизм. М.; Л., 1938, с. 80—104; *Алексеев В. П.* Расизм в современной антропологии. — В кн.: Против расизма. М., 1966, с. 7—26; *Рощин С. К.* Психологическая наука и расизм, с. 160—176.

[69] Один из таких случаев связан с проживающим в Южной Америке крайне отсталым индейским племенем гуайналов. Однажды во время бегства этого племени от «чужаков» — европейцев ими была забыта двухлетняя девочка. Ее удочерил французский этнограф. А через четверть века она сама стала довольно известным этнографом, блестяще владеющим несколькими европейскими языками.

Вообще следует подчеркнуть, что равная первичная природная основа способностей (так называемые задатки) обнаруживается у всех народов мира, притом не только в сфере умственных, но и специальных способностей (сценической, музыкальной и т. п.).

Поэтому, если и можно говорить о некоторых различиях между народами в отношении их одаренности [70], большего или меньшего развития отдельных специальных способностей, то, очевидно, только при условии непременного учета того, что в таких случаях мы имеем дело не с просто унаследованными природными задатками, а с прижизненно приобретенными способностями. Правда, последние нередко воспринимаются как врожденные. В подтверждение такого представления о генезисе специальных способностей долгое время делались, в частности, ссылки на то, что «тональная глухота» при отсутствии физиологических дефектов, составляя обычное явление в Англии и Америке, практически неизвестна среди многих африканских народностей, вьетнамцев и т. д. Между тем специальные исследования показали, что формирование тонального слуха происходит у этих народов прижизненно, в ходе овладения родным языком, поскольку он использует интонирование гласных в смыслоразличительных целях [71].

Относительно устойчивые социально-психологические явления, присущие этническим общностям и представляющие их психический склад в широком смысле слова, однако, не исчерпываются, на наш взгляд, лишь такими сложными психическими образованиями, как характер, темперамент и способности. Ведь большая или меньшая стабильность имеет место и в других сферах психики, которые к тому же обладают определенной этнической спецификой. Она, например, обнаруживается у такого «простейшего» свойства психики, как восприятие. Хотя эмпирические данные в этой области еще крайне незначительны, тем не менее некоторые имеющиеся материалы представляют определенный интерес. В частности, специальные психологические экспериментальные исследования позволяют полагать, что люди различных культур по-разному видят цвета и в далеко не одинаковой степени подвержены некоторым зрительным иллюзиям. При этом не исключено, что подобные различия наряду с культурными факторами в какой-то мере детерминированы физиологическими особенностями людей (в указанных экспериментах — пигментацией сетчатки) [72].

---

[70] Полное отрицание такого рода различий представляется излишним упрощением вопроса (см.: *Горячева А. И.* Является ли психический склад признаком нации? — Вопросы истории, 1967, № 8, с. 99; *Бахарева Н. В.* Социально-психологическое изучение национальных особенностей. — В кн.: Социальная психология. — История. Теория. Эмпирические исследования. Л.: Изд. Ленинградск. ун-та, 1979, с. 221).

[71] *Sanderson H. E.* Differences in musical abelity in children of different national and racial origin. — Journal of genetic psychology, vol. XLII, N 1; *Леонтьев А. Н.* О социальной природе психики человека, с. 31—40.

[72] См.: *Коул М., Скрибнер С.* Культура и мышление. Психологические очерки. М.: Прогресс, 1977, с. 81—123.

Не лишено, на наш взгляд, оснований и мнение, что «у каждого народа, живущего в сравнительно одинаковых, в первую очередь природных, условиях, вырабатывается определенный динамический стереотип художественного видения и воспроизведения действительности». Такое восприятие «выражает некоторые индивидуальные черты природы, а также экономического, политического и культурного (в том числе атеистического или религиозного) развития данной нации» [73]. Для этнических общностей обычно характерны и сравнительно устойчивые вкусы [74]. К психическому складу, пожалуй, следует отнести и так называемые динамические стереотипы [75], лежащие в основе автоматизированных элементов поведения людей (привычек).

Характеризуя в целом этнические функции устойчивых психических свойств (психического склада) этнических общностей, особо подчеркнем, что в интериорной («внутренней») форме эти свойства не выступают в качестве их непосредственных признаков [76]. Такую роль они выполняют лишь в экстериорной объективированной форме, т. е. фактически будучи опосредованными теми или иными видами культуры в широком смысле слова (точнее говоря, в общей зоне психики и культуры). И в этом отношении психический склад, будучи сам в конечном счете детерминирован культурой, является своего рода подоплекой некоторых черт специфического культурного облика этноса.

В последнее время в нашей философской и этнографической литературе можно встретить прямое отрицание реальности психического склада этнических общностей, национального характера [77]. Такого рода взгляды особенно отчетливо проступают

---

[73] *Калтахчян С. Т.* Ленинизм о сущности нации и пути образования интернациональной общности людей, с. 161.

[74] См.: *Горячева А. И.* О некоторых категориях социальной психологии. с. 198, 202, 214.

[75] Понятие «динамический стереотип» введено И. П. Павловым. «Стереотипами эти системы названы, очевидно, по их тенденции к повторяемости и к автоматизации. . . Стереотипы названы динамическими потому, что речь идет о системе процессов, которые претерпевают изменения, переделываются под влиянием новых требований жизни» (*Левитов Н. Д.* Психология труда. М., 1963, с. 22).

[76] Уже одно это обстоятельство убедительно свидетельствует о несостоятельности любых попыток свести сущность собственно этнических общностей (не говоря уже об этносоциальных организмах типа нации) к специфическому для каждой из таких общностей психическому складу или национальному характеру.

[77] Понятия «психический склад», «национальный характер», по словам С. А. Токарева, в проблему об этнической общности, кроме тумана, ничего не вносят (*Токарев С. А.* Проблема типов этнических общностей. — ВФ, 1964, № 11, с. 44). См. также: *Рогачев П. М.*, *Свердлин М. А.* Нации — народ — человечество, с. 32; *Козлов В. И.* Динамика численности народов. М., 1969, с. 39. Впрочем, последний из названных авторов в статье, написанной им совместно с Г. В. Шелеповым и посвященной специально изучению национального характера, подошел к этой проблеме несколько осторожнее. Главную цель данной статьи ее авторы усматривают в анализе «основных путей выявления «национального ха-

применительно к этническим общностям классовых формаций. Существование общего психического склада у этнических образований доклассовых формаций, обладающих однородной социальной структурой, обычно не вызывает сомнений.

Но относительно этнических единиц классовых, особенно капиталистических, обществ неоднократно высказывалось мнение, что представление о наличии у них общего психического склада или характера является фикцией. При этом делается ссылка на то, что признание такой общности противоречит ленинскому положению о двух культурах в каждой буржуазной национальной культуре [78].

Нельзя не согласиться с той неоспоримой истиной, что в буржуазном мире эксплуататоры и эксплуатируемые кардинально различаются не только по их месту в существующей системе общественного производства и социальному положению, по целям и идейным убеждениям, но и по своим морально-волевым качествам. Наличие общих психических черт у представителей одних и тех же социально-профессиональных групп разных наций отмечал еще Н. Г. Чернышевский [79]. Это же неоднократно подчеркивали и основоположники марксизма [80]. Словом, представляется бесспорным, что в классовых обществах во всей чрезвычайно сложной иерархии устойчивых психических черт, образуемой одновременной принадлежностью одних и тех же людей к различным социальным общностям (нации, классу, профессиональным группам и т. д.), главенствующей является совокупность черт (психический склад), типичных для отдельных классов. Однако это не исключает определенной общности психических свойств и у других разновидностей социальных единиц. Ведь в каждом отдельном явлении могут быть черты, объединяющие его с различными группами явлений [81]. В частности, как уже отмечалось, наличие двух культур внутри буржуазной нации не противоречит существованию в ее рамках определенной культурной общности (национальной культуры) [82]. Стало быть, ссылки на внутриклассовую психическую общность сами по себе не могут служить аргументом для полного отрицания какой-либо общности психических черт внутри буржуазных наций. Весьма показательно, что отдельные противники представления об общности психического склада у буржуазных наций признают в конечном счете не только наличие у каждого из классов своей национально-классовой психологии, но и суще-

---

рактера», с тем, чтобы выяснить стоящие на них препятствия» (*Козлов В. И., Шелепов Г. В.* «Национальный характер» и проблемы его исследования, с. 72).

[78] См.: *Бурмистрова Т. Ю.* Некоторые вопросы теории нации, с. 103—107.

[79] *Чернышевский Н. Г.* Очерки научных понятий по некоторым вопросам всеобщей истории. — Избр. филос. соч. М., 1951, т. 3, с. 611.

[80] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 2, с. 356, 437—438.

[81] Так, определенная общность всех лимонов не исключает наличия у них общих черт и со всеми цитрусовыми, и со всеми фруктами, и со всеми растениями, и т. д.

[82] См. выше.

ствование специфических психических черт у самих таких наций [83]. Очевидно, что отрицание в таком случае реальности категории «психический склад нации» касается не существа явления, а всего лишь терминологической стороны вопроса. Ибо то обстоятельство, что специфическими являются отдельные устойчивые черты психики этноса, отнюдь не лишает нас права говорить об определенной психической общности его членов, а соответственно и общности их психического склада (характера). Для этого имеются тем большие основания, что, как известно, однородность психики членов этноса далеко не исчерпывается типичными для него психическими особенностями — ее основу, несомненно, составляет общность «родовых» психических свойств людей. Кстати сказать, как раз эти свойства и отличают прежде всего людей от животных, т. е. являются определяющими для рода человеческого.

Наряду с отрицанием общности психического склада (национального характера) буржуазных наций в нашей философской литературе последних лет можно встретить весьма оригинальное сочетание защиты представлений о его реальности с высказываниями, фактически ставящими под сомнение существование подобной общности в основных этнических образованиях докапиталистических классовых формаций. В частности, утверждается, что «своеобразие этнической психики в донациональный период могло иметь в основном локальное значение, проявлять себя в пределах какой-либо территориальной зоны, быть характерным не для всего народа, а лишь для более или менее компактной и в культурно-языковом или политическом отношении несколько автономной части его» [84]. Действительно, присущие докапиталистическим классовым обществам локальные различия не могли не сказаться и в сфере социальной психологии. Но все же эти различия и в данном случае не исключают определенной общности психических черт в пределах основных этнических подразделений того времени — народностей. К примеру, трудно себе представить отсутствие в раннем средневековье заметных различий в психическом складе даже таких соседних народов, как болгары и византийцы (или несколько позднее болгары и турки). Более того, представляется очевидным существование устойчивых особенностей психики у таких этнических общностей, как союзы племен (точнее, у семей племен) [85]. В частности, психический склад германцев эпохи Тацита несомненно существенно отличался от устойчивых психических свойств, характерных для римлян того же времени.

Таким образом, судя по всему, есть достаточные основания считать, что относительно устойчивые особенности психики присущи этническим общностям не только формаций, лишенных классовых антагонизмов, — первобытнообщинной и социалистической

---

[83] *Калтахчян С. Т.* Ленинизм о сущности нации и пути образования интернациональной общности людей, с. 143—144.
[84] *Джандильдин Н.* Природа национальной психологии, с. 22.
[85] См. ниже.

(коммунистической), но и классово-антагонистических формаций — рабовладельческой, феодальной и капиталистической. Это обстоятельство и позволяет, на наш взгляд, говорить в целом как о психическом складе этнических общностей, так и об этническом характере, рассматривая соответственно национальный характер (в узком значении слова) в качестве его стадиальной разновидности.

Отрицание национального характера, общности психического склада у буржуазных наций обычно сопровождается сетованиями на их неуловимость [86]. Подобные сетования в значительной мере обусловлены трудностями, стоящими на пути выявления такого рода социально-психологических явлений. Это прежде всего сопряжено с тем, что они преимущественно проявляются не в опредмеченных видах культуры, а в самой деятельности, в поведении членов этноса. Однако обычно относительно быстрая смена, чередования действий и поступков существенно затрудняют их сравнение с аналогичными явлениями в других этносах, без чего, как мы знаем, вообще невозможно выявление этнической специфики. К тому же специфические черты психики далеко не всегда реализуются сразу, они обычно проявляются разновременно, разрозненно.

Вместе с тем на тезис о неуловимости этнического характера несомненно наложила свою печать и склонность обыденного сознания к искажению его черт. Эта особенность обыденного сознания имеет несколько причин. В качестве одной из них могут оказаться межэтнические установки лиц, оценивающих психические особенности другого народа, что во многом зависит от традиций взаимоотношения между субъектом и объектом оценки [87]. Нельзя не учитывать и того факта, что «мы воспринимаем и оцениваем поведение и образ жизни чужого народа сквозь призму культурных традиций и ценностей собственной этнической группы» [88].

Но особенно существенна в рассматриваемой связи тенденция обыденного сознания к абсолютизации отдельных черт характера этнических общностей. Более того, подобная тенденция проникает подчас и в научные труды, приводя к стремлению обнаружить у того или другого народа черты характера, присущие ему одному [89]. Между тем для такой абсолютизации, как уже говорилось, нет никаких оснований.

---

[86] См., например: *Рогачев П. М., Свердлин М. А.* Нации — народ — человечество, с. 32; *Козлов В. И.* Динамика численности народов, с. 39; *Козлов В. И., Шелепов Г. В.* «Национальный характер» и проблемы его исследования, с. 75—82.

[87] Известно, что наиболее негативные оценки характерных психических свойств другого народа обычно даются во время войны с ним.

[88] *Кон И. С.* Национальный характер — миф или реальность? — Иностранная литература, 1968, № 9, с. 218—219.

[89] Такой подход к вопросу уже не раз критиковался в нашей литературе (см.: *Бурмистрова Т. Ю.* Некоторые вопросы теории нации, с. 106—107; *Арутюнян С. М.* Нация и ее психический склад, с. 172—174).

Дискредитации представления о существовании психического склада у этнических общностей (национального характера) немало способствовала и гиперболизация своеобразия этих свойств. Именно такого рода гиперболизация (в сочетании с абсолютизацией психической общности всех входящих в нацию классов) и лежит в основе пресловутой теории «национальной апперцепции» О. Бауэра, согласно которой нации не в состоянии достаточно одинаково воспринимать одну и ту же действительность. При этом он ссылается на то, что над восприятием нации довлеет весь их прошлый опыт. Даже методы научного исследования, как и их результат, по мнению О. Бауэра, национально различны. Тем самым им в конечном счете «обосновывается» невозможность сближения и слияния наций; он утверждает, что «об исчезновении национального своеобразия не может быть и речи!» [90]

В действительности, как уже отмечалось, речь может идти лишь от относительной специфике черт национального характера, нюансах их проявления. В значительной мере именно поэтому столь не просто «замерить» и точно описать все оттенки подобных различий [91].

Разумеется, указанные трудности в выявлении отличительных особенностей психического склада отдельных этнических общностей не могут служить основанием для отрицания таких особенностей [92]. Необходимо лишь усовершенствовать методы научного изучения данного компонента психики этнических общностей [93]. Для этого особенно важно тесное сотрудничество психологов, этнографов, социологов, историков и литературоведов. Нельзя не отметить в данной связи, что изучение проявления этнических особенностей в отдельных компонентах психики, отражающих ее направленность, в последнее время у нас несколько продвинулось в ходе этносоциологических исследований. В первую очередь это

---

[90] *Бауэр О.* Национальный вопрос и социал-демократия. СПб., 1909, с. 163. Подробный критический анализ теории «национальной апперцепции» О. Бауэра см. в книге: *Калтахчян С. Т.* Ленинизм о сущности нации и пути образования интернациональной общности людей, с. 39—53.

[91] Как справедливо заметил И. С. Кон, «все народы обладают чувством юмора, однако юмор их качественно различен, эти различия мы интуитивно схватываем, но выразить в строгих понятиях не умеем» (*Кон И. С.* Национальный характер — миф или реальность? — Иностранная литература, 1968, № 8, с. 218).

[92] В частности, в данной связи привлекает внимание сравнительно широкое признание того, что художественная литература, способная, как известно, передавать тончайшие оттенки человеческой психики, в состоянии уловить и национальный характер людей (см., например, дискуссию по проблеме «Литературный герой и его национальный характер» на страницах журнала «Дружба народов» за 1966—1967 гг., а также: *Ломидзе Г.* Истины ясные и спорные. — В кн.: Национальное и интернациональное в советской литературе. М., 1971; *Воробьева Н.* Национальный характер и история. — В кн.: Национальное и интернациональное в советской литературе. М., 1971).

[93] Общую характеристику современного состояния этих методов см.: *Королев С. И.* Вопросы этнопсихологии. . ., с. 51—95; *Кон И. С.* К проблеме национального характера, с. 131—147.

относится к такому компоненту национального (этнического) характера, весьма существенного для раскрытия его типичных черт, как ценностные ориентации [94]. В результате национальный характер постепенно перестает быть «вещью в себе» [95].

Скептицизм в отношении познаваемости этнических особенностей психики, пожалуй, наиболее отчетливо проявляется при рассмотрении вопроса о наличии таких особенностей у процессов мышления. И это не случайно. Хотя данный вопрос неоднократно привлекал внимание исследователей, тем не менее он до сих пор остается во многом спорным. Характерно, что в существующей литературе можно встретить совершенно противоположные мнения по этому сюжету [96]. Сказываются и различные подходы к нему, и неразработанность исследовательских методик, а также и то, что при этом нередко имеются в виду его разные аспекты.

Острота проблемы, несущей определенную мировоззренческую нагрузку, требует сразу же подчеркнуть некоторые, связанные с ее рассмотрением исходные соображения принципиального характера. Это в первую очередь уже упоминавшаяся недопустимость распространения представлений об этнической (национальной) специфике на интеллектуальные способности.

Принципиальное значение, на наш взгляд, имеет и заключение, что современная наука не располагает данными «об отсутствии у какой-либо культурной группы какого-либо важного познавательного процесса — абстракции, умозаключения, категоризации

---

[94] См., например: *Дробижева Л. М.* Социально-культурные особенности личности и национальные установки. — СЭ, 1971, № 3; Социальное и национальное. Опыт этносоциологических исследований по материалам Татарской АССР. М., 1973; *Сусоколов А. А.* Непосредственное межэтническое общение и установки на межличностные контакты. — СЭ, 1973, № 5; *Дробижева Л. М.* Об изучении социально-психологических аспектов национальных отношений. — СЭ, 1974, № 4; *Клементьев Е. И.* Национально-культурные ориентации казанского городского населения. — СЭ, 1976, № 3; *Старовойтова Г. В.* К исследованию этнопсихологии городских жителей; по материалам опроса трех городов Татарской АССР. — СЭ, 1976, № 3; *Арутюнян Ю. В.* Этносоциальные аспекты интернационализации образа жизни. — СЭ, 1979, № 2; Опыт этносоциологического исследования образа жизни. По материалам Молдавской ССР. М., 1980; *Дробижева Л. М.* Духовная общность народов СССР. Историко-социологический очерк межнациональных отношений. М.: Мысль, 1981.

[95] Так, десять лет тому назад определили состояние изученности национального характера В. И. Козлов и Г. В. Шелепов (*Козлов В. И., Шелепов Г. В.* «Национальный характер» и проблемы его исследования, с. 82).

[96] В частности, в нашей литературе наряду с уже отмечавшимся отрицанием этнических (национальных) особенностей психики в целом, в том числе и в сфере мышления, можно встретить и безоговорочное признание того, что «особенности этноса проявляются и в процессе *мышления*» (*Душков Б. А.* Актуальные проблемы этнической психологии. — Психологический журнал, 1981, т. 2, № 5, с. 47 (курсив автора. — *Ю. Б*). С другой стороны, и в современной зарубежной литературе можно встретить утверждение, что «процессы рассуждения и мышления у различных людей в разных культурах не отличаются друг от друга. . . отличаются лишь их ценности, представления и способы классификации» (Цит. по: *Cole M., Gay Y.* Culture and memory. — American Anthropologist, 1971, 74 (5), p. 1066).

и т. п.» [97] Этот вывод принадлежит авторам специального обзора психологической литературы по проблеме соотношения культуры и мышления [98]. Данная работа привлекает внимание не только тем, что она намечает задачи дальнейших исследований по проблеме, но и стремлением ее авторов подчеркнуть слабые стороны проделанных в этой области исследований [99]. Такой весьма критический подход не помешал им все же признать, что хотя применительно к отдельным группам «нельзя говорить об абстрактном или конкретном мышлении в целом» [100], однако операции классификации изменяются определенным образом под воздействием социокультурных факторов; характеризуя же последние, они отмечают, что переход к классификации на основе типологических категорий, традиционно рассматриваемой в психологии как признак абстрактного мышления, особенно ускоряется под влиянием урбанизации и школьного обучения [101].

Один из наиболее дискуссионных аспектов интересующей нас проблемы относится к вопросу о влиянии на мышление таких теснейшим образом сопряженных с ним компонентов культуры, как язык и письменность. В данной связи обращено, в частности, внимание на то, что различные системы письма (например, иероглифическое и фонетическое) вовлекают в процесс их употребления различные зоны коры головного мозга. Специальные исследования дают основание предполагать, что письменность, например, на русском и китайском языках «основана на различных констеляциях мозговых зон» [102].

Интересные экспериментальные данные, касающиеся локализации в человеческом мозгу речевой деятельности, получены в последнее время японским ученым Т. Цунода [103]. В ходе этого эксперимента были обследованы представители нескольких десятков этнических групп (европейских, азиатских и африканских). Полученные материалы показали, что у всех обследованных слоги вызывали доминантность правого уха (соответственно левого полушария), чистые тона — левого уха (соответственно правого полушария). Однако относительно гласных обнаружились межгрупповые различия. Если у представителей подавляющего большинства обследованных групп они вызывали доминантность

---

[97] *Коул М., Скрибнер С.* Культура и мышление. Психологический очерк. М.: Прогресс, 1977, с. 236.

[98] Впервые вышла на англ. яз.: *Cole M., Scribner S.* Culture and Thought. A psychological introduction. New York — London — Sydney — Toronto, 1974.

[99] Такой подход они оправдывают тем, что «в конечном счете плодотворнее направить критику на недостатки нашей науки, чем на предполагаемые недостатки людей, которых мы изучаем» (*Коул М., Скрибнер С.* Культура мышления, с. 210—211).

[100] *Коул М., Скрибнер С.* Культура мышления, с. 146.

[101] *Коул М., Скрибнер С.* Культура мышления, с. 152.

[102] *Лурия А. Р.* Высшие корковые функции человека. М., 1962, с. 64—65.

[103] См.: *Барабин Г.* Родной язык и мозг. Интересное открытие японского экспериментатора. — Курьер ЮНЕСКО, 1982, март, с. 10—13.

левого уха (правого полушария), то у лиц, родным языком которых был японский или один из полинезийских (тонга, восточносамоанский и маори), — правого уха (левого полушария). Было выяснено также, что такого рода различия в характере доминантности вызваны не генетическими факторами, а лингвистической и слуховой средой. В свете всего этого Т. Цунода пришел к выводу, что причина указанных выше различий заключается в общем для японского и полинезийского языков свойстве: присутствии в них большого количества слов, состоящих только из гласных, и слов, состоящих из двух или более гласных и согласных. «В этих богатых гласными языках сами гласные столь же важны в узнавании слов и предложений, как и согласные. В результате гласные звуки обрабатываются в левом, или «речевом», полушарии» [104]. Это в свою очередь позволило выдвинуть предположение, что у «японского типа» доминантности вместе с гласными в левом полушарии обрабатываются также звуки, связанные с эмоциями, «и эта левая доминантность укореняется по мере развития речевой способности». Отсюда общее заключение, что родной язык, дифференцирующий восприятие человеком звуков из окружающей среды, «тесно связан с формированием уникальной культуры и психического склада каждой этнической группы» [105].

В наиболее общей, концентрированной форме проблема влияния языка на мышление получила выражение в гипотезе Сепира—Уорфа, известной так же как теория лингвистической относительности. Исходные положения этой теории, перекликающейся с некоторыми идеями крупного немецкого языковеда В. Гумбольда, были сформулированы американским этнолингвистом Э. Сепиром. Подчеркивая роль языка в осознании людьми действительности, он утверждал, что «реальный мир в значительной степени бессознательно строится на основе языковых норм данной группы». «Мы, — пояснял он этот тезис, — видим, слышим и воспринимаем так или иначе те или другие явления главным образом благодаря тому, что языковые нормы нашего общества предполагают данную форму выражения» [106]. Развивая это положение, американский инженер и исследователь языков индейцев Б. Уорф выдвинул концепцию, согласно которой мы получаем от окружающего нас мира хаотический поток ощущений, приводимый в определенный порядок нашим языком. «Мы, — замечает он в этой связи, — делим на отрезки и осмысляем непрерывный поток явлений именно так, а не иначе в большей степени благодаря тому, что посредством нашего родного языка мы становимся участниками определенного «соглашения», а не потому, что эти явления классифицируются и осмысляются всеми одинаково. Языки различаются не только тем, как они строят предложения, но и тем, как они делят окружающий мир на элементы, которые являются материалом для

---

[104] *Барабин Г.* Родной язык и мозг. . ., с. 11.
[105] *Барабин Г.* Родной язык и мозг. . ., с. 12.
[106] Новое в лингвистике. М.; Л., 1960, вып. 7, с. 135.

построения предложений»[107]. Постулируя обусловленность нашего мышления в широком значении данного слова характером нашего языка, Б. Уорф приходит к принципу лингвистической относительности. Этот принцип, по его словам, «гласит, что сходные физические явления позволяют создать сходную картину вселенной только при сходстве или, по крайней мере, при соотносительности языковых систем»[108].

Абсолютизация данной концепции, как это уже справедливо отмечалось в литературе, неизбежно бы означала: все то, что мы воспринимаем и переживаем, в некотором смысле произвольно[109]. «Оно в таком случае не обязательно связано с внешним миром — оно связано лишь с тем, что в нашей языковой группе принято говорить о внешнем мире. Изучение мира ограничивалось бы только теми явлениями или чертами, которые закодированы в нашем языке, и возможность межкультурного обмена знаниями была бы, если не исключена, то, во всяком случае, весьма ограничена»[110].

Однако в такой крайней форме рассматриваемая гипотеза не подтверждается фактическими данными, хотя сами по себе лингвистические материалы, которыми Б. Уорф иллюстрирует ее положения, представляют определенный интерес. Доказательство того, что разные языки далеко не одинаково классифицируют мир, он видит как в лексике, так и в грамматике. В связи с первой им, в частности, делаются ссылки на тот уже сравнительно давно отмечавшийся факт, что разные языки обладают различным числом слов, обозначающих цвета, и выделяют разные участки цветового спектра. Действительно, четкое отграничение синего и голубого цветов в русском языке посредством двух самостоятельных и независимых друг от друга слов не имеет своего аналога, например, в английском языке. В последнем слово blue является нейтральным как по отношению к синему, так и голубому цвету, и нюансы от синего до голубого выражаются посредством ряда слов, производных от blue (dark blue, light blue, sky blue)[111]. А в языке индейцев камайура (Бразилия) отсутствуют отдельные слова для синего и зеленого цветов: пятна обоих цветов обозначаются одним и тем же словом, значение которого — «цвет попугая»[112]. У народности дани (Папуа — Новая Гвинея) цветовой словарь вообще состоит лишь из двух основных категорий (при-

---

[107] Новое в лингвистике, с. 192. Ср.: *Whorf B. L.* Language, Thought and Reality. Edited and with an intraduction by Yohn B. Carroll. The M. I. T. Press. Massachusetts Institute of Technology. Cambridge, Massachusetts, 1966, p. 240.

[108] Там же, с. 175. Ср.: p. 214.

[109] Именно это в значительной мере сближает гипотезу Сепира-Уорфа с неопозитивизмом (см.: *Брутян Г. А.* Гипотеза Сепира-Уорфа. Ереван: Луйс, 1968, с. 33—39).

[110] *Коул М., Скрибнер С.* Культура и мышление, с. 56—57.

[111] См.: *Брутян Г. А.* Гипотеза Сепира-Уорфа, с. 47—48.

[112] См.: *Werner H.* Comparative psychology of mental development. New York: Science Editions, 1961, p. 216.

близительно «темный» и «светлый») [113]. Подобные различия в словарном фонде языков народов мира касаются самых разнообразных сфер объективной реальности. В этой связи Уорф, например, обратил внимание на то, что в языке индейцев хопи одним и тем же словом обозначаются все летящие предметы, за исключением птиц (насекомое, самолет, летчик и т. п.). И лишь контекст может уточнить, в каком смысле употреблено это слово. В то же время эскимосы пользуются рядом различных слов, обозначающих снег (падающий снег, талый снег, сухой снег). Для нас это кажется излишней детализацией. А ацтеки, как замечает Уорф, «идут еще дальше нас: в их языке «холод», «лед» и «снег» представлены одним и тем же словом с различными окончаниями: «лед» — это существительное, «холод» — прилагательное, а для «снега» употребляется сочетание «ледяная изморозь» [114].

Но, разумеется, отсутствие в каком-нибудь языке отдельных слов для определенных явлений не означает, что говорящие на этом языке люди неспособны выделять эти явления среди остальных. Как справедливо было замечено в данной связи: «Разве американцы неспособны видеть те различия между различными видами снега, которые видят эскимосы?» или разве «хопи не могут с помощью зрения провести различия между летчиком и насекомым?» [115]. Специальные исследования подтвердили это представление и в отношении восприятия цвета. Одним из примеров может служить правильное решение индейцами зуни вопроса о том, разные ли или одинаковые два цвета из оранжево-желтой части цветового спектра, несмотря на то, что в их языке нет слов для обозначения различий в этой части спектра [116].

Особенно большое значение в гипотезе лингвистической относительности придается грамматическим различиям языков народов мира. По словам Б. Уорфа, «грамматика сама формирует мысль, является программой и руководством мыслительной деятельности индивидуума, средством анализа его впечатлений и их синтеза» [117]. Для иллюстрации этого тезиса Б. Уорф сопоставляет английский язык с языком хопи, отмечая, что в первом из них большинство слов распределяется по двум типам: существительные и глаголы. Этот факт языковой действительности он интерпретирует как деление мира на два полюса — на предметы и действия. Иначе обстоит дело в языке хопи, где нет такого строгого деления на существительные и глаголы, где налицо классификация лингвистических единиц, исходящая скорее из длительности события, чем времени его свершения. В языке же индейцев нутка (о-в Ванкувер) все слова больше походят на наши глаголы, там

---

[113] См.: *Коул М., Скрибнер С.* Культура и мышление, с. 66.
[114] Новое в лингвистике, вып. 7, с. 178. Ср. *Whorf B. L.* Language Thought and Reality, p. 216.
[115] *Коул М., Скрибнер С.* Культура и мышление, с. 58.
[116] *Коул М., Скрибнер С.* Культура и мышление, с. 60.
[117] Новое в лингвистике, вып. 1, с. 174. Ср.: *Whorf B. L.* Language Thought and Reality, p. 212—213.

нет деления слов на два класса [118]. Весьма своеобразные грамматические особенности обнаружились в языке индейцев винту (Калифорния). В этом языке глаголы различаются по «степени достоверности»: когда речь идет о событии, известном с чужих слов, то употребляется один глагол; когда же говорит очевидец, то употребляется другой глагол [119].

Все эти факты, представляющие сами по себе несомненный научный интерес, однако не подтверждают те теоретико-познавательные выводы, которые делает Б. Уорф. В данной связи представляется вполне оправданным заключение, что если бы Уорф был прав в том, что восприятие объективной реальности существенно меняется от языка к языку в зависимости от их грамматических особенностей, то в таком случае вряд ли бы ему удалось выразить на английском языке то, как представляется мир через призму языков хопи, путка и др. Ведь в действительности базой для понимания мыслей представителей различных народов является один и тот же логический строй этих мыслей, общечеловеческие законы логики, идентичные формы, в которых реализуется мышление людей независимо от их этнической принадлежности [120]. И отсутствие той или иной грамматической категории в каком-либо языке еще не дает оснований для утверждения, что такого рода «пробел» не восполняется в этом языке каким-то иным способом. В частности, общеизвестно, что далеко не всегда субъект выражается группой подлежащего, а предикат — группой сказуемого [121]. Поэтому, как свидетельствуют приведенные самим е Б. Уорфом материалы, отсутствие, в частности, в языке хопи деления на существительные и глаголы не мешает передаче как субъекта, так и предмета (и субстанции, и действия): только это делается с помощью одного слова (в приведенном им примере — «летящий»).

Таким образом, трудно согласиться с теми положениями гипотезы лингвистической относительности, которые имеют в виду жесткие ограничения, накладываемые языком на познавательные процессы. И все же вряд ли было бы осторожным полностью отрицать саму проблему влияния особенностей языков на мышление соответствующих народов.

Язык отнюдь не является полностью индифферентным средством оформления мыслей и их передачи. Языку принадлежит активная роль в процессе познания: с его помощью не только воспроизводится логическая, мысленная картина окружающей нас действительности, но он вносит в этот исключительно сложный процесс свои своеобразные коррективы, оставляя свой отпечаток на познании [122]. В этой связи, на наш взгляд, заслуживает, в частности, внимания предположение, что наиболее верное решение вопроса

---

[118] См.: *Брутян Г. А.* Гипотеза Сепира-Уорфа, с. 13—14.
[119] См.: *Lee D.* Conceptual implications of an Indian language. — In: Philosophy of Science, 1938, 5, p. 89—102.
[120] См.: *Брутян Г. А.* Гипотеза Сепира-Уорфа, с. 14, 17.
[121] См.: *Брутян Г. А.* Гипотеза Сепира-Уорфа, с. 20.
[122] См.: *Брутян Г. А.* Гипотеза Сепира-Уорфа, с. 41.

о лексических различиях можно сформулировать следующим образом: языки отличаются друг от друга не столько тем, что в них можно выразить, сколько тем, что в них легче выразить [123].

Эта гипотеза получает как будто бы подтверждение в целом ряде психологических экспериментов, касающихся восприятия цвета различными народами в зависимости от цветового словаря их языков. Например, показателен в интересующей нас связи соответствующий сравнительный цветовой анализ, проведенный среди жителей Юкатана (Мексика), говорящих на юкатеке (языке индейцев майя) и испанском (в первом сравнительно мало слов, обозначающих цвета, во втором цветовой словарь довольно обширен). Материалы этого эксперимента явно свидетельствуют о том, что ошибки в узнавании зависят скорее от лингвистического или коммуникативного кода, чем от физических параметров подлежащих узнаванию цветов [124].

Что касается вопроса о влиянии грамматического строя языков на познавательные процессы, то этот весьма сложный вопрос, к сожалению, остается еще слабоизученным. Дело в том, что при его рассмотрении обычно делаются заключения на основе языковых материалов и не используются независимые от языка свидетельства. Иначе говоря, о процессе, по крайней мере двухстороннем, судят на основе односторонних сведений. И все же есть отдельные экспериментальные данные неязыкового характера, свидетельствующие о влиянии грамматики на познавательные процессы. Такие данные, в частности, относятся к индейцам навахо. В их языке формы некоторых глаголов изменяются в зависимости от того, действия с какого рода предметами они обозначают (есть формы глагола, соответствующие круглым тонким предметам, длинным жестким предметам, длинным гибким предметам и т. п.). В ходе эксперимента выяснилось, что хотя обычно ребенок в раннем возрасте классифицирует предметы по цвету, дети, говорящие на навахо, выделят их скорее по форме, чем по цвету. Впрочем, речь идет, разумеется, лишь о влиянии грамматических особенностей на предпочтение одних характерных форм существования тех или иных явлений другим, но не вообще об абсолютном игнорировании последних [125].

Нельзя также не учитывать, что язык может благоприятствовать или не благоприятствовать выражению определенных мыслей, концепций, в том числе философских систем, хотя, разумеется, не может быть причиной их возникновения. Язык, сформировавшийся в условиях богатых научных традиций и соответственно располагающий развитой терминологией, естественно, обладает определенными преимуществами в выражении специальных зна-

---

[123] См.: *Hockeff C.* Chinise versus English: on exploration of the Whorfian themes. — In: *Hoijer H.* (Ed.). Language in culture. Chicago: University of Chicago Press, 1954, p. 122.

[124] См.: *Коул М., Скрибнер С.* Культура и мышление, с. 64, а также с. 66—67.

[125] *Коул М., Скрибнер С.* Культура и мышление, с. 68—70.

ний по сравнению с языком, не имеющим таких традиций. Если неверно полагать, что Кант на китайском языке создал бы совершенно иную философскую систему, то нельзя отрицать и того, что китайский, немецкий и эскимосские языки не находятся в совершенно одинаковых условиях для создания подобных концепций. Ошибочно думать, что он мог бы изложить свои философские взгляды на эскимосском языке ничуть не хуже, чем на немецком. Ведь немецкий к тому времени обладал сложной и развитой философской терминологией, сделавшей его удобным для отвлеченных рассуждений [126].

Следует также иметь в виду, что само языковое оформление мысли нередко несет некую «дополнительную» информацию по сравнению с той, которую содержит сама мысль [127]. Это может быть, в частности, проиллюстрировано на примере «оформления» понятия «кит» в немецком языке, в котором для его обозначения используется слово «Walfisch», состоящее из двух морфем «Wal» и «fisch»; первое из них значит «кит», второе — «рыба» (ср. в русском фольклоре «рыба-кит»). Таким образом, хотя кит — млекопитающее, «очевидно, что говорящий на немецком языке, в особенности впервые употребляющий слово Walfisch может связать понятия кита с представлением о рыбе. Во всяком случае такая возможность в связи с языковым оформлением не исключается» [128]. Другим примером может служить обозначение в разных языках цветка, именуемого в русском языке «подснежником», в немецком — «Schneeglockchen», в английском — «snowdrop», во французском — «perce-niege». Этимология этого слова связана в русском языке с его ранним появлением весной (под снегом) обозначаемого им цветка, т. е. название обращает внимание на фактор времени; в немецком означает «снежный колокольчик», указывая на его форму («колокольчик»); в основе английского названия «snowdrop» (снежная капля) лежит совсем другой внешний при-

---

[126] См.: *Ахманова О. С.* Очерки по общей и русской лексикологии. М.: Учпедгиз, 1957, с. 51; *Брутян Г. А.* Гипотеза Сепира-Уорфа, с. 58—60.

[127] Впрочем, такая дополнительная информация может иметь одинаковый характер в разных языках. В этом отношении небезынтересны наблюдения, касающиеся так называемых лингвистических универсалий. Выяснено, например, что некоторые слова, как правило, сочетаются скорее с одними зрительными образами, чем с другими (вербально-зрительная синестезия). Так, по данным обследования, проведенного среди мексиканцев, индейцев навахо, англичан и японцев, слово «счастливый» сочетается со стрелой, направленной вверх, а не вниз (*Osgood C. E.* The cross-culture generality of visual-verbal synesthetic tendencies. — Behavior Science, 1960, 5, p. 146—169). Не менее любопытны наблюдения, полученные при изучении такого явления, как соответствие между звуковой формой слова и его значением (фонетический символизм). В частности, замечено, что значение некоторых антонимов (тяжелый — легкий, теплый — холодный) в ряде языков связано с их звучанием, например, когда испытуемым, не знающим китайского языка, называли китайские слова ch'ing и ch'ung и сообщали, что одно из них означает «легкий», а другое — «тяжелый», то они склонны были правильно отвечать, что ch'ing — легкий (См.: *Коул М., Скрибнер С.* Культура и мышление, с. 72—76).

[128] *Брутян Г. А.* Концепция Сепира-Уорфа, с. 42.

знак — капля; французское название — «perce-niege» (просверливающий снег или пробивающий снег) ассоциируется с движением [129]. Хотя все эти наименования подснежника имеют в виду одну и ту же качественную определенность, однако, помимо этого, говорящий на русском языке сообщает дополнительное сведение о времени появления этого цветка, на немецком и английском языках — о его форме, на французском языке — о способе его появления [130]. Таким образом, в этом, как и во многих других случаях, лингвистическое представление, возникшее имманентно, по внутренним законам развития данного языка, дополняет наше познание действительности, непосредственно основывающееся на чувственном ее восприятии [131]. Хотя такого рода дополнения играют периферийную роль в познании, тем не менее они выступают как побочный источник осмысления реальности [132].

Итак, с одной стороны, очевидна неправомерность утверждения, будто язык налагает жесткие ограничения на познавательные процессы, с другой — вряд ли можно отрицать сам факт его «фильтрующего» влияния на эти процессы [133]. Вместе с тем многие аспекты такого влияния, видимо, все еще остаются недостаточно раскрытыми, и задача их изучения с целью углубления наших представлений о реальных проявлениях этнических особенностей психики представляется весьма актуальной [134].

Более прост вопрос о наличии этнической специфики в содержании обыденного сознания. Это прежде всего относится к так называемым «значениям» — стереотипам, фиксирующим типичные для членов этноса «понятия», «знания», «умения», «нормы поведения» [135]. Представляя «пограничную» зону общественного сознания (на его обыденном уровне) и бытовой культуры, эти стереотипы выполняют важную функцию в воссоздании типичных для каж-

---

129 См.: *Будагов Р. А.* Введение в науку о языке. М.: Учпедгиз, 1958, с. 62—63.

130 См.: *Брутян Г. А.* Концепция Сепира-Уорфа, с. 44—47.

131 *Брутян Г. А.* Концепция Сепира-Уорфа, с. 47.

132 Данное обстоятельство послужило основанием для выдвижения Г. А. Брутяном принципа лингвистической дополнительности. Согласно этому принципу, «вербальный мир в целом совпадает с мыслительным миром, выступает как словесный фон понятийного отражения, а там, где нет совпадения, дополняет логическое воспроизведение картины вселенной» (*Брутян Г. А.* Гипотеза Сепира-Уорфа, с. 58). Впрочем, на наш взгляд, точнее говорить о взаимном (двустороннем) дополнении языка и мышления, ибо не только язык дополняет мышление, но и мышление (в частности, в образной форме) содержит информацию, отсутствующую в языке.

133 В свою очередь не следует забывать, что сами особенности языка во многом обусловлены культурой в широком значении слова. В этой связи небезынтересно отметить, что, например, в языке зулусов, у которых эстетическим идеалом является не угловой, а круглый стиль, есть слово «круглый», но нет слова «квадратный» (см.: *Коул М.*, *Скрибнер С.* Культура и мышление, с. 101—102).

134 Ср.: *Дашдамиров А. Ф.* Нация и личность. Баку: Элм., 1976, с. 115; *Коул М.*, *Скрибнер С.* Культура и мышление, с. 77—80.

135 См.: *Леонтьев А. Н.* Проблемы развития психики. М., 1965, с. 287—289.

дого этноса свойств. Утрата (или приобретение) его членами какого-либо стереотипа-значения неизбежно влечет за собой определенное изменение этих свойств. Важное место в системе стереотипов-значений занимают представления человека об окружающей действительности, себе самом, своих отношениях с этой действительностью и окружающими людьми, т. е. так называемые модели мира. Они, в частности, включают в себя усвоенные в процессе социализации знания и убеждения, к которым человек апеллирует как к истинным и объективным. Модели мира имеют стабильные центральные ядра, которые во многих случаях не изменяются, даже несмотря на их явную несогласованность с требованиями среды. Такие ядра формируются в основном на ранних этапах социализации, в детстве [136].

В своей совокупности стереотипы-значения составляют обыденный уровень общественного сознания этноса, так сказать, его общее сознание. Было бы, однако, упрощением полагать, будто оно представляет простую сумму индивидуального сознания членов этноса. Ведь в их обыденном сознании далеко не все является общим. Более того, свои специфические знания, понятия, умения и «значения» имеют не только отдельные индивиды, но и существующие внутри этноса социальные группы, в первую очередь классы. Классово-оценочное отношение к действительности имеет место во всех сферах общественного сознания (этнических, эстетических, религиозных и т. д.). Идеология же целиком определяется классовым сознанием [137]. Нет никаких оснований для абсолютизации единства общественного сознания этносов классово-антагонистических формаций. Но в то же время, очевидно, было бы противоположной крайностью полностью отрицать наличие определенной общности стереотипов-значений в масштабах этнических образований в целом. Впрочем, в теоретическом плане в данном случае имеет место почти полная аналогия с вопросом об общности культуры и психического склада этнических подразделений, и здесь, видимо, нет необходимости повторять соответствующие соображения.

Одна из характерных особенностей общего обыденного сознания этноса — наличие в нем, как и в обыденном сознании каждого человека, слоя, сформировавшегося безотчетно-стихийно. Этот слой охватывает всю сферу приобретенных, привитых воспитанием и внушаемых в данной этнической сфере представлений, взглядов, привычек и норм поведения, слабо контролируемых или совсем не контролируемых разумом [138]. И этот «внеопытный» слой

---

[136] См.: *Иванов В. В.* Роль семиотики в кибернетическом исследовании человека и коллектива. — В кн.: Логическая структура научного знания. М., 1965, с. 75—90.

[137] См.: *Калтахчян С. Т.* Ленинизм о сущности нации и пути образования интернациональной общности людей, с. 266—267.

[138] Кстати сказать, существует мнение, что на бессознательном уровне перерабатывается в секунду 10^9 битов информации, а на сознательном — 10^2. (См.: *Спиркин А. Г.* Сознание и самосознание. М.: Госполитиздат, 1972, с. 75).

общественного сознания присущ ие только первобытным, но и всем современным развитым народам, хотя, конечно, нельзя отрицать, что чем ниже развитие производительных сил, чем ниже общий культурный уровень народа, тем больше тот сектор сознания, что формируется безотчетно-стихийно [139].

Следует также не забывать, что этнические особенности психики представляют собой разновидность социально-психологических явлений, основным источником которых выступают общественные связи и отношения [140]. Как уже говорилось, подобные особенности не сводятся лишь к наличию общих специфических черт в индивидуальной психике членов этноса. В формировании этих особенностей, в частности, немалая роль принадлежит таким специфическим социально-психологическим механизмам как внушение, подражание и взаимозаражение.

Однако психика не существует вне людей, и, стало быть, конкретными носителями всех ее этнических особенностей, в том числе «надындивидуальных», являются члены этнической общности. В силу этого особый круг проблем этнопсихологии связан с рассмотрением личности в контексте этнической (национальной) группы. Одна из них — детерминированность этнической специфики психики индивида его принадлежностью к определенной этнической общности, что и предопределяет усвоение им (в ходе социализации) присущих данной общности традиционных форм психической деятельности. Такого рода формами и обусловлено внешнее различие в поведении, реакциях людей разной этнической принадлежности по одному и тому же поводу. Горе или сострадание, радость или огорчение часто неотделимы от своеобразной формы выражения, в какой эти чувства переживаются представителями различных этнических групп. Эти формы кажутся самопроизвольными, ибо они стихийно воспринимаются от старших поколений как естественные образцы поведения и выражения эмоций, которым невольно следуют во всех соответствующих ситуациях. Это, разумеется, не значит, что подобные этнопсихологические различия не осознаются [141]. Однако вопрос об их осознании уже выходит за рамки данного очерка, ограниченного преимущественно рассмотрением тех этнических черт, которые либо остаются за пределами сознания, либо хотя и проявляются в его сфере, однако обычно не осознаются как таковые. Это те выражения этнических черт психики, которые относятся преимущественно к форме ее состояний и процессов. Что касается осознанных проявлений этнических функций психики, относящихся не столько к ее форме, сколько к содержанию, то основному аспекту этой проблемы — этническому самосознанию посвящается следующий очерк.

---

[139] Ср.: *Токарев С. А.* Проблемы общественного сознания доклассовой эпохи. — В кн.: Охотники, собиратели, рыболовы. Л., 1972, с. 277.

[140] См.: *Уледов А. К.* Актуальные проблемы социальной психологии. М.: Мысль, 1981, с. 54.

[141] *Дашдамиров А. Ф.* Социально-психологические проблемы. . ., с. 6—7; см. также: *Дашдамиров А. Ф.* Нация и личность, с. 76—82.

Очерк седьмой

ЭТНИЧЕСКОЕ САМОСОЗНАНИЕ — НЕОТЪЕМЛЕМЫЙ КОМПОНЕНТ ЭТНОСА

В функционировании этносов важная роль принадлежит осознанию членами каждого из них своей специфической общности, т. е. этническому самосознанию, именуемому применительно к национальным общностям (в том числе обычно и к нациям) «национальным самосознанием» [1].

Осознание отдельными типами этнических общностей собственного бытия уже давно отмечалось в марксистской литературе. В частности, К. Маркс и Ф. Энгельс в этой связи указывали на существование как «племенного», так и «национального» сознания [2]. Понятие «национальное самосознание» неоднократно использовалось В. И. Лениным при рассмотрении национального вопроса [3]. Пользовалась этим понятием и наша социологическая литература в начале 20-х годов, хотя его содержание не подвергалось сколько-нибудь специальному теоретическому осмыслению. Правда, в последующие годы понятие «национальное самосознание» перестает употребляться в нашей литературе [4], но уже в конце 40-х годов оно появляется в ней вновь [5]. Вскоре было введено в научный обиход и общее для всех типов этнических общностей понятие «этническое самосознание». Основная заслуга в этом принадлежит П. И. Кушнеру, подчеркнувшему особое значение «этнического самосознания» как этнического определителя [6].

Несколько позднее Н. Н. Чебоксаров включил этническое самосознание в число этнических признаков [7]. Вслед за тем В. И. Козлов пошел еще дальше, выдвинув этническое самосозна-

---

[1] При этом, разумеется, речь не идет о полном отождествлении понятий «этническое» и «национальное» самосознание (ср.: *Куличенко М. М.* Расцвет и сближение наций в СССР. Проблемы теории и методологии. М.: Мысль, 1981, с. 98—99), ибо, как нам уже не раз приходилось отмечать, сами понятия «этническое» и «национальное», хотя и однопорядковые, однако далеко не однозначные и не во всех своих значениях полностью совпадающие друг с другом (см.: *Бромлей Ю. В.* Современные проблемы этнографии (очерки теории и истории). М., 1981, с. 329).

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 7, с. 602; т. 3, с. 30; т. 8, с. 54; т. 9, с. 8; т. 41, с. 129, 130.

[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 27, с. 419.

[4] См.: *Агаев А. Г.* Социалистический интернационализм, национальное самосознание и патриотизм. — В кн.: Теоретические вопросы интернационализма. М., 1968, вып. 1, с. 150.

[5] *Мавродин В.* Формирование русской нации. М., 1947, с. 25.

[6] *Кушнер П. И.* (*Кнышев*). Национальное самосознание как этнический определитель. — Краткие сообщения Ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, 1949, VIII, с. 3; *Он же.* Этнические территории и этнические границы. — Тр. Ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М., 1951, нов. серия, т. XV, с. 56.

[7] *Чебоксаров Н. Н.* Проблемы происхождения древних и современных народов. М., 1964, с. 5.

ние на первое место среди признаков этноса [8]. Эта точка зрения была поддержана Г. В. Шелеповым [9]. В целом в 60-е годы представление об этническом (или национальном) самосознании как о само собой разумеющемся компоненте этноса (resp. — нации) в той или иной форме получило в нашей научной литературе довольно широкое признание [10]. В частности, в пользу включения национального самосознания в число признаков нации высказалась и значительная часть участников дискуссии, проводившейся в конце 60-х годов журналом «Вопросы истории» по теории нации [11].

Однако в итоговой статье по этой дискуссии данная точка зрения не получила поддержки. При этом сделана ссылка на то, что «самосознание этнической принадлежности», так же как и «национальное самосознание», не может служить одним из основных признаков нации, так как оно является субъективным отражением в сознании человека объективного факта существования нации [12]. Между тем это соображение, высказанное всего лишь одним из участников дискуссии [13], было оспорено еще до подведения ее итогов. В частности, было отмечено, что «подобное возражение было бы основательным лишь в случае, если бы национальное самосознание понималось как самодовлеющий фактор, нечто первичное, не имеющее своей объективной стороны» [14]. Это, так сказать, теоретический аспект проблемы. Но главное, конечно, в практике — реальном значении этнического самосознания для существования этноса. А в этой связи достаточно напомнить тот общеизвестный факт, что появление у людей (как у отдельного человека, так и группы) нового этнического самосознания, как правило, означает (отражает) их принадлежность уже к новому этносу.

Весьма показательно, что в последние годы, несмотря на не-

---

[8] *Козлов В. И.* О понятии этнической общности. — СЭ, 1967, № 2, с. 111; *Он же.* Динамика численности народов. М., 1969, с. 56.

[9] *Шелепов Г. В.* Общность происхождения — признак этнической общности. — СЭ, 1967, № 2, с. 71.

[10] *Агаев А. Г.* К вопросу о теории народности. Махачкала, 1965; *Филатов В. Н.* Интернационализм, патриотизм и сознание этнической принадлежности. — В кн.: Теоретические вопросы социалистического интернационализма. М., 1968, вып. 1, с. 156—165; *Калтахчян С. Т.* Ленинизм о сущности нации и пути образования интернациональной общности людей. М., 1969, с. 262—302.

[11] *Рогачев П. М., Свердлин М. А.* О понятии «нация». — ВИ, 1966, № 1; *Джунусов М. С.* Нация как социально-экономическая общность людей. — ВИ, 1966, № 4; *Калтахчян С. Т.* К вопросу о понятии «нация». — ВИ, 1966, № 6; *Тавакелян Н. А.* Некоторые вопросы понятия «нация». — ВИ, 1966, № 12; *Кузьменков П. И.* (см. подборку выступлений «О понятии «нация». — ВИ, 1966, № 12); *Козлов В. И.* Некоторые проблемы теории нации. — ВИ, 1967, № 1; *Агаев А. Г.* Нация, ее сущность и самосознание. — ВИ, 1967, № 7.

[12] К итогам дискуссии по некоторым проблемам теории нации. — Вопросы истории. 1970, № 8, с. 94—95.

[13] *Цемерян И. П.* Актуальные вопросы марксистско-ленинской теории нации. — ВИ, 1967, № 6, с. 111.

[14] *Калтахчян С. Т.* Ленинизм о сущности нации и пути образования интернациональной общности людей, с. 263.

гативную позицию упомянутой итоговой статьи «Вопросов истории», представление о том, что национальное (resp. — этническое) самосознание (или сознание) является важнейшей чертой нации (resp. этноса), в нашей научной литературе получает все более широкое распространение, притом не только среди этнографов, но и среди представителей других обществоведческих дисциплин [15]. Правда, в определении содержания самих понятий «этническое самосознание», «этническое сознание», «национальное самосознание», «национальное сознание», как и в трактовке их соотношения, наблюдается значительный разнобой. Но это легко объясняется как сложностью обозначаемых данными терминами явлений, так и тем, что они долгое время оставались вне поля зрения наших исследователей и пока приведены лишь самые предварительные соображения [16]. Сказываются также расхождения в трактовке таких исходных в данном случае понятий, как «нация» и «этнос», с одной стороны, «самосознание» и «сознание», с другой. Особенно это относится к первым двум понятиям. В частности, весьма отчетливо проявляется тенденция считать этническое самосознание частью национального самосознания [17]. Между тем решение этого вопроса во многом зависит от того, в каком плане он рассматривается. Например, если имеется в виду стадиальный аспект, то национальное представляет часть этнического, охватывающего все стадиальные разновидности этнических общностей — от племени до нации [18]. Если же речь идет о структурном плане, то данный вопрос может трактоваться, по крайней мере, двояко в силу неоднозначности прилагательного «национальный», которое, в частности, может рассматриваться как производное и от слова «нация» (широкое значение) и от слова «национальность» (узкое значение). При этом узкое значение «национального» при употреблении его в одном ряду с этническим явно предпочтительнее, поскольку такое значение — основное для последнего.

Что касается соотношения понятий «сознание» и «самосознание», то в интересующей нас связи существенно учитывать, что если самосознание «есть знание человека о самом себе», то сознание в значительной мере «есть знание о другом» [19]. Очевидно, это относится и к общественным формам выражения самосознания и сознания: в первом случае — знание о своей общности, во втором — также о других.

---

[15] См., например: *Хабибулин К. Н.* Самосознание и интернациональная ответственность социалистических наций. Учебное пособие. Пермь, 1974, с. 21 (здесь же дан критический обзор зарубежной литературы по проблемам этнического самосознания: с. 10—18, 27, 43); *Глейзерман Г. Е.* Классы и нации. М., 1974, изд. 2, с. 19; *Дашдамиров А. Ф.* Нация и личность. Баку: ЭЛМ, 1976, с. 71 и сл.; *Куличенко М. И.* Расцвет и сближение наций в СССР. Проблемы теории и методологии. М.: Мысль, 1981, с. 79 и сл.

[16] Обзор точек зрения см.: *Куличенко М. И.* Расцвет и сближение. . ., с. 86—101.

[17] См.: *Куличенко М. И.* Расцвет и сближение. . ., с. 99.

[18] См. выше, с. 68.

[19] *Спиркин А. Г.* Сознание и самосознание. М.: Политиздат, 1972, с. 141—142.

Этнические общности, как уже говорилось, принадлежат к тем совокупностям людей, для которых самосознание выступает непременным компонентом — без самосознания нет этнической общности. Это, судя по всему, и служит одним из главных оснований для распространенного в нашей литературе последних лет представления, что именно самосознание, а не сознание вообще должно в первую очередь рассматриваться в качестве отличительной черты этнических общностей.

Характеризуя этническое (национальное) самосознание, обычно прежде всего отмечают, что оно фиксирует (возможными способами) принадлежность людей к определенному этносу [20]. Это совершенно верно, если иметь в виду в данной связи этническое самосознание личности. Однако справедливо обращено внимание на то, что если речь идет об этнической общности в целом, то подобная трактовка основного содержания этнического самосознания оказывается неприемлемой, ибо осознание своей принадлежности к какой-либо группе может быть свойственно не в целом таковой, а лишь ее частям или отдельным людям [21].

Одним словом, следует различать этническое самосознание личности и самосознание этнической общности [22]. Но даже первое, на наш взгляд, нет оснований сводить лишь к осознанию этнической (национальной) принадлежности. Ведь самосознание есть осознание человеком своих действий, чувств, мыслей, мотивов поведения, интересов [23]. Что касается самосознания этнической общности, то своеобразным эквивалентом этнической принадлежности в нем выступает, на наш взгляд, представление об определенной идентичности всех ее членов. Но этим самосознание этнической общности не исчерпывается. Оно содержит также представления о типичных чертах «своей» общности: ее свойствах и достижениях как целого. С этими представлениями теснейшим образом сопряжено осознание этнических интересов. Будучи разновидностью групповых интересов, они выражают потребности существования и развития данной этнической общности как целостного образования. В условиях антагонистического классового общества этнические (национальные) интересы выступают как результат сложного взаимодействия разнородных классово-обусловленных представлений об этих интересах [24]. В таких условиях лишь передовые представители этнической (национальной) общности способны подняться до осознания ее подлинных общих инте-

---

[20] При этом такая принадлежность нередко рассматривается не только главным, но и чуть ли не единственным признаком этнического самосознания (см., например: *Козлов В. И.* Проблемы этнического самосознания и ее место в теории этноса. — СЭ, 1974, № 2, с. 79 и сл.).

[21] См.: *Дашдамиров А. Ф.* Нация и личность, с. 137.

[22] Кроме того, этническое самосознание проявляется и на групповом уровне, внутри этнических общностей (см. *Хабибулин К. Н.* Самосознание и национальная ответственность. . ., с. 56).

[23] См.: «Самосознание» — Философская энциклопедия, т. 4, с. 552.

[24] См.: *Дашдамиров А. Ф.* Нация и личность, с. 87—89.

ресов [25]. И это обстоятельство чрезвычайно важно иметь в виду, ибо оно означает, что самосознание этнической общности может быть выражено в концентрированной форме отдельными ее представителями. А это в свою очередь дает основание полагать, что для признания факта существования этноса как такового совсем не обязательно, чтобы все его члены обладали соответствующим этническим самосознанием — достаточно «концентрированного» выражения этого самосознания. Вместе с тем следует иметь в виду, что гипертрофированное ориентирование этнической (национальной) общности на специфические ее потребности неизбежно ведет к национализму.

В отличие от этнического самосознания личности самосознание этнической общности (подобно всем формам общественного сознания) существует не только на уровне индивида, но и надличностно, в том числе в объективированных массовых формах общественного сознания: в языке, в произведениях народного творчества и профессионального искусства, научной литературе, нормах морали и права и т. п.[26] Однако самосознание этнической общности (подобно любому виду общественного сознания) как функционирующая реальность проявляется лишь будучи актуализированным мышлением отдельных людей [27]. Одним словом, было бы недостаточно корректно не только полностью отождествлять самосознание этнической общности и этническое самосознание личности, но и абсолютизировать их различия. У этих уровней этнического самосознания несомненно преобладают общие черты, рассмотрение которых, однако, на данном (фактически начальном) этапе разработки проблемы у нас, видимо, нет достаточного основания в целом расщеплять на личный и групповой уровни.

Прежде всего как на уровне личности, так и на уровне общности суждения о свойствах своего этноса неразрывно связаны с представлениями о характерных чертах других этнических образований и их членов. К этническому самосознанию полностью относится замечание К. Маркса о том, что поскольку человек «родится без зеркала в руках и не фихтеанским философом: «Я есмь я», то человек сначала смотрится, как в зеркало, в другого человека» [28]. И все же, несмотря на сопряженность этнического самосознания с теми компонентами обыденного сознания этноса, которые выражают отношение к другим этническим общностям, было бы, видимо, некоторым упрощением причисление самих представлений о них целиком к сфере самосознания [29]. В этой

---

[25] См.: *Спиркин А. Г.* Сознание и самосознание, с. 169.
[26] *Спиркин А. Г.* Сознание и самосознание, с. 125—126.
[27] *Спиркин А. Г.* Сознание и самосознание, с. 126.
[28] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 23, с. 62.
[29] Ведь в таком случае окажутся стертыми грани между этническим самосознанием и этническим сознанием. Это обстоятельство явно не учитывают сторонники отнесения к самосознанию самих представлений о других народах (см., например: *Хабибулин К. Н.* Самосознание и интернациональная ответственность. . ., с. 52—54).

связи привлекает внимание употребление термина «национальное сознание» [30] в значении более широком, чем «национальное самосознание» [31]. Вопрос этот, однако, нуждается еще в дальнейшей разработке. Прежде всего, как уже отчасти отмечалось, необходимо терминологически разграничить узкое и широкое значение формулы «национальное сознание». Однако узкое значение этого термина оставляет за его рамками отражение в данной разновидности сознания тех признаков нации, которые не имеют собственно этнического характера, что, разумеется, не имеет достаточных оснований. Употребление же термина «национальное сознание» только в широком значении было бы также неоправдано, ибо при строгом подходе в этом случае исключается возможность говорить о национальном сознании таких общностей, как национальности (например, национальном сознании болгар в СССР, мексиканцев в США, японцев в Бразилии и т. п.).

Поскольку при употреблении термина «национальное сознание» в узком значении он, как мы знаем, выступает в качестве однопорядкового термину «этническое сознание», постольку представляется целесообразным именовать его «этнонациональным сознанием» [32]. Что касается выделения широкого значения термина «национальное сознание», то весьма заманчиво для этой цели использовать термин «сознание нации», однако обозначаемое им понятие, как справедливо отмечалось в нашей литературе, «по своему точному смыслу не может быть истолковано иначе, кроме как все ее общественное сознание» [33]. Поэтому для выделения в необходимых случаях широкого значения термина «национальное сознание» предлагается использовать формулу «этносоциальное сознание нации»; хотя она и несколько громоздка, однако достаточно отчетливо отражает основные аспекты содержания интересующего нас феномена (впрочем, можно просто ограничиться прямым указанием на то, что речь идет о широком значении рассматриваемого термина).

Рассматривая структуру национального сознания в широком смысле слова, в принципе можно согласиться с общей ее характеристикой, включающей в таковое, помимо соответствующего самосознания, «осознание всей среды, в которой нация живет и развивается, в том числе всех сфер взаимоотношений с другими народами» [34]. Впрочем, одновременно предпринимались попытки и более детального определения элементов, входящих в структуру национального сознания [35] (в широком значении слова). При этом

---

[30] Не следует смешивать с общим сознанием национальности (нации).

[31] См.: *Куличенко М. И.* Марксистско-ленинское учение по национальному вопросу и современность. М., 1972, с. 15—17.

[32] См.: *Бромлей Ю. В.* Современные проблемы этнографии (очерки теории и истории). М., 1981, с. 40.

[33] *Куличенко М. И.* Расцвет и сближение наций в СССР, с. 88.

[34] *Куличенко М. И.* Расцвет и сближение наций в СССР, с. 95.

[35] Подробнее см.: *Хабибулин К. М.* Самосознание и интернациональная ответственность. . ., с. 54—56.

в него, например, предложено включать «национальное самосознание; этническое сознание и самосознание; осознанное отношение к материальным и духовным ценностям нации; осознание жизненных способностей к самостоятельному национально-историческому творчеству; осознание нацией необходимости своего сплочения для осуществления своих национальных интересов; осознание всех сторон взаимоотношений своей нации со всеми другими народами» [36]. Несомненно продвигая решение вопроса относительно структуры национального сознания, попытка эта все же не вполне совершенна. В частности, вряд ли правомерно вычленение этнического самосознания из национального (в результате национальное самосознание оказалось полностью лишенным этнического содержания). К тому же, как мы увидим ниже, большинство из указанных здесь элементов национального сознания скорее следует отнести к национальному самосознанию (самосознанию нации). Вместе с тем привлекает внимание имеющаяся в нашей литературе общая констатация того, что «национальному сознанию присуща известная универсальность отражения национального быта, поскольку оно органически связано со всеми формами общественной деятельности данного национального формирования» [37]. В соответствии с этим в национальном сознании выделяется политическая, моральная, эстетическая, религиозная, философская формы отражения, осознания национального бытия [38]. Вероятно, правомерно также разграничение в национальном сознании, как и в любой разновидности группового сознания, двух неразрывно связанных уровней, идеологического, выступающего в виде систематизированных взглядов, и социально-психологического, состоящего из различных форм обыденного сознания.

Следует иметь в виду и то, что в структуру сознания, как известно, органически вплетены эмоции. Соответственно как с национальным сознанием в широком значении слова, так и в целом с собственно этническим сознанием теснейшим образом сопряжены все разновидности эмоций. Притом проявляются они в общечеловеческих чувствах (любви, гордости, ненависти и т. д.), выражая эмоциональное отношение к этнической действительности (и свойствам как своего, так и других этносов) [39]. Как подчеркивал В. И. Ленин, из всех социальных чувств национальное чувство самое тонкое и ранимое. Он неоднократно указывал на необходимость внимательного отношения к этим чувствам, учета их в политической и идеологической работе; особо отмечалась им значимость чувства национальной гордости [40]. Нередко этническое

---

[36] *Куличенко М. И.* Расцвет и сближение наций в СССР, с. 92

[37] *Дашдамиров А. Ф.* Нация и личность, с. 135.

[38] *Дашдамиров А. Ф.* Нация и личность, с. 135.

[39] См.: *Бахарева П. В.* Социально-психологическое изучение национальных особенностей. — В кн.: Социальная психология. История. Теория. Эмпирические исследования. — Л.: Изд. Ленинградск. ун-та, 1979. с. 223; *Душков Б. А.* Актуальные проблемы этнической психологии. — Психологический журнал, 1981, т. 2, № 5, с. 48—49.

[40] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 107—108; т. 41, с. 167—168.

(национальное) сознание окрашено определенными настроениями. Ф. Энгельс, характеризуя ирландский фольклор, в частности, отмечал, что «глубокая грусть, пронизывающая большинство этих напевов, является и по сей день выражением национального настроения» [41].

Но сколь ни существенна для этнического сознания эмоциональная форма его выражения, все же представляется достаточно очевидным, что одним из важнейших его компонентов является этническое самосознание. Оно выступает в качестве непременного условия функционирования каждого этноса. Поэтому представляется необходимым уделить особое внимание рассмотрению структуры, внутреннего механизма и объективных оснований этнического самосознания.

Наглядным внешним выражением этнического самосознани как на личностном уровне, так и на уровне этнической общности в целом является этноним [42]. Само наличие такого наименования свидетельствует об осознанности членами этноса их особого единства и отличия от членов других подобных общностей. Для каждого из таких единств, больших и малых, наименование является фактором, объединяющим внутри и различающим вовне [43]. Вместе с тем этнонимы нередко выражают некую характеристику называемых; содержащиеся в них оценки не всегда справедливы, но всегда исторически обусловлены. Этнонимы выполняют и идеологические функции, служа подчас лозунгом, знаменем [44].

Символизируя в целом этнос, этноним обычно выступает одним из наиболее наглядных этнических признаков. И все же не следует его абсолютизировать. Показательно, например, что один и тот же этнос, помимо этнонима-самоназвания (эндоэтнонима), может иметь различные наименования, даваемые ему представителями других этнических единиц (экзоэтнонимы). Приложение одновременно нескольких этнонимов к одной и той же группе людей может быть обусловлено также иерархической структурой тех этнических образований, в которые она входит, а соответственно и неоднозначностью ее этнического самосознания. Следует также иметь в виду, что подчас один и тот же этноним может употребляться для обозначения нескольких разных этносов [45].

Необходимо учитывать и то, что для целостности «малых» («первичных») групп, члены которых находятся в непосредственных контактах, общие внешние символы, в том числе самоназвание, не имеют особого значения. Поэтому в архаических обществах небольшие социокультурные общности, обладающие относительной самостоятельностью, подчас либо вообще не имеют само-

---

[41] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 16, с. 526.

[42] Об отличии этнонимов от других групповых наименований (топонимов, лингвонимов, конфессионимов, политонимов) см. выше, с. 46—47.

[43] *Никонов В. А.* Этнонимия. — В кн.: Этнонимы. М., 1970, с. 5.

[44] *Никонов В. А.* Этнонимия, с. 3.

[45] См.: *Гумилев Л. Н.* О термине «этнос». — В кн.: Доклады отделений и комиссий Географического общества СССР. Л., 1967, вып. 3, с. 8—10.

названия, либо, если и имеют его, то в очень неотчетливой форме [46]. Но это не исключает наличия у подобной группы самого осознания общности, что и дает основание для отнесения ее в таком случае к категории этнических образований.

Как правило, конкретное определение человеком своей этнической принадлежности осуществляется путем принятия им этнонима своих родителей. Дети, имеющие родителей, относящихся к разным этносам, принимают обычно этническую принадлежность одного из родителей. И этот выбор зависит от самых различных обстоятельств: политических, социально-экономических, семейно-правовых, культурно-бытовых и т. п.[47] Подчас решающую роль при этом может сыграть и этническая ситуация, в частности численное соотношение этносов, к которым принадлежат родители [48]. Более того, во многих странах имеет место прижизненная этническая (национальная) адаптация: представители этнических меньшинств (особенно дети, родившиеся в данной стране) определяются как члены ее основного этноса.

Нередко сознание этнической принадлежности многозначно [49]. В одних случаях это следствие его неустойчивости, порожденной различной этнической принадлежностью родителей, в других — результат недавно произведенной смены этнической принадлежности, в-третьих — вообще проявление иерархичности этнической структуры. При этом в зависимости от «уровня» межэтнических контактов на передний план выступает та или иная конкретная форма этнического самосознания. Например, нормандцы и гасконцы на своей родине выделяют себя среди других французов. Но за пределами Франции они прежде всего французы, а затем уже нормандцы и гасконцы.

Сознание этнической принадлежности на уровне личности, как и соответствующее ему на уровне этнической общности представление об определенной идентичности всех ее членов, однако, выражают лишь один из компонентов этнического самосознания — его своеобразную результанту, проявляющуюся в почти безотчетном обозначении себя определенным этнонимом. Основное же содержание этнического самосознания составляют, как уже говорилось, представления о характерных чертах прежде всего своего, а отчасти и чужих этносов. Правда, эти представления не зеркально отражают такие черты, а как бы преломляют через своеобразную призму, усиливающую одни, ослабляющую, а то и вовсе элиминирующую другие. Это обусловлено тем, что обыденное сознание

---

[46] См.: *Nadel S. F.* The Foundations of Social Anthropology. London, 1953, p. 147—148.

[47] См.: *Терентьева Л. Н.* Определение своей национальной принадлежности подростками в национально-смешанных семьях. — СЭ, 1969, № 3.

[48] Поэтому трудно согласиться с мнением Г. В. Шелепова, когда он определение этнической принадлежности детей, родившихся от межэтнических браков, ставит в зависимость лишь от неэтнических обстоятельств (*Шелепов Г. В.* Общность происхождения. . ., с. 72).

[49] К тому же следует учитывать и уже упоминавшуюся многозначность этнонимов.

в отличие от сознания, основанного на научных данных, не в состоянии охватить сразу все характерные черты культуры не только «чужих» этнических общностей, но и своей собственной. Иначе говоря, оно является избирательным. К тому же неизбежно сказывается как пространственно-временная вариабельность многих отличительных особенностей культуры внутри большинства этнических образований, так и неравномерность их распределения между членами таких образований. Отсюда — довольно обычное конструирование представлений об общих типичных чертах культуры этнической единицы на основе данных, полученных в ходе контактов лишь с ее частью. Это, например, имеет место в тех случаях, когда отдельные локальные группы этнической системы (преимущественно крупной) обладают заметными культурными различиями. В таких случаях обыденное сознание этнической единицы, отличающей от себя другую аналогичную систему, распространяет ее особенности, проявляющиеся в зоне их контактов, на всю эту систему. В качестве части, на основе которой общественное сознание реконструирует черты, типичные в целом для этнической единицы, нередко выступают отдельные социально-классовые группы. Чаще всего это имеет место применительно к образу жизни народных масс (особенно крестьянства) и получает выражение как в представлении, что такой образ жизни и является подлинно этническим (национальным), так и в превращении тех или иных его особенностей в своеобразные символы всей этнической единицы. Впрочем, иногда подобным образом генерализуются и отдельные черты господствующего класса.

Избирательность связана также с еще одной особенностью этнического самосознания. Дело в том, что когда оно обращено на отличительные черты «чужих» этнических общностей [50], само выделение таких черт неизбежно осуществляется путем сопоставления со свойствами собственной этнической общности [51]. С другой стороны, представление о типичных чертах собственной этнической общности в определенной мере зависит от свойств тех общностей, с которыми она чаще всего контактирует.

Следует также учитывать, что в повседневной практике определение этнических свойств обычно базируется на сопоставлении сравнительно ограниченного числа этнических общностей. А это открывает перед обыденным сознанием широкую возможность для абсолютизации тех свойств этноса, которые в действительности имеют относительный характер, ибо присущи не одной, а нескольким этническим общностям. В то же время в силу избирательности многие этнические свойства остаются не зафиксированными обыденным сознанием.

Складывающиеся в ходе межэтнического общения представления о своем собственном и чужих народах (этнические автостереотипы и стереотипы) не просто суммируют те или иные их черты,

[50] *Поршнев Б. Ф.* Социальная психология и история. М., 1968, с. 81—82.
[51] *Кон И. С.* Национальный характер — миф или реальность? — Иностранная литература, 1968, № 9, с. 218.

но и выражают ценностное отношение к ним [52]. Даже простое описание отдельных этнических общностей может содержать оценочные моменты [53]. Отражая стремление отличить себя от определенных общностей, стереотипные представления о других этносах зачастую складываются из тех характеристик, которые данный этнос считает недостойными и противопоставляет своим понятиям о чести, нравственности, красоте и др.[54] То, что применительно к собственному народу, называется разумной экономией, применительно к другим может именоваться скупостью. То, что «у себя» определяется как настойчивость, твердость характера, применительно к «чужаку» может называться упрямством. Однако далеко не всегда свое оценивается выше, чем чужое. Бывает и обратное. В частности, в наше время в условиях развитого межэтнического обмена «преобладает система дифференцированных оценок, когда одни черты собственной этнической группы и ее культуры оцениваются положительно, а другие отрицательно» [55]. Впрочем, все же преобладающими обычно являются положительные самооценки [56].

Этнические стереотипы выполняют важную функцию, определяя поведение человека и помогая ему ориентироваться в необычайной обстановке. Люди знакомятся с ними очень рано, так как они составляют непременный элемент системы воспитания [57].

Этнические стереотипы влияют на этнические антипатии (этногонизм) и симпатии, а также на этнические (национальные) уста-

---

[52] *Кон И. С.* Национальный характер. . ., с. 219.

[53] См.: *Кон И. С.* Психология предрассудка. О социально-психологических корнях этнических предубеждений. — Новый мир, 1966, № 9.

[54] См.: *Le Vine R. A., Campbell D. T.* Ethnocentrism: Theories of Conflict. Ethnic Attitudes and group Behaviour. New York, 1972, p. 146—147.

[55] *Кон И. С.* Национальный характер — миф или реальность?, с. 218—219. Показательны в рассматриваемом отношении результаты проведенного в 1959 г. Институтом общественного мнения Гэллапа обследования в Афинах, Хельсинки, Иоганнесбурге, Копенгагене, Амстердаме, Дели, Нью-Йорке, Осло, Стокгольме, Торонто, Западном Берлине и Вене. В ходе его «были поставлены вопросы, какой народ имеет самый высокий культурный уровень? У кого самая лучшая кухня? Где самые красивые женщины? У какого народа сильнее всего развита национальная гордость? Что касается кухни, все народы предпочли свою собственную. Самые красивые женщины, по мнению берлинцев, — шведки, по мнению венцев, — итальянки, по мнению датчан, — немки; в остальных странах отдали предпочтение своим собственным женщинам. Греки, голландцы, индейцы, американцы, норвежцы, шведы, немцы и австрийцы сочли наиболее высоким культурным уровнем свой собственный. Что касается национальной гордости, большинство голосов собрала Англия, только греки, индейцы и американцы назвали самих себя, а финны — шведов» (там же, с. 218).

[56] Это, в частности, еще раз подтвердили этносоциологические обследования, проводившиеся в 1967 г. Институтом этнографии АН СССР в Татарии. Они показали, что здесь все группы населения как среди татар, так и среди русских выше оценивают собственную национальность. См.: *Арутюнян Ю. В.* Опыт социально-этнического исследования (по материалам Татарской АССР). — СЭ, 1968, № 4, с. 12.

[57] См.: *Шнирельман В. А.* Проблема доклассового и раннеклассового этноса в зарубежной этнографии. — В кн.: Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М., 1982, с. 239.

новки, определяющие поведение людей в тех или иных ситуациях [58] межэтнических контактов. Этнические стереотипы всегда складываются под влиянием социальных и политических условий, определенных культурных факторов и служат отражением (проявлением) межэтнических установок. Такие установки формируются в различных сферах жизнедеятельности, где проявляются межэтнические взаимодействия. Это и отношение людей к контактам, готовность идти на контакты с лицами иной национальности на производстве, в быту, в семейном, дружеском окружении и отношение к этническим (национальным) ценностям и ценностям других народов, в том число к различным элементам собственной и иной культуры. Совокупность взаимосвязанных установок представляет уже национальные (этнические) ориентации в той или иной сфере [59].

Сам факт осознания отношения к культуре своего народа, к своей этнической группе не содержит какого-либо предубеждения против других групп. Возможность искаженного представления о своей и других этнических общностях возникает при оценке их. Тогда и может проявиться этноцентризм — склонность воспринимать все жизненные явления с позиции «своей» этнической группы, рассматриваемой как эталон, т. е. при известном ее предпочтении [60]. При этом для этноцентризма характерна сочувственная фиксация черт своей группы, хотя она не обязательно подразумевает формирование враждебного отношения к другим группам [61]. Негативный оттенок в этнических стереотипах под воздействием этноцентризма особенно часто появляется при неблагоприятных социальных и культурных обстоятельствах. Особо подчеркнем, что возведение этноцентристского характера отношений к другим народам во всеобщий закон (так называемый «синдром этноцентризма») [62] неизбежно ведет к признанию «закономерности национализма» [63]. Несостоятельность подобной абсолютизации этноцентризма, особенно применительно к бесклассовому обществу, уже не раз отмечалась в нашей литературе [64]. В условиях классового общества гипертрофированные формы этноцентризма весьма

---

[58] *Дробижева Л. М.* Об изучении национальных установок. — Тезисы докладов на сессии Отделения истории АН СССР, посвященной 50-летию ленинского декрета о создании ГАИМК, Института археологии АН СССР и итогам полевых археологических и этнографических исследований в 1968 г. Л., 1969, с. 58—62.

[59] *Дробижева Л. М.* Духовная общность народов СССР. Историко-социологический очерк межнациональных отношений. М., 1981, с. 34.

[60] См.: *Кон И. С.* Психология предрассудка, с. 189; *Артановский С. Н.* Проблемы этноцентризма, этнического своеобразия культур и межэтнических отношений в современной буржуазной этнографии и социологии. — В кн.: Актуальные проблемы этнографии и современная буржуазная наука. Л., 1979, с. 11.

[61] *Андреева Г. М.* Социальная психология. М., 1980, с. 225, 226.

[62] См.: *Summer W. G.* Folkways. New York, 1906.

[63] См.: *Рощин С. К.* Психологическая наука и расизм. — В кн.: Расы и общество. М., 1982, 12, с. 181.

[64] См., например: *Баграмов Э. А.* Национальный вопрос в борьбе идей. М., 1982, с. 86—89.

содействуют возникновению различных разновидностей национализма [65]. Как указывал В. И. Ленин, «необходимо отличать национализм нации угнетающей и национализм нации угнетенной, национализм большой нации и национализм нации маленькой» [66].

Однако буржуазный национализм угнетенных наций имеет определенные исторические оправдания лишь в той мере, в какой у него «есть общедемократическое содержание *против* угнетения» [67]. В целом же «марксисты ведут решительную борьбу с национализмом во всех его видах. . .» [68]. Отвечая в конечном счете интересам эксплуататорских классов, прежде всего буржуазии, национализм представляет собой психологию, идеологию, политику и социальную практику, связанную с признанием исключительности своей этнической общности, враждебностью к другим общностям [69]. Важнейшая «внутренняя» функция буржуазного национализма — стремление с помощью идеи «национального единства» утвердить так называемый «классовый мир» [70].

Буржуазному национализму, как известно, противостоит пролетарский интернационализм. «Буржуазный национализм и пролетарский интернационализм», — писал В. И. Ленин, — вот два непримиримо-враждебные лозунга, соответствующие двум великим классовым лагерям всего капиталистического мира и выражающие *две* политики (более того: два миросозерцания) в национальном вопросе» [71]. Интернационализм — понятие многоплановое, обозначающее и часть пролетарского мировоззрения и принцип взаимоотношений национальных отрядов революционного рабочего движения. В силу этого интернационализм является неотъемлемой чертой марксизма-ленинизма. С самого своего возникновения марксизм начертал на своем знамени основополагающие принципы пролетарской солидарности. Призыв Маркса и Энгельса к объединению пролетариев всех стран был вместе с тем и призывом к объединению трудящихся всех национальностей против эксплуататорского строя. Интернационализм — категория историческая. Вместе с завоеванием власти рабочим классом, с утверждением реального социализма интернационализм стал выступать как социалистический интернационализм, выражающий ту часть мировоззрения господствующего рабочего класса, которая характеризует его понимание межнациональных отношений при социализме. С возникновением мировой социалистической системы социалистический интернационализм приобрел роль основопола-

---

[65] В зарубежной литературе весьма распространена подмена национального самосознания понятием «национализм», что ведет к неоправданной гиперболизации роли последнего в функционировании наций (см.: *Хабибулин К. Н.* Самосознание и интернациональная ответственность. . ., с. 31).

[66] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 358—359.

[67] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 25, с. 275—276.

[68] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 24, с. 236.

[69] Ср.: Современное революционное движение и национализм. М.: Политиздат, 1973, с. 79—86.

[70] См.: *Иордан М. В.* Интернационализм против национализма. М., 1980, с. 29.

[71] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 24, с. 123.

гающего принципа взаимоотношений входящих в нее народов и государств [72].

Возвращаясь к рассмотрению в целом особенностей этнического сознания, необходимо отметить еще одно обстоятельство, заметно усиливающее его приблизительный характер. Это сознание не только абсолютизирует некоторые действительно имеющиеся этнические свойства, но и склонно приписывать как «своему», так и «чужим» этносам несуществующие черты. Такие иллюзорные представления могут относиться и к этническому стереотипу, и к этническим символам, в качестве которых в этом случае фигурируют предметы и явления, в действительности не выражающие особенностей этноса. В роли подобных квазиэтнических признаков могут выступать самые различные компоненты культуры в самом широком смысле слова (от предметов хозяйственно-бытовой сферы до произведений искусства и литературы).

Следует также заметить, что возможность искаженного отражения обыденным сознанием объективных свойств этноса относится не только к его культурным параметрам, но и к антропологическому составу. Нередко оно явно преувеличивает типичность для данного этноса одной из входящих в его состав антропологических групп.

Одним словом, существующие в обыденном сознании модели этносов, в том числе собственного, не только обычно существенно упрощают, но и даже искажают их объективные свойства. Это, как мы видели, обусловлено целым рядом особенностей этнического сознания: его избирательностью, абсолютизацией относительных этнических свойств, тенденциозностью в их оценке, генерализацией отдельных явлений, не имеющих для этноса всеобщего значения.

Такого рода предрасположенность обыденного сознания к упрощенному отражению объективной этнической картины имеет одно важное практическое последствие. Именно она создает возможность для упоминавшегося выше появления и распространения различных шовинистических настроений и националистических установок; при этом сама такая возможность реализуется отнюдь не автоматически, а под воздействием «внешних» к этническому самосознанию стимулов.

Приблизительный характер выделения обыденным сознанием объективных свойств своего этноса и даже приписывания ему несуществующих свойств, однако, не означает, что в данном отношении господствует полный произвол. И в этой связи, на наш взгляд, не может не привлечь внимания то обстоятельство, что наряду со структурно-пространственными характеристиками этноса этническое самосознание непременно включает такой генетически-временной параметр, как представление об общности происхождения членов этноса.

---

[72] См.: Социалистический интернационализм. Теория и практика международных отношений нового типа. М., 1979, с. 32—53.

Большое значение такого представления для этнического самосознания уже не раз отмечалось в нашей этнографической литературе [73]. Однако при этом неизбежен вопрос: каково реальное основание для подобного представления? Дело в том, что относительно объективного существования общности происхождения у всех этносов в нашей научной литературе имеются диаметрально противоположные точки зрения. Согласно одной из них, принадлежащей С. А. Токареву, «общность происхождения. . . лишь в очень немногих случаях имеет значение как этнический определитель». Она «была, несомненно, одним из важных компонентов этнической общности на самых ранних ступенях развития человечества, при общинно-родовом обществе». Но «для современных нам этнических общностей, — подчеркивает С. А. Токарев, — единство происхождения лишь в редких случаях имеет какое-либо значение» [74]. Противоположная точка зрения наиболее отчетливо сформулирована Г. В. Шелеповым. По его мнению, общность происхождения, выражающаяся в определенном родстве всех членов этнического образования, — обязательный признак всех этносов, в том числе современных [75].

Рассматривая эти противоположные точки зрения, необходимо различать два аспекта проблемы: с одной стороны, объективное существование общности происхождения членов этноса, с другой — представление о такой общности, выступающее как компонент этнического самосознания.

Касаясь первого из этих аспектов, прежде всего обратимся к тезису о том, что общность происхождения членов этноса выражается в их кровном родстве. Вопрос этот чрезвычайно сложен, и его решение, к сожалению, еще недостаточно обеспечено конкретными исследованиями. К тому же для разных периодов он, очевидно, должен решаться не одинаково.

Родство, если не всех, то по крайней мере подавляющего большинства членов таких этнических общностей первобытности, как племена, — общепринятый факт. Что касается этнических общностей классовых социально-экономических формаций, то существует мнение, что и в таких случаях члены большинства длительно существующих этносов, в том числе крупных, находятся, хотя и в весьма отдаленном, но все же в родстве [76]. Не претендуя на окончательное решение этого вопроса, отметим, однако, что возникновение даже отдаленного родства всех представителей крупных этносов не обязательно и во многом зависит не только от длительности существования таких общностей, но и от степени

---

[73] Нередко подчеркивается его особое значение и зарубежными авторами (см. выше: первый очерк данной книги, с. 18).

[74] *Токарев С. А.* Проблема типов этнических общностей (к методологическим проблемам этнографии). — ВФ, 1964, № 11, с. 45.

[75] *Шелепов Г. В.* Общность происхождения — признак этнической общности, с. 71.

[76] *Мартен Ш.-Н.* Не женимся ли мы на кузинах? — Наука и жизнь. 1971, № 1, с. 89.

брачной изоляции («эндогамности») их отдельных составных частей («демов») [77]. Вместе с тем следует особо подчеркнуть, что родство между проживающими на смежной территории представителями соседних этносов может быть более близким, чем между представителями одного из этих этносов, размещающихся на противоположных его концах [78]. Таким образом, совершенно очевидно, что «внутреннее» родство не может играть роли специфической черты каждого этноса. Иначе говоря, нет достаточных оснований считать, что общность происхождения непременно связана с родством всех членов каждого этноса. Поэтому кровное родство не может рассматриваться в качестве отличительной черты этноса.

Но это, так сказать, объективная сторона вопроса. Что же касается его субъективной стороны, то хорошо известна склонность обыденного сознания интерпретировать общность происхождения как отдаленное, но все же родство [79]. Судя по всему, этому в немалой мере способствует обычная практика определения этнической принадлежности каждого человека на основе соответствующих данных о его родителях [80]. Такая практика создает иллюзию, будто за принадлежностью людей к одной этнической общности всегда стоит кровное родство. Вероятно, определенную роль в формировании представления об особом родстве всех членов этноса играет эндогамность таких общностей, а также расовая однотипность многих из них.

---

[77] См. ниже, с. 207–209.

[78] Об этом наглядно свидетельствует, с одной стороны, смешанный антропологический состав большинства национальностей, с другой — весьма частые случаи принадлежности соседних этносов не только к одной и той же расе, но и к одному и тому же антропологическому типу.

[79] Следует при этом учитывать, что иногда в подобных случаях имеется в виду не биологическое, а так называемое социальное родство, при котором, с одной стороны, часть лиц, состоящих в кровном родстве, может не считаться родственниками, с другой — к таковым могут быть отнесены и свойственники. Это характерно, в частности, для первобытных и раннеклассовых обществ, в которых родство подчас не противопоставляется свойству. Данное обстоятельство недавно было специально подчеркнуто М. В. Крюковым, который вместе с тем поставил под сомнение существование в таких обществах представлений о степени близости родства (*Крюков М. В.* Эволюция этнического самосознания и проблема этногенеза. — В кн.: Расы и народы. М., 1976, 6, с. 59). При этом, в частности, он утверждает, что в характерной для древнекитайского общества VII—VI вв. до н. э. системе родства не различались братья и параллельные кузены. Однако вслед за этим сам приводит свидетельство о различении в данном обществе такого рода категорий (там же, с. 45). К этому можно также добавить, что в древнекитайской системе родства термины, обозначавшие родственников по прямой восходящей линии, начиная со второго (цзу и ни), могли употребляться с детерминативом гао, означавшим «высокий», «далекий» (см.: *Крюков М. В.* Система родства китайцев. М., 1972, с. 159). Другими словами, нет оснований полагать, что в рассматриваемом обществе полностью отсутствовали какие-либо представления относительно отдаленности и близости родства.

[80] Другими словами, хотя у человека этническое самосознание формируется прижизненно, однако смена его этнической принадлежности, как правило, предопределена родительской.

Однако общность происхождения членов этноса интерпретируется обыденным сознанием не только как их родство. Она характеризуется им так же, как определенная общность исторического прошлого членов этноса на протяжении многих поколений. И для этого есть достаточные основания. Ведь именно в результате такой общности и складываются единство и специфика каждой этнической системы.

Однако каждое данное этническое самосознание весьма избирательно отражает общность исторической практики своих предшественников по этносу. В частности, первостепенное внимание оно уделяет, как правило, отдаленным эпохам. Этому, по-видимому, немало способствует то обстоятельство, что происхождение многих этнических черт в силу их значительной устойчивости уходит в далекое прошлое.

Особенно важное значение придается этническим самосознанием таким событиям в истории своего этноса, как переселения. Нередко на уровне обыденного (а иногда и необыденного) сознания общность происхождения фактически сводится к переселению. Подоснову этого явления, судя по всему, составляет тот реальный факт, что многие свойства той или иной группы людей, не играющие в условиях ее обычного этнического окружения роли отличительных признаков, после перемещения этой группы в новую этническую среду сразу же начинают выполнять этнодифференцирующую функцию. Впрочем, как установлено, если не все, то, по крайней мере, большинство этносов сложились в результате смешения различных этнических групп как пришлых, так и автохтонных. (Таково, например, происхождение азербайджанцев, арабов, болгар, венгров, турок, осетин, черногорцев и т. д.) [81]. Однако значение в формировании собственного этноса автохтонного населения его самосознание, как правило, полностью игнорирует. Более того, известно, что на уровне обыденного сознания представления об определяющих моментах в происхождении того или иного народа нередко имеют вымышленный характер.

Вместе с тем нельзя преувеличивать и этноформирующую роль общности исторической практики той или иной группы людей на протяжении ряда поколений, полагая, что в любом случае такая общность ведет к возникновению нового этноса. Ведь можно привести бесчисленное количество примеров, когда многие поколения людей были связаны (и эта связь ими осознавалась) общими историческими судьбами (находясь в рамках одного государства), но не составили одной этнической общности.

Итак, лишены оснований как отрицание значимости для всех типов этносов представления об общности происхождения их членов, так и абсолютизация самой этой общности. К тому же такого рода представления, как мы еще не раз убедимся, на разных ста-

---

[81] См.: *Алексеев В. П., Бромлей Ю. В.* К изучению роли переселений народов в формировании новых этнических общностей. — СЭ, 1968, № 2.

диях исторического развития занимают далеко не одинаковое место в этническом самосознании.

Являясь одной из форм связи (на уровне обыденного сознания) между членами этнического коллектива, представление об общности происхождения, несомненно, способствует осознанию ими своего единства. И все же, сколь ни велика роль этого представления в формировании этнического самосознания, само по себе оно целиком не предопределяет осознания принадлежности к определенному этносу. Наряду с рассматриваемым феноменом этническое самосознание непременно включает, как уже говорилось, определенные представления о характерных структурно-пространственных свойствах этноса. При этом на уровне обыденного сознания, как правило, подразумевается существование взаимосвязи между тем или иным этническим свойством определенной группы людей и общностью их происхождения. Точнее говоря, признается, что такие свойства выражают данную общность и, стало быть, являются ее результатом. Этим, видимо, и объясняется тот факт, что сравнительно недавно появившиеся у членов этноса общие черты культуры (особенно в результате заимствования) не воспринимаются обыденным сознанием как характерные этнические признаки. И, напротив, обыденное сознание, как правило, выделяет в качестве этнодетерминирующих те специфические компоненты культуры (язык, религия и т. п.), возникновение которых может быть отнесено на счет отдаленного прошлого этноса. Представление об общности происхождения налагает своеобразный отпечаток и на отражение этническим самосознанием характерной для большинства этносов действительной или мнимой антропологической однотипности. Рассматривая этническое единство прежде всего как общность происхождения, как биологическое родство, обыденное сознание нередко оказывается склонным усматривать в культурной специфике этноса его характерные прирожденные черты. Этим, между прочим, и объясняется довольно распространенное совпадение этнических и расовых предубеждений [82].

Представление об общности происхождения членов этноса и своеобразное отражение его объективных свойств, будучи двумя важнейшими составляющими этнического самосознания [83], находятся в тесном взаимодействии, контролируя и дополняя друг друга. За этим явлением стоит тот реальный факт, что объективные свойства этноса, в первую очередь культурные традиции, в концентрированной форме фиксируют его исторический опыт, представляя как бы «память» о его историческом прошлом. Правда, в обыден-

---

[82] См.: *Francis E.* Ethnos und Demos (Soziologische Beiträge zur Volkstheorie). Berlin, 1965, S. 30.

[83] Кстати сказать, это обстоятельство открывает возможность для выявления «потенциальных» этнических свойств, относя к ним прежде всего те характерные черты этноса, которые сложились в результате общности исторических судеб его членов и сохранились на протяжении ряда поколений.

ном сознании, безотчетно-стихийно отражающем взаимосвязь данных факторов, стереотипы, фиксирующие основные этнические свойства, как правило, органически слиты с представлением об общности происхождения. Но подчас все же детерминирующая роль последнего проступает весьма отчетливо.

В данном отношении, например, показательны некоторые материалы, касающиеся определения этнической принадлежности населения, говорящего на сербскохорватском языке. В прошлом, да отчасти и в настоящее время, главный критерий разграничения этого населения на сербов и хорватов — религиозная принадлежность: первые — православные, вторые — католики. Между тем известны группы (правда, сравнительно немногочисленные) сербов — католиков и хорватов — православных. И решающая роль в такой их этнической ориентации, несомненно, принадлежит представлению об общности происхождения (в первом случае с с остальными сербами, во втором — с остальными хорватами). Впрочем, это, конечно, не исключает и наличия каких-то объективных черт культуры (помимо языковой общности), связывающих данные группы с теми этносами, к которым они себя причисляют (это тем более вероятно, что, как уже говорилось, представления об общности происхождения обычно отражают определенную общность исторического прошлого). В известной степени детерминирующую роль играет представление об общности происхождения и при современном разграничении шотландцев и англичан, ибо языковые различия не дают для этого достаточно четких оснований. Представление о несколько особом происхождении оказывает немалое влияние па отграничение юруков от остальной части турецкого народа.

Об особой этнической функции представления об общности происхождения наглядно свидетельствует и характерная для нашего времени тенденция к усилению этнического самосознания, несмотря на ослабление этнических свойств такого главного объективного их носителя, как культура. Этот «этнический парадокс» современности, на наш взгляд, в значительной мере объясняется тем, что указанное ослабление объективного основания этнического самосознания компенсируется за счет укрепления другой его составляющей — представлении об общности исторических судеб членов каждого отдельно взятого этноса. Укрепление же этого представления в конечном счете — результат как почти повсеместного роста грамотности, так и вызванных научно-технической революцией кардинальных перемен в развитии средств информации (печать, радио, телевидение, кино и т. п.). Ведь тем самым и были созданы необходимые предпосылки для наблюдаемого во многих странах повышения уровня осведомленности широких масс относительно исторического прошлого своих народов, притом стихийно складывавшиеся представления об этом прошлом (типа легенд, преданий, фольклорных традиций) стали все более и более вытесняться знаниями, основанными на специальных, в значительной мере целенаправленно проводимых изысканиях. Все это

(наряду с факторами объективного характера)[84] не могло не способствовать усилению этнического самосознания, а соответственно и возникновению упомянутого выше «этнического парадокса»[85]. (Отсюда, кстати сказать, прямо вытекает и резко возросшее в современных условиях значение историческо-этнографических знаний для развития национального самосознания.)

И все же следует еще раз подчеркнуть, что одного представления об общности происхождения (сколь бы основательно оно ни было подкреплено историческими сведениями) далеко не достаточно для длительного сохранения любого этноса. Если он при этом лишился своих объективных специфических черт, то его члены рано или поздно изменят свою этническую принадлежность в соответствии со вновь приобретенными ими этническими свойствами. Правда, этническая история человечества знает бесконечное число случаев, когда тот или иной этнос (или его часть), восприняв ряд детерминирующих свойств другого этноса, казалось бы, сохраняет свое прежнее сознание этнической принадлежности лишь благодаря одному представлению об особых исторических судьбах. Однако в действительности в таких случаях данное этническое образование, как правило, все же сохраняет некоторые свои традиционные черты, служащие объективным основанием для его отличия от других этносов. К тому же нередко перемена этнического самосознания затягивается искусственно, по причинам, находящимся за пределами собственно этнических явлений. Особенно затруднена смена этнической принадлежности на протяжении жизни одного поколения, поскольку соответствующие представления формируются у людей в детском возрасте. И даже если то или иное лицо официально произвело такую замену, оно почти всегда в большей или меньшей степени наряду со вновь приобретенными свойствами сохраняет элементы прежней этнической принадлежности[86], в том числе самосознания.

Необходимо также учитывать, что объективные основания этнического самосознания могут быть сведены к общности этнокультурных черт и исторических судеб лишь в том случае, если иметь в виду этнос в узком смысле слова (этникос). Но в действительности, как уже говорилось, наряду с «чисто» этническими (этнокультурными) общностями существуют и сложные этнические образования — этносоциальные, обладающие определенной территориальной общностью. Именно поэтому этническое самосознание опирается, в частности, на представления «о родной земле», о характерных чертах территории основного расселения этноса. Отсюда и особая сопряженность между этническими (национальными) чувствами и эмоциональным восприятием «родной природы».

---

[84] Подробнее см. ниже.

[85] Определенная роль в данном отношении принадлежит также возросшей (в результате научно-технического прогресса) взаимной информированности представителей смежных этносов.

[86] См., например: *Баряктарович М.* К вопросу об изменении этнического самосознания (на материалах Югославии). — СЭ, 1974, № 2, с. 59.

Реальным основанием для таких представлений и чувств является территориальная компактность этноса — эсо. При этом, в случае если соответствующая территория имеет разнообразный ландшафт, самосознание представителей пространственно отдаленных частей одного и того же этноса может включать далеко не идентичные представления о типичных чертах «родной природы»; более того, в качестве этнических символов нередко фигурируют отдельные локальные особенности природы, характерные лишь для некоторых регионов этнической территории.

Этническое самосознание тесно связано и с сознанием государственной принадлежности (подданство, гражданство), притом эта связь не однозначна, ибо симбиоз этноса в узком смысле слова с социально-политическим организмом (государственным образованием) имеет, как мы видели, несколько вариантов. Когда, например, этнос и социально-политический организм совпадают, этническое самосознание и сознание государственной принадлежности обычно настолько тесно сливаются, что практически почти не различаются. Соответственно сливаются этническое чувство и чувство патриотизма. «Патриотизм, — отмечал В. И. Ленин, — одно из наиболее глубоких чувств, закрепленных веками и тысячелетиями обособленных отечеств» [87].

Если социально-политический организм включает различные этносы или на базе одного этнического массива возникает несколько государственных образований, то в зависимости от конкретной ситуации в одних случаях на передний план выступают этническое самосознание и национальное чувство, в других — сознание государственной принадлежности и патриотизм. Наиболее сильно сознание государственной принадлежности заслоняет национальное самосознание в тех случаях, когда в рамках соответствующего государства только начинается процесс складывания национальной общности на базе различных этнических компонентов.

В силу того, что в классовых обществах основные этнические подразделения, как правило, тесно сопряжены с государством, представление об общности происхождения обычно в таких обществах в значительной мере опирается на сведения о событиях, относящихся к истории этого государства. Этим, в частности, объясняется и то особое место, которое в этническом (национальном) самосознании занимают знания о политических, в первую очередь революционных и военных, традициях данного этноса (а вернее, этносоциального организма).

Этническое самосознание взаимодействует не только с территориально-политическим, но и с другими формами осознания групповой общности: прежде всего религиозной и классовой. В результате такого взаимодействия соответствующие взгляды и стоящие за ними групповые интересы оказывают значительное влияние на этническое самосознание и этнические чувства.

---

[87] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 37, с. 190.

Религиозное сознание, религиозные интересы подобно территориально-политическим могут полностью заслонить этническое самосознание; этому немало способствует тот факт, что религиозная принадлежность выступает в качестве одного из этнических признаков в тех случаях, когда для контактирующих народов характерны религиозные различия. Нередко формированию представлений о религии как существенном компоненте этнической (национальной) общности содействует церковь, стремясь тем самым укрепить свои социальные позиции.

Особенно сложно и многообразно воздействие на этническое самосознание классовых интересов. Ведь в классовом обществе этнические (национальные) отношения не существуют независимо от социальных отношений: приоритет же последних предопределяет и соответствующую субординацию классовых и национальных форм общественного сознания. Поэтому национальное самосознание в широком смысле слова (т. е. самосознание нации)[88] всегда сильно социально «окрашено». Более того, его целевая направленность (представление об общенациональных задачах, идеалах) у разных классов не только обычно далеко не совпадает, но и чаще всего просто антагонистична. Вместе с тем следует иметь в виду, что в целом на национальное самосознание одновременно могут в той или иной степени оказывать влияние интересы различных, в том числе противоположных, классов и социальных групп [89].

Если характеризовать в целом воздействие господствующих классов антагонистических обществ на национальное самосознание, то, очевидно, следует в первую очередь подчеркнуть, что главным образом под этим воздействием этническое сознание приобретает формы шовинизма и национализма. Наиболее наглядно проявляется это в капиталистическом обществе. Стремясь использовать национальные чувства в своих интересах, в частности в конкурентной борьбе, буржуазия обычно пытается представить эти интересы как общенациональные, а соответственно, и преувеличить значение национальных факторов. Вместе с тем она сама сразу же оказывается готовой поступиться действительно общенациональными интересами, как только ей становится более выгодно вступить в сделку с инонациональной буржуазией.

Активная роль в формировании национального самосознания принадлежит интеллигенции. «Если буржуазия, — не без основания замечает один из современных исследователей вопроса, —

---

[88] Об узком и широком значении слова «национальность» см. выше, с. 58.

[89] Иногда, впрочем, представления об общенациональных задачах отдельных классов и социальных групп могут совпасть. Так, например, в эпоху национальных войн 1792—1794 гг. во Франции имело место временное совпадение интересов всех классов, принадлежащих к третьему сословию. Для современных развивающихся стран, ведущих национально-освободительную борьбу, также характерно определенное совпадение с общенациональными интересами интересов патриотически настроенных слоев буржуазной интеллигенции, студенчества, некоторых групп военных и т. п.

непосредственно связана с экономикой, которая в многонациональных государствах не разъединяет, а, напротив, сливает нации, то интеллигенция, во всяком случае значительная часть ее, тесно связана с языком и культурой, отражающими национальное своеобразие. Ратуя за развитие родного языка и литературы на родном языке, интеллигенция служит общенациональным целям, создает базу для развития национального самосознания. При этом самосознание в той или иной степени абстрагируется от классовых противоречий в сфере производства и опирается на общеэтнические элементы» [90]. В результате интеллигенция (особенно художественно-творческая, «гуманитарная») нередко склонна абсолютизировать общенациональные интересы, преувеличивать их значение и в этой связи выискивать особые достоинства у своей нации. В капиталистическом обществе этому немало способствует зависимость интеллигенции от буржуазии.

В конечном счете только пролетарии и их боевой авангард — коммунистические партии — способны гармонически сочетать классовые и национальные интересы. Не случайно марксизм-ленинизм соединил борьбу за интересы пролетариата с освободительной борьбой угнетенных народов. Ставя при этом во главу угла классовые интернациональные интересы трудящихся, марксисты отнюдь не чужды национальных чувств, национальной гордости, основание для которых, как указывал В. И. Ленин, составляют созданные народом материальные и духовные ценности, его революционные традиции [91]. С ликвидацией эксплуататорских классов в социалистическом обществе перед рабочим классом — ведущей силой при социализме — встает задача преодоления как пережитков национальной ограниченности, так и нигилистических тенденций в национальном вопросе. Для успешного решения этой задачи при социализме создаются тем более благоприятные условия, что интересы рабочего класса совпадают и с интернациональными и с подлинно национальными интересами всех трудящихся, в первую очередь такой многочисленной социальной группы, как крестьянство.

Одним словом, осознание своей особой общности члены этноса (как на индивидуальном, так и групповом уровне) реализуют путем выполнения этнически значимых действий. Диапазон этих действий весьма широк: от простого признания личностью своей этнической принадлежности до массовых выступлений в защиту экономических и политических интересов.

Поскольку этническое самосознание формируется в ходе социализации, оно первоначально обычно не очень отчетливо. Его формирование в значительной мере определяется как сложившимися в данном этносе стереотипами, так и системой этнической

[90] *Козлов В. И.* Динамика численности народов. М., 1969, с. 49. См. также: *Он же.* Проблема этнического самосознания и ее место в теории этноса. — СЭ, 1974, № 2, с. 90.
[91] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 107—108.

социализации; в современных условиях большая роль в этом отношении принадлежит учебным заведениям и средствам массовой информации [92].

Анализируя развитие этнического самосознания и этнических чувств, следует учитывать и то, что это развитие во многом зависит от этнической ситуации, т. е. от интенсивности и характера взаимоотношений между контактирующими этносами [93]. Особенно сильное воздействие в данном отношении, как уже говорилось, оказывается в тех случаях, когда враждующие этносоциальные организмы находятся в состоянии вооруженного конфликта. Впрочем, взаимодействие этносов не сводится к их непосредственным контактам. Оно может иметь и «опосредованный» характер, осуществляясь путем таких, не требующих непосредственного общения средств коммуникации, как печать, радио, кино и т. д.

Взаимопересекающееся воздействие различных объективных и субъективных факторов в конечном счете и обусловливает глубину этнического самосознания и сопряженных с ним чувств. Степень этой глубины колеблется от слабо осознанной принадлежности к определенному этносу и чувства отчужденности по отношению к представителям других этнических общностей до сильно развитого этнического чувства, заставляющего людей связывать свои личные судьбы с судьбой всего этноса (народности, нации), подчинять свои частные интересы общеэтническим (общенациональным) интересам и даже жертвовать жизнью во имя этих интересов. Именно поэтому этническое самосознание может оказывать обратное влияние на породившие его факторы, что проявляется, например, в движениях за возрождение родного языка, за политическое объединение территорий, заселенных представителями одного этноса, и т. п.[94]

И тем не менее, на наш взгляд, было бы неверно возводить этническое самосознание в ранг решающего свойства этноса, его своеобразного демиурга. Выше мы могли убедиться, что, как и любая форма сознания, оно — явление вторичное, производное от объективных факторов [95].

В свою очередь отсутствие этнического самосознания у группы лиц, обладающих культурной общностью, указывает на то, что в этом случае перед нами всего лишь этнографическое образование,

---

[92] См.: *Снежкова И. А.* К проблеме изучения этнического самосознания у детей и юношества (по материалам Киевской и Закарпатской областей). — СЭ, 1982, № 1, с. 80.

[93] Не случайно наиболее слабым этническое самосознание обычно бывает у населения, проживающего в глубине «своего» этнического массива.

[94] См.: *Козлов В. И.* Динамика численности народов, с. 48—49.

[95] Может, правда, показаться, что подчас принадлежность к тому или иному этносу выбирается человеком произвольно. Например, бывает, что одно и то же лицо в одном случае относит себя к украинцам, в другом — к русским. Но это объясняется тем, что данное лицо в той или иной мере обладает объективными свойствами и украинского и русского этникоса. Весьма показательно, что ни к какому третьему этносу (скажем, к турецкому, французскому, японскому и т. п.) такое лицо себя никогда не причислит.

существование которого может быть выявлено только в результате специальных исследований. Но, разумеется, грань между этнографическими и этническими подразделениями не следует абсолютизировать. Подчас этнографическая общность может со временем обрести самосознание своего единства и стать, таким образом, этническим образованием [96]. Например, известно, что после длительного перерыва во второй половине XIX в. этническое единство всех славянских народов вновь начинает широко осознаваться [97]. Не менее показательны и те довольно распространенные случаи, когда этническое единство исторически сложившейся культурной общности осознается частично. Хотя носителями этнического самосознания при этом могут выступать лишь отдельные представители данной общности, однако, как уже говорилось, само существование в таких случаях этнических общностей не подлежит сомнению. К тому же в подобных ситуациях принадлежность к такому этносу любого из его членов обычно при первых же контактах (т. е. на основе объективных данных) безошибочно определяется представителями «чужих» этносов [98].

В целом на протяжении всей истории народов мира представляется возможным выделить три основных типа этнического самосознания: 1) этносов доклассовых обществ; 2) этносов классовых антагонистических обществ; 3) этносов однородных в классовом отношении социалистических обществ. Применительно к капиталистической и социалистической формациям мы имеем дело с тем типом этнического самосознания, который нередко именуют национальным. Ведь в капиталистических и социалистических об-

---

[96] Могут иметь место, конечно, явления противоположного характера (и это бывает довольно часто): утрата этносом самосознания.

[97] См. раздел: Развитие идей и программ славянской взаимности в XVIII—XX веках. — В кн.: VI Международный съезд славистов в Праге, 1968. Резюме докладов, выступлений и сообщений. Прага, 1968, с. 421—441.

[98] Правда, изредка этническая принадлежность одной и той же группы людей может по-разному определяться представителями «своего» и «чужого» этноса. Но и в таких случаях обычно имеются объективные основания для такой двойственности: наличие у данной группы черт, часть которых характерна для одного этноса, часть — для другого. Примером этого могут служить жители небольшого острова Тумабату близ о. Занзибар. Соседнее население именует их ватумбату. Однако они сами называют себя вашиpами подобно своим соседям. (См.: *Гиренко И. М.* Этнолингвистическая ситуация на Занзибаре. — СЭ, 1972, № 5, с. 58).

Весьма своеобразный вариант взаимного наименования соседними этносами наблюдал английский социальный антрополог Дж. Гуди у мотыжных земледельцев Северной Ганы. Как он сообщает, все эти этносы называли друг друга с помощью всего лишь двух этнонимов: либо «ло», либо «дачаа». Каждый этноним относился к нескольким этническим группам. Но чем дальше на запад, тем более вероятно, что местное население назовет себя «ло», а восточное — «дачаа». Совершенно противоположная тенденция обнаруживается при движении на восток (см.: *Goody Y. R.* The Social Organization of the Zowiile. London, 1956, p. 17—19; *Шнирельман В. А.* Проблема доклассового и раннеклассового этноса в зарубежной этнографии. — В кн.: Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М., 1982, с. 234).

ществах основную форму существования этносов представляют национальные общности — нации и национальности.

Как уже говорилось, вопрос о соотношении понятий «этническое» и «национальное» самосознание остается в нашей литературе дискуссионным. Возвращаясь к его рассмотрению в свете всего сказанного об этническом самосознании, напомним, что многое в данной связи зависит от того, имеется ли в виду самосознание просто национальной общности (национальности) или нации как этносоциального организма. Если речь идет о последнем, то представляется правомерным присоединиться к тем авторам, которые характеризуют национальное самосознание как понятие более широкое, чем собственно этническое[99] (разумеется, в отношении своего содержания, а не в стадиальном плане). Однако во избежание недоразумений, вызванных смешением узкого и широкого значений прилагательного «национальный», на наш взгляд, целесообразно в тех случаях, когда имеется в виду, что носителем национального самосознания выступает нация, это отражать и терминологически, говоря о самосознании нации. Такое самосознание, конечно, включает и представления о социально-экономических параметрах и связях нации. Но это вместе с тем не дает оснований полагать, что компоненты национального сознания «главным образом не этнические, а социальные и потому классовые»[100]. В самом деле: каждый член данной нации принадлежит к тем или иным классам, которые имеются и у других наций (в том числе соседних и потому нередко связанных довольно тесно экономически), однако осознание этого обстоятельства (в том числе классовая солидарность) еще не делают его членом таковых наций, как и наоборот; каждый человек становится членом своей нации лишь при условии осознания в той или иной мере того, что он имеет с ней общность культуры, языка, черт психики, исторических судеб и т. п., т. е. всего, что относится к собственно этническим чертам нации и соответственно отражается в этническом самосознании. Например, все рабочие Великобритании, независимо от того, сознают они или не сознают свою классовую общность, не могут быть отнесены к английской нации, поскольку по своей этнической (национальной) принадлежности, т. е. по этническому самосознанию, значительная их часть является не англичанами, а представителями других этнических общностей (национальностей): ирландцами, шотландцами и т. д.; в то же время представители других классов в состав английской нации входят; для этого (при условии проживания в Великобритании) им достаточно осознавать свою

---

[99] *Куличенко М. И.* Марксистско-ленинское учение по национальному вопросу и современность, с. 17.

[100] *Куличенко М. И.* Расцвет и сближение наций в СССР, с. 100. В приведенной цитате далеко не бесспорен тезис, согласно которому, если речь идет о социальном, то непременно имеется в виду классовое («социальное и потому классовое»). Ведь социальное в широком смысле слова включает отнюдь не только собственно классовое; кстати, сам автор признает, что «этническое — это тоже, конечно, социальное» (там же, с. 52).

этническую принадлежность к англичанам (разумеется, обладая для этого объективными основаниями).

Характеризуя соотношение самосознания нации и соответственно этнического самосознания, следует коснуться вопроса об их интенсивности. Дело в том, что хотя на поздних стадиях общественного развития этническое самосознание, т. е. прежде всего самосознание наций, несомненно более многогранно и емко, чем на ранних, однако, на наш взгляд, было бы некоторым упрощением полагать, что оно притом и непременно сильнее. Например, отнюдь не исключено, что самосознание племенной принадлежности может быть подчас сильнее, чем самосознание нации. К тому же этническому самосознанию не чужда иерархичность. Нередко бывает так, что наряду со слабым национальным самосознанием внутри формирующейся этнополитической общности оказывается сильнее самосознание входящих в такую общность этнических групп (например, во Франции даже еще в период абсолютизма ее жители в большей мере осознавали себя гасконцами, провансальцами, нормандцами и т. д., чем французами). Между тем, если иметь в виду лишь один (высший) уровень этнической иерархии, то может показаться, что в периоды перехода к новой этнической структуре этническое самосознание выражено крайне слабо или даже чуть ли не полностью исчезает [101]. А отсюда легко сделать ошибочный вывод об отсутствии в данный период и этноса вообще. В конечном же счете это может послужить поводом для заключения о существовании даже после возникновения классовых обществ своего рода «безэтнических периодов».

Как объективные основания этнического самосознания, так и его содержание далеко не тождественны на разных этапах общественно-исторического процесса. Одно дело, когда оно отражает, скажем, племенную общность, насчитывающую лишь сотни, а то и десятки людей, другое, когда оно относится к современным многомиллионным нациям. При этом речь идет прежде всего о качественных различиях. Если, например, в первом случае в представлении об общности происхождения главная роль принадлежит мифам и преданиям, то во втором — сведениям, хотя и являющимся также достоянием массового обыденного сознания, но полученным преимущественно в результате специальных научных изысканий (прежде всего в области этнографии и истории). Совершенно различны, разумеется, в рассматриваемых случаях и представления о детерминирующих свойствах общностей, что прежде всего связано с объективным процессом изменения этих свойств. Однако рассмотрение самого этого процесса уже выходит за рамки настоящего очерка.

---

[101] Такое впечатление невольно оставляют случаи, когда, характеризуя историческое развитие национального самосознания, обходят молчанием тот факт, что в момент своего зарождения этническое самосознание обычно гораздо отчетливее проявляется у этносов более низкого таксономического уровня (см.: например: *Козлов В. И.* Динамика численности народов, с. 48—49).

Очерк восьмой

ЭТНИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ЭНДОГАМИИ

Слагаясь из множества различных и относительно самостоятельных компонентов, этнос тем не менее представляет, как правило, достаточно устойчивую целостность. И это неизбежно выдвигает вопрос: каким образом обеспечивается его стабильность? Очевидно, ответ на него не может быть однозначным, ибо сохранение устойчивости этноса связано с целым рядом факторов. Среди них весьма своеобразное место, на наш взгляд, занимает эндогамия [1] в широком смысле слова [2], понимаемая как преимущественное заключение браков внутри своей общности [3].

Что касается основных этносоциальных ячеек первобытного общества — племен, то их эндогамность, кажется, общепризнана. И это признание не могут поколебать ссылки на отдельные случаи адаптации родо-племенными организациями иноплеменников и на межплеменные браки [4], ибо хорошо известно, что в общественной жизни (как и в природе) ни одно явление не выступает в чистом виде. Тенденция к преимущественному заключению браков внутри своей общности прослеживается и в раннеклассовых обществах. К примеру, в Афинах при Перикле (V в. до н. э.) запрещение заключать браки с «варварами» было оформлено в виде

---

[1] См.: *Бромлей Ю. В.* Этнос и эндогамия. — СЭ, 1969, № 6, а также материалы обсуждения этой статьи (СЭ, 1970, № 3).

[2] В узкоспециальной трактовке эндогамия — обычай, запрещающий заключение браков за пределами определенной общественной группы.

[3] Иначе говоря, в данном случае термину «эндогамия» придано буквальное значение: «эндо» по-гречески — внутри, «гамос» — брак, т. е. брак внутри группы. В ходе обсуждения в Институте этнографии АН СССР нашей статьи «Этнос и эндогамия», правда, были высказаны сомнения относительно правомерности употребления термина «эндогамия» в прямом смысле слова (см.: СЭ, 1970, № 3, с. 90, 93, 96). Эти сомнения подкреплялись в первую очередь ссылками на непривычность предлагаемого значения термина «эндогамия», а также предпочтительность однозначности каждого термина. Однако, как известно, история науки знает бесконечное множество примеров, когда для обозначения явлений, ранее остававшихся вне поля зрения исследователей, начинали употреблять в новом значении слова, уже давно имевшие сложившуюся семантику. При этом практика обычно довольно быстро делала новую семантику привычной. И в этом отношении сама дискуссия на тему «Этнос и эндогамия», несомненно, способствовала упрочению широкой трактовки термина «эндогамия». Показательно, что в ее ходе многие выступавшие и даже те, кто возражал против такой трактовки термина эндогамия, употребляли его именно в широком значении.

[4] Так, специальное обследование показало, что у аборигенов Австралии браки, заключаемые между племенами, составляли в среднем 15% (*Tindale N. B.* Tribal and intertribal marriage among the Australian aborigenes. — Human Biology, 1953, vol. 25, p. 169—190). Это заключение подтверждается новейшими данными по дерматоглифике и распространению групп крови, которые свидетельствуют о незначительном влиянии межплеменных браков на генетическую картину (*White N. G., Parsons P. A.* Genetic and Socio-Cultural Differentiation in the Aborigines of Arnhet Land Australia. — American Journal of Phisical Anthropology, 1973, vol. 38, N 1, p. 5—14).

специального закона [5]. Правда, в период перехода от рабовладельческой к феодальной формации частые войны и массовые миграции (особенно в эпоху Великого переселения народов) несколько способствовали увеличению удельного веса межэтнических браков, однако в условиях сложившихся феодальных отношений этническая эндогамия вновь в целом возросла [6].

Но если представление об эндогамности сравнительно небольших этнических общностей, в первую очередь племен, звучит довольно привычно, то тезис о брачной замкнутости крупных этносов, этносоциальных организмов, таких как, например, современные нации, может показаться достаточно неожиданным. Стало быть, он нуждается в специальной проверке. А это представляется вполне возможным, ибо для современных этносов в ряде случаев мы располагаем данными, позволяющими замерить соотношение внутриэтнических и межэтнических браков.

В интересующей нас связи, очевидно, особенно показательны статистические материалы, относящиеся к регионам, где процессы этнического смешения протекают сравнительно интенсивно.

Один из таких регионов представляет Югославия — многонациональная страна, населенная близкими по языку и культуре народами. Согласно югославской статистике, у славянских народов страны в 1974 г. однонациональные браки на территории их основного расселения составляли в среднем 86,5% [7].

В регионах, где процессы этнического смешения менее интенсивны, удельный вес однонациональных браков, естественно, еще более значителен. Так, в 1925 г. мужчины-русские на территории европейской части РСФСР заключили 99,1% однонациональных браков, мужчины-белорусы в БССР — 90%, мужчины-украинцы в УССР — 96,9%, мужчины-татары и мужчины-башкиры в РСФСР — 97,9%, мужчины-марийцы в РСФСР — 97,5% и т. д.[8]

Правда, в послевоенные годы в целом в нашей стране наблюдалась тенденция постепенного увеличения удельного веса семей с супругами разной национальности. Если в 1959 г. такие семьи по всей стране составляли 10,2% от общего числа семей, то в 1970 г. их число возросло уже почти до 14% [9]. Однако даже в тех союзных республиках, где в 1970 г. их доля была особенно велика (Латвийская, Казахская и Украинская республики), она не превышала 18—20% [10].

---

[5] *Козлов В. И.* Динамика численности народов. М., 1969, с. 315.

[6] См.: *Козлов В. И.*, *Чебоксаров Н. Н.* Расы и этносы. — В кн.: Расы и общество. М., 1982, 12, с. 106—107.

[7] *Бромлей Ю. В.*, *Кошуба М. С.* Брак и семья у народов Югославии. Опыт историко-этнографического исследования. М., 1982, с. 61.

[8] Национальная политика ВКП(б) в цифрах. М., 1930, с. 41.

[9] Подробнее см.: Современные этнические процессы в СССР. М., 1975, с. 463—480.

[10] Небезынтересно отметить, что перепись 1979 г. показала, что удельный вес национально-смешанных семей за предшествующее десятилетие остался

Таким образом, в современных условиях этносы, по крайней мере на 80—85%, эндогамны. А этот факт сам по себе весьма показателен, поскольку нарушение эндогамии в пределах 15—20%, как правило, не сопряжено для этноса со сколько-нибудь заметными и притом немедленными последствиями. Насколько значительными для данного этноса окажутся последствия этих 15—20% смешанных браков, зависит прежде всего от того, какая доля детей, рожденных в таких браках, сохранит принадлежность к нему. Так, если 50% детей, рожденных в смешанных браках, сохранят принадлежность к данному этносу, то при «простом» воспроизводстве потомства заключение таких браков не отразится на численности данного этноса. Объясняется это тем, что при межэтнических браках их число для данного этноса как бы удваивается: так, если 50 мужчин и 50 женщин данного этноса могут заключить лишь 50 «одноэтнических» браков, то с представителями других этнических групп они же могут заключить 100 браков. Поэтому же, если, например, 75% детей, рожденных в смешанном браке, будут постоянно выбывать из данного этноса, то при 10% таких браков потребуется для его сокращения наполовину смена не менее 10 поколений; соответственно при тех же условиях этнического самоопределения и при 20% смешанных браков — не менее 5 поколений, т. е. по крайней мере 100—120 лет.

Следует также иметь в виду, что из двух этносов, представители которых вступают в смешанные браки, обычно увеличивается тот, для которого характерно численное преобладание в соответствующем регионе. Об этом, в частности, наглядно свидетельствуют собранные группой сотрудников Института этнографии АН СССР в столицах Прибалтийских республик материалы об определении национальной принадлежности по достижении шестнадцатилетнего возраста лицами, рожденными в национально-смешанных семьях. Из этих материалов, относящихся к 1960—1968 гг., следует: 1) национально-смешанные браки представителей коренной национальности не превышают 10% всех заключенных браков (от 4,6% в Таллине до 7,4% в Риге); 2) свыше 50% детей, рожденных в смешанных семьях, в которых один из родителей — представитель основной для соответствующей республики национальности, избирали национальность именно этого родителя (в Вильнюсе — 52%; в Риге — 57%; в Таллине — 62%); 3) более 60% детей, рожденных в смешанных семьях, в которых один из родителей — русский (т. е. представитель второй по численности национальности), а другой — представитель

почти неизменным. Возможно, что в немалой мере это обусловлено тем, что в ряде регионов со значительной полиэтничностью национально-смешанные браки уже приблизились к теоретической вероятности (о теоретической вероятности смешанных в национальном отношении браков см.: *Ганцкая О. А., Дебец Г. Ф.* О графическом изображении результатов статистического обследования межнациональных браков. — СЭ, 1966, № 3, с. 109—118).

остальных не основных для данной республики национальностей (украинец, белорус, поляк, еврей), определились как русские (например, в Риге в русско-украинских семьях — 74,7%; в русско-белорусских — 80,5%; в русско-польских — 75,0%; в русско-еврейских — 93,3%) [11].

Одним словом, даже «относительной» (т. е. далеко не 100%) эндогамии принадлежит существенная роль в сохранении этносов. Напротив, значительное нарушение эндогамии неизбежно влечет за собой в конечном счете коренную его модификацию. Ведь общеизвестно, что как раз смешанные браки являются одним из основных инструментов формирования новых этносов на основе синтеза двух или нескольких этнических общностей. При этом, с одной стороны, происходит как бы прорыв эндогамности каждой из синтезирующихся общностей, с другой — они вместе как бы охватываются новым эндогамным кругом. Так, происходящий процесс консолидации абазинов и черкесов в одну народность получил, в частности, выражение в том, что в 1963 г. смешанные браки между ними достигли 26,8% (абазины с черкешенками) [12]; между тем, в целом же черкесско-абазинская группа заключила с представителями других народов не более 10% всех браков. О роли прорыва эндогамии в формировании новых этнических общностей наглядно свидетельствуют также материалы по истории образования народностей в раннесредневековой Западной Европе. Из них следует, что заметные сдвиги в процессе образования этих народностей сопровождались в VII—VIII вв. во всех варварских королевствах отменой запретов на заключение смешанных браков [13]. Еще одной не менее яркой иллюстрацией того же явления могут служить этнорасовые смешения в Латинской Америке, сыгравшие здесь огромную роль в формировании большинства современных наций. Так, в Бразилии в результате заключения межрасовых браков менее чем за 100 лет (с 1819 по 1910 г.) удельный вес лиц смешанного происхождения (главным образом мулатов) возрос с 20 до 60% общей численности жителей [14].

О значении эндогамии в жизни этнических общностей свидетельствуют и процессы этнической ассимиляции. Весьма характерно, например, что именно брак выступает в качестве одного из наиболее радикальных путей включения в этнос «чужеродных элементов». Ведь обычно первое поколение лиц, поселившихся в другой этнической среде, сохраняет свою прежнюю этническую принадлежность на протяжении всей жизни, и, как правило,

---

[11] См.: *Терентьева Л. И.* Определение своей национальной принадлежности подростками в национально-смешанных семьях. — СЭ, 1969, № 3, с. 20—30.

[12] *Смирнова Я. С.* Национально-смешанные браки у народов Карачаево-Черкесии. — СЭ, 1967, № 4, с. 140.

[13] См.: *Корсунский А. Р.* Государство и этнические общности в раннефеодальный период в Западной Европе. — Средние века, 1968, вып. 31, с. 128.

[14] *Козлов В. И.* Динамика численности народов, с. 350—351.

лишь их дети и внуки, особенно рожденные в смешанном браке, могут рассчитывать на сравнительно быструю и полную адаптацию. (Впрочем, и в этих случаях смена этнической принадлежности зависит от самых различных факторов).

Весьма показательно также, что при этнической ассимиляции в массовых масштабах удельный вес смешанных браков у поглощаемого этноса обычно значительно выше, чем у этноса, выступающего в роли ассимилятора [15]. Иными словами, этнос-ассимилятор в большей мере сохраняет свою эндогамию.

Приведенные материалы, очевидно, позволяют прежде всего констатировать, что прорыв эндогамии того или иного этноса обычно сопровождается либо включением данного этноса в эндогамную систему той этнической общности, которая выступает его основным брачным партнером [16], либо возникновением нового, более широкого эндогамного круга, как бы объединяющего два взаимосвязанных брачными отношениями этноса. Из сказанного также следует, что если, с одной стороны, эндогамия оказывается присущей этносу с момента его зарождения, то, с другой, значительное нарушение эндогамии этноса — предвестник его разрушения [17].

Таким образом, тесная взаимосвязь эндогамии и этноса, очевидно, не подлежит сомнению. Но это отнюдь не может служить основанием для негативной оценки любого отклонения от абсолютной (полной) эндогамии, а соответственно и этнически смешанных браков. Ведь такие браки — важнейший канал процессов естественной ассимиляции, прогрессивный характер которой особо отмечал В. И. Ленин [18]. Нет никаких оснований и для отри-

---

[15] В ходе дискуссии на тему «Этнос и эндогамия» С. А. Арутюновым обращено внимание на то обстоятельство, что «при любом проценте смешанных браков, если их потомство распределяется поровну между брачащимися этносами, этнос не убывает». На этом основании он заключает, что «дело не в проценте смешанных браков, а в социальной обусловленности этнического выбора у потомков». Однако вопрос этот, на наш взгляд, несколько сложнее. Действительно, в указанном случае формально количественное соотношение обоих взаимобрачащихся этносов остается тем же. Но при этом не следует забывать, что основным показателем сохранения этого соотношения выступает такой субъективный показатель, как этническое самосознание. Между тем вследствие смешанных браков неизбежно усиливается взаимная диффузия характерных свойств брачащихся этносов. В результате удельный вес традиционных (этнических) свойств у каждого из этих этносов объективно все же убывает. Притом масштабы такого рода последствий смешанных браков для этноса, разумеется, тем значительнее, чем выше удельный вес таких браков. А поскольку он всегда выше у меньшего из двух взаимобрачащихся этносов, именно этот этнос вследствие повторяющихся смешанных браков при прочих равных условиях обычно подвергается ассимиляции.

[16] В тех случаях, когда в роли подобных партнеров выступают более многочисленные этносы.

[17] Однако и при сохранении этносом эндогамии не исключена возможность коренной его модификации, включая появление нового этнического самосознания.

[18] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 24, с. 125, 127.

цательного отношения к этнически смешанным семьям, а соответственно и к состоящим из таких семей новым этническим образованиям. Согласно одной из попыток подобной интерпретации таких образований, они являются «химерами», соотношение которых с обычными этносами «такое же, как между здоровой тканью и раковой опухолью» [19]. Такая интерпретация межэтнических браков была в нашей научной литературе справедливо подвергнута критике, в ходе которой весьма убедительно показана ее несостоятельность [20]. Особенно это относится к социокультурным аспектам проблемы. Что же касается ее биологической стороны, то напомним лишь о хорошо известных негативных последствиях инбридинга (близкородственного смешения) и соответственно о признанной позитивной роли экзогамии в истории человечества [21].

Возвращаясь к вопросу о взаимосвязи этноса и эндогамии, отметим, что самой констатации такой взаимосвязи, разумеется, еще недостаточно для выяснения механизма ее функционирования. С этой целью надлежит прежде всего обратиться к рассмотрению факторов, образующих границы эндогамии. В качестве таких факторов могут выступать как природные, так и общественные явления. В первом случае роль изолирующего фактора выполняют горы, леса, реки, пустыни и тому подобные естественные преграды, а также просто отдаленность одного этноса от другого. Эти естественные рубежи особенно существенное значение имели на ранних этапах истории общества [22]. С увеличением плотности населения и развитием средств связи их значение постепенно снижалось. Что касается общественных этноизолирующих факторов, то одним из них в данном отношении постоянно принадлежала существенная роль, у других — она не оставалась неизменной. К числу первых, конечно, следует отнести прежде всего язык, издревле выступающий серьезной помехой для межэтнических браков. Не случайно двуязычие населения, снимая этот барьер, существенно облегчает заключение таких браков.

Из общественных факторов, играющих на разных исторических этапах далеко не одинаковую роль в установлении эндогамных барьеров, в первую очередь необходимо назвать государственные

---

[19] *Бородай Ю. М.* Этнические контакты и окружающая среда. — Природа, 1981, № 9, с. 83. Как отмечает автор этой статьи, он опирается на трехтомную рукопись Л. Н. Гумилева «Этногенез и биосфера», депонированную ВИНИТИ в 1979 г.

[20] См.: *Кедров Б. М., Григулевич И. Р., Крывелев И. А.* По поводу статьи Ю. М. Бородая «Этнические контакты и окружающая среда». — Природа, 1982, № 3, с. 88—91.

[21] Кстати сказать, в значительной мере в результате межэтнической метисации почти 45% современного человечества составляют смешанные в расовом отношении или расовогетерогенные группы (см.: *Козлов В. И., Чебоксаров Н. Н.* Расы и этносы. — В кн.: Расы и общество. М., 1982, 12, с. 99—100).

[22] См.: *Кушнер П. И.* (*Кнышев*). Этнические территории и этнические границы. — Тр. Ин-та этнографии АН СССР. М., 1951, т. XV, с. 21; *Козлов В. И., Чебоксаров Н. Н.* Расы и этнос, с. 106—108.

границы. Со временем их фиксация становится значительно более четкой, а охрана более совершенной, вследствие чего они превращаются в существенное препятствие для заключения браков между разделенным ими населением. Впрочем, если на процессы образования этносов политические, как и природные, рубежи могут оказать немалое влияние, то на уже сложившиеся этносы воздействие этих «внешних» по отношению к ним факторов обычно сказывается далеко не сразу [23].

Среди же «внутриэтнических» факторов, помимо языка, очень существенную роль в формировании границы эндогамии может играть религия. Определенное влияние на эндогамность этноса могут оказывать также самые различные сферы общественной жизни: те или иные элементы культуры и быта, обряды, обычаи (особенно эндогамные ограничения и запреты), законодательство, стереотипы поведения, внешний облик (в том числе расовые различия); представления о красоте и т. п. Несомненно, особенно важно в интересующем нас отношении значение этнического сознания, в том числе представления об этнической принадлежности. Важную роль также играет государственно-политическая принадлежность — гражданство (подданство), подчас совпадающее с этнической принадлежностью.

Обычно, если не все, то, по крайней мере, многие из указанных факторов в своей совокупности и создают эндогамный барьер каждого этноса, отделяющий его от других этносов. При этом на одном из рубежей, в одной зоне соприкосновения данного этноса с другим в качестве основного барьера может выступать язык, на втором этническом рубеже того же этноса — религия, на третьем — государственная граница и т. д.[24] В целом же все эти факторы образуют как бы замкнутый круг. И чем большее число их одновременно составляет эндогамную границу, тем, разумеется, она резче.

Действия эндогамии как своеобразного «стабилизатора» этноса связано с тем, что замкнутость круга брачных связей обеспечивает ему сохранение семей однородного этнического состава. Между тем, как правило, именно семья в большинстве обществ выступает в качестве важнейшего канала передачи традиционной культурной информации (как и овеществленных результатов ее реализации в прошлом). В результате, сохраняя этническую однородность семей внутри этноса, эндогамия тем самым обеспечивает поколенную преемственность характерной для него специфики культуры. При этом эндогамия одновременно выступает как фактор культурного обособления данного этноса от других этносов.

---

[23] Показательно, что при рассечении этноса политической границей обе его части обычно образуют отдельные замкнутые в брачном отношении единицы, т. е. как бы регенерируют эндогамный барьер.

[24] Например, хорваты в Австро-Венгрии были отграничены от венгров и немцев преимущественно языковым барьером, от сербов — религиозным.

Однако значение эндогамии для сохранения устойчивости этноса не сводится лишь к простому воспроизводству этнической специфики и оградительной функции. Она оказывает также внутреннее интегрирующее воздействие на составляющие этнос компоненты. Заключение из поколения в поколение браков в пределах замкнутой в брачном отношении общности людей неизбежно влечет за собой усиление единообразия в самых различных сферах ее культуры.

Наконец, еще одно важное последствие эндогамии для этноса. Как и брак, эндогамия не только социальное, но и биологическое явление. И в силу этого она выступает в качестве своеобразного генетического барьера этноса. В свою очередь это обусловливает наличие у каждого этноса сопряженной с ним популяции [25]. При этом чаще всего такого рода популяции сопряжены [26] лишь с этносоциальными организмами, ибо для функционирования целостной популяции необходима единая территория; однако в пределах такой территории популяция может быть образована и дисперсным этносом.

Как известно, популяции — иерархическое явление. Это проявляется в наличии внутри сопряженных с этносами популяций общностей (субпопуляций), обладающих эндогамией. В частности, в такой роли могут выступать отдельные социальные группы. Более того, подчас заключение браков в таких группах имеет характер почти полной эндогамии. Среди различных социальных групп одной из наиболее ярких иллюстраций этого может служить эндогамия индийских каст. Эндогамией обычно обладают и конфессиональные общности, поскольку почти все религии относятся негативно к бракам с инаковерующими. Это характерно как для мировых религий, так и для отдельных вероисповеданий и религиозных сект (например, мусульман-суннитов, сикхов, старообрядцев и т. д.). В то же время в остальных социальных общностях эндогамия, если и имеет место, то обычно не проявляется столь резко. Поэтому эндогамность таких общностей отнюдь не исключает существования внутри этноса определенной непрерывности брачных связей [27].

---

[25] О понятии «популяция» см. выше, с. 41—43.

[26] Мы говорим о сопряженности этноса и популяции, поскольку социальные и биологические последствия эндогамии далеко не всегда полностью совпадают. В результате выделяемые эндогамией социальная (этнос) и генетическая (популяция) общности оказываются лишь в большей или меньшей мере сопряженными друг с другом. Наглядным примером этого могут служить негры США, обладающие высокой степенью «официальной» эндогамности, поскольку смешанные в расовом отношении семьи представляют очень редкое явление (официальные браки между неграми и белыми — исключение), и в то же время слабо изолированные в генетическом отношении, о чем свидетельствует высокий процент мулатов.

[27] Правда, в ходе дискуссии на тему «Этнос и эндогамия» было высказано мнение, что, например, в России XVII в. феодальные границы препятствовали заключению браков между территориальными группами (см.: СЭ, 1970, № 3, с. 93). Однако это мнение явно не учитывает, что этносы существуют на протяжении целого ряда поколений и, следовательно, рассматривая

В качестве внутренних подразделений, сопряженных с этносом популяций, чаще всего выступают территориальные единицы (в первую очередь поселения), для которых характерен значительный удельный вес эндогамных браков (кроме, конечно, экзогамных общностей). Однако для большинства этих единиц эндогамность обычно все же далеко не абсолютна. Это особенно ярко проявляется в наши дни, когда резко возросли межтерриториальные контакты. Но и в прошлом, как правило, значительная часть брачных связей охватывала жителей нескольких соседних поселений [28], создавая своеобразную брачную непрерывность. Исключение представляют лишь изоляты. Для них характерна высокая степень эндогамной замкнутости, составляющая обычно не менее 90% всех браков. При этом, если изоляты оказываются сравнительно устойчивыми, то они неизбежно приобретают определенные этнические свойства. В таком случае это как бы субэтносы основного этноса, представляющие или еще не до конца отделившиеся от него части или остатки еще не полностью ассимилированной другой этнической группы. В такой роли могут выступать и территориальные (например, так называемые этнографические группы или субэтносы) и социальные изоляты (например, касты). При этом такого рода черты либо следствие эндогамии данной общности, либо сама эндогамия — результат того, что таковая общность изначально представляла собой этнос.

Разумеется, и другие «микропопуляции», находящиеся в пределах этноса, могут иметь свою, хотя и слабо выраженную, специфику культурного характера. Но интенсивность эндогамных границ этих внутренних субструктур неизменно слабее, чем у субэтносов-изолятов, а тем более у самого этникоса. И если не считать социальных и территориальных изолятов, именно этникос (особенно в пределах «своего» социального организма) обладает во всей иерархии эндогамных границ наиболее резкими

брачную непрерывность в этническом плане, отнюдь не следует ограничиваться одним-двумя поколениями. Между тем хорошо известна значительная подвижность границ феодальных владений: обычно даже на протяжении жизни одного собственника они не оставались неизменными (как вследствие войн, так и различных дарений, продажи, закладов и т. п.). А такое изменение границ, естественно, перемещало социальные барьеры, препятствующие заключению браков между жителями соседних селений. К тому же не следует абсолютизировать и непреодолимость самих социальных барьеров.

[28] Так, по данным В. К. Жомовой, в конце XIX в. в одном из сел Подмосковья (с. Угрюмово Серпуховского у.) лишь 20% браков заключалось в том же селе, а около 70% — в соседних селах, расположенных в радиусе 10 км (*Жомова В. К.* Материалы по изучению круга брачных связей в русском населении. — Вопросы антропологии, 1965, вып. 21, с. 112). Правда, В. К. Жомова указывает и на примеры, когда эндогамность браков в одном селении достигала 80% (там же, с. 111—113). Но, по ее собственному признанию, она сбросила со счета все случаи, когда заключение брака с представителем другого селения сопровождалось переездом в него. Очевидно, что в целом число браков, связанных с выездом, было примерно равно количеству тех, которые сопровождались въездом. Стало быть, в рассматриваемых примерах эндогамные браки составляли не 80%, а лишь около $^2/_3$ всех браков.

рубежами, отчетливо отделяющими его от других подобных общностей, даже если он расположен чересполосно с ними.

Как уже говорилось, каждой популяции присуща тенденция к усилению однородности генетического фонда. Это характерно и для сопряженных с этносами популяций, в которых относительно замкнутый круг брачных связей обычно открывает возможность для выравнивания антропологических различий. Но интенсивность подобных процессов зависит от самых различных факторов, прежде всего от численности популяций, от длительности ее существования (количества сменившихся поколений), от степени проницаемости ее внешнего генетического барьера и внутренних (междемных), в том числе социальных, перегородок.

Для сколько-нибудь значительных антропологических сдвигов в рамках больших популяций требуется смена многих и многих десятков поколений. Между тем немалая часть сопряженных с этносами популяций существует гораздо меньшее время, чем то, которое необходимо для таких сдвигов. Следует учитывать и то, что социокультурная эндогамия никогда не была абсолютной. Но если 15—20% межэтнических браков обычно не оказывает сколько-нибудь заметного влияния на существование и развитие соответствующего этноса, так как потомство от таких браков, как уже говорилось, сравнительно легко ассимилируется им в культурно-языковом отношении, то для сопряженности с таким этносом популяций подобный «прорыв» эндогамии, особенно с привнесением доминантных генов, может существенно изменить ее антропологический состав, приблизив его к составу соседних популяций [29]. В результате генетические последствия эндогамии у большинства современных сравнительно крупных этносов не привели к созданию общего генофонда [30]. Например, если у японцев указанный процесс сопровождался созданием своеобразного антропологического типа, то у немцев, французов, итальянцев этот процесс не дал подобных результатов.

Взаимосвязь между этносом и популяцией уже не раз отмечалась в специальной литературе. Более того, существует точка зрения, будто бы популяция составляет основу этноса, В нашей литературе это представление развивается, как известно, Л. Н. Гумилевым. Вот как он это обосновывает: «Этнос более или менее устойчив, хотя возникает и исчезает в историческом времени. Нет ни одного реального признака для определения этноса, применимого ко всем известным нам случаям: язык, происхождение, обычаи, материальная культура, идеология иногда являются определяющими моментами, а иногда и нет». Вывести за скобку, подчеркивает он далее, мы можем только одно — признание каждой особи: «мы такие-то, а все прочие другие». И отсюда де-

---

[29] См.: *Козлов В. И., Чебоксаров Н. Н.* Расы и этносы, с. 108.

[30] Именно поэтому грубо ошибочным является понимание О. Бауэром нации как общности, связанной кровным родством, «общей кровью» (*Бауэр О.* Национальный вопрос и социал-демократия. СПб., 1909, с. 117).

лается вывод: «поскольку это явление повсеместно, то, следовательно, оно отражает некую физическую или биологическую реальность». Однако остается непонятным, почему «повсеместность» делает эту «некую реальность» физической или биологической. Напротив, антитеза «мы — они» обычно как раз основана в первую очередь на этнокультурных различиях. Притом, поскольку признаки этноса представляют целостную систему, в одном случае на передний план в качестве решающего отличительного признака может выдвигаться один, в другом — иной компонент этноса. Сведя сущность этноса к «физической или биологической реальности», Л. Н. Гумилев в конечном счете отождествил его с популяцией [31].

Между тем в действительности сопряженная с этносом популяция — сама представляет явление производное от него, от тех факторов, которые образуют эндогамию этноса, а это в основном социальные факторы. Таким образом, не популяция — основа этноса, а социальные факторы, образующие этнос (этническое самосознание в том числе), ведут к появлению сопряженной с ним популяции, т. е. перед нами картина, прямо противоположная той, которую дает Л. Н. Гумилев. Поскольку роль социальных явлений в жизни общества, человечества в целом все более и более возрастает, естественно, социальные факторы начинают играть все большую и большую роль в образовании популяций.

Это отнюдь не исключает «обратной связи» между популяцией и этносом, биологическим и «внебиологическим». Но не она является в данном случае первичной и детерминирующей. При этом далеко не каждая популяция сопряжена с этносом. Наоборот, каждый этнос сопряжен со «своей» популяцией, что, кстати сказать, свидетельствует еще об одной функции этого многогранного феномена.

Правда, «свои» сопряженные популяции имеют и многие другие социальные общности, например социально-политические организмы (государства). Однако у них эта связь с популяцией гораздо менее устойчива, чем у этноса. Это объясняется тем, что среди социальных общностей (за исключением некоторых кастовых и религиозных общностей) этнос наиболее стабильное образование. Отсюда в свою очередь проистекает особое значение для судеб этнических общностей их демографических параметров, таких как рождаемость, смертность, естественный прирост, возрастной состав и т. д.[32] Именно в этой сфере наиболее отчетливо проявляется взаимодействие этноса и популяции.

По мнению В. И. Козлова, большинство факторов, определяющих особенности естественного воспроизводства населения,

---

[31] *Гумилев Л. Н.* О термине «этнос». — В кн.: Доклады Географического общества СССР. Л., 1967, вып. 3, с. 5, 14.

[32] Известно немало случаев, когда из-за резкого увеличения смертности в результате эпидемий, войн, голода и других подобных причин исчезали целые народы. Это явление особенно резко проявилось в период колониальных завоеваний. Так, в 1876 г. умерла последняя тасманийка.

т. е. биологического в своей подоснове явления, либо непосредственно связаны с этносом (через народную культуру, быт и традиции), либо, что бывает гораздо чаще, связаны с ним косвенным путем (через антропологические особенности, природные условия этнической территории, специфику хозяйственной деятельности, религию и т. п.). Подобные связи четче проступают на докапиталистических и раннекапиталистической стадиях социально-экономического развития, которое само часто облекалось в этническую (национальную) форму, но они могут быть обнаружены и на более поздних стадиях развития. Даже факторы, не имеющие на первый взгляд никакой связи с этносом, например единая политика народонаселения в масштабах всего многонационального государства, преломляясь через традиционную культуру и быт отдельных народов, через особенности этнической психологии, могут приобрести в своем воздействии этнический аспект [33].

Но, разумеется, эта взаимосвязь «внебиологических» и биологических явлений на уровне этноса [34] не должна заслонять от нас его принципиального отличия от сопряженной с ним популяции [35]. Оно особенно наглядно проявляется в модусах их воспроизводства [36]. В популяции это воспроизводство осуществляется путем передачи генетической информации по наследству от поколения к поколению через ДНК половых клеток [37]. Механизм же воспроизводства этноса, как мы уже могли убедиться, основан на коммуникативных «внебиологических» связях.

---

[33] *Козлов В. И.* Динамика численности народов, с. 366.

[34] К рассмотрению некоторых аспектов этой взаимосвязи нам еще предстоит вернуться ниже.

[35] Такую популяцию для отграничения ее от других разновидностей человеческих популяций можно было бы условно назвать «этнической». Но, разумеется, при этом было бы ошибочно термином «этническая популяция» подменять термины, обозначающие этнические образования в прямом значении данного слова. Между тем фактически попытка подобной подмены недавно предпринята североамериканским антропологом В. С. Абруцци. Предлагая термин «этническая популяция» в качестве альтернативы термину «этническая группа», он фактически рассматривает этническую популяцию как образование, детерминированное не столько социокультурными, сколько биологическими и экологическими факторами (см.: *Abruzzi W. S.* Ecological Theory and Ethnic Differentiation among Human Populations. — Current Anthropology, 1982, vol. 23, N 1, p. 13—21; см. также обсуждение этой статьи: Ibid., p. 21—35).

[36] С другой стороны, характерно, что в рамках классово-профессиональных групп зависимость естественного воспроизводства от «внебиологических» факторов проявляется нередко более отчетливо, чем на уровне этноса. Так, показатели рождаемости и смертности у групп людей, входящих в один и тот же народ, но отличающихся своим классово-профессиональным положением, расселением, образованием и т. д., могут различаться сильнее, чем у этнически разнородных групп, имеющих сходное социально-экономическое положение (*Козлов В. И.* Динамика численности народов, с. 366).

[37] См.: *Арутюнов С. А., Чебоксаров Н. Н.* Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества. — В кн.: Расы и народы. М., 1972, 2, с. 15.

Очерк девятый

ЭТНОС И ЕГО СРЕДА

Как и любые системы, этнические общности взаимодействуют со своей средой. Таковую для каждого этноса прежде всего представляет его природное окружение. Оно является непременным условием возникновения и функционирования этноса. К тому же географическая среда представляет ту «арену», на которой разворачиваются эти процессы.

О значении географической среды для формирования и функционирования этноса свидетельствуют прямые и косвенные следы ее воздействия, которые обнаруживаются в самых различных его компонентах, начиная от материальной культуры и кончая этнонимами. Так, климат во многом определяет особенности одежды, жилища, набор возделываемых сельскохозяйственных культур, транспортные средства в различные времена года и т. д. Почва, рельеф и гидрография оказывают влияние на характер трудовой деятельности, особенно в сельскохозяйственной сфере, на тип сельских поселений и т. п. Как уже говорилось, естественные рубежи (горные хребты, пустыни, водные преграды и т. п.), особенно на ранних ступенях развития общества, играют роль этнических границ. Состав флоры определяет материал жилища и его виды, а вместе с особенностями фауны сказывается на специфике повседневной жизни и даже культурно-хозяйственном развитии тех или иных народов [1].

Влияние природной среды объясняется и наличием сходных черт в материальной культуре и хозяйстве народов, находящихся на сходных уровнях социально-экономического развития и обитающих в примерно одинаковых географических условиях. Именно на этом, в частности, основывается выдвинутая советскими учеными М. Г. Левиным и Н. Н. Чебоксаровым концепция хозяйственно-культурных типов [2].

Характерные особенности географической среды (климата, почвы, рельефа, флоры, фауны и т. д.) оказывают также определенное влияние на отдельные стороны духовной культуры и психического склада этноса. Это находит свое косвенное выражение прежде всего в отдельных специфических привычках, обычаях, обрядах, в которых проявляются особенности быта народа, связанные с характерными чертами среды его обитания [3]. Что ка-

---

[1] *Kozlow V., Pokschischewski V.* Ethnographie und Geographie. — In: Ideen des exakten Wissens. Wissenschaft und Technik in der Sowjetunion. Stuttgart, 1971, 2, Februar, S. 141.

[2] *Левин М. Г., Чебоксаров Н. Н.* Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области. — СЭ, 1955, № 4.

[3] Так, определенные климатом циклы земледельческих работ умеренного пояса, как известно, способствовали возникновению специфических обычаев и обрядов, совершенно неизвестных «народам» тропических стран.

сается такого компонента психического склада этноса, как темперамент, то хотя его взаимосвязь с экологической средой представляется обычно достаточно очевидной, однако, как уже говорилось, при этом необходимо учитывать, по крайней мере, два обстоятельства. Во-первых, люди разных темпераментов имеются во всех этносах, и применительно к каждому из них речь может идти, видимо, лишь о преобладании того или иного типа темперамента. Во-вторых, эмоциональная сторона психики в значительной мере детерминирована социальными факторами. Находит отражение географическая среда и в этническом самосознании. В данной связи нельзя не напомнить, что ландшафты этнической территории запечатлеваются в сознании населяющих ее людей в виде представления о «родной земле». Некоторые элементы ландшафта либо в виде зрительных образов (береза у русских, тополь у украинцев, сакура у японцев и т. п.), либо в сочетании с топонимикой (река Волга у русских, гора Фудзи у японцев и т. п.) становятся своего рода символами этнической принадлежности [4]. Как уже говорилось, о влиянии географической среды на этническое самосознание свидетельствуют топонимы [5].

Было бы, видимо, явным упрощением полностью сбрасывать со счета влияние географической среды на биологические (в первую очередь физиологические) параметры сопряженных с этносами популяций, а также ее роль как биоэнергетического источника их функционирования [6]. Но не менее ошибочно придавать этим факторам независимую и решающую роль в этнических процессах. В этой связи нельзя, в частности, не отметить несостоятельность попытки Л. Н. Гумилева представить в качестве основной движущей силы этнической истории так называемую пассионарность. Понимая под ней стремление небольшого числа людей (или даже отдельных лиц) к активной целенаправленной деятельности [7], Л. Н. Гумилев усматривает ее единственное основание в повышенной способности «организма абсорбировать энергию внешней среды и выдавать ее в виде работы» [8]. Между тем совершенно очевидна неправомерность отождествления физической энергии людей с их активностью. Последняя же, особенно если иметь при этом в виду общности людей, в том числе этнические, зависит

---

[4] *Koslow V., Pokschischewski V.* Ethnographie und Geographie, S. 146.

[5] Например, береговые чукчи называют себя ан калын — «морские жители», а одна из групп селькупов — шеинкум, т. е. «таежные люди».

[6] *Ефремов Ю. К.* Важное звено в цепи связей человека с природой. — Природа, 1971, № 2, с. 79.

[7] *Гумилев Л. Н.* Этногенез и этносфера. — Природа, 1970, № 1, с. 46.

[8] *Гумилев Л. Н.* Этногенез и этносфера, с. 50. Несколько иной вариант трактовки Л. Н. Гумилевым пассионарности приводится Ю. М. Бородаем в статье «Этнические контакты и окружающая среда», где она определяется как импульс, «с помощью которого живая природа сообщает заново возникающим этносам оригинальный гармонический ритм» (Природа, 1981, № 9, с. 85). Критику этого варианта см.: *Кедров Б. М., Григулевич И. Р., Крывелев И. А.* По поводу статьи Ю. М. Бородая «Этнические контакты и окружающая среда». — Природа, 1982, № 3, с. 88—91.

прежде всего от конкретно-исторических условий их существования, т. е. в конечном счете определяется преимущественно социальными факторами. К тому же следует учитывать и возможность определенного влияния на любое проявление активности этноса такого трудно поддающегося измерению фактора, как специфические особенности его психики. Одним словом, проблема различий в активности этноса значительно сложнее, чем это представляется Л. Н. Гумилеву [9].

Наиболее ощутимое воздействие географическая среда оказывает на этнос (особенно на ранних стадиях общественного развития) в период его формирования, когда он как бы адаптируется, приспособляется к своей природной «нише». Однако этот общеизвестный факт не следует абсолютизировать, ибо процесс трудового взаимодействия человека с природой является непрерывным [10]. При этом следует иметь в виду, что географическая среда оказывает воздействие на этнос, как и на другие социальные общности, во многом опосредованно — через развитие производительных сил. «Надо прежде всего не забывать, — отмечал еще Г. В. Плеханов, — что естественная среда становится важным фактором в историческом развитии человечества не благодаря своему влиянию на человеческую природу, но благодаря своему влиянию на развитие производительных сил» [11]. Сложный механизм этого влияния, в частности, связан с тем, что развитие производительных сил, вовлекая в сферу производства новые, ранее не использовавшиеся компоненты природы (например, полезные ископаемые, гидроресурсы и т. п.), само оказывается в конечном счете в определенной зависимости от их потенциальных ресурсов и, следовательно, либо стимулируется, либо тормозится ими.

Стало быть, при рассмотрении влияния географической среды на развитие этнических процессов недопустимы как «географический нигилизм», так и преувеличение этого влияния. По справедливому замечанию Ю. К. Ефремова, такие преувеличения уже не раз компрометировали сам отправной постулат проблемы взаимодействия природы и общества. Одно из проявлений такого рода тенденций в нашей литературе представляет тезис Л. Н. Гумилева, что для этногенеза являются благоприятными только те регионы, где сочетаются разнородные ландшафты; напротив, одноландшафтные территории, по его словам, никогда не были местом возникновения этносов. Этот тезис иллюстрируется картой, на которой выделены, так сказать, «этногенные» территории; причем за пределами этих

---

[9] См.: *Артамонов М. А.* Снова «герои» и «толпа»? — Природа, 1971, № 2, с. 76; *Бромлей Ю. В.* Несколько замечаний о социальных и природных факторах этногенеза. — Природа, 1971, № 2, с. 84.

[10] *Пуляркин В. А.* О содержании понятия «географическая среда» и о влиянии географической среды на общество. — В кн.: Природа и общество. М., 1967, с. 76.

[11] *Плеханов Г. В.* Очерки по истории материализма. — Избр. филос. произв. М., 1956, т. II, с. 157.

территорий оказались Прибалтика, Кавказ, Средняя Азия, большая часть Индии и т. д.[12] В данной связи трудно не согласиться с заключением, что избранные автором критерии ландшафтного разнообразия субъективны, а его концепция в целом не убедительна [13]. Другими словами, она не может служить основанием для заключения об определяющей роли географической среды для этногенетических процессов. О несостоятельности подобных выводов в духе антропологической школы Ф. Ратцеля достаточно наглядно свидетельствует тот факт, что хозяйство и быт народов (не говоря уже об их социальных отношениях) обычно изменяются неизмеримо быстрее, чем изменяется их географическая среда. Не менее показательно и то, что при перемене территории (например, в результате переселения) этнос не только не исчезает, но и в значительной мере сохраняет свои черты. Об отсутствии «жесткой» взаимосвязи в системе «этнос и среда» свидетельствует и то обстоятельство, что отдельные этносы-народы далеко не одинаково используют различные возможности, предоставленные одним и тем же географическим ландшафтом для существования людей.

Выбор тех или иных из такого рода возможностей зависит прежде всего от уровня социально-экономического развития общества. Не случайно в самых различных частях ойкумены у народов, находившихся примерно на одинаковом уровне социально-экономического развития и в сходных природных условиях, нередко складывались аналогичные системы использования природных ресурсов, так называемые хозяйственно-культурные типы [14]. Вместе с тем, как отмечал еще Л. Мечников, «историческая ценность той или другой географической среды, предполагая даже, что она в физическом отношении при всех обстоятельствах остается неизменной, тем не менее бывает различна в разные исторические эпохи» [15]. Особенно расширила соответствующие возможности промышленная революция, с которой связана победа капиталистического способа производства. В докапиталистический период обширные территории с экстремальными физико-географическими условиями не обладали достаточно благоприятными предпосылками для прогресса в области хозяйства, а тем самым для возникновения и последующего развития классовых обществ. Сюда относятся влажный экваториальный пояс, частично высокогорья и особенно полярная зона [16]. Промышленная революция открыла новые возможности для использования природных ресурсов, в том числе

---

[12] *Гумилев Л. Н.* Этногенез и этносфера, с. 52—53.
[13] См.: *Ефремов Ю. К.* Важное звено. . ., с. 79; *Козлов В. И.* О биологической концепции этнической истории. — ВИ, 1974, № 12.
[14] См.: *Левин М. Г., Чебоксаров Н. Н.* Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области, с. 4.
[15] *Мечников Л.* Цивилизация и великие исторические реки. М., 1924, с. 69.
[16] См.: *Пуляркин В. А.* Природа и общество в многоукладных (докапиталистических) формациях. — В кн.: Взаимодействие природы и общества. М., 1973, с. 237.

в экстремальных условиях. Эти возможности лавинообразно возрастают в условиях научно-технической революции, создавшей необходимые предпосылки для освоения людьми природных богатств всех географических зон нашей планеты, и, более того, для выхода за ее пределы.

Но при всей значимости уровня социально-экономического развития человеческих коллективов для использования ими ресурсов отдельных ландшафтных зон вариабельность хозяйственной деятельности в пределах таких зон не может быть отнесена только за счет этого фактора. Дело в том, что истории известно немало случаев, когда народы, находившиеся, примерно, на одинаковом уровне социально-экономического развития и в одинаковых природных условиях, не создавали одних и тех же хозяйственно-культурных типов, используя аналогичные ресурсы весьма различно. Такого рода вариабельность обусловлена в первую очередь специфическими культурными традициями отдельных этнических общностей. Она может проявляться в самых разнообразных сферах взаимодействия человека и природы. Обстоятельство это, однако, в работах, посвященных экологии человека, обычно остается в тени. Между тем оно, на наш взгляд, заслуживает более пристального внимания. В противном случае мы рискуем упростить проблему.

Поэтому представляется необходимым специально остановиться на вопросе о специфике использования различными этническими общностями природных ресурсов. Рассматривая же данный вопрос, прежде всего надо напомнить, что осваиваемые человеком «внешние природные условия экономически распадаются на два больших класса: естественное богатство средствами жизни. . . и естественное богатство средствами труда» [17]. Вместе с тем следует иметь в виду и диалектическую взаимосвязь обоих видов естественного богатства. Даже в присваивающем хозяйстве использование человеком даров природы в той или иной мере сопровождается применением орудий труда (например, употребление палки-копалки некоторыми собирателями); в производящем же хозяйстве потребление людьми природных ресурсов почти всегда опосредствовано их трудовой деятельностью.

Уже на стадии присваивающего хозяйства, примерно в одних и тех же природных условиях, отдельные этнические общности подчас по-разному используют «средства жизни». При этом обнаруживается весьма устойчивая связь производственных навыков с этносом. В этом отношении весьма показательна судьба племени марабри — охотников и собирателей Таиланда. Несмотря на регулярные экономические контакты с более развитыми соседями — различными тайскими народами (некоторые группы марабри перешли даже на тайский язык), они до сих пор не знакомы даже с зачатками земледелия. Хозяйственная деятельность их сводится к собирательству и загонной охоте. Мужчины, вооруженные

---

[17] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 23, с. 521.

копьями длиной 2,3—4 м, охотятся на диких зверей, крыс, змей. Лука и стрел мараби не знают. Женщины и дети занимаются собиранием клубней, диких плодов, меда, воска, червей. Единственное домашнее животное у них — черные собаки [18].

Значительный интерес в рассматриваемой связи представляют также этнографические материалы о таких существующих и поныне собирателях, как кадары Южной Индии. В настоящее время в их жизни ведущую роль играет как денежный, так и прямой обмен с соседями. Если еще несколько десятилетий тому назад все основные потребности кадаров могли быть удовлетворены собственными силами, то сейчас лишение кадаров обмена означало бы полный развал их хозяйства. И тем не менее кадары остаются собирателями, и внешне это выглядит как и раньше: значительную часть года кадары проводят в более или менее продолжительных походах за лесными продуктами. Но задачи собирательства стали иными, состав собираемых продуктов леса теперь диктуется не потребностями самих собирателей, а требованиями обмена. Кадара теперь интересуют не съедобные коренья, а те предметы, которые в данный момент пользуются большим спросом на индийском рынке: имбирь, кардамон, мед, ценная древесина и т. д.[19] Таким образом, хозяйство кадаров, оказавшись нацеленным на рынок, сохранило, однако, свой собирательский характер. Иначе говоря, традиция собирательства оказалась чрезвычайно устойчивой.

Что касается скотоводческих народов, то устойчивость их хозяйственной традиции общеизвестна. Об этом, в частности, наглядно свидетельствует история многочисленных средневековых нашествий кочевников на оседлое население Евразии, сопровождавшееся обычно превращением значительной части земледельческих угодий в пастбища. В несколько ином плане этническую окрашенность скотоводческих традиций можно продемонстрировать на примере скотоводов-влахов, ведущих свое происхождение от древнего романизированного населения Балканского полуострова. Представление о том, что влахи — непременно пастухи, настолько прочно утвердилось в сознании окружающих их народов, что в позднее средневековье в балкано-карпатском регионе влахами стали именовать также славян, занимающихся отгонным скотоводством [20].

О весьма прочных хозяйственных традициях народов свидетельствует и история земледелия. В этом отношении достаточно

---

[18] См.: *Иванова Е. В.* Мараби — охотники и собиратели Таиланда. — В кн.: Охотники, собиратели, рыболовы. Л., 1972, с. 145.

[19] См.: *Маретина С. А.* Социальная организация кадаров.— В кн.: Охотники, собиратели, рыболовы, с. 115—116.

[20] См.: *Бромлей Ю. В., Грацианская Н. Н.* Этнографические аспекты карпатоведения. — Советское славяноведение, 1973, № 6, с. 66; *Фрейденберг М. М.* Город и влахи в Далмации (XIV—XV вв.). — В кн.: Карпато-дунайские земли в средние века. Кишинев, 1975, с. 203—210.

показателен пример русских переселенцев в Сибирь в XVII—XIX вв., приложивших огромные усилия по приспособлению традиционных приемов хлебопашества к условиям вновь осваиваемых территорий [21]. Устойчивая связь систем земледелия с этносом наблюдается и в наше время, особенно в тех регионах земного шара, где капиталистические отношения еще не проникли в земледелие, или это проникновение еще слабо, как, например, в странах Юго-Восточной Азии. В этой связи можно упомянуть прежде всего малайцев и бирманцев, ведущих исключительно орошаемое пашенное земледелие, или многочисленные народы из группы горцев, занимающихся подсечно-огневым земледелием. Подобные системы земледелия обычно не учитывают всего многообразия местных почвенно-климатических условий [22].

Дает подчас себя знать этническая дифференциация хозяйственных традиций, касающихся средств жизни, и в условиях социализма. Одним из свидетельств этого может служить сохранение определенной сельскохозяйственной специализации у трех населяющих Забайкалье (притом нередко чересполосно) народов: бурят, русских и эвенков. Если у русских главной отраслью сельского хозяйства остается земледелие, то у бурят, хотя оно и получило под влиянием русских заметное распространение, все же ведущее значение сохраняет скотоводство [23]. Что касается эвенков, то для их хозяйства до сих пор характерно сочетание трех отраслей: охоты, оленеводства и рыболовства [24].

Исторически хозяйственная специализация каждого этноса, как правило, обусловлена соотношением в момент возникновения этой специализации двух факторов: уровня его социально-экономического развития и характера среды обитания. Именно от них прежде всего зависит выбор данным этносом того или иного способа (оригинального или заимствованного) использования естественных средств жизни. Но насколько прочно в нем закрепится такая хозяйственная система, это во многом определяется дальнейшей стабильностью как его социально-экономической жизни, так и природной среды. В случае их длительной стабильности сложившаяся система хозяйства превращается в устойчивую традицию и приобретает как бы силу инерции. И поэтому изменение уровня социально-экономического развития этноса и даже среды его обитания может далеко не сразу повлечь за собой смену традиционной отрасли хозяйства. Особенно наглядно последнее обстоятельство проявляется в случае миграции этноса. Этим, в частности, объясняются упомянутые выше различия в хозяйственной специализации бурят и русских Забайкалья. Правда, здесь имелись достаточно благоприятные условия как для ското-

---

[21] *Громыко М. М.* Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII—первая половина XIX в.). — Новосибирск, 1975, с. 29.
[22] *Чеснов Я. В.* Социально-экономические уклады и этнические традиции в агроэтнографии. — СЭ, 1972, № 4, с. 68—69.
[23] См.: *Токарев С. А.* Этнография народов СССР. М., 1956, с. 447.
[24] *Токарев С. А.* Этнография народов СССР, с. 498.

водства, так и для земледелия. Между тем известны случаи, когда миграции этноса сопровождались сохранением традиционной для него системы хозяйства, несмотря даже на отсутствие в новом регионе расселения достаточно благоприятных для этого экологических условий [25].

Устойчивая связь с этносом подчас обнаруживается в использовании не только средств жизни, но и средств труда. Особенно это характерно для докапиталистических социально-экономических формаций, а также для пережиточных укладов. В таких случаях различные разновидности одних и тех же типов орудий труда часто встречаются у соседних народов, живущих в одинаковых социально-экономических и природных условиях и даже относящихся к одному хозяйственно-культурному типу. В частности, разнообразие орудий обработки земли (колов для рыхления почвы, мотыг, заступов, а также пахотных орудий) неоднократно отмечалось в этнографической литературе. По-видимому, в данном отношении существенную роль играет простота орудий труда, вследствие чего различия в их конструкции не имеют решающего значения с точки зрения уровня их развития. О слабой зависимости уровня развития докапиталистических обществ от типов земледельческих орудий наглядно свидетельствует достижение стадии классового общества индейцами Центральной Америки, применявшими в земледелии до прихода европейцев только каменные и деревянные орудия. Аналогичное явление наблюдается на о. Фиджи у меланезийцев [26]. Следует также иметь в виду, что особенности внешнего вида традиционного сельскохозяйственного инвентаря подчас отражают и самобытность эстетических вкусов различных народов.

В докапиталистических обществах связь с этносом обнаруживается не только в сельскохозяйственном инвентаре, но подчас и в орудиях ремесленного производства. Достаточно вспомнить своеобразие кузнечных, плотничьих, ювелирных и т. п. инструментов, найденных археологами в разных странах мира. Основная причина этого, очевидно, та же, что и для традиционных сельскохозяйственных орудий, — их простота.

По мере усложнения производственной техники, начиная с эпохи промышленной революции и становления капитализма, создание полностью заново «национальных» вариантов уже существующих средств труда становится все менее рентабельным. Особенно это оказывается ощутимым в условиях научно-технической революции, чему немало способствует как характерный для нее быстрый моральный износ техники, так и необычайно возрастающие международные, в том числе экономические связи.

Правда, многие современные однотипные технические средства (автомобили, станки, приборы и т. п.), выпускаемые в разных странах, имеют, как правило, определенные отличия. Но, во-

---

[25] *Чеснов Я. В.* Социально-экономические уклады. . ., с. 69.
[26] *Чеснов Я. В.* Социально-экономические уклады. . ., с. 67.

первых, такие отличия в значительной мере связаны с неодинаковыми практическими возможностями соответствующих технических средств, т. е. отражают разный уровень технического прогресса и, стало быть, имеют не столько пространственный, сколько стадиальный характер. Во-вторых, такие технические средства обычно не успевают превратиться в традиционные для данного этноса явления как вследствие уже упоминавшегося быстрого их морального износа, так и особенно в силу интенсивного межгосударственного торгового обмена (в том числе покупки лицензий). Наконец, следует учитывать, что если новая техника и приобретает роль локальных символов, то таковые имеют не столько национальное (этническое), сколько общегосударственное значение (обстоятельство весьма существенное для такого многонационального государства как СССР). Все это в целом и предопределило тот хорошо известный этнографам факт, что современные технические средства обычно не выполняют сколько-нибудь значительной этнодифференцирующей роли.

Примерно подобным же образом дело обстоит и с такими естественными богатствами, как полезные ископаемые и энергетические ресурсы. Их добыча и использование в разных странах также имеет свои особенности. Но если в прошлом эти особенности нередко облекались в специфические для того или иного этноса формы, то в наше время они главным образом связаны с различиями соответствующих ресурсов и масштабов их использования и, стало быть, характеризуют не этнические, а экономические параметры современных наций.

Одним словом, в производственной деятельности людей этнические различия проявляются при использовании не столько средств труда, сколько средств жизни.

Этническое своеобразие отчетливо проступает и в потреблении самих естественных средств жизни. Особенно показательна в этом отношении пища, являющаяся важнейшим энергетическим источником жизнедеятельности людей. Как уже отмечалось, различия между народами касаются и состава потребляемой пищи, и способов ее приготовления, и времени приема и т. д.[27] В частности, если в Европе почти все народы принимают пищу, по крайней мере, три раза в сутки, то многие народы Азии и Африки — лишь два раза.

Конечно, эти и им подобные различия нередко вызваны природными условиями (как ландшафтными, так и климатическими). Однако далеко не все. Многие из них могут быть отнесены лишь на счет тех или иных культурных традиций народов, иначе говоря, этнических факторов. Это становится особенно очевидным в тех случаях, когда указанные различия относятся к народам, населяющим один и тот же регион. Возьмем, к примеру, Кавказ. Если, скажем, у осетин довольно широко распространено свиноводство, то у многих народов Северного Кавказа оно почти пол-

---

[27] См. выше, с. 54.

ностью отсутствует; несомненно сказываются былые религиозные различия (значительная часть осетин исповедовала христианство, большинство же народов Северного Кавказа были мусульманами). Другой пример: если грузинский земледелец предпочитает готовить кислый хлеб, то армянский — пресный.

Достаточно наглядно проявляются этнические традиции и в такой сфере экологии человечества, как внебиологическая адаптация народов к климатическим условиям среды обитания. В этой связи можно сослаться, например, на строительные традиции русских переселенцев XVII—начала XX в. Так, на юге Украины они строили рубленые дома из толстых бревен, в то время как окружающее их украинское население жило в саманных и глинобитных хатах. Лес русские переселенцы привозили за многие сотни километров. Это было доступно отнюдь не каждому, тем не менее первоначально многие неимущие семьи предпочитали жить по нескольку лет в примитивных землянках, чтобы накопить средства на постройку единственного, с их точки зрения, жилища — жилища из дерева [28].

Этнические традиции проступают и в таком компоненте материальной культуры, предназначенном для защиты людей от неблагоприятных климатических воздействий, как одежда. Такого рода традиции подчас устойчиво сохраняются, казалось бы, вопреки тем требованиям, которые диктуются климатическими факторами. Так, древнейшие обитатели Японии — айны, прибывшие сюда, судя по всему, из Океании, несмотря на жизнь в суровом климате (о. Хоккайдо), летом носят лишь набедренные повязки, подобно жителям стран, лежащих у экватора.

Отчетливо проявляются этнические традиции и в такой специфической сфере культуры, ориентированной на защиту человека от неблагоприятных воздействий природной среды, как медицина. Известно, в частности, что находящиеся в одних и тех же природных условиях соседние народы нередко пользуются для лечения одинаковых болезней совершенно различными лечебными средствами, в том числе лекарственными растениями [29].

Связи с этносом обнаруживаются не только в самой культурной адаптации к среде обитания, но и в ценностных ориентациях, касающихся ее охраны. В этом отношении каждый народ имеет определенные традиции. Такого рода традиции, в частности, весьма наглядно проявляются в обычаях, регламентирующих число убиваемых на охоте зверей. Например, по традиции, у осетин, так же как и у некоторых других народов Кавказа, даже в том случае, если на охоте было несколько человек, не разрешалось убивать больше двух-трех зверей, а также стельную дичь [30]; у населения

---

[28] См.: Современные этнические процессы в СССР. М., 1977, с. 179.

[29] См.: *Бромлей Ю. В., Воронов А. А.* Народная медицина как предмет этнографических исследований. — СЭ, 1976, № 5.

[30] *Магометов А. Х.* Культура и быт осетинского народа. Орджоникидзе, 1968, с. 110—111.

Поморья еще в XVI—XVII вв. практиковалось принятие постановлений, устанавливающих сроки начала охоты; у шерпов на севере Непала в неурожайные годы сбор дикорастущей аризепы, дающей крахмалистый корнеплод, разрешался не более 15 дней [31]. Перечень подобных примеров, касающихся как экофильного, так и экофобного отношения к природе у самых различных народов мира, легко продолжить [32].

Итак, приведенные материалы, надо полагать, не оставляют сомнения в том, что взаимодействие человека с природой у каждого народа имеет свои особенности, дающие о себе знать в самых различных сферах. Эти особенности — одно из проявлений полиморфизма этнической культуры, обычно повышающего возможности ее адаптивных функций. Такой полиморфизм позволяет всей совокупности этносов, обитающих в той или иной экологической нише, полнее использовать ее ресурсы. Но есть и другая весьма существенная сторона этого полиморфизма — различные этносы в силу особенностей своих традиций (при прочих равных условиях) далеко не одинаково воздействуют на одну и ту же природную среду.

Иначе говоря, характеризуя отношения этноса и природы, не следует забывать, что такого рода отношения имеют двусторонний характер. А это в свою очередь позволяет рассматривать этнос и среду его обитания как определенную целостность — этноэкологическую систему. Правда, на разных этапах всемирно-исторического процесса значимость для жизни общества таких систем была далеко не одинакова. На ранних в стадиальном отношении ее этапах этноэкологическим системам, несомненно, принадлежала немалая роль в жизни общества. По мере технологического и социально-экономического развития общества эта роль постепенно снижалась, поскольку ослабевало непосредственное влияние на него природы. Тем не менее и в условиях научно-технической революции роль этноэкологических факторов, как мы могли убедиться, дает о себе знать в значительно большей мере, чем это может показаться на первый взгляд. И с данным обстоятельством нельзя не считаться. Ведь несомненно, что при одних и тех же природных условиях мероприятия по охране, например, леса, у земледельческих народов должны иметь несколько иной характер, чем у народов, главным занятием которых является скотоводство или тем более охота. При этом, в частности, следует иметь в виду, что в сфере традиционной деятельности у каждого народа обычно существуют сложившиеся нормы, обеспечивающие экологическое равновесие. Напротив, в новых для данного народа отраслях хозяйства подобные ценностные ориентации и установки, как правило, отсутствуют. И это требует уделения особого внимания к экологическим последствиям распространения на террито-

---

[31] *Sacherer J. M.* Sherpas of the Rolwaling valley. Human adoptation to a Harsch mountain environment. — In: Objets et Mondes, 1974, t. XIV, t. 4, p. 318.

[32] См.: *Арутюнов С. А.* Культурологические исследования и глобальная экология. — Вестник АН СССР, 1980, № 12.

рии обитания того или иного народа новых для него, т. е. не традиционных в этническом отношении, видов хозяйственной деятельности.

Как ни парадоксально, но роль географической среды для этнических процессов в настоящее время в нашей литературе освещена, пожалуй, более обстоятельно, чем значение для них социальных факторов. Это связано с тенденцией к сужению проблемы. Во-первых, ее рассмотрение обычно заслоняется вопросом о соотношении экономической и этнической общностей. Во-вторых, если вопрос о влиянии социальных явлений на этнические процессы и ставится, то он почти полностью сводится к экономике, а эта последняя — к экономическим связям. К тому же вопрос о влиянии этих связей, как правило, рассматривается применительно лишь к одному типу этнических общностей — нациям.

Для этнических образований, как и для всех других видов общественных явлений, определяющим фактором изменений в конечном счете является производство материальных благ. «Механизм» воздействия этого фактора на этнические общности весьма многогранен. При его рассмотрении, в частности, обычно упускается из виду, что только производство обеспечивает восстановление непрерывно потребляемых людьми материальных благ, многие из которых являются носителями этнических свойств (особенно на ранних ступенях общественно-исторического развития). Стало быть, само воспроизводство материальных благ представляет важный момент этнической преемственности — явления, как уже говорилось, лежащего в основе длительного существования этнических общностей.

Поскольку же воспроизводство материальных благ обычно сопровождается техническим прогрессом, оно неизбежно влечет за собой культурные изменения. Притом имеется несколько модусов таких изменений. В данной связи нельзя, например, не напомнить о том, что прогресс производства связан со включением в сферу культуры новых материалов, придающих ей подчас явно выраженные специфические черты. Это особенно дает о себе знать в диахронном плане. Весьма показательно в данной связи различение археологами племен каменного, бронзового и железного веков (впрочем, подобное разграничение может иметь и синхронный характер: например, речь может идти о сосуществовании этносов, находящихся на стадиях бронзы и железа).

Но влияние производства на изменение материальной культуры, разумеется, не сводится лишь к простому включению в нее предметов, изготовленных из новых материалов; важной формой обновления материальной культуры выступает и другой путь: создание новых видов предметов из традиционно используемых материалов. В том и другом случае подобные инновации относятся не только к предметам потребления, но и к самим производительным силам. Ведь, составляя вместе с производственными отношениями способ производства, т. е. социально-экономический базис, производительные силы одновременно в качестве результатов (ору-

дия труда) и способа (знания и навыки) деятельности людей являются компонентами культуры.

Рассматривая в историко-этническом плане воздействие развития производительных сил на материальную культуру, напомним об одном своеобразном аспекте этого воздействия: чем выше уровень развития производства, тем меньше этнической специфики в материальной культуре.

Однако основное воздействие производительных сил на этнос осуществляется не непосредственно, а опосредованно — через производственные отношения. В первую очередь это проявляется через такой их компонент, как экономические связи [33]. Воздействие этих связей на общественную жизнь имеет различные аспекты, в том числе и этнокультурный. Последний непосредственно выражается в том, что развитие экономических связей на определенной территории не только требует интеграции культуры (в первую очередь — языка), но и способствует такой интеграции. Ведь происходящее при этом усиление контактов между населением неизбежно сопровождается ростом синхронной этнокультурной информации [34]. Содействует объединительным этническим процессам, как мы увидим ниже, и обычно следующее за развитием экономического обмена укрепление политической общности составных частей соответствующих государственных образований.

На разных этапах всемирно-исторического процесса роль экономических связей в развитии этнических процессов, как известно, не оставалась неизменной. В эпоху первобытнообщинного строя эти связи, судя по всему, ограничивались преимущественно рамками родовой общины и в интеграции основной этносоциальной единицы той эпохи — племени — не играли, по-видимому, существенной роли; эпизодический характер имел и межплеменной обмен, в том числе между племенами, принадлежащими к одной историко-этнографической области или культурно-лингвистической общности. Но с возникновением товарно-денежных отношений в раннеклассовых обществах экономические связи начинают играть более заметную роль в этнических процессах. Эти связи, в частности, способствовали формированию основных этнических образований той эпохи — народностей; при этом обнаруживается тенденция выполнения ими функции одного из основных каналов хозяйственно-культурного нивелирования тех этнических групп, из которых складывались отдельные народности, выработки у них общих черт. Однако тенденция эта в раннеклассовых обществах не могла проявиться полностью, ибо в условиях однородности

---

[33] Основой таких связей является, как известно, разделение труда (как профессиональное, так и региональное), обусловленное развитием общественного производства.

[34] Один из «каналов» непосредственного влияния на этот процесс производительных сил представляют средства коммуникации в широком смысле слова, т. е. включая и транспорт.

их экономической структуры [35] экономические связи были развиты еще относительно слабо.

Рост экономических связей с возникновением капитализма влечет за собой резкое усиление их роли в этнических процессах. Это прежде всего отразилось на формировании таких этносоциальных организмов, как нации. Данное обстоятельство, как известно, было специально подчеркнуто В. И. Лениным, показавшим на примере складывания русской нации значение для процесса национальной консолидации усиливающегося в период генезиса капитализма обмена между областями, постепенно растущего товарного обращения, слияния небольших местных рынков в один национальный рынок. Раскрывая сущность процесса формирования наций, В. И. Ленин подчеркивал: так как «руководителями и хозяевами этого процесса были капиталисты-купцы, то создание этих национальных связей было не чем иным, как созданием связей буржуазных» [36].

В период становления капитализма, конечно, росли не только внутринациональные, но и межнациональные экономические связи. Однако в этот период первые, несомненно, решительно преобладали над вторыми, иначе само формирование наций было бы невозможно, ибо этнокультурные контакты осуществлялись преимущественно в ходе экономических связей. Но в данной связи возникает вопрос: продолжают ли играть экономические связи определяющую роль во внутриэтнической консолидации в период развитого капитализма? Обычно положительный ответ на этот вопрос считается само собой разумеющимся. Однако правомерность такого ответа была поставлена под сомнение В. И. Козловым. Он соглашается с тем, что в эпоху капитализма внутреннее сплочение национальных государств (т. е. этносоциальных организмов) резко усилилось благодаря развитию новых, присущих капиталистической системе хозяйства, экономических связей. Но вместе с тем он считает, что отмеченная В. И. Лениным связь экономических и национальных (языково-территориальных) моментов характерна лишь для эпохи раннего капитализма [37]. При этом В. И. Козлов обращает внимание на то, что «по мере роста производительных сил в экономике все большую роль начинают играть межгосударственные экономические связи» [38]. В подтверждение он ссылается на указание В. И. Ленина, что «торговые связи между различными государствами становятся все теснее и обширнее; капитал переходит постоянно из одной страны в другую» [39].

---

[35] Характеризуя социально-экономическое развитие средневекового общества, Ф. Энгельс отмечал, что у основных социальных ячеек этого общества — мелких общин — экономические интересы были «одинаковые, но именно поэтому и не общие» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 19, с. 496).

[36] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 1, с. 154.

[37] *Козлов В. И.* Этнос и экономика. Этническая и экономическая общности. — СЭ, 1970, № 6, с. 56.

[38] *Козлов В. И.* Этнос и экономика. . ., с. 56.

[39] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 2, с. 98.

Действительно, с развитием капитализма начинается «учащение всяческих», в первую очередь экономических, «сношений» между нациями, «ломка национальных перегородок» [40]. Но это все, разумеется, не исключает параллельного усиления экономических связей внутри наций даже в том случае, если они входили в состав многонационального государства. Меняется лишь соотношение внутринациональных и межнациональных, международных экономических связей. В этом плане основная тенденция, судя по всему, состоит в возрастании удельного веса последних. Но по абсолютным размерам продолжают, как правило (во всяком случае в однонациональных государствах), преобладать первые. Если международные экономические связи стимулируют соответствующие этнические контакты, а в конечном счете интеграционные этнические процессы, то экономические связи в рамках нации способствуют внутринациональной консолидации.

Что касается социалистической формации, то даже в рамках такого многонационального государства, как Советский Союз, экономические связи внутри наций, насколько можно судить, не ослабевают, а усиливаются [41]. И это отнюдь не противоречит тому, что одновременно интенсивно возрастают межнациональные связи такого рода, что экономическая общность внутри союзных и автономных республик «явно уступает по своему значению экономическим связям, экономической общности всесоюзного масштаба» [42]. Ведь в данном случае экономические связи внутри наций и между ними [43] представляют одно целое, взаимопроникая и взаимодополняя друг друга. Соответственно, применительно к современным условиям в нашей стране речь, очевидно, должна идти лишь об относительном сокращении масштабов внутринациональных экономических связей. Между тем увеличение абсолютных размеров этих связей не может не сказываться на «плотности» синхронной этнокультурной информации внутри наций.

Вместе с тем, рассматривая вопрос о значении экономических связей для современных этнических процессов, нельзя не учитывать тенденцию к общему понижению их удельного веса среди факторов, непосредственно детерминирующих такого рода процессы. Это обусловлено в первую очередь тем, что по мере научно-

---

[40] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 24, с. 124.

[41] Об этом, в частности, косвенно свидетельствует возрастающий товарообмен между городом и селом внутри союзных республик.

[42] *Козлов В. И.* Этнос и экономика. . ., с. 59.

[43] Одно из главных оснований внутрисоюзных экономических связей — специализация и кооперирование. Например, в материальном производстве Казахской ССР используется продукция 96 отраслей других союзных республик, а Казахстан отправляет остальным 14 союзным республикам продукцию 76 отраслей своего производства. Соответствующие данные по Молдавской ССР составляют 93 и 72, по Грузинской ССР — 100 и 82 (*Аракелян А. А.* Основные черты экономического сотрудничества народов СССР. — В кн.: Актуальные проблемы национальных отношений в свете Конституции СССР. М., 1981, с. 116).

технического прогресса, сопровождающегося развитием средств массовой коммуникации [44], роль экономических контактов в непосредственном распространении этнической информации все более падает.

Социально-экономический базис, производственные отношения воздействуют на этнос не только посредством экономических связей. С момента разложения первобытного строя это воздействие начинает осуществляться также через соответствующее тому или иному способу производства классовое деление общества.

Характером классовой структуры общества, как уже говорилось, в первую очередь определяется историко-стадиальный тип этносоциального организма; появление новой классовой структуры неизбежно влечет за собой его изменение. Диалектическая целостность каждого данного общества, состоящего из антагонистических классов, представляет важнейший фактор не только формирования, но и существования этнических общностей. Вместе с тем само наличие внутри этносоциальных организмов антагонистических классов является моментом, ослабляющим его этнокультурное единство. Именно это обстоятельство отражает известное ленинское положение о том, что при капитализме «есть две нации» в каждой нации [45]. Только ликвидация антагонистических классов, сопровождающаяся ростом социальной однородности этносоциальных организмов, создает условия для их полной этнокультурной консолидации.

При характеристике влияния на этнические явления отдельных классов нередко ограничиваются лишь ссылкой на роль буржуазии в формировании наций. Однако в действительности на всех этапах общественного развития для становления этносов и их дальнейшей динамики определяющей в конечном счете является деятельность народных масс. Притом их значение не ограничивается тем, что они создают материальные блага, многие из которых, как мы знаем, выступают, особенно на ранних этапах общественного развития, как важнейшие компоненты этноса. Не приходится забывать о творчестве народных масс в сфере духовной культуры. В первую очередь в этой связи, конечно, вспоминаются различные виды народного художественного творчества, народные знания, созданные трудящимися массами нравственные нормы, обычаи и т. п. Но, пожалуй, в интересующем нас плане особенно следует подчеркнуть, что именно народные массы являются главными творцами такого важнейшего компонента этноса, как язык.

Определенное воздействие на этносы народные массы оказывают и через сферу политики. Классовая борьба трудящихся на протяжении всей истории антагонистических формаций в известной мере сдерживала натиск господствующих классов, не раз ста-

---

[44] Только за 1965—1980 гг. в нашей стране отправка газет и журналов выросла в 1,9 раза, количество междугородних телефонных переговоров — в 4,5 раза, число телевизоров — в 4,1 раза. (См.: Народное хозяйство СССР в 1980 г. М., 1981, с. 322, 404).

[45] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 24, с. 129.

вивший под угрозу даже «простое воспроизводство» этноса. Огромное значение для сохранения многих, если не большинства, ныне существующих этнических общностей имело участие народных масс в борьбе против завоевателей.

Следует, однако, учитывать, что на протяжении истории антагонистических формаций иллюзии общеэтнических (общенациональных) интересов нередко заслоняли в сознании трудящихся их подлинные классовые интересы. Лишь рабочий класс, возглавляемый марксистско-ленинской партией, способен преодолеть эти иллюзии, противопоставляя буржуазному национализму идею пролетарского интернационализма. Вместе с тем рабочему классу чужд нигилизм в национальном вопросе: он последовательно выступает против всех форм принуждения во взаимоотношениях между этническими общностями, за их равенство и самостоятельность.

Разнообразны и методы воздействия на этнические явления господствующих классов. Наряду с экономическим фактором, о котором уже шла речь, важнейшим их рычагом в этом отношении выступает государство. Притом воздействие государства на этнические процессы отнюдь не ограничивается его ролью в формировании наций. Государство выступает важным фактором этнических процессов с момента своего возникновения.

По меткому замечанию современного французского этнолога А. Леруа-Гурана, чтобы народу конституироваться, «требуется длительная политическая стабильность, тем более продолжительная, чем более он велик» [46]. Политическое господство той или иной этнической группы, в том числе установленное в результате завоеваний, в значительной мере предопределяло направленность этнических процессов при формировании многих народностей [47].

В то же время этнические моменты сами оказывают определенное воздействие на процесс складывания государственной территории. На это обратил внимание Ф. Энгельс, указывавший, что еще в раннее средневековье в Западной Европе, «как только произошло разграничение на языковые группы. . . стало естественным, что эти группы послужили определенной основой образования государств» [48]. Вместе с тем Ф. Энгельс отмечал тормозящую роль феодальной раздробленности для национальной консолидации [49]. В преодолении этой раздробленности, подчеркивал Ф. Энгельс, ведущую роль сыграла королевская власть: она, «опираясь на горожан, сломила мощь феодального дворянства и создала крупные, в сущности основанные на национальности, монархии, в которых начали развиваться современные европейские нации» [50].

---

[46] *Leroi-Gourhan A.* Evolution et technique. Paris, 1945, v. II, p. 326.
[47] См.: *Алексеев В. П., Бромлей Ю. В.* К изучению роли переселений народов в формировании новых этнических общностей. — СЭ, 1968, № 2.
[48] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 21, с. 410.
[49] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 18, с. 571—572.
[50] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 20, с. 345.

На значение государственно-политического фактора для формирования наций неоднократно указывал В. И. Ленин, подчеркивавший еще в 1914 г. в знаменитых «Тезисах реферата по национальному вопросу», что «национальное государство мировое правило» [51]. Раскрывая социально-экономическую подоплеку этого явления, В. И. Ленин писал: «Во всем мире эпоха окончательной победы капитализма над феодализмом была связана с национальными движениями. Экономическая основа этих движений состоит в том, что для полной победы товарного производства необходимо завоевание внутреннего рынка буржуазией, необходимо государственное сплочение территорий с населением, говорящим на одном языке. . .

Образование *национальных государств*, наиболее удовлетворяющих этим требованиям современного капитализма, является поэтому тенденцией (стремлением) вечного национального движения» [52].

В условиях капитализма данная тенденция приобретает, однако, противоречивый, антагонистический характер, сопровождаясь установлением привилегированного положения или даже прямого господства одной нации над другой. При этом складывающееся в ходе борьбы за «свою» государственность национальное самосознание трудящихся используется буржуазией для разжигания национализма, поставленного на службу ее империалистическим притязаниям [53].

Рабочий класс, его революционный авангард — марксистско-ленинские партии отвергают реакционную идеологию национального неравенства и поддерживают национальное чувство угнетенных наций, в той мере и поскольку в нем «есть общедемократическое содержание *против* угнетения» [54]. Марксизм рассматривает национально-освободительное движение как неоспоримую предпосылку широкого развертывания борьбы угнетенных народов за социализм. Вместе с тем марксистам совершенно очевидно, что полностью национальный вопрос может быть решен лишь с ликвидацией антагонистических классов, являющейся кардинальной предпосылкой уничтожения всех видов угнетения и неравенства, в том числе и в сфере национальных отношений. «При капитализме, — подчеркивал В. И. Ленин, — уничтожить национальный (и политический вообще) гнет *нельзя*. Для этого *необходимо* уничтожить классы, т. е. ввести социализм» [55].

Именно поэтому воздействие идеалов рабочего класса на современные этнические процессы получает полное выражение лишь в условиях социалистического общества. Об этом наглядно свидетельствует опыт национального строительства в нашей стране [56].

---

[51] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 24, с. 385.
[52] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 25, с. 258—259.
[53] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 25, с. 258—259.
[54] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 25, с. 275—276.
[55] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 30, с. 22.
[56] Подробнее см. ниже, очерк четырнадцатый данной книги.

Наряду с социальными факторами, так сказать, внеэтнического характера важная роль в функционировании каждого этноса принадлежит его этническому окружению, точнее говоря, обусловленной этим окружением этнической ситуации. Не случайно поэтому вопрос о межэтнических отношениях уже не раз привлекал внимание исследователей [57].

В нашей литературе в общей форме вопрос о взаимодействии этносов как целостных систем [58] был обстоятельно проанализирован В. И. Козловым. Им, в частности, убедительно показано, что при взаимодействии этносов важное значение имеет сходство или различие их языка. Совпадение или, во всяком случае, очень большая близость языков контактирующих общностей является непременным условием процесса этнической консолидации [59]. Близость языков, допускающая возможность непосредственного речевого общения, несомненно, способствует этническим контактам и между уже сформировавшимися народами. В случае сильного расхождения языков контактирующих общностей процесс их этнического объединения чрезвычайно затрудняется. Общение между народами, говорящими на существенно различающихся языках, зависит от распространения двуязычия, которое достигается либо путем овладения языком народа, с которым контактирует данная общность, либо каким-то языком-посредником.

Наряду с языком важное значение для контактирующих этносов имеет религиозный фактор. Его влияние, как и влияние других компонентов культуры, в целом во многом сходно с воздействием на межэтнические контакты языковых различий: близость культуры, как правило, ускоряет межэтнические объединения, разнородность — тормозит их [60]. Следует учитывать также, что хотя близость в языковом и культурно-бытовом отношении сильно облегчает начальные процессы ассимиляции, однако сравнительно слабо сказывается на их завершающей стадии: украинцам, попавшим в русскую среду, конечно, легче овладеть русским языком, чем, например, удмуртам, но это еще не значит, что трансформация этнического самосознания у украинцев произойдет быстрее [60а].

---

[57] Из последних зарубежных авторов см., например: *Schermerhorn P. A.* Comparative Ethnic Relations. — A Framework for Theory and Research. New York, 1970; *Francis E. K.* Interethnic Relations: An Essay in Sociological Theory. New York, 1976.

[58] В последнее время у нас стало уделяться внимание и личностному аспекту этой проблемы. См., например: *Дробижева Л. М.* Духовная общность народов СССР. Историко-социологический очерк межнациональных отношений. М.: Мысль 1981 (особенно гл. VI «Об индивидуальных особенностях в межнациональном общении»).

[59] Общую характеристику этого типа этнических процессов см. в след. очерке.

[60] *Козлов В. И.* Динамика численности народов. М., 1968, с. 299—308; *Пучков П. И.* Население Океании. Этнографический обзор. М., 1967, с. 39—44.

[60а] См. также ниже, с. 321—322.

Вообще этнолингвистическое родство само по себе далеко не всегда предопределяет культурную близость этнических общностей. В этой связи можно, например, сослаться на тот тривиальный факт, что культурная близость шведов и финнов превышает культурную общность шведов и австрийцев.

Характер этнических контактов в значительной мере предопределяется такими компонентами этнического самосознания, как этнические стереотипы, этнические предубеждения, в том числе этнорасовые, чувства симпатии или антипатии между взаимодействующими этносами. Несомненно, определенное влияние на контакты этносов оказывает и различие или сходство их «ценностных ориентаций» [61]. Ведь они во многом предопределяют избирательность межэтнического восприятия культуры. В результате между этносами возникает своеобразная дискретная граница. Для ее обозначения предложено использовать термин «мембрана», введенный, насколько нам известно, Ф. Бартом [62]. Этническая мембрана может быть проницаема в одном направлении и непроницаема в другом (явление так называемого осмоса) [63].

Наряду с ценностными ориентациями проницаемость этнических мембран зависит и от других факторов, многие из которых также относятся к разряду тех, что выполняют роль эндогамных барьеров. В частности, нельзя не учитывать социально-экономические параметры взаимодействующих этносоциальных общностей, которые в конечном счете и предопределяют степень сходства (или различия) общей направленности развития этих образований. И восприятие этносоциальным организмом — реципиентом «внешнего импульса» во многом зависит от степени соответствия этих импульсов основным тенденциям его внутреннего развития. Об этом, в частности, весьма наглядно свидетельствуют разнообразные варианты восприятия мировых религий различными эсо. В одних случаях, когда старые традиционные религии не имели уже прочной широкой социальной опоры в данном этносоциальном организме, это восприятие происходило сравнительно легко и безболезненно. Так, например, произошло с восприятием христианства германскими племенами, непосредственно участвовавшими в Великом переселении народов. В других случаях восприя-

---

[61] Приходится, однако, согласиться с мнением, что психологические факторы этнических взаимоотношений заслуживают гораздо большего внимания, чем им пока уделяется в нашей литературе. Лишь сравнительно недавно в этом отношении наметились некоторые сдвиги. См.: *Кон И. С.* Психология предрассудка (о социально-психологических корнях этнических предубеждений). — Новый мир, 1966, № 9; *Дробижева Л. М.* Об изучении социально-психологических аспектов национальных отношений. — СЭ, 1974, № 4; *Климентьев Е. И.* Национально-культурные ориентации карельского городского населения. — СЭ, 1976, № 3; и др.

[62] См.: *Barth F.* Introduction. — In: Ethnic groups and boundaries. Boston, 1969.

[63] См.: *Арутюнов С. А.* Этнические общности доклассовой эпохи. — В кн.: Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М., 1982, с. 76.

тие мировых религий протекало более медленно и более болезненно, лишь в результате давления обществ-доноров и носителей собственной элитарной субкультуры. Примером этого может служить восприятие христианства германскими племенами Скандинавии, занявшее значительный промежуток времени и сопровождавшееся серьезной внутренней борьбой. В третьих случаях подобное восприятие протекает еще более медленными темпами и к тому же в весьма искаженной, трансформированной форме. В этой связи достаточно вспомнить, как медленно и трудно на протяжении столетий распространялись ислам и христианство в странах Африки к югу от Сахары [64].

Таким образом, этносы, как и любые другие виды этнических общностей, взаимодействуют с тремя основными категориями сред: природной, внеэтнической социальной и собственно этнической. И только принимая во внимание совокупность «внешних» связей этносов со всеми названными разновидностями их окружения, можно уяснить важнейшие факторы, обусловливающие возникновение и изменение этих систем, иначе говоря, предпосылки этнических процессов.

---

[64] См.: Методологические проблемы исследования этнических культур. Ереван, 1978, с. 78—99.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ГЛАВНЫЕ ЭТАПЫ ЭТНОСОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

*

Очерк десятый

К ТИПОЛОГИЗАЦИИ ЭТНИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

Этнические общности — динамические системы и их изменения составляют суть этнической истории человечества. Соответственно для раскрытия ее характерных черт особое значение приобретает рассмотрение изменений этнических общностей или, иначе говоря, этнических процессов. Следует, впрочем, сразу же отметить, что само понятие «этнические процессы» трактуется в нашей литературе не всегда однозначно. Можно встретить, в частности, мнение, что к таковым относятся только те процессы, которые ведут в конечном счете к изменению этнической (национальной) принадлежности людей [1]. Однако, как уже отмечалось в нашей литературе, тем самым понятие «этнические процессы» чрезвычайно сужается [2]. Действительно, любое изменение того или иного компонента этноса представляет собой происходящий в нем процесс и, следовательно, может быть квалифицировано как процесс этнический. Наряду с таким широким пониманием, на наш взгляд, правомерно и представление об этих процессах как явлении, которое выражается в смене этнического самосознания. Дело не только в прикладном значении такого представления, связанного с тем, что на практике этнические процессы фиксируются преимущественно как изменения этнической принадлежности. Разграничение двух указанных подходов к трактовке этнических процессов имеет под собой то теоретическое основание, что первый из них отражает эволюционные изменения этноса, второй — его скачкообразный переход в новое состояние.

Поскольку в первом случае речь идет об изменении отдельных компонентов этнической системы, которое носит эволюционный характер, не приводит к ломке системы в целом и она сохраняется как таковая, то этнические процессы этого варианта предлагается

---

[1] *Козлов В. И.* Динамика численности народов. М., 1969, с. 258.
[2] *Хомич Л. В.* О содержании понятия «этнические процессы». — СЭ, 1969, № 5, с. 82.

именовать «этноэволюционными». Этнические же процессы, связанные с разрывом постепенности, с переходом в новое состояние, могут быть условно названы «этнотрансформационными» [3].

В целом же этнические процессы в их этноэволюционной и этнотрансформационной разновидностях охватывают все происходящие с этносами изменения. И в данной связи представляется необходимым подчеркнуть, что встречающаяся в специальной литературе тенденция к сведению этнической истории (особенно новейшей) к межэтническим (межнациональным) отношениям неизбежно влечет за собой сужение проблемы. Это связано, в частности, с тем, что далеко не все изменения этносов обусловлены, как мы могли убедиться, такого рода отношениями и к тому же не всегда непосредственно проявляются в их сфере.

На протяжении своего существования каждый этнос практически перманентно подвергается этноэволюционным изменениям. Воспроизводство такого рода изменений обеспечивается внутриэтническими информационными связями. Первоначально активная роль здесь принадлежит синхронным связям, осуществляющим «горизонтальное» распространение инноваций внутри этноса и придающим им тем самым массовый характер. Однако в конечном счете решающая роль остается за диахронными связями, ибо только межпоколенная передача инноваций придает им традиционность и относительную устойчивость, которая столь необходима для выполнения любым компонентом этноса своих функций.

В целом же совокупность информационных связей на каждом этапе существования этноса вбирает какой-то новый «слой» этнокультурной информации. Вместе с тем в силу относительной устойчивости этнических свойств происходит постепенная утрата этносом каких-то элементов. Но пока существует этнос, как правило, сохраняется и преобладающая часть его традиционных свойств, правда, нередко в сильно модифицированном виде. В результате культурная информация этноса в каждый момент бывает обычно весьма многослойной. Она включает наряду со сравнительно недавно сложившимися традициями также «слои», возникшие еще в период формирования этноса [4].

Своеобразный итог эволюционных этнических изменений и вместе с тем их диалектическое отрицание представляют трансформационные этнические процессы. Они могут проявляться как в переходе отдельных лиц или группы лиц из одного этноса в другой, уже существующий, так и в возникновении новых этнических образований. В последнем случае мы имеем дело с так называемыми этногенетическими процессами. Эти процессы обус-

---

[3] Этот термин представляется более точным, чем ранее предложенное нами же их наименование «этнодискретными» (см.: *Бромлей Ю. В.* Этнос и этнография. М.: Наука, 1973, с. 153; ср.: Современные этнические процессы в СССР. М., 1975, с. 18).

[4] См.: *Арутюнов С. А., Чебоксаров Н. Н.* Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества. — Расы и народы, 1972, 2, с. 8—30.

ловили появление первых этнических общностей, они не прекращаются и по сей день. Более того, новые этносы не только возникают в наше время, но, очевидно, будут возникать и в обозримом будущем. Однако в силу того, что подавляющее большинство современных народов сложилось уже давно, понятия «этногенетические процессы», «этногенез» обычно ассоциируются с далеким прошлым. Иначе говоря, эти понятия могут употребляться в узком и широком значении.

Этноэволюционные и этнотрансформационные процессы органически взаимосвязаны; они являются однотипными в том смысле, что имеют в виду прежде всего изменения собственно этнических общностей — этникосов. Это, так сказать, собственно этнические процессы. От них следует отличать этносоциальные процессы, т. е. изменения, касающиеся этносоциальных общностей. Это разграничение обусловлено прежде всего различиями в типах изменений собственно этнической и социально-экономической сфер жизнедеятельности общества. Как уже отмечалось, во всей совокупности общественных явлений социально-экономические являются наиболее подвижными, а этно-культурные, напротив, отличаются своей устойчивостью [5].

Этнос в узком значении слова может существовать на протяжении нескольких социально-экономических формаций (двух, трех, а подчас даже четырех: например армяне). Что же касается этносоциальных общностей, то для них переход от одной социально-экономической формации к другой неизбежно влечет за собой изменение основных типологических черт. Соответственно, как уже говорилось, главные историко-стадиальные типы основных этносоциальных подразделений (этносоциальных организмов) — племя, народность, буржуазная и социалистическая нации — отличаются друг от друга прежде всего своими социально-экономическими (формационными) параметрами.

Было бы, однако, упрощением полагать, что смена типов этносоциальных общностей сводится к простой перемене их социально-экономических признаков. В действительности она влечет за собой и значительные изменения «чисто» этнических компонентов (прежде всего их однородности и «плотности»), а нередко даже увеличение масштабов самих этнических общностей.

Как показывает изучение истории народов мира, основными подвидами собственно этнических процессов являются процессы этнического разделения и этнического объединения. При этом в этническом разделении (этногенетической дивергенции) могут быть в свою очередь выделены два основных типа: этническая парциация и этническая сепарация. При этнической парциации единый прежде этнос делится на несколько более или менее равных частей, причем ни один из новых этносов не отождествляет себя полностью со старым этносом. Под этнической сепарацией

---

[5] См.: выше, с. 63.

подразумеваются случаи, когда от какого-то народа отделяется его часть (обычно сравнительно небольшая), которая со временем превращается в самостоятельный этнос. Если при этнической парциации исходный этнос фактически прекращает свое существование, то при этнической сепарации он сохраняется [6]. Этот последний тип этнического разделения, на наш взгляд, в свою очередь может быть подразделен на два подтипа, в зависимости от тех факторов, которые лежат в основе этнической сепарации. Если в качестве таковых выступает миграция, то, очевидно, можно говорить об «этномиграционной сепарации». Если же основным фактором этнической сепарации является расчленение единого этнического массива между государствами, то такую ее разновидность можно именовать «этнополитической».

Процессы этнической дивергенции были особенно характерны для доклассовых обществ. Основной их вид — разделение племен в результате увеличения их размеров и истощения естественных ресурсов в пределах племенной территории; такое разделение протекало обычно в форме этнической сепарации. Именно процессы этнического разделения лежат в основе расселения людей по земному шару из области (или нескольких областей) формирования Homo sapiens. В раннеклассовых формациях процессы этнического разделения и связанные с ними массовые миграции послужили основанием для возникновения многих народов [7]. Этногенетическая дивергенция может быть вызвана также обособлением этносоциальной (например, племенной) организации от отдельных частей численно и территориально разросшегося этноса без утраты ими соседства (так шло, например, возникновение новых племенных групп у древних германцев). В классовом обществе с возникновением государств видную этноразделительную роль стали играть политические границы. Так, в ходе этнической парциации на основе древнерусской народности сложились три родственные этноса: русский, украинский и белорусский; то же имело место при формировании немецкоязычных народов — немцев, австрийцев и др. Своеобразным видом процессов этногенетической дивергенции (в форме этнической сепарации) в раннекапиталистическую эпоху было переселение европейцев (испанцев, англичан, голландцев и др.) за пределы Европы — в Америку, Африку, Австралию, сопровождавшееся возникновением новых этнических общностей. В XX столетии процесс этнического разделения проявляется уже в значительно меньших масштабах, чем прежде. Это главным образом случаи, когда в результате расчленения единого этноса госу-

---

[6] См.: *Пучков П. И.* Этническая ситуация в Океании. Основные проблемы. Автореф. дис.. . . док. ист. наук. М., 1976, с. 21.

[7] См.: *Хлопин Н. Н.* Сегментация в истории первобытного общества. — ВИ, 1968, № 8; *Алексеев В. П., Бромлей Ю. В.* К изучению роли переселений в формировании новых этнических общностей. — СЭ, 1968, № 2, с. 35—45; *Третьяков П. Н.* Археологическая культура и этнические общности. — В кн.: Теоретические основы советской археологии. Л., 1969, с. 31—32.

дарственно-политическими границами возникают новые этносоциальные образования [8].

Начиная с эпохи разложения первобытного общества доминирующими становятся процессы этнического объединения. Эти процессы, отражающие исторически закономерную и в целом прогрессивную тенденцию к укрупнению этносов, могут быть подразделены в свою очередь на отдельные виды. В советской этнографической литературе последних лет принято обычно выделять три таких вида. Однако это представление сложилось не сразу. Так, в одной из первых обобщающих статей по этническим процессам в СССР были выделены два основных направления таких процессов. В этой связи указывалось, что «1) продолжается консолидация и развитие социалистических наций и народностей; 2) общий процесс все большего сближения социалистических наций и народностей нашей страны. . .» [9]; при этом под развитием наций и народностей понимался их экономический, политический и культурный прогресс. В ходе дальнейшего рассмотрения этого вопроса в 1960-х годах одни авторы настаивали на необходимости учитывать такой особый вид этнических процессов, как естественная ассимиляция [10]; другие — считали ассимиляцию составной частью консолидации [11]. Дальнейшие исследования в этой области как применительно ко всему миру, так и особенно к процессам, развивающимся в СССР [12], привели к выделению в собственно этнических процессах объединительного характера наряду с консолидацией и ассимиляцией также межэтнической интеграции.

Наконец, в самое последнее время в ходе изучения этнических процессов, сопровождающих формирование буржуазных наций [13], нами обращено внимание на необходимость по крайней мере еще двух дополнений в классификации этих процессов. Во-первых, различия двух подвидов консолидационных процессов, один из которых является этнотрансформационным, ибо завершается появлением нового этноса, другой — этноэволюционным, так как не ведет к формированию новой этнической общности. Во-вторых, выделения в качестве отдельного вида этнотрансформационных процессов этногенетической миксации.

Под этнической консолидацией этнотрансформационного характера понимаются прежде всего процессы слияния нескольких

---

[8] См.: *Козлов В. И.* Динамика численности народов, с. 317—319.

[9] См.: *Гарданов В. К., Долгих Е. О., Жданко Т. А.* Основные направления этнических процессов у народов СССР. — СЭ, 1961, № 4.

[10] *Козлов В. И.* Типы этнических процессов и особенности их исторического развития. — ВИ, 1968, № 9; *Он же.* Современные этнические процессы в СССР. — СЭ, 1969, № 2.

[11] См.: *Гурвич И. С.* Некоторые проблемы этнического развития народов СССР. — СЭ, 1967, № 5.

[12] *Козлов В. И.* Динамика численности народов, гл. 3; *Бромлей Ю. В., Козлов В. И.* Ленинизм и основные тенденции этнических процессов в СССР. — СЭ, 1970, № 1.

[13] См.: *Бромлей Ю. В.* Современные проблемы этнографии (очерки теории и истории). М.: Наука, 1981, с. 287—289.

родственных по языку и культуре этнических единиц в одну новую, более крупную этническую общность. Такого рода процессы могут быть названы «этногенетической (межэтнической) консолидацией». При этом следует различать этногенетическую консолидацию народностей из близкородственных племен и этнографических групп и консолидацию наций из близких по языку и культуре народностей, этнографических групп, национальных меньшинств и т. п.[14] Так как родственные народы обычно ведут свое происхождение от какой-то единой в прошлом этнолингвистической общности, то развитие процессов этногенетической консолидации в ряде случаев является как бы своеобразным диалектическим отрицанием процессов этнического разделения [15].

К процессам консолидации этноэволюционного характера, или внутриэтнической консолидации, нами относятся прежде всего случаи внутреннего сплочения крупных этносов за счет сглаживания различий между имеющимися внутри них субэтническими группами (например, внутри украинцев — гуцулы, лемки, бойки) путем нивелирования диалектов и культурно-бытовых отличий, упрочения общеэтнического самосознания. Развитие такой консолидации у наций сопровождается распространением образования на едином литературном языке, средств массовой информации, ростом профессиональной культуры и т. п.

Внутриэтническая консолидация представляет собой один из наиболее распространенных видов этнических процессов в классовых формациях; после того, как сложение капиталистических и социалистических наций завершается, эти процессы по своему размаху уступают ассимиляции и межэтнической интеграции. В настоящее время процессы консолидации особенно развиты в странах Африки, где из местных племенных групп формируются новые этнические общности типа народности и нации.

К процессам этнической (национальной) ассимиляции принято относить процессы растворения небольших групп (или отдельных представителей) одного народа в среде другого; иначе говоря, полную или почти полную утрату такой группой исконных этнических свойств и столь же полное усвоение новых [16]. Процессы ассимиляции могут охватывать как группы этнических меньшинств (например, в Великобритании — уэльсцев, во Франции — бретонцев и т. п.), так и особенно иммигрантов, осевших на постоянное жительство (например, итальянцев, переселившихся во Францию, США и другие страны).

Различаются естественная и насильственная ассимиляции. Естественная ассимиляция, всегда имеющая, как указывал В. И. Ленин, прогрессивное значение [17], возникает при непосред-

---

[14] См.: *Гурвич И. С.* Некоторые проблемы. . ., с. 63.
[15] См.: *Козлов В. И.* Динамика численности народов, с. 260.
[16] См.: *Арутюнов С. А.* Билингвизм и бикультурализм. — СЭ, 1978, № 2, с. 3, прим. 2.
[17] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 24, с. 125, 127.

ственном контакте этнически разнородных групп населения и обусловлена потребностями упрочения их общей социальной, хозяйственной и культурной жизни, распространением этнически смешанных браков и т. п. В СССР процессы ассимиляции охватывают главным образом группы национальностей, живущих за пределами своих республик или областей, в сильном территориальном смешении с другими народами, особенно — в городах. Насильственная ассимиляция, характерная для стран, где национальности неравноправны, представляет собой систему мероприятий правительства или местных властей в области школьного образования и других сферах общественной жизни, направленных на искусственное ускорение процесса ассимиляции путем подавления или стеснения языка и культуры национальных меньшинств, давление на их самосознание и т. д.

Под межэтнической интеграцией (единением) нами понимается появление определенной культурной общности (при сохранении основных этнических черт) у существенно различающихся по своим языково-культурным параметрам основных этнических единиц в результате их взаимодействия. С такого рода процессами и связано формирование в рамках многонациональных государств межэтнических или метаэтнических общностей [18].

Этноинтеграционные процессы в зависимости от того, происходят ли они внутри социальных организмов (потестарных общностей) или охватывают этносы, находящиеся в нескольких социальных организмах (потестарных общностях), могут быть подразделены на внутрипотестарные (внутригосударственные) и межпотестарные (межгосударственные). Поскольку к тому же потестарные (политические) отношения между этносами могут иметь различный характер, существует также предложение различать отдельные подвиды этноинтеграционных процессов: а) консоциационный, при котором взаимодействуют равноправные в потестарном (политическом) отношении этносы; б) симбиозный, при котором имеет место взаимодополняющая ассоциация зависимых друг от друга этнических единиц, предполагающая их различия; в) сегрегационный, относящийся к случаям взаимодействия нескольких этносов, часть которых находится в неравноправом положении [19].

При изучении процессов межэтнической интеграции представляется целесообразным также отличать их начальные стадии, когда речь может идти лишь о появлении отдельных межэтнических черт (простое межэтническое сближение) от более продвинутых ступеней этих процессов, при которых возникают метаэтни-

---

[18] О различии между понятиями «межэтническая» и «метаэтническая» общности см. с. 82.

[19] Ср.: *Smith M. G.* Pluralizm in Precolonial African Societies. — In: Pluralizm in Africa. Berkeley; Los Angeles, 1971, p. 93—97; *Шнирельман В. А.* Проблемы доклассового и раннеклассового этноса в зарубежной этнографии. — В кн.: Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М.: Наука, 1982, с. 243.

ческие общности (межэтническая интеграция в полном значении этого слова)[20].

Своеобразным продолжением процессов межэтнической интеграции является этногенетическая миксация, в ходе которой благодаря взаимодействию нескольких не связанных родством этносов возникает новое этническое подразделение основного уровня. Этногенетическая миксация нередко бывает трудноотличима от других видов этнических объединительных процессов. Именно поэтому она столь долго оставалась фактически не выделенной в особый вид таких процессов. Пожалуй, легче всего отличить этническую миксацию от этнической консолидации, в том числе этногенетического характера. Хотя последняя также ведет к возникновению нового этноса, однако в отличие от этногенетической миксации в этом случае предполагается, что взаимодействуют родственные в генетическом отношении общности. Несколько труднее отграничить этногенетическую миксацию от этнической ассимиляции. Общее у этих процессов — взаимодействие не связанных родством этносов. Но в первом случае возникает новый этнос, во втором — лишь исчезает один из взаимодействующих этносов (обычно часть его представителей). Очевидно, той гранью, при которой взаимодействие «разнородных» этносов перестает быть миксацией и становится уже ассимиляцией, следует считать момент образования в ходе этого взаимодействия новой этнической общности, в частности, появление у ее членов нового этнического самосознания. Что касается отличия этногенетической миксации от межэтнической интеграции, то, как уже отмечалось, главная особенность последней ее макро(мета)этнический характер. В силу того, что оба эти процесса идут как бы на разных уровнях, они могут протекать одновременно в рамках одного и того же государства.

Наконец, следует отметить — и это представляется весьма существенным — возможность превращения процессов межэтнической интеграции в процессы этногенетической миксации. Это происходит тогда, когда макроэтнополитическая общность трансформируется в основное этническое подразделение. Конечно, установить точную грань такой трансформации трудно. Однако несомненно и то, что этот путь возникновения новых этносов хорошо известен этнической истории человечества. Очевидно, что главный критерий превращения макроэтнической общности в основное этническое подразделение — перемещение на ее уровень этнических свойств наибольшей интенсивности.

Таким образом, этнотрансформационные процессы включают четыре вида: этногенетические парциацию и сепарацию, этногене-

---

[20] В нашей литературе, правда в несколько иной связи, уже справедливо отмечались определенные различия между понятиями «сближение» и «интеграция» содержательного характера. При этом особо подчеркивалось, что последняя ведет к созданию единого целого (см.: *Пугачев Б. М.* Сближение стран социализма. — В кн.: Вопросы теории и практики. М., 1981, с. 18).

тические консолидацию и миксацию (первые три вида протекают преимущественно на уровне основных этнических подразделений, последний — как бы над этим уровнем). Основные же виды этноэволюционных процессов — внутриэтническая консолидация и межэтническая интеграция. Что касается этнической ассимиляции, то для ассимилируемого этноса — это трансформация, а для ассимилирующего — один из компонентов эволюции. Нельзя не отметить и того, что из семи выделенных видов собственно этнических процессов пять имеют объединительный характер.

Из всех разновидностей объединительных процессов наименее значительные изменения этнических свойств характерны для межэтнической интеграции, наибольшие — для миксации и ассимиляции.

Рассматривая механизм этих однотипных по своей направленности процессов, следует отметить, что в различных сферах этноса соответствующие изменения протекают далеко не одинаково. Как правило, они наиболее пластичны в сфере повседневной культуры. Значительно заметнее и резче изменяется языковая сфера: сначала обычно возникает двуязычие и лишь затем полная смена языка. Однако, как и этнические изменения в области повседневной культуры, перемена языка сама по себе еще не означает перехода в другое этническое состояние. В таком качестве выступает лишь смена этнической принадлежности, протекающая внешне в форме скачка.

Возможно, конечно, и более детальное внутреннее членение отдельных видов объединительных этнических процессов. Этот вопрос уже неоднократно затрагивался в научной литературе, особенно англо-американской [21], однако до сих пор не получил единого толкования. Это во многом обусловлено смешением отдельных этапов изменения этноса с отдельными сторонами этого процесса. Представляется, что в самой общей форме могут быть выделены следующие его составляющие: изменение культуры в узком значении слова (начальная стадия — культурная адаптация, аккультурация [22], заключительная — культурная адаптация), изменение языка (двуязычие, языковая ассимиляция), смена этнического самосознания (двойное этническое самосознание, полное изменение самосознания) [23]. Но это, разумеется,

---

[21] См.: *Redfild R.* Culture contact without conflict. — In: American Anthropologist, 1939, v. 41; *Bunle H.* The Cultural assimilation of immigrants. London, 1950; Analysis of social problems./M. G. Galdwell (Ed.) Harrisburg, 1954; *Gordon M.* Assimilation in American Life. London, 1964.

[22] Под аккультурацией здесь понимается приобретение группой лиц основных черт культуры другого этноса при сохранении основных черт «прирожденной культуры» (Ср.: *Арутюнов С. А.* Билингвизм и бикультурализм, с. 3, прим. 2).

[23] Следует подчеркнуть, что сам процесс изменения «составляющих» процесса ассимиляции в значительной мере происходит параллельно. Во всяком случае трудно согласиться с мнением, будто наиболее устойчивым из «объективных» признаков нации является язык (см.: *Цемерян И. П.* Некоторые актуальные вопросы теории нации и национальных отношений. — НК,

всего лишь самая общая схема, нуждающаяся в дальнейшей детализации.

В частности, в последнее время обращено особое внимание на то, что при взаимодействии этносов часто имеет место не только билингвизм, но и бикультурализм (и даже поликультурализм) — одновременное функционирование в рамках одного этноса как традиционных, так и заимствованных компонентов культуры. Подобная ситуация как бы переносит межэтнические отношения внутрь этноса, превращает их в структурные элементы этнического облика народа [24]. При этом нередко наблюдается культурная интерференция (от лат. inter+ferens — несущий, переносящий) — взаимовлияние (усиление или ослабление) двух культур внутри какого-либо этноса [25].

Рассматривая внутренний механизм объединительных этнических процессов, представляется также важным подчеркнуть, что в отличие от языковой ассимиляции, являющейся, как правило, непременным этапом этнической, некоторые элементы традиционной культуры и быта могут сохраняться и после изменения этнического самосознания, утратив всякую роль символов этнической принадлежности.

Что касается факторов, лежащих в основе собственно этнических процессов, то те из них, что имеют «внешний» для этноса характер (как внеэтнические, так и межэтнические), были уже рассмотрены в предыдущем очерке. Однако сколь ни велико значение такого рода факторов для судеб этноса, было бы явным упрощением игнорировать и внутриэтнические причины, вызывающие изменения соответствующих этносов. Эти внутриэтнические факторы в свою очередь могут быть дифференцированы. Прежде всего к ним следует отнести те изменения, которые обусловлены внутренним развитием того или иного компонента

1979, № 2, с. 30). Этническая история человечества, в том числе новейшая, знает немало примеров, когда нации в значительной части или даже полностью переходят на другой язык, однако сохраняются как таковые. В этой связи в литературе, например, неоднократно делались указания на шотландцев и ирландцев. Не менее показательны и ссылки на некоторые народы нашей страны — башкир, карел, эвенков, значительные массы которых считают своим родным языком русский. Характерно, что каждый восьмой украинец русскоязычен. Такое же явление характерно для значительной части армян, мордвы и т. д. (см.: *Агаев А. Г.* Функции языка как этнического признака. — В кн.: Язык и общество. М., 1968, с. 127). Совершенно очевидно, что если рассматривать язык как наиболее устойчивое объективное свойство нации, то неизбежно окажется, что чуть ли не единственным основанием для отнесения всех перечисленных общностей людей (как и других подобных им в рассматриваемом отношении) к определенным нациям является лишь их национальное (этническое) самосознание. Между тем хорошо известно, что при смене языка, как правило, еще долгое время сохраняются этнически (национально) специфические черты культуры и психики (особенно в тех случаях, когда речь идет не об отдельных лицах, а о значительных по своим масштабам группах людей).

[24] См.: Современные этнические процессы в СССР, с. 319.

[25] Подробнее см.: *Арутюнов С. А.* Билингвизм и бикультурализм, с. 4—11.

этноса. Примером этого могут служить такие лингвистические процессы, как синтаксические и морфологические изменения языка в силу внутренних закономерностей его развития. Однако, рассматривая подобные процессы, не следует забывать об относительном характере их независимости [26]. Своеобразную разновидность факторов внутриэтнических изменений представляет, на наш взгляд, взаимодействие различных компонентов этноса. Особенно в этом отношении существенно их взаимодействие с этническим самосознанием. Будучи обусловленным, как мы видели, объективными свойствами этноса, оно в то же время нередко оказывает на них «обратное» воздействие. Впрочем, подобного рода внутренние взаимодействия компонентов этноса в конечном счете, как правило, сами оказываются стимулированными внеэтническими факторами.

Что касается основных категорий этносоциальных процессов, то их разграничение неразрывно связано с важнейшими видами этносоциальных общностей и соответственно с главными этапами всемирноисторического процесса. Поэтому представляется целесообразным вопросы типологизации этносоциальных процессов рассмотреть в связи с характеристикой основных этапов этнической истории человечества, чему и посвящаются следующие очерки. Здесь сделаем лишь одно исключение, касающееся использования термина «межэтническая интеграция» для обозначения не только собственно этнических, но и этносоциальных процессов. Дело в том, что объектами межэтнической интеграции могут быть не только этникосы, но и эсо. При этом в результате взаимодействия (интегрирующего характера) нескольких эсо складывается определенное единство как их собственно этнических, так и социально-экономических параметров. Таким образом, наряду с изначальным (узким) значением термина «межэтническая интеграция», очевидно правомерно использовать его и в широком значении, при котором имеется в виду процесс формирования метаэтносоциальной общности. К этому остается добавить, что поскольку при межэтническом взаимодействии интегративного характера в условиях капитализма и социализма в качестве основных компонентов выступают главным образом эсо — нации, это взаимодействие может быть названо межнациональной интеграцией, представляющей собой таким образом разновидность интернационализации [27].

---

[26] См. об этом выше, с. 230.

[27] В данной связи привлекает внимание мнение, что «интеграция — это объединение в одно целое, интернационализация — это выход тех или иных явлений общественной жизни за национальные рамки и их включение в структуру жизни других народов» (*Джунусов М. С.* Две тенденции социализма в национальных отношениях. Ташкент, 1975, с. 77).

Очерк одиннадцатый

ЭТНОСОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ЧЕЛОВЕЧЕСТВА И ЕЕ ДИНАМИКА В ПЕРВОБЫТНООБЩИННОЙ ФОРМАЦИИ

На разных этапах истории человечества этнические процессы протекают, как мы уже отчасти могли убедиться, далеко не одинаково. Поэтому представляется целесообразным, хотя бы в самой общей форме рассмотреть их ход на протяжении всемирной истории. Только в таком случае можно выявить те черты этнического развития народов мира, которые характерны для разных исторических эпох, специфику этого развития на всех уровнях этнической иерархии. При этом, разумеется, необходимо учитывать, что этнические системы как совокупности людей характеризуются не только собственно этническими, но и многими другими присущими человеческим общностям свойствам. Определенная часть такого рода свойств имеет для этнических систем особое значение, выступая в качестве основного и непременного условия их существования. Это прежде всего социально-экономические и демографические показатели. Нет такой этнической общности (будь то малочисленная этническая группа или многомиллионный этнос), которая не обладала бы этими свойствами. Поскольку же этнические процессы в конечном счете детерминированы социально-экономическими, особое внимание, очевидно, следует уделить их взаимосвязи. Но, разумеется, при этом должны быть учтены и собственно этнические процессы; иначе мы неизбежно получим искаженную картину основных этапов этнической истории человечества.

Что касается периодизации в целом этнических процессов во всемирно-историческом плане, то, поскольку имеется в виду прежде всего этносоциальная динамика человечества, в основу ее членения несомненно должна быть положена прогрессивная смена социально-экономических формаций.

Рассмотрение основных этапов этносоциальной истории человечества следует, очевидно, начать с первобытнообщинной формации. При этом нельзя не коснуться прежде всего вопроса об основном этническом подразделении первобытного общества. Судя по всему, структура первой его социальной ячейки — стада (праобщины) архантропов отличалась текучестью, неустойчивостью: отдельные особи нередко переходили из одного стада в другое [1].

---

[1] См.: *Алексеев В. П.* Возникновение человека и общества. — В кн.: Первобытное общество. М.: Наука, 1975, с. 26—35.

Вместе с тем для культуры нижнего палеолита было характерно относительное единообразие, точнее говоря, отсутствие тех отчетливых культурных различий, которые фиксируются в последующие археологические эпохи. Вопрос этот, как известно, имеет длительную историю [2], но в настоящее время считается установленным, что локальная вариативность нижнепалеолитической техники была еще нечеткой, расплывчатой и связывалась не с этнокультурной дифференциацией, а с особенностями исходного сырья и разным назначением орудий в разных областях ойкумены [3]. Все это делает мало вероятным понимание стад архантропов как общностей, обладающих устойчивыми культурными чертами и четким самосознанием. Правда, недавно В. П. Алексеевым была вновь выдвинута гипотеза, согласно которой зарождение начальных форм этногенеза происходит еще в нижнем палеолите. В подтверждение он ссылается на различие отдельных соседних нижнепалеолитических памятников, считая такие различия достаточным основанием, чтобы предполагать, что соответствующие группы древних людей осознавали свое культурное своеобразие [4]. Однако в свете современных археологических данных более основательным представляется мнение того же автора, что культурные различия между соседними стадами архантропов были весьма неопределенными [5]. Как справедливо отмечают П. И. Борисковский, А. А. Формозов, С. А. Арутюнов и многие другие исследователи, еще слишком однородны были формы деятельности, еще слишком не развиты были ее орудия, чтобы между сообществами архантропов появились бы целые комплексы различий. Решающим является то обстоятельство, что имевшиеся почти с самого начала локальные различия в отдельных деталях даже самой примитивной культуры, в том числе и в речевых сигналах отдельных человеческих стад, в зачатках их языковой деятельности, были различиями в деталях, еще не сложились в устойчивые комплексы различий с четкими границами [6]. Они были включены в цепь культурной и языковой непрерывности. Сама эта диффузность, непрерывность культуры, по мнению С. А. Арутюнова, «уже снимает вопрос о возможности каких-либо этнических делений в столь отдаленную эпоху»[7]. Заключение это, на наш взгляд, весьма осно-

---

[2] См.: *Формозов А. А.* Проблемы этнокультурной истории каменного века на территории Европейской части СССР. М.: Наука, 1977, с. 23 и сл.

[3] *Формозов А. А.* Время возникновения локальных вариантов и археологических культур в каменном веке. — В кн.: Археологическая реконструкция и проблемы палеоэтнографии. М.: Наука, 1973; *Борисковский П. И.* Древнейшее прошлое человечества. Л.: Наука, 1979; *Binford S. R.* The significance of variability: a minority report. — In: Origine de l'homme moderne. Paris, 1972.

[4] *Алексеев В. П.* О самом раннем этапе расообразования и этногенеза. — В кн.: Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М., 1982, с. 38.

[5] *Алексеев В. П.* Возникновение человека и общества, с. 26—35.

[6] *Арутюнов С. А.* Этнографическая наука и изучение культурной динамики. — В кн.: Исследования по общей этнографии. М.: Наука, 1978, с. 27.

[7] *Арутюнов С. А.* Этнические общности доклассовой эпохи. — В кн.: Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М., 1982, с. 62.

вательно. И все же, видимо, было бы преждевременно полностью отрицать наличие у сообщества архантропов хотя бы элементов группового самосознания и каких-то зачатков культурных различий. Разумеется, в силу указанных выше причин все эти групповые особенности неизбежно должны были иметь неустойчивый характер. Соответственно самое большое, что можно допустить, — это существование у архантропов лишь весьма неустойчивых и аморфных подобий (прототипов) этнических общностей, которые условно могут быть названы протоэтносами.

Дальнейшие шаги в развитии человечества с появлением палеоантропов-неандертальцев (археологическая эпоха мустье или средний палеолит) ознаменованы заметными сдвигами в области культуры: усовершенствованием орудий труда, изобретением жилища, возникновением первых эстетических и религиозных представлений [8]. Эти изменения сопровождались не только значительным расширением ареала обитания людей, но и увеличением разнообразия локальных вариантов кремневой техники.

Огромное значение для последующего прогресса человечества не только в социальном, но и в этнокультурном отношении имело возникновение экзогамии и родового строя, сопровождавшееся появлением племен. Как свидетельствуют этнографические данные, род не может существовать вне племени, хотя бы слабо оформленного [9].

Именно племена в научной литературе обычно рассматриваются в качестве основного этнического подразделения первобытного общества. Однако в последнее время эта точка зрения нередко ставится под сомнение. В современной зарубежной литературе довольно распространено мнение, что племя — «вторичное» социальное явление, возникающее на поздних стадиях общественного развития в особых исторических условиях [10]. Представление о сравнительно позднем возникновении племен встречается и в нашей научной литературе последних лет. В частности, как полагает А. А. Формозов, появление племени относится к мезолиту [11]. Еще более радикальна точка зрения В. Ф. Генинга, считающего, что племя вообще не является этническим формированием. При этом он ссылается на то, что в понятии племени «определяющей остается система организации власти» [12].

---

[8] *Окладников А. П.* Становление человека и общества. — В кн.: Проблемы развития в природе и обществе. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958, с. 143.

[9] *Косвен М. О.* Об историческом соотношении рода и племени. — СЭ, 1951, № 2; *Файнберг Л. А.* Возникновение и развитие родового строя. — В кн.: Первобытное общество. Основные проблемы развития. М., 1975, с. 54.

[10] См. в особенности: *Fried M. H.* The Notion of Tribe. Menlo Park, California, 1975. Об этой работе см. рец. В. Р. Кабо в ж. «Народы Азии и Африки», 1979, № 2, а также: *Шнирельман В. А.* Проблема доклассового и раннеклассового этноса в зарубежной этнографии. — В кн.: Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе, с. 228—229).

[11] *Формозов А. А.* О времени и исторических условиях сложения племенной организации. — СА, 1957, № 1, с. 17—20.

[12] *Генинг В. Ф.* Этнический процесс в первобытности. Свердловск: Изд-во Уральск. гос. ун-та, 1970, с. 59.

Для племени действительно характерно осуществление функций власти. На этот широко засвидетельствованный этнографией факт обратил внимание Ф. Энгельс. Он, в частности, отмечал наличие у племени военачальника или верховного вождя, народного собрания, совета старейшин и т. п. [13] Этот аспект функционирования племени, как уже говорилось, условно может быть назван «социально-потестарным» [14]. Но у племени есть и другая, важная и также отмеченная уже Энгельсом, сторона. По Энгельсу, племя характеризуется определенной общностью диалекта, общими религиозными представлениями (мифологией), обрядами и собственным именем [15]. Очевидно, что перед нами собственно этнические свойства племени. Таким образом, племя одновременно и социально-потестарная и этническая общность. А это значит, что оно представляет собой этносоциальное образование.

Необходимо, однако, сразу же подчеркнуть, что в данном случае речь идет о племенах развитого первобытного общества. Они охарактеризованы Ф. Энгельсом на материалах, относящихся к периоду непосредственно предшествовавшему возникновению классов у американских индейцев, древних греков, римлян и германцев. Но, как известно, в этнографической литературе племенем подчас именуют также общности, не обладающие необходимыми для социальных организмов атрибутами [16]. Примером их могут служить австралийские племена. Представляя собой совокупность экзогамных родов или групп, связанных общими чертами культуры и сознанием общего происхождения, такие племена обычно не имеют единых органов власти [17]. Ссылаясь на это обстоятельство, а также на некоторую неустойчивость подобных образований, отдельные исследователи предпочитают даже говорить в данной связи не о племенах, а лишь об этнических общностях [18]. Действительно, перед нами этнические, а не потестарные единицы. Но, думается, что все же нет оснований отказываться от наименования их племенами. Правда, это всего лишь племена-этникосы, не превратившиеся еще в племена-эсо. Однако в нашем распоряжении есть прямые этнографические свидетельства о возможности подобного превращения. Примером этого могут служить, в частности, австралийское племя диери и племена Западной Виктории. Так, у диери, в отличие от подавляющего большинства других австралийских племен, уже появились подобие общеплеменного совета из главарей отдельных родов и

---

[13] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 21, с. 92—95; 105—106; 126—127; 142 — 149.

[14] Подробнее об этом см. выше, в очерке втором.

[15] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 21, с. 92—95; 105—106; 126—127; 142—149.

[16] См.: *Ольдерогге Д. А.* О некоторых этнолингвистических проблемах Африки. — В кн.: Вопросы социальной лингвистики. Л., 1969, с. 138—140.

[17] См., например: *Кабо В. Р.* Происхождение и ранняя история аборигенов Австралии. М., 1969, с. 334.

[18] См., например: *Генинг В. Ф.* Этнический процесс в первобытности, с. 59.

общеплеменной главарь, власть которого еще основывалась преимущественно на личном авторитете, но уже становилась наследственной [19].

Таким образом, племена-этникосы, очевидно, представляют раннюю стадию племенной организации. Но когда они впервые возникли? [20] В связи с этим вопросом привлекают внимание данные, свидетельствующие, что еще в среднем палеолите (мустье) в пределах одной и той же довольно обширной территории вперемежку существовали различные виды инвентаря [21]. Последнее обстоятельство дало основание для заключения, что население стоянок с однотипным инвентарем представляло своеобразные единицы — «предплемена». При этом высказано предположение, что подобные «предплемена» обладали единым самосознанием [22]. Предположение это, правда, вызывает определенные сомнения. Не исключено, в частности, что «предплемена», занимавшие территорию до 200 км в поперечнике, возникли в результате расселения на одной и той же территории нескольких сегментировавшихся групп первобытных людей, каждая из которых обладала своеобразным обликом инвентаря. Длительное сохранение такого облика во всех соответствующих «сегментах», несмотря на их чересполосное размещение, могло обеспечиваться просто силой традиции, которая была столь велика, что делала «людей, живших по соседству в разных по материальной культуре общинах, социально чуждыми» [23]. Это предполагает, что соседние «сегменты» осознавали свои культурные различия, но не дает оснований для уверенного заключения, что все однотипные сегменты обладали сознанием общности [24].

Следует вместе с тем учитывать, что у нас все же нет достаточных оснований и для того, чтобы полностью отвергнуть гипотезу о наличии общего самосознания у различных сегментов отдельных «предплемен». Между тем в свете этой гипотезы невольно напрашивается параллель, связывающая «предплемена» и племена-этникосы.

Много четко очерченных археологических культур известно для верхнего палеолита, например, среднеднестровская на Рус-

---

[19] См.: *Dawson R.* The present state of Australia. London, 1830; *Howitt A.* The native tribes of South-East Australia. London, 1904.

[20] Вопрос о времени возникновения племен остается дискуссионным: одни археологи относят их появление к мезолиту (см.: *Формозов А. А.* Этнокультурные области на территории европейской части СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1959, с. 110), другие — к верхнему палеолиту (см.: *Григорьев Г. П.* Начало верхнего палеолита и происхождение Homo sapiens. Л.: Наука, 1968, с. 150).

[21] *Формозов А. А.* Этнокультурные области на территории европейской части СССР, с. 110—115.

[22] *Григорьев Г. П.* Начало верхнего палеолита. . ., с. 146—147.

[23] *Григорьев Г. П.* Начало верхнего палеолита. . ., с. 145.

[24] Характерно, что впоследствии Г. П. Григорьев несколько изменил свое мнение по данному вопросу (см.: *Григорьев Г. П.* Восстановление общественного строя палеолитических охотников и собирателей. — В кн.: Охотники, собиратели, рыболовы. Л.: Наука, 1972, с. 23—24).

ской равнине, крепская, виллендорфская и павловская в Центральной Европе, группа памятников типа Париальо в Испании и т. д.[25] И представляется заслуживающим внимания мнение, что, вероятно, каждая из этих археологических культур принадлежала одной этнической общности — племени, так как для общины территория такой культуры (50—150 км в поперечнике) слишком велика [26]. Но это были скорее всего лишь племена-этникосы. Видимо, племен как развитых социальных организмов, имевших четкую структуру, племенной совет, вождя и т. п., ни в верхнем, ни тем более в среднем палеолите не было [27].

Важным общим аргументом в пользу возникновения племен при переходе к верхнему палеолиту, т. е. в процессе сапиентации, может служить отстаиваемый рядом исследователей (в первую очередь Ю. И. Семеновым) тезис о существовании в этот период наряду с экзогамией дуально-родового группового брака [28]. Наличие такой брачной системы, зарождение которой возможно, относится еще к эпохе палеантропов [29], в свою очередь предполагает возникновение племен.

Интересные соображения по рассматриваемой проблеме были недавно приведены С. А. Арутюновым. Помимо ссылки на экзогамию, он в данной связи отмечает тот факт, что именно с сапиентацией совпал переход людей (по крайней мере, на значительной части территории Евразии) на относительно оседлый образ жизни. Обусловленная охотой на крупную дичь, эта оседлость и создала возможность для появления дислокального брака. Отметив вместе с тем типичность для обществ охотников и собирателей линейной схемы расселения, С. А. Арутюнов приходит к заключению, что «в таких условиях неизбежно должна была возникать коалиция двух соседних экзогамных, матрилинейных, дислокально-брачных коллективов» [30]. При этом привлекает внимание его мнение (основанное на подсчетах археологов) [31], что расстояние между соседними коллективами в таких дуальных объединениях

---

[25] *Григорьев Г. П.* Начало верхнего палеолита. . ., с. 153; см. также: *Борисковский П. И.* Проблемы становления человеческого общества и археологические открытия последних десятилетий. — В кн.: Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма. М.: Наука, 1970, с. 73—74; *Григорьев Г. П.* Начало верхнего палеолита. . ., с. 146—147; *Прасолов Н. Л.* Ранний палеолит северо-восточного Приазовья и Нижнего Дона. М., 1968, с. 193.

[26] *Файнберг Л. А.* Возникновение и развитие родового строя, с. 54.

[27] См.: *Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А.* Народы, расы, культура. М.: Наука, 1971, с. 71; *Файнберг Л. А.* У истоков социогенеза. М.: Наука, 1980, с. 127.

[28] См.: *Семенов Ю. И.* Происхождение брака и семьи. М.: Наука, 1974; *Он же.* Проблема перехода от материнского рода к отцовскому (опыт теоретического анализа). — СЭ, 1970, № 5.

[29] См.: *Бромлей Ю. В.* Новое в изучении истории первобытного общества. Вестник АН СССР, 1971, № 9, с. 18.

[30] *Арутюнов С. А.* Этнические общности. . ., с. 422.

[31] См.: *Массон В. М.* Экономика и социальный строй древних обществ (по данным археологии). Л.: Наука, 1976, с. 31.

«можно ориентировочно оценить примерно в 40—50 км». Поскольку же это «и диаметр основной охотничьей территории» [32], постольку в целом данное объединение должно было охватывать площадь около 100 км в поперечнике, т. е она была по своим масштабам близкой к средним показателям той территории, на которую простирались отдельные археологические культуры верхнего палеолита.

Рассматривая указанные образования в качестве «единственных этнических единиц» того времени, С. А. Арутюнов полагает, что для их обозначения наиболее подходит название «предплемя» [33]. О причинах такого обозначения этих единиц, однако, остается лишь догадываться [34]. Вероятнее всего, что главный мотив — предположение об отсутствии у таких дуальных образований общих органов власти. Подобное предположение представляется весьма вероятным. Однако оно не дает еще оснований для отказа в данном случае от термина «племя», поскольку, как уже говорилось, для племени-этноса (в отличие от племени-эсо) потестарные функции не характерны. Представляется целесообразным такие племена именовать «первичными», не забывая, разумеется, об определенной гипотетичности их выделения.

При решении вопроса об этнических подразделениях эпохи мезолита весьма существенно учитывать те огромные перемены, которые произошли в условиях жизни людей в эту эпоху. Уже в конце верхнего палеолита в Европе и Азии исчезли или резко сократились в численности мамонт, шерстистый носорог, гигантский олень и другие крупные животные. Это было обусловлено скорее всего климатическими изменениями, а, возможно, частично и деятельностью самих людей. Позднее, около 7 тыс. лет назад, под влиянием термальных изменений, вымерли гигантские сумчатые в Австралии и гигантские млекопитающие в Америке [35]. В результате племена эпохи мезолита были вынуждены перейти к бродячей охоте на мелкую дичь. А это в свою очередь привело к существенным социальным сдвигам. В частности, именно с эпохой мезолита связывается появление небольших коллективов бродячих охотников и собирателей. Хотя каждый из них обычно насчитывал около 25 человек, однако нуждался при самых благоприятных условиях не менее, чем в 400—500 кв. км охотничьей территории, а чаще всего территории в 2—3 раза большей.

---

[32] *Арутюнов С. А.* Этнические общности. . ., с. 64.

[33] *Арутюнов С. А.* Этнические общности. . ., с. 64.

[34] Поясняются только мотивы, по которым в данном случае содержание термина «предплемя» следует отличать от того значения, которое было ему придано изначально Г. П. Григорьевым (*Арутюнов С. А.* Этнические общности. . ., с. 81, прим. 17).

[35] *Пидопличко И. Г.* Влияние человека на развитие фауны в плейстоцене и голоцене. — Тр. VII МКАЭН. М.: Наука, 1970, т. V, с. 527—530; *Верещагин Н. К.* Основные черты освоения животного мира первобытным человеком на территории СССР. — Тр. VII МКАЭН, т. V, с. 531—536; *Бибиков С. Н.* Некоторые аспекты палеоэкономического моделирования палеолита. — СА, 1969, № 4.

Как справедливо замечает в данной связи С. А. Арутюнов, племя, состоящее из таких коллективов, хотя и могло насчитывать в среднем 500 человек, однако, в отличие от соседних этнических единиц развитого палеолита, представляло собой «лишь диалектно-культурное, но не социально-экономическое единство; входящие в него локальные группы слабо связаны между собой, оно легко дробится и рекомбинируется, более проницаемо, для внешних информационных связей» [36]. /

/В отличие от гипотетически реконструируемых этнических единиц палеолита племена эпохи мезолита имеют некоторые, хотя и условные, этнографические параллели./ Правда, упоминавшиеся выше сомнения, касающиеся правомерности использования термина «племя» для обозначения крупных подразделений первобытного общества, весьма характерны для посвященной охотникам и собирателям современной зарубежной литературы, особенно австраловедческой [37]. Однако при этом следует иметь в виду, что все этнографы, проводившие полевые исследования в 30—60-е годы XX в. среди австралийских аборигенов, а также других групп охотников и собирателей (бушменов, хадза, пигмеев, эскимосов, северных атапасков, алгонкинов, кубу и т. п.), имели дело с обществами, социальная организация которых претерпела серьезные изменения в результате воздействия капиталистического общества[38]. Не случайно этнографы XIX — начала XX в., как правило, не сомневались в существовании у объектов их исследования родо-племенной организации [39]; к тому же новейшими ретроспективными исследованиями ее существование в прошлом неопровержимо подтверждено (в частности, в отношении многих групп охотников и собирателей Северной Америки) [40].

И все же было бы, наверное, неосторожно игнорировать новейшие этнографические наблюдения, касающиеся охотников и собирателей, прежде всего австралийских аборигенов. Наблюдения же эти в конечном счете не дают оснований отвергать сам факт существования у аборигенного населения Австралии крупных образований, насчитывающих, судя по всему, в среднем 450—500 человек [41]. Даже принимая во внимание взгляды наиболее

---

[36] *Арутюнов С. А.* Этнические общности. . ., с. 66.

[37] Обзор см.: *Шнирельман В. А.* Проблема доклассового и раннеклассового этноса в зарубежной этнографии, с. 227—247.

[38] См.: *Семенов Ю. И.* Эволюция экономики раннего первобытного общества. — В кн.: Исследования по общей этнографии. М., 1978, с. 80.

[39] См.: *Шнирельман В. А.* Проблема доклассового и раннеклассового этноса. . ., с. 226.

[40] См., например: *Murdock G. P.* North American social organization. — In: Davidson journal of anthropology, 1955, v. 1, N 2; *Vanstone J. W.* Athapascan adaptations: hunters and fisherman of the subarctic forest. Chicago, 1974; *Аверкиева Ю. П.* Род и община у алгонкинов и атапасков Американского Севера. — В кн.: Разложение родового строя и формирование классового общества. М.: Наука, 1968.

[41] См.: *Tindale N. B.* Tribal Distribution and Population. — In: Australian Aboriginal Studies. Melbourne, 1963, p. 375, 378.

осторожных современных австраловедов, оказывается возможным признание того, что при всей своей аморфности эти образования локализировались на определенной территории, хотя границы последней отличались относительной условностью и подвижностью[42]. Относительным было и осознание их лингвистического и социокультурного единства[43]. Главным консолидирующим фактором такого рода образований выступала вера в общих тотемических предков («одну кровь»), что реально выражалось в эндогамии таких образований: большинство браков заключалось внутри них[44].

Вместе с тем они не имели централизованной системы управления: ни племенных вождей, ни постоянно функционирующего совета старейшин[45]. Иначе говоря, перед нами всего-навсего племена-этникосы. Отсутствие развитых потестарных функций у таких племен охотников и собирателей, очевидно, послужило главным мотивом для того, чтобы рассматривать их в качестве «формирующихся этнических групп», «предэтнических общностей», «протоэтносов»[46]. Однако, если признать этникос в качестве одной из форм существования этноса, то основания для подобных заключений неизбежно отпадут. Лишь в сравнении с эсо племена-этникосы могут рассматриваться как «прото»- («пред»-) образования («протоэтносоциальные общности»).

Признание того, что племена-этникосы существовали на начальных ступенях подлинно общественной организации, возникшей вместе с появлением вида Homo sapiens, однако, оставляет открытым вопрос о том, какое место в иерархии этнических общностей принадлежит этой разновидности этникосов. В данной связи нельзя не упомянуть о мнении, что «отдельное племя со свойственными ему социальными институтами представляет скорее одну из ранних форм социальной организации, а не самостоятельную этническую общность». Соответственно делается вывод, что «основными типами этнических общностей эпохи первобытнообщинного строя были, вероятно, группы родственных племен, живущих на смежных территориях, говорящих на диалектах одного языка и обладавших многими общими особенностями культуры». Это точка зрения Н. Н. Чебоксарова[47], ее разделяет и С. А. Арутюнов[48]. Последний недавно несколько уточнил ее,

---

[42] *Шнирельман В. А.* Протоэтнос охотников и собирателей. (По австралийским данным). — В кн.: Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе, с. 100.
[43] *Шнирельман В. А.* Протоэтнос. . ., с. 98.
[44] *Шнирельман В. А.* Протоэтнос. . ., с. 91.
[45] *Шнирельман В. А.* Протоэтнос. . ., с. 95.
[46] См.: *Геннинг В. Ф.* Этнический процесс в первобытности, с. 59; *Чеснов Я. В.* Ранние формы этнонимов и этническое самосознание. — В кн.: Этнография имен. М.: Наука, 1972, с. 10; *Шнирельман В. А.* Протоэтнос. . ., с. 102.
[47] *Чебоксаров Н. Н.* Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских ученых. — СЭ, 1967, № 4, с. 101.
[48] *Арутюнов С. А., Чебоксаров Н. Н.* Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества. — В кн.: Расы и народы. М., 1972, 2, с. 23.

подчеркнув, что все же на начальной стадии этнической истории человечества (в эпоху верхнего палеолита) была лишь единственная этническая общность[49], которую он назвал «предплеменем», хотя, как уже говорилось, имеются достаточные основания для того, чтобы в данной связи использовать термин «первичное племя».

Согласно уточненной концепции наличие групп родственных племен С. А. Арутюнов относит лишь к эпохе мезолита[50], считая, что на их уровне в это время в основном и реализовывалась этническая специфика. Действительно, на данном этапе прослеживаются общности более широкие, чем племя-этникос [51]. Каждую такую совокупность родственных племен предлагается именовать «соплеменностью»[52]. Однако такое употребление термина «соплеменность» представляется не вполне удачным. Сколь ни широк семантический аспект понятия «соплеменность» в русском языке, все же оно прежде всего ассоциируется со словом «соплеменник». Между тем это слово означает принадлежность к одному и тому же племени. Для обозначения же совокупности родственных племен представляется более приемлемым термин «семья племен»[53]. При этом следует сразу же подчеркнуть различие понятий «семья племен» и «союз племен». Если во втором случае перед нами — этносоциальная общность[54], то в первом — этническая общность в узком значении слова. Но дело, разумеется, не только в терминах. Как бы мы ни называли рассматриваемые общности — совокупности «родственных» племен, — главное в интересующей нас связи заключается в том, что в развитом первобытном обществе, видимо, не они, а племена до заключительного этапа не только обладали большим единством, но и большей самостоятельностью. В этом контексте приобретают особое значение свидетельства о племенах в надгробных и посвятительных надписях балкано-дунайского региона начала нашей эры. Если в надписях до II в. н. э. преобладало указание на принадлежность к племени в узком смысле этого слова (например, трибалл, мёз, бесс и т. д.), то со II в. н. э. в этих же документах указывается происхождение не по узкоплеменному подразделению, а по принадлежности к фракийской, иллирийской, паннонской совокупности племен, именуемой natio (например, в надписях из Мёзии: natione Thrax)[55].

---

[49] *Арутюнов С. А.* Этнические общности. . ., с. 64.

[50] *Арутюнов С. А.* Этнические общности. . ., с. 66.

[51] Например, австралийские материалы свидетельствуют, что аборигены нередко особо выделяли те соседние группы, которые были сходны с ними по языку, обычаям, культуре, социальной структуре и идеологии, считая их близкородственными; для таких общностей имелся даже специальный общий термин «дьянду» (см.: *Шнирельман В. А.* Протоэтнос. . ., с. 98).

[52] См.: *Арутюнов С. А., Чебоксаров Н. Н.* Передача информации. . ., с. 23; *Арутюнов С. А.* Этнические общности. . ., с. 66.

[53] См.: *Бромлей Ю. В.* Этнос и этнография. М.: Наука, 1973, с. 134.

[54] Правда, не обязательно в «чистом» виде, поскольку союз племен мог включать не только генетически родственные племена.

[55] См.: *Златковская Т. Д.* Мёзия в I—II веках н. э. М.: Изд-во АН СССР, 1951, с. 132; *Она же.* Возникновение государства у фракийцев. VII—V века до н. э. М.: Наука, 1971, с. 213.

Одним словом, судя по всему, есть достаточные основания рассматривать племена-этникосы в качестве основных самостоятельных этнических подразделений раннего и развитого первобытнообщинного строя: следовательно, семья племен имеет характер метаобразования, а это в свою очередь позволяет для ее обозначения использовать более компактный термин — «метаплемя».

Племена-этникосы лишь со временем приобретают потестарные функции, становятся, так сказать, «классическими» и превращаются, как уже говорилось, в этносоциальные организмы. Важным рубежом в этом отношении явилась эпоха неолита, на начальных этапах которой у древних земледельцев, насколько можно судить по некоторым археологическим данным, продолжали существовать племена с дуально-фратриальной структурой[56].

Приобретение племенем социально-потестарных функций становится фактором, существенно влияющим на его дальнейшее этническое развитие, причем последнее в известной мере определяется типом социальной структуры племени. В частности, эта структура может способствовать сохранению замкнутого характера данной этнической общности, ее автократичности. Примером подобной ориентации потестарной структуры могут служить так называемые сегментные общества, представляющие системы сегментных линиджей[57]. Иное воздействие на этнические процессы оказывает иерархическая организация на основе генеалогического старшинства, которую в западной этнографии обычно обозначают как «конический клан»[58]. Этот тип потестарной структуры, означающий начало расслоения общества и большей централизации власти, в то же время способствует интенсификации этнических процессов в таких общностях[59]. В еще большей степени этнообъединительные тенденции (как эндо-,так и экзогенного характера) присущи общественным организмам предклассовой стадии развития, когда «война и организация для войны становятся. . . регуляторными функциями народной жизни»[60].

Отнесение племен развитого первобытного общества к категории эсо в свою очередь выдвигает вопрос об этникосе на соответствующей стадии первобытнообщинной формации. Этническую общность подобного рода, на наш взгляд, составляют все члены каждого племени, независимо от того, находятся ли они в пределах или за пределами его территории. Именно эта общность, на наш взгляд, имеет достаточные основания претендовать на то,

---

[56] См.: *Арутюнов С. А.* Этнические общности. . ., с. 72—73.

[57] См.: *Куббель Л. Е.* Этнические общности и потестарно-политические структуры доклассового и раннеклассового общества. — В кн.: Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе, с. 129.

[58] См.: *Kirchhoff P.* The Principles of Clanship in Human Society. — In: Ridings in Anthropology. New York, 1959, v. 2; *Sahlins M. D.* Tribesmen. Englewood Cliffs, 1968.

[59] См.: *Куббель Л. Е.* Этнические общности. . ., с. 130.

[60] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 21, с. 164.

чтобы именоваться «соплеменностью»[61]. Ее члены остаются соплеменниками, даже если проживают за пределами своего племени, ибо они сохраняют не только общую с ним культуру, но и сознание принадлежности к нему (широкое распространение это, впрочем, получает лишь в конце первобытности).

Яркие примеры несовпадения соплеменности и племени дают кочевые народы с их широко распространенной практикой адаптации отдельных иноплеменников и целых иноэтнических родоплеменных подразделений. Много таких фактов зафиксировано, в частности, у арабских кочевников на протяжении всего огромного периода времени—от первых веков хиджры до начала нынешнего столетия. Инкорпорируя в свой состав выходцев из других племен, арабское племя объявляло их своими членами «по крови и по имени», постепенно ассимилировало и даже как бы «привязывало» к себе вымышленной генеалогией. Но это, конечно, происходило далеко не сразу, и какое-то, часто весьма длительное время этнический статус инкорпорантов оставался двойственным: они были носителями этнических традиций и принявшей их новой и своей прежней общности. Так, с одной стороны, они должны были, следуя нормам племенной эндогамии, брать себе жен только из своего нового племени, мстить и отвечать за кровь в соответствии с обычаями этого племени и т. д. Но, с другой стороны, они подолгу сохраняли свои прежние диалектные особенности, генеалогические предания, знаки для клеймения скота, военные кличи, родо-племенные культы, особенности расцветки плащей, головных платков, орнамента, причесок и т. п. Это двойственное положение инкорпорантов не только фиксировалось этнографически, но и хорошо осознавалось как ими самими, так и их соседями. Известно, например, что в иорданском племени бану сахр в конце XIX — начале XX в. одно из его трех основных подразделений— каабна — считалось «ненастоящими» бану сахр, так как еще не изгладилось воспоминание о его включении на рубеже XV—XVI вв. в состав этого племени. По этой же причине в саудийском племени давасир «ненастоящими» соплеменниками считались так называемые абат давасир — четыре некогда присоединившиеся группы, еще сохранявшие собственные генеалогические традиции[62].

Соплеменность какое-то время, очевидно, сохранялась и после распада единого племени на части. Примером этого может служить славянское племя дулебов. Известно, что после того, как авары разгромили дулебов (602 г.), отдельные части этого племени, оказавшись на значительном расстоянии друг от друга, первона-

---

[61] См.: *Бромлей Ю. В.* Этнос и этнография, с. 131.

[62] См.: *Першиц А. И.* Некоторые особенности этнического развития арабов Саудовской Аравии. — ТИЭ, нов. серия. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963, т. 83, с. 130—132. Ср. аналогичные данные по таурегам Сахары: *Першиц А. И.* Этнос в раннеклассовых оседло-кочевнических общностях. — В кн.: Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе с. 167.

чально сохраняли свое прежнее наименование (об этом наглядно свидетельствует топонимика)[63].

Итак, на поздней стадии первобытного общества этносоциальным организмом было племя, обладающее потестарными функциями, а этникосом — соплеменность.

Обладая определенной общностью культуры, племя-этнос (как этникос, так и эсо) отличалось в то же время в этом отношении от других подобных образований. При этом на протяжении первобытнообщинной формации наблюдалась тенденция к углублению такого рода различий. Если для нижнего палеолита, как уже отмечалось, характерно относительное единообразие орудий труда, то в дальнейшем различия возрастают и, по мнению некоторых исследователей, все более осознаются[64], что не может быть не поставлено в связь с общими сдвигами в развитии духовной культуры, в частности возникновением первых эстетических и религиозных представлений[65]. Эти изменения сопровождались не только значительным расширением ареала обитания людей, но и увеличением разнообразия локальных вариантов материальной культуры, особенно возросшим в эпоху верхнего палеолита. В мезолитическую эпоху происходят дальнейшие существенные перемены в материальной культуре, выразившиеся, помимо совершенствования каменных орудий, в создании лука и стрел, а также одомашнивании собаки.

Дальнейшее расширение культурного фонда первобытных людей происходит в эпоху неолита. Наиболее заметными достижениями этой эпохи были изобретение керамики, прядения, ткачества. Археология и этнография дают обильный материал, свидетельствующий о чрезвычайном многообразии у первобытных племен всех этих компонентов материальной культуры.

Многие из такого рода различий обусловлены особенностями хозяйственной деятельности тех или иных племен. Поэтому представляется необходимым немного подробнее остановиться на данном вопросе. Для этого имеются тем большие основания, что успехи современной археологии и этнографии позволили существенно уточнить наши представления о ведущих формах хозяйственной деятельности этнических общностей первобытнообщинной формации, притом не только в диахронном, но и в синхронном плане. Поскольку такого рода ведущие формы хозяйственной деятельности обычно выступают в роли основного структурообразующего фактора целого культурного комплекса[66] (относящегося

---

[63] См.: Historija naroda Yugoslavije. Zagreb, 1953, I, s. 100.

[64] См., например: *Isaac G. L.* Studies of early culture in East Africa.—World archaeology, 1969, vol. 1, N 1.

[65] *Окладников А. П.* О значении захоронений неандертальцев для истории первобытной культуры. — СЭ, 1962, № 2; *Он же.* Утро искусства. Л.: Наука, 1967.

[66] Как подчеркивал К. Маркс, «каждая форма общества имеет определенное производство, которое определяет место и влияние всех остальных производств. . .» *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 12, с. 733.

главным образом к сфере материальной культуры), это, как уже говорилось, позволило советским этнографам выделить такую своеобразную разновидность общности людей, как уже упоминавшиеся выше хозяйственно-культурные типы [67].

Все хозяйственно-культурные типы, сложившиеся до эпохи капитализма, могут быть разделены на три основные группы, которые отличаются друг от друга все более и более высокой производительностью труда, а вместе с тем и нарастающей величиной произведенного продукта. К первой группе относятся типы с преобладающей экономической ролью охоты, собирательства и отчасти рыболовства, ко второй — мотыжного (ручного) земледелия и животноводства, к третьей — плужного (пашенного) земледелия с использованием тягловой силы домашних животных при сельскохозяйственных работах.

В пределах каждой из трех указанных групп хозяйственно-культурных типов у самых различных народов можно выделить несколько их конкретных вариантов (разновидностей), развившихся в определенных ландшафтно-климатических зонах. Так, в главных климатических поясах земного шара — теплом (тропическом и субтропическом), умеренном и холодном — отчетливо различаются разновидности хозяйственных типов, сложившихся в избыточно увлажненных и засушливых областях. Поскольку первые обычно богаты древесной растительностью, а вторые, напротив, бедны, то для влажных районов характерны большей частью «лесные» разновидности, а для сухих — «степные», «пустынные» и «полупустынные» [68]. Соответственно можно говорить, например, о «лесной» разновидности хозяйственно-культурного типа охотников и собирателей или, короче, лесных охотниках и собирателях, о степных мотыжных земледельцах и скотоводах и т. п.

Разумеется, хозяйственно-экономические факторы далеко не всегда выполняют этнодифференцирующие функции. Во-первых, очень часто к одному и тому же хозяйственно-культурному типу (и даже к одной и той же его разновидности) принадлежит значительная часть непосредственно контактирующих этносов, а иногда и все такие этносы. Во-вторых, нередко один и тот же этнос одновременно относится к нескольким (чаще всего к двум) хозяйственно-культурным типам или их основным разновидностям. И все же ХКТ нередко играют немалую этнообразующую роль, особенно на ранних этапах их формирования [69].

Зарождение первого хозяйственно-культурного типа, очевидно, относится к самым начальным этапам антропогенеза. В хозяй-

---

[67] См. выше.

[68] *Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А.* Народы, расы, культуры, с. 171, 173—174.

[69] См.: *Чеснов Я. В.* Об этнической специфике хозяйственно-культурных типов. — В кн.: Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе, с. 115—122, а также в данной книге, очерк пятый.

стве древнейших гоминид-архантропов, судя по всему, главную роль играла охота на различных крупных животных, наряду с которой определенное значение имело и собирательство. Поскольку сообщества архантропов обитали в раннем палеолите в сравнительно однородных экологических условиях, они могут быть отнесены к бродячим охотникам и собирателям жаркого пояса[70]. Архантропы и их непосредственные потомки — палеоантропы — расселяясь на протяжении раннего и среднего палеолита по поверхности земной суши, попадали в различные экологические условия. Это должно было неизбежно повлечь за собой некоторую дифференциацию их хозяйственной деятельности в соответствии с различиями ландшафтно-климатических условий ареалов их обитания, хотя все они оставались бродячими охотниками и собирателями. Дальнейшее углубление хозяйственных различий, правда в рамках того же типа, происходит с завершением сапиентации древнейших гоминид, у людей современного антропологического типа — в верхнем палеолите. Так, для приледниковой степной области Европы и Северной Америки были характерны полуоседлые охотники на крупных животных. В более южных засушливых степных и отчасти приморских областях умеренного и теплого поясов преобладала охота на более мелких животных, значительную роль играли собирательство и рыболовство. Во влажных тропиках и субтропиках сложился хозяйственно-культурный уклад лесных собирателей и охотников жаркого пояса. Своеобразный хозяйственно-культурный уклад сформировался к концу верхнего палеолита в горных областях теплого пояса, в частности в Передней Азии; для него характерен переход от охоты на крупных животных к охоте на самую разнообразную дичь и широкому собирательству[71].

Существенные хозяйственные перемены в жизни первобытных людей происходят на следующей за верхним палеолитом стадии каменного века — в мезолите. Уже упоминавшееся уменьшение в это время числа крупных животных потребовало в соответствующих регионах рассредоточения первобытных охотников и перехода их от оседлого или полуоседлого к преимущественно бродячему образу жизни[72]. Вместе с тем в приморских областях и в некоторых южных засушливых областях на рубеже верхнего палеолита и мезолита начинается культурно-хозяйственная дифференциация, выразившаяся в выделении оседлых и полуоседлых приморских собирателей и рыболовов, с одной стороны, и подвиж-

---

[70] *Андрианов Б. В., Чебоксаров Н. Н.* Хозяйственно-культурные типы и проблемы их картографирования. — СЭ, 1972, № 2, с. 9.

[71] *Андрианов Б. В., Чебоксаров Н. Н.* Хозяйственно-культурные типы. . ., с. 10—11; *Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А.* Народы, расы, культуры, с. 174—175.

[72] *Кларк Дж. Г. Д.* Доисторическая Европа. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1953, с. 45 и сл.; *Замятин С. Н.* Некоторые вопросы изучения хозяйства в эпоху палеолита. — ТИЭ, Новая серия, 1960, т. IV, с. 95 и сл.

ных охотников на степных животных и крупных птиц — с другой[73].

Новый важный этап в развитии хозяйственной деятельности первобытных людей представляет относящийся к эпохе неолита переход от присваивающего хозяйства к производящему, выразившийся в возникновении мотыжного земледелия и доместикации животных[74]. Следствием этой так называемой неолитической революции было возникновение хозяйственно-культурного типа мотыжных (ручных) земледельцев. Со временем на мировой карте выделился целый ряд очагов древнейшего земледелия. Первичными среди них можно считать Переднюю Азию (не позднее VII тыс. до н. э.), Юго-Восточную Азию (V тыс. до н. э.), бассейн Хуанхэ и Дальний Восток (IV тыс. до н. э.), Месоамерику (V—IV тыс. до н. э.) и Перу (VI—V тыс. до н. э.)[75]. В каждом из этих, а тем более во вторичных очагах земледелия хозяйственно-культурный тип мотыжных земледельцев южного пояса, разумеется, имел свою специфику, распадаясь в свою очередь на отдельные локальные варианты. Асинхронность процесса возникновения всех этих очагов примитивного земледелия неизбежно влекла за собой дальнейшую хозяйственно-экономическую дифференциацию этнических общностей.

Усилению хозяйственно-экономического многообразия человечества немало способствовало и появление в неолите такой новой отрасли хозяйства, как скотоводство. Возникнув, по мнению одних исследователей, одновременно с земледелием, а других — на его основе, оно, однако, развивалось иными темпами — то обгоняя земледелие, то отставая от него[76].

---

[73] *Андрианов Б. В., Чебоксаров Н. Н.* Хозяйственно-культурные типы. . ., с. 10.

[74] *Чайлд Г.* У истоков европейской цивилизации. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1952; *Он же.* Древнейший Восток в свете новых раскопок. М.: Изд-во иностр. лит-ры. 1956; *Steward H. J.* Theory of Cultural Change: Methodology of Multilinear Evolution. Urbana, 1955; *Толстов С. П.* Некоторые проблемы всемирной истории в свете данных современной исторической этнографии. — ВИ, 1961, № 11; *Francfort H.* The Birth of Civilisation in the Near East. London, 1951; *Braidwood R. J.* The Agricultural Evolution. — SA, 1960, v. 203, N 3; *Массон В. М.* Средняя Азия и Древний Восток. М.; Л.: Наука, 1964; *Бахта В. М.* Папуасы Новой Гвинеи. — В кн.: Проблемы истории докапиталистических обществ. М.: Наука, 1968, кн. 1; *Васильев Л. С.* Некоторые проблемы генезиса мировой цивилизации в современных зарубежных исследованиях. — НАА, 1966, № 2; *Шнирельман В. А.* Происхождение скотоводства. М.: Наука, 1980.

[75] Вопрос о локализации и количестве первичных очагов земледелия, а равно времени их возникновения все еще остро дискутируется как в отечественной, так и в зарубежной науке. Из последних работ см.: *Решетов А. М.* Основные хозяйственно-культурные типы ранних земледельцев. — В кн.: Ранние земледельцы. Л.: Наука, 1980, с. 35 и сл.; *Першиц А. И., Монгайт А. Л., Алексеев В. П.* История первобытного общества. М.: Высшая школа, 1982, с. 120 и сл.

[76] *Пиотровский Б. Б.* О характере закономерностей истории культуры. — Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований в 1960 г. М., 1961, с. 18—19; *Шнирельман В. А.* Происхождение скотоводства, с. 13 и сл.

В эпоху неолита и бронзы уже отчетливо проявилась неравномерность хозяйственно-экономического развития разных частей ойкумены. Это выражалось прежде всего в том, что за пределами основных очагов земледелия и скотоводства сохранялось присваивающее хозяйство — охота, собирательство, морской промысел. Более того, у ряда этнических групп, в особенности у тех, что живет на окраинах ойкумены в неблагоприятных природных условиях (у аборигенов Австралии, огнеземельцев, некоторых малых племен Юго-Восточной Азии, бассейна Амазонки и т. п.), переход к производящему хозяйству так и не совершился. Они до недавних пор продолжали или продолжают и до сих пор добывать средства производства к существованию охотой, рыболовством и собирательством [77].

Общие типичные черты, стадиальные различия и вместе с тем определенное многообразие присущи также и духовной культуре первобытнообщинной формации. Не ставя перед собой задачи специального рассмотрения общих закономерностей духовной жизни первобытных людей [78], необходимо, однако, напомнить о ее синкретизме, нерасчлененности различных функций (религиозных, эстетических, утилитарных и т. п.)[79]. Это обстоятельство, несомненно, накладывало свой отпечаток на всю духовную культуру каждой этнической общности той эпохи. В интересующей нас связи представляется также существенным подчеркнуть внутреннюю однородность культуры отдельных племен. Как свидетельствуют этнографические данные, все члены каждого племени или, по крайней мере, составляющих его поло-возрастных групп обладают в основном стереотипными знаниями, навыками, нормами поведения и т. п. Все их действия четко регламентированы и любое отклонение от стереотипов строго карается [80]. «Как ни импозант-

---

[77] См.: Охотники, собиратели и рыболовы. Проблемы социально-экономических отношений в доземледельческом обществе. Л.: Наука, 1972.

[78] Об основных закономерностях и характерных чертах развития духовной культуры и первобытном обществе см., например: *Токарев С. А.* Ранние формы религии и их развитие. М.: Наука, 1964; *Анисимов А. Ф.* Духовная жизнь первобытного общества. М.; Л.: Наука, 1966; *Он же.* Исторические особенности первобытного мышления. Л.: Наука, 1971; *Токарев С. А.* Проблемы общественного сознания доклассовой эпохи. — В кн.: Охотники, собиратели, рыболовы.

[79] Следует отметить и наличие других общих черт в духовной культуре первобытного общества, в частности, относительного единообразия некоторых ее аспектов. Так, привлекает внимание определенная универсальность отдельных черт мифологии народов мира. Как оказалось, мифы разных народов во многом совпадают, причем это нельзя объяснить заимствованиями (см.: *Золоторев А. М.* Родовой строй и первобытная мифология. М.: Наука, 1964). Наличие подобных универсалий выдвигает задачу проверки гипотезы, согласно которой общие тенденции культурного развития народов (и в первую очередь формирования их представлений о действительности) на ранних ступенях истории связаны не столько с внешними условиями жизни, сколько с природными особенностями человеческой психики (см.: Социальная психология. История. Теория. Эмпирические исследования. Л., Изд-во ЛГУ, с. 238).

[80] См.: *Локвуд Д.* Я — абориген. М.: Наука, 1971, с. 14—21.

но, — писал Энгельс, — выглядят в наших глазах люди этой эпохи, они неотличимы друг от друга»[81]. Для обеспечения устойчивой межпоколенной трансмиссии культуры существовал особый институт — так называемые инициации. Инициируемого подростка посвящали в нормативную и религиозно-мифологическую жизнь общины и проверяли его зрелость, обычно испытывая посредством ряда мучительных процедур — голодовки, нанесения ран, прижигания огнем, вырывания волос, выбивания зубов и т. п.

Во многом сходной была и культура соседних племен. И это относится не только к утилитарным функциям культуры, но и даже к эстетическим. В данной связи, в частности, показательно удивительное сходство наскальной верхнепалеолитической живописи, обнаруженной как на Западе, так и на востоке Европы. Как правило, не было, видимо, существенных различий между соседними племенами и в языковом отношении. Основание для этого предположения дает теория так называемой лингвистической непрерывности. Такого рода непрерывность, судя по всему, возникала не столько в результате генетического родства языков, сколько вследствие интенсивных контактов их носителей и процессов «лингвистического обмена»[82]. Вместе с тем племя не всегда обладало языковой и диалектной гомогенностью, хотя представления первобытных людей о «своем» языке выступало важнейшим показателем такой этнической общности[83].

В то же время на протяжении многих тысячелетий существования первобытнообщинного строя у этносов-племен сложилось немало специфических черт духовной культуры, отличающих каждое из них даже от ближайших соседей. Такого рода специфика, в частности, весьма заметно проступает в религиозных верованиях. И это относится к самым различным видам их (магии, тотемизму, анимизму, культу предков и т. д.) и формам проявления, в том числе и к соответствующим религиозным представлениям, и к религиозному поведению[84]. В доклассовых обществах и, как правило, в античности религии имели преимущественно локальное значение. «Боги, созданные таким образом у каждого отдельного народа, были национальными богами, и их власть не переходила за границы охраняемой ими национальной области, по ту сторону, которой безраздельно правили другие боги», — так характеризовал Ф. Энгельс дохристианские религии древнего мира[85].

---

[81] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 21, с. 99.
[82] См.: *Шнирельман В. И.* Протоэтнос. . ., с. 89 (подробнее см. выше, очерк пятый).
[83] *Шнирельман В. И.* Протоэтнос. . ., с. 88, 90.
[84] Известно, например, что у некоторых народов на поздней стадии развития племенного строя, кроме родовых тотемов, появились и племенные тотемы (см.: *Токарев С. А.* Ранние формы религии. . ., с. 53, 78).
[85] *Маркс К., Энгельс Ф.*, Соч. 2-е изд., т. 21, с. 313.

Видная роль в осознании групповой общности первобытных людей принадлежала мифам, представляющим своего рода результанту их духовной культуры. Удовлетворяя потребности первобытных людей в целостной картине мира, мифы в ходе социализации формировали их миропонимание. Хотя мифологическое сознание не требовало практического подтверждения и далеко не всегда адекватно отражало объективную реальность, в том числе историческое прошлое, тем не менее оно всегда воспринималось как несомненная правда. Поскольку при этом в мифах особое место обычно отводилось обоснованию той или иной родо-племенной общности, их передача из поколения в поколение оказывалась одним из решающих психологических факторов стабильности таких общностей [86]. При этом осмысление внутриплеменного единства чаще всего сводилось к идее существования общего мифического предка [87].

Немалую объединяющую функцию выполняли общеплеменные обычаи и обряды. В этом же направлении в рамках племен-этносов действовали и нормы, в силу которых личности не оставалось места для свободного выбора линии поведения, хотя абсолютного ее слияния с социальной средой также не было: случались и нарушения обычаев. Существенным интегрирующим фактором выступало и выполнение самим коллективом процессуальных функций, связанных с разбором преступления и осуществлением наказания. Хотя в племенах со сходным уровнем развития шкала санкций обычно была тоже во многом сходной, однако в целом нормы (или, как их предложено называть в силу их нерасчлененности, — мононормы) каждого племени обладали своей спецификой, что в значительной мере проявлялось в их религиозно-мифологическом обосновании [88].

Словом, все эти характерные для отдельных племен черты духовной культуры выступали и как этнодифференцирующие признаки. Однако при контактах представителей различных племен это проявлялось далеко не сразу, лишь после сравнительно длительного непосредственного общения. Между тем у первобытных людей нередко имелась потребность установить племенную принадлежность человека за короткий срок или на расстоянии. Поэтому существенная сигнификативная и этномаркирующая роль в первобытном обществе принадлежала внешне наглядным, подчас специально созданным отличительным чертам культуры: одежде, украшениям, татуировке, прическе [89] и т. п. Показательна в этом отношении, например, характеристика, данная Геродотом одному из современных ему племен Северной Африки — макам.

---

[86] См.: *Стеблин-Каменский М. И.* Миф. Л.: Наука, 1976.

[87] См.: *Козлов В. И.* Проблема этнического самосознания и ее место в теории этноса. — СЭ, 1974, № 2, с. 89.

[88] Ср.: *Першиц А. И.* Проблемы нормативной этнографии. — В кн.: Исследования по общей этнографии, с. 215—219.

[89] *Першиц А. И.* Проблема аксиологических сопоставлений в культуре. — СЭ, 1982, № 3.

Для него достойные внимания особенности этого племени сводятся к тому, что «они стригут волосы на голове, оставляя чубы: на макушке они отращивают волосы, а по сторонам сбривают до самой кожи. На войне они носят для защиты страусовую кожу»[90]. В том же ряду стоит и его характеристика ливийцев-пахарей, известных под именем максии. Отметив, что у них «есть уже постоянные жилища», Геродот пишет: «Они отращивают волосы на правой стороне головы и стригут их на левой, а свое тело окрашивают суриком»[91].

О том, насколько типично было подобное восприятие племенных общностей представителями классовых обществ, свидетельствует и китайский трактат «Лицзи». В нем варвары, окружающие китайцев, характеризуются так: «Живущие на востоке называются *и*, они не расчесывают волосы и татуируют тело; некоторые не пользуются огнем для приготовления пищи. . . Живущих на западе называют *жун*. Они ходят с распущенными волосами и одеваются в шкуры; некоторые из них не употребляют в пищу зерно»[92].

Весьма своеобразным было и этническое сознание членов племенных общностей. Одна из его особенностей состояла в том, что в нем (как об этом, в частности, свидетельствуют материалы, относящиеся к австралийским аборигенам) своя группа трактовалась как нечто высшее по сравнению со всеми окружающими общностями. Даже при дружеских отношениях с соседями и взаимных браках члены племени гордились своими отличиями от них, питали к ним в душе вражду, а иногда приписывали им неэтичные поступки[93]. Соответственно для такого непременного компонента этнического самосознания, как антитеза «мы — они», было характерно причисление только «нас», т. е. членов своего племени, к «настоящим» людям. Этим объясняется тот факт, что у многих отставших в своем развитии народов самоназвания этимологически восходят к словам — «люди», или «свои»[94]. При этом типичное явление такой этнонимики — ограничение термина «человек» не общеродовым его значением, а более узким («человек», или «люди», такой-то местности, с такими-то чертами культуры и т. п.). Основанием для этнонимов могли служить самые различные компоненты культуры, в том числе материальной. В такой роли нередко выступали, например, хозяйственно-культурные типы в тех случаях, когда они отличали данный этнос от сосед-

---

[90] *Геродот.* История в девяти книгах. Л.: Наука, 1972, с. 231.
[91] *Геродот.* История в девяти книгах, с. 235.
[92] *Крюков М. В.* Первобытнообщинный строй и зарождение классов и государства. — В кн.: История Китая с древнейших времен до наших дней. М.: 1974, с. 6—16.
[93] См.: *Wheeler G. G.* The Tribe and Intertribal Relations in Australia. London, 1910, p. 75; *Шнирельман В. А.* Протоэтнос. . ., с. 97.
[94] См.: *Чеснов Я. В.* Название народа: откуда оно? — В кн.: Этнографы рассказывают. М.: Наука, 1978, с. 20—21.

них. Таковы многочисленные этнонимы со значением «люди леса», «люди гор», «люди степи», «люди моря» и т. п.[95]

Значительная роль в этнической идентификации принадлежала также имеющемуся у каждого племени представлению (обычно в форме мифа) о своем происхождении и сопряженных с этим представлением культам (в том числе племенным тотемам). Прежде всего в такого рода представлениях и связанных с ними экзогамно-эндогамных запретах выражалась вера в родство всех членов племени, выступавшая важнейшим системообразующим фактором. Именно осознанное родство[96] и было тем особым видом социальных связей[97], в котором воплощалась групповая общность интересов всех членов племени, обусловленных в первую очередь производственными отношениями. Особенно большое значение эти связи имели, разумеется, для племени-этникоса, ибо для племени-эсо важную объединительную роль играли уже присущие ему потестарные отношения. Вместе с тем одна из отличительных черт этносоциальных организмов первобытного общества заключалась в том, что хотя каждый из них занимал определенную территорию, однако (в отличие от эсо классовых обществ) обладал значительной самостоятельностью по отношению к ней; это особенно наглядно выражалось в способности такого образования к передвижению как единого целого[98].

Представление, что племя в первобытном обществе выступает в качестве основного этнического подразделения (в качестве этникоса и эсо), в свою очередь неизбежно выдвигает вопрос о месте в этнической иерархии этого времени такой социальной ячейки, как род. Казалось бы, ответ на этот вопрос напрашивается сам собой: если племя — этникос, то род — эсо. По существу именно такое причисление рода к этносоциальным общностям и подразумевают встречающиеся в нашей литературе случаи, когда им открывается перечень основных типов этих общностей («род, племя, народность, нация»)[99]. Однако весьма показательно, что данная схема все же не получила у нас признания и перечень основных типов исторических (фактически этнических) общностей обычно ограничивается лишь тремя основными единицами (племя, народность, нация). И то что в ней отсутствует род, на наш взгляд, не случайно. Дело в том, что функции рода в сфере культуры

---

[95] См.: *Чеснов Я. В.* Об этнической специфике хозяйственно-культурных типов, с. 118—120.

[96] Но отнюдь не само родство, как это в таких случаях подчас полагают. Не говоря уже о том, что отдельные члены племени могли и не состоять друг с другом в биологическом родстве, следует иметь в виду, что само по себе такое родство никаких социальных связей не порождает.

[97] См. выше, очерк третий, с. 49, прим. 20.

[98] *Семенов Ю. И.* Кочевничество и некоторые общие проблемы теории хозяйства и общества. — СЭ, 1982, № 2, с. 56—57.

[99] См., например: *Алексеев В. В.* Род, племя, народность, нация. Исторические формы общности людей. М., 1962; *Сатыбалов А. А.* Методологические вопросы классификации типов этнических (национальных) общностей. — В кн.: Методологические вопросы общественных наук. Л., 1968, с. 161, 168.

принципиально отличны от аналогичных функций племени, народности и нации. Существование каждого из этих образований в качестве этнических общностей неразрывно связано, как мы могли убедиться, с сохранением определенной культурной целостности, с определенной замкнутостью (так сказать, с автаркичностью) в культурном отношении, включая в себя эндогамность. Между тем для рода, напротив, характерна экзогамность: именно она выступает в роли важнейшего для него структурообразующего фактора. Соответственно основная функция рода — смешение, притом не только биологическое, но и культурное. И в этом смысле род — фактически антипод этнических общностей, так сказать, «антиэтнос».

Не так обстоит дело с родовой общиной. В отличие от рода она не экзогамна, хотя и складывается не без участия фактора родовой экзогамии. Больше того, если такая община является не однородовой, а, как это особенно часто случается в развитом первобытном обществе, многородовой (гетерогенной), то она может быть и более или менее эндогамной. В последнем случае в ней постепенно аккумулируются свои черты культурной специфики. Поэтому с известной долей условности родовая община может быть отнесена к субэтническим подразделениям иерархического ряда этносоциальных организмов. Так оно нередко и бывает на деле, например, у аборигенов Австралии, где неоформленность племенных организмов привела к тому, что родовая община характеризуется определенными этносоциальными функциями.

Поскольку, как мы знаем, иерархия этнических общностей не исчерпывается подразделениями основного и субэтнического уровня (в рассматриваемом случае племенем и родовой общиной), вернемся к вопросу о метаэтнических общностях развитого первобытного общества. В этой связи прежде всего нельзя не напомнить, что мнение Мовиуса, будто археологические материалы позволяют говорить о возникновении обширных культурных ареалов еще в эпоху нижнего палеолита[100], оказалось полностью несостоятельным[101]. Вопрос о культурных различиях в нижнем палеолите, их масштабах и характере в настоящее время является предметом споров. Но как бы то ни было, в данном случае мы имеем дело с древнейшими и древними людьми, а не с людьми современного вида.

Что касается более поздних (верхнепалеолитических) материалов, относящихся уже непосредственно к виду Homo sapiens, то они обнаруживают существование крупных (вплоть до охватывающих подчас целые субконтиненты) культурных ареалов; мно-

---

[100] *Movius H. L.* Early man and Pleistocene stratigraphy in Southern and Eastern Asia. — In: Papers of the Peabody Museum of American Archeology and Ethnology. Harvard, University, 1944, vol. XIX, N 3.

[101] *Замятин С. Н.* О возникновении локальных различий в культуре палеолитического периода. — В кн.: Происхождение человека и древнее расселение человечества. — ТИЭ, нов. сер., 1951, т. 16; *Борисковский П. И.* Проблемы становления человеческого общества. . ., с. 89—90.

гие из них сохраняются и в мезолите — неолите, на протяжении которых появляется и ряд новых образований подобного рода[102]. Представляется, однако, совершенно очевидным, что население столь обширных регионов не могло обладать в то время сознанием своего единства. Это были по существу историко-этнографические провинции[103]. Они, как об этом, например, свидетельствует материал по неолиту Сибири, были ограничены крупными орографическими и гидрографическими рубежами, т. е. находились в индивидуальных физико-географических рамках, а не соотносились с ландшафтно-климатическими зонами[104].

Появление же культурных общностей, сопряженных с ландшафтно-климатическими зонами, было уже связано с зарождением общественного разделения труда. Последовавшее за ним возникновение специализированного хозяйства и массовые миграции[105] существенно расширили возможности населения в отношении хозяйственной специализации и адаптации к определенным ландшафтно-климатическим условиям[106]. Но складывавшиеся при этом обширные общности, первоначально представляли собой не что иное, как конкретные формы существования отдельных культурно-хозяйственных типов.

Вообще, очевидно, на раннем этапе развития первобытнообщинного строя широкие культурные общности, охватывающие несколько племен, как уже говорилось, не обладали сознанием своего единства и, следовательно, представляли собой лишь этнографические или хозяйственно-культурные образования. Не исключено, однако, что уже у австралийских аборигенов имела место тенденция к превращению «надплеменных» объединений из этнографических в этнические общности. Хотя для этих объединений характерны языковые различия и отсутствие достаточно

---

[102] *Формозов А. А.* Этнокультурные области на территории европейской части СССР, с. 110—115; *Он же.* Проблемы этнокультурной истории каменного века на территории Европейской части СССР. М.: Наука, 1977, с. 25 и сл.

[103] Недавняя критика этой точки зрения А. А. Формозовым (*Формозов А. А.* Проблемы этнокультурной истории. . ., с. 32) в значительной мере связана с тем, что названный автор не различает этнические и этнографические общности. К тому же приводимая им этнографическая контраргументация бьет мимо цели, так как речь идет не о возможности осознания единства вообще, а о возможности осознания в то время такого единства населением чрезвычайно обширных регионов.

[104] *Чеснов Я. В.* О социально-экономических и природных условиях возникновения хозяйственно-культурных типов (в связи с работами М. Г. Левина). — СЭ, 1970, № 6, с. 20.

[105] См.: *Хлопин И. Н.* Возникновение скотоводства и общественное разделение труда в первобытном обществе. — В кн.: Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма. М., 1970, с. 94—112.

[106] *Чеснов Я. В.* О социально-экономических и природных условиях. . ., с. 21—25.

четкого сознания единства, однако их связывала общая мифология [107].

Более уверенно можно говорить о существовании «надплеменных» этнических общностей лишь применительно к заключительной фазе первобытнообщинной формации. На этом этапе отдельные совокупности «родственных» племен несомненно приобретают представление о своей общности. Это, в частности, было убедительно показано на примере раннесредневековых славян [108]. Немалая роль в осознании «родственными» племенами своей общности принадлежала их контактам с другими, более развитыми этническими образованиями [109].

Характеризуя по этнографическим материалам развитие этнического самосознания «на первой стадии распада первобытного общества», В. Ф. Генинг не без основания приходит к выводу, что именно в данный период появляются представления об общности, выходившей за рамки племени; при этом процесс этнической консолидации сопровождается распространением единого имени для каждой такой этнической общности [110]. Эти совокупности племен, обычно родственные в генетическом отношении, как уже говорилось, можно именовать «семьей племен» или метаплеменем. Вместе с тем необходимо учитывать, что рассматриваемые совокупности племен являлись, как правило, этнолингвистическими общностями, т. е. образованиями, обладающими не только самосознанием, но и языковым «родством». Однако, как известно, подобные образования обычно сохраняются и в классовых обществах. Стало быть, мета(меж)племенные этнические общности, или семьи племен, — лишь одна из стадиальных разновидностей так называемых этнолингвистических общностей.

---

[107] *Элькин А.* Коренное население Австралии. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1952, с. 52.

[108] *Королюк В. Д.* К вопросу о славянском самосознании в Киевской Руси и у западных славян в X—XII вв. — В кн.: История, культура, фольклор и этнография славянских народов. М.: Наука, 1968, с. 101—113.

[109] Известно, например, что древние германцы, распадаясь на множество независимых, часто враждовавших между собой племен, долгое время не обладали сознанием своей общности и не имели даже общего самоназвания. «Имя же Германия, — по свидетельству Тацита, — новое и недавно вошедшее в употребление: сначала германцами называлось то племя, которое первое перешло Рейн и вытеснило галлов и которое теперь называется тунграми. . . (сначала галлы), так стали называть всех (жителей Германии) по племени победителей из страха, а потом те сами усвоили себе имя (германцев, приданное им галлами)» (*Taciti P. Cornelii.* De origine et situ germanorum. 2, 2. — In: P. Cornelii Taciti libri qui supersunt. Lipsiae, 1957). Вообще весьма показательно, что античные авторы обычно достаточно четко выделяли совокупности родственных племен, давая каждой из них особое общее наименование (например, галлы, иллирийцы, паннонцы и т. п.), и при этом указывали, из каких именно племен состоят такие общности (например: *Strabo*, VII, V, *3*: «Племена паннонцев суть: бревки, андезитии, дитионы, пирусты, мазеи, деситиаты»; *Herodo*, VII, *110*: «племена фракийцев: петы, киконы, бистоны, сапеи, дерсеи, сатры»).

[110] *Генинг В. Ф.* Этнический процесс в первобытности, с. 96—97.

Следует, однако, иметь в виду и то, что метаплеменные общности (семьи племен), как и этнолингвистические общности вообще, по своим основным параметрам представляли не столько единство, сколько сходство, основанное на диахронных связях, в частности, у них нередко не было одного общего для всех составных частей языка.

В роли же социально-этнических макроединиц (метаэтносоциальных общностей) развитого первобытного общества выступают, на наш взгляд, союзы племен. В самом деле: с одной стороны, они представляют собой относительно автономные потестарные единицы, с другой — обычно обладают, если не целиком, то, по крайней мере, в большей своей части определенной культурной общностью и сознанием единства. В то же время союзы племен, очевидно, не могут рассматриваться в качестве основных этносоциальных подразделений (эсо), поскольку они, как правило, характеризуются значительно меньшей целостностью, чем входящие в их состав племена.

Представляется не лишним еще раз напомнить о различии понятий «семья племен» и «союз племен»: во втором случае перед нами — этносоциальная общность; в первом — этническая общность в узком значении слова, притом выражающая не столько этническое единство, сколько этническую близость.

Отличаются семьи племен от их союзов также масштабами; обычно такой союз охватывал лишь часть семьи племен. А главное, хорошо известно, что союз племен мог включать племена разных семей. Иначе говоря, союзы племен могли быть неоднородными в этническом отношении; в таких случаях их, очевидно, следует рассматривать как своеобразные федерации нескольких этносоциальных общностей.

Различие между понятиями «семья племен» и «союз племен» можно, в частности, проиллюстрировать на материалах, относящихся к североамериканским индейцам. Например, в XVII в. ирокезоязычные племена (т. е., по нашей терминологии, ирокезская семья племен) образовали три союза: 1) Союз ирокезов, состоявший сначала из пяти (сенека, каюга, онондага, онейда, могауки), а затем шести (+тускарора) племен; 2) Союз гуронов и 3) Союз нейтральных племен. В XIX в. индейцы прерий образовывали несколько союзов племен, которые состояли как из одной, так и из разных семей племен. Так, Союз дакотских племен, известный под названием «Семь костров племенных советов», состоял только из дакотоязычных племен; Союз команчей включал представителей трех семей племен: шошоноязычных команчей, сиуязычных айова и атапаскоязычных кайова; Союз черноногих включал две семьи племен: алконкиноязычных черноногих и ацина и атапаскоязычных сарси [111].

---

[111] Народы Америки. М.: Изд-во АН СССР, 1959, т. I, с. 209 сл., 253 сл.; *Аверкиева Ю. П.* Индейское кочевое общество XVII—XVIII вв. М., 1970, с. 138; Handbook of American Indians north of Mexico. Washington, 1979, pt. I, s. v. Iroquois, Dakota, Comanche.

Итак, нами намечены основные подразделения и макро(мета)-этнические единицы первобытности.

На очереди вопрос о микроэтнических подразделениях доклассовых обществ. И в этом случае мы, разумеется, должны различать два аспекта: собственно этнический и этносоциальный.

Поскольку предел делимости этникоса, при котором в основном сохраняются его свойства, представляет отдельный человек, очевидно, таковой и является этнической микроединицей, притом не только в первобытности, но и во всех других формациях. Иначе говоря, если придерживаться термина специально предложенного для обозначения человека в роли носителя этнической информации, предел делимости этникоса — этнофор.

Несколько сложнее вопрос о микроэтносоциальной единице первобытного общества. В таком качестве с известной долей условности можно рассматривать родовую общину[112]. Однако она, как уже говорилось, скорее субэтнос, так как не является пределом делимости первобытных этносоциальных образований на отдельные ячейки. В этой роли выступает парная семья[113] — образование, правда, весьма неустойчивое, ибо основано на парном браке.

На стадии разложения первобытнообщинной формации на смену этим микроединицам, очевидно, приходит архаическая форма большой семьи[114].

Наличие единой в типологическом отношении иерархии этнических подразделений в первобытной формации не исключает, однако, того, что в разных природных и конкретно-исторических условиях такие подразделения не только могли быть представлены различными локальными вариантами, но и сочетаться с переходными формами. Так, есть основание полагать, что в конце среднего и начале верхнего палеолита наряду с общностями, состоящими из родовых общин, продолжали существовать общности из неэкзогамных локальных групп, сформировавшихся на основе первобытных стад. Отличаясь менее четкой и устойчивой структурой, нежели родовые общины, такие локальные группы под влиянием соседства с первыми постоянно изменялись, распадались или же сами оформлялись в род[115]. Косвенным свидетельством такого сосуществования родовых и локальных групп может служить появление, начиная со среднего палеолита, четко очерченных и занимающих ограниченную площадь культур и существования рядом с ними обширных зон со сравнительно однообразным каменным инвентарем[116]. Одним словом, вероятно, в течение довольно длительного времени (в среднем и даже части

---

[112] См.: *Бромлей Ю. В.* Этнос и этнография, с. 136.

[113] Ср.: статьи Н. А. Бутинова и В. Р. Кабо в кн.: Проблемы истории докапиталистических обществ. М., 1968, кн. 1.

[114] См.: *Бромлей Ю. В.* Ф. Энгельс и проблемы архаической формы семейной общины. — В кн.: Проблемы этнографии и антропологии в свете научного наследия Ф. Энгельса. М.: Наука, 1972, с. 162—175.

[115] *Файнберг Л. А.* Возникновение и развитие родового строя, с. 73.

[116] См.: *Прасолов Н. Д.* Ранний палеолит. . ., с. 142.

верхнего палеолита) сосуществовали разные коллективы: одни пытались установить внутренний мир лишь посредством нормирования половой жизни в своей среде, другие уже в среднем палеолите перешли к экзогамии. Первые или распались или вымерли, так как па них отрицательно подействовали вредные последствия инбридинга, вторые — его избежали, перейдя к родовой экзогамии [117].

Известно также, что уже упоминавшееся уменьшение в конце верхнего палеолита в Европе и Северной Азии числа крупных животных потребовало рассредоточения первобытных охотников и перехода их от оседлого или полуоседлого к преимущественно бродячему образу жизни. В результате здесь крупные и устойчивые родо-племенные коллективы распались на мелкие семейные группы. Но в некоторых других ареалах обитания первобытных людей, где в это время сохранялись прежние хозяйственные условия, очевидно, продолжали существовать крупные родоплеменные общности. Одним словом, сосуществование в условиях верхнего палеолита различных форм основных этнических подразделений представляется весьма вероятным. Не могло не привести к определенному полиморфизму структуры и масштабов этнических общностей также появление различных хозяйственно-культурных типов в эпохи мезолита и неолита [118]. Не случайно этнографическими исследованиями у отдельных проживающих в экстремальных условиях отсталых племен (многих австралийских племен, аэта, семангов, сеноев, бушменов, части огнеземельцев и кубу, акитов и др.) зафиксированы и выдающаяся роль мужчин в хозяйственной и общественной жизни, и заметное обособление парной семьи, и существование отцовской или билатеральной филиации. Все это, по-видимому, было связано с определенными природными и социально-историческими условиями, способствовавшими известной атомизации общества. В частности, ранний переход австралийцев к отцовскому роду мог быть вызван особенностями местной фауны, обусловившими развитие индивидуальной охоты на мелкую дичь [119]. Со спецификой хозяйственно-экономических условий, очевидно, связано и отсутствие у некоторых отстававших в прошлом в своем развитии народов (например, чукчей и коряков) каких-либо следов родовой экзогамии [120].

В рассматриваемой связи нельзя не упомянуть и о том, что на стадии разложения первобытного общества между отдельными эсо в зависимости от природно-исторических условий наблюдались существенные различия в соотношении тех или иных форм при-

---

117 См.: *Файнберг Л. А.* У истоков социогенеза, с. 121.

118 См. ниже.

119 См.: *Бромлей Ю. В., Першиц А. И.* Ф. Энгельс и проблемы первобытной истории. — В кн.: Проблемы этнографии и антропологии в свете научного наследия Ф. Энгельса. М., 1972, с. 25.

120 Общественный строй у народов Северной Сибири. М.: Наука, 1970, с. 313—323.

мативной эксплуатации [121]. При этом такие различия имели как синхронный, так и диахронный характер. Ведь процессы разложения первобытнообщинных отношений у ряда изолированных народов, проживающих к тому же в экстремальных условиях, затянулись вплоть до XX в. Соответственно на эти процессы оказывали воздействие все типы классовых формаций.

Этническим процессам первобытнообщинной социально-экономической формации, как и в других формациях, присущи две основные тенденции — дифференциации и интеграции. Однако на разных стадиях первобытного общества их соотношение и конкретные формы не оставались неизменными. На стадии, непосредственно предшествующей возникновению человека современного вида, судя по всему, преобладала тенденция дифференциации человечества, притом «еще не только и не столько культурной и социально-этнической, сколько биологической, что и отражалось в огромной пестроте известных нам неандертальских форм» [122]. Интеграционная тенденция в сфере культуры выразилась преимущественно в распространении на довольно больших территориях «общих черт, свойственных отдельным пока еще очень простым культурным достижениям» [123].

С переходом к верхнему палеолиту биологический аспект интеграции человечества проявился прежде всего в самом процессе его сапиентации, определившим принципиальное единство вида Homo sapiens. Рассматривая же социокультурный аспект этого процесса, следует иметь в виду, что сопровождавшее его преобразование праобщины в родо-племенную общность было одновременно и интеграцией (стяжением парных сочетаний родов в племя) и дифференциацией (возрастанием различий между племенами) [124].

Существенное значение для этнических процессов в эпоху верхнего палеолита имели пространственные перемещения этносов-племен, во многом обусловленные разделением этих общностей в результате увеличения их размеров и истощения естественных ресурсов в пределах племенной территории.

Все эти перемещения и привели к расселению современных людей (Homo sapiens) из области (или областей) их формирования по всему земному шару, включая американский континент. При этом сложились крупные, охватывающие подчас целые субконтиненты культурные ареалы. Существенно, что их контуры, как уже говорилось, не совпадали с ландшафтно-климатическими зонами, а определялись значительными оро- и гидрографиче-

---

[121] *Файнберг Л. А.* Возникновение и развитие родового строя, с. 141—142; *Першиц А. И.* Начальные формы эксплуатации и проблема их генетической типологии. — В кн.: Проблемы типологии в этнографии. М.: Наука, 1979.

[122] *Семенов Ю. И.* Кочевничество и некоторые общие проблемы теории хозяйства и общества, с. 56—57.

[123] *Арутюнов С. А.* Этнические общности. . ., с. 68.

[124] *Арутюнов С. А.* Этнические общности. . ., с. 68.

скими рубежами [125] т. е. очевидно, были прежде всего связаны с факторами, ограничивающими передвижения людей. Весьма возможно, что в пределах таких естественно-географических культурных провинций и существовала так называемая лингвистическая непрерывность, подобная той, что зафиксирована этнографами у папуасов Новой Гвинеи, у которых друг друга понимают жители непосредственно соседствующих селений [126].

В связи с уже упоминавшимся изменением фауны в конце палеолита и в мезолите Евразии подвижность населения, судя по всему, увеличилась. При этом этнодифференцирующая тенденция выразилась в дроблении относительно крупных и относительно оседлых племен эпохи верхнего палеолита (коллективов охотников на крупную дичь) на мелкие бродячие коллективы охотников на мелкую дичь. В то же время совокупности таких мелких коллективов, восходящие к общему предковому племени или к нескольким близко родственным племенам, говорящим на нескольких диалектах, представляли уже начальную форму группы родственных племен [127] или метаплемен.

В неолите процесс адаптации первобытных людей к ландшафтно-климатическим условиям выразился в распространении новых хозяйственно-культурных типов [128] освоении земледелием и скотоводством как ранее недоиспользованных ландшафтовых зон, так и новых, прежде не обитаемых человеком пространств. При этом происходило пространственное укрупнение этносов-племен как за счет демографического роста, так и путем аггломераций соседних коллективов, в том числе поглощения малочисленных общностей охотников и собирателей [129]. В результате возникали новые более крупные «вторичные» племенные образования, которые, судя по археологическим данным, сохраняли дуально-родовую структуру [130]. Этноинтегрирующая тенденция выражалась также в укрупнении диалектов, гомогенизации культуры [131]. Такой рост основных этносоциальных единиц происходил до тех пор, пока экономикой каждой из них не был достигнут максимально возможный в данных условиях уровень хозяйственного развития. Значительное превышение этого минимума вновь вело к отпочкованию новых общин, сопровождавшемуся культурной дифференциацией [132]. Интеграционные и диф-

---

[125] *Чеснов Я. В.* О социально-экономических и природных условиях. . ., с. 20.

[126] *Бутинов Н. А.* Папуасы Новой Гвинеи (хозяйство, общественный строй). М.: Наука, 1968.

[127] Ср.: *Арутюнов С. А.* Этнические общности. . ., с. 68—69.

[128] См.: *Чеснов Я. В.* О социально-экономических и природных условиях. . ., с. 20—25; *Андрианов Б. В.*, *Чебоксаров Н. Н.* Хозяйственно-культурные типы. . ., с. 9—11.

[129] См.: *Арутюнов С. А.* Этнические общности. . ., с. 72.

[130] См.: *Крюков М. В.* Формы социальной организации древних китайцев. М.: Наука, 1967, с. 146; *Арутюнов С. А.*, *Сергеев Д. А.* Проблемы этнической истории Берингоморья. М.: Наука, 1975, с. 91, 113.

[131] См.: *Арутюнов С. А.* Этнические общности. . ., с. 72.

[132] См.: *Бутинов Н. А.* Папуасы Новой Гвинеи. . ., с. 46—47.

ференциационные процессы шли также на уровне метаэтнических общностей. Можно, в частности, предположить, что взаимодействие основных этнических подразделений в рамках метаплеменных образований вело к повышению их культурной гомогенности, получившей отражение в обширных археологических культурах земледельцев эпохи неолита. С другой стороны, есть основания считать, что освоение метаэтническими общностями земледельцев новых обширных территорий сопровождалось их языково-культурной дивергенцией, вело к ослаблению метаплеменного самосознания [133].

Одна из характерных черт этнических процессов в эпоху неолита — взаимодействие этносов разного хозяйственно-культурного типа, прежде всего земледельцев и скотоводов, с одной стороны, охотников и собирателей, с другой. Как свидетельствуют этнографические материалы, чем выше при этом в экономике данного этноса развиты черты производящего хозяйства по сравнению с присваивающим, тем выше способность этой общности к ассимиляции других [134]. Однако даже после перехода к производящему хозяйству у бывших охотников и собирателей долгое время сохранялись прежние черты духовной культуры. Если до такого перехода они противопоставляли себя более развитым соседям, прежде всего делая упор на образ жизни и окружающую природную среду, то в новых условиях на первый план выступали такие детали культуры, которые ранее в данном отношении не имели существенного значения: манера держаться, походка, прическа и т. п.[135]

В результате поглощения земледельческими этносами многих племен охотников и собирателей в поздней первобытности произошли существенные изменения этнической карты на великих низменностях Евразии — восточноевропейской, индо-гангской и китайской. Большое влияние на происходящие здесь этнические процессы оказало взаимодействие оседлых земледельцев и кочевых скотоводов. В первичной номадизации — отпочковании возникающих скотоводческих обществ от исходных земледельческих — уже отчетливо проявилась тенденция этнической дивергенции. В дальнейшем для развития этнических процессов важнейшее значение имели миграции кочевников, в одних случаях приводившие к их растворению в оседлом земледельческом населении, в других — к ассимиляции ими значительной части этого населения, правда, нередко «ценой» собственной седентаризации. Эти процессы приняли, однако, особенно значительные масштабы в условиях взаимодействия кочевых этносов с раннеклассовыми обществами, о чем пойдет речь в следующем очерке.

---

[133] См. дискуссию по статье В. П. Алексеева «О роли социальных факторов в биологической дивергенции человеческих популяций» (СЭ, 1976, № 4) в журнале «Советская этнография» за 1976—1977 гг.

[134] См.: *Арутюнов С. А.* Этнические общности. . ., с. 79.

[135] См.: *Шнирельман В. А.* Этнокультурные контакты и переход к производящему хозяйству (по материалам Африки и Азии). — СЭ, 1982, № 2, с. 39.

Очерк двенадцатый

ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ДОКАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ КЛАССОВЫХ ОБЩЕСТВАХ

Приступая к рассмотрению этнических процессов в докапиталистических классовых обществах, следует прежде всего напомнить, что для обозначения этносоциальных организмов таких обществ в нашей научной литературе обычно употребляется термин «народность». Это обстоятельство получило внешнее выражение, в частности, в том, что в перечне важнейших исторически сменяющихся типов этнических общностей народность неизменно фигурирует между такими этносоциальными организмами, как племя и нация.

Определение народности как основной этносоциальной общности (т. е. этносоциального организма) докапиталистических классовых обществ неизбежно выдвигает вопрос о терминологическом размежевании этносоциальных организмов рабовладельческой и феодальной формаций.

Вопрос этот уже поднимался в нашей литературе С. А. Токаревым. В частности, по его мнению, — это «разные типы этнических общностей», отличающихся друг от друга прежде всего соотношением социально-классовых компонентов [1]. Действительно, этносоциальный организм каждого рабовладельческого общества охватывает преимущественно свободное население, оставляя за своими рамками значительную часть непосредственных производителей этого общества — рабов, поскольку многие из них обычно принадлежат к другим этносам [2]. Этносоциальный организм при феодальном строе охватывает прежде всего трудящееся население и подчас не включает господствующий класс феодалов, особенно его верхушку. В этой связи для обозначения основного типа этнических общностей (по нашей терминологии — этносоциальных организмов) рабовладельческой формации С. А. Токарев предложил наименование «демос», поскольку в такие общности входило преимущественно свободное население [3]. Однако это предложение представляется не вполне удачным, ибо за словом «демос» в науке фактически закрепилось другое значение — народонаселение страны, что получило, хотя и кос-

---

[1] *Токарев С. А.* Проблема типа этнических общностей (к методологическим проблемам этнографии). — ВФ, 1964, № 11, с. 48—51.

[2] Было бы, однако, несомненным упрощением полагать, что все рабы оставались за рамками таких этносоциальных организмов (см.: *Сатыбалов А. А.* Методологические вопросы классификации типов этнических (национальных) общностей. — В кн.: Методологические вопросы общественных наук. Л., 1968, с. 164—167).

[3] *Токарев С. А.* Проблема типов этнических общностей. . ., с. 52.

венное, но вполне отчетливое выражение в наименовании специальной дисциплины — демографии [4].

Вместе с тем сам факт существования особой разновидности этносоциального организма, характерного для рабовладельческого строя, представляется несомненным. Поэтому (в ожидании, пока будут созданы специальные термины [5]) представляется целесообразным (подобно разграничению наций на буржуазные и социалистические) внутри этносоциальных организмов докапиталистических классовых формаций выделить два подтипа: «рабовладельческая народность» и «феодальная народность» [6].

Что касается основных собственно этнических подразделений докапиталистических классовых обществ — этникосов, то приходится отметить, что в нашей научной литературе для их обозначения фактически нередко используется тот же термин «народность». Это особенно отчетливо проявляется при фиксации этнической принадлежности пленных (в таких случаях обычно говорится, что пленный принадлежит к такой-то народности). Впрочем, для тех же целей подчас употребляется понятие «национальная принадлежность» или же просто «национальность». Однако следует учитывать, что при всей многозначности слова «национальность» [7] чаще всего оно используется для обозначения этнических общностей (или принадлежности к таким общностям) капиталистических и социалистических обществ (в первую очередь принадлежности к нации). И в данной связи нередко говорят об этнических общностях докапиталистических формаций как о «донациональных». Поэтому во избежание путаницы (в частности,

---

[4] Высказывались и прямые предложения обозначить термином «демос» вообще все население отдельных политических образований независимо от их этнической гомогенности. См., например: *Francis E.* Ethnos und Demos (Soziologische Beiträge zur Volkstheorie). Berlin, 1965, S. 35—87).

[5] Делалось, например, предложение поместить между племенем и народностью в качестве особой разновидности этнической общности «народ» (см.: *Каммари М. Д.* Создание и развитие И. В. Сталиным марксистской теории нации — ВИ, 1949, № 12, с. 68). Но слово «народ», как известно, еще более многозначно, чем термин «народность». Как уже говорилось, предлагалось также для обозначения промежуточной ступени между рабовладельческой народностью и нацией использовать термин «национальность» (*Арский И. В.* Вопрос о формировании национальностей в Западной Европе — Уч. зап. ЛГУ. Серия истории. Л., 1941, вып. 12, с. 122). Но это предложение представляется неприемлемым. (См. очерк четвертый данной книги, с. 72, прим. 65).

[6] Правда, в нашей литературе высказывались сомнения относительно правомерности такого формационного разграничения понятия «народность» (*Козлов В. И.* Динамика численности народов. М.: Наука, 1969, с. 58). Однако подобные сомнения были бы оправданы лишь в том случае, если бы народность рассматривалась только как этнос в узком смысле слова. Между тем данным термином, как уже говорилось, обозначается также этносоциальный организм и, следовательно, для типологизации этой общности ее социально-экономические («формационные») параметры имеют не меньшее значение, чем собственно этнические.

[7] Ср.: *Агаев А. Г.* Нация, ее сущность и самосознание. — ВИ, 1967, № 7, с. 90.

такого алогизма, как «донациональные национальные общности») представляется целесообразным при обозначении этникосов докапиталистических классовых обществ ограничиться термином «народность». Хотя он тоже неоднозначен, однако его семантика все же менее емка, чем у слова «национальность». Соответственно мы предлагаем употреблять термин «национальность» лишь в его узком значении (в стадиальном отношении), т. е. применительно только к эпохам капитализма и социализма [8].

Народности-этникосы складывались в ходе этнообъединительных процессов главным образом в рамках социальных организмов. Эти объединительные процессы в условиях докапиталистических классовых формаций были чрезвычайно сложными и противоречивыми. Одним из факторов, способствовавших объединению племенных этнических общностей в народности, было усиление межплеменных контактов по мере роста общей численности населения. «Возрастающая плотность населения, — писал Ф. Энгельс, — вынуждает к более тесному сплочению как внутри, так и по отношению к внешнему миру. Союз родственных племен становится повсюду необходимостью, а вскоре делается необходимым даже и слияние их» [9]. Другим, еще более важным фактором формирования народностей были раннеклассовые государства. Часто они возникали на базе группы родственных племен [10]. В таких случаях наряду с уже имевшейся у этих племен близостью языка и культуры (в узком смысле слова) государство оформляло консолидирующиеся племена в территориально-политическом отношении, создавало определенную общность экономических, социальных и других интересов [11]. На процессах формирования народностей сказывались и характерные для рубежа доклассовых и классовых обществ массовые переселения, сопровождавшиеся завоеванием одних этнических групп другими. В результате в рамках одного государства нередко оказывались неродственные племена [12]. Не следует забывать и неустойчивость раннеклассовых государственных образований, в частности подвижность их политических границ.

Но особенно осложняла процесс формирования народностей характерная для большинства докапиталистических классовых обществ иерархичность политической структуры, сопряженная с острыми противоречиями между центростремительными и центробежными тенденциями. Именно соотношение этих тенденций во многом предопределяло конкретные рамки, в пределах которых наиболее интенсивно шел процесс формирования народностей.

В одних случаях более интенсивными оказывались процессы формирования народности в рамках небольших политических еди-

---

[8] См. выше, очерк четвертый, с. 72.
[9] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 21, с. 164.
[10] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 21, с. 410.
[11] *Козлов В. И.* Динамика численности народов, с. 320—321.
[12] Подробнее см. ниже, с. 278—279.

ниц, охватывающих лишь несколько племен или даже одно племя. В других случаях большую интенсивность имели процессы, проходившие в пределах территории, охватывавшей целую группу племенных общностей (подчас семью племен или ее значительную часть, но иногда и совокупность нескольких неродственных племен). Но, как правило, эти разновидности объединительных процессов в той или иной степени сосуществовали.

В первом случае процесс этногенеза проходил в рамках сравнительно небольших территориально-административных подразделений типа номов, полисов — в рабовладельческом обществе, графств, княжеств — в феодальном. В сплочении таких политических образований немалую роль играл областной диалект, местное право и обычаи, особенности материальной и духовной культуры, внутриобластная брачная эндогамия [13]. Одним словом, областные общности обладали не только потестарными, но и определенными этнокультурными свойствами. Однако они еще не представляли собой сформировавшихся этносоциальных организмов, так как, с одной стороны, не обладали достаточной политической самостоятельностью, с другой — имели довольно расплывчатый этнический облик, были слабо разграничены внутри соответствующих этнолингвистических общностей. Поэтому такие формирования, на наш взгляд, можно именовать «этносоциальными областями». Соответствующие же им собственно этнические подразделения могут быть названы «областными этникосами».

Лишь некоторые из «областных» этносоциальных единиц, приобретя значительную политическую устойчивость, со временем превратились в этносоциальные организмы. Примером этого может служить возникновение афинской, спартанской и других древнегреческих народностей, формировавшихся в рамках отдельных полисов. В Афинском государстве этому процессу, в частности, немало содействовало введение в VI в. до н. э. нового административного деления (реформы Клисфена), которое было построено на чисто территориальном принципе, призванном заменить древние родо-племенные деления [14]. В это время «основным социальным организмом и этнической общностью [15] выступал афинский народ. . . в целом говоривший на особом аттическом наречии и объединенный территориально-политически и общим именем» [16]. Но наряду с народностями, сложившимися в рамках древнегреческих государств — полисов, во второй половине I тыс. до н. э. в результате возникновения общегреческих политических объединений происходит формирование более широкой общности — эллинской народности [17].

---

[13] *Поршнев Б. Ф.* Феодализм и народные массы. М., 1964, с. 297—298.
[14] *Сергеев В. С.* История древней Греции. М., 1963, с. 185.
[15] Точнее говоря, этносоциальным организмом.
[16] *Лашук Л. П.* О формах донациональных этнических связей. — ВИ, 1967, № 4, с. 83.
[17] *Лашук Л. П.* О формах. . ., с. 86—88.

Особенно большая роль в формировании подобных «межобластных» этнических общностей принадлежит раннеклассовым государствам. К этому вопросу нам еще предстоит вернуться. Здесь же представляется важным отметить возможность выделения народностей различных уровней. При этом народности одного уровня могли выступать лишь в качестве этникосов (так сказать, по инерции после исчезновения соответствующего эсо), другого уровня — и как этникос, и как функционирующее эсо. Так, начавшая складываться с возникновением в IX в. Германского королевства (с X в. «Священной Римской империи германской нации») немецкая народность [18] сохраняется в качестве этникоса и после установления здесь в XII—XIV вв. полной политической раздробленности [19]. Наряду с этой народностью и в ее рамках одновременно функционируют в качестве эсо, а соответственно и этникосов, сформировавшиеся в результате политической раздробленности баварская, саксонская, швабская и другие народности, многие из которых генетически связаны с областными этническими общностями [20].

Выявление в раннеклассовых обществах двух уровней народностей неизбежно выдвигает задачу их терминологического размежевания. В этой связи представляется возможным предложить следующие условные наименования для этнических образований, возникших на «узкой» племенной основе и занимающих относительно небольшую территорию — «ареальные народности»; для этносов, генетически восходящих к целым метаплеменным общностям (семьям племен) и включающих (в той или иной форме) несколько ареальных образований — «региональные народности».

При возникновении «региональных народностей» обычно в той или иной степени дают о себе знать все виды объединительных этнических процессов. И все же, на наш взгляд, можно выделить два основных варианта этногенеза этих общностей: в одном — преобладает тенденция консолидации, в другом — миксации.

Судя по всему, главную роль консолидация родственных этнических групп сыграла в формировании эллинской народности. Однако при этом не обошлось без этнической ассимиляции. В данном отношении показательно мнение Геродота, что эллины численно возросли, когда «включили в себя множество племен» [21]. Один из ярких примеров рассматриваемого варианта этногенеза

---

[18] Показательно, что в источниках XI в. слово «diutisch» («deutsch») употребляется уже для обозначения народа (см.: *Жирмунский В. М.* История немецкого языка. М., 1956, с. 52).

[19] И это дает определенное основание для того, чтобы говорить, что немецкая народность предшествует немецкой нации (ср.: *Токарев С. А.* Проблема типов этнических общностей. . ., с. 52—53).

[20] В хрониках XII—XIII вв. наряду с общим представлением о Германском («Тевтонском») королевстве саксы, швабы и бавары рассматривались как отдельные народности (см.: *Колесницкий Н. Ф.* Донациональные этнические общности (по материалам средневековой Германии). — В кн.: Расы и народы. М., 1978, 8, с. 40—41).

[21] *Геродот.* История в девяти книгах. М., 1972, с. 27.

дает история возникновения древнерусской народности. Она, как известно, сложилась в результате объединения восточнославянских метаплемен (полян, кривичей, дреговичей, северян и т. д.) [22], хотя при этом имели место и ассимиляционные процессы (прежде всего растворение в славянском этносе местного угрофинского населения), но несомненно не они сыграли решающую роль в формировании древнерусской народности [23]. Ряд примеров этногенеза подобного типа дает раннесредневековая история германцев. Так, в ходе становления алеманнской метаэтнической общности, превратившейся постепенно в народность (III—VI вв.), она вобрала в себя главным образом различные германские этнические единицы, хотя в состав ее, видимо, вошел и некоторый кельтский элемент [24]. Судя по всему, генетически родственным этническим подразделениям принадлежала решающая роль также в формировании саксонской и тюрингской межплеменных общностей [25]. Естественно, что в ходе сложения на базе этих межплеменных образований раннесредневековых народностей главную, если не исключительную, роль выполняли консолидационные процессы.

И все же в большинстве своем раннеклассовые региональные народности, очевидно, возникли в результате этнической миксации. При этом обычно немалая роль принадлежала миграциям, вопрос о месте которых в генезисе народностей заслуживает особого внимания.

Дело в том, что в прошлом долгое время миграциям, которые изучались в основном на лингвистическом материале, отводилась определяющая этногенетическая роль. Позднее под влиянием лингвистической теории Н. Я. Марра некоторые примитивно-миграционистские теории происхождения народов были у нас пересмотрены. Однако при этом оказались допущенными крайности иного порядка — почти полное отрицание роли миграций. Дискуссия по вопросам языкознания в 1950 г. в значительной мере способствовала преодолению такого рода крайностей. Вместе с тем привлечение новых массовых археологических и особенно антропологических материалов предотвратило восстановление прежних миграционистских построений. И все же вопрос о роли переселенцев (и их соотношении с автохтонным населением) в возникновении многих народов до сих пор остается дискуссионным [26]. Все это и заставляет специально остановиться

---

[22] См.: *Мавродин В. В.* Происхождение русского народа. Л., 1978.

[23] См., например: *Хабургаев Г. А.* Этнический состав древнерусского государства и образование трех восточнославянских народностей. Логические и лингвистические замечания к обсуждению «первопричины» образования белорусской народности. — СЭ, 1972, № 1.

[24] См.: *Колесницкий Н. Ф.* Донациональные этнические общности, с. 33—34.

[25] *Колесницкий Н. Ф.* Донациональные этнические общности, с. 34—35.

[26] См., например: дискуссию об этногенезе белорусов: *Седов В. В.* К происхождению белорусов: «Проблема балтского субстрата в этногенезе белорусов. — СЭ, 1967, № 2; *Третьяков П. Н.* Восточные славяне и балтский суб-

на данном вопросе в целом. Представляется существенным особо обратить внимание на то переселения народов, которые были связаны со становлением и развитием раннеклассовых отношений. Таковы, например, массовые миграции эпохи Великого переселения народов. Основная причина этих миграций — давление численно возросшего населения на производительные силы [27].

Массовые миграции, как известно, чрезвычайно ускоряли характерный для перехода от доклассового общества к классовому процесс замены основных этносоциальных ячеек первобытнообщинного строя — «племен» новыми, более крупными этносоциальными общностями — «народностями». При этом перемещение той или иной этнической общности на новую территорию, как правило, влекло за собой столкновение ее с уже обитавшей здесь ранее другой общностью. Вследствие неравномерности общественного развития такие этнические общности обычно находились на разных социально-экономических уровнях и их столкновение нередко завершалось тем, что автохтонное население оказывалось завоеванным пришельцами. В социальном отношении эти завоевания, как и любые другие, могли иметь троякий характер: 1) завоеватели навязывают побежденным собственный способ производства; 2) победители оставляют без изменений способ производства побежденных, довольствуясь данью; 3) происходит взаимодействие двух способов производства — завоевателей и побежденных, в ходе которого возникает новый способ производства [28].

Что касается этнических последствий переселений, то они могли быть различными. В частности, истории известно немало случаев переселений отдельных частей этноса на еще неосвоенные или слабоосвоенные другими этносами территории. Таков, например, процесс освоения русскими Сибири в XVII—XIX вв. Он, хотя и сопровождался этнокультурными контактами с аборигенным населением, но не повлек за собой возникновения новых этнических общностей.

Однако в условиях раннеклассовых отношений переселения часто сопровождались интенсивными этногенетическими процессами. При этом такие процессы, как правило, одновременно имели объединительный характер. Более того, начальной точкой формирования новой этнической общности в результате переселений обычно выступал не столько сам момент миграции этнической общности или отделения переселяющейся этнической группы от «материнского этноса», сколько тот период, когда между переселенцами и автохтонными этническими единицами начиналось

страт. — СЭ, 1967, № 4; *Жучкевич В. А.* К вопросу о балтском субстрате и этногенезе белорусов. — СЭ, 1968. № 1; *Гринблат М. Я.* К происхождению белорусской народности (по поводу теории субстрата). — СЭ, 1968, № 5; *Седов В. В.* Еще раз о происхождении белорусов.— СЭ, 1969, № 1; *Хабургаев Г. А.* Этнический состав древнерусского государства и образование трех восточнославянских народов. . .

[27] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 8, с. 568.

[28] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 12, с. 722.

взаимодействие, в ходе которого у них появлялись общие характерные черты. Завершался же процесс этногенеза, как еще раз справедливо было подчеркнуто в последнее время рядом наших специалистов, в момент появления у участвующего в этом процессе населения отчетливого этнического самосознания, внешним проявлением которого становилось общее самоназвание [29].

В процессе этногенеза, связанного с взаимодействием завоевателей и аборигенов, обычно происходит синтез этнического субстрата и суперстрата [30], в ходе которого и возникает новый этнос (разумеется, субстрат, как и суперстрат, сам мог быть многослойным продуктом предшествующего синтеза). Поскольку взаимодействующие при этом этносы, как правило, не находятся в близком родстве, постольку, очевидно, в данном случае речь идет о процессах, именуемых нами «этногенетической миксацией». Сопровождающий такого рода процессы межэтнический синтез чрезвычайно многообразен, особенно в тех случаях, когда он касается весьма отдаленных по своим основным параметрам этнических общностей. Дело в том, что в подобной ситуации взаимодействие отдельных компонентов этнических единиц, участвующих в генезисе той или иной народности, происходит не только различными темпами, с различной интенсивностью, но и нередко не в одинаковых направлениях. В этой связи следует дифференцированно подходить, по крайней мере, к изменениям в сфере языка, бытовой культуры, физического типа и этнического самосознания, включая самоназвание.

Наглядной иллюстрацией этого, может, например, служить судьба этнонима «болгары». Его первоначальные носители, так называемые протоболгары, — тюрки, в конце VII в. н. э. переселились на Балканы и подчинили находившиеся здесь славянские племена. И хотя сравнительно немногочисленные протоболгары довольно скоро полностью растворились в массе славянского населения, однако этноним «болгары» в конечном счете стал самоназванием всего этого населения [31].

---

[29] См.: *Крюков М. В., Сафонов М. В., Чебоксаров . ИН.* Древние китайцы: проблемы этногенеза. М.: Наука, 1978, с. 7, 29; также: *Тервуд Е. А.* Некоторые особенности этнических процессов у германских племен в период разложения первобытнообщинных отношений (к становлению этнического самосознания англосаксов VI—IX вв.). — В кн.: Проблемы романизации, этногенеза и городского устройства (от античности к средневековью). М., 1977, с. 137—192.

[30] В отличие от обычного употребления этих понятий в лингвистике мы подразумеваем под «этническим субстратом» местное, а под «этническим суперстратом» — пришлое население (ср.: *Абаев В. И.* О языковом субстрате. — Докл. и сообщ./ Ин-т языкозн. АН СССР, 1956, № 9, с. 50—69).

[31] Процесс превращения был, очевидно, не очень простым. В данном отношении показательно, что в византийских источниках конца IX в. население Болгарии именуется не только «болгарами», но и «славяно-болгарами» (см.: *Литаврин Г. Г.* Этническое самосознание южных славян в VII—X вв.: к проблеме формирования раннефеодальных народностей. — В кн.: История, культура, этнография и фольклор славянских народов. VIII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М.: Наука, 1978,

Игнорирование асимметричного характера синтеза, происходящего при генезисе народностей, неизбежно ведет к упрощенной трактовке этого процесса. Именно с подобным подходом в первую очередь связана распространенность представлений, согласно которым в большинстве случаев взаимодействие завоевателей и аборигенов приводит к простой, односторонней ассимиляции последних. К данному варианту обычно относят значительную часть случаев, когда языком-победителем оказывается язык суперстата при одновременном отсутствии в нем существенных следов влияния субстрата [32]. Но поскольку такое отсутствие, в свою очередь, представляется возможным либо при полном оттеснении завоевателями аборигенов с их территории, либо после уничтожения их большей части, то соответственно субстрат, как правило, изображается относительно малочисленным. Между тем при таком толковании вопроса о соотношении аборигенов и завоевателей в случае победы языка последних нередко упускается из вида, что показания лингвистики при решении данного вопроса не могут служить единственным критерием. Об этом, в частности, все более весомо начинают свидетельствовать накапливаемые антропологические материалы. В свете этих материалов многие из тех явлений в истории переселений народов, которые обычно квалифицируются как случаи полной или почти полной ассимиляции завоевателями аборигенов, в действительности оказываются сложным синтезом двух этносов, т. е., как уже говорилось, этногенетической миксацией. В подтверждение можно привести факты, относящиеся к этнической истории самых различных частей ойкумены [33].

с. 254). Последнее обстоятельство свидетельствует о том, что процесс принятия этнонима «болгары» основной массой населения страны был в это время еще не завершен. Поскольку же такому завершению предшествовало наименование соответствующего государства «Болгарией», постольку есть основания полагать, что общее самоназвание у населения этого государства формируется не в результате непосредственного распространения наименования «болгары», а путем превращения его сначала в политоним и лишь затем в единый для всех жителей страны этноним. Следовательно, на начальной стадии этого процесса наименование «болгары» отражало не столько сознание принадлежности всего населения Болгарии к определенному этносу, сколько к данному государству (Ср.: *Графенауер Б.* Выступление в дискуссии. — In: Actes du premier congres intern. des etudes balkaniques et Sud-Est Europ. Sofia, 1963, III, p. 309).

[32] При этом в лучшем случае дело ограничивается указанием на наличие в суперстрате следов влияния отдельных элементов языка и культуры ассимилированного субстрата.

[33] Этот вопрос уже был рассмотрен на примере этнической истории азербайджанцев, балкарцев, болгар, египтян, карачаевцев, осетин, турок, хакасов, черногорцев. См.: *Алексеев В. П., Бромлей Ю. В.* К изучению роли переселения народов в формировании новых этнических общностей. — СЭ, 1968, № 2; *Они же.* К вопросу о роли автохтонного населения в этногенезе южных славян. — В кн.: История, культура, этнография и фольклор славянских народов. М.: Наука, 1973; *Бромлей Ю. В.* Современные проблемы этнографии. М.: Наука, 1981, с. 257—273.

Эти факты показывают, что одним из типичных последствий взаимодействия переселенцев-завоевателей с аборигенами было своеобразное сочетание в новой этнической общности языка суперстрата с преобладанием физического типа субстрата. Учет этого обстоятельства в ряде случаев позволяет преодолеть наследие миграционистских представлений, не впадая в то же время в крайности автохтонизма.

В целом же соответствующие материалы свидетельствуют о том, что даже ассимилированные народы, как правило, передают пришедшим им на смену этносам не только историко-культурное, но и биогенетическое наследие. В этом смысле в большинстве своем этносы бесследно не исчезают из всемирно-исторического процесса.

В рассмотренном нами варианте формирования народностей докапиталистических классовых формаций решающая роль в определении этнического облика этих общностей принадлежала той разновидности межэтнической миксации завоевателей и аборигенов, при которой побеждал язык этнического суперстрата. Но наряду с этим среди миксационных этнических процессов, сопровождающих формирование народностей на базе взаимодействия этносов, может быть выделен также вариант, при котором определяющее значение имела языковая победа этнического субстрата. Примером этого может служить процесс складывания итальянской народности. Как и большинство народов Западной Европы, она возникла в результате смешения завоевателей (прежде всего германских племен) и населения Италийского полуострова, ведущего свое происхождение от римлян. Но завоеванное население, обладавшее значительно более высокой культурой, чем победители, сумело ассимилировать последних, прежде всего в языковом отношении. В ходе многочисленных этнических столкновений и смешений в VI—X вв. шел процесс складывания итальянской народности, сопровождавшийся формированием итальянского разговорного языка. Принято считать, что середина XII в. — эпоха войн итальянских городов с Фридрихом I Барбароссой — было временем становления общеитальянского самосознания [34]. Важным шагом в этнической консолидации итальянской народности явилось формирование (начиная с XII в.) итальянского литературного языка [35]. Впрочем, в силу феодальной раздробленности процесс ее консолидации долгое время оставался незавершенным, а сама она продолжала быть всего лишь этникосом.

Вместе с тем формирование итальянской народности свидетельствует, что государственное объединение было не единственной

---

[34] См.: *Красновская Н. А.* Основные этапы этнической истории фриулов (IV—XX вв.). — В кн.: Этнические процессы в странах зарубежной Европы. М.: Наука, 1970, с. 139.

[35] Очерки общей этнографии: Зарубежная Европа. М.: Наука, 1966, с. 378—380; *Колесницкий Н. Ф.* Донациональные этнические общности. . ., с. 40.

предпосылкой этнического сплочения населения разных областей. В данном случае оно вообще отсутствовало, ибо, как известно, Италия никогда в средневековье не была объединена в единое государство. По мнению специалистов, нет основания полагать, что итальянское единство основывалось на экономических связях, поскольку между отдельными областями и городскими республиками хозяйственные связи были весьма слабы, скорее здесь наблюдалось соперничество и разобщение [36]. Решающая роль в сплочении всего населения Италии, судя по всему, принадлежала такому политическому фактору, как борьба с внешними завоевателями [37].

Одним словом, политические факторы так или иначе имели немалое значение для формирования раннесредневековых региональных народностей. Эти факторы особенно дали о себе знать (правда, уже в ином направлении) в условиях развитого феодализма, для которого характерна иерархичная политическая структура, острая борьба тенденций централизации и децентрализации. В силу всего этого неустойчивые государственные границы и границы сформировавшихся еще в раннее средневековье этнических общностей нередко не совпадали. Более того, подчас распад крупных политических образований сопровождался процессами этнической парциации. Так, политическое разделение Франкской империи привело к этнической дивергенции франков: их западная часть вошла во французскую, восточная — в немецкую народность. Подобно этому распад Древнерусского государства привел к формированию на основе древнерусской народности русских, украинцев, белорусов.

В целом же этническая картина на протяжении истории рабовладельческого и феодального обществ была довольно неустойчивой. И все же, несмотря на это, именно в ходе бурных событий этих эпох сложилась основа формирования ныне существующих наций [38], причем чаще всего в качестве такой основы выступают народности (одна или несколько), появившиеся в докапиталистический период.

Все сказанное о народностях докапиталистических классовых обществ вместе с тем дает основание для продолжения классификации этих образований. Наряду с их пространственным делением (на ареальные и региональные), о чем уже шла речь выше, представляется целесообразным разграничение таких общностей в структурно-генетическом отношении. В данной связи следует различать народности, возникшие в условиях раннеклассового общества, непосредственно на базе родо-племенных этнических общностей (племен и метаплемен), и народности, сложившиеся на основе уже существовавших общностей этого типа (т. е. тоже на-

---

[36] См.: *Колесницкий Н. Ф.* Донациональные этнические общности, с. 40.
[37] Ср.: *Колесницкий Н. Ф.* Донациональные этнические общности, с. 40.
[38] Ср.: *Козлов В. И.* Проблема этнического самосознания и ее место в теории этноса. — СЭ, 1974, № 2, с. 89.

родностей) или при их участии в этногенетических процессах. Соответственно одни народности могут быть названы первичными, другие — вторичными. Если же рассматривать вопрос в историко-стадиальном плане, то первичные народности окажутся «архогенетическими», вторичные — «палеогенетическими» и даже «неогенетическими»[39].

Во внутренней структуре первичных народностей весьма ощутимо проступают родо-племенные связи. В силу этого такие общности в научной литературе нередко именуют племенами. Однако в последнее время все чаще указывается, что подобные образования непосредственно не связаны с первобытнообщинным строем[40], что они «ни по своей социальной сущности, ни как этническая общность не соответствовали древней форме племени, свойственной первобытнообщинному строю»[41]. Действительно, речь идет об этносоциальных общностях, производственные отношения в которых имеют уже классовый (рабовладельческий или феодальный) характер, а родо-племенные связи относятся почти исключительно к сфере надстройки. Такого рода этносы, на наш взгляд, могут быть также названы постплеменными народностями[42]. В дореволюционной России к этой разновидности народностей можно отнести, например, киргизов, башкир, якутов и т. д.[43]

Что же касается вторичных народностей, то в их внутренней структуре архаические родо-племенные отношения уже полностью или почти полностью утратили значение; на смену им приходят региональные «земляческие» связи[44]. При этом сказывался характер генезиса вторичных народностей. Они могли возникнуть в результате либо внутреннего развития одной этнической или этносоциальной общности, либо в ходе объединения нескольких самостоятельных этнических народностей (в том числе и первичных народностей), либо, наконец, путем разделения первичной народности. В первом случае мы имеем дело с народностями однолинейного происхождения, во втором — многолинейного, в третьем — с народностями дивергентного генезиса.

---

[39] О понятиях «архогенетические», «палеогенетические» и «неогенетические» этносы см. выше.

[40] См.: *Исмагилова Р. П.* Этнические проблемы современной Тропической Африки. М.: Наука, 1973, с. 178.

[41] *Жданко Т. А.* Этнические общности и этнические процессы в дореволюционной России. — В кн.: Современные этнические процессы в СССР. М.: Наука, 1975, с. 48.

[42] В нашей литературе есть предложение именовать такое образование «территориально-племенной общностью» (см.: *Лашук Л. Н.* Опыт типологии этнических общностей средневековых тюрок и монголов. — СЭ, 1968, № 1, с. 106). Однако этот термин дает основание полагать, что речь идет лишь об ареальной общности, возникшей на базе одного племени, а между тем автор в данном случае имеет в виду «межплеменную» общность.

[43] Ср.: *Жданко Т. А.* Этнические общности. . ., с. 52.

[44] См., например: *Архангельский А. М.* Племя, народность, нация как исторические формы общности людей. М., 1961; *Агаев А. Г.* К вопросу о теории народности. Махачкала, 1965.

О втором и третьем вариантах возникновения вторичных народностей речь шла уже выше; что же касается первого, то для примера можно сослаться на этническую историю венгеров. В раннее средневековье они представляли собой первичную народность с характерными для нее пережиточными формами внутренней родо-племенной структуры; в позднее же средневековье эта общность, полностью утратив элементы такой структуры, превратилась во вторичную народность [45].

В целом же все основные этносоциальные и собственно этнические подразделения докапиталистических классовых обществ существенно отличаются от соответствующих образований первобытности. Это наиболее очевидно в отношении народности-эсо, которая имеет принципиально иную, чем у племени, социальную структуру. Основным социальным фактором, связывающим народность-эсо воедино, выступают уже не брачно-родственные отношения, а такая политическая сила, как государство, со всеми его атрибутами. Правда, для народности, особенно вторичной, характерно, как уже отмечалось, наличие «земляческих» связей. Однако без связей, охватывающих весь массив народности [46], ее функционирование как целостного социального организма невозможно [47]. И в тех случаях, когда народность возникала, не имея еще своего единого государства, роль своеобразного политического фактора, выполняющего объединительную функцию, принадлежала, как мы видели, освободительной борьбе.

Народность отличается от племени и по этническим свойствам (это относится как к народности-эсо, так и к народности-этникосу). С одной стороны, наличие антагонистических классов влечет за собой определенное ослабление культурного единообразия в рамках народности по сравнению с тем, что имеет место у племени. С другой, — если рассматривать вопрос в пространственном отношении, то окажется, что в пределах территории, занимаемой народностью-эсо, культурная однородность выше, чем на той же территории в первобытнообщинной формации даже в случае расселения на этой территории одной семьи племен. Словом, происходит либо увеличение культурных информационных связей внутри этнической общности (при превращении семьи племен или ее части в народность), либо даже расширение пространственных рамок однородной культуры (при образовании народности-эсо на базе нескольких неродственных племен). Большую роль в этом процессе играют сборы воедино значительных масс людей на общественные работы или в военных целях, создание внутригосударственных коммуникаций всех видов, передача информации приказного характера и особенно развитие письменности,

---

[45] См.: История Венгрии. М., 1971, т. I, с. 108 и сл.

[46] Чисто «земляческие» связи, как убедительно показал Ф. Энгельс, никогда не выходили «за пределы местных отношений и связанного с ним узкого местного горизонта» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 7, с. 347).

[47] Ср.: *Лашук Л. П.* О формах донациональных этнических связей, с. 86.

которая при наличии чтеца (глашатая и т. п.) выполняет свои информационные функции даже в случае неграмотности большинства населения. В целом на стадии древних и средневековых народностей возрастает перепад между уровнями плотности внутриэтнических и межэтнических инфосвязей. Этнические общности этого типа «проявляют тенденцию ко все большей внутренней самоконсолидации, но упорно противятся ассимиляции» [48].

Сформировалось и общее этническое самосознание народности, выраженное прежде всего в едином самоназвании, чувстве принадлежности к ней. Ее члены осознавали общность в языке, вере, быте. Например, в древнем Китае уже в VI в. до н. э. население центральных царств в бассейне Хуанхэ, имевшее общее наименование «ся», противопоставлялось соседним народам, именуемым «мань», «и», «жун», «ди». При этом для самосознания древних китайцев характерно представление о том, что необходимыми признаками принадлежности к этносу является общность происхождения, языка и бытовой культуры. В данной связи большое значение придавалось особенностям пищи (что едят и каким образом готовят), жилища, бытовых привычек (манера сидеть), прически, украшений [49]. Не менее красноречивые свидетельства осознания этнической общности в рамках государственно-политических образований дает средневековая история Западной Европы. При этом она свидетельствует, что даже в тех случаях, когда в рамках такого образования оказывались отличающиеся своим происхождением этнические группы, их различия, как правило, постепенно исчезали и возникало сознание этнической общности всего населения страны. Так произошло, в частности, в Англии, которая уже в XI в. стала единым государственным целым. Хотя здесь некоторое время сохранялись этнические различия между франкоязычными нормандцами и англосаксонским населением, однако к XIV в. они сгладились; государственным языком стал англосаксонский (английский) язык, вскоре превратившийся в литературный, а основная масса населения, и прежде всего крестьянство, наиболее обособленное по локальному принципу, уже осознавало свою этническую общность в пределах государства [50].

Характеризуя этническое самосознание народностей докапиталистических социально-экономических формаций, следует отметить, что на протяжении их существования содержание этого самосознания не оставалось неизменным [51]. Как показало специальное сравнительное изучение эволюции этнического самосо-

---

[48] *Арутюнов С. А., Чебоксаров Н. Н.* Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества. — В кн.: Расы и народы. М., 1972, 2, с. 27.

[49] См.: *Крюков М. В.* Эволюция этнического самосознания и проблемы этнографии. — Расы и народы, 1976, 6, с. 44—48.

[50] См.: *Колесницкий Н. Ф.* Донациональные этнические общности. . ., с. 42.

[51] См.: *Козлов В. И.* Проблема этнического самосознания и ее место в теории этноса. — СЭ, 1974, № 2, с. 89.

знания у древних греков и китайцев, представление об общности происхождения, выступающее в качестве одного из главных компонентов их самосознания на ранних стадиях становления народности, позднее отступает на второй план по сравнению с таким его компонентом, как представление об общности культуры [52]. Постепенно появляется и такой компонент самосознания народности, как этноцентрические представления, сопряженные с негативными стереотипами оценки соседних народов, которые нередко рассматриваются как «варвары». Так, Гиппократ и Аристотель утверждали, что жители холодного Севера храбры и свободолюбивы, люди жаркого Востока умны, и лишь эллины сочетают в себе все эти качества, вследствие чего они и могут господствовать над варварами [53]. Во многом аналогичные установки получили развитие в древнем Китае, где VI—V в. до н. э. для обозначения территории расселения «ся» появляется название «Серединные царства» («чжунго») [54].

В то же время наряду с общим этническим самосознанием на протяжении существования народностей, как правило, остается еще сильным локальное самосознание, в том числе представление о принадлежности к субэтносу. И это не случайно. Даже для позднесредневековых народностей (особенно крупных) характерна определенная культурная гетерогенность, выражающаяся, в частности, в наличии этнографических групп и субэтносов [55]. В этом одно из существенных отличий (в этническом плане) народностей от наций-этносов, типичных для капиталистических и социалистических обществ.

От основных же этносоциальных подразделений доклассовых обществ народности-эсо отличались не только своими социальными и собственно этническими параметрами, но и масштабами. И это было обусловлено как этнообъединительными процессами, так и демографическими изменениями. Достигнутый в докапиталистических классовых формациях уровень развития производительных сил, обеспечивающий регулярное производство прибавочного продукта, создал необходимую базу для более быстрых, хотя еще относительно невысоких, темпов прироста населения. Поэтому, вероятно, всюду, где длительное время не было опустошительных войн, эпидемий и стихийных бедствий население возрастало, пока какое-нибудь новое социальное или природное потрясение не нарушало этот рост [56]. В результате появляются

---

[52] См.: *Крюков М. В.* Эволюция этнического самосознания. . ., с. 45—49, 60.
[53] См.: *Томсон Дж.* История древней географии. М., 1953, с. 161—163.
[54] См.: *Крюков М. В.* Эволюция этнического самосознания. . ., с. 54—55.
[55] В рамках некоторых первичных народностей долгое время после их возникновения в качестве элементов внутренней структуры сохраняются даже «реликтовые» формы племени. Эти сильно трансформированные, утратившие основные признаки этносоциальных организмов первобытнообщинного строя субэтнические подразделения получили особенно широкое распространение у кочевников.
[56] *Козлов В. И.* Динамика численности народов, с. 237—239.

крупные этносоциальные общности. Например, в Древнем Египте эпохи фараонов насчитывалось, как полагают, до 7 млн. жителей, в Вавилонии — 4—5 млн. [57] Еще более многочисленными были некоторые макроэтнические общности. Так, к началу нашей эры в Римской империи насчитывалось, по-видимому, свыше 50 млн. человек [58]; примерно столько же находилось в Китае. В то же время на огромной первобытной периферии докапиталистических классовых формаций продолжали оставаться сравнительно малолюдные племена, правда составлявшие уже нередко довольно крупные макрообъединения — союзы племен.

В раннее средневековье во многих странах — наследницах античной цивилизации наблюдается снижение численности населения из-за войн и разрухи хозяйства, последовавших за нашествиями «варваров» в эпоху Великого переселения народов. Рост населения в странах Западной Европы, возобновившийся после прекращения этих нашествий, был вновь нарушен в XIV в. эпидемией бубонной чумы. Весьма существенным в средние века было сокращение населения во многих странах Ближнего Востока, Южной и Восточной Азии, Балкан и Восточной Европы, на которые обрушились завоевательные походы арабов, монголо-татар и тюрок [59]. И все же постепенный прогресс в развитии производительных сил на протяжении феодальной формации не мог не сказаться на изменении численности населения. Как только неблагоприятные условия исчезали, рост населения возобновлялся. Одним из косвенных свидетельств сравнительно быстрого роста населения в феодальную эпоху является основание в эту эпоху множества новых и расширение старых городов. В целом же, по расчетам Б. Ц. Урланиса, численность населения Европы с 1000 по 1800 г., т. е. за период развитого феодализма и его разложения, выросла с 56 до 187 млн. человек, иначе говоря, на 231%, что в среднем дает почти 29% прироста в столетие [60].

Этнообъединительные тенденции в докапиталистических классовых формациях проявились не только в укрупнении основных этнических подразделений, т. е. не только в этнических процессах, так сказать, основного уровня. Эти тенденции давали о себе знать и на уровне метаэтнических единиц, метаэтнических процессов.

Характеризуя метаэтнические формирования докапиталистических классовых обществ, представляется необходимым и в этом случае выделить две их разновидности: собственно этнические и этносоциальные общности. В качестве первой из этих категорий выступают, главным образом, так называемые этнолингвистические общности, имеющие подчас иерархическую структуру (например,

---

[57] *Reinhard M., Armengand A.* Histoire génerale de la population mondiale. Paris, 1961.

[58] *Beloch K. J.* Die Bevölkerung ober griechisch-romischen Welt. Leipzig, 1886, S. 501—507.

[59] *Козлов В. И.* Динамика численности народов, с. 240.

[60] *Урланис Б. Ц.* Рост населения в Европе. М.: Политиздат, 1941, с. 414—415.

первый уровень: восточные, западные, южные славяне; второй — славяне вообще). Напомним, что для таких общностей характерно практически не единство, а родство языков, иначе говоря, они всего лишь объединяемые диахронными связями совокупности родственных этникосов-народностей. Генетически же этнолингвистические общности, по крайней мере те из них, которые относятся к первому уровню, восходят, как правило, к семьям племен (в известном смысле семьи племен, как уже отмечалось, сами являются этнолингвистическими общностями). Нельзя забывать и того, что языковые общности далеко не всегда обладают сознанием единства [61]. Между тем в тех случаях, когда таковое отсутствует, они фактически представляют собой не этнические, а всего лишь этнографические единицы и поэтому не могут быть названы «этнолингвистическими». Это, так сказать, «лингвоэтнографические» общности. Правда, не все лингвистические общности обладают заметным этнографическим сходством. В частности, такое сходство обычно с трудом обнаруживается в масштабах целых языковых семей. И только путем тщательного анализа историко-этнографических материалов, относящихся к разным индоевропейским народам, удается проследить отдельные элементы сходства их материальной и духовной культуры.

Как уже говорилось, начало формирования лингвистических общностей относится к периоду, предшествующему возникновению докапиталистических классовых формаций. Но особенно интенсивный характер этот процесс приобретает как раз с появлением раннеклассовых политических образований. Существенное значение в данном отношении имело взаимодействие классовых обществ и их первобытной периферии, прежде всего в результате массовых переселений народов. Именно в ходе этих переселений на протяжении древней и средневековой истории человечества получили широкое распространение все известные ныне крупнейшие языковые семьи. Так, индоевропейские языки, первоначально сформировавшиеся, по мнению многих советских и зарубежных исследователей, в степной и лесостепной полосе Причерноморья в III—II тыс. до н. э., распространились отсюда по всей Европе до берегов Атлантики, Северного и Балтийского морей. В восточном направлении народы, говорившие на языках этой семьи, заселили огромные пространства в Средней Азии и Южной Сибири, а также в Иране, достигнув на рубеже II и I тыс. до н. э. бассейна Инда и в дальнейшем распространившись по всему северу Индостана [62]. Новейшие исследования показывают, что распро-

---

[61] Например, такие языковые группы, как кельтская и угорская, состоящие из разобщенных территориально, мало связанных и не сохранивших общей традиции народов, представляют собой лишь научную конструкцию, отражающую, однако, наличие общности происхождения входящих в эти группы языков (*Арутюнов С. А., Чебоксаров Н. Н.* Передача информации. . ., с. 28).

[62] См.: *Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А.* Народы, расы, культура. М., 1971, с. 49—50.

странение языка семьи банту по всей Тропической Африке началось на рубеже нашей эры и продолжалось до II тыс.[63] Современный ареал тюркских языков в основном сложился до середины II тыс. н. э.

В докапиталистических классовых формациях объединительные тенденции на метаэтническом уровне проявлялись и в этносоциальных формах. В этой связи, в частности, следует учитывать те довольно характерные для этих формаций случаи, когда одно крупное социально-политическое образование (государство) «перекрывает» несколько различных по своему происхождению этнических единиц, сформировавшихся в прошлом в рамках отдельных социальных организмов. Так как такие единицы не только обладают четко выраженной культурной спецификой, но и целиком входят в одно государство (не расчленены политическими границами), то каждую из них, очевидно, есть основания считать (подобно нации в рамках многонационального государства) этносоциальным организмом, т. е. народностью. Однако в пределах рассматриваемых социально-исторических образований наряду с входящими в них такими народностями подчас зарождается как бы стоящая над ними этническая общность, что выражается в появлении общих для всех народностей этнических черт. Правда, эти черты по сравнению с этническими свойствами народностей — всего лишь тонкая амальгама, к тому же распределенная далеко неравномерно. Следовательно, соответствующие образования в этническом отношении не представляют «органического» целого. Думается, что для обозначения этих, хотя и полиэтнических, но вместе с тем обладающих выраженной тенденцией к межэтнической интеграции, образований правомерно использовать термин «метаэтнополитические» общности. Притом одни из таких общностей были сравнительно едины в политическом отношении, другие — фактически представляли «гетерогенную» совокупность государств, связанных не столько политически, сколько этнически (прежде всего общностью этнической принадлежности господствующего слоя).

Судя по всему, метаэтнополитическую общность «гетерогенного» характера представляли, например, греческие государства в III—II вв. до н. э., охватывавшие территорию от Египта до грекобактрийского государства, от Нубии до Боспора. Именно в пределах этой территории сложился, как известно, своеобразный культурный комплекс, вошедший в науку под названием «эллинизма»; в этнокультурном отношении для него характерно наличие общегреческого языка — койне, синкретизм греческой и восточных культур[64]. Примером более гомогенной метаэтнополитической общности в докапиталистических классовых формациях может служить поздняя Римская империя с характерной для нее

---

[63] Обзор различных мнений по этому вопросу см.: *Исмагилова Р. Н.* Этнические проблемы. . ., с. 168—170.

[64] См.: *Сергеев В. С.* История древней Греции, с. 409—412.

тенденцией к нивелировке населения, наиболее отчетливо проявившейся в широком распространении римского гражданства и романизации [65]. Аналогичные метаэтнополитические образования были хорошо известны и в средневековье. Таковы, например, арабский халифат в период его расцвета (конец VII—VIII вв.), империя Карла Великого, Византийская империя. Хотя подобные политические образования, как правило, были не столь уж долговечны [66], однако оставляли в культуре входивших в них народов заметный след, в той или иной мере дающий о себе знать и по сей день. Иначе говоря, сложившееся в рамках этих единиц культурное (этническое) единообразие может сохраняться очень длительное время, выступая обычно как фактор образования историко-этнографических областей, а подчас даже отдельных этникосов [67].

Крупные политические образования типа империй обычно немало способствовали утверждению определенной религии среди входивших в их состав народов. Но вместе с тем распространение отдельных религий нередко не ограничивалось пределами подобных политических образований. Это особенно относится к так называемым мировым религиям. Как известно, подавляющее большинство возникших в классовом обществе религий не перешагнули границу страны или региона и остались местными религиями. Лишь нескольким религиозным системам удалось, в силу некоторых их особенностей и сложившихся исторических обстоятельств, выйти далеко за пределы тех государств, где они возникли, и приобрести полиэтнический характер. Наиболее крупные из таких религиозных систем и принято именовать мировыми религиями [68]. К ним относятся буддизм, христианство, ислам. Кроме того, ограниченно полиэтничны и некоторые другие религии, например, зороастризм, индуизм. Народы, исповедующие ту или иную из этих религий, обычно обладают не только идеологическим, но и определенным культурно-бытовым единообразием, т. е. представляют собой этнографические общности. Когда же у таких образований имеется и определенное самосознание, их,

---

[65] См.: *Кудрявцев О. В.* Исследования по истории балкано-дунайских областей в период Римской империи и статьи по общим проблемам древней истории. М., 1957, с. 327—328.

[66] Это подчас служит основанием для утверждения, что империи с полиэтническим составом населения, возникшие в результате завоеваний, не могут рассматриваться в качестве метаэтнических общностей (см.: *Брук С. И., Чебоксаров Н. Н.* Метаэтнические общности — Расы и народы. М., 1976, 6, с. 28). Однако данный тезис, на наш взгляд, справедливо вызвал возражения (см.: *Крюков М. В.* Этнические и политические общности: диалектика взаимодействия — В кн.: Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М., 1982, с. 156—158).

[67] Так, арабский этникос намного пережил Арабский халифат, в период существования которого он получил особенно широкое распространение.

[68] *Токарев С. А.* Религии в истории народов мира. М.: Политиздат, 1976, изд. 3-е, с. 447; *Пучков П. И.* Современная география религий. М.: Наука, 1975, с. 21.

очевидно, можно считать метаэтноконфессиональными общностями [69]. В такие общности входили как родственные, так и неродственные народы. При этом следует, однако, иметь в виду, что все мировые религии распадаются на различные направления, течения, церкви, секты, взаимоотношения которых нередко имели весьма напряженный характер. Поэтому обычно осознавалась не столько принадлежность к той или иной мировой религии в целом, сколько к ее отдельной «ветви». Соответственно чаще всего именно последние могут быть отнесены к разряду этноконфессиональных общностей макроуровня (конечно, при условии наличия у них общего конфессионального самосознания). Таковы, например, католики Западной Европы до Реформации или православные на Руси. Отдельную метаэтническую общность с важной интегрирующей ролью религии представляют также индусы, к которым относятся разноязычные народы Южной Азии (индоарийские, дравидийские и частично тибето-бирманские) и у которых индуизм пронизывал всю общественную и культурную жизнь [70].

Формирование метаэтнических общностей — одно из проявлений тенденции межэтнической интеграции в докапиталистических классовых обществах. Наряду с ней прослеживается в этих обществах и тенденция дифференциации этнических образований.

Обе эти тенденции обнаруживаются лишь при охвате этнокультурных процессов докапиталистических классовых обществ в глобальных масштабах, при том целиком за весь период от первобытнообщинной до капиталистической эпохи. На протяжении этого периода в развитии культуры, как известно, имели место гигантские скачки назад. Однако в целом за данный период культурный фонд большинства этносов, несомненно, чрезвычайно возрос по сравнению с доклассовой эпохой, увеличилось многообразие их культуры. Соответственно во многих сферах культуры (религии, обычаях, обрядах и т. п.) расширились масштабы различий между этносами, принадлежащими к разным историко-культурным (историко-этнографическим) ареалам. Эта дифференцированность усиливалась неравномерностью социально-экономического развития человечества, в результате которой образовалась огромная дистанция в культурном уровне одновременно сосуществующих этносов доклассовых и классовых социальных организмов. К тому же эсо такого рода классовых обществ, как уже говорилось, отличались от первобытнообщинных со и наличием внутренних культурных различий, порожденных их классовым, а подчас также сословным и даже кастовым делением.

---

[69] Ср.: *Брук С. И., Чебоксаров Н. Н., Чеснов Я. В.* Проблемы этнического развития стран Зарубежной Азии. — Вопросы истории, 1969. № 1, с. 93—94, 99—100.

[70] *Брук С. Н., Чебоксаров Н. Н.* Метаэтнические общности, с. 23.

Что касается тенденции межэтнической интеграции, то она была обусловлена как вовлечением все большего числа этносов в орбиту однотипных социально-экономических отношений и соответственно ростом стадиального сходства их культуры, так и в немалой мере расширением в силу различных экономических и политических факторов масштабов диффузии культуры. При этом тенденция к интеграции культуры особенно наглядно проявилась первоначально в ходе возникновения народностей, а затем, как уже говорилось, в формировании разнообразных видов взаимопересекающихся метаэтнических и историко-этнографических образованиях, необычайно усложнивших культурную структуру всего человечества. Общность в рамках некоторых из такого рода образований (например, религиозных) в представлении современников подчас даже превосходила значение принадлежности к основному этническому подразделению. Вместе с тем, говоря об интеграционной тенденции в сфере культуры в докапиталистических классовых формациях, нельзя не учитывать и этот основной уровень этнической структуры человечества. Хотя, как уже говорилось, многие компоненты соответствующих общностей культуры стали социально-дифференцированными, однако одновременно в результате увеличения объема культурного фонда каждого этноса и его размеров (народность, как правило, превосходит племя и по численности и по территории) возрастали масштабы того слоя культуры, который был общим для всех членов этой этнической единицы. В целом же на уровне основных этнических подразделений докапиталистических классовых обществ — народностей сочетание двух рассматриваемых тенденций привело, с одной стороны, к росту абсолютных масштабов культурного своеобразия каждого из этих подразделений, с другой — к относительному увеличению у них удельного веса межэтнических компонентов культуры.

Очерк тринадцатый

ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В КАПИТАЛИСТИЧЕСКОМ МИРЕ

Применительно к эпохе капитализма (как и социализма) этносоциальные процессы принято именовать «национальными процессами». Однако следует различать, имеются ли в виду под данным термином изменения, происходящие с нацией, или всего лишь перемены, касающиеся национальностей (т. е. этникосов). В первом случае перед нами национальные процессы в широком значении слова, во втором — в узком.

Как и этносоциальные процессы в целом, так и национальные процессы в широком значении слова представляют собой чрезвы-

чайно сложные явления. Они охватывают самые различные сферы общественной жизни — от экономики до общественного сознания. Поэтому для удобства анализа национальных процессов в последнее время в советской научной литературе принято условно выделять в них две основные взаимосвязанные стороны: социально-экономическую и собственно этническую. При этом под социально-экономической подразумеваются в первую очередь производственные отношения, классово-профессиональная сфера общественной жизни. Под этнической в таком случае имеются в виду изменения только этнических свойств этносоциальных общностей, включая этническое самосознание [1].

Хотя определяющая роль в национальных процессах несомненно принадлежит социально-экономическим явлениям, однако этническая сторона представляет не только существенную, но и непременную их составляющую. Этническая сторона национальных процессов (в широком значении слова), обладающая определенной самостоятельностью, является одной из форм проявления собственно этнических процессов. Иными словами, нациям, как и другим этносоциальным общностям, в той или иной мере присущи основные разновидности собственно этнических процессов.

В соответствии с социально-экономическими параметрами наций они подразделяются на буржуазные и социалистические. Буржуазные нации состоят из антагонистических классов, основными из которых являются буржуазия и пролетариат. При социализме кардинальным образом меняется социальная структура нации. В этом смысле возникновение социалистических наций представляет коренное преобразование наций буржуазного общества. Устанавливая всестороннюю связь и взаимозависимость наций, капитализм в силу своей эксплуататорской природы утверждает и угнетение одной нации другой. Характерной чертой социалистических наций является социалистический интернационализм, новый тип межнациональных отношений, основанных на равноправии, уважении национальных интересов и чувств каждого народа.

Социальная структура нации оказывает огромное влияние на ее культурную однородность. Как уже отмечалось, культура буржуазной нации с ее классовым антагонизмом представляет собой фактически диалектическое единство противоположностей. При этом на ранней стадии развития капитализма в духовной жизни нации ведущую роль играет по преимуществу культура господствующих классов. Однако на современном этапе развития в капиталистических странах, хотя и доминирует буржуазное содержание в национальной культуре, все же в духовной жизни нации заметно усиливается роль демократических элементов

---

[1] См.: Современные этнические процессы в СССР. М., 1977. 2-е изд., с. 18; *Бромлей Ю. В.* К типологизации этнических процессов. — В кн.: Проблемы типологии в этнографии. М., 1979, с. 9.

культуры. С переходом к социализму эта сторона национальной культуры получает всестороннее развитие, о чем специально пойдет речь в следующем очерке.

Рассматривая национальные процессы, следует иметь в виду, что под ними подразумеваются не только изменения наций и национальных (этнических) групп, но и тех этносоциальных общностей, которые применительно к капитализму и социализму принято именовать народностями, т. е. так же, как основные этнические подразделения докапиталистических классовых обществ. Поскольку народности входят в социальные организмы соответствующих общественно-экономических формаций, их (как и нации) подразделяют на буржуазные и социалистические. В социальном плане такого рода общности отличаются от наций прежде всего своей классовой структурой. Хотя они и включены в социальные отношения соответствующих формаций, однако в их социальной структуре удельный вес ведущих классов этих формаций (буржуазии и пролетариата — в капиталистической, рабочего класса — в социалистической) сравнительно невелик. Преобладающим социальным слоем, как и при предшествующих формациях, обычно остается сельское население (чаще всего крестьянство, а иногда и занятые в сельском хозяйстве рабочие). У народности рассматриваемого типа либо вообще отсутствует какая-либо «своя» автономия либо, если таковая и имеется, то все же значительную часть ее функций выполняет государственное образование, в которое эта народность входит вместе с основной для данного образования крупной нацией (а нередко и другими национальными общностями) [2].

Всем этим во многом определяется и этническая специфика буржуазных и социалистических народностей. В данном отношении весьма показательно рассмотрение С. А. Арутюновым и Н. Н. Чебоксаровым этих общностей сквозь призму культурных инфосвязей. По их мнению, народности нового и новейшего времени — это этнические общности, у которых внутренние инфосвязи слабее, чем нити, связывающие каждую из таких общностей с ассоциированной с ней крупной нацией. Другими словами, народность этого типа существует, как правило, только во взаимосвязи с крупной нацией: уэльская народность — во взаимосвязи с английской нацией, чукотская — во взаимосвязи с русской. Для такого рода народностей характерна широкая распространенность двуязычия, грамотности не только и даже иногда не столько на родном языке, сколько на языке связанной с ней нации [3].

С. А. Арутюнов и Н. Н. Чебоксаров полагают, что подобного рода народности не могут (в отличие от народностей древности

---

[2] Разумеется, все эти различия не следует абсолютизировать, памятуя не только об условности, но и о подвижности граней между такого рода народностями и нациями.

[3] См.: *Арутюнов С. А., Чебоксаров Н. Н.* Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества. — В кн.: Расы и народы. М., 1972, 2, с. 26.

и средневековья) рассматриваться в качестве основных таксономических единиц классификации этносов, поскольку в новое и новейшее время в такой роли выступают нации [4]. Однако, на наш взгляд, дело не только в классификационных принципах. Пожалуй, существеннее другое: так как в подобных ассоциированных общностях внутренние «синхронные» связи обеспечиваются между их частями в значительной мере межнациональными коммуникативными средствами, такие общности, естественно, не могут рассматриваться как самостоятельно функционирующие организмы. И это относится не только к собственно этнической, но и к социальной сфере, что, как уже говорилось, находит обычно внешнее выражение в отсутствии у такого рода народностей достаточно развитой «собственной» политической надстройки. Таким образом, очевидно, что ассоциированные народности нового и новейшего времени не могут быть причислены к этносоциальным организмам. Но в то же время несомненно, что такие народности представляют собой не просто этникосы, а этносоциальные общности, ибо они, с одной стороны, являются для соответствующей группы людей основными этническими подразделениями, в рамках которых воспроизводятся специфические свойства, с другой — обладают определенными, присущими только им социальными параметрами. Учитывая при этом тесную связь каждой из рассматриваемых нами народностей с определенной крупной нацией, представляется возможным характеризовать подобные народности как ассоциированные этносоциальные общности основного уровня.

Переходя к характеристике этникосов эпох капитализма и социализма, т. е. национальностей в узком значении слова, прежде всего следует напомнить, что в подавляющем большинстве случаев каждая национальность-этникос соответствует определенной нации-эсо (или нескольким нациям), однако пространственное соотношение их, как уже отмечалось выше, имеет несколько вариантов [5]. При одном из них этникос-национальность и нация-эсо почти полностью совпадают; при другом — из одного этникоса-национальности социальные организмы вычленяют несколько этносоциальных образований; при третьем — в рамках одной социально-политической общности (государства) имеется несколько этносоциальных организмов. Этот последний вариант нуждается, на наш взгляд, в некоторых дополнительных пояснениях, поскольку, хотя он внешне напоминает ассоциированные вторичные народности, однако речь идет о качественно ином явлении. Дело в том, что собственные коммуникативные связи внутри ассоциированной этнической единицы, как правило, возрастают по мере увеличения ее масштабов. Поэтому, когда такая единица в рамках соответствующего государства занимает обширную, компактную территорию (при сравнительно высокой плотности), представляется возможным рассматривать ее как эсо, хотя и не вполне завершен-

---

[4] *Арутюнов С. А., Чебоксаров Н. Н.* Передача информации. . ., с. 26.
[5] См. выше, очерк четвертый.

ной структуры. Классическим образцом этого могут служить, в частности, франкоканадцы, представляющие в пределах Канады особый, отдельный этносоциальный организм, т. е. нацию.

Весьма сложным является вопрос о характеристике этнических подразделений, возникающих в случае, если один и тот же этникос расположен в пределах нескольких смежных социальных организмов, входящих в свою очередь в общий социальный организм высшего уровня. В таком случае, строго говоря, один этносоциальный организм (эсо первого порядка) составляет та часть данного этникоса, которая сосредоточена в основном для него социальном организме первого уровня. Однако в известном смысле эсо (второго порядка) образуют как это ядро этникоса, так и те его относительно компактные группы, что находятся на непосредственно примыкающей к нему территории, если она входит в пределы социального организма высшего уровня. Таким образом, скажем, украинцы Украинской ССР составляют эсо в строгом значении этого слова, хотя условно в качестве эсо (второго порядка) можно рассматривать всех украинцев, проживающих как в УССР, так и на примыкающей к ней территории РСФСР, Белоруссии и Молдавии, поскольку между ними существуют не только сравнительно регулярные социально-экономические связи, обеспечиваемые союзным государством, но и своеобразная непрерывность непосредственных этнокультурных контактов. Однако уже украинцы соседних с УССР районов Польши, Чехословакии, Венгрии оказываются вне украинского этносоциального организма, хотя и относятся к одному с ним этникосу.

Характеризуя соотношение этникосов-национальностей и эсонаций, еще раз подчеркнем, что во всех рассмотренных вариантах этникосы обычно полностью не вписываются в эсо. Как правило, та или иная часть этникоса-национальности остается за пределами соответствующей нации-эсо (или наций) либо в дисперсной форме, либо в форме компактных групп. Такие части этникосов-национальностей в нашей литературе принято именовать национальными группами.

Переходя непосредственно к характеристике этносоциальных процессов эпохи капитализма, представляется существенным прежде всего напомнить, что с наступлением этой эпохи еще более увеличился диапазон стадиальных различий между этносоциальными общностями, простирающийся теперь от первобытнообщинного до капиталистического строя. Присущая эпохе капитализма неравномерность проявилась и в самом процессе его утверждения. Если, по словам В. И. Ленина, к последней четверти XIX в. «Запад с буржуазными революциями покончил» [6], то страны Восточной Европы находились в это время еще на пороге своих буржуазно-демократических революций; незавершенными оставались и буржуазно-демократические преобразования в большинстве стран Центральной Европы.

---

[6] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 23, с. 2.

Не были однородными капиталистические страны и по своей внутренней социальной структуре. Наряду с господствующими капиталистическими отношениями в большинстве из них в той или иной степени сохранялись остатки различных докапиталистических укладов. Различия между капиталистическими странами особенно отчетливо проявлялись в сфере аграрных отношений. В ряде стран (Германия, Россия) развитие капитализма в сельском хозяйстве шло по так называемому прусскому пути, при котором это развитие имело замедленный характер, сопровождаясь длительной консервацией феодальных пережитков. Там же, где утверждение капитализма в сфере сельского хозяйства осуществлялось по так называемому американскому пути, докапиталистические отношения, как правило, сводились к минимуму, хотя все же и здесь нередко использовались весьма архаические формы эксплуатации (например, рабство в южных штатах США).

В условиях становления капиталистической формации происходит интенсификация экономических связей как внутри отдельных государств, так и в международных масштабах. В результате возросшего производства и обмена товаров складывается мировой капиталистический рынок, немало способствующий преодолению изолированности отдельных стран, особенно тех, что встали на путь капиталистического развития. Одновременно в орбиту капитализма втягиваются в качестве колоний и полуколоний также те страны, которые продолжали еще оставаться на разных ступенях развития феодализма или даже на стадии родо-племенных отношений.

Неравномерность социально-экономического развития народов мира в условиях капитализма обусловила большое многообразие этнических процессов, их темпов, типов и разновидностей.

Для понимания сути этих процессов основополагающее значение имеет разработанная В. И. Лениным концепция двух тенденций в национальном вопросе в условиях капитализма. «Развивающийся капитализм, — указывал он в данной связи, — знает две исторические тенденции в национальном вопросе. Первая: пробуждение национальной жизни и национальных движений, борьба против всякого национального гнета, создание национальных государств. Вторая: развитие и учащение всяческих сношений между нациями, ломка национальных перегородок, создание интернационального единства капитала, экономической жизни вообще, политики, науки и т. д.» [7]

В конечном счете эти две тенденции представляют собой частный случай диалектического взаимодействия единичного и общего [8]. И такое взаимодействие охватывает все сферы общественного бытия наций, в том числе и этнические явления. При этом

---

[7] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 24, с. 124.
[8] См.: *Баграмов Э. А.* Национальный вопрос в борьбе идей. М., 1982, с. 72.

развитие в этнической сфере единичного, особенного [9] означает усиление этнически специфического, т. е. дифференциацию наций; развитие же в данной сфере общего — расширение межэтнического, т. е. их интеграцию. В результате собственно этническим процессам оказываются присущи дифференциация и интеграция. А это в свою очередь значит, что дифференцирующее и интегрирующее начала в этнической динамике в условиях капитализма тесно сопряжены с двумя раскрытыми В. И. Лениным историческими тенденциями в национальном вопросе.

В целом же в этносоциальной динамике человечества в эпоху капитализма эти тенденции проявляются, с одной стороны, в формировании и развитии основных этносоциальных подразделений данной эпохи — наций, с другой — в их интернационализации, межэтнической интеграции.

Важнейшая роль в развертывании такого рода процессов принадлежит экономическим факторам, что проявляется, в частности, весьма наглядно в ходе формирования буржуазных наций. Не случайно это обстоятельство было специально отмечено В. И. Лениным, показавшим на примере складывания русской нации значение для процесса национальной консолидации усиливающегося в период генезиса капитализма обмена между областями, постепенно растущего товарного обращения, слияния небольших местных рынков в один национальный рынок. Раскрывая сущность процесса формирования наций, В. И. Ленин подчеркивал, что, поскольку «руководителями и хозяевами этого процесса были капиталисты-купцы, то создание этих национальных связей было не чем иным, как созданием связей буржуазных» [10].

Существенное влияние на процессы формирования буржуазных наций оказывает государственно-политический фактор. На это также неоднократно обращал внимание В. И. Ленин, указывая, что «для полной победы товарного производства необходимо завоевание внутреннего рынка буржуазией, необходимо государственное сплочение территории с населением, говорящим на одном языке» [11].

Известны два основных варианта формирования наций в рамках единого государства: на базе сравнительно раннего (еще на докапиталистической стадии) возникновения моноэтнических государственных образований и в ходе развития этносов в рамках многонациональных государств. Первым путем возникали многие крупные этносы Западной Европы [12], второй был характерен для

---

[9] «Единичное всегда выступает в роли особенного», хотя «не все особенное является единичным» (*Тептулин А. П.* Единичное, особенное и общее. — В кн.: Категории диалектики как ступени познания. М., 1971, с. 112).

[10] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 1, с. 154.

[11] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 25, с. 258.

[12] В силу этого и сам термин «нация» приобрел здесь «политический (этатистский)» смысл — принадлежность людей к одному национальному государству. В таком значении этот термин стал употребляться и во многих дру-

большинства народов России. В тех же случаях, когда государственные границы расчленяют однородные в языково-этническом отношении массивы, это оказывает тормозящее воздействие на процессы формирования наций. В данной связи показательны, например, процессы, происходящие в настоящее время на Африканском континенте. Дело в том, что при создании колоний буржуазные колонизаторы не считались с исторически сложившимися племенными и этнолингвистическими общностями. В результате в пределах многих колоний образовалась мозаика из отдельных расчлененных на части племен и народностей. Отсюда большая этническая пестрота многих освободившихся стран, сложность протекающих в них этнических процессов [13], в том числе тех, что связаны с возникновением наций.

Для этнических аспектов формирования наций существенное значение имеет также характер тех этнических общностей, на базе которых происходит это формирование. Соответственно можно выделить несколько типов этнических процессов.

Один из них, притом весьма распространенный, связан с трансформацией в нацию уже сложившейся народности. Примером такого типа (назовем его первым) может служить образование датской нации, чему предшествовало длительное существование датской народности в рамках почти непрерывно сохранявшегося с раннего средневековья государства. Правда, народность эта еще не была достаточно четко отделена от других частей скандинавской этнолингвистической общности и имела отчетливую социоэтническую стратификацию, которая проявлялась в том, что среди господствующих классов (в частности, после реформации в XVI в.) широкое распространение получила иноэтническая (немецкая) культура. Этому немало способствовало наличие в городах значительной прослойки немецкого населения [14].

Рассматриваемый тип этнических процессов, связанных с формированием буржуазных наций, представлен и в других частях света. Можно сослаться, например, на этносоциальные процессы у кхмеров Камбоджи (Кампучии), составляющих около 90% ее населения (по данным на 1966 г.). Корни кхмерской народности уходят к VI в., завершение ее формирования как эсо приходится на IX—XV вв. Хотя в конце XIX в. Камбоджа на семь десятилетий становится колонией Франции (1884—1954 гг.), однако и на протяжении этого периода основная масса кхмерского этноса оставалась в рамках относительно целостной территориально-политической единицы. Начавшаяся проявляться еще в середине XIX в. в результате развития товарно-денежных отношений тенденция

гих зарубежных странах. Это проявляется подчас и в русском языке, в таких, например, понятиях, как «национальный доход», «национализация земли» и т. п.

[13] См., например: *Исмагилова Р. Н.* Этнические проблемы современной Тропической Африки. М.: Наука, 1973.

[14] См.: Очерки общей этнографии: Зарубежная Европа. М., 1966, с. 226.

к консолидации кхмерского этноса, получила дальнейший стимул в борьбе против чужеземного господства. Господство французов пришлось как раз на период установления в Камбодже новых форм экономических отношений и создания внутреннего рынка. Хотя кхмерская буржуазия до конца второй мировой войны так и не сложилась, однако в стране формировались капиталистические отношения (функции зарождающейся местной буржуазии выполняли проживающие в стране вьетнамские и китайские предприниматели) [15]. С конца 50-х годов для экономической жизни Камбоджи характерно развитие национального капитала как в частной, так и в государственной форме [16]. Одним словом, начала складываться социально-экономическая основа кхмерской буржуазной нации. Что касается собственно этнических аспектов этой общности, то для нее весьма показательна незначительность диалектных различий в кхмерском языке, которые мало влияют на коммуникативность населения разных районов страны [17]. Имеется на кхмерском языке и литература, берущая свое начало с 30-х годов XX в. Одновременно с тем в послевоенные годы начало заметно сокращаться использование французского языка. Этноконсолидационные процессы в кхмерском эсо стали сочетаться с активной ассимиляцией этой общностью генетически близких этнических групп (анрак, пор, чон и др.) [18]. Однако, как известно, ход всех этих процессов был нарушен установлением режима Пол Пота и Иенг Сари, проводивших политику геноцида в отношении кхмерского народа и уничтожившего свыше 3 млн. жителей страны. Меры, предпринимаемые ныне Единым фронтом национального спасения Кампучии для ликвидации последствий господства этого режима, создают необходимые предпосылки для восстановления естественного развития этнических процессов в стране.

К рассматриваемому типу этносоциального развития могут быть отнесены и те случаи, когда буржуазная нация складывается на основе народности, которая хотя к началу этого процесса и не имела своей государственности, но в прошлом в течение длительного времени была самостоятельным эсо. Такая народность иногда даже сохраняет некоторые атрибуты прежней государственности. Таковы, например, историко-политические предпосылки формирования венгерской буржуазной нации. Находясь в составе Австрийской империи (с 1867 г. Австро-Венгрии), венгры сохраняли не только определенную автономию, но и известную хозяйственную обособленность [19].

---

[15] *Чеснов Я. В.* Камбоджа. — В кн.: Этнические процессы в странах Юго-Восточной Азии. М., 1974, с. 178—181.
[16] *Чеснов Я. В.* Камбоджа, с. 179—184.
[17] *Горгониев Ю. А.* Кхмерский язык. М., 1961, с. 12.
[18] *Чеснов Я. В.* Камбоджа, с. 174—175.
[19] См.: Освободительные движения народов Австрийской империи: Возникновение и развитие. Конец XVIII в. — 1849 г. М., 1980, с. 125.

Несколько иной вариант того же типа этнического развития мы имеем тогда, когда буржуазная нация формируется на основе народности, лишенной своей государственности задолго до начала этого процесса и существовавшей как единое самостоятельное эсо лишь в эпоху раннего феодализма. Этот вариант может быть проиллюстрирован на примере этносоциальной истории хорватов. Как самостоятельное эсо хорваты существовали лишь с IX по начало XII в., после чего они оказались под властью венгерских королей (до начала XVI в.), а затем Габсбургов. К тому же вплоть до XVIII в. отдельные части территории их расселения захватывались на длительное время венецианцами и османами [20]. В результате процессы, которыми отмечено формирование хорватской нации, протекали в различных регионах этой территории далеко не синхронно, а их этнокультурная консолидация затянулась надолго [21].

Близкий, хотя и несколько отличный вариант этого же типа этнических процессов представляет пример формирования чешской буржуазной нации на базе чешской народности. Последняя начала складываться уже в X—XI вв. в рамках феодального государства. Однако в начале XVII в. Чехия потеряла государственную самостоятельность и вошла в состав Австрии, правящие круги которой проводили в течение трех веков последовательную политику онемечивания чехов: чешский язык повсюду заменялся немецким, запрещались чешские книги, чешский язык изгонялся из учебных заведений и т. д. Лишь с развитием капиталистических отношений в конце XVIII—начале XIX в. здесь развертывается борьба в защиту чешского языка и самобытной культуры, усиливается национальное самосознание чехов [22].

Во многом сходную, правда, относящуюся к более позднему времени картину этнического развития дает формирование лаосской буржуазной нации на базе народности лао [23]. Начало сложения лао в народность относят к XIV в. — времени создания ими первого крупного государства. Однако характер единого эсо лао сохраняли лишь до конца XVII в., когда страна распалась на три владения. Каждое из них в междоусобной борьбе использовало политическую поддержку более сильных соседних государств, платой за которую было признание их сюзеренитета [24]. Колониальный захват Лаоса Францией в конце XIX в. первоначально

---

[20] См.: История Югославии. М., 1963, т. 1, с. 49—61, 155—158, 228—261, 375—396, 527—568.

[21] *Кравцов Н. И.* Проблемы сравнительного изучения славянских литератур. М., 1973, с. 151; *Фрейдзон В. И.* Борьба хорватского народа за национальную свободу. М., 1970, с. 19—20, 265—267, 310—314; Освободительные движения. . ., с. 193—205.

[22] См.: Очерки общей этнографии: Зарубежная Европа, с. 42; Освободительные движения. . ., с. 166—181.

[23] В настоящее время лао составляют более 60% населения Лаоса.

[24] *Стратанович Г. Г.* Лаос. — В кн.: Этнические процессы в странах Юго-Восточной Азии, с. 195—199.

мало что изменил в социально-экономическом развитии его народа; французская администрация сначала не поощряла даже французские капиталовложения в экономику страны. Лишь постепенно стала ослабевать многовековая изоляциия ее отдельных регионов, возникли компрадорская буржуазия и пролетариат. После освобождения страны в начале 50-х годов XX в. от колонизаторов процесс социально-экономического развития был осложнен систематическим вмешательством США и зависимых от них государств (Таиланд и другие), борьбой местных правых группировок, а затем подрывной деятельностью извне[25]. До недавнего времени страна фактически была разделена на две части: королевскую и освобожденную территорию. Все это тормозило не только ее социально-экономическое развитие, но и этническую консолидацию лао (и соответственно дифференциацию от той их части, которая оказалась за пределами страны, главным образом в Таиланде). В результате складывающаяся лаосская нация, по мнению специалистов, — была «далека от завершающего этапа национальной консолидации»[26]. Показательно, что до сих пор для лаосского этноса характерно бытование нескольких диалектов, различающихся «главным образом качеством и количеством тонов (от пяти до семи) и лексикой»[27]. Можно, однако, полагать, что в современных условиях в Лаосской Народно-Демократической Республике процессы этнической консолидации лао заметно интенсифицируются[28]. Основанием этого служат происходящие здесь социально-экономические и культурные преобразования, в ходе которых закладываются основы социалистического общества.

В особый вариант интересующего нас типа этнических процессов, сопровождающих формирование наций, могут быть выделены те случаи, когда этот процесс развертывается на базе народности, хотя и обладающей самосознанием (и самоназванием), но еще распадающейся на существенно обособленные составные части, которые сами могут рассматриваться почти как самостоятельные этносы. Например, сохраняющиеся значительные этнографические и социальные различия между двумя основными группами сингалов в Шри Ланке (у равнинных и кандийских сингалов) до сих

---

[25] *Стратанович Г. Г.* Лаос, с. 205.
[26] *Стратанович Г. Г.* Лаос, с. 206.
[27] *Морев Л. Н.* Лаосский язык. — Лит. энц., т. IV, с. 30.
[28] Вместе с тем идет межэтническая консолидация родственных лао народов, проживающих в примерно одинаковых природных условиях. В результате складывается своеобразная метаэтническая (этнозональная) общность, именуемая лаолум (т. е. лао, живущие на равнинах). Эта общность наряду с лао включает такие народы, как тхай и лы, а также некоторые малые этнические группы (зуон, нгиеу, кхыон и др.); в целом данная общность охватывает свыше 70% всего населения страны. (*Нго Дык Тхинь*. Этнозональные общности современного населения Лаоса. — В кн.: Расы и народы. М., 1980, 10, с. 142—148).

пор существенно сдерживает процесс формирования единой сингальской нации [29].

Но при всех многочисленных разновидностях, в целом для рассматриваемого типа собственно этнических процессов, происходящих при формировании наций, характерно явное преобладание консолидационной тенденции в рамках уже существующего этнического подразделения основного уровня (хотя такая тенденция и могла сопровождаться ассимиляцией нескольких иноэтнических групп). Эта консолидация обычно проявляется в преодолении внутренних локальных культурных различий между этнографическими группами, в возникновении и распространении общего литературного языка, укреплении общего этнического самосознания. Соответственно данный тип формирования наций в собственно этническом плане может быть отнесен к «внутриконсолидационным». Один из распространенных вариантов этого типа представлен формированием нации в ходе воссоздания и дальнейшего развития этнической общности, которая к началу этого процесса не была уже эсо, но являлась таковым в более или менее отдаленном прошлом; характерные для данного варианта этнокультурные изменения подчас именуются национальным возрождением. Другой вариант — внутриэтническая консолидация сочетается с дифференциацией от родственных групп в других государствах.

В качестве особого в этническом отношении типа формирования наций (второго типа) представляется возможным выделить случаи развития такого рода процессов на основе макроэтнических, в первую очередь этнолингвистических общностей, объединяющих несколько сложившихся народностей. Примером может служить процесс становления французской буржуазной нации. Она возникла, как известно, на базе двух генетически близких народностей: южнофранцузской, или провансальской, и северофранцузской [30]. Хотя обе эти народности принадлежали к одной лингвистической общности, сложившейся на основе народной латыни, однако уже в XI в. они существенно отличались друг от друга. Имея в виду это обстоятельство, Ф. Энгельс писал, что провансальская народность в средние века «была не более родственной северофранцузской, чем теперь польская — русской». Характеризуя исторические судьбы южнофранцузской народности, ее подчинение северофранцузам, он продолжал: «В течение целых веков французы-южане боролись против своих угнетателей. Но историческое развитие было неумолимо. После трехсотлетней борьбы их прекрасный язык был низведен на степень местного диалекта, а сами они стали французами. Триста лет тяготел северофранцуз-

---

[29] См.: *Талмуд Э. Д.* Национальные процессы в Шри Ланке в 60—70-х годах. — В кн.: Национальные проблемы современного Востока. М., 1977.

[30] См.: *Люблинская А. Д.* К вопросу о развитии французской народности в X—XV вв. — ВИ, 1953, № 9; *Покровская Л. В.* Провансальцы: К вопросу о языковых отношениях в Южной Франции. — В кн.: Этнические процессы в странах зарубежной Европы. М., 1970.

ский деспотизм над Южной Францией, и лишь по прошествии этого времени. . . железный кулак Конвента впервые сделал жителей Южной Франции *французами*. . .»[31] Тем не менее остатки провансальского культурного регионализма дают о себе знать до сих пор[32].

В рассмотренном примере речь шла о формировании буржуазной нации путем объединения двух генетически близких народностей. Но, разумеется, возможны также случаи, когда такого рода процесс является результатом объединения нескольких родственных в генетическом отношении народностей. Этот вариант может быть представлен, в частности, процессом формирования итальянской буржуазной нации. Как уже отмечалось, итальянская народность сложилась еще в раннее средневековье в результате бесконечных этнических контаминаций. Но этнической консолидации населения Апеннинского полуострова существенно препятствовала политическая раздробленность. В XIII—XIV вв. здесь уже имелось множество мелких народностей — эсо (генуэзцев, флорентийцев, сицилийцев и т. п.) со своими собственными диалектами и самосознанием. В XVI—XVIII вв. трудности на пути этнической консолидации населения полуострова усугубляются упадком итальянских торговых республик и их политической зависимостью от Испании, Австрии и Франции. Лишь в конце XVIII—начале XIX в. в ходе непрерывных войн, политических переворотов и революционных выступлений нарушилась провинциальная обособленность и замкнутость отдельных итальянских областей, начало постепенно утверждаться общенациональное самосознание, стала уверенно выдвигаться задача национального освобождения и объединения страны[33]. Осуществлению этой задачи в третьей четверти XIX в. принадлежит важная роль в складывании единой итальянской нации. Впрочем, в целом для этого процесса характерна некоторая замедленность. Не случайно внутриэтническая консолидация итальянской нации до сих пор отличается определенной незавершенностью. Показательно, в частности, что диалектные различия разговорного языка остаются настолько значительными, что это затрудняет общение.

Еще одним примером рассматриваемого типа этнических процессов, сопряженных с формированием буржуазных наций, может служить история образования немецкой нации. Как уже отмечалось, в XIII—XIV вв. на базе раннесредневековой немецкой народности сложились многочисленные народности-эсо. Их политическое объединение, сопровождавшееся формированием немецкой буржуазной нации, завершилось лишь тогда, когда под эгидой Пруссии было создано единое немецкое государство —

---

[31] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 5, с. 378.
[32] *Покровская Л. В.* Провансальцы, с. 100; *Мыльников А. С.* К вопросу о локальных особенностях культуры в этнических процессах. — В кн.: Расы и народы. М., 1975, 5, с. 44—45.
[33] См.: Очерки общей этнографии: Зарубежная Европа, с. 380—382.

Германская империя. Впрочем, здесь, как это имело место в Италии, долгое время после объединения сохранялись особенности языка и культуры отдельных групп немцев, восходящие ко времени политической раздробленности, когда Германия представляла собой по существу метаэтнолингвистическую общность.

В целом же второй тип этнических процессов, связанных с формированием наций, может быть обозначен как «межэтническая (этногенетическая) консолидация». Это процессы «межэтнические», поскольку объединяются самостоятельные народности-эсо, «этногенетические», так как в их ходе создается по существу новая этническая общность, «консолидационные», ибо речь идет об объединении генетически родственных народностей [34]. Одно из отличий этого типа от предыдущего состоит в том, что внутриэтническая консолидация нации в данном случае происходит значительно медленнее, вследствие чего очень долго сохраняются заметные следы былой языково-культурной дифференцированности вошедших в ее состав эсо. Но, подобно предыдущему, этому типу тоже нередко присущи активные ассимиляционные процессы. Так, межэтническая консолидация, связанная с формированием итальянской буржуазной нации, сопровождалась постепенной ассимиляцией ею проживающих на севере Италии фриулов, которые «представляют собой этническую общность, не развившуюся в самостоятельную нацию» [35].

В качестве третьего типа этнических процессов, происходящих при становлении наций, можно указать те из них, в которых основная роль принадлежит дивергенции (в форме сепарации). Этот тип относится главным образом к так называемым переселенческим нациям. Таковы, например, франкоканадцы — народность, а затем и нация, возникшая в результате политического и этнического обособления от соответствующей этнической общности метрополий. При этом франкоканадцы могут рассматриваться как одно из характерных проявлений сравнительно «чистой» этнической сепарации, не осложненной миксацией. Они состоят почти исключительно из потомков тех переселенцев в Новую Францию, которые прибыли сюда из метрополии еще в XVII—первой поло-

---

[34] По существу межэтническая (этногенетическая) консолидация имеет место и в тех случаях, когда формирование наций происходит на основе не народностей, а этнических общностей племенного характера. Возможность именно такого хода процессов не исключена для некоторых развивающихся стран. Так, в современной Нигерии в рамках этнолингвистической общности ибо, сравнительно недавно насчитывавшей несколько десятков племен, идет бурный процесс консолидации, в ходе которого, по мнению некоторых исследователей, постепенно складывается нация. (См.: *Исмагилова Р. Н.* Этнические проблемы современной Тропической Африки, с. 184).

[35] *Красновская И. А.* Основные этапы этнической истории фриулов (IV—XX вв.). — В кн.: Этнические процессы в странах зарубежной Европы, с. 141.

вине XVIII в.[36] Впрочем, этнические процессы дивергентного характера относительно редко выступают в «чистом» виде. Иногда эти процессы, как свидетельствует пример формирования лаосского эсо, «дополняют» внутриэтническую консолидацию. Но значительно чаще при возникновении новых наций они сочетаются с процессами этногенетической миксации.

Это сочетание (дивергенция+миксация) может рассматриваться как четвертый тип этнических процессов. К нему относятся все те случаи, когда в новую общность объединяются отдельные части различных этнических единиц основного уровня, не находящиеся в генетическом родстве, причем одновременно происходит их все большее обособление от своих «первичных» этносов.

В свою очередь этот тип имеет несколько вариантов. Один из них — формирование нации путем смешения переселившихся во вновь возникшие государственные образования отдельных частей уже сложившихся и, как правило, генетически не родственных, но однотипных в расовом отношении этнических общностей (причем доминирующая роль принадлежит наиболее многочисленной этнической группе). К такому варианту (этнической сепарации и миксации) может быть отнесено, например, формирование англо-австралийской нации, вобравшей в себя наряду с англичанами немало представителей других европейских этникосов. В этом случае немалое значение имеет дивергенция основного компонента новой общности англичан от английского этноса метрополии.

Еще более отчетливо сочетание этнической дивергенции с миксацией (без мисцегенации) проявилось в ходе формирования англо-канадской нации. Наряду с англичанами в ее состав вошло значительное число ирландцев и шотландцев. Весьма показательно в этом отношении, что в конце XIX в. здесь из 2,1 млн. жителей британского происхождения 40,2% имели ирландское, 33,6 — английское, 26,2% — шотландское [37].

Весьма своеобразно четвертый тип представлен в этнической истории США. Здесь предыдущий вариант — смешение различных по происхождению, но принадлежащих к одной расе переселенцев из Европы — был дополнен включением в объединительный процесс представителей других этнорасовых общностей как аборигенного происхождения (индейцы, эскимосы, алеуты), так и прибывших из Африки (главным образом потомки вывезенных отсюда негров-рабов) и Азии (иммигранты из Китая, Японии, Индии и т. д.). Процесс межэтнической интеграции и ассимиляции всех этих разнородных этнических и этнорасовых групп существенно замедляется как этнической, так и расовой дискриминацией [38]. В результате двухсотлетних этнических процессов, в ко-

---

[36] С 60-х годов XVIII в. иммиграция в Канаду из Франции полностью прекратилась. (См.: Национальные проблемы Канады. М., 1972, с. 11).
[37] Национальные проблемы Канады, с. 12—13.
[38] См.: *Богина Ш. А.* Иммигрантское население современных США. — В кн.: Национальные процессы в США. М., 1973, с. 328—359.

торых противоречиво переплетались интегрирующие и дифференцирующие (дивергентные) тенденции, в США в основных чертах сложилась общность, которую принято именовать американской или, точнее, североамериканской нацией. Хотя эта молодая общность не имеет четко выраженных территориальных частей, тем не менее она «отнюдь не представляет собой однородной массы этнически нивелированных личностей» [39]. Включив все пришлые этнические элементы в свою экономическую и социальную структуру, объединив их общим языком и своеобразной культурой, она, однако, «до сих пор имеет в своем составе целый ряд нерастворенных (хотя и сильно изменившихся в Америке) этнических групп» [40].

Во многом близкую картину дает этническая история стран Латинской Америки (в частности, процессы формирования наций здесь также связаны с взаимодействием представителей трех больших рас). Но есть и отличия. Прежде всего в Латинской Америке, как правило, значительно бо́льшие масштабы получило расовое смешение (так называемая мисцегенация), обычно облегчающее процесс культурной интеграции [41]. Так, в Бразилии за 50 лет (с 1835 по 1890 г.) доля негров в населении сократилась в четыре раза, а удельный вес метисов и белых возрос почти вдвое (последнее объясняется широким притоком белых иммигрантов с середины XIX в.) [42]. В начале XX в. удельный вес населения, имеющего смешанное происхождение, возрос здесь до 60% общей его численности. Следует, впрочем, подчеркнуть, что процессы мисцегенации и шире — межрасовой этнической интеграции — в разных странах Латинской Америки имеют далеко не одинаковые масштабы. Различна даже «исходная» этнорасовая структура этих процессов. Так, специальные исследования показывают, что в формировании этнического состава большинства стран Центральной Америки негры не сыграли значительной роли [43]. Зато в этих странах существенно продвинулась мисцегенация белых и индейцев: уже к началу XX в. метисы (ладино) составляли почти $^1/_3$ населения [44]. Разумеется, этногенетическая миксация, сопряженная с мисцегенацией, не единственный вид этнических процессов в странах Латинской Америки. Здесь имеют место как ассимиляционные [45], так и консолидационные [46] процессы. Но

---

[39] *Богина Ш. А.* Иммигрантское население современных США, с. 328—359.

[40] *Богина Ш. А., Козлов В. И., Нитобург Э. Л., Фурсова Л. П.* Национальные процессы и национальные отношения в странах Западной Европы и Северной Америки. — СЭ, 1975, № 5, с. 8.

[41] *Мёрнер М.* Мисцегенация и взаимовлияние культур в Латинской Америке как историческая проблема. — В кн.: Расы и народы, 1971, 1, с. 202.

[42] *Коваль Б. И.* О некоторых историко-экономических условиях складывания бразильской нации. — В кн.: Нации Латинской Америки. М., 1964, с. 185.

[43] *Хорошаева И. Ф.* Население Центральной Америки в колониальный период. — В кн.: Нации Латинской Америки, с. 295—298.

[44] *Хорошаева И. Ф.* Население Центральной Америки. . ., с. 302.

[45] Особенно широкие масштабы ассимиляционные процессы получили в связи с тем, что во второй половине XIX в. в ряд стран Южной Америки хлынул

все же основное значение для формирования в каждом латиноамериканском государстве особой нации, несомненно, имеет этногенетическая миксация [47], сопровождаемая мисцегенацией. Без учета такого рода процессов говорить об этнической общности населения этих стран, очевидно, не приходится. Однако даже там, где этногенетическая миксация уже существенно продвинулась, она все же еще далека от завершения. Показательна в этом отношении бразильская нация, в которой до сих пор сохраняются локальные варианты. «Так, на крайнем юге Бразилии преобладают потомки старых и новых переселенцев из Европы. На востоке, где было много рабовладельческих фазенд, особенно чувствуется влияние негритянской культуры. Наконец, значительная часть населения является индейско-португальскими метисами или индейцами, и здесь в материальной и духовной культуре чувствуется сильное индейское влияние» [48]. Впрочем, строго говоря, обособленные группы индейцев, сохраняющие свой язык и основные элементы культуры, не вполне правомерно было бы рассматривать как составную часть бразильской нации, если под таковой понимать этносоциальный организм. Они, видимо, всего лишь один из компонентов бразильской метаэтнополитической общности.

Итак, представляется возможным выделить по крайней мере четыре типа этнических процессов, связанных с формированием буржуазных наций: 1) внутренней консолидации; 2) этногенетической (межэтнической) консолидации; 3) дивергенции (прежде всего в форме парциации); 4) этногенетической (межэтнической) миксации, сопровождаемой дивергенцией. При этом следует подчеркнуть, что все указанные типы почти всегда в той или иной мере сочетаются друг с другом, а также с межэтнической интеграцией, этнической ассимиляцией и расовой мисцегенацией. Поскольку последняя особенно часто сопровождает этногенетическую миксацию, в этом типе этнических процессов может быть очевидно, выделен отдельный мисцегенационный подтип.

Что касается этнических процессов на последующих этапах капитализма, то в целом на эти процессы значительное влияние

поток иммигрантов из различных европейских государств. О размерах этих процессов наглядно свидетельствует тот факт, что, например, Уругвай, имевший в 1851 г. всего 60 тыс. жителей, принял до конца XIX в. 1 млн. европейских иммигрантов (*Михайлов С. С.* О формировании уругвайской нации. — Нации Латинской Америки, с. 281). В Аргентину только с 1857 по 1914 г. прибыло 4,5 млн. человек, в том числе 2,2 итальянцев и 1,4 млн. испанцев. Существует мнение, что это обстоятельство наряду с внутренними социально-политическими причинами затянуло процесс формирования аргентинской нации на многие десятилетия (*Шейнбаум Л. С.* Формирование населения Аргентины. — В кн.: Расы и народы. М., 1974, 4, с. 178).

[46] Подробнее об этом см. ниже.

[47] В этой связи небезынтересно отметить, что, например, среди первоначальных переселенцев в Аргентину было немало галисийцев и басков.

[48] *Файнберг Л. А.* Из этнической истории Амазонии. — В кн.: Нации Латинской Америки, с. 195—196.

оказала неравномерность экономического развития стран и народов. Эта неравномерность особенно возросла, когда капиталистический мир вступил в свою высшую и последнюю стадию — в стадию империализма. Характеризуя в канун первой мировой войны империализм, В. И. Ленин писал о нем как о действительности «с гигантским разнообразием экономических и политических условий, с крайним несоответствием в быстроте роста разных стран и пр., с бешеной борьбой между империалистическими государствами» [49]. Неравномерность развития капитализма на стадии империализма, в частности, проявилась в возрастании доли крупных государств в мировом производстве, быстром опережении «старых» капиталистических стран — Англии и Франции — более «молодыми» — Соединенными Штатами и Германией. К концу XIX в. США прочно заняли место первой промышленной державы; в начале XX в. на второе место, оттеснив Англию, вышла Германия [50]. Значительно ускорилось промышленное развитие России, хотя абсолютный уровень, достигнутый ею, был сравнительно невысок. В ряды экономически развитых стран выдвигаются также Бельгия и Япония [51].

С момента возникновения империализма специфический характер приобретает также и тенденция к интеграции человечества. Усиливается обобществление производства, происходит концентрация и централизация банковского капитала, появляются монополии [52], в том числе и международные, возрастают экономические связи между различными государствами. «Вся хозяйственная, политическая и духовная жизнь человечества, — подчеркивал В. И. Ленин, — все более интернационализируется уже при капитализме» [53]. И это относится не только к развитым капиталистическим странам, но и в значительной мере также к колониальным и зависимым странам Азии, Африки и Латинской Америки. В результате ввоза капитала эти страны все более и более втягивались в мировое капиталистическое хозяйство. Во многих из них возник капиталистический уклад, правда, сравнительно ограниченных масштабов.

---

[49] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 27, с. 394.

[50] Если в 1820 г. на долю Англии приходилось 50% всей мировой промышленной продукции, а США — 10%, то в 1913 г. на долю США — 36%, а Англии — 14%; Германия же в это время уже производила 16% мировой промышленной продукции. (См.: *Кучинский Ю.* Очерки истории мирового хозяйства. М., 1954, с. 27—31).

[51] См.: Советская историческая энциклопедия. М., 1965, т. 6, с. 978.

[52] В. И. Ленин следующим образом характеризует перерастание домонополистического капитализма в монополистический: «1) 1860 и 1870 годы — высшая, предельная ступень развития свободной конкуренции. Монополии лишь едва заметные зародыши. 2) После кризиса 1873 г. широкая полоса развития картелей, но они еще исключение. Они еще не прочны. Они еще преходящее явление. 3) Подъем конца XIX века и кризис (1900—1903 гг.): картели становятся одной из основ всей хозяйственной жизни. Капитализм превратился в империализм». (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 27, с. 317).

[53] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 23, с. 318.

Монополистический капитализм, придав обобществлению производства гигантский характер, создал тем самым материальные предпосылки для установления социализма [54]. Эта, открытая основоположниками марксизма-ленинизма возможность была впервые превращена в действительность в России, где под руководством марксистско-ленинской партии рабочий класс в союзе с крестьянством в октябре 1917 г. совершил победоносную социалистическую революцию. В результате Великой Октябрьской социалистической революции в России капитализм перестал быть единственной мировой социально-экономической системой. Начался общий кризис капитализма — период его крушения и революционной замены социализмом. В результате «главное противоречие предшествовавшей эпохи из внутрисоциального, внутриполитического превратились в противоречие двух мировых систем, хотя в капиталистических странах продолжает оставаться в то же время внутренним противоречием» [55]. При этом оно потеряло всеобъемлющий внутригосударственный характер, поскольку не действует внутри стран социализма, суживает свое проявление и во многих развивающихся странах [56].

С возникновением после второй мировой войны содружества социалистических стран произошло дальнейшее расширение масштабов разделения человечества на две социально-экономические системы. На этом — втором этапе общего кризиса — центробежные тенденции усиливаются и внутри самой мировой системы капитализма. Существенное значение в этом отношении имело крушение колониальной системы империализма, завершившееся в 50—60-х годах XX в. полным ее распадом и появлением на политической карте мира множества новых государств.

Специфические черты в рамках капиталистического мира приобрела в условиях его общего кризиса и тенденция к интернационализации в сфере экономики. Общий кризис, в частности, ускорил перерастание монополистического капитализма в государственно-монополистический [57], способствуя тем самым дальнейшему укрупнению производства. На втором этапе общего кризиса капитализма эта тенденция проявилась в более широком развитии на основе научно-технической революции массовых средств коммуникации (от транспорта до радио и телевидения).

---

[54] «Крупная промышленность, — писал в этой связи Ф. Энгельс, — в своем более полном развитии приходит в конфликт с теми узкими рамками, в которые ее втискивает капиталистический способ производства. Новые производительные силы уже потеряли буржуазную форму использования» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 20, с. 279).

[55] *Федосеев П. Н.* Диалектика современной эпохи. М., 1960, с. 99.

[56] *Семенов В. С.* Капитализм и классы. Исследование социальной структуры современного капиталистического общества. М., 1969, с. 159.

[57] Государственно-монополистический капитализм как наивысшая ступень технико-экономического развития капитализма характеризуется тем, что он «соединяет силу монополий с силой государства в единый механизм в целях обогащения монополий; подавления рабочего движения и национально-освободительной борьбы, спасения капиталистического строя, развязывания агрессивных войн» (Программа КПСС. М., 1968, с. 26—27).

Стремительно развивается внешняя торговля. Еще быстрее растет вывоз капитала. За 1945—1975 гг. долгосрочные заграничные инвестиции основных империалистических стран подскочили приблизительно в 10 раз и достигли 580 млрд. долл. Но рекорд, пожалуй, поставил международный торговый обмен технологией, патентами, лицензиями. Среднегодовые темпы его роста обогнали даже темпы вывоза предпринимательского капитала [58]. Усилилась межгосударственная кооперация. Получила значительное развитие такая форма интернационализации современного капитала, как транснациональные корпорации (ТНК) [59].

Особую форму интернационализации хозяйственной жизни в современных условиях представляет экономическая интеграция. В основе ее лежат объективные потребности развития производительных сил, все более тесного взаимодействия национальных хозяйств отдельных государств, все более глубокого переплетения их производственных процессов и регулирования взаимоотношений этих государств. При этом в разных социально-экономических условиях экономическая интеграция имеет свои, специфические для данной общественной системы формы, особые черты и свойства, что делает принципиально различными интеграцию социалистическую и капиталистическую [60].

Однако на современном этапе в межимпериалистических отношениях действует не только интегрирующая, объединительная тенденция, но и тенденция, «противопоставляющая одних империалистов другим» [61]. Первая порождена единством классовых интересов мировой буржуазии, вторая вызывается ее неизбежным экономическим соперничеством. Конец 40-х, 50-е и 60-е годы отличались преобладанием «объединительной» тенденции, в результате чего сложились НАТО и целая система военных, политических и экономических соглашений, объединивших большинство развитых капиталистических стран. В первой половине 70-х годов усилилось действие второй тенденции и порожденных ею центробежных процессов [62].

В целом же в масштабе всего капиталистического мира дифференцирующая тенденция сказывается прежде всего в том, что «между различными империалистическими державами. . . усиливается неравномерность экономического развития» [63].

Если в развитых капиталистических странах в середине XX в. все же преобладала тенденция интернационализации, то в разви-

---

[58] *Островитянов Ю.* Творческая мощь ленинской мысли и капитализм наших дней. — Коммунист, 1981, № 7, с. 82.

[59] См.: *Кулькин А. М., Смирнов П. В.* Интернационализация современного капитала: основные противоречия и тенденции развития. — Вопросы философии, 1979, № 4; *Овчинников Р. С.* Транснациональные монополии и исторический процесс. — Новая и новейшая история, 1979, № 5.

[60] См.: Экономическая интеграция в современном мире. — Проблемы мира и социализма, 1973, № 7, с. 15—17.

[61] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 332.

[62] Империализм 70-х годов: углубление общего кризиса. Прага, 1974, с. 81.

[63] Международное совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы. М.: Политиздат, 1969, с. 296.

вающихся странах тенденция, которую В. И. Ленин характеризовал как «пробуждение национальной жизни и национальных движений» [64]. Особый размах национально-освободительное движение народов колониальных, полуколониальных и зависимых стран приобрело после второй мировой войны. В результате, если в канун войны на эти страны приходилось 66% населения земного шара, то в настоящее время доля населения колоний — менее 1%. Разрешив в основном задачи национального освобождения, народы молодых государств оказались перед необходимостью обеспечения своего экономического и культурного развития. Центр тяжести национальной жизни переместился прежде всего в социально-экономическую сферу. Ряд государств встал на путь некапиталистического развития, на путь социалистической ориентации.

Освободившиеся страны стремятся покончить с наследием колониализма, прямой и косвенной эксплуатацией со стороны империалистических стран. Для этого в первую очередь они устанавливают контроль над своими природными ресурсами [65].

Освободившиеся страны все более расширяют сотрудничество со странами социалистического содружества, которое играет решающую роль в борьбе молодых государств за экономическую самостоятельность. Это сотрудничество базируется на общности антиимпериалистических устремлений, поддержке социалистическими странами усилий молодых государств, направленных на укрепление суверенитета и создание независимой экономики. Неуклонно расширяются масштабы сотрудничества с Советским Союзом. Так, объем экономического и технического содействия СССР развивающимся странам возрос в 1977 г. по сравнению с 1960 г. в 6,2 раза, в том числе странам Азии — в 5,2 раза, Африки — в 8,3 раза [66].

Расширение экономических связей освободившихся стран усиливает тенденцию к обострению межимпериалистических противоречий. Наиболее заметно при этом осложнение противоречий между США, с одной стороны, Францией, ФРГ и остальными государствами ЕЭС — с другой. Наряду с факторами постоянного характера (такими, как борьба за влияние в Африке, арабских странах, ряде районов Латинской Америки) имеют существенное значение также неодинаковая зависимость от импорта нефти и других видов сырья, более глубокая в целом связь экономики западноевропейских государств с экономикой развивающихся стран, меньший экономический потенциал западноевропейского капитализма по сравнению с североамериканским и др.

Несмотря на всю противоречивость современного развития внешних экономических связей освободившихся стран, в конечном счете эти связи неизбежно влекут за собой интернационализацию их хозяйственной жизни. Данный процесс охватывает раз-

---

[64] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 24, с. 124.

[65] *Семенов В. С.* Интернационализм и общественный прогресс. М., 1978, с. 406—407.

[66] *Брутенц К. Н.* Освободившиеся страны в 70-е годы. М., 1979, с. 135.

ные уровни, протекая не только в международных (общемировых) и межрегиональных, но и в национально-государственных масштабах. В последнем случае внешние экономические отношения как бы накладываются на внутригосударственные хозяйственные связи, выступая не только в роли их катализатора, но и существенного дополнения. В своей совокупности эти экономические связи и представляют общее объективное основание этносоциальных процессов в развивающихся странах.

В условиях капитализма объединительная и дифференцирующая тенденции в этносоциальных процессах получили своеобразное проявление и в изменении масштабов основных этнических подразделений. Характерные для капитализма особенности исторических, в первую очередь социально-экономических, этнических и демографических процессов у отдельных народов мира привели к огромным различиям в их абсолютной численности. Так, одни этносоциальные общности, сложившиеся еще на стадии первобытнообщинного строя и представляющие собой архогенетические образования, насчитывают ныне сотни, а иногда всего лишь десятки людей, тогда как другие этносы-нации, сформировавшиеся в новое и новейшее время, включают многие миллионы. Показательно, что около половины численности человечества составляют только 11 народов. Семь наиболее крупных из них насчитывают свыше 100 млн. человек каждый. Это (в порядке убывающей численности, по данным на 1978 г.): китайцы (934 млн.), хиндустанцы (180,5 млн.), американцы США (172,2 млн.), бенгальцы (138,7 млн.), русские (138,6 млн.), японцы (115,7 млн.), бразильцы (112 млн.) [67]. В то же время на долю огромного числа небольших народов с численностью до 100 тыс. человек приходится менее 1% населения земного шара.

Неравномерность исторического развития народов мира по-своему проявилась и в этнополитической структуре современного человечества. Все населяющие нашу планету народы входят в состав немногим более 200 стран (государств и зависимых территорий). Поэтому большинство современных государств полиэтнично. Хорошо известно, что такие государства есть как среди социалистических стран (например, СССР, Югославия, Вьетнам), так и среди развитых капиталистических (Великобритания, Канада, Бельгия). Но особенно характерны полиэтнические государства для развивающихся стран. Например, в Африке, согласно современным данным, коренное население говорят на 730 языках.

Соответственно в качестве одного из важнейших факторов этнических процессов в условиях капитализма выступает этническая структура тех социальных организмов, в которых развертываются эти процессы. И в данной связи прежде всего необходимо различать моноэтничные и полиэтничные государства. При этом было бы упрощением представлять первые как абсолютно однородные

---

[67] *Брук С. И.* Население мира. Этнодемографический справочник. М.: Наука, 1981, с. 165, табл. V.

в этническом отношении образования (таковых в действительности не существует). Поэтому предполагаем условно именовать моноэтничными те государства, в которых абсолютное большинство населения (по крайней мере 95%) принадлежит к одной этнической общности основного уровня. Таковы Бангладеш, Бразилия, Иордания, Италия, Мадагаскар, Норвегия, Польша, Португалия, ФРГ, Япония, большинство арабских стран и т. д.[68]

Что касается полиэтничных государств, то под таковыми нами понимаются те социальные организмы, в рамках которых проживает несколько этнических общностей основного уровня, причем величина ни одной из них не достигает 95% населения страны. Подобная этнополитическая структура встречается как в капиталистических, так и в социалистических странах. Но особенно она характерна для развивающихся стран, в которых сейчас насчитывается очень большое число этносоциальных общностей различного типа.

Полиэтничные страны вместе с тем нередко существенно отличаются друг от друга по своей внутренней этнической структуре. В зависимости от удельного веса наиболее крупных по численности этносов можно выделить несколько групп таких стран.

Первую представляют страны, в каждой из которых основной этнос включает 80—94% ее населения (подчас между этим вариантом этнополитической структуры и моноэтничными государствами трудно провести четкую грань). Примером могут служить Франция (французы — свыше 82%), Кампучия (кхмеры — свыше 87%), Китай (китайцы — 93,9%), Оман (оманцы — 91,6%), Сирия (сирийцы — 86,5%)[69].

Во вторую группу можно объединить страны, где на основной этнос приходится 50—79% населения. Это, например, Сингапур (китайцы — 76%), Бирма (бирманцы — 75,5%), Шри Ланка (сингалы — 73,4%), Швейцария (германошвейцарцы — свыше 62%), Таиланд (кхонтаи — свыше 52%), Бельгия (фламандцы — 51,3%)[70].

К третьей группе мы относим страны, в которых имеются этносы, охватывающие более $^1/_3$, но менее половины населения. Таковы — Канада (англоканадцы — 43,8%), Филиппины (висайя — 43,1%)[71].

В четвертую группу объединяются страны, в которых нет этнических общностей, составляющих более $^1/_3$ населения. В них этносы нередко исчисляются десятками и даже сотнями. Подоб-

---

[68] Во всех этих странах представители основной этнической общности составляют более 95% населения. Например, бенгальцы, норвежцы, итальянцы — ок. 98% соответственно в Бангладеш, Норвегии и Италии; португальцы и японцы по 99% — в Португалии и Японии (см.: *Брук С. И.* Население мира, с. 385, 318, 305, 323, 543).

[69] См.: *Брук С. И.* Население мира. . ., с. 336, 450, 459, 501, 516 (данные на 1978 г.).

[70] См.: *Брук С. И.* Население мира. . ., с. 513, 390, 539, 346, 521, 266 (данные на 1978 г.).

[71] *Брук С. И.* Население мира. . ., с. 749, 533.

ного рода структуры весьма характерны для отставших в своем социально-экономическом развитии стран. Среди азиатских стран в этом отношении выделяются Индия, где имеется несколько сот этнических подразделений, и Индонезия, в которой, по подсчетам одних авторов, насчитывается 150 этнических единиц, а других — более 350. Но особенно показательна Новая Гвинея, в которой специалисты-этнографы единодушно констатируют редкое многообразие разноязыких этнических групп — от 500 до 700 [72]. В Африке среди стран с высокой степенью этнической мозаичности можно, например, назвать Нигерию, Заир, Конго (в каждой из первых двух насчитывается не менее чем по 200 этнических единиц, в третьей — более 70) [73]. Такая полиэтничность нередко сочетается с наличием архаических этнических общностей — архогенетических этносов и метаэтнических образований типа семей племен; при этом происходят сложные процессы трансформации этих общностей.

Вместе с тем полиэтничные страны различаются и характером расселения этносов: ареальным или дисперсным. В первом случае каждая этническая общность локализирована относительно обособленно; это, так сказать, ареальная полиэтничность. В других — несколько этнических общностей размещены вперемежку на одной и той же территории; такую полиэтничность предлагается условно обозначать дисперсной [74]. Примером гомогенной полиэтничности может служить Бельгия, северную часть которой занимают фламандцы, южную — валлоны. Для иллюстрации второго, гетерогенного варианта можно сослаться на Малайзию, во всех районах западной части которой в том или ином численном соотношении живут малайцы и китайцы, а во многих районах —

---

[72] *Меликсетова И. М.* Некоторые проблемы этнонационального развития в Папуа Новой Гвинее (государственность и трибализм). — В кн.: Национальные проблемы современного Востока. М., 1977, с. 179.

[73] *Исмагилова Р. Н.* Этнические проблемы современной Тропической Африки, с. 33, 141; *Андрианов Б. В., Исмагилова Р. Н.* Этносы и этнические процессы в Африке: К проблеме типологии. — СЭ, 1979, № 5, с. 23.

[74] Существует предложение называть такие страны «многосоставными», «плюральными» (см.: *Ревуненкова Е. В.* Малайзия. — В кн.: Этнические процессы в странах Юго-Восточной Азии. М., 1974, с. 222). Однако данные термины, на наш взгляд, не отражают специфики этнического плюрализма. Это обстоятельство, впрочем, вряд ли может служить основанием для вообще негативного отношения к попыткам разграничения разных видов полиэтничности из-за опасения терминологического засорения этнологии (см.: *Лазарев М. С.* К национальной ситуации на современном Востоке (методологический подход). — В кн.: Национальные проблемы современного Востока. М., 1977, с. 66, прим. 36). Как известно, конечная цель любой науки, в том числе этнологии (этнографии), не простое описание явлений, а выяснение присущих им закономерностей, т. е. прежде всего их повторяемости. Если же данная цель достигнута, то весьма желательно это отразить терминологически, что не только позволяет закрепить в обобщенной форме соответствующие наблюдения, но и существенно облегчает их введение в научный обиход. Не случайно в естественных науках при обнаружении характерных свойств того или иного явления оно сразу же получает свое наименование.

также индийцы [75]. Разумеется, речь идет лишь о преобладающем характере расселения этносов, ибо обычно оба выделенных его варианта в той или иной мере сочетаются.

Характеризуя полиэтничные страны, следует также учитывать, что многим из них присущ расовый плюрализм. При этом соотношение различных расовых компонентов часто не остается постоянным. Так, в США за последние полвека негритянское население страны более чем удвоилось и по переписи 1970 г. составило около 25 млн. человек (11,2% всех североамериканцев); кроме того, помимо потомков переселенцев из Европы здесь проживает около 6,3 млн. (2,8%) мексиканцев (преимущественно метисов) и 1,6 млн. (0,7%) пуэрториканцев (главным образом креолов, мулатов и негров), а также значительное число представителей монголоидной расы — выходцев из стран Азии, около 850 тыс. (0,4%) индейцев, 30 тыс. эскимосов [76]. Весьма сложной является структура (этнорасовая) большинства латиноамериканских стран, включающая потомков европейцев (главным образом выходцев из Испании и Португалии), индейцев, негров, метисов, мулатов, выходцев из Индии и т. д. На Африканском континенте этнорасовый плюрализм особенно характерен для ЮАР. Здесь в 1978 г. 20,0 млн. человек — 72,3% населения страны — составляли африканцы (главным образом бантуязычные народности), 4,3 млн. (15,8%) — лица европейского происхождения (в основном африканеры и англичане), а также имелось 2,4 млн. (8,8%) метисов («цветные») и 0,7 млн. человек (2,6%) выходцев из Азии (преимущественно индийцев) [77].

Необходимо иметь в виду и различный политический статус отдельных этнических общностей в полиэтничных странах. В данной связи представляется возможным выделить по крайней мере пять вариантов этнополитической ситуации в таких странах [78].

Первый из них — это государства, в которых одна этническая общность занимает господствующее положение, а остальные этносы в той или иной степени подчинены ей. Обычно при этом господствующая роль принадлежит наиболее многочисленной этнической общности (например, французам во Франции, англичанам в Великобритании, персам в Иране, туркам в Турции, тайцам в Таиланде) [79]. Однако в отдельных случаях такую роль может играть и этническое меньшинство, а иногда даже две не-

---

[75] См.: *Брук С. И.* Население мира. . ., с. 483.

[76] *Берзина М. Я.* Этнический состав населения США: Краткий историко-статистический обзор. — В кн.: Национальные процессы в США. М., 1973, с. 47; *Брук С. И.* Население мира. . ., с. 802—803.

[77] См.: *Брук С. И.* Население мира. . ., с. 685.

[78] Разумеется, грани между этими вариантами этнополитической ситуации весьма условны. Более того, каждая из такого рода ситуаций редко существует в «чистом» виде и к тому же не является неизменной.

[79] Ср.: *Лазарев М. С.* К национальной ситуации на современном Востоке. . ., с. 49—50.

большие этнические общности [80] (например, африканеры и англоафриканцы в ЮАР). При этом варианте этнополитической ситуации в зависимости от ряда иных социальных факторов (экономических, религиозных и т. п.) могут возникать весьма острые межэтнические противоречия.

Ко второму варианту этнополитической ситуации могут быть отнесены страны, в которых важную политическую роль играют две нации, однако в той или иной степени различающиеся по своему политическому статусу (при этом обычно вторая по величине этническая общность составляет не менее 15% всего населения страны). Подобный дуализм, как правило, немало способствует обострению межэтнических отношений. Этот вариант обнаруживается в ряде стран, которые выше отнесены нами к первым трем группам полиэтничных государств. В первой из этих групп к таковым странам можно причислить, например, Кипр (турки — 18,6%) [81]. Во второй — Сингапур (малайцы — 15%) [82], Шри Ланка (тамилы — 18,9%) [83], Бельгия (валлоны — около 40,7%) [84]. В третьей — Малайзия (китайцы — 33,7%), Канада (франкоканадцы — 26,7%) [85].

К третьему варианту этнополитической ситуации могут быть отнесены те страны, в которых, хотя и насчитываются десятки и даже сотни этносов (четвертая группа полиэтничных государств по нашей классификации), однако ни для одного из них не характерно четко выраженное политическое доминирование. Таково положение в Индии, Пакистане, Малайзии. Для этих стран типичен сильный накал межэтнических противоречий, обусловленный конкурентной борьбой наиболее крупных наций за преобладание в общегосударственном масштабе [86].

Впрочем, при подобной этнополитической ситуации для капиталистического мира нередки случаи, когда в полиэтнической стране фиксировано формально юридическое равенство основных этносов, и противоречия между ними сравнительно незначительны. Примером этого в настоящее время может служить Швейцария, по поводу которой В. И. Ленин еще в 1913 г. писал, что в данной стране национальный вопрос разрешен в пределах, возможных для буржуазно-демократического государства, и ее народы «мирно уживаются вместе» [87]. Правда, и здесь в последнее время все же имеют место конфликты на национальной почве.

Наконец, особый (пятый) вариант представляет этнополитическая ситуация, возникающая тогда, когда процесс формирова-

---

[80] Это, впрочем, не исключает противоборства между самими такими общностями.
[81] *Брук С. И.* Население мира. . ., с. 456.
[82] *Брук С. И.* Население мира. . ., с. 513.
[83] *Брук С. И.* Население мира. . ., с. 539.
[84] *Брук С. И.* Население мира. . ., с. 24.
[85] *Брук С. И.* Население мира. . .. с. 481, 533.
[86] См.: *Лазарев М. С.* К национальной ситуации. . ., с. 50.
[87] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 30, с. 337.

ния наций еще не завершен и соответственно существует лишь тенденция к установлению господства той или иной этнической общности. Такая ситуация характерна для многих развивающихся стран. В частности, в Азии так, например, обстоит дело в Непале, Индонезии [88]. При этом межэтнические противоречия либо еще не созрели ввиду общей социально-экономической отсталости, либо проявляются сугубо избирательно по отношению к какой-чибудь одной этнической группе, чаще всего иммигрантской (например, по отношению к индийцам в Непале или китайцам в Индонезии по экономическим мотивам) [89].

Все эти особенности этнической структуры отдельных социальных организмов капиталистического мира во многом предопределяют преобладание в их рамках того или иного типа этнических процессов.

В государствах моноэтничных обычно основными являются процессы этнической консолидации. Однако масштабы, глубина и интенсивность этих процессов во многом зависят от уровня социально-экономического и этносоциального развития данной страны. Сказываются эти факторы и на характере самих консолидационных процессов: прежде всего их интенсивности.

Межэтническая консолидация особенно характерна для развивающихся стран, недавно освободившихся от колониальной зависимости. Так, в Нигерии многочисленные племена на юго-востоке страны (абаджа, авка, игва, ика и др.), говорящие на диалектах языка ибо, быстро сливаются в народность того же названия. В Кении родственные этносы, живущие по северному и восточному побережью озера Виктория и известные прежде под именем банту Кавирондо, с середины XX в. начали консолидироваться в единую народность лухья. В Танзании близкие между собой ньямвези, ньятуру и мбугве сплачиваются в единый этнос, называемый по имени одного из участвующих в процессе этнических компонентов — ньямвези. В Ботсване племена мангвато, квена, игвакетсе, тавана, кгатла, малете, ролонг, тлоква, калагади объединяются в один народ тсвана. Процессы межэтнической консолидации типичны и для многих других африканских стран. В прочих регионах мира аналогичные процессы также имеют место. Например, на Калимантане в Индонезии определенную тенденцию к слиянию в один народ обнаруживают так называемые даякские этносы. В Южной Меланезии, на Новой Каледонии, наблюдается ранняя стадия межэтнической консолидации трех десятков меланезийских этносов в меланоновокаледонскую народность. В Восточной Полинезии, на островах Кука, межэтническая консолидация всего аборигенного населения островов (ра-

---

[88] См.: Зарубежный Восток и современность. — Основные закономерности и специфика развития освободившихся стран. М., 1974, т. 2, с. 49—56, 70—76.

[89] См.: *Лазарев М. Н.* К национальной ситуации. . ., с. 50.

ротонга, мангаиа, манихики-ракаханга, тонгарева и др.) находится на более высокой стадии [90].

Подчас процессы межэтнической консолидации имеют иерархический характер, протекая как бы на двух уровнях. Примером может служить многомиллионная этнолингвистическая общность акан, объединяющая по языку и культуре группу этносов в южной и центральной Гане и соседних областях Берега Слоновой Кости. Близость языков акан способствует этнокультурному сближению как в рамках всей широкой этнолингвистической общности, так и на уровне крупных этносоциальных подразделений (таких, например, как ашанти, фанти, аким и т. д.) [91].

Процессы внутриэтнической консолидации характерны для очень многих народов мира, в том числе и для этносов, весьма развитых в социальном и экономическом отношении стран. Вплоть до настоящего времени продолжается консолидация таких крупных и развитых европейских народов, как французы, испанцы, итальянцы, немцы. Процесс этот, в частности, проявляется в быстром нивелировании различий между локальными группами соответствующих этносов. Так, например, все более сближаются еще недавно заметно различавшиеся друг от друга в культурном отношении пьемонтцы, ломбардийцы, лигурийцы, тосканцы, калабрийцы, сицилийцы и другие областные группы итальянцев. До сих пор ощущаются различия диалектального и этнокультурного характера между немецкими субэтносами в ФРГ и ГДР: баварцами, саксонцами, гессенцами, мекленбуржцами и др.

Примером далеко не законченной этнической консолидации древних по своему происхождению народов могут служить китайцы. Так, у них жители севера не понимают жителей юга. Средством общения служит единая иероглифическая письменность.

Ассимиляционные процессы в полиэтничных странах, как правило, имеют более значительные масштабы, чем в моноэтничных. Интенсивность их во многом зависит от этнической структуры таких стран. Им несомненно благоприятствует существование в рамках одного государства крупных и мелких, в первую очередь дисперсных, этнических общностей. В данном отношении показательно растворение различных этнических групп европейского происхождения в белом англоязычном большинстве США. Замечено также, что ассимиляция подчас имеет интенсивный характер там, где по соседству живут народы, резко отличающиеся

---

[90] См.: Этнические процессы в странах Юго-Восточной Азии. М.: Наука, 1974, с. 147; *Андрианов Б. В.* Специфика формирования африканских наций (на примере Кении). — В кн.: Расы и народы. М., 1977, 7, с. 175—176; *Исмагилова Р. Н.* Этнические проблемы современной Тропической Африки, с. 183—185, 191; *Андрианов Б. В., Исмагилова Р. Н.* Этносы и этнические процессы в Африке, с. 27; *Брук С. И.* Население мира, с. 568—569, 602, 639, 661—665, 843; *Пучков Н. И.* Этническая ситуация в Океании. — Автореф. докт. дис. М., 1976.

[91] *Андрианов Б. В., Исмагилова Р. Н.* Этносы и этнические процессы в Африке, с. 27.

друг от друга по уровню социально-экономического развития, языку, своему происхождению. Подобных контрастов полна, в частности, Тропическая Африка: Гвинея, Нигерия, Того, Кения, Руанда, Ботсвана [92]. В этой связи можно сослаться и на процессы ассимиляции, протекающие в современной Индии. Здесь некоторые группы малых народов (бирхоров, бхилов, коли, гондов, дубла и др.) в ходе этих процессов утрачивают свой язык и некоторые иные этнические признаки и превращаются, как правило, в низшие касты в составе крупных индийских народов, трансформируясь затем в их этнографические группы. Последние, усвоив язык окружающего их крупного народа, продолжают сохранять своеобразные элементы культуры и некоторые специфические черты хозяйства [93].

В тех случаях, когда малочисленный этнос находится в сфере воздействия нескольких крупных этнических общностей, он может одновременно ассимилироваться каждой из таких общностей (особенно, если они являются этносоциальными организмами). Например, часть лопарей (саамов) растворяется основными этносами Норвегии, Швеции и Финляндии [94]. Нередко ассимиляция завершается полным исчезновением меньшей этнической общности. Так произошло, например, в Индонезии с веддоидным племенем тоала, которое в начале XX в. насчитывало около 100 человек, а в настоящее время целиком ассимилировано бугами о. Сулавеси (более 3 млн. человек) [95].

Наряду с представителями коренных этнических общностей ассимиляции подвергаются также иммигранты. В послевоенные годы их число заметно выросло во многих промышленно развитых странах Западной Европы, а также в США и Канаде. В настоящее время, например, в ФРГ их насчитывается около 3,5 млн. человек, во Франции — около 3 млн., в Великобритании — около 1,5 млн., в Швейцарии — около 800 тыс. человек. В значительной своей части это выходцы из сравнительно менее развитых стран Европы, отличающихся повышенным естественным приростом населения (Италия, Испания, Португалия и др.). Вместе с тем увеличивается число так называемых цветных иммигрантов. Из западноевропейских стран в этом отношении особенно показательна Великобритания, куда после войны прибыли значительные группы негров из Вест-Индии, а также индийцев и пакистанцев из бывших британских колоний в Восточной Африке и Южной

---

[92] *Андрианов Б. В., Исмагилова Р. Н.* Этносы и этнические процессы в Африке, с. 29—30.

[93] Этнические процессы в странах Южной Азии. М., 1976, с. 142—162, 167.

[94] *Лукьяненко Т. В.* Лопари. — В кн.: Народы зарубежной Европы. М., 1965, т. II, с. 155. Правда, интенсивность этих процессов, видимо, не следует преувеличивать (см.: *Анохин Г. И.* Судьбы аборигенов Лапландии. — В кн.: Расы и народы. М., 1976, 6, с. 189).

[95] *Маретин Ю. В.* Индонезия. — В кн.: Этнические процессы в странах Юго-Восточной Азии, с. 158.

Азии (всего на 1970 г. около 700 тыс. человек) [96]. Немало переселенцев из Индии и Пакистана проживает и в различных странах самой Азии [97]. Особую группу иммигрантов составляют выходцы из Китая — хуацяо. Их насчитывается более 20 млн. человек. Основная масса хуацяо проживает в странах Юго-Восточной Азии; из других регионов мира в этом отношении выделяется Северная Америка, особенно США. На Американском континенте немало также иммигрантов из Японии, Таиланда и других стран Азии. В США в послевоенные годы новой крупной этнической группой иммигрантов стали пуэрториканцы (на 1970 г. 1,4 млн. человек) [98].

Процессы ассимиляции иммигрантов в каждой стране имеют свои особенности, причем различные по своему происхождению иммигрантские группы подвержены ассимиляции не в одинаковой степени. Следует учитывать и то, что процесс этот имеет различные аспекты. Один из них — включение иммигрантов в экономическую и социальную структуру принявшей их страны. Уже в данном отношении выходцы из разных стран имеют значительные различия. Весьма показателен в этой связи, например, высокий удельный вес торговой буржуазии хуацяо в странах Азии; нельзя не отметить и их значительную территориальную обособленность от остального населения страны проживания, что особенно наглядно проявляется в специальных городских кварталах, так называемых чайна-таунах. Не менее показательно и наличие некоторой профессиональной специализации у разных этнических групп США. Так, среди пуэрториканцев здесь особенно много чернорабочих, среди немцев имеется более заметная, чем в других группах, доля фермерского населения; выходцы из Великобритании дали Америке много горняков, итальянцы — строителей, греки — кондитеров, среди поляков много рабочих автомобильной промышленности [99].

Существенным фактором ассимиляции иммигрантов является длительность их проживания в стране, куда они переселились. В Европе многие иммигранты — выходцы из стран этого же региона — приезжают на временные заработки и по истечении определенного срока возвращаются на родину. Естественно, что эта категория остается вне процесса ассимиляции. Но в тех же странах Западной Европы (особенно в Великобритании и Франции) немало иммигрантов, прибывших на постоянное жительство. Они, как правило, официально включаются в число граждан соответствующей страны (так называемая натурализация); впрочем, юридиче-

---

[96] См.: *Богина Ш. А., Козлов В. И., Нитобург Э. Л., Фурсова Л. Н.* Национальные процессы и национальные отношения. . ., с. 7.

[97] *Дридзо А. Д., Кочнев В. И., Семашко И. М.* Индийцы и пакистанцы за рубежом. М., 1979, с. 9—10.

[98] *Берзина М. Я.* Этнический состав населения США. . ., с. 49.

[99] *Богина Ш. А., Козлов В. И., Нитобург Э. Л., Фурсова Л. Н.* Национальные процессы и национальные отношения. . ., с. 8.

ское оформление гражданства в каждой стране имеет свои определенные нюансы. Пожалуй, особенно сложно оно в Великобритании, где по закону о натурализации 1948 г. только на жителей стран, остававшихся от нее в зависимости, автоматически распространялись права британских граждан. Жители всех остальных стран могли по закону 1948 г. получить британское подданство путем регистрации или натурализации.

Регистрации подлежали прежде всего граждане Британского Содружества и Ирландской республики, живущие в Великобритании или находящиеся на службе британской короне, а также некоторые другие весьма ограниченные категории лиц. Натурализация предусматривала следующие условия: данное лицо должно постоянно проживать в самой стране или находиться на службе британской короне не менее 12 месяцев (проживая в общей сложности в стране или колониях не менее 4 лет); оно должно иметь «хорошую» репутацию и достаточно хорошо знать английский язык. Но и действие этого закона в последнее время было существенно ограничено принятием ряда новых актов об иммиграции, направленных прежде всего на сокращение доступа в страну «цветных» переселенцев [100].

Первостепенная роль во включении иммигрантов в социально-культурную жизнь этнического большинства страны их пребывания принадлежит языку. В первом поколении они нередко еще сравнительно слабо знают основной язык этой страны. Но уже во втором становятся, как правило, двуязычными, а в дальнейшем обычно полностью ассимилируются в лингвистическом отношении, чему немало способствует школа. Однако это еще не означает этнической ассимиляции. Последняя зависит от многих факторов.

Наряду с уже отмеченными выше особенностями расселения, социально-экономического и правового статуса иммигрантов к таким факторам относятся их религиозные, культурные и расовые отличия от основного населения страны. Существенное негативное влияние на процессы этнической ассимиляции иммигрантов оказывают расовая дискриминация и традиционные этнические предубеждения. Этим во многом объясняется замедленность процесса ассимиляции «цветных» в США и Великобритании. Показательна и судьба ирландских иммигрантов в Англии. Казалось бы следовало ожидать, что ирландцы из-за их англоязычности и культурной близости к англичанам должны довольно легко адаптироваться к образу жизни последних. Однако, хотя ирландцы и были одной из самых ранних групп иммигрантов в Англии и Шотландии, они сохранили свою обособленность вплоть до последнего времени. Основная причина — этнические предубеждения, сложившиеся в результате давних враждебных отношений между ирландцами и англичанами [101].

---

[100] См.: *Павленко А. П.* Европейские иммигранты в Великобритании. — Расы и народы. М., 1976, 6, с. 162—164.

[101] *Павленко А. П.* Европейские иммигранты в Великобритании, с. 170—171.

Вместе с тем можно привести примеры и того, что даже расовые различия не помешали почти полному растворению иммигрантов среди местного населения. Одно из таких свидетельств дает этническая история Кубы, где небольшая группа индийцев настолько ассимилировалась, что в настоящее время не отделяет себя от остального населения, а их одежда, пища и обычаи — те же самые, что и у остальных кубинцев [102]. В этом, как и во многих других случаях, значительной продвинутости ассимиляции существенно содействовали смешанные (в этническом и расовом отношении) браки. Так, в Австралии, по данным за 40—50-е годы, значительная часть переселенцев из Европы женилась на англоязычных австралийках, причем у разных национальностей удельный вес таких браков был далеко не одинаковым. Если для греков они составляли всего 11%, то для немцев и поляков — 40%, а ирландцев и шотландцев — более 70% всех заключенных браков [103]. Есть основание полагать, что представители второго поколения в таких семьях осознают себя прежде всего англоавстралийцами. Но это вовсе не значит, что данные лица полностью утратили этнические черты своих родителей. Даже при условии этнически смешанных браков процесс этнической ассимиляции иммигрантов, как правило, растягивается на несколько поколений. В этом отношении показательны процессы, происходящие в США. Здесь в некоторых районах в канун второй мировой войны до 50% всех браков были этнически смешанными [104]. И несмотря на это, для современной этнической ситуации в США характерно, что подавляющее большинство потомков европейских иммигрантов, считая себя американцами, помнят свое этническое происхождение [105].

Далеко не однозначная ситуация складывается при браках, смешанных в расовом отношении. Решающее значение для темпов ассимиляции в этом случае имеет наличие или отсутствие расовой дискриминации. В частности, дискриминационная практика в США и Великобритании существенно тормозит ассимиляцию «цветных», в том числе «цветных» иммигрантов. Напротив, почти полное отсутствие дискриминации в ряде стран Латинской Америки, как известно, чрезвычайно способствовало развитию здесь процессов этнического смешения, о чем специально пойдет речь ниже.

Для процессов этнической ассимиляции иммигрантов замедленность характерна и тогда, когда эти процессы не связаны с брачными отношениями, т. е. ограничиваются «надбиологической» сферой (языком, культурой и т. п.).

---

[102] *Дридзо А. Д., Кочнев В. И., Семашко И. М.* Индийцы и пакистанцы за рубежом, с. 145.

[103] *Козлов В. И.* Динамика численности народов: Методология исследования и основные факторы. М., 1969, с. 355.

[104] *Козлов В. И.* Динамика численности народов. . ., с. 356.

[105] См.: *Богина Ш. А., Козлов В. И., Нитобург Э. Л., Фурсова Л. Н.* Национальные процессы и национальные отношения. . ., с. 10.

В результате обусловленной различными факторами растянутости процессов этнической ассимиляции на ряд поколений иммигранты (как и другие подверженные ассимиляции лица) нередко оказываются в своеобразном переходном состоянии, когда прежняя этническая принадлежность утрачивается или уже утрачена, а новая еще не укрепилась. В зарубежной литературе лицо, находящееся в этом переходном состоянии, принято именовать «пограничный человек» («Marginal Man»). Такое состояние, в частности, весьма типично для второго, а нередко и третьего поколения иммигрантов [106]. Не случайно подчас своеобразное место каждого поколения иммигрантов в этносоциальных процессах получает отражение даже в специальных их наименованиях. Так, у японских иммигрантов в США первое поколение именуется Issei, второе (рожденное в США) — Nisei, третье — Sansei [107].

У «пограничных людей» разных поколений часто наблюдаются определенные различия в ценностных ориентациях. Это нередко ведет к конфликту в отношениях между первым поколением иммигрантов, старающимся удержать прежние этнокультурные ценности, и вторым и третьим поколениями, стремящимися к слиянию с окружающей этносоциальной средой. Появляется представление о «старомодности» старшего поколения, а нередко и желание как-то освободиться от него. «С этой целью второе и третье поколение иммигрантов могут переселиться в новый район и даже сменить «иностранную» фамилию или придать ей местный вид» [108].

Этническая ассимиляция, как мы могли убедиться, обычно выражается в растворении меньшего по своим масштабам этноса в большем, т. е. имеет, так сказать, односторонний характер. И это наблюдается при этническом растворении не только иммигрантов, но и небольших этносов. Однако такой односторонний характер этнической ассимиляции не следует абсолютизировать. Иногда, наоборот, небольшая этническая общность может ассимилировать отдельных представителей более крупной. Еще чаще рассматриваемый процесс имеет место при взаимодействии сравнительно равновеликих этнических общностей. В таких случаях обычно происходит двусторонняя ассимиляция: одновременно какая-то часть каждого из взаимодействующих этносов растворяется в другом. При этом преобладание той или иной направленности ассимиляционных процессов зависит от многих факторов. (Все это хорошо прослежено, в частности, на материалах об этнически смешанных браках в Советской Прибалтике) [109].

Подобно всем другим случаям ассимиляции и тогда, когда она имеет двусторонний характер, смешанный в этническом отноше-

---

[106] Подробнее см.: *Козлов В. И.* Динамика численности народов. . ., с. 328—329.

[107] *Williams C. Mc.* Brother under the skin. Boston, 1964, p. 151; *Скрозникова В. А.* Японцы в США. — В кн.: Расы и народы, 1976, 6, с. 232.

[108] *Козлов В. И.* Динамика численности народов. . ., с. 329.

[109] См.: *Терентьева Л. Н.* Определение своей национальной принадлежности подростками в национально смешанных семьях. — СЭ, 1969, № 3.

нии брак выступает одним из важнейших, хотя и не единственным ее каналом. Нередко двусторонняя этническая ассимиляция протекает и при отсутствии этого канала, т. е. в сфере, так сказать, «чистых» языково-культурных взаимодействий. Подчас этому существенно содействуют правовые нормы, покровительствующие языку и культуре доминирующей в данном регионе этнической общности. Так, согласно действующим в Швейцарии нормам каждый ее житель, переселившийся из области с иным языком, должен знать местный язык. Это не только ускоряет ассимиляцию иноязычных швейцарцев, но и сохраняет местный язык и культуру [110].

Одним словом, протекающие в наше время в зарубежных странах процессы этнической ассимиляции отличаются чрезвычайным многообразием характера, форм и темпов. Поэтому и оценка данного явления не может быть однозначной. Большое значение в данном отношении имеет известное разграничение В. И. Лениным в работах по национальному вопросу понятий естественной и насильственной ассимиляции, первую из которых он считал безусловно прогрессивной: «Кто не погряз в националистических предрассудках, тот не может не видеть в этом процессе ассимиляции наций капитализмом величайшего исторического прогресса. . .» [111]. Однако ассимиляция при капитализме далеко не всегда имеет естественный характер. Довольно часто, как мы уже отмечали, этому препятствует этническая и расовая дискриминация. В других случаях она, напротив, «ускоряется» насильственным путем.

Помимо ассимиляции одним из этнических последствий иммиграций является рост этнической мозаичности многих стран. В частности, благодаря иммигрантам ФРГ за последние полтора десятка лет превратилась из практически однонационального государства (немцы до 1960 г. составляли более 99% всего населения) в страну со сложным этническим составом: в настоящее время здесь имеется девять национальных групп, насчитывающих более 100 тыс. человек каждая [112]. В некоторых случаях иммигранты составляют даже большинство населения страны (например, в Кувейте коренных жителей сейчас всего лишь 48,4%) [113].

В результате миграций, в том числе и внутренних, в послевоенные годы особенно заметно выросла этническая мозаичность городов. Показательно, например, что в городах США доля еще не ассимилировавшихся иммигрантов значительно выше, чем по стране в целом.

Наряду с консолидацией и ассимиляцией в современных полиэтнических странах в той или иной мере идут процессы языково-культурного взаимодействия неродственных народов, т. е. про-

---

[110] *Листова Н. М.* Национальный состав населения Швейцарии. — В кн.: Этнические процессы в странах зарубежной Европы. — М.: Наука, 1970, с. 44.
[111] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 24, с. 127.
[112] См.: *Брук С. И.* Население мира. . ., с. 331.
[113] *Брук С. И.* Население мира. . ., с. 473.

цессы межэтнической интеграции. К сожалению, специфика этих процессов, их конкретный ход в зарубежных странах изучены еще не достаточно. Не так давно в нашей литературе они характеризовались то как консолидационные, то как ассимиляционные, что в значительной мере объясняется просто отсутствием самого понятия «межэтническая интеграция», только недавно введенного в научный обиход.

Процессы межэтнической интеграции характерны прежде всего для развивающихся стран с полиэтничным составом и особенно для стран Африки и Азии. В Африке межэтническая интеграция в своей «классической» форме происходит прежде всего в Западно-Африканском регионе, где проживают этносы, очень сильно отличающиеся друг от друга по языку. Метаэтнические общности складываются почти во всех западноафриканских странах: Сенегале, Гвинее, Мали, Гане и др. Жители каждой из этих стран называют себя уже не только представителями определенных народностей и племен, но и сенегальцами, гвинейцами, малийцами, ганцами и т. д., причем эти термины сейчас уже не являются только политонимами.

В Азии в результате процессов межэтнической интеграции формируются гигантские метаэтнические общности, насчитывающие десятки или даже сотни миллионов человек. Это прежде всего индийцы, пакистанцы, индонезийцы, филиппинцы. Имеются в Азии, конечно, и более скромные по размерам метаэтнические общности.

Начинают развертываться процессы межэтнической интеграции и в некоторых недавно обретших независимость полиэтнических странах Океании [114].

Большое значение для формирования метаэтнических общностей имеют государственно-политические факторы. Особенно наглядно это проявляется в государственной политике по вопросу о языке межэтнического (межнационального) общения. Как известно, в различных полиэтнических странах данный вопрос решается неодинаково. Один из распространенных вариантов представляют случаи, когда языком межнационального общения выступает язык наибольшей для страны этнической общности. Этот вариант в целом характерен для западноевропейских промышленно развитых стран: в Великобритании эту функцию выполняет английский, в Испании — испанский, во Франции — французский языки и т. д. В известной мере аналогичная картина наблюдается в Латинской Америке, в большинстве стран которой языком межнационального общения является испанский. Представлен рассматриваемый вариант и в странах Азии, например в Таиланде, где обычно в роли языка межнационального общения выступает сиамский (кхонтайский), являющийся государственным языком страны [115]. В Африке примером того же варианта может служить

---

[114] См.: *Пучков П. И.* Этническая ситуация в Океании, с. 20 и сл.
[115] См.: Этнические процессы в странах Юго-Восточной Азии, с. 273.

Эфиопия, где государственным является амаринья — язык амхара. С некоторой условностью к этому варианту можно отнести и Танзанию, где межнациональным языком признан суахили, получивший широкое распространение во всех странах Восточной Африки; хотя этот язык и не является родным для подавляющей части крупнейших этносов Танзании, однако он весьма близок к языкам бантуязычного большинства ее населения.

Во вторую группу могут быть выделены случаи, когда в качестве основного языка межнационального общения в полиэтничной стране используется также один язык, но он не является языком наиболее крупного этноса. Иногда это язык не самого крупного коренного народа страны. Наиболее показателен в этом отношении пример Индонезии, где государственным языком признан не яванский (хотя яванцев здесь насчитывается более 67 млн. человек), а индонезийский, в основе своей малайский (хотя малайцев в стране всего лишь около 8 млн. человек)[116]. Но особенно типичными для данной группы являются те освободившиеся страны, в которых языком межнационального общения выступает язык бывшей метрополии. Такова, например, Ангола, где официальным языком является португальский. Хорошо известно, однако, что в последнее время во многих освободившихся от колониализма странах на смену языку бывшей метрополии в качестве макропосредника приходит язык той или иной коренной этнической общности. Так, в Заире, где государственным языком остается пока французский, в последние годы все большее распространение получают местные языки: лингала — на западе страны, одна из форм суахили — на востоке[117]. Во многом аналогичная ситуация наблюдается в Народной Республике Конго[118].

Последние примеры уже по существу относятся к языковой ситуации той группы стран, для которых характерно выполнение макропосреднических функций одновременно несколькими языками. Впрочем, обычно значимость каждого из них в выполнении данной функции не идентична. Иногда в этой роли выступают два языка, как, например, английский и французский в Канаде[119], французский и фламандский в Бельгии, испанский и кечуа в Перу. Иногда количество таких языков бывает значительно большим. Так, в Сингапуре, где государственным языком объявлен малайский (хотя малайцы здесь составляют 15%, а китайцы 76% населения), язык административных учреждений — английский, а китайский и тамильский признаны также официальными языками. При этом на всех данных языках ведется обучение в начальной школе, но в средних и высших учебных заведениях преподают преимущественно на английском языке; на этот язык

---

[116] Юго-Восточная Азия: проблемы региональной общности. М., 1977, с. 154.
[117] *Львова Э. С.* Этническая ситуация и политика государств Западной Экваториальной Африки. — В кн.: Расы и народы. М., 1977, 7, с. 189.
[118] *Львова Э. С.* Этническая ситуация. . ., с. 183—184.
[119] См.: *Тишков В. А.* Политика двуязычия в Канаде. — В кн.: Расы и народы. М., 1977, 7, с. 207—224.

ориентирована и правительственная политика в области средств массовой информации[120]. Сходная картина наблюдается на Филиппинах, где в настоящее время испанский язык уже не играет сколько-нибудь заметной роли и повсеместно используется английский язык. Вместе с тем предпринимаются определенные усилия по распространению языка пилипино, провозглашенного государственным и представляющего собой литературный вариант тагальского языка — одной из крупных этнических общностей страны[121].

Весьма своеобразная ситуация сложилась в Малайзии. Здесь 80% аборигенного населения владеет малайским языком. Однако в последнее время все большее распространение (особенно среди китайского и индийского населения) фактически получает английский язык, довольно быстрыми темпами вытесняющий малайский из сферы образования и массовой информации[122]. Но особенно показателен в рассматриваемом отношении пример Индии. Сложность этнической структуры этой страны способствует распространению у населения некоторых ее районов двуязычия, а в определенных слоях (особенно среди интеллигенции) и многоязычия, когда наряду с родным в употреблении находятся языки хинди или урду, английский язык, язык соответствующего штата, а иногда еще и особый язык или диалект более мелкой единицы. И хотя в настоящее время официально большая дань воздается хинди (государственный язык), практически сфера английского (второй государственный язык) не сужается, а напротив, расширяется. Следует заметить также, что по всей Индии, преимущественно среди интеллигенции, сохраняет известное значение санскрит[123].

Естественно, что однозначное или многозначное решение вопроса о языке межнационального общения не может не сказываться на процессах межэтнической интеграции. Однако не менее существенны и распространенность такого языка (или языков) в масштабе всей страны, и его функции и степень проникновения в повседневную жизнь, а также лингвистическая близость к языкам основной массы населения страны. В последнем отношении показательно, что встречающиеся в нашей литературе предположения о сложении в недалеком будущем единой нации в континентальной части Танзании[124], видимо, в немалой степени связаны с отмеченной выше близостью суахили к языкам бантуязычных этносов, составляющих подавляющее большинство населения этой части страны.

---

[120] См.: Этнические процессы в странах Юго-Восточной Азии, с. 249; *Осипов Ю. А.* К проблеме общего языка в молодых независимых государствах Юго-Восточной Азии. — В кн.: Расы и народы, 1975, 5, с. 137—138; *Брук С. И.* Население мира. . ., с. 514.

[121] Этнические процессы в странах Юго-Восточной Азии, с. 284—285.

[122] См.: *Осипов Ю. А.* К проблемам общего языка. . ., с. 138—140.

[123] Этнические процессы в странах Южной Азии, с. 95—99; *Брук С. И.*, *Чебоксаров Н. Н.* Метаэтнические общности. — В кн.: Расы и народы. М., 1976, 6, с. 35—36.

[124] *Исмагилова Р. Н.* Этнические проблемы. . ., с. 198.

При всей значимости языка межнационального общения (и соответственно билингвизма) для процессов межэтнической интеграции, продвинутость формирования в их ходе макроэтнических общностей, проявляющаяся в конечном счете в традиционно-бытовых сферах культуры, нередко в неменьшей мере зависит от других факторов. Это прежде всего уровень социально-экономического развития страны и ее государственно-политический строй. Не последняя роль принадлежит также этнической и административной структуре государства, его размерам и времени, на протяжении которого протекают интеграционные процессы.

В силу недостаточной изученности процессов межэтнической интеграции очень трудно сопоставить степень продвинутости формирования макроэтнополитических общностей в разных полиэтнических странах. Следует, однако, подчеркнуть, что широкая распространенность в ряде промышленно развитых стран языка (или языков) межнационального общения не дает оснований считать, что здесь в масштабах всей страны сложились нации, например бельгийская нация[125] (если, разумеется, понимать нацию так, как это принято в марксистской литературе). Еще меньшее основание имеет (если не считать отдельных исключений) довольно распространенное представление, что в ходе межнациональной интеграции в ряде молодых государств Африки уже в ближайшее время возникнут новые нации, охватывающие все население отдельных государств.

Следует вообще еще раз подчеркнуть, что основной результат процесса межэтнической интеграции — это образование макро-(мета)этнической общности, которая охватывает несколько этнических подразделений основного уровня.

Иначе говоря, они и в таксономическом, и в пространственном отношении как бы находятся над такими объединениями, как племя, народность и нация. В этой связи такого рода макроэтнические общности иногда именуют «наднациональными»[126]. Впрочем, не следует забывать, что процессы межэтнической интеграции и в наше время не ограничиваются внутригосударственными рамками. Они протекают и в межгосударственных масштабах. Вопрос этот несомненно заслуживает специального рассмотрения. Не ставя перед собой такой задачи, подчеркнем лишь особое значение в данном отношении языков межэтнического общения. Наиболее распространенными из них в настоящее время являются (по данным на 1978 г.): английский — 380 млн. человек, хинди и близкий ему урду — 275, испанский — 230, русский — 220, арабский, бенгали и индонезийский по 140, португальский — 125, немецкий — 100, французский — 90 млн. чело-

---

[125] См., например: *Джунусов М. С.* Нация как социально-этническая общность. — ВИ, 1966, № 4.

[126] Однако этот термин представляется не вполне удачным, ибо он не отражает наличия общих черт этнического характера у таких «наднациональных» общностей.

век[127]. На этих языках ныне издается 80% всей мировой литературы[128].

Взаимодействие этносов, не связанных генетическим родством, не только в прошлом, но и в современных условиях подчас не ограничивается формированием метаэтнических общностей. При определенных условиях такое взаимодействие и в наше время ведет к возникновению новых этнических подразделений основного уровня, т. е. этносов в полном смысле данного слова. Немало примеров этого дают этнические процессы в Латинской Америке, притом примеров весьма наглядных, поскольку в процессах возникновения новых этносов — современных латиноамериканских наций, — как правило, участвуют представители разных этнорасовых групп. Так, например, в Сальвадоре, где процессы этнического смешения лиц европейского (испанского) происхождения и индейцев продвинулись особенно значительно, в начале XIX в. метисы (ладино) составили 54% всего населения страны, в 30-е годы XX в.— свыше 75%, а сейчас 90%[129]. Аналогичная картина наблюдается в Гондурасе, где в 50—60-е годы ладино составляли 91%, индейцы — 6, негры — 2, белые — 1%[130]. Вместе с тем во многих странах Латинской Америки процесс «ладинизации» еще сравнительно далек от своего завершения. Примером может служить Гватемала, где вплоть до середины XX в. ладино и креолы оставались в меньшинстве (по состоянию на 1950 г.— 46,4% населения страны). Но именно они представляли новую этническую общность — гватемальскую нацию, причем, по крайней мере на 75%, эта нация состояла из ладино, т. е. имела смешанный в этнорасовом отношении состав. Этническая ситуация, характерная для Гватемалы в середине XX в., была реальной для Мексики конца XVIII—начала XIX в.[131]

Одним словом, генезис новых наций в Латинской Америке в значительной мере является результатом этнического смешения. А это дает основание именовать такого рода процессы «этногенетической миксацией»[132]. Их особенность в Латинской Америке состоит в том, что они одновременно являются процессами расовой метисации, или точнее, мисцегенации[133]. Впрочем, и в некоторых других странах это сочетание в той или иной мере наблюдается также. В данной связи можно, например, сослаться на процесс формирования североамериканской нации. Имеется в виду, в частности, сопровождающая этот процесс мисцегенация. Правда, она

---

[127] См.: *Брук С. И.* Население мира. . ., с. 87.
[128] См.: *Гончарова В. Н.* Интернационализация общественной жизни как диалектический процесс. Киев, 1978, с. 135.
[129] Национальные процессы в Центральной Америке и Мексике. М., 1974, с. 154, 174.
[130] Национальные процессы. . ., с. 217.
[131] Национальные процессы. . ., с. 116.
[132] См. выше, с. 240, 308, 310.
[133] См.: *Мёрнер М.* Мисцегенация и взаимовлияние культур в Латинской Америке. . ., с. 188—282.

здесь не столь очевидна, ибо по законам ряда штатов «негром» считается тот, кто имеет хотя бы $^1/_8$, а в некоторых штатах даже $^1/_{32}$ или $^1/_{64}$ «негритянской крови». К тому же в последнее время категория «мулатов» вообще исчезла из американской статистики [134]. Однако, по подсчетам специалистов, уже в 30-е годы $^3/_4$ американских негров в действительности были мулатами [135]. Впрочем, мисцегенация совсем не обязательный спутник этногенетической миксации. В известной мере таков процесс формирования англоканадской нации, в состав которой, как мы могли убедиться, вошла очень значительная доля ирландцев и шотландцев.

Процесс этногенетической миксации нередко сочетается с межэтнической интеграцией, причем оба эти процесса идут как бы на разных уровнях. В частности, продолжение процесса формирования наций во многих странах Латинской Америки сочетается с процессом межэтнической интеграции в рамках страны в целом. К таким странам обычно относят в первую очередь Перу, Эквадор, Боливию, Гватемалу, а отчасти и Мексику [136].

Объединительная, интегрирующая тенденция в этнических процессах в условиях капитализма продолжает сочетаться с дифференцирующей тенденцией, в том числе этногенетической дивергенцией, ведущей к образованию новых этносов. Основанием для последней могут служить различные факторы и протекать она может в форме парциации и сепарации.

Этническая парциация обычно связана с расчленением отдельных этносов (этникосов) между различными государствами, что затем ведет к появлению у каждой из их частей специфических этнокультурных черт. Чаще такое расчленение — наследие сравнительно далекого прошлого, но иногда подобное явление имеет место и в наше время. Пожалуй, одним из самых значительных по своим масштабам примеров может служить образование в 1947 г. в результате раздела Британской Индии двух независимых государств — Индии и Пакистана, сопровождавшееся массовым переселением индуистов и мусульман. В результате на месте единого прежде бенгальского народа начали формироваться две новые нации: восточные бенгальцы (ныне именуемые бангладешцами) и западные бенгальцы; сходный процесс имел место и среди панджабского народа [137].

Одна из традиционных предпосылок процессов этнической сепарации — миграции, ведущие к постепенному появлению у мигрантов этнических черт, отличающих их от основного массива «родного» этноса. Конечный результат такого рода процессов — возникновение нового этноса (например, африканеров ЮАР).

---

[134] *Богина Т. А., Козлов В. И., Нитобург Э. Л., Фирсова Л. Н.* Национальные процессы и национальные отношения. . ., с. 10—11.

[135] Современная американская этнография: Теоретические направления и тенденции. М., 1963, с. 140.

[136] См.: *Брук С. И., Чебоксаров Н. Н.* Метаэтнические общности, с. 35.

[137] См.: *Кочнев В. И.* Этнополитическая обстановка на Индостанском полуострове. — Расы и народы. М., 1975, 5, с. 105.

Тенденция этнической дифференциации нередко сочетается с резким обострением национальных отношений внутри полиэтничных государств. Как подчеркивал В. И. Ленин, «нельзя категорически утверждать, не рискуя впасть в доктринерство, что невозможно временное появление на авансцене политической драмы и того или другого национального вопроса»[138]. Такого рода вопросы в последнее время все чаще и чаще появляются во многих капиталистических странах. В частности, это весьма наглядно проявляется в обострении национального самосознания у сравнительно крупных национальных общностей, имеющих, однако, относительно приниженный статус в данном государстве (по сравнению с «основной» нацией): у басков в Испании, у шотландцев, ирландцев и уэльсцев в Великобритании, у франкоканадцев в Канаде и т. д.

При этом нередко наблюдается парадокс: с одной стороны, идет все большая экономическая и культурная интеграция этих национальных общностей с основными нациями страны (испанцами, англичанами, англоканадцами), с другой — происходит уже отмеченный рост национального самосознания. Кроме того, нередко возникают межнациональные конфликты; таковы англо-ирландские столкновения в Ольстере, англо-и франкоканадские противоречия в Канаде, борьба между фламандцами и валлонами в Бельгии и т. д. [139]

В основе всех этих межнациональных противоречий, как и в целом национальных процессов, лежит целый комплекс социально-экономических, политических и идеологических факторов. Они обычно тесно переплетены между собой, хотя на первый план выступает то один, то другой. Что касается конкретных поводов для межнациональных трений и конфликтов, то они могут иметь совершенно случайный характер, вроде того, как это было во время «футбольной войны» между Гондурасом и Сальвадором [140].

В конечном счете межнациональные противоречия обычно определяются социально-экономическими факторами. Весьма наглядно это проявляется в тех случаях, когда в результате присущей эпохе империализма неравномерности социально-экономического развития изменяются соотношение и роль отдельных национальностей во внутренней жизни многонациональных государств. В частности, ухудшение экономического положения отдельных национальных общностей — одна из коренных причин обострения национальных противоречий в Великобритании. Это прежде всего упадок после второй мировой войны традиционных отраслей хо-

---

[138] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 7, с. 239.

[139] См.: Государственная политика и обострение национальных отношений в странах капитала. Киев: Наукова думка, 1979.

[140] Имеется в виду вооруженный конфликт между Сальвадором и Гондурасом в 1969 г., прологом к которому явилось острое спортивное соперничество между футбольными командами этих стран за право участвовать в Мексике в матче на кубок Жюля Римета (см.: *Леонов Н. С.* Этнические аспекты сальвадорско-гондурасского конфликта. — В кн.: Расы и народы. М., 1971, с. 213—220).

зяйства Северной Ирландии, Шотландии и Уэльса (судостроение, текстильная промышленность, добыча угля и т. д.); новые же отрасли развиваются здесь слабо, что ведет к увеличению числа безработных.

Существенным источником межнациональных противоречий является совпадение социально-классовых и национальных различий. Немалую роль этот фактор сыграл опять-таки в возникновении острой национальной ситуации в Северной Ирландии (Ольстере), где переселенцы из Англии и Шотландии еще в позднее средневековье составляли основное ядро местных помещиков-лендлордов [141].

Очень своеобразное переплетение социальных и национальных начал наблюдается в США, где сложилась целая система стратификации. Низшие места в ней занимают в настоящее время негры, индейцы, пуэрториканцы, мексиканцы — самые обездоленные в социально-экономическом отношении. Положение других иммигрантских групп в этой иерархии во многом зависит от степени их ассимилированности. На самом верху — расплывчатая общность WASP (White Anglo-Saxon Protestant; буквально— белые протестанты англосаксонского происхождения), представляющая как бы эталон стопроцентного американизма [142].

Социально-экономическое неравенство национальных групп в развитых странах Западной Европы весьма наглядно проявляется в положении переселенцев. Как правило, социально-экономическое положение иммигрантов значительно хуже, чем положение коренных жителей. Они обычно выполняют неквалифицированную работу, имеют худшие жилищные условия и т. п. Следует также иметь в виду, что национальный плюрализм издавна используется господствующими классами развитых капиталистических стран для облегчения эксплуатации масс путем натравливания одних национальных меньшинств на другие, противопоставления их в политической борьбе, подмены классовых понятий национальными и т. п.[143]

Одним из наиболее очевидных и вместе с тем существенных факторов национальных противоречий выступает открытое (или внешне завуалированное) политическое господство одной национальной общности над другой. Наиболее наглядный пример этому являет колониализм. Как уже говорилось, в результате национально-освободительной борьбы в большинстве стран Азии, Африки и Вест-Индии было прекращено открытое национально-колониальное угнетение в международном масштабе. Но остались различные формы «наследия» колониализма. Одна из них —

---

[141] *Богина Ш. А., Козлов В. И., Нитобург Э. Л., Фурсова Л. Н.* Национальные процессы и национальные отношения. . ., с. 6.

[142] *Богина Ш. А.* Межэтнические отношения в США (XIX век). — СЭ, 1974, № 4, с. 68—69.

[143] *Богина Ш. А., Козлов В. И., Нитобург Э. Л., Фурсова Л. Н.* Национальные процессы и национальные отношения. . ., с. 9.

несоответствие политических и этнических границ во многих развивающихся странах. Это особенно характерно для современной Африки. Как известно, колонизаторы устанавливали здесь границы своих владений, не считаясь со сложившимися этническими образованиями. В результате одни и те же этнические общности во многих случаях оказались в нескольких владениях, нередко принадлежавших к тому же разным колониальным державам. Эта ситуация в основном сохранилась и после освобождения, поскольку новые государства обычно возникали в пределах бывших колоний.

Межнациональные отношения при капитализме подчас чрезвычайно осложняются различной религиозной принадлежностью этнических общностей. Весьма показательны в этой связи те конфликты, которые сопровождали в 1947 г. уже упоминавшийся раздел Британской Индии на два независимых государства: Индию и Пакистан. Раздел этот, как известно, был осуществлен по религиозно-общинному признаку. «Бескровная революция», как английские империалисты именовали раздел Индии, сопровождалась переселением миллионов людей, разорением беженцев и массовыми погромами и резней. Особенно кровавый характер они приняли в Пенджабе. По приблизительным данным, количество жертв здесь превысило 500 тыс. человек. Практически в Пакистане не осталось панджабцев-сикхов и индусов, а в Индии — панджабцев-мусульман [144]. Религиозные различия отчетливо дают о себе знать и в конфликтной ситуации в Ольстере, неоднократно перераставшей в вооруженные столкновения между угнетенным католическим ирландским меньшинством и стремящимся сохранить свои привилегированные позиции англо-шотландским большинством. При этом, разумеется, не следует забывать, что за религиозными различиями (как и вообще различиями, проявляющимися в сфере идеологии) противостоящих этнических общностей в конечном счете почти всегда стоят экономические интересы, экономическое неравенство.

Немалую роль в обострении межнациональных, межэтнических отношений в капиталистическом мире играют такие факторы, как расовые и этнические предубеждения, разные формы расовой и этнической дискриминации, а особенно сегрегация и апартхейд [145]. Следует учитывать и то, что обострению самосознания

---

[144] *Кочнев В. И.* Этнополитическая обстановка на Индостанском полуострове, с. 105.

[145] См., например: Международная конвенция о пресечении преступлений апартеида и наказание за него. — В кн.: Расы и народы. М., 1975, 5, с. 314—320; *Бутлицкий А. В.* ЮАР: обострение апартхейда. — В кн.: Расы и народы, 1976, 6, с. 119—134; Резолюция о сионизме как форме расизма. — В кн.: Расы и народы, 1977, 7, с. 275—276; Хроника борьбы против расизма и национального угнетения. — В кн.: Расы и народы, 1975, 5, с. 349—355 (июль 1973 г.—июнь 1974 г.); 1976, 6, с. 312—321 (июль 1974—июнь 1975); 1977, 7, с. 314—324 (июль 1975—июнь 1976); 1978, 8, с. 318—326 (июль 1976—июнь 1977); 1979, 9, с. 331—339 (июль

этнических общностей, находящихся в неравноправном положении, в немалой степени содействует сопровождающее НТР развитие средств массовой информации, делающее весьма наглядным, а потому и особенно невыносимым их неравенство.

Сложная этническая картина современного капиталистического мира изменяется не только в результате собственно этнических процессов, о которых речь шла выше. Эти изменения в немалой степени связаны с этнодемографическими процессами, которые далеко не одинаково протекают в разных этнических средах.

Как известно, на протяжении всемирной истории темпы прироста населения мира все более и более возрастали. Об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что для увеличения численности населения мира с 1 до 2 млрд. потребовалось 100 с небольшим лет (с 1820 по 1927 г.), с 2 до 3 млрд.— 33 года (в 1960 г.), с 3 до 4 млрд. — всего 15 лет (в 1975 г.). Иначе говоря, если в XIX—начале XX в. для удвоения населения нужно было 100 лет, то в середине XX в. — уже лишь 50 лет. В настоящее время население нашей планеты составляет 4,6 млрд. К 2000 г. ожидается, что оно достигнет ок. 6 млрд. человек[146]. По прогнозам ООН, к 2100 г., когда, видимо, прекратится рост народонаселения Земли, оно составит примерно 10,5 млрд. человек[147].

В настоящее время в отдельных регионах, у разных народов темпы прироста населения далеко не одинаковы. В результате заметно изменяется соотношение населения в различных регионах мира. Так, если в 1959 г. жители развитых стран (без СССР), т. е. Зарубежной Европы, Северной Америки, Австралии, Японии, ЮАР, составляли 24,6% населения мира, а развивающихся стран — Зарубежной Азии (без Японии), Африки (без ЮАР) и Латинской Америки — 67,9%, то в 1978 г. — соответственно 20,8 и 73,0%. Таким образом, доля первых снизилась на 3,8, а вторых возросла на 5,1%[148], т. е. разрыв между населением этих групп стран увеличился за два десятилетия почти на 9%.

Что касается динамики соотношения численности народов мира, то она является результантой взаимодействия демографических и этнических процессов. В итоге среди народов мира повышается удельный вес крупных этнических образований. Так, если в 1961 г. на земном шаре насчитывалось 44 народа численностью свыше 10 млн. человек каждый и они составляли 75% народонаселения мира, то в 1978 г. таких народов стало уже 67, а их доля в населении мира составила около 80%[149].

1977—июнь 1978); 1980, 10, с. 292—297 (июль 1978—июнь 1979); 1981, 11, с. 290—295 (июль 1979—июнь 1980); 1982, 12, с. 297—304 (июль 1980—июнь 1981).

[146] См.: *Брук С. И.* Население мира. . ., с. 105.

[147] См.: Правда, 1981, 16 июня.

[148] См.: *Брук С. И.* Население мира. . ., с. 16, 542, 684. Национальное и интернациональное в современном мире. Кишинев: Штиинца, 1981, с. 92—94.

[149] См.: *Брук С. И.* Население мира. . ., с. 93.

Таким образом, перед нами одно из проявлений интегрирующей тенденции современных этнических процессов в сфере демографии. Эта тенденция выражается и в других формах, например, в снижении этнической мозаичности эйкумены, в глобальном распространении так называемой городской культуры и т. д. Судя по всему, этноинтегрирующая тенденция в конечном счете выступает как доминирующая; однако, как мы могли убедиться, она прокладывает себе путь в диалектическом и подчас остро противоречивом взаимодействии с этнодифференцирующей тенденцией. В основе этого противоречия, как и противоречия между этносоциальными общностями, лежит присущий буржуазному обществу классовый антагонизм. «При империализме усиление интернационализации всей общественной жизни неизбежно сопровождается (наряду с обострением антагонизма классов) нарастанием прогрессирующего разъединения наций. Дело в том, что интернационализация при капитализме ведет к еще большему подавлению угнетенных и неполноправных народов, к ущемлению их культуры, что вызывает естественное сопротивление народов против империалистической экспансии» [150]. Именно поэтому в условиях капитализма, как уже говорилось, современная этническая ситуация чревата межнациональными, межэтническими столкновениями. Не случайно почти все конфликты, происходящие в наши дни, почти все горячие точки планеты, будь то на Ближнем Востоке, в Западной Европе, в Юго-Восточной Азии, на юге Африки, на Американском континенте, имеют отчетливо выраженную этнонациональную или этнорасовую окраску.

Очерк четырнадцатый

ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В МИРЕ СОЦИАЛИЗМА*

На фоне межнациональных конфликтов в капиталистическом мире особенно очевидны достижения в области национальных отношений в нашей стране и других странах социалистического содружества, убедительно подтверждающие известный тезис основоположников марксизма, что с исчезновением антагонизма классов «падут и враждебные отношения наций между собой» [1].

Первопроходцем в этом, как и во многом другом, оказалась наша страна. Именно здесь впервые в истории человечества был решен

---

[150] *Федосеев П. Н.* Реальный социализм и укрепление дружбы народов. К 60-летию Союза ССР. — В кн.: Развитие рабочего класса в социалистическом обществе (интернациональные закономерности и национальные особенности). М., 1982, с. 137—138.

* В соавторстве с Н. Я. Бромлей.

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 4, с. 445.

один из самых острых и трудных вопросов — национальный вопрос в том виде, в котором он достался нам от царской России. Его успешное решение — великое достижение реального социализма, свидетельство торжества ленинской национальной политики КПСС. Это достижение, как отмечал Л. И. Брежнев, «по праву можно поставить в один ряд с такими победами в строительстве нового общества в СССР, как индустриализация, коллективизация, культурная революция» [2].

Значение данного достижения тем более велико, что речь идет об одной из самых многонациональных, полиэтничных стран мира, притом стране, народы которой в канун социалистической революции находились на самых различных уровнях развития. Если у большинства крупных народов европейской России (русских, украинцев, белорусов, прибалтийских народов, народов Закавказья и др.) уже значительно развился капитализм, а сами они уже сложились в нации, то народы Средней Азии находились по существу лишь на стадии феодализма, а народы Севера (эвенки, чукчи, ненцы и др.) — на уровне патриархально-родового строя. Они жили мелкими родо-племенными группами, занимались охотой, рыболовством и оленеводством. Неравномерным было и культурное развитие народов России, что, в частности, отражалось в историко-региональном делении, сложившемся в ходе предшествующего исторического развития. Более или менее целостный восточноевропейский регион с преобладающим православным населением соседствовал на юго-востоке с областями распространения мусульманской культуры, а на западе и северо-западе с областями католической или лютеранской ориентации; каждый из этих регионов имел свои преобладающие языковые системы, системы письменности, культурно-бытовые традиции и т. д. В Сибири восточнославянская культура соприкасалась с архаическими культурами народов, для которых были характерны буддийские (ламаистские) традиции со свойственными им чертами. Огромные различия имелись в культурном уровне. Так, если, например, в Грузии в канун Октябрьской революции 22% населения было неграмотным, то в Туркестанском крае среди представителей коренных национальностей неграмотных было около 98% [3]. В целом же по стране неграмотные составляли свыше 75% взрослого населения. Более 50 народов не имели даже своей письменности.

Нельзя не напомнить и о том, что в канун образования Союза ССР страна переживала страшную экономическую разруху, порожденную почти восьмилетним военным периодом: в начале в результате участия в империалистической войне, а затем и гражданской.

Вместе с тем именно окончание гражданской войны и разгром иностранной военной интервенции и позволили поставить вопрос о создании Союза ССР с тем, чтобы объединить материальные

---

[2] *Брежнев Л. И.* Ленинским курсом. Речи и статьи. М., 1975, т. 4, с. 50.
[3] Современные этнические процессы в СССР. М., 1977, 2-е изд., с. 336.

ресурсы страны для восстановления народного хозяйства, а главное — обеспечить защиту молодых советских республик. К этому моменту наряду с РСФСР существовали еще пять независимых советских республик: Украинская, Белорусская, Азербайджанская, Армянская, Грузинская, причем последние три республики в конце 1922 г. объединились в Закавказскую Социалистическую Федеративную Советскую Республику (ЗСФСР). Кроме того, в Средней Азии существовали возникшие в 1920 г. Бухарская и Хорезмская народные республики, которые не являлись социалистическими.

Создание всех этих республик на развалинах бывшей Российской империи явилось реальным претворением в жизнь тезиса о праве народов на самоопределение, принятого в качестве важнейшего пункта программы большевистской партии еще задолго до Октябрьской революции. «Мы тем более обязаны признать свободу отделения, — писал В. И. Ленин, — что царизм и великорусская буржуазия своим угнетением оставила в соседних нациях тьму озлобления и недоверия к великорусам вообще, и это недоверие надо рассеять *делами*, а не словами» [4].

Однако, утверждая право народов на самоопределение вплоть до политического отделения, большевики вовсе не призывали к такому отделению. Напротив, В. И. Ленин указывал, что в экономическом и других отношениях крупное государство гораздо предпочтительнее мелких. «Мы хотим, — писал в связи с этим В. И. Ленин, — как можно более крупного государства, как можно более тесного союза, как можно большего числа наций, живущих по соседству с великорусами; мы хотим этого в интересах демократии и социализма, в интересах привлечения к борьбе пролетариата как можно большего числа трудящихся разных наций» [5].

Эта идея и получила свое воплощение в образовании Союза ССР. Решение об этом, как известно, было принято на Первом съезде Советов СССР 30 декабря 1922 г. В Декларации съезда подчеркивалось, что Союз ССР является добровольным объединением равноправных народов, что доступ в него открыт для всех советских социалистических республик как существующих, так и тех, которые могут возникнуть в будущем.

Национально-государственное строительство продолжалось и после образования СССР. Наиболее значительным событием последующих лет было образование республик в Средней Азии. В октябре 1923 г. Хорезмская Народная Советская Республика преобразуется в социалистическую и заявляет о своем желании войти в СССР; в сентябре 1924 г. то же самое осуществляет Бухарская Народная Советская Республика. В 1936 г. Казахская и Киргизская АССР были преобразованы в союзные республики, а Закавказская федерация была упразднена — в результате Гру-

---

[4] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 379.
[5] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 379.

зинская, Армянская и Азербайджанская Советские Социалистические Республики стали непосредственно входить в состав СССР. Конституция СССР 1936 г. зафиксировала 11 союзных и 20 автономных республик. Впоследствии к ним прибавилось еще четыре союзные республики (три прибалтийские и Молдавская ССР) [6]. В Конституции СССР 1977 г. значатся 15 союзных и 20 автономных республик; кроме того, имеются 8 автономных областей и 10 автономных (прежде — национальных) округов. Итого 53 национально-административные единицы.

Рассматривая в целом результаты образования СССР, как и всей ленинской национальной политики КПСС, необходимо непременно иметь в виду диалектику взаимодействия национального и интернационального, в частности наличие двух взаимосвязанных тенденций в национальных процессах, происходящих в нашей стране. Значимость учета диалектического единства этих тенденций становится особенно наглядной при обращении к зарубежной буржуазной литературе по национальной проблематике. Для этой литературы характерны две крайности: абсолютизация либо тенденции национального развития, либо — тенденции интернационализации. В первом случае расцвет суверенных советских республик, подъем национального достоинства советского человека, рост национального самосознания рисуется как предвестник «сепаратистских тенденций». На Западе создана целая система доводов, призванных во что бы то ни стало «обосновать» неизбежность обострения национальных отношений в нашей стране. В то же время процесс сближения наций характеризуется как их ликвидация путем создания «единой советской нации» [7].

Несостоятельность всех построений такого рода становится совершенно очевидной, если принять во внимание коренное отличие взаимоотношения национального и интернационального в социалистическом обществе по сравнению с капиталистическим.

И в этой связи следует особо подчеркнуть, что открытые В. И. Лениным две тенденции в национальных процессах, происходящих в условиях капитализма, в социалистическом обществе претерпевают кардинальные изменения. На это в нашей печати уже неоднократно обращалось внимание. При этом справедливо отмечалась ошибочность механического перенесения закономерностей, действующих при капитализме, на социалистическое общество и подчеркивалось, что «нация — категория социально-историческая. Ее экономическая основа. . . ее классовая структура и социально-исторические устремления, духовный облик, то есть все то, что характеризует данный исторический тип нации, коренным образом изменяются в результате перехода от капитализма к социализму». Что же касается этнических признаков, то

---

[6] Подробнее см.: История национально-государственного строительства в СССР. М., 1968; Современные этнические процессы в СССР, с. 85—104.

[7] Подробнее см. об этом, например: *Баграмов Э. А.* Национальный вопрос в борьбе идей. М., 1982, с. 27 и сл.

они «сохраняются и развиваются в преобразованном виде и в условиях социализма» [8]. И правы, на наш взгляд, те авторы, которые в данной связи пишут, что если «чисто классовые характеристики нации при смене формаций изменяются коренным образом, то присущие ей этнические свойства в значительной мере сохраняются» [9]. Ведь русские остаются русскими, грузины грузинами, узбеки узбеками.

И все же между действующими при капитализме и социализме тенденциями динамики общего и единичного (включая особенное) в этносоциальных явлениях имеется не столько сходство, сколько качественные различия. Правда, и при социализме такая динамика в собственно этнической сфере не только предполагает расширение межэтнического, но и не исключает появление новых этнически (национально-специфических черт), т. е. включает как интеграцию, так и дифференциацию [10]. Не исключено также накопление некоторых специфических черт в ходе хозяйственного развития народов. «Ведь различны условия жизни народов, характер экономического развития, зависящие от климатических условий и природных ресурсов, связанные с удаленностью от промышленных и культурных центров, и т. д.» [11]. Однако в целом в неэтнических сферах национальных процессов в условиях социализма развитие наций как единичного не только означает одновременное усиление в них общего, межнационального, но и не влечет за собой расширение специфического, их обособление. Такое взаимодействие указанных тенденций становится возможным прежде всего благодаря потере ими антагонистического характера в результате уничтожения классовых антагонизмов. Тем самым единичное и общее в национальных, этносоциальных процессах «становятся взаимообусловленными, дополняющими и ускоряющими друг друга» [12]. Именно поэтому конкретным воплощением динамики единичного и общего в социалистическом обществе высту-

---

[8] Коммунист, 1969, № 13, с. 7. См. также: Ленинизм и национальный вопрос в современных условиях. М., 1974, с. 72—81.

[9] *Рогачев П. М., Свердлин М. А.* Нации — народ — человечество. М., 1967, с. 72. См. также: *Егизарян А. М.* Об основных тенденциях развития социалистических наций СССР. Ереван, 1965; *Агаев А. Г.* К исследованию исторических тенденций социализма в национальном вопросе. — В кн.: Строительство коммунизма и проблемы сближения наций. Киев, 1969; *Джунусов М.* Две тенденции социализма в национальных отношениях. Ташкент, 1975, с. 33 и сл.; *Куличенко М. И.* Укрепление интернационального единства советского общества. Киев, 1976, с. 45; *Морозов М. А.* Нация в социалистическом обществе. М., 1979, с. 13, 17; *Козинг А.* Нация в истории и современности (исследование в связи с историко-материалистической теорией нации). М.: Прогресс, 1978, с. 276.

[10] См. ниже.

[11] *Федосеев П. Н.* Теоретические проблемы развития и сближения наций. — Коммунист, 1980, № 1, с. 62.

[12] *Келле В. Ж.* Пролетарский интернационализм и факторы интернационализации общественной жизни. — ВФ, 1972, № 12, с. 31.

нают развитие и сближение наций [13]. Программа КПСС, констатируя, что в «условиях социализма происходит расцвет наций», подчеркивает в то же время, что «развитие наций осуществляется не на путях усиления национальной розни, национальной ограниченности, как это происходит при капитализме, а на путях их сближения, братской взаимопомощи и дружбы. . .» [14].

Эти две тенденции органически взаимосвязаны. Нарушение такой взаимосвязи чревато усилением дивергентного начала. Отсюда очевидна вся значимость того, чтобы развитие этносоциальных общностей в условиях социализма непременно сочеталось с их сближением, углублением сотрудничества и взаимным обогащением, дальнейшей интернационализацией, интеграцией [15]. В свою очередь и само такое сближение должно происходить на основе развития, расцвета социалистических наций [16]. Разумеется, этот процесс не лишен своих противоречий. Ведь по своей сущности социализм «интернационален, однако это интернациональное содержание воплощается сначала в национальной форме, в виде социалистически организованных наций» [17]. Но в отличие от капитализма такого рода противоречия, как уже говорилось, свободны от антагонизмов, так как в обществе реального социализма взаимодействуют равноправные нации, ведомые рабочим классом и марксистско-ленинскими партиями, интернационалистскими по своей сути. В результате в условиях развитого социализма происходит небывалое сужение действия дифференцирующего начала в национальных, этносоциальных процессах, ограничение его главным образом собственно этническими аспектами этих процессов, где, однако, также ведущая роль принадлежит интегрирующему началу.

Одно из кардинальных отличий в проявлении рассматриваемых тенденций связано с тем, что на протяжении многих тысячелетий истории человеческого общества преобладание интегрирующей тенденции его развития не имело адекватного отражения в общественном сознании. Подобное осознание этой закономерности

---

[13] Обзор различных точек зрения по вопросу об их соотношении см.: *Куличенко М. И.* Расцвет и сближение наций в СССР. Проблемы теории и методологии. М., 1981, с. 115—125.

[14] Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., 1962, с. 241.

[15] Как справедливо отмечалось в нашей литературе, при социализме «интернационализация общественной жизни — это, по сути, не что иное, как интеграционный процесс, который, с одной стороны, характеризуется выделением всего прогрессивного из каждой национальной культуры и превращением его в межнациональное (интернациональное) и, с другой стороны, — элиминацией из национальной жизни каждого народа всего отжившего, мешающего его поступательному развитию». См.: *Нормурадов Б.* Характерные особенности и основные тенденции интернационализации общественной жизни (на примере республик Средней Азии). Ташкент, 1979, с. 15.

[16] Поэтому трудно согласиться с мнением, «что история человечества — это история все более глубокой социально-классовой и социально-этнической дифференциации людей» (*Борисов Л. П.* Советский патриотизм и социалистический интернационализм. М., 1976, с. 23).

[17] *Козинг А.* Нации в истории и современности. . ., с. 277.

появляется лишь с возникновением марксизма, получив свое выражение в идеях пролетарского интернационализма. В условиях капиталистического строя эти идеи, имея огромное значение для сплочения пролетариата разных наций, не могли, однако, оказывать всеобъемлющего воздействия на отношения между нациями. Только в условиях социализма интернационализм как осознанная закономерность исторического процесса получил возможность всесторонне воздействовать на процессы интернационализации общественной жизни, которые прежде протекали стихийно. Социализм тем самым придает динамике двух тенденций в сфере национальных отношений характер познанной закономерности.

Момент, с которого развитие указанных тенденций приобретает именно такой характер, общеизвестен. Это — Великий Октябрь. Место действия тоже хорошо известно. Это — наша страна, где впервые в истории человечества взаимоотношения между нациями стали базироваться на принципах социалистического интернационализма. Вскоре, с образованием Монгольской Народной Республики, это явление выходит за рамки одной страны. А после второй мировой войны, с возникновением содружества социалистических стран, распространение принципов интернационализма на межгосударственные отношения приобретает характер широкой системы, шагнувшей вслед за социалистической революцией на Кубе из восточного полушария в западное.

Идеи, как известно, претворяются в жизнь не сами по себе, а через сознательные действия людей. Это полностью относится и к воплощению идей пролетарского интернационализма в практике социалистического строительства на протяжении шести с лишним десятилетий, отделяющих нас от Великого Октября.

Поскольку идеи интернационализма отражают коренные интересы рабочего класса, основным носителем таковых, главным проводником их в жизнь с самого начала возникновения стал именно этот класс. Особая роль в данном отношении, естественно, принадлежит его сознательному авангарду — марксистским партиям. Партии большевиков первой выпала великая миссия реализации принципов интернационализма в практике социалистического строительства.

Социально-экономическая отсталость царской России, острота национальной ситуации во многих ее районах наряду с пестротой национального состава и многоукладностью хозяйства народов придавали особую значимость национальному вопросу и вместе с тем осложняли его решение. Не случайно поэтому проблемы интернационального сплочения народов страны заняли столь важное место в многогранной деятельности В. И. Ленина и большевистской партии. Опираясь при этом на выдвинутые основоположниками марксизма принципы пролетарского интернационализма, В. И. Ленин, партия большевиков обогатили и развили их [18].

---

[18] Этим вопросам посвящено несколько десятков специальных работ В. И. Ленина, в том числе: «Критические заметки по национальному вопросу» (Полн.

Занимая важнейшее место в марксизме-ленинизме, пролетарский, социалистический интернационализм представляет собой многогранную и вместе с тем целостную систему взглядов. Не ставя перед собой задачи всесторонней характеристики этой системы, мы считаем, однако, в связи с рассматриваемой проблемой существенным подчеркнуть, что социалистический интернационализм отнюдь не равнозначен национальному нигилизму. Уже сам термин «интернационализм» (inter — между, natio — народ, нация) свидетельствует, что интернациональное немыслимо без национального [19]. Единство национального и интернационального не означает, однако, их тождество. И было бы, в частности, ошибочно полагать, что национальное и интернациональное взаимодействуют без всяких внутренних противоречий [20]. Вместе с тем в диалектическом единстве национального и интернационального есть ведущая сторона [21], и ее в соответствии со всем ходом всемирно-исторического процесса представляет тенденция интернационализации. Это особенно относится к социализму, при котором в реализации данной тенденции огромную роль играет, как уже говорилось, осознание ее закономерного характера.

В разных сферах общественной жизни взаимодействие национального и интернационального проявляются далеко не одинаково, но их взаимосвязь обнаруживается повсюду. Весьма наглядно она, в частности, проступает в сфере государственно-правового регламентирования межнациональных отношений. Демократизация этих отношений, будучи важнейшей предпосылкой гармоничного развития интернационального и национального, является первейшей задачей победившего пролетариата. Еще в канун победы Октябрьской социалистической революции В. И. Ленин говорил, что чем демократичнее будет национально-государственное устройство страны, «. . . тем более могуча будет сила *добровольного* притяжения к такой республике трудящихся масс *всех* наций» [22]. Эти идеи получили, как уже говорилось, свое последовательное воплощение в практике национально-государственного строительства первых лет Советской власти, завершившейся созданием в 1922 г. Союза ССР. «Залогом прочности этого союза Ленин считал полное взаимное доверие, добровольное согласие, исключение любой формы неравенства в отношениях между нациями» [23]. Федеративное устройство Союза обеспечивает государственно-правовое

собр. соч., т. 24), «О праве наций на самоопределение» (т. 25), «О национальной гордости великороссов» (т. 26), «Итоги дискуссии о самоопределении» (т. 30), «К вопросу о национальностях или об «автономизации» (т. 45) и др.

[19] При этом в данном случае под «национальным» имеется в виду не только и не столько особенное (национально-специфическое, этническое), сколько отдельное, единичное (нация, этносоциальная общность).

[20] См.: *Калтахчян С. Т.* Единство, расцвет и сближение наций — закономерность социализма. — В кн.: Социализм и нации. М., 1975, с. 262—263.

[21] *Куличенко М. И.* Расцвет и сближение наций в СССР. . ., с. 119—125.

[22] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 31, с. 168.

[23] Постановление ЦК КПСС «О 60-й годовщине образования Союза Советских Социалистических Республик». — Коммунист, 1982, № 4, с. 4.

равенство каждой из образующих его республик и вместе с тем его единый межнациональный характер, т. е. диалектическое сочетание отдельного (национального) и общего (интернационального). «Опыт показал, что основные черты федеративного устройства СССР полностью оправдали себя. Поэтому нет нужды вносить какие-либо принципиальные изменения в формы советской социалистической федерации», — подчеркнул Л. И. Брежнев в докладе о проекте Конституции СССР 1977 г.[24]

Как известно, практика национально-государственного строительства в СССР явилась важнейшим ориентиром в осуществлении национальной политики в других социалистических странах. Показательно, что в конституционных документах, принятых в этих странах после победы народно-демократических революций, воспроизводятся многие заимствованные из первых советских конституционных актов положения, касающиеся национального равноправия [25]. Подобно СССР такая многонациональная страна, как Югославия, с самого момента ее провозглашения в 1945 г. республикой избрала федерацию в качестве формы государственного устройства. В 1969 г. в федеративное государство была преобразована и Чехословакия, состоящая ныне из двух национально-государственных образований — Чешской и Словацкой Социалистических Республик [26].

Диалектическая взаимосвязь развития и сближения наций при социализме весьма отчетливо проступает также в сфере экономики. Как известно, сразу же после победы Октября в нашей стране началась борьба за ликвидацию такого тяжелейшего наследия царской России, как огромное неравенство в экономическом развитии народов.

«С первых лет Советской власти, — особо подчеркивалось на XXVI съезде КПСС, — наша экономическая и социальная политика строилась так, чтобы как можно быстрее поднять бывшие национальные окраины России до уровня развития ее центра» [27]. В ходе индустриализации и коллективизации, построения основ социализма в стране уже в канун войны это неравенство было фактически ликвидировано. Огромная роль в данном отношении принадлежала братской помощи отставшим в своем развитии народам со стороны более развитых. В результате этого в предвоенные годы темпы прироста промышленной продукции в республиках, прежде представлявших отсталые в своем развитии националь-

---

[24] *Брежнев Л. И.* О проекте Конституции Союза Советских Социалистических Республик. Доклад на Пленуме Центрального Комитета КПСС 24 мая 1977 г. М., 1977, с. 11.

[25] См.: *Бромлей Н. Я., Жуков Е. М., Лисицына Л. Н.* Мировая социалистическая система. Некоторые проблемы теории и истории становления социализма. М., 1973, с. 298.

[26] См.: *Госиоровский М.* Советский опыт национально-государственного строительства и его международное значение. — В кн.: Социализм и нации. М., 1975, с. 382—386.

[27] Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 55.

ные окраины страны, превышали соответствующие средние общесоюзные показатели в три—четыре раза. Совершенно очевидно, что перед нами проявление в сфере экономики тенденции развития, расцвета наций. Тенденция же к сближению в этой сфере проявилась особенно отчетливо в развитии единого народнохозяйственного комплекса страны, единого хозяйственного организма, сложившегося на основе общих экономических целей и интересов всех наций и народностей.

В условиях зрелого социализма, когда задача выравнивания экономического уровня республик уже в основном решена, открываются особенно широкие возможности для того, чтобы, как отметил Л. И. Брежнев, «подходить к экономическим вопросам прежде всего с точки зрения интересов государства в целом, повышения эффективности всего народного хозяйства СССР — разумеется, с учетом специфических интересов союзных и автономных республик» [28]. На практике это означает прежде всего такое перераспределение сообща произведенного богатства, при котором соблюдаются интересы подъема народного хозяйства Союза ССР и каждой республики. Показательно, например, что в 1979 г. в промышленности уже действовало около 4000 объединений, в состав которых вошло свыше 17 тыс. предприятий; на их долю приходилось 40% реализуемой продукции [29]. Рациональное размещение производительных сил страны, освоение природных богатств в ее восточных районах, создание крупных территориально-производственных комплексов, реализация Продовольственной программы— все это способствует дальнейшему усилению экономического единства нашей страны.

Разумеется, это единство отнюдь не значит полной хозяйственной унификации всех ее регионов. Еще Ф. Энгельс подчеркивал, что «между отдельными странами, областями и даже местностями всегда будет существовать *известное* неравенство в жизненных условиях, которое можно будет свести до минимума, но никогда не удастся устранить полностью» [30].

Уже по одной этой причине успешное экономическое развитие каждой нации в нашей стране невозможно без ее самого активного участия в общесоюзном разделении труда, а соответственно без расширения межреспубликанских экономических связей.

Углубление специализации и кооперирования в качестве одной из характерных черт экономического сотрудничества между народами в условиях социализма весьма отчетливо проявляется в масштабах мировой социалистической системы. Наличие многообразных специфических черт, присущих каждой социалистической

---

[28] *Брежнев Л. И.* Ленинским курсом. Речи и статьи. М., 1975, т. 4, с. 93—94.

[29] См.: *Аракелян А. А.* Основные черты экономического сотрудничества народов СССР. — В кн.: Актуальные проблемы национальных отношений в свете Конституции СССР. М., 1981, с. 118.

[30] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 19, с. 5.

стране, объективно требует увязки частных национальных интересов с общими, интернациональными. Именно благодаря братской взаимопомощи в ряде государств переходный к социализму период занял меньше времени, чем в СССР. Существование мировой системы социализма позволяет приступить к социалистическому строительству даже тем странам, в которых осуществление революционных преобразований начинается в условиях господства докапиталистических производственных отношений. История показала, что строить социализм в содружестве братских стран значительно легче, чем это приходилось делать Советскому Союзу, который был первой и в свое время единственной социалистической страной. Это объективно подтверждает и опыт тех стран мировой социалистической системы, которые в силу тех или иных субъективных причин вступили на путь самоизоляции от социалистического содружества [31].

Наиболее ярким проявлением процесса интернационализации социалистического хозяйства в международном масштабе является осуществление социалистической экономической интеграции в рамках содружества стран, объединенных в Совете Экономической Взаимопомощи. В этом содружестве все возрастающую роль играют устойчивые международные хозяйственные пропорции, все большее число производств начинает развиваться по общему согласованному плану, усиливается роль межгосударственных хозяйственных объединений. В результате развитие международных производственных отношений приобретает все более важное значение как для экономического прогресса отдельных стран СЭВ и выравнивания уровня их экономического развития, так и для ускорения темпов развития всего социалистического содружества. Показательно, например, что в странах СЭВ за 28 лет (с 1950 по 1978 г.) национальный доход возрос более чем в 7,6 раза (в странах Европейского Экономического Сообщества соответственно в 3,1 раза) [32]. Особое значение для усиления экономических связей, входящих в СЭВ стран имеют принятые ими комплексная программа дальнейшего углубления и совершенствования сотрудничества и развития социалистической экономической интеграции, а также долгосрочные целевые программы сотрудничества [33].

В условиях социализма тенденции развития и сближения наций чрезвычайно ярко проявляются в сфере социально-классовых отношений. Здесь на первое место, несомненно, следует поставить

---

[31] См.: *Дудинский И. В.* Действие экономических законов социализма в мировом социалистическом хозяйстве. — Общественные науки, 1977, № 2, с. 31—32.

[32] *Еремина В. М.* Закономерности развития мировой системы социализма как выражение единства национального и интернационального. М., 1981, с. 106.

[33] См.: *Чуканов О. А.* Неотъемлемая черта жизни социалистического содружества. — Коммунист, 1974, № 14; *Ладыгин В.*, *Пекшев Ю.* Закономерность постепенного сближения социалистических стран. — Коммунист, 1977, № 5; *Богомолов О. Т.* Структурная политика и социалистическая интеграция. — Вопросы экономики, 1978, № 9; *Пугачев Б. М.* Сближение стран социализма. Вопросы теории и практики. М., 1981, с. 58—171.

уничтожение характерного для буржуазного общества раскола наций на антагонистические классы в результате ликвидации эксплуататорских классов. Октябрьская революция положила начало этому процессу в нашей стране, революционные преобразования в других социалистических странах продолжили его. Вместе с тем ряд народов нашей страны и некоторых зарубежных стран за короткий в историческом плане срок проделали гигантский социальный скачок из докапиталистических обществ прямо в социализм, минуя одну, а иногда и несколько социально-экономических формаций.

Переходный период от капитализма к социализму был в то же время периодом преобразования капиталистических наций и феодальных народностей в социалистические нации и народности, периодом консолидации многих народов, находившихся в прошлом на донациональной стадии развития, в социалистические нации [34]. В результате в ходе строительства основ социализма все этносоциальные общности страны становятся социалистическими. При этом их социально-экономические параметры приходят в соответствие с той государственно-политической надстройкой, в условиях которой они развиваются с первых лет Советской власти.

Важнейшее значение в данном отношении имело создание однотипной социальной структуры социалистических наций. В частности, огромное значение для сближения социальной структуры народов нашей страны имело создание национального рабочего класса во всех республиках. За годы Советской власти во всех республиках сложилась также своя национальная интеллигенция, притом, если первоначально это была главным образом творческая, административно-управленческая интеллигенция и интеллигенция массовых профессий (врачи, учителя), то в послевоенные годы наблюдается интенсивный рост производственной, научной и прежде всего научно-технической интеллигенции. Если в конце 30-х годов рабочие и служащие преобладали по численности только у русских, то в 1959 г. — уже у пяти наций союзных республик (русских, латышей, армян, эстонцев, казахов), в 1970 г. — у всех, кроме туркмен и молдаван, а в 1979 г. у всех наций союзных республик без исключения [35]. Усиление социальной однородности наций проявилось и в сближении их образовательного уровня. К середине 70-х годов достигнута практически равная среди школьников всех национальностей доля старшеклассников, в то время как еще в 1950 г. наибольшая их доля (у грузин) и наименьшая (у молдаван) различались в шесть раз.

На современном этапе развития нашего общества в основе совершенствования его социальной структуры лежат три взаимо-

---

[34] См., например: От капитализма к социализму. Основные проблемы истории переходного периода в СССР. 1917—1937 гг. М., 1981, т. II, с. 254—256.

[35] См.: Национальные отношения в развитом социалистическом обществе. М., 1977, с. 93; *Арутюнян Ю. В., Дробижева Л. М.* Социальная структура советских наций на современном этапе. — ВИ, 1982, № 7, с. 8.

связанных процесса. Это дальнейшая урбанизация, индустриализация, соответствующая требованиям научно-технической революции, и рост культуры населения [36]. Об интенсивности происходящих в наше время социальных изменений наглядно свидетельствует сравнение поколений отцов и детей, о чем можно судить по данным, полученным в последние годы в ходе межреспубликанского этносоциологического исследования. В частности, в этом отношении весьма показательны материалы, относящиеся к Эстонии. Так, поколение «дедов» (которые имели лишь начальное образование) в большинстве своем — 63% в деревне и 56% в городе — занималось неквалифицированным трудом. В более молодом поколении таким трудом занято в городе лишь 19%, в деревне 30%, а если выделить их работающих детей, то они (третье поколение) практически уже целиком перешли на труд квалифицированный — неквалифицированным трудом среди них в городе занято до 2%, в деревне — до 10% [37].

О нарастании в условиях развитого социализма общности социальных черт советского народа свидетельствует и дальнейшее сближение уровня социального развития союзных республик. Так, в 1959 г. еще менее половины населения союзных республик проживало в городах и имело высшее и среднее (полное и неполное) образование (кроме четырех республик по городскому населению и двух по образованию). В 1970 г. уже в 8 республиках половина и более населения проживала в городах, а в 1979 г. число таких республик увеличилось до 10. В 1970 г. в 14 республиках более половины занятого населения имело высшее и среднее образование, при этом в 12 эта часть населения составляла более 60%. В 1979 г. во всех республиках более 70% занятого населения имели такой уровень образования, а в 9 республиках этот показатель достигал более 80% [38].

В общей форме процесс усиления социальной однородности в условиях развитого социализма получил наглядное выражение в зафиксированном Конституцией СССР 1977 г. факте превращения Советского государства в общенародное [39]. В настоящее время продолжается сближение всех классов и социальных групп советского общества, ведущее к становлению в главном и основном бесклассовой структуры общества в исторических рамках зрелого социализма [40]. Важное значение в этом плане имеет, в частности,

---

[36] См.: *Арутюнян Ю. В., Дробижева Л. М.* Социальная структура советских наций. . ., с. 6—8.

[37] *Арутюнян Ю. В., Дробижева Л. М.* Социальная структура советских наций. . ., с. 11.

[38] См. выступление В. С. Семенова на заседании круглого стола журнала «История СССР» (История СССР, 1980, № 6, с. 75—76).

[39] Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик. Конституции (Основные законы) Союзных Советских Социалистических Республик. М., 1978, с. 17 (ст. I).

[40] Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 53; Постановление ЦК КПСС «О 60-й годовщине образования Союза Советских Социалистических Республик». — Коммунист, 1982, № 5, с. 6.

поставленная XXVI съездом КПСС задача преодоления социальных различий, так сказать, в территориальном плане [41].

С развитием социализма усиливается общность социально-классовой структуры во всех странах социалистического содружества. Разумеется, в каждом конкретном государстве изменение социально-классовых отношений имеет свою специфику, обусловленную экономической структурой, природно-географическими и историческими особенностями развития. В настоящее время в подавляющем большинстве стран социалистического содружества практически все население непосредственно связано с социалистическими формами хозяйства. Так, занятые в социалистическом секторе народного хозяйства вместе с членами их семей (включая пенсионеров) составляют в МНР, НРБ, ВНР, ГДР, КНДР, СРР и ЧССР 96—100% всего населения [42]. Показательно также, что для большинства стран — членов СЭВ ныне характерна примерно одинаковая доля рабочих и служащих — около 80—90% всего населения. Только в Польше и Румынии этот показатель ниже: 70—75% в первом случае, 50—55% во втором [43]. Существующие еще различия в социально-классовой структуре населения социалистических стран обусловлены главным образом тем, что в некоторых из них еще сохраняется довольно значительный частный сектор, особенно в сельском хозяйстве. В Польше, например, в середине 70-х годов крестьяне-единоличники составляли 26,4% занятого населения. В СФРЮ, по данным переписи 1971 г., на долю крестьян-единоличников приходилось 41,4% экономически активного населения [44]. Совершенно очевидно, что ослабление частного сектора ведет к усилению социальной однородности в каждой социалистической стране и социальной однотипности в этих странах в целом [45].

Подобно тому как это было в середине 30-х годов в СССР, победа социалистических производственных отношений и в других странах социализма имела кардинальные последствия для национальных процессов. И в них нации и народности превращаются в социалистические не только по своей политической надстройке, но и по своему социально-экономическому базису. Такого рода трансформация имела место как в полиэтничных, так и в моноэтничных государствах. Особенно очевидна эта трансформация на примере ГДР, поскольку здесь, как уже нами отмечалось выше, на базе того же этникоса (немецкого), что и в ФРГ, сложился самостоятельный этносоциальный организм — немецкая социалистическая нация. «В противоположность ФРГ, — говорил Генераль-

---

[41] Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 54.

[42] См.: *Микульский К. И.* Классовая структура общества в странах социализма. М., 1976, с. 30; Национальное и интернациональное в современном мире. Кишинев, 1981, с. 335.

[43] См.: *Гордон Л. А.* Единство многообразия: социальное развитие рабочего класса в странах социализма. М., 1981, с. 9.

[44] См.: *Микульский К. И.* Классовая структура. . ., с. 87, 89.

[45] См.: Национальное и интернациональное в современном мире, с. 336,

ный секретарь ЦК СЕПГ Э. Хонеккер, — где продолжает существовать буржуазная нация и где национальный вопрос определяется непримиримым классовым противоречием между буржуазией и трудовыми массами. . . у нас в ГДР, в социалистическом немецком государстве, развивается социалистическая нация»[46].

В целом же процессы, происходящие при социализме в социальной сфере, наглядно свидетельствуют о проявлении и в ней тех же двух тенденций, ибо развитие социальной структуры каждой нации одновременно означает рост однородности социальной структуры как в масштабах всей нашей страны, так и всего содружества социалистических стран. И это проявляется не только в сближении образовательного, но и всего культурного уровня их населения. Впрочем, данная сторона, т. е. культура как один из показателей сближения социальной структуры социалистических наций, достаточно хорошо известна. Однако вопрос о диалектике интернационального и национального в сфере культуры не сводится лишь к рассмотрению ее в качестве одного из социальных параметров наций. Следует также иметь в виду и само соотношение в культуре национально-особенного и интернационально-общего, этнически-специфического и межэтнического. Это соотношение также не остается неизменным, что особенно рельефно проявляется в различных видах собственно этнических процессов, в основе которых лежат происходящие в условиях социализма коренные перемены социально-экономического характера.

Наиболее разнообразны и интенсивны такого рода процессы в тех социалистических странах, которые отличаются своей значительной полиэтничностью. Прежде всего это относится к Советскому Союзу, где за 60 лет его существования произошли заметные перемены в этнической структуре. При этом в стране сохраняются очень большие различия в численности отдельных народов, унаследованные от прошлого. Резко выделяются по своей численности русские (137,3 млн. человек) и украинцы (42,3 млн. человек), составившие в 1979 г. свыше 2/3 населения страны; кроме них, в 1979 г. лишь 11 национальностей превышали по численности 2 млн. человек и еще 9 народов — 1 млн. человек (в 1926 г. всего 13 народов насчитывали свыше 1 млн. человек). Подавляющее же большинство народов имеет значительно меньшую численность, в том числе свыше 50 национальностей — менее 100 тыс. человек каждая, а некоторые народы (юкагиры, игапасапы, негидальцы) — даже менее 1 тыс. человек[47].

Происходящие в этнической структуре СССР перемены в значительной мере обусловлены как внутринациональными, так и межнациональными этническими процессами.

---

[46] *Хонеккер Э.* Роль рабочего класса и его партии в социалистическом обществе. М., 1973, с. 75.

[47] См.: *Козлов В. И.* Национальности СССР. Этнодемографический обзор. М.: «Финансы и статистика», 1982, с. 284—287.

К внутринациональным этническим процессам, имеющим консолидационный характер, принято относить, как уже говорилось, процессы слияния нескольких родственных по культуре этнических единиц типа субэтносов (или этнографических групп) в рамках основного этнического подразделения. В ходе этих процессов за годы Советской власти стали более монолитными многие давно сложившиеся нации. Если в первые годы после Октябрьской революции поморы, кержаки, отдельные группы казаков и камчадалы иногда даже не считали себя частями русского народа, так как отличались от основной его части по диалекту, культуре и быту, то теперь их трудно выделить в качестве так называемых этнографических групп русского народа. Постепенно сливаются с остальными эстонцами субэтническая группа сету, с латышами — латгальцы, быстро стираются различия между этнографическими группами белорусского, грузинского, узбекского и других народов.

О том, какую роль в процессах этнической консолидации играют социокультурные факторы, в частности образование, свидетельствует пример западноукраинских земель после их вхождения в УССР. Напомним, что на этих землях (среди таких этнографических групп украинцев, как гуцулы, лемки и бойки) в прошлом школа являлась способом их денационализации. После же воссоединения местное украинское население получило право на свою национальную школу и развитие культуры на украинском языке; при этом консолидационный процесс наглядно выразился в постепенном сужении действия территориальных диалектов и распространении литературного языка в устно-разговорной практике [48].

Вместе с тем уже с первых лет Советской власти социально-экономические преобразования создали в нашей стране благоприятные условия для бурного развития процессов межэтнической консолидации. В прежде отстававших в своем развитии окраинных областях страны такие процессы выражались в объединении этнических общностей, близких по языку и культуре, в крупные народности и нации. Так завершилось, например, образование многих среднеазиатских наций, в частности туркмен, сложившихся из племенных групп иомудов, теке, гекленов и др. В результате консолидационных процессов сформировались многие народы Сибири, в том числе алтайцы, в состав которых вошли алтай-кижи, теленгиты, телеуты и другие малочисленные племена и народности [49]. В итоге значительно уменьшилась этническая мозаичность нашей страны. Это нашло свое отражение, в частности, в различиях числа этнонимов: по данным всесоюзных переписей 1926 и 1959 гг. — в первом случае их фигурирует 185, во втором —

---

[48] См.: *Пачко В. П.* Этнокультурные процессы в Украинской ССР. — В кн.: Расы и народы. М., 1979. 9, с. 122.

[49] См.: Современные этнические процессы в СССР, с. 501—533.

109 [50]. Правда, частично это сокращение, видимо, обусловлено изменением в подходе статистических работников к задачам определения национальной (этнической) принадлежности [51]. Однако многие из указанных изменений, например отсутствие в переписи 1959 г. (как и 1939 г.) таких фиксированных переписью 1926 г. этнонимов, как мишари, кряшены, нагайбаки, непосредственно связаны с результатами этнических процессов (в данном случае консолидацией этих этнических групп в татарской нации) [52]. Вместе с тем следует подчеркнуть, что пора наибольшей активности межнациональных и внутринациональных консолидационных процессов уже миновала. Показательно, что перечень этнонимов, учтенных переписью 1979 г., почти не отличается от соответствующих показателей предыдущей переписи 1970 г. (101).

Однако, на наш взгляд, на данном основании было бы несколько поспешным утверждать, что процессы внутренней этнической консолидации уже полностью завершены. Обычно они уже не столь интенсивны, как прежде, но все же — пусть на своей завершающей стадии — представляют реальность. И, стало быть, нуждаются в изучении.

Следует также иметь в виду, что внутренняя культурная консолидация этнических общностей не ограничивается слиянием этнографических групп. Немалое значение для современной этнической консолидации наций, в частности, имеет усиление их культурной однородности в условиях развитого социализма в результате дальнейшего стирания классовых различий, сближения умственного и физического труда, условий жизни в городе и деревне.

Нельзя не учитывать в данной связи и изменения в компактности расселения отдельных национальностей, обусловленные главным образом миграцией. Среди основных народов союзных республик с 1926 по 1979 г. такая компактность сильнее всего снизилась у русских: в 1926 г. в пределах РСФСР жило 93,4% всего русского населения страны, а в 1979 г. — 82,6%. Это обусловлено значительной миграцией русских за пределы своей республики: на Украину, в Казахстан, Узбекистан и другие республики страны. Несколько снизилась этническая компактность у белорусов и грузин, однако последние среди народов союзных респуб-

[50] См.: *Брик С. И., Козлов В. И.* Этнографическая наука и перепись населения. — СЭ, 1967, № 6, с. 6—8.

[51] *Грдзелидзе Р. К.* Межнациональное общение в развитом социалистическом обществе. Тбилиси, 1980, с. 109—111.

[52] Хотя, таким образом, в ходе этноконсолидационных процессов за годы Советской власти многие этнические общности стали более гомогенными, а часть их слилась с родственными этносами, однако было бы явным нигилизмом полагать, будто «в результате консолидационных процессов в национальной структуре советского общества исчезли все старые этнические общности» (*Пемерян И. П.* Нации и национальные отношения в развитом социалистическом обществе. М., 1979, с. 110). Ведь в таком случае придется признать, что современные армяне, грузины, башкиры, русские, латыши, украинцы и т. д. в этническом отношении не являются преемниками одноименных этнических общностей, существовавших в дореволюционное время.

лик в 1979 г. все еще имели наибольшую компактность: за пределами Грузии жило около 4% всех грузин страны (в 1926 г. — 1,9%). У украинцев, молдаван, латышей, азербайджанцев компактность расселения с 1926 г. постепенно возрастала до 1970 г., после чего она несколько уменьшилась. У армян, литовцев, эстонцев такая компактность возрастала непрерывно; однако армяне еще до сих пор отличаются наименьшей компактностью расселения среди народов союзных республик. Среди народов, имеющих свои автономные республики, территориальная компактность по сравнению с 1926 г. снизилась сильнее всего у башкир и татар (на 14—15%), что свидетельствует о переселении части их за пределы республик в другие районы страны [53].

Определенные изменения в этнической структуре страны связаны также с ассимиляционными процессами, завершающимися в конечном счете сменой этнической принадлежности и представляющими собой как бы растворение отдельных групп или отдельных представителей одного народа в среде другого, обычно более многочисленного. При этом, как уже говорилось, необходимо различать насильственную и естественную ассимиляцию. Негативный характер первой общепризнан; причем наличие или отсутствие насильственной ассимиляции целиком зависит от субъективных факторов (идеологии, политики и т. п.).

О естественном характере ассимиляционных этнических процессов в СССР наглядно свидетельствует тот факт, что в качестве их главного канала выступают межэтнические браки, дети от которых обычно выбирают этническую принадлежность одного из родителей, прерывая тем самым этническую линию другого. Происшедшее за годы Советской власти развитие дружественных межэтнических отношений и падение религиозных барьеров наряду с усилением территориального смешения этносов, особенно в быстро растущих городах, привели к значительному увеличению таких браков. Если в 1925 г. в целом по стране этнически смешанным был лишь каждый сороковой брак, то в конце 50-х годов таковым являлся уже каждый десятый, а в ряде городов даже каждый четвертый (особенно часты этнически смешанные браки в городах Молдавии, Украины, Белоруссии и т. д.). Увеличение удельного веса семей с супругами разной этнической принадлежности продолжается. Если в 1959 г. такие семьи по всей стране составляли 10,2% от общего числа семей, то в 1970 г. их число возросло уже почти до 13,5%. Примерно такую же цифру дает перепись 1979 г. Самая высокая доля национально смешанных браков в Латвийской, Киргизской и Украинской республиках: 18—20% в 1970 г. (в 1959 г. — 14—15%). Меньше их доля в более однородной по своему национальному составу Армении — 3,7% в 1970 г. (3,2% в 1959 г.) [54]. Межнациональные

---

[53] См.: *Козлов В. И.* Нацпональности СССР. . ., с. 139—140.
[54] См.: *Дробижева Л. М.* Духовная общность народов СССР. Историко-социологический очерк межнациональных отношений. М., 1981, с. 220.

браки особенно часто заключаются в трех зонах этноконтактов. Первая зона — это периферия расселения народа, зона этнических границ. Ко второй зоне относятся крупные города, новостройки, целинные земли. Третья зона охватывает районы инонациональных вкраплений, прерывающих компактность расселения определенного этноса [55].

От этнических последствий такого рода национально смешанных браков во многом зависит направленность ассимиляционных процессов. При этом имеются существенные региональные различия в определении своей этнической принадлежности подростками, выросшими в смешанных семьях. Так, в Прибалтике, в семьях, состоящих из супругов, один из которых принадлежит к коренному этносу (эстонскому, латышскому, литовскому), а другой — является русским, примерно половина подростков определяет себя русскими, половина относит себя к местному этносу. В то же самое время в Чувашии почти 98% подростков из чувашско-русских семей именуют себя русскими. Иную ситуацию мы имеем в Туркмении. Здесь в туркмено-русских семьях большинство подростков определяет себя туркменами. В последнем случае это в определенной мере связано с тем, что у туркмен этническая принадлежность традиционно определяется по отцу; между тем почти во всех смешанных семьях в рассматриваемом случае отец — туркмен. К тому же социализация подростков происходит в среде, где в целом преобладают туркмены. Вообще, очевидно, этническая структура среды, в которой происходит социализация подростка, имеет определяющее значение для его этнического самоопределения.

Необходимо подчеркнуть, однако, что в СССР (как, впрочем, в большинстве других стран) ассимиляция оказывает сравнительно заметное влияние лишь на численность территориально рассредоточенных народов (евреев, мордву, карел и др.), а также этнических групп, находящихся на территории, в основном занимаемой другим этносом.

Гораздо большее влияние на соотношение численности народов, чем консолидация и ассимиляция, оказывают этнодемографические процессы, прежде всего расхождения в темпах естественного прироста различных народов страны. Так, за период 1959—1979 гг. численность восточнославянских народов — русских, украинцев, белорусов — выросла на 18,8%, т. е. увеличивалась темпами более низкими, чем в среднем по СССР (25,5%). Одновременно численность тюркских народов выросла почти на 72% [56].

Следует вместе с тем особо отметить, что магистральная линия собственно этнических изменений у народов нашей страны связана не с ассимиляцией и не с этнодемографическими процессами, а с их межэтнической интеграцией (в узком значении данного

---

[55] См.: Современные этнические процессы в СССР, с. 468.
[56] См.: *Козлов В. И.* Национальности в СССР. . ., с. 293.

слова), проявляющейся прежде всего в сближении их культур, в создании единого по содержанию, хотя и многообразного по форме, «культурного слоя», единых черт в образе жизни. Базу этого рода процессов составляет социально-экономическая и идейно-политическая общность наций и народностей в рамках единого социалистического государства.

Важнейшим фактором интеграции духовной жизни национальностей нашей страны является единая марксистско-ленинская идеология, интернациональное сплочение трудящихся вокруг КПСС. Понимание глубокой общности интересов трудящихся всех национальностей, необходимости объединения их сил в борьбе за построение нового общества способствовали утверждению у народов Советского Союза идей интернационализма.

Интернациональное единство советского народа с особой силой проявилось в общем патриотическом подъеме в годы Великой Отечественной войны. Советский многонациональный народ, единодушно поднявшийся на защиту своего отечества и нового общественного строя, в героических подвигах на фронтах и в самоотверженном труде в тылу выразил преданность своей социалистической Родине [57].

Практика межнационального сотрудничества, широкий обмен кадрами создают социально-нравственную атмосферу, способствующую быстрому и глубокому усвоению идей интернационализма.

Существенное значение для межэтнического сближения имеют крупные перемещения населения, ведущие к постепенному возрастанию полиэтничности во многих регионах страны. Так, если в 1959 г. число людей, которые по своей национальности принадлежат к народам, создавшим свои союзные и автономные республики, а проживают за их пределами, составляло около 36,5 млн. человек, т. е. 17,5% населения страны, то в 1979 г. их было уже около 49 млн. человек, т. е. 18,7% всех жителей СССР [58]. За эти два десятилетия, например (по подсчетам М. И. Куличенко), число национальностей, проживающих в Узбекской ССР, выросло с 112 до 123, в Грузинской ССР — с 70 до 100, в Молдавской ССР — с 62 до 113, в Киргизской ССР — с 80 до 100, в Татарской АССР — с 70 до 109 [59]. Особенно сложным по своему национальному составу является население большинства городов. Крупные города превратились в центры интенсивных межэтнических контактов [60].

Этнические перемещения идут очень активно в пределах историко-культурных областей, между территориально близкими, из-

---

[57] *Гурвич И. С.* К вопросу о влиянии Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. на ход этнических процессов в СССР. — СЭ, 1976, № 1.

[58] Подсчитано по материалам Всесоюзных переписей населения 1959 и 1979 гг. (См.: Вестник статистики, 1980, № 7—11).

[59] См.: *Куличенко М. И.* Расцвет и сближение наций в СССР, с. 342.

[60] См.: *Покшишевский В. В.* Этнические процессы в городах СССР и некоторые проблемы их изучения. — СЭ, 1969, № 5.

давна связанными общностью культурных традиций народами. Однако процесс этнического рассредоточения, т. е. расселения за пределами своих исконных ареалов большинства крупных народов, не ограничивается рамками этих культурно-исторических областей, а охватывает в той или иной мере и другие области Советского Союза.

Межэтническая интеграция в узком значении слова теснейшим образом сопряжена с процессом возникновения и развития новой исторической общности — советского народа [61], представляющего собой первое в истории человечества межэтническое (межнациональное) образование, сложившееся на базе социализма [62].

Лежащее в основе формирования этой интернациональной общности сближение нации в экономической, социальной и политико-идеологической областях сопровождалось ростом их общности в культурной сфере, составлявшим основное содержание процессов собственно межэтнической интеграции. При этом тенденция сближения диалектически сочетается с тенденцией развития национальных культур. Правда, в разных компонентах культуры данные тенденции проявляются далеко не одинаково.

Для материальной культуры, как известно, особенно характерны интеграционные процессы. Наиболее яркой чертой такого рода изменений является отход от архаических, примитивных элементов материальной культуры, широко бытовавших до Октябрьской революции. Устаревшие предметы традиционной материальной культуры заменяются современными промышленными изделиями. В ходе урбанизации все более широкое распространение получают общесоветские «городские» виды материальной культуры, отражающие возросшие требования советских людей.

Что касается этнической специфики, то она явно дольше удерживается в интерьере жилища, чем в самом жилище, в украшениях одежды, чем в самой одежде, и очень устойчива в пище [63], т. е. эта специфика сказывается в большей мере не в утилитарных свойствах вещей, а в связи с их чувственным восприятием. Притом чрезвычайно важна как прямая, так и обратная связь опредмеченной культуры и этнического самосознания. Последнее подчас придает этническую значимость предметам материальной культуры, которые ее прежде, если и имели, то в очень ограниченных размерах (т. е. сколько-нибудь четко их этническое своеобразие не осознавалось). Таковы, например, многие изделия народных промыслов.

---

[61] См.: Советский народ — новая историческая общность. М., 1978.

[62] Подробнее см. ниже.

[63] Как свидетельствуют материалы недавних этносоциологических опросов, в Узбекистане, например, 87% узбеков, в Грузии 65% грузин, в Молдавии около 40% молдаван предпочитают национальные блюда. (См.: *Арутюнян Ю. В.* Этносоциологическое исследование наций. — В кн.: Актуальные проблемы национальных отношений в свете Конституции СССР. М. 1981, с. 206).

Вместе с тем следует учитывать, что, как известно, отдельные традиционные элементы культуры, выработанные тем или иным народом или несколькими народами какой-либо географической области, получают широкое распространение по всему Советскому Союзу (таковы среднеазиатские ковры, украинские мужские рубашки, прибалтийские украшения из металла и янтаря, отдельные блюда кавказской, украинской, русской кухни и т. п.) [64].

Хорошо известно, что этническая специфика с давних пор особенно наглядно проявляется в такой сфере духовной культуры, как народное искусство.

В этой сфере в наше время исчезновение, вытеснение некоторых элементов (главным образом связанных с религией) сочетается с возрождением ряда традиций, прежде угасавших или распространенных лишь среди той или иной этнической группы. Огромную роль в данном отношении играет творческая переработка традиционных компонентов народной культуры и возникновение ее «вторичных» форм [65].

И в современных условиях, когда возрастает интерес к более интернациональным по форме эстрадной и симфонической музыке, все же довольно часто в часы отдыха, на праздниках люди обращаются к народным песням. В ходе недавних этносоциологических опросов среди узбеков, например, не только свыше 90% сельских жителей, но и более 70% горожан (80% среди лиц в возрасте 60 лет и старше, 71% в группе 30—39 лет и 52% среди тех, кому по 20—24 года) ответили, что предпочитают национальную музыку. Среди молдаван предпочтение национальным танцам и музыке отдало более 60% не только из числа рабочих и служащих, но и среди интеллигенции; у эстонцев — около 10% в городах и около 20% в селах — среди молодежи и людей среднего возраста и свыше 30% в городах и 70% в селах — среди лиц старших возрастов [66]. Но исполнение народных песен, естественно, еще шире, чем предпочтение. Ведь можно больше любить симфоническую музыку, но в кругу семьи и друзей чаще петь народные песни. Даже среди тех, кто прежде предпочитал эстраду, в конце 70-х годов возрос интерес к фольклорной музыке.

Весьма показательно в рассматриваемой связи также развитие в советское время художественных промыслов. Изделия этих промыслов, как правило, сохраняют этническую специфику, связанную с передачей традиций художественного мастерства, сложившегося в рамках соответствующего этноса. Подчас такие изделия (например, русские матрешки) превращаются даже в своеобразные этнические символы, правда, не столько внутри своей

---

[64] Подробнее см.: Современные этнические процессы в СССР, с. 159—258.

[65] См.: *Чистов К. В.* Традиционные и «вторичные» формы культуры. — В кн.: Расы и народы. М., 1975, 5, с. 32—41.

[66] См.: *Арутюнян Ю. В.* О некоторых тенденциях культурного сближения народов СССР на этапе развитого социализма. — История СССР, 1978, № 4, с. 101.

этнической общности, сколько в глазах представителей других этносов [67]. Вместе с тем, проникая в повседневный быт других народов, они способствуют его гомогенизации. В результате в современной семье любой национальности (особенно в городах) смотрят не только теле- или радиопередачи из других республик или читают книги, переведенные с другого языка, но и своеобразно сочетаются детали интерьера: украинская или прибалтийская керамика, грузинская чеканка, узбекские или туркменские ковры, русская вышивка и т. д.; они могут использоваться утилитарно или только декоративно [68].

Национальное своеобразие художественной культуры народов СССР не сводится, однако, к наследию прошлого и народному искусству, а в значительной мере является результатом нового, профессионального творчества. Превращение за годы Советской власти художественной литературы и искусства в достояние широких масс привело к небывалому возрастанию объема художественных культур отдельных этносов. В результате у всех народов СССР произошло как увеличение общего фонда художественных произведений, так и рост масштабов потребления произведений искусства, расширение диапазона духовных запросов трудящихся. При этом следует подчеркнуть, что распространение профессиональной художественной культуры среди народов нашей страны могло быть достигнуто только благодаря преимущественному ее развитию в национальных формах. Необходимо учитывать и то, что деятели профессиональной культуры каждой этнической общности в той или иной мере формируют новые черты самобытного облика этой культуры, способствуют возникновению в ней новых специфических традиций. Несмотря на активный межнациональный обмен, многие из компонентов культуры, приобретающих интернациональный характер, не теряют, однако, своей способности сохранять национальную форму или воплощаться в более или менее выразительных национальных вариантах. В то же время именно в профессиональных формах культуры межнациональное взаимопроникновение происходит в целом наиболее активно и имеет большое значение для дальнейшего развития художественной культуры народов СССР. Это особенно важно иметь в виду, так как в общем культурном фонде советских людей основное место занимают профессиональные формы.

Процессы интеграции отчетливо прослеживаются и в такой своеобразной сфере быта, как использование свободного времени. Этносоциологические исследования последних лет свидетельствуют, в частности, что примерно одинаковый круг людей среди эстонцев и русских, грузин, молдаван и узбеков используют свободное время на чтение газет (от 70 до 90% по разным социальным груп-

---

[67] См.: *Королева Н.* Развитие национальных традиций в современных художественных промыслах СССР. — СЭ, 1972, № 5, с. 39—50.

[68] См.: *Бромлей Ю. В., Козлов В. И.* К изучению современных этнических процессов в сфере духовной культуры народов СССР. — СЭ, 1975, № 1, с. 14—15.

нам)[69], практически в равной мере приобщаются люди разных национальностей к радио- и телеинформации. Примерно 70—80% людей в среде вышеперечисленных наций, у которых проводились опросы, более или менее регулярно проводят время у телевизоров. Больше различий наблюдается в использовании досуга на чтение книг, посещение театра, но связаны эти различия преимущественно с возрастом и социально-профессиональной деятельностью людей, нежели с их национальностью. К примеру, если взять полярные возрастные группы, то в возрасте 60 лет и старше более или менее регулярно читают художественную литературу среди эстонцев, грузин, русских (в своих республиках) около 30%, а среди молдаван и узбеков — 7—9%. В возрасте же 18—19 лет доля относительно регулярно читающих литературу составляла у этих наций не менее 50—70%. В старшей возрастной группе бывали в театре не менее чем 1—2 раза в год — 58% эстонцев и 44% грузин, а среди русских, молдаван — 15—16%, в молодежной же возрастной группе у эстонцев, грузин — 98—99% и у русских, молдаван — 73%[70]. Но общность культуры наблюдается, конечно, не только в сходстве использования свободного времени, но и в духовных интересах. Специальные исследования показывают, что и в этом отношении национальные различия отнюдь не играют первостепенной роли, а больше зависят от социально-профессиональной деятельности и возраста[71].

Интеграционные тенденции отчетливо проявляются и в такой своеобразной сфере духовной культуры, как обряды. В наши дни обрядность бытует в двух вариантах: традиционном и новом. Новые обряды нередко включают некоторые элементы традиционной обрядности, а традиционные — сами претерпевают существенные изменения. Так, в свадебных обрядах, в обрядности детского и похоронно-поминального циклов появились новые черты как за счет новых общественных элементов культуры, так и за счет интегрированных элементов культуры других народов Советского Союза. При этом в процессе модификации традиционной обрядности наблюдается тенденция к созданию обряда, сокращенного в числе своих основных звеньев до разумного минимума[72].

Связь с этнической традицией в этих обрядах выражается в национальных песнях, музыке (которые исполняются наряду с общесоветскими), в танцах, национальных видах спорта, в национальных блюдах, а также в сохранении некоторых элементов старин-

---

[69] *Арутюнян Ю. В., Дробижева Л. М.* Советский образ жизни: общее и национально-особенное. — СЭ, 1976, № 3.

[70] *Арутюнян Ю. В.* О некоторых тенденциях культурного сближения народов СССР. . ., с. 101.

[71] См., например: *Кахк Ю.* Черты сходства. Таллин: Изд-во Ээсти Раамат, 1974, с. 70—78; *Арутюнян Ю. В., Дробижева Л. М.* Общее и особенное в социально-культурном облике советских наций. — В кн.: Сближение социально-классовой структуры советских наций и народностей. М., 1977, с. 28.

[72] См.: Традиционные и новые обряды в быту народов СССР. М., 1981, с. 42—43.

ных обрядовых действий, совершенно утерявших свой прежний смысл и воспринимающихся как добрые пожелания или как игровой символический элемент [73].

Весьма устойчивыми, хотя, к сожалению, еще недостаточно изученными, являются этнические традиции в сфере различных обычаев повседневного поведения людей; за этими обычаями, как правило, стоят характерные для данного народа исторически сложившиеся нормы общения.

Большая роль в сближении народов нашей страны принадлежит двуязычью, связанному с выполнением русским языком функций языка межнационального общения. В результате проведения переписи населения 1979 г. выявилось, что общее число свободно владеющих русским языком или считающих его своим родным в СССР составляет 214,8 млн. человек (в 1970 г. — 183 млн. человек), или 81,9% всего населения (в 1970 г. — 76,0%). При этом родным он является для 137,2 млн. русских (в 1970 г. — для 128,8 млн.) и для 16,3 млн. лиц других национальностей (в 1970 г. 13 млн.), вторым языком — для 61,3 млн. человек (в 1970 г. — 41,9 млн.). Наряду с русским в стране довольно широко распространены в качестве вторых и другие языки народов СССР. О свободном владении этими языками в 1979 г. сообщило 12,3 млн. человек — 4,7% населения страны (в 1970 г. — 6,2 млн.) [74]; наиболее распространенными среди них являются украинский, белорусский, узбекский, татарский, молдавский, азербайджанский, таджикский, грузинский и другие языки [75]. Следует отметить вместе с тем, что широкое использование языков межнационального общения сочетается в нашей стране с устойчивым сохранением представления о родном языке как языке своей национальности. За годы Советской власти соответствующий показатель почти не изменился: в 1926 г. он был равен — 94,2% населения страны, в 1959 г. — 94,3, в 1970 г. — 93,9, в 1979 г. — 93,1% [76].

Русский язык является важным средством обмена достижениями духовной культуры между всеми народами страны, а также помогает им приобщиться к лучшим ценностям мировой цивилизации. Весьма велика роль русского языка и в непосредственном

---

[73] *Лобачев Н. П.* О формировании новой обрядности у народов СССР (Опыт этнографического обобщения). — СЭ, 1973, № 4, с. 14—24.

[74] Современные этнические процессы в СССР, с. 311—312; Население СССР: По данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. М.: Политиздат, 1980, с. 26—27.

[75] Как показали специальные обследования, двуязычие обычно находится в обратной пропорциональной связи с возрастом. Например, в Грузинской ССР русским языком свободно владеет 20% грузин в возрасте 18—29 лет, а старше 50 лет только 15%. Среди русских в возрасте 18—29 лет грузинским языком вполне свободно владеет 12% опрошенных, а старше 50 лет — только 5% (*Грдзелидзе Р. К.* Межнациональное общение в развитом социалистическом обществе, с. 161).

[76] См.: *Губогло М. Н.* Развитие языковой жизни советского общества в свете Конституции СССР. — В кн.: Актуальные проблемы национальных отношений в свете Конституции СССР. М., 1981, с. 128—129.

общении представителей различных национальностей на производстве, во всех сферах общественно-политической и культурно-бытовой деятельности. Эти функции русского языка приобретают все большее значение по мере роста многонациональности республик и трудовых коллективов, расширения обмена культурной информацией, обогащения общесоветского культурного фонда.

Отмечая широкое распространение в нашей стране языка межнационального общения, представляется существенным обратить внимание на то, что в результате этого в культуре ее народов сложился значительный слой, функционирующий на русском языке. Разумеется, данный слой далеко не охватывает всей, так сказать, языковой сферы общесоветской культуры, поскольку ее обслуживает не только русский язык. В значительной своей части она функционирует на других языках народов СССР, и многоязычность — важная ее характерная черта. Следует иметь в виду также, что определенная часть общесоветской культуры вообще не имеет языковой формы. Иначе говоря, тот слой общесоветской культуры, что функционирует на русском языке, значительно у́же ее в целом. Но вместе с тем было бы неверно полностью отождествлять его с русской культурой. Он значительно шире ее, ибо как бы вобрал в себя культурные достижения всех народов нашей страны. Именно поэтому совершенно несостоятельны попытки западных «советологов» представить как «русификацию» тот факт, что в процессах культурной интеграции в СССР огромная роль принадлежит русскому языку. Ведь хотя функционирующей на русском языке части общесоветской культуры принадлежит весьма существенная роль, однако эта часть отнюдь не тождественна русской культуре, и данное обстоятельство, на наш взгляд, заслуживает особого внимания исследователей современной культуры нашей страны. К сожалению, пока в этом направлении сделаны лишь первые шаги [77].

Весьма своеобразна в современных этнических процессах роль такого компонента культуры в широком смысле слова, как наука. Следует сразу же отметить, что эта роль далеко не одинакова для разных ее областей. Естественные и технические науки, как правило, не выдвигают перед собой осознанной задачи воздействовать на этническое самосознание, и потому сами по себе либо остаются в стороне от этнических процессов, либо оказывают в целом этнонивелирующее влияние. Превращение науки в непосредственную производительную силу в огромной степени усиливает ее роль как фактора интернационализации общественной жизни. И все же нельзя не учитывать определенного влияния на национальное (этническое) самосознание деятельности ученых-естествоиспытателей. Это особенно отчетливо проступает в тех случаях, когда они совершают выдающиеся открытия; слава их в той или иной степени

---

[77] См.: *Чистов К. В.* Этническая общность, этническое сознание и некоторые проблемы духовной культуры. — СЭ, 1972, № 3, с. 81; Современные этнические процессы в СССР, с. 274—383.

распространяется на соответствующий этнос, повышая национальную гордость: поляки, например, гордятся тем, что дали миру Н. Коперника, англичане — И. Ньютона, русские — М. В. Ломоносова, Д. И. Менделеева и т. д. Вместе с тем следует иметь в виду и то, что «внедрение» научных достижений в хозяйственную практику той или иной страны непосредственно воздействует на ее социально-экономическое развитие, и в этом смысле такого рода достижения являются одной из составляющих национальных процессов в широком значении этого термина.

Усилению интернационализирующего влияния науки в СССР способствовала происшедшая за годы Советской власти общая ее демократизация. Если в условиях буржуазного общества достижения науки и техники объективно служили интересам правящих классов, то при социализме они стали служить интересам трудящихся масс. Бурное развитие советской науки, ускорившееся в эпоху научно-технической революции, обеспечивалось притоком в нее исследовательских кадров из самых разнообразных слоев советского общества, из различных в этническом отношении групп населения. Все это наряду с общим подъемом уровня образования укрепляло связи науки с широкими массами, усиливало ее роль в формировании общественного сознания. В прежде отсталых в культурном отношении национальных районах царской России выросли крупные научные центры. Наряду с Академией наук СССР — ведущим научным учреждением страны — во всех союзных республиках были созданы академии наук, а в автономных республиках либо филиалы АН СССР, либо специальные институты. Превращение науки в непосредственную производительную силу, являющееся одним из выражений современной научно-технической революции, в огромной степени усиливает роль производства как фактора интернационализации общественной жизни, включая процессы увеличившейся миграции населения, его этнического «перемешивания», создания многонациональных коллективов и пр., ибо научно-техническая революция ведет к повышению уровня общественного производства, стягивает все более крепкими узами различные экономические районы и отрасли хозяйства [78].

Следует отметить, однако, несколько особую роль в интересующем нас отношении общественных, или гуманитарных наук. Имея объектом изучения общество, различные общественные явления и процессы, многие из которых выступают перед исследователем в своей национальной (этнической) форме, эти науки не могут не уделять внимания изучению национальных (этнических) явлений. В самом облике общественных наук больше национального, чем у технических или естественных. Отчасти это объясняется тем, что общественные науки сильнее связаны со сферой эмоционального; вслед за литературой они могут отразить этнические особенности восприятия окружающего мира, особенности чувств

---

[78] *Келле В. Ж.* Пролетарский интернационализм и факторы интернационализации общественной жизни, с. 33.

и впечатлений, входящие в сферу этнической психологии; уместно напомнить в этой связи высказывание К. Маркса и Ф. Энгельса о том, что «французы наделили английский материализм остроумием, плотью и кровью, красноречием» [79].

Особо подчеркнем в рассматриваемой связи роль таких наук, как история, этнография, археология, лингвистика, фольклористика, которые в той или иной степени связаны со сферой национального самим содержанием предметов их исследования [80]. Накопление исторических знаний о каждом из народов Советского Союза, изучение их исторических традиций, выяснение коренных вопросов языкового развития, выявление достижений национальной культуры, осмысление этнической специфики в сфере фольклора, народного искусства, обычаев и обрядов, а также пропаганда этих знаний через школу, литературу, прессу, радио, телевидение — все это оказывало и продолжает оказывать непосредственное воздействие на этническое самосознание, способствуя его развитию путем показа этнической самобытности, обусловленной особенностями исторического развития того или иного народа, спецификой его культуры и быта. Это сыграло немаловажную роль в процессе консолидации народов страны, в повышении степени их внутренней сплоченности и т. п. Воздействие общественных наук в данном направлении дополняется историческими и краеведческими музеями, которые обычно имеют специальные экспозиции, показывающие этническую самобытность населения тех или иных областей страны.

Большое влияние историко-филологических наук на этническое самосознание выдвигает вместе с тем задачу неуклонной борьбы против идеализации исторического прошлого отдельных народов, одностороннего подхода к их традициям. Подобные искусственные преувеличения национального, особенного неизбежно чреваты неправомерным противопоставлением одних народов другим, что неизбежно способствует рецидивам национализма.

В социалистическом обществе именно общественные науки призваны вскрывать реальность и прогрессивность процессов развития и сближения наций, отстаивать идеи интернационализма в противовес скрытым и открытым идеям национализма и национальной исключительности. Так, историческая наука раскрывает древние традиции плодотворных связей между народами нашей страны, их общее участие в защите ее от захватчиков, в совместной революционной борьбе против царского самодержавия, за построение социализма и коммунизма. Археологическая и этнографическая науки, свидетельствуя о равной способности всех народов к культурному прогрессу, учат уважать специфические черты их культуры [81]. Особое значение в рассматриваемом отношении имеют

---

[79] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 2, с. 144.
[80] *Бромлей Ю. В.* Этнос и этнография. М., 1973, с. 204 и сл.
[81] *Бромлей Ю. В., Козлов В. И.* К изучению современных этнических процессов. . ., с. 6—8.

мировоззренческие науки, в первую очередь — марксистско-ленинская философия.

Опираясь на марксистско-ленинское наследие, советские обществоведы уделяют много внимания обобщению практики национального строительства в нашей стране, раскрытию руководящей роли КПСС в управлении национальными процессами. Содействуя решению управленческих задач в данной сфере, ученые-обществоведы своими трудами, посвященными анализу различных аспектов современных национальных отношений в СССР (экономических, социальных, правовых и т. д.), активно участвуют в интернациональном воспитании трудящихся. В условиях развитого социализма партия выдвигает перед всеми отраслями общественных наук задачу дальнейшего углубленного исследования различных аспектов национальных процессов в нашей стране, их тенденций и перспектив, их особенностей и темпов, факторов их оптимизации и факторов, тормозящих развитие и сближение социалистических наций и народностей.

Как известно, становление и распространение материалистического марксистско-ленинского мировоззрения в стране шло в борьбе против религиозной идеологии, которая в прошлом оказывала значительное влияние на этнические процессы. В отсталой царской России религия играла очень большую роль. При почти полной неграмотности народных масс именно религия через соответствующие учреждения, прежде всего — церковь, религиозные общества и школы, была основным средством, инструментом для идеологического (в частности, нравственного) воспитания народных масс.

Фиксация или легализация церковью основных вех личной жизни человека от рождения до смерти (крещение, венчание, похороны и т. д.), а также все наиболее значительные праздничные обряды, регламентация пищи и т. п. способствовали тому, что религия глубоко проникала в быт населения, во многих случаях закрепляя и усиливая культурно-бытовые различия народов.

Существенным было воздействие религии и на межэтнические отношения. Она затрудняла контакты между разными по своей конфессиональной принадлежности народами. При этом подобного рода трудности возникали при различиях не только по основным вероисповеданиям (например, христианству и мусульманству), но и по их «внутренним» вариантам (например, православию, лютеранству и католицизму внутри христианства). В тех же случаях, когда конфессиональные особенности делили отдельные народы на части (например, внутри русских — православные и старообрядцы; внутри татар — мусульмане и православные — кряшены), это создавало немалые препятствия для процессов внутриэтнической консолидации. Вместе с тем некоторое сближение одноконфессиональных народов, например в обрядово-бытовом отношении, было довольно поверхностным, не затрагивающим этнического самосознания, а также традиционных норм межэтнических отношений.

К. Маркс указывал, что «*религия будет исчезать* в той мере, в какой будет развиваться социализм» [82]. История Советского Союза полностью подтвердила правильность этого утверждения. В условиях великих социальных преобразований в нашей стране, коренным образом изменивших все стороны жизни людей, произошел поворот и в сознании широких масс от религии к атеизму, от антинаучного идеалистического к марксистско-ленинскому мировоззрению. Уже первыми декретами Советской власти церковь была отделена от государства и школа от церкви. Был освобожден от религиозного санкционирования институт брака и другие акты гражданского состояния. Началась широкая секуляризация — процесс освобождения общественного и индивидуального сознания от влияния религиозных идей и взглядов.

Экономические, социальные, политические преобразования, рост культуры и образования, развитие науки, коммунистическое, в том числе атеистическое, воспитание привели к повсеместному отходу от религии. Резко сократилась роль религии в жизни малых социальных групп (например, в семье) и на личностном уровне. Однако полный атеизм в нашей стране еще не достигнут. По имеющимся оценкам, основанным на социологических опросах населения в различных областях страны, верующие, а также колеблющиеся между религией и атеизмом составляют еще некоторую часть взрослого населения страны [83]. Это — преимущественно люди старших поколений. Среди городского населения процент верующих значительно ниже, чем в сельских местностях. Мусульманство как религия, глубоко вошедшая в быт жителей, прежде сильно отстававших в своем культурном развитии южных и восточных окраин царской России, в целом до сих пор сохраняется сильнее, чем христианство.

Известно, что по сравнению со сферой мировоззрения, изменения в области быта протекают более медленно. Во многих случаях прежние, по происхождению связанные с религией, обряды и нормы поведения продолжают бытовать у людей, которые считают себя атеистами. Это, как уже говорилось, особенно относится к обрядам, знаменующим важные события индивидуальной и семейной жизни людей (рождение, вступление в брак, похороны и т. п.). При этом отдельным обрядам подчас придается значение этнической традиции [84]. В подобных случаях религиозные установки могут играть этнодифференцирующую роль и в этом своем качестве тормозить развитие этнокультурных контактов, препятствуя общему процессу сближения наций.

---

[82] *Маркс К., Энгельс Ф.* Об атеизме, религии и церкви. М., 1971, с. 470.

[83] См.: *Морозов М. А., Лисавцев Э. И.* Актуальные задачи атеистического воспитания. М., 1970, с. 8. По последним выборочным данным число активно верующих составляет 9—10% взрослого населения страны (Равны перед законом. Ответы на вопросы специального корреспондента «Литературной газеты» Председателя Совета по делам религий при Совете Министров СССР В. А. Куроедова. — Литературная газета, 1982, 7 июля, с. 11).

[84] *Яблоков И. Н.* Кризис религии в социалистическом обществе. М., 1974, с. 39—41.

Однако в целом произошедшие за годы Советской власти кардинальные изменения в общественном сознании народов нашей страны в результате резкого ослабления религиозности и повсеместного утверждения атеистического мировоззрения имели огромное значение для хода этнических процессов. Как уже отмечалось, это отчетливо проявилось в процессах внутриэтнической консолидации. Но особенно благотворно ликвидация прежней конфессиональной отчужденности сказалась на процессе межэтнического сближения и взаимообогащения духовной культуры народов СССР.

Чрезвычайно велико значение для национальных процессов в нашей стране, в том числе для их этнических аспектов, такого важнейшего компонента общественного сознания советских людей, как идеология пролетарского интернационализма. Идеология буржуазного национализма во многом разоблачила себя как выражение классовых интересов эксплуататоров еще до Октябрьской революции. Однако смена господствующей идеологии национальных отношений, как и смена идеологии вообще, не происходит самотеком, автоматически. Она достигается в напряженной идеологической борьбе, в том числе с различными видами национализма, в результате огромной работы по воспитанию трудящихся, осуществляемой Коммунистической партией [85]. «Партия, — как отмечал Л. И. Брежнев, — добилась того, что интернационализм превратился из идеала горстки коммунистов в глубокие убеждения и норму поведения миллионов и миллионов советских людей всех наций и народностей. Это подлинно революционный переворот в общественном сознании, значение которого трудно переоценить» [86].

Идеология, как известно, теснейшим образом взаимосвязана с общественной психологией. В советском обществе идеология и политика пролетарского интернационализма обеспечили формирование качественно нового, интернационалистского мировоззрения и поведения людей. Чувства недоверия к другим народам, насаждаемые в антагонистическом обществе правящими классами и сохраняемые традицией, даже когда объективные причины для этого отсутствуют, постепенно уступили место чувствам доверия и братства между советскими народами. Ранее свойственные главным образом рабочему классу интернационалистские взгляды и нормы в результате победы социализма, создания идейно-политического единства советского общества распространились на весь советский народ, стали общесоветскими, т. е. присущими всем классам и социальным слоям всех наций и народностей СССР.

Следует учитывать, однако, что психология более консервативна, чем идеология; прежние психологические установки продолжают существовать в виде пережитков и тогда, когда вызвавшие их фак-

---

[85] *Зиманас Г.* Политика партии и интернационалистское сознание советского народа. — Коммунист, 1974, № 5, с. 46—47.
[86] *Брежнев Л. И.* Ленинским курсом. М., 1975, т. 4, с. 32.

торы уже сошли со сцены. «Националистические предрассудки, преувеличенное или извращенное проявление национальных чувств — явление чрезвычайно живучее, цепко держащееся в психологии людей, недостаточно зрелых в политическом отношении» [87].

В связи с этим область национальной психологии в период становления и развития социалистических наций является ареной идейной борьбы, важной сферой воспитания. Формирование у широких масс трудящихся революционного, интернационального по своему существу марксистско-ленинского мировоззрения способствует более правильному взгляду и на национальные ценности; национальная ограниченность уступает место представлениям о прогрессивности сближения наций и народностей. Чувство любви к своему народу, к своей этнической территории сочетается у советских людей со все возрастающим, более широким чувством принадлежности к советскому народу — советским патриотизмом, опирающимся на фундамент интернационализма, на идеи равенства и нерасторжимой общности народов нашей страны.

Процессы, происходящие в сфере общественного сознания под воздействием идей социалистического интернационализма, во многом определяют особый психологический климат общения между собой людей различной национальной принадлежности, играющий важную роль во взаимодействии этносов, в сближении наций. Значение такого социально-психологического фактора для общего культурного прогресса подчеркивал В. И. Ленин еще в первые годы Советской власти. Без доверия, указывал он, «ни мирные отношения между народами, ни сколько-нибудь успешное развитие всего того, что есть ценного в современной цивилизации, абсолютно невозможны» [88].

Взаимная заинтересованность в сотрудничестве на равноправных началах, общие цели в годы войны и мирного строительства все более сплачивают народы нашей страны. Сложившиеся на этой основе дружественные отношения между людьми разных национальностей проявляются как в поступках, так и в настроениях и ориентациях. Можно вспомнить немало примеров, которые отражают характерные явления в национальных взаимоотношениях: семьи, воспитавшие в трудные военные и послевоенные годы детей других национальностей, тысячи молодых русских, украинских, грузинских, армянских парней и девушек, добровольно приехавших восстанавливать разрушенный землетрясением Ташкент, строить Нурекскую ГЭС. Живыми примерами братского содружества народов служат такие гигантские стройки, как Байкало-Амурская магистраль, Саяно-Шушенская ГЭС, Атоммаш, освоение нефтяных и газовых богатств Западной Сибири.

Об интернационализме советских людей наглядно свидетельствует их отношение к межнациональному общению. В городах Молдавии, например, в среднем 90% молдаван и русских активно

---

[87] *Брежнев Л. И.* Ленинским курсом. М., 1975, т. 4, с. 163.
[88] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 240.

проявляет свое положительное отношение к работе в многонациональных производственных коллективах; более 90% молдаван и русских в городе и до 80% на селе высказали благоприятное отношение к разнонациональным бракам [89]; в Латвийской ССР — более 70%; 84% латышей положительно относятся к работе в многонациональных коллективах [90]. Следует иметь в виду, что в остальной части опрошенных большинство — лица, нейтрально относящиеся к межнациональным контактам на работе. Люди, не расположенные к различным видам непосредственного межнационального общения, встречаются очень редко. В Татарии, например, число их среди горожан и сельских жителей не превышало — 2—4% (у татар и русских) [91], причем это, как правило, лица, не владеющие вторым языком.

Эффективность ленинской национальной политики подтверждается, в частности, более интернациональными установками у молодежи и людей среднего возраста. При этом следует учитывать, что наблюдается тенденция широкого использования интернационального культурного фонда у людей с установками на активное межнациональное общение.

Дружба народов вошла в плоть и кровь нашей общественной жизни. В этой дружбе, в прочном единстве людей всех национальностей нашей страны — живое воплощение гуманизма и интернационализма зрелого социалистического общества [92].

Для межнациональных отношений советских людей в современных условиях огромное значение имеет общность их установок и взглядов, сложившихся буквально во всех сферах общественной психологии за годы Советской власти. Кардинальные изменения, в частности, претерпели такие сферы общественного сознания народов нашей страны, как мораль, политические и правовые взгляды. В процессе развития социализма моральные качества, присущие рабочему классу, превратились в неотъемлемые черты духовного облика всего советского народа. Идейные и нравственные принципы и нормы, воля и интересы рабочего класса стали общенародными принципами и нормами, общенародной волей и общенародными интересами. Сложилось морально-политическое единство советских людей. В условиях развитого социализма духовный облик советского народа постоянно совершенствуется, общесоветские морально-правовые нормы все глубже проникают в сознание трудящихся. Духовный облик советских людей ныне невозможно представить себе без таких присущих ему черт, как со-

---

[89] По данным исследований Сектора конкретных социологических исследований Института этнографии АН СССР.

[90] См.: *Холмогоров А. Н.* Интернациональные черты советских наций. М., 1970, с. 101, 172; *Кахк Ю.* Черты сходства, с. 88.

[91] *Дробижева Л. М.* Социально-психологическая обусловленность культурных контактов. (Доклад на IX Международном конгрессе антропологических и этнографических наук. Чикаго, сентябрь, 1973 г.). М., 1973.

[92] См.: *Бромлей Ю. В.* Гуманизм ленинской национальной политики. — Правда, 1982, 9 июля.

циалистический гуманизм, высокое сознание общественного долга, уважение норм социалистического общежития [93].

Нельзя не учитывать также наличия у советских людей общих знаний, представлений и впечатлений, полученных в ходе обучения в школе, из художественной и научно-популярной литературы, кинофильмов, теле- и радиопередач, журналов, газет и т. п. Сходство не только задач, но и программ сети народного просвещения и высшего образования, принципиальное сходство методов работы и содержания деятельности культурно-просветительных учреждений, как и средств массовой информации, работающих на русском и других национальных языках, интернационалистская идеология, единство метода социалистического реализма в искусстве, сочетающееся с разнообразием национальных форм и стилистических вариантов, которые сложились в ходе строительства социализма, создали не только основу, но и активно функционирующий механизм сближения культур.

В ходе взаимовлияния и взаимообогащения духовных культур народов СССР и усвоения достижений мировой культуры складывается не просто межнациональная, но общесоветская культура. Она проявляется не только в сфере профессионального искусства и литературы, но и, что особенно показательно, в повседневной жизни, начиная от общесоветских революционных традиций, праздников, обрядов, обычаев и кончая правилами этикета, общей антропонимикой и т. п.

Формирование общесоветской культуры, как уже говорилось, сопровождалось возникновением общесоветских форм ее организации (система всесоюзного радио и телевидения, центральной печати и книгоиздания и т. д.). Советские социалистические нации и народности сближаются также благодаря общей системе просвещения, всесоюзной системе медицинских учреждений и учреждений культуры, деятельности всесоюзных творческих союзов и др. В настоящее время в масштабах всей нашей страны постепенно сближаются условия культурной жизни. При этом жители каждой национальной республики имеют возможность пользоваться и учреждениями культуры, расположенными в любой местности Советского Союза. Музеи, библиотеки, театры, специализированные больницы, клиники, находящиеся в общесоюзных и республиканских центрах, так же, как и курорты и здравницы, используются всем населением нашей страны.

Общесоветская культура многогранней любой однонациональной культуры, она обогащена наиболее прогрессивными элементами культуры всех национальностей нашей страны. Поэтому попытки некоторых западных «советологов» представить процессы культурной интеграции в СССР как «русификацию» (при всем

---

[93] См.: *Зиманас Г.* Политика партии. . ., с. 49; *Смирнов Г. Л.* Советский человек. М., 1971; Советский народ — новая историческая общность людей, с. 393, 394.

огромном вкладе русской культуры в общесоветскую культуру) совершенно несостоятельны.

Общесоветская духовная культура — это общая система усвоения и передачи не только достижений отдельных советских наций, но и достижений современной мировой культуры, прежде всего культуры дружественных социалистических государств (главным образом через посредство русского языка).

Будучи интернациональной, культура советского народа обладает вместе с тем определенными характерными чертами. Социалистическое переустройство, исчезновение религиозных барьеров, возникновение и развитие двуязычия и, наконец, формирование общесоветской системы духовной культуры в этом аспекте могут быть оценены как процесс культурной переориентации и формирования общей советской историко-культурной области, сочетающей в себе не столько, условно говоря, «западные» и «восточные» культурные традиции, сколько новые устойчивые черты, сложившиеся за годы Советской власти. Именно поэтому правы советские ученые, когда протестуют против односторонней квалификации современной перестройки и развития культуры народов нашей страны как процесса «вестернизации».

Итак, в процессе построения развитого социалистического общества у народов Советского Союза выработалось много общих черт, сложился социалистический советский образ жизни. В результате «решающее значение у нас постепенно приобретают общие, не зависящие от социальных и национальных различий черты поведения, характера, мировоззрения советских людей» [94]. Социалистический образ жизни — важнейший компонент новой исторической общности — советского народа.

Эта общность представляет собой динамичное явление. С утверждением зрелого социализма, в частности, изменились ее государственно-политические параметры.

Новая Конституция СССР фиксирует тот факт, что государство наше, возникшее как диктатура пролетариата, переросло в общенародное государство [95].

Интернациональная социально-политическая общность — советский народ — нашла свое отражение и в самосознании. Причисление себя к какому-либо определенному этносу обычно сочетается с сознанием своей принадлежности к советскому народу.

В частности, показательно, когда граждане СССР бывают за рубежом, сознание общесоветской принадлежности выступает на первый план перед национальной. Такое самосознание неразрывно связано с их общесоветской гордостью, которая, как указывал Л. И. Брежнев, «глубже и шире естественных национальных

---

[94] *Брежнев Л. И.* Исторический рубеж на пути к коммунизму. — Проблемы мира и социализма, 1977, № 12, с. 5.
[95] Конституция (Основной закон)..., с. 17 (ст. 1).

чувств каждого в отдельности из народов, составляющих нашу страну»[96].

В настоящее время, очевидно, можно считать общепризнанным, что советский народ представляет собой социальную и интернациональную общность[97]. Таким образом — это двуединая общность; решающими притом являются, несомненно, ее социально-классовые признаки[98]. Именно они определяют наиболее характерные, типологические черты и формационную принадлежность советского народа. В нем прежде всего воплощается то общее, что присуще социально-классовой структуре советского общества как структуре однотипной у всех его национальных, этносоциальных подразделений. При этом, как отмечалось выше, неуклонно растет социальная однородность советского народа, играющая огромную роль в укреплении его внутреннего единства. Не случайно это единство, как подчеркивалось на XXVI съезде КПСС, «сегодня прочно, как никогда»[99].

Что касается советского народа как интернациональной общности, то такая его характеристика предполагает, по крайней мере, два непременных момента. С одной стороны, то, что это многонациональная, полиэтничная общность. С другой, — ее межнациональный, межэтнический характер. При этом советский народ обладает не только единой территорией и экономикой, но также общей культурой и общим самосознанием. Однако все это не дает достаточных оснований для характеристики советского народа как нации. Дело, в частности, в том, что в целом специфические особенности духовной жизни советского народа значительно менее гомогенны (из-за его многонациональности), чем собственно этнические, национально-специфические черты входящих в его состав наций. И уже в силу одного этого отнесение советского народа к категории наций представляется неправомерным. Для такого рода возражений есть тем большие основания, что подобная характеристика советского народа означала бы косвенное отрицание реального факта существования наций в составе советского государства[100]. Иными словами, рассматриваемая точка зрения дает

---

[96] *Брежнев Л. И.* Ленинским курсом. М., 1978, т. 4, с. 100.

[97] См.: *Калтахчян С. Т.* Ленинизм о сущности нации и пути образования интернациональной общности людей. М., 1969; *Ким М. П.* Советский народ — новая историческая общность. М., 1972; *Куличенко М. И.* Советский народ — новая историческая общность людей. — Проблемы мира и социализма, 1972, № 7; Закономерности формирования советского народа как новой исторической общности. М., 1975, т. 1; Советский народ — новая историческая общность людей; *Дашдамиров А. Ф.* Советский народ. Баку, 1977; *Степанян Ц. А.* Советский народ — первопроходец в строительстве коммунизма. — В кн.: Советский народ — строитель коммунизма. Фрунзе, 1977; Развитие советского народа — новой исторической общности. М., 1980; *Федосеев П. Н.* Новая социальная и интернациональная общность. — Правда, 1982, 9 апр.; и др.

[98] См.: *Семенов В. С.* Диалектика развития социальной структуры советского общества. М., 1977, с. 105.

[99] Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 56.

[100] См.: *Куличенко М. И.* Расцвет и сближение наций в СССР. . ., с. 181.

основание полагать, что у нас уже произошло слияние наций [101]. Между тем, как подчеркивал Л. И. Брежнев, «говоря о новой исторической общности, мы вовсе не имеем в виду, что у нас уже исчезают национальные различия или, тем более, произошло слияние наций» [102]. «Мы встали бы, — отмечал он также, — на опасный путь, если бы начали искусственно форсировать этот объективный процесс сближения наций» [103].

Соответственно было бы неверно (применяя этническую терминологию) отнести советский народ к числу этносоциальных общностей основного уровня, т. е. к общностям, обладающим наиболее выраженными этническими свойствами во всей иерархии этнических подразделений. В современных условиях таковыми являются прежде всего нации, о неправомерности отождествления с которыми советского народа речь шла только что. Недостаточно корректна и характеристика советского народа как вообще этнической общности [104]. Ведь обычно, когда говорят об этнической общности (без каких-либо специальных уточнений), то подразумевают основные этнические подразделения, т. е. опять-таки в первую очередь нации. Представляется недостаточно удачным и наименование советского народа «суперэтнической общностью». Данный термин дает повод полагать, что обозначаемые им образования обладают более интенсивными этническими свойствами, чем объединяемые такого рода образованиями этнические подразделения основного уровня (т. е. прежде всего нации). А для подобного заключения, как уже говорилось, нет никаких оснований [105].

Все это, разумеется, не значит, что следует вообще сбросить со счета сам объективный факт появления у советского народа в ходе сближения наций общих характерных черт духовной жизни, все большее увеличение удельного веса общесоветской культуры.

---

101 Именно так трактуется факт существования советского народа буржуазными советологами (Дж. Уиллером, Х. Сетон-Уотсоном, Р. Г. фон Раухом, С. Вардисоном, Г. Давлетшиным и др.). Характеризуя эту общность как «единую советскую нацию», нацию «русско-советского типа», они пытаются тем самым «обосновать» свой тезис, что советский народ представляет собой результат ассимиляции нерусских народов СССР. (Подробный критический анализ этих советологических концепций см.: *Серцова А. П., Терехова М. А.* Несостоятельность буржуазных измышлений о советском народе. — Вестник МГУ. Философия, 1974; *Куличенко М. И.* Актуальные вопросы борьбы против фальсификаторов теории и политики КПСС в области национальных отношений. — Вопросы истории КПСС, 1976, № 2; *Коновалюк О. И.* Несостоятельность буржуазных концепций русификации и дезинтеграции Советского государства. — ВИ, 1982, № 11; и др.

102 *Брежнев Л. И.* Ленинским курсом. Речи и статьи. М., 1974, т. 4, с. 243.

103 *Брежнев Л. И.* О проекте Конституции (Основного Закона) СССР и итогах всенародного обсуждения. Доклад на сессии Верховного Совета СССР, 4 октября 1977 г. — Коммунист, 1977, № 5, с. 11.

104 См. об этом, например: *Федосеев П. Н.* Новая социальная и интернациональная общность. — Правда, 1981, 9 апр.

105 Поэтому нельзя не согласиться с возражением против характеристики советского народа, как суперэтнической общности (см. например: *Куличенко М. И.* Расцвет и сближение наций в СССР. [illegible], с. 180).

Притом эта культура, объединяемая общим содержанием, в то же время имеет определенные общие специфические черты, отличающие ее в целом от культуры народов других стран, в том числе социалистических. Это, в частности, весьма наглядно проявляется в билингвистической форме ее функционирования — национально-русском двуязычии. Единые черты сложились и в области психологии советских людей. Обладают они и общесоветским самосознанием, включающем представления о шестидесятилетней общности исторических судеб народов в рамках единого советского государства. Нетрудно заметить, что все эти общие и вместе с тем характерные черты духовной жизни [106] советских людей, всего советского народа аналогичны собственно этническим свойствам. В то же время эти общесоветские черты сочетаются, как известно, с собственно этническими свойствами основных этнических подразделений, входящих в советский народ — наций и народностей, причем у них такого рода свойства, несомненно, интенсивнее. Последнее обстоятельство означает, что в этническом плане характерные черты духовной жизни советского народа, хотя они и пронизывают все основные этнические подразделения страны, должны быть отнесены не к таковым, а всего лишь к «верхнему» уровню иерархии этнических общностей. Иными словами, советский народ стоит в одном ряду с теми общностями, которые в последнее время предложено именовать «метаэтническими» [107]. При этом к тому же следует напомнить, что советский народ — двуединая общность, в которой определяющими являются именно ее социальные признаки. Следовательно, с точки зрения этнической классификации точнее было бы поставить это образование в один ряд с так называемыми метаэтносоциальными общностями [108]. Такая общность не только не исключает, но, наоборот, предполагает «сосуществование» с ней этносоциальных подразделений основного уровня (наций и народностей).

Коммунистическая партия и Советское государство, рассматривая развитие советского народа на основе всестороннего сближения наций и народностей нашей страны как важнейшую объективную закономерность строительства коммунистического общества, учитывает это в своей политике и способствует укреплению советской интернациональной общности.

Претворение в жизнь Коммунистической Партией Советского Союза основных принципов ленинской национальной политики не снимает с повестки дня необходимости всестороннего и постоянного учета национальных факторов, тщательного регулиро-

---

[106] Наличие у советского народа не только общих черт, но и специфических особенностей уже не раз отмечалось в нашей литературе. (См. например: Современные этнические процессы в СССР, с. 545; *Бутенко А. П.* Социалистический образ жизни: проблемы и суждения. М., 1978, с. 216 и сл.

[107] См.: *Брук С. И., Чебоксаров Н. Н.* Метаэтнические общности. — В кн.: Расы и народы. М., 1976, № 6. См. также выше очерк четвертый данной книги.

[108] См. выше очерк четвертый данной книги.

вания отношений между народами нашей многонациональной страны, изучение этих отношений. Национальные факторы играют и в обозримом будущем будут играть видную роль в нашей жизни, и не случайно их анализу по-прежнему уделяется столь существенное внимание в программных документах КПСС.

Тенденции развития и сближения наций, аналогичные тем, что присущи национальным процессам в СССР, имеют место и в других странах социалистического содружества. Правда, многие из этих стран моноэтничны, например, в ГДР немцы составляют более 99% всего населения, в Венгрии венгры — 98,6%, в Польше поляки — 98,4% [109]. Наибольшая этническая мозаичность среди социалистических стран (после СССР) характерна для СФРЮ: 40,9% ее населения составляют сербы, 21,8 — хорваты, 8,2 — словенцы, 8,2 — боснийцы («мусульмане»), 6,8 — албанцы, 5,9% — македонцы [110]. В основном двуэтничной является ЧССР, где чехи образуют 64,0% населения, а словаки — 30,3% [111]. Весьма своеобразной этнической структурой отличается СРВ. Здесь наряду с наиболее многочисленным этносом — вьетами, или кинями, составляющими почти 87% населения страны, имеется еще 53 народа, среди которых самые крупные (тай, мыонги и кхмеры) насчитывают менее миллиона человек (соответственно 850, 700 и 680 тыс.), а самые малочисленные — всего лишь несколько сот человек (например, этнические общности брау, рмам и оду имеют примерно по 200 человек) [112].

В большинстве этих стран в силу специфической этнической структуры и относительно небольшого времени, прошедшего от начала социалистического преобразования общества, этнические процессы, протекающие на социалистической основе, проявляются не столь рельефно, как в нашей стране; к тому же они до сих пор почти не подвергались специальным исследованиям. Поэтому ограничимся лишь несколькими краткими иллюстрациями. Так, процессы внутринациональной этнической консолидации отчетливо прослеживаются в наше время у хорватской нации, у которой в ходе этих процессов происходит все большее стирание культурно-бытовых различий отдельных этнографических групп и субэтносов [113]. Внутринациональный характер имеет также постепенная консолидация этнорегиональных групп в рамках словацкой нации. Подчас, впрочем, этноконсолидационные процессы, идущие в социалистических странах, трудно четко разграничить на внутри- и межнациональные. Таков, в частности, процесс растворения в польской нации кашубов, которых одни исследователи считают самостоятельным этносом, другие — этно-

---

[109] См.: *Брук С. И.* Население мира. Этнодемографический справочник. М., 1981, с. 283, 285—321.
[110] *Брук С. И.* Население мира. . ., с. 355.
[111] *Брук С. И.* Население мира. . ., с. 342.
[112] *Брук С. И.* Население мира. . ., с. 402—404.
[113] По наблюдениям М. Ю. Мартыновой.

графической группой (субэтносом) польского народа (соответственно кашубский язык — диалектом польского)[114].

Имеют место в зарубежных социалистических странах и процессы этнической ассимиляции. Главным их каналом выступают этнически смешанные браки. В этом отношении весьма показательны данные о такого рода браках в современной Югославии. Прежде всего характерно, что за последнюю четверть века их общее число в стране заметно возросло. Так, если в 1956 г. смешанные в национальном отношении браки составляли 9,3% всех браков, то уже в 1963 г. их удельный вес увеличился до 12,4%, а в 1974 г. до 13,5%[115]. Однако эти изменения не одинаково протекали у отдельных национальностей. Например, процент сербок, вступивших в браки с представителями других национальностей, за период с 1953 по 1974 г. возрос почти на 4%, хорваток — на 3%, македонок — на 5,2%, черногорок — на 7,2%[116]. Имеются определенные различия в удельном весе смешанных браков в отдельных республиках. Соответствующие данные свидетельствуют, что в большинстве случаев смешанные браки более часто заключаются в тех регионах, где представители не основной национальности проживают дисперсно. Например, в собственно Сербии смешанные браки, заключенные в 1963 г. сербами-мужчинами, составили всего 3,73% от общего числа браков, заключенных сербами; в других же республиках, где сербы составляют меньшинство, наблюдается иная картина: в Хорватии мы имеем соответственно 33,39%, в Македонии — 56, в Черногории — 57,51 и в Словении — 76,26%. Вместе с тем имеют место и явления другого характера. Так, албанцы редко заключают смешанные браки, даже находясь в инонациональной среде, что обусловлено главным образом языковыми и культурно-религиозными различиями. С другой стороны имеются народы, у которых процент смешанных браков высок и в областях с компактным однонациональным населением. Это характерно, например, для венгров (в 1963 г. из всех их браков в Воеводине, где они живут концентрированными группами, 14% составляли смешанные)[117].

Поскольку в Югославии (с 1963 г.) юридическая фиксация национальной принадлежности не является обязательной, весьма трудно установить конкретные масштабы ассимиляции тем или иным этносом граждан, рожденных в смешанных браках. Но все же определенная тенденция в данном отношении прослеживается. Такие граждане, как правило, принимают национальность того из родителей, который принадлежит к основной национальной

---

[114] См.: Страны и народы. Зарубежная Европа. Восточная Европа. М., 1980, с. 33; *Брук С. И.* Население мира. . ., с. 321.

[115] См.: *Бромлей Ю. В., Кашуба М. С.* Брак и семья у народов Югославии. Опыт историко-этнографического исследования. М., 1982, с. 61.

[116] *Бромлей Ю. В., Кашуба М. С.* Брак и семья. . ., с. 62.

[117] См.: *Бромлей Ю. В., Кашуба М. С.* Некоторые аспекты современных этнических процессов в Югославии. — СЭ, 1969, № 1, с. 64—65.

группе в данной местности [118]. Имеют место в современной Югославии также отдельные случаи этнической ассимиляции, не являющейся результатом смешанных браков. Чаще всего это связано со сменой языка, а иногда и религии. Такие случаи, в частности, фиксированы в отношении проживающих в Среме и Бачке отдельных групп словаков и венгров, которые, свободно владея сербохорватским языком, стали (в зависимости от состава окружающего населения) именовать себя либо хорватами, либо сербами [119]. При этом отсутствие в стране достаточно четких критериев определения национальной принадлежности подчас приводит к разнобою в этом отношении. Встречаются даже случаи, когда члены одной семьи относят себя к разным национальностям [120].

В зарубежных полиэтничных социалистических странах имеет место и тенденция к межэтнической интеграции. Правда, проявляется она пока не очень отчетливо. Даже в Югославии, где имеются наиболее значительные симптомы этого, видимо, можно говорить лишь о самом начале формирования в результате такого рода процессов метаэтнической общности в масштабах всей страны. Субъективное выражение это явление получило в тенденции к возникновению общеюгославского самосознания. Все чаще поднимается вопрос о том, что термин «югославен» (югослав) может обозначать не только гражданство, но и национальную принадлежность жителей Югославии. Такой постановке вопроса немало способствует отмена обязательной фиксации национальности, а также употребление во время переписей термина «югославен» для обозначения национальной принадлежности отдельных граждан. За использование этого термина для обозначения вообще национальной принадлежности (вместо прежних этнонимов — серб, хорват, словенец и т. п.) наиболее активно выступает молодежь; широко обсуждается данный вопрос и в общественно-политической литературе страны. Однако в Югославии немало и противников этого предложения, ссылающихся на то, что введение этого термина искусственно прервало бы нормальный ход развития наций и народностей Югославии [121]. Тем не менее показательно, что последняя перепись населения в СФРЮ (1981 г.) свидетельствует об увеличении числа лиц, которые, определяя свою национальную (этническую) принадлежность, именуют себя югославенами. Так, например, в Хорватии число таких лиц за период с 1971 по 1981 г. возросло с 15,5 до 379 тыс. (ок. 8%) [122].

---

118 *Бромлей Ю. В., Кашуба М. С.* Некоторые аспекты. . ., с. 66—67.

119 См.: *Баряктарович М.* К вопросу об изменении этнического самосознания. (На материалах Югославии). — СЭ, 1974, № 2, с. 59.

120 См.: *Бромлей Ю. В., Кашуба М. С.* Некоторые аспекты. . ., с. 66; *Баряктарович М.* К вопросу об изменении. . ., с. 59.

121 См.: *Бромлей Ю. В., Кашуба М. С.* Некоторые аспекты. . ., с. 67; *Арушанов В. З.* Проблема «социалистического югославенства» в общественно-политической литературе СФРЮ. — В кн.: Актуальные проблемы истории марксистско-ленинской философии. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978, вып. 3, с. 43—50.

122 Политика, 1982, 16.II; 18.II.

Не исключено, что тенденция к межэтнической интеграции постепенно начинает проявляться и в таких полиэтничных социалистических странах, как ЧССР и СРВ. Правда, ход этого процесса в них остается, как уже говорилось, еще почти совсем неизученным. Однако, например, в пользу указанного предположения в отношении СРВ как будто свидетельствует тот факт, что здесь большая часть народов (кроме вьетов) двуязычна и наряду со своими родными языками пользуется вьетнамским [123].

Процессы этнического сближения народов в условиях социализма не ограничиваются рамками отдельных государств. В той или иной мере они охватили все содружество социалистических стран. При этом особое значение имело усиление их духовной общности. Первостепенную роль в данном отношении сыграл рост культурного уровня широких народных масс, в частности, подъем образования, выступающий важнейшим инструментом устранения унаследованного от прошлого культурного неравенства. В процессе перестройки системы просвещения и образования в зарубежных европейских странах социализма (при всем различии исходного уровня в отдельных из них) можно выделить несколько общих этапов. Первый из них начался сразу после победы социалистических революций и протекал вплоть до середины 50-х годов, когда повсюду проводились основные реформы общеобразовательной и высшей школы. На этом этапе были ликвидированы буржуазные привилегии на образование, отменена плата за обучение; строительство общежитий и интернатов создало одинаковые условия для городских и сельских школ, уменьшив число детей, не посещавших школы, и т. д. В ходе мероприятий второго этапа (50—60-е годы) были внесены серьезные изменения в учебные программы школ и вузов, подчиненные задаче сближения обучения с народнохозяйственной практикой; на третьем этапе, начавшемся во второй половине 60-х годов и продолжающемся в наши дни, в сложившуюся систему вносятся коррективы, которые диктуются потребностями научно-технической революции [124].

Новые демократические принципы в сфере просвещения получили также выражение в развитии общеобразовательной сети школ для национальных меньшинств. Так, в Чехословакии, помимо чешских и словацких школ, были открыты школы с преподаванием на польском, венгерском и украинском языках. В Польше начали работать начальные и общеобразовательные школы и лицеи для украинского, белорусского, русского и литовского населения [125].

Заметные перемены в целом произошли в сфере высшего образования, что в частности, сопровождалось ростом численности

---

[123] См.: *Брук С. И.* Население мира. . ., с. 405.

[124] Развитой социализм: общее и специфическое в его строительстве. М., 1980, с. 204.

[125] См.: Социалистический интернационализм. Теория и практика международных отношений нового типа. М.: Политиздат, 1979, с. 299.

студенчества. Весьма показательно, например, что в европейских странах СЭВ за период с 1960 по 1979 г. доля специалистов с высшим и средним образованием, занятых в народном хозяйстве, увеличилась с 12 до 23% [126].

Развитие народного образования в социалистических странах явилось важным фактором развертывания научных исследований, сопровождавшегося численным ростом научных кадров, увеличением государственных капиталовложений в науку, расширением количества научных публикаций. В результате во всех странах социализма научные исследования во многих областях вышли на передовые рубежи в мире, укрепилась связь науки с практикой [127].

Утверждение новой культуры, новых культурных ценностей происходит в странах социализма, однако, отнюдь не автоматически: оно сопровождается острой борьбой против старых ценностных ориентаций и установок, в том числе националистических. В частности, встречается еще одностороннее акцентирование национально-специфических особенностей в развитии отдельных стран социализма, рассмотрение этого развития в отрыве от интернациональных задач и потребностей социального прогресса. Иногда проявляется стремление искусственно воссоединить национальные меньшинства, исторически оказавшиеся разделенными и живущими в разных социалистических отечествах, что свидетельствует о забвении приоритета социально-классового подхода к национальным проблемам [128].

Как свидетельствует исторический опыт, для преодоления в условиях социализма подобных проявлений национальной ограниченности и эгоизма особое значение имеет неуклонное проведение правящими партиями в жизнь принципов интернационализма, прежде всего обеспечение гармоничного сочетания интересов каждой нации и всего социалистического содружества. Важна также роль в данном отношении распространения и утверждения в странах социалистического содружества марксистских знаний и убеждений. При всей специфике этого процесса в каждой из зарубежных социалистических стран все они в послевоенные годы решали в данной области общие задачи. На первом этапе социалистического строительства таковой была задача усвоения марксистской идеологии широкими народными массами. Эта задача решалась путем создания развитой системы партийного просвещения различных ступеней, введением курсов марксистско-ленинской философии в высших и средних учебных заведениях, периодической организацией специальных лекций и семинаров и т. д. На следующем этапе происходит перемещение центра тя-

---

[126] Статистический ежегодник стран — членов Совета Экономической Взаимопомощи. М., 1980, с. 407—414.

[127] См., например: Политика социалистических стран в области науки (Болгария, Польша, Чехословакия). М., 1976.

[128] См.: Социалистический интернационализм. . ., с. 31—32.

жести от простого усвоения марксистских знаний к их непосредственному применению во всех сферах общественной жизни. Переход к этапу развитого социализма выдвинул задачу превращения марксистского мировоззрения в основу социальной и творческой активности личности [129].

Для упрочения интернациональных черт в духовной жизни стран социалистического содружества особое значение имеет их сотрудничество в этой сфере. Между ними действует свыше 70 соглашений, охватывающих комплекс вопросов, связанных с межгосударственным культурным сотрудничеством, заключено свыше 200 специальных соглашений и конвенций, регулирующих культурный обмен (поездки ученых и студентов, обмен театральными коллективами, кинофильмами и т. д.) [130]. В частности, в широких масштабах осуществляется сотрудничество социалистических стран в области просвещения и образования. Существенное место здесь занимает взаимная подготовка кадров. Только в 50—начале 70-х годов в СССР окончили высшие учебные заведения свыше 50 тыс. студентов из других социалистических стран [131].

Значительные масштабы приобрело сотрудничество стран социализма в области науки. В этом сотрудничестве условно можно выделить три периода. Первый период (1945—1957 гг.) в целом характеризуется становлением нового типа международных научных связей, началом развития двустороннего сотрудничества на новой, социалистической основе. Второй период (1958—1970 гг.) — это время активного развития двусторонних международных контактов в области науки и начало развития многостороннего сотрудничества. Третий период (с начала 70-х годов) характеризуется развернутым двусторонним и многосторонним сотрудничеством на долговременной основе [132]. Одновременно существенно расширился обмен научно-технической информацией между социалистическими странами. Специально созданная для этих целей международная информационная система по научным работам содержит сведения примерно о четверти миллиона документов [133].

Важная роль в сближении духовной жизни социалистических стран принадлежит творческим встречам писателей, художников, искусствоведов, фестивалям различных видов искусства, выставкам, дням культуры, регулярным радио- и телепередачам, совместной работе представителей творческой интеллигенции различных стран по созданию произведений искусства и т. п.

Все эти растущие контакты немало способствуют как выравниванию культурного уровня, так и укреплению идейной общности в духовной жизни стран социалистического содружества. При

---

[129] См.: Социалистический интернационализм. . ., с. 313—322.
[130] См.: Социалистический интернационализм. . ., с. 327.
[131] Марксистско-ленинское учение о социализме и современность.М.,1975, с. 349.
[132] См.: Многостороннее сотрудничество академий наук социалистических стран. М., 1978.
[133] См.: *Сумароков Л.* Общий фонд знаний. — Правда, 1979, 29 сент.

этом усиливается роль совместного планирования и интернационального разделения труда в области науки, образования, искусства стран социализма, формируется их общее «духовное производство»[134]. В результате складывается новая, социалистическая (коммунистическая) цивилизация[135].

При этом весь опыт реального социализма уже многие годы убедительным образом демонстрирует всему миру подлинный гуманизм межнациональных отношений, основанных на принципах пролетарского, социалистического интернационализма. В антагонистических обществах ценность самого человека отступает на задний план, ее определяет причастность к привилегированному меньшинству, социальная и национальная принадлежность. В социалистическом же обществе решающее значение приобретает именно человек. И в этом — великое гуманистическое значение того нового жизненного порядка, имя которому — социализм.

---

[134] См.: *Иовчук М. Т.* Интернационализм социалистической культуры. — ВФ, 1976, № 12, с. 34—35.

[135] См.: *Мчедлов М.* К вопросу о становлении коммунистической цивилизации. — Коммунист, 1976, № 14, с. 35—36; *Он же.* Социализм — становление нового типа цивилизации. М., 1980.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Проведенный в последней части книги анализ материалов по этнической истории человечества, на наш взгляд, не только позволяет наметить основные этапы этой истории и их важнейшие тенденции, но заслуживает внимания также в том отношении, что может рассматриваться в качестве своеобразной проверки путем анализа этноисторической практики человечества оправданности исходных представлений об этнических общностях и их динамике, изложенных в двух первых ее частях. Вместе с тем этот анализ дает возможность сделать некоторые наблюдения, развивающие и дополняющие указанные представления. Иначе говоря, речь идет о попытке соотнесения логического и исторического при разработке этнической проблематики. Исторический подход подтвердил прежде всего правомерность представления об этнической структуре человечества как о явлении чрезвычайно сложном, имеющем иерархический характер, а также продуктивность разделения этнических общностей на собственно этнические и этносоциальные. Соответственно понятие «этническая общность» выступает в качестве «родового» для всех разновидностей этнических образований и их таксономических уровней (субэтносов, основных этнических подразделений и метаэтнических общностей). Термин же «этнос» представляется целесообразным закрепить лишь за подразделениями основного уровня в иерархии этнических общностей. При этом этнос выступает в двух главных ипостасях: в качестве собственно этнических образований (этникосов) и в виде этносоциальных организмов (эсо).

В свете данных по этнической истории собственно этническая общность (этникос) предстает как результат совместной исторической практики ряда поколений людей, воплощенной в специфических материальных и духовных атрибутах этой общности и фиксированной в сознании ее членов. Именно поэтому для существования этникоса важнейшее значение имеют межпоколенные (диахронные) информационные связи, а также самосознание составляющих его людей, включающее в той или иной форме представление об общности исторических судеб их предков.

Своеобразие и в то же время единство материальных и духовных свойств собственно этнической общности обеспечивает ее членам необходимые культурно-психологические условия для их совместного существования. Что касается социально-потестарных (политических) условий для этого, то их создают социальные организмы — основные ячейки всемирно-исторического процесса. Со-

вершенно очевидно, что в «синтезе» собственно этнических и социально-потестарных (политических) общностей заключены весьма благоприятные условия для групповой деятельности людей. Такой «синтез» и представляют этносоциальные организмы, которые, по свидетельству истории классовых обществ, в своей совокупности, как правило, охватывают основную массу населения мира. И все же за пределами эсо нередко остаются отдельные части этникосов, представляющие собой этнические группы; кроме того, некоторые этникосы (например, цыгане) вообще не имеют «своих» эсо. Иными словами, в пространственном плане этносоциальные организмы включают несколько меньшую часть ойкумены, чем собственно этнические образования, распространенность которых по сути имеет глобальный характер.

В типологическом отношении, как мы выше могли не раз убедиться, определяющую роль для этносоциальных организмов играют их социально-экономические параметры. Соответствующие типы этносоциальных организмов по существу и имеются в виду в нашей обществоведческой литературе, когда в ней выделяются такие основные формы исторических общностей людей, как племя (для первобытнообщинной формации), народность (для рабовладельческой и феодальной формаций), нация (для капиталистической и социалистической формаций); при этом последовательное проведение формационного принципа типологии эсо предполагает разделение народностей на рабовладельческие и феодальные, а наций — на капиталистические и социалистические[1].

Существенны не только «пространственные» и «структурные», но также «временные» различия между этникосами и эсо. Первые нередко существуют на протяжении нескольких социально-экономических формаций, вторые — только в рамках одной.

В силу «дуалистического» характера этносоциальных образований их внутренние связи тоже двойственны. С одной стороны, это присущие этникосу информационные связи (как диахронные,

---

[1] Содержащаяся в работе интерпретация основных этнических категорий проливает, на наш взгляд, дополнительный свет и на такую весьма существенную для изучения этнических процессов в капиталистических и социалистических обществах проблему как соотношение понятий «этническое» и «национальное» (при этом, разумеется, мы оставляем в стороне употребление слова «национальный» в значении «государственный»). Представляется, в частности, что в стадиальном плане понятие «этническое» шире, чем «национальное»: оно простирается не только на такие донациональные общности людей, как народности, но и на племена. Оно шире и в том смысле, что если «национальное» относится лишь к этническим подразделениям основного уровня (этникосам, эсо и этническим группам, так называемым национальностям, нациям и национальным группам), то «этническое», как уже отмечалось, имеет несколько таксономических уровней. Что касается «структурно-содержательного» плана, то в этом случае следует учитывать, что термины «этническое» и «национальное» употребляются и в широком, и в узком значении. Но если при использовании термина «национальное», особенно когда речь идет о национальных процессах, ему обычно придается широкое этносоциальное значение, то термин «этническое», напротив, имеет, как правило, узкий (собственно этнический) смысл.

так и синхронные), а также этническое самосознание. С другой, — социально-потестарные (политические) связи. Без учета существенно различного характера этих двух разновидностей общественных связей и соответственно особенностей их роли на разных стадиях исторического процесса, на наш взгляд, невозможно устранить существующий разнобой в трактовке факторов внутриэтнической интеграции.

Для разных типов этносоциальных общностей основные виды собственно этнических связей в принципе остаются теми же, однако меняется их содержание. Это, в частности, наглядно проявляется в изменении роли отдельных составляющих этнического самосознания. На ранних этапах этнической истории человечества в нем первостепенное место занимают представления о родстве членов этнических общностей (этим представлениям [2] принадлежит определяющая роль в их осознанном объединении) и соответственно общности их происхождения. Позднее такого рода представления становятся все более расплывчатыми, притом они нередко сводятся лишь к наличию у членов этноса отдельных стереотипов, касающихся общности исторических судеб их предков. Вместе с тем на передний план в этническом самосознании выступают автостереотипы, субъективно отражающие объективные свойства этноса (язык, обычаи, обряды и т. п.).

Меняется и этническая роль сигнификативных свойств культуры. Она особенно значительна на ранних стадиях, когда этнознаковая функция выполняется как материальными, так и духовными компонентами культуры. На поздних же стадиях, в условиях продвинутого промышленного развития и урбанизации, этническая специфика все более перемещается из сферы материальной культуры в сферу духовной. Не остается неизменным этноинтегрирующий характер коммуникативных функций культуры. Первоначально эта роль выполнялась почти исключительно вербально-визуальными средствами, прежде всего устной речью; при этом в условиях сравнительно малочисленных этносов коммуникация имела преимущественно непосредственный характер. С возникновением письменности возрастает этноинтегрирующая роль опосредованной информации, которая приобретает особенно значительные масштабы с развитием средств массовой коммуникации.

Весьма существенны стадиальные различия в осуществлении функций этнической интеграции у социально-потестарных (политических) составляющих этносоциальных общностей. На начальных стадиях этносоциальной истории (при позднем первобытнообщинном строе и в докапиталистических классовых обществах) основная роль в объединении членов таких общностей принадлежит потестарным (политическим) институтам, иначе говоря, общеплеменным, а позднее общегосударственным органам власти; при этом потестарные (политические) связи явно преобладают над свя-

---

[2] Но не самому родству, как это нередко считают. Ведь биологическое родство без осознания его как такового само по себе никого не объединяет.

зями экономическими, которые (особенно в условиях феодализма) имеют преимущественно локальный, «земляческий» характер. С возникновением капитализма роль экономического фактора в интеграции основных этносоциальных подразделений — наций, как известно, резко усиливается, становится определяющим, однако государственно-политическое единство, включая и территориальное, не только сохраняет, но и упрочивает свою объединяющую функцию. При социализме в силу коренной особенности социально-классовой структуры общества экономические и государственно-политические факторы интеграции нации утрачивают свой антагонистический характер, и соответственно их значимость в данном отношении возрастает. В целом же в ходе этнической истории человечества центр тяжести в выполнении интегрирующих функций для этносоциальных образований все более перемещается из собственно этнической в социально-политическую сферу, а на стадии наций в первую очередь в экономическую, постепенно все более дополняемую средствами массовой информации.

Приведенные в работе материалы свидетельствуют, что нет никаких оснований относить этнические общности к разряду биологических единиц-популяций. Правда, каждый этнос сопряжен с определенной популяцией. Однако такая популяция сама является «вторичной», производной не от биологических факторов, а в первую очередь от социальных свойств соответствующего этноса. Вместе с тем в силу характера этносов, в межпоколенном воспроизводстве которых основным каналом выступает семья, особое значение для существования этих общностей имеют их демографические параметры (численность, половозрастной состав и т. п.).

Рассмотрение этнической проблематики в исторической перспективе позволяет констатировать наличие в истории рода человеческого безэтнического периода. Возникновение этнических общностей относится лишь к периоду развитого первобытного (бесклассового) общества. При этом первоначально такие общности имели характер этникосов и только на подступах к формированию классовых обществ появляются этносоциальные организмы. С этого момента представляется существенным разграничивать собственно этнические и этносоциальные процессы. Такое разграничение связано прежде всего с тем, что во всей совокупности общественных явлений социально-экономические отличаются наибольшей подвижностью, а этнокультурные, напротив, характеризуются устойчивостью. В силу этого скачки в собственно этнических процессах далеко не полностью совпадают с «разрывами постепенности» в социально-экономической истории, а соответственно и со скачками в развитии этносоциальных систем. Впрочем, видимо, преобладающими все же являются случаи возникновения новых этносов в периоды смены социально-экономических формаций. Так, большинство ныне существующих палеогенетических этносов сложилось в периоды становления раннеклассовых обществ (например, армяне, болгары, венгры, поляки, хорваты,

чехи, шотландцы и т. д.). Современные неогенетические этносы в основном сформировались в переходные эпохи — становления капитализма (например, англоканадцы, бразильцы, итальянцы, мексиканцы, североамериканцы, французы и т. д.) и социализма (алтайцы, хакасы и т. д.).

Как и всем явлениям в природе и обществе, этническим процессам присуще диалектическое сочетание общего и особенного. Важнейшее проявление в них этой закономерности — наличие двух взаимосвязанных тенденций, одна из которых имеет интегрирующий, другая — дифференцирующий характер.

Действие их прослеживается на протяжении всей этнической истории человечества. При этом, однако, на каждом ее этапе соотношение этих тенденций и формы их проявления не остаются неизменными. Так, в первобытнообщинной формации этническая дифференциация особенно наглядно проступает в отпочковании от племен отдельных частей и перемещении их на новые территории — процессе, в ходе которого была заселена основная часть ойкумены. В докапиталистических классовых обществах эта дифференциация проявлялась главным образом в расширении сфер проявления культурного несходства между основными этническими общностями той эпохи — народностями, что было обусловлено в значительной мере увеличением собственного культурного фонда каждой из этих общностей, а тем самым их различий в данной сфере. При капитализме этническая дифференциация связана прежде всего с углублением неравномерности развития народов мира, а соответственно с увеличением социально-экономических и культурных различий между ними, простирающихся в диапазоне от первобытнообщинной до капиталистической формации.

При всем многообразии проявлений интегративных моментов на протяжении этнической истории человечества все же, рассматривая ее в целом, представляется возможным наметить одну характерную их черту. А именно: постепенное увеличение масштабов этнических общностей. При этом проступают два основных модуса реализации данной тенденции. Один из таковых связан с трансформацией в новые этнические подразделения основного уровня метаэтнических образований. Другой представляет собой процесс превращения историко-этнографических общностей в этнические.

Так, при формировании основного этнического подразделения докапиталистических классовых обществ — народности ей обычно предшествовала метаэтническая или историко-этнографическая общность, охватывавшая несколько племен. Аналогичным был один из путей формирования нации, при котором в ее рамках происходило объединение нескольких народностей, как правило, входивших в состав одной сложившейся еще в прошлом макрокультурной общности (метаэтнического или историко-этнографического характера). Увеличение масштабов основных этнических подразделений имело место и в случаях «однолинейной» трансформации народности в нацию, главным образом за счет естественного прироста населения. В целом же в новое и новейшее время для ос-

новных этнических подразделений характерно, с одной стороны, сокращение их количества, с другой — повышение среди народов мира удельного веса крупных образований этого типа и преимущественное увеличение их численности. В наше время последняя тенденция с каждым десятилетием даст о себе знать все более отчетливо.

Интегрирующая тенденция в условиях капитализма, как и в докапиталистических обществах, не ограничивается рамками основных этнических подразделений (наций и народностей), она имеет также межэтнический, межнациональный характер. Именно это имел в виду В. И. Ленин, подчеркивая, что «всемирно-историческая тенденция капитализма к ломке национальных перегородок, к стиранию национальных различий, к *ассимилированию* наций. . . с каждым десятилетием проявляется все могущественнее. . .» [3]. Суть этой тенденции, по его определению, все большая интернационализация всей хозяйственной, политической и духовной жизни человечества [4]. Но в условиях капитализма данный процесс имеет остро противоречивый характер.

В условиях социализма тенденции интеграции и дифференциации в сфере этносоциальных процессов, как мы могли убедиться, коренным образом модифицируются. Прежде всего это вызвано тем, что они оказываются лишенными классово-антагонистического основания. В результате базисные (экономические) компоненты этносоциальных общностей все более утрачивают этнодифференцирующие черты, проявляющиеся главным образом в хозяйственной жизни народов. Одновременно тенденция развития этнических подразделений основного уровня оказывается неразрывно связанной с тенденцией их все большего сближения и единения. Это прежде всего проявляется в том, что в рамках многонационального советского государства экономика стала составлять «единый народнохозяйственный комплекс, охватывающий все звенья общественного производства, распределения и обмена на территории страны» [5]. Вместе с тем у всех этносов сложилась однотипная социальная структура, которая еще в рамках зрелого социализма станет в основном бесклассовой. Соответственно, «очевидно, исторически новым рубежом их развития будет становление бесклассовых социалистических наций» [6].

Несколько сложнее вопрос о диалектике соотношения при социализме общего и особенного в духовной жизни. Обращаясь к его рассмотрению на примере нашей страны, прежде всего напомним, что ныне культура советских людей по своим масштабам во многократ превосходит объем культуры, носителями которой в канун

---

[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 24, с. 125.
[4] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 23, с. 318.
[5] Конституция СССР. Конституция Советских Социалистических Республик. М., 1978, с. 19 (статья 16).
[6] *Пономарев Б. Н.* Ленинская национальная политика КПСС на этапе развитого социализма и ее международное значение. — Советская Латвия, 1982, 29 июня.

Октября были трудящиеся массы нашей страны. И это чрезвычайно существенно для понимания особенностей проявления в современной духовной культуре дифференцирующих и интегрирующих тенденций. В целом в ней, несомненно, возрастает удельный вес интернационального. Но это не исключает вместе с тем и увеличения в определенных размерах специфического. В данной связи нельзя не напомнить слова В. И. Ленина о том, что в будущем «дифференцирование» человечества в смысле богатства и разнообразия духовной жизни увеличится в миллионы раз [7]. Представляется важным при этом лишь учитывать, что на разных «структурных» уровнях советского общества культурная дифференциация и интеграция протекают не однозначно.

В условиях реального социализма весьма отчетливо начинает проступать разнообразие духовной жизни, в частности, на уровне личности. Хотя и на этом уровне все более увеличивается интегрированный общесоветский слой культуры, однако в результате всестороннего развития личности при социализме растут возможности проявления ее своеобразия, ее культурная дифференцированность. И, судя по всему, в масштабах советского народа именно на этот «личностный» уровень все больше перемещается дифференцированность культуры, именно здесь заложены неограниченные перспективы роста богатства и разнообразия духовной жизни человечества. Усиление единства советского народа отнюдь не исключает, а, напротив, предполагает расцвет всех индивидуальных творческих возможностей каждой человеческой личности. Как подчеркивается в ст. 20 новой Конституции СССР, наше «государство ставит своей целью расширение реальных возможностей для применения гражданами своих творческих сил, способностей и дарований, для всестороннего развития личности» [8].

Рассматриваемые тенденции отчетливо прослеживаются и внутри отдельных наций. С одной стороны, в их рамках за годы Советской власти культурная межклассовая гомогенность несомненно возросла прежде всего в результате уничтожения антагонистических классов, а затем выравнивания уровня культурного развития социально-классовых групп социалистического общества; повысилась культурная однородность наций, как мы видели, и в результате этноконсолидационных процессов. С другой стороны — внутри наций наблюдается тенденция некоторого увеличения специализации культуры (по крайней мере профессиональной) у различных социально-профессиональных групп. Но в связи с интересующей нас проблемой особенно существенно следующее: хотя во всей сумме культурных достижений народов нашей страны происходит относительное увеличение удельного веса общесоюзных черт, все же во многих возрастающих по своему объему сферах культуры абсолютные размеры национально-специфического, этнического остаются значительными, подчас даже расширяясь

---

[7] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 281.
[8] См.: Конституция СССР, с. 20.

(например, объем художественной литературы на национальных языках).

Следует вместе с тем учитывать межэтническое взаимодействие культур в пределах отдельных регионов страны, таких как Прибалтика, Поволжье, Кавказ, Средняя Азия и т. д. В результате складываются некоторые общие черты культуры народов региона, которые, в свою очередь, придают ей определенный специфический колорит. Впрочем, региональное сближение народов сводится главным образом к распространению некоторых, притом существенно трансформированных традиционных компонентов культуры коренных народов региона: обычаев, одежды, жилища и т. п.[9]

Гораздо существеннее в интересующей нас связи происходящая в масштабах всей нашей страны межэтническая интеграция. В ходе ее, как это неоднократно отмечалось выше, во всей сумме культурных достижений народов СССР все более увеличивается общесоюзный слой, удельный вес общесоветской культуры.

Одновременно в собственно этнической сфере происходит значительное сужение действия дифференцирующего начала. При этом, однако, нельзя не учитывать, что уже на этапе зрелого социализма становятся заметно ощутимыми различия в степени продвинутости интегрирующей тенденции в собственно социальных и этнических компонентах основных этносоциальных общностей — наций. Если в их социально-экономическом основании общесоюзное все более преобладает над национально-особенным, то этнически-особенное (культурно-специфическое) в значительной мере сохраняется [10]. Как известно, Программа КПСС подчеркивает, что «стирание национальных различий, в особенности языковых различий, — значительно более длительный процесс, чем стирание классовых граней» [11]. И правы, на наш взгляд, те исследователи национальных отношений в СССР, которые считают, что в развитии нашего общества наступит этап, когда социально-классовые различия наций исчезнут, а этнические еще сохранятся [12]. Но признание всего этого в свою очередь значит, что эсо-нации начнут превращаться в этникосы-национальности.

---

[9] См.: *Гурвич И. С.* Этнокультурное сближение народов СССР. — СЭ, 1977, № 5.

[10] Как справедливо замечает М. И. Куличенко, «. . .совершенно очевидно, что после выпадения из содержания национального фактора классовых, политических моментов и их отражения в культуре, сознании и психологии, это содержание сведется к этническому. . .» (*Куличенко М. И.* Укрепление интернационального единства советского общества. Киев, 1976, с. 371).

[11] Программа КПСС, М., 1971, с. 113.

[12] См.: *Куличенко М. И.* Национальные отношения в СССР и тенденции их развития. М., 1972, гл. V; *Он же.* Настоящее и будущее социалистических наций — Научные доклады высшей школы. Научный коммунизм, 1974, № 4, с. 18; *Он же.* Укрепление интернационального единства советского общества, с. 370; *Гончарова В. Н.* Интернационализация общественной жизни как диалектический процесс. Киев, 1978, с. 114—115; *Косолапов Р. И.* Социальные и национальные отношения на этапе развитого социализма. Рига, 1982, с. 14.

В современных этнических процессах в СССР особая роль принадлежит новой социальной и интернациональной общности — советскому народу. Один из важнейших аспектов его возникновения и развития — взаимодействие культур основных, этнических подразделений, прежде всего наций и народностей. Это взаимодействие в силу полиэтничности советского народа представляет собой не что иное как одно из проявлений межэтнической (межнациональной) интеграции. Соответственно было бы неверно характеризовать советский народ как этническое подразделение основного уровня, особенно как нацию. Эта общность, как отмечалось выше, может быть отнесена лишь к «верхнему» уровню иерархии этнических подразделений, т. е. к тем образованиям, которые, охватывая несколько основных этнических единиц, обладают значительно меньшими, чем они устойчивым культурным своеобразием. Иными словами, советский народ стоит в одном ряду с метаэтническими общностями. При этом советский народ, представляющий собой принципиально новое явление в качестве первой во всемирной истории социалистической интернациональной общности (общности, не имеющей классово-антагонистических противоречий, отличающейся морально-политическим единством, и потому особенно прочной), вместе с тем предстает как закономерное звено во всемирно-историческом процессе постепенного возрастания этнокультурной целостности человечества. Как свидетельствует анализ его этнической истории, именно метаэтническим образованиям принадлежит важнейшая роль в повышении общего уровня межэтнической интеграции народов мира. Вместе с тем, как показывает тот же анализ, для реализации этой тенденции, связанной прежде всего с превращением метаэтнических общностей в этнические подразделения основного уровня, требуется весьма и весьма длительное время.

Закономерный характер возникновения в условиях многонациональных социалистических государств метаэтнических общностей нового по своим социальным параметрам типа подтверждается и тенденцией к постепенному складыванию подобных образований также в других странах социализма, например, в Югославии, Вьетнаме. Такого рода образования — важный этап на пути к тому интернациональному единству всего мира, когда будет реализовано ленинское предсказание о том, что человечество «должно прийти к позднейшему слиянию наций» [13].

Межэтническая интеграция, интернационализация в современных условиях, разумеется, не ограничивается лишь внутригосударственными процессами, она имеет и межгосударственный характер. В странах социалистического содружества важнейшими предпосылками такого рода процесса выступает единство общественного строя этих стран, принадлежащих к одной и той же социально-экономической формации, интенсивное развитие между

---

[13] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 27, с. 457. См. там же, с. 68, 256; т. 30, с. 21—22 и др.

ними различных видов связей, начиная от экономических и кончая идеологическими и политическими. В частности, в сочетании с экономической интеграцией сотрудничество стран социалистического содружества в области искусства, науки и образования, их совместная идеологическая и политическая деятельность привели к складыванию определенной культурной общности этих стран, проявляющейся прежде всего в распространении среди населения общей идеологии, общих духовных ценностей.

Процессы дальнейшей интернационализации в сфере культуры протекают, правда, весьма противоречиво, и в развитых капиталистических странах, чему (наряду с усилением их экономической и политической интеграции) немало способствуют средства массовой информации. Идут такого рода процессы и в развивающихся странах Азии, Америки и Океании, где они, будучи в значительной мере связанными с так называемой вестернизацией, нередко влекут за собой обострение этнической ситуации.

В целом же в результате этих процессов появляются все новые и новые историко-культурные общности, ареалы многих из которых в той или иной степени взаимо пересекаются, их планетарная сеть как бы все более уплотняется [14].

Одновременно возрастает взаимодействие всех этих общностей, что немало способствует усилению удельного веса тех элементов культуры, которые в той или иной мере распространены по всему земному шару, т. е. приобретают общепланетарный характер. Основными местами формирования таких элементов культуры стали города, а технико-экономической основой для их появления послужило промышленное развитие. Огромная роль в распространении элементов этой промышленно-городской культуры принадлежит тому факту, что общая, особенно характерная для эпохи НТР тенденция проницаемости национальных перегородок не только в рамках каждой из двух мировых систем, но и в глобальных масштабах затрагивает и культуру, хотя в разных ее компонентах и проявляется неодинаково. Особенно наглядно процессы интернационализации проступают в материальной культуре. Это получило свое выражение прежде всего в широком распространении как в сфере производства, так и быта разнообразных промышленно-стандартизированных изделий: от станков и автомашин до повседневно-бытовых аксессуаров (одежда, мебель, пища и т. п.). Все более интернациональный характер приобретают и отдельные стереотипы повседневного поведения (например, рукопожатия, правила уличного движения и т. п.). Сказались интеграционные тенденции и в сфере духовной культуры. Особое значение в этом отношении имеет развитие в условиях НТР средств массовой коммуникации, в первую очередь различных способов тиражирования: книг, кино, радио, телевидения и т. п. Тем же целям служат и переводы, международные фестивали, контакты между деятелями

---

[14] Подробнее см.: *Бромлей Ю. В.* Основные виды историко-культурных общностей и тенденции их динамики. — СЭ, 1981, № 7, с. 21—23.

культуры и т. п. Все это сделало возможным распространение в глобальных масштабах одних и тех же элементов духовной культуры: от произведений искусства и художественной литературы до таких широко распространенных развлечений, как массовые зрелища, спорт, туризм и т. п.[15]

Однако увеличение сходства между миром социализма и миром капитализма в сфере технологии, материальной культуры, отдельных компонентов духовной жизни не дает оснований для утверждения о сглаживании различий между двумя мировыми системами. Нельзя при этом игнорировать коренные социально-классовые различия этих систем, обусловливающие диаметральную противоположность их идеологии, социально-политических целей и культивируемых духовных ценностей. Иными словами, надо учитывать, что интеграционная тенденция далеко не одинаково проявляется в различных сферах социальной жизни. К тому же хотя эта тенденция в конечном счете выступает доминирующей, однако она неразрывно связана с тенденцией дифференцирующего характера. Как мы могли убедиться, последняя подобно первой, прослеживается на всем протяжении всемирной истории. При этом, в частности, каждой из рассмотренных выше этнических общностей различных таксономических уровней, а также иных историко-культурных образований присущи свои формы выражения дифференцирующей тенденции в сфере культуры. В наше время эта тенденция особенно отчетливо проступает как в виде идеологической борьбы двух мировых систем, так и в том, что внутри самого капиталистического мира во многом углубляется социально-классовая дивергенция духовной жизни.

Противоборство двух основных тенденций социокультурного развития человечества наряду с другими противоречиями всемирно-исторического процесса, как известно, не раз приводило к острым катаклизмам. Однако в современных условиях такие катаклизмы отнюдь не фатальны. Именно поэтому еще и еще раз следует подчеркнуть, что различия в социальной структуре и идеологии социалистических и капиталистических стран отнюдь не являются препятствием для реализации принципов мирного сосуществования. Как известно, между странами, входящими в две различные мировые системы, могут развиваться и развиваются деловые отношения и культурный обмен, базирующиеся на принципах взаимной выгоды и невмешательства во внутренние дела. Особенности современного научно-технического прогресса делают такого рода взаимоотношения между двумя социально-экономическими системами неизбежными. А это в свою очередь требует превращения мирного сосуществования в долгосрочно действующий фактор мирового развития.

---

[15] Подробнее см.: Страны и народы. Земля и человечество. М., 1978, с. 323.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВА — Вопросы антропологии
ВДИ — Вестник древней истории
Вестн. АН СССР — Вестник Академии наук СССР
ВИ — Вопросы истории
ВИМК — Вестник истории мировой культуры
ВСК — Всемирный социологический конгресс
ВФ — Вопросы философии
ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры
Изв. АН СССР — Известия Академии наук СССР
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии
МАЭ — Музей антропологии и этнографии
МКАЭН — Международный конгресс антропологических и этнографических наук
НАА — Народы Азии и Африки
НК — Научный коммунизм
ПИДо — Проблемы истории докапиталистических обществ
СА — Советская археология
СИ — Социологические исследования
СИЭ — Советская историческая энциклопедия
СЭ — Советская этнография
ТИЭ — Труды Института этнографии
Труды МККК — Труды Международной комиссии по изучению народной культуры Карпат и прилегающих к ним областей
ФН — Философские науки
ФЭ — Философская энциклопедия
SA — Scientific American

ПОНЯТИЙНО-ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ*

Автостереотипы этнические 182, 385
Адаптация 204, 221, 241
культурная 221, 241
Аккультурация 241
Антропогенез 28, 257
Антропология (общая) 91
культурная 91, 128
этническая 5
Ареал географический 85
историко-культурный (историко-этнографический) 86, 293
конфессионально-этнографический 86
культурный 37, 265, 271
лингво-этнографический 86
хозяйственно-культурный 86
как историко-этнографическая общность 84
как «однофакторная» общность 86
Археология (археологическая наука) 256, 365
Аспекты этнические 5, 7
Ассимиляция 60, 74, 203, 204, 237—242, 273, 278, 282, 287, 302. 305, 307, 308, 321—325, 327, 355, 356, 374, 377
двусторонняя 326, 327
естественная 204, 237, 238, 355
насильственная 238, 239, 355
этническая (национальная) 203, 204, 238, 240—242, 278, 310, 324—327, 377, 378
языковая 241, 242
Атеизм 140, 367
Атласы историко-этнографические 121

Бикультурализм 242
Билингвизм (двуязычие) 114, 205, 241, 242, 296, 330, 331, 362, 372, 375
Бихевиоризм 104, 128
Брак 54, 55, 200, 201—209, 239, 249, 252, 263, 269, 325—327, 355, 356, 367, 370, 377, 378
групповой 249
дислокальный 249
межэтнический (межнациональный) 201, 202, 205, 209, 355, 356
парный 269
смешанный 202, 204, 239, 325, 356, 377, 378
этнически смешанный 326, 327, 355, 377
Быт 54, 60, 106, 109, 133, 139, 140, 179, 184, 206, 211, 212, 215, 242, 287, 253, 360, 365, 367
повседневный 360
семейный 54

Верования 19, 92, 104, 107, 128, 261
религиозные 103, 104, 107, 261

Генезис историко-этнографических общностей 85
Гетерогенность культурная 288
Гомогенность культурная 273, 389
этническая 275
Государство (государственность) 32, 35, 39, 40, 44, 46, 47, 50, 59, 61—63, 67, 69, 70, 73, 74, 77, 79, 102, 186, 189, 193, 210, 211, 220, 225, 226, 228, 236, 239, 240, 276—278, 282, 284, 286, 287, 291, 297—301, 303, 304, 306, 310—316, 327, 331, 333, 334, 336, 340, 346, 348, 350—352, 357, 372, 373, 375, 379, 388, 391
многонациональное 40, 226, 239, 291, 292, 300, 334, 388
моноэтническое (моноэтничное) 47, 69, 315, 320, 351
национальное 225, 229, 299, 300
общенародное 350
полиэтническое (полиэтничное) 46, 70, 315, 316, 319, 334, 351
раннеклассовое 276
социалистическое 352, 357, 372, 388
социально-политическое образование 291
социальный организм 73
феодальное 303
этникос 69
этносоциальный организм (ЭСО) 225
Границы антропологические 51
государственно-политические (государственные, политические) 35, 79, 206, 236, 237, 276, 284, 291, 336
этнические 12, 70, 127, 336, 356
Группа 7, 16—19, 25, 28, 38, 41, 43, 44, 46, 48, 49, 51—53, 57—61, 69, 72, 73, 75, 78, 83, 87, 90, 93, 105, 107, 111, 114—117, 120, 124—126, 133, 138, 145, 148, 150, 155, 158, 160, 162, 165, 171, 172, 174, 176, 180, 182—184, 186, 189—191, 194—

* Составитель Т. В. Таболина.

197, 199, 200, 202, 203, 207, 208, 211, 216, 224, 228, 234, 238, 239, 244, 245, 247, 248, 251—253, 255, 260, 263, 269, 272, 276, 277, 287, 288, 296—298, 302, 304—306, 308—310, 316, 320—324, 327, 329, 353, 354, 360, 361, 364, 376, 378, 384, 389
гомогенная 69
иноэтническая 305
конфессиональная 120
культурная 162
локальная 182, 251, 269, 321
национальная 58, 59, 61, 72, 172, 296, 298, 327, 335, 378, 384
племен 253
профессиональная 138, 158
расовая 43, 84
социальная 31, 37, 38, 120, 126, 138, 155, 171, 194, 195, 207, 350, 360, 361, 367
социально-профессиональная 158
стран 316, 337
субэтнос 377
этническая 3, 9, 11, 15, 20, 53, 60, 61, 70—85, 113, 116, 160, 163, 164, 172, 183, 184, 189, 197, 199, 202, 208, 211, 224, 228, 244, 252, 260, 276, 278, 287, 288, 296, 302, 304, 308, 309, 317, 320, 321, 323, 354, 356, 359, 384
этноареальная 73, 74
этнографическая 83—87, 208, 238, 305, 322, 353, 354, 376, 377
этнодисперсная 73, 74
этнорасовая 74, 84, 308
этносоциальная 74

Двуязычие 114, 205, 241, 242, 296, 330, 331, 362, 372, 375
Дем 41, 42, 188
Демография (наука) 275, 338
Диалект 113, 114
Дивергенция этническая 273, 284, 307, 308, 310
этногенетическая (этническое разделение) 235, 236, 240, 333
типы ее 235
языково-культурная 273
Дискриминация расовая 308, 325, 327, 336
этническая 308, 324, 327, 336
Дифференциация культурная 389
культурно-хозяйственная 258
этническая 109, 272, 334, 387
этнокультурная 245
Диффузионизм 9, 37

Единица макроэтническая 82
метаэтническая 289
микроэтническая 81, 83
микроэтносоциальная 83, 269
популяционная (дем) 41, 42, 188
потестарная 247, 268
социальная 34, 43, 158
социокультурная 87
этническая 11, 15—17, 19, 21, 72, 81, 82, 111, 119, 126, 158, 180, 182, 238, 239, 247, 250, 251, 269, 279—281, 291, 294, 297, 308, 317, 353, 391
этнографосоциальная 87
этносоциальная 87, 224, 272, 277

Законы биологические 40
общественного развития 40
социальные 23

Идентификация этническая 17
Идеология 27, 209, 366
Иерархия популяций 42
социальных общностей 34
этническая 81, 83, 199, 244, 264
этнических общностей 57, 252, 265
этносов 44
Изолят (изоляция) 42, 188, 208
Иммиграция 308, 309, 324, 327
Инновации 234
Институты социальной системы 30
социальные 17
Интеграция внутриэтническая 385
капиталистическая 313
культурная 309, 334, 360, 363, 371, 389
межнациональная 331
межэтническая 143, 237, 238—241, 243, 291, 293, 294, 300, 308, 310, 328, 330, 331, 333, 357, 358, 378, 379, 390, 391
политическая 392
социалистическая 313
экономическая 313, 334, 392
этническая 109, 343, 385
Интернационализация 313, 314, 338, 341, 343, 345, 363, 364, 391, 392
Интернационализм 357, 365, 368, 369
пролетарский 185, 228, 344, 345, 368
социалистический 295, 344, 345, 369
Интерференция культурная 85, 242
Информация 26, 83, 94, 110, 111, 124, 127, 135, 169, 170, 210, 224, 226, 234, 286, 363, 385
культурная 111, 206, 234, 363
культурно-психическая 110
синхронная 111
этническая 83, 227, 269
этнокультурная 110, 224, 234
межпоколенная диахронная 110
Инфосвязи внутриэтнические 287
культурные 296
межэтнические 287

Искусство (его этнические аспекты) 55, 92, 109, 120, 142, 152, 177, 360, 365
народное 55, 152, 359, 360, 365
профессиональное 177
Искусствоведение 91
История 91, 95, 149, 192, 193, 199, 205, 217, 233, 234, 244, 245, 253, 260, 279, 282, 286, 309, 365, 383—387, 391, 393
этническая 12, 87, 192, 213, 233, 234, 253, 282, 286, 308, 309, 325, 383, 385—387, 391
этносоциальная 233, 244, 303, 385

Капитализм 76, 80, 118, 119, 219, 225—227, 229, 243, 257, 294, 296, 298—300, 310, 312, 315, 327, 333, 336, 338, 339, 341, 343, 349, 386—388
государственно-монополитический 312
Каста 40, 207, 322
Категория этническая 19, 21, 22
Клан 254
Классификации общностей людей 23
Классы 27, 29, 32, 38, 40, 78—80, 101, 102, 119—121, 158, 161, 171, 182, 185, 194, 195, 198, 216, 227, 229, 247, 286, 296, 301, 335, 338, 344, 349, 350, 364, 368, 389
антагонистические 79, 80, 121, 227, 229, 286, 295, 349, 389
как разновидность общности 39
Колониализм 335
Колонизация 19
Комплекс культурный 36, 37, 256, 291
Компоненты этнические 67, 193, 235, 320
Консолидация 237, 240, 241, 267, 300, 304—307, 310, 320, 321, 327, 349, 353, 354, 356, 365, 376
внутриэтническая 225, 238, 305—308, 321, 366, 368
культурная 354
межэтническая (этногенетическая) 304, 307, 310, 320, 321, 353
национальная 225, 228, 300, 304
этническая 230, 237, 240, 267, 283, 304, 306, 321, 353, 354
этногенетическая (межэтническая) 238, 240, 241
этнокультурная 227, 303
Контакты межэтнические 18, 111, 357
этнические 127, 226
Конфессионизм (наименование религий) 47
Культура 8, 13, 17—20, 24, 35, 36, 54—61, 81—98, 100—110, 116—129, 131, 132, 134—145, 152, 156—158, 160, 163, 170, 171, 182—184, 186, 190, 191, 195, 198, 201, 206, 207, 209, 211, 212, 221—224, 227, 230, 231, 238, 239, 241, 242, 245—250, 252, 253, 255—257, 260—264, 269, 271—273, 276, 277, 283, 286—288, 290, 291, 293—296, 301, 303, 307, 309, 310, 321, 322, 325, 327, 331, 338, 339, 350, 352, 353, 357—363, 365, 367, 368, 371—375, 380, 381, 385, 388—390, 392, 393
ее дефиниции (определения) 35, 88, 100—102
ее компоненты 36, 55, 56, 83, 86, 93, 101, 106, 110, 111, 116, 121, 123, 124, 126, 127, 129, 132, 136, 143, 163, 186, 190, 224, 230, 242, 294, 360, 385, 390
ее функции 88, 108, 109, 111, 117, 128, 135
духовная 9, 13, 54, 85, 107, 110, 116, 120, 122, 127, 140, 142, 152, 212, 227, 256, 260—262, 273, 277, 290, 310, 359, 361, 362, 368, 371, 372, 385, 389, 392, 393
материальная 9, 54, 85, 94, 107, 110, 120—122, 127, 140, 142, 152, 209, 212, 221, 223, 224, 256, 257, 263, 277, 290, 310, 358, 385, 392, 393
национальная 118—121, 158, 295, 296, 358, 365
общесоветская 363, 371, 372, 374, 390
традиционная 85, 87, 121, 136, 140, 211, 242
этническая 55, 116, 123—125, 222
Культурология 37, 102

Личность 18, 25, 29, 148—151, 153, 154, 172, 176, 177, 195, 262

Макроединица общественная 35
ее разновидности 32, 34, 35, 268
Макрообщность 87
Меньшинства национальные 238, 239, 335, 379, 380
этнические 238
Метаобщность 83
Метаплемя 254, 267, 272, 284
Метисация 205, 332
Миграция (переселения) 201, 218, 219, 236, 266, 273, 276, 290, 327, 333, 354, 364
Миксация (межэтническая) 240, 241, 281—283, 307, 308, 310, 332, 333
Мисцегенация расовая 309, 310, 332, 333
Мифология 247, 260

Многоязычие (многоязычность) 114, 330, 363

Народ 7—10, 12, 13, 15, 21, 32, 35, 39, 40, 44—55, 67, 70, 76, 84, 101, 111—113, 119, 120, 122, 123, 126, 127, 135, 143, 149—157, 159, 160, 166—168, 172, 177—179, 182—184, 186, 189, 194, 195, 197, 201, 211, 212, 215—223, 229—231, 235, 236, 238, 242, 255, 257, 260, 263, 270, 271, 275, 277, 279, 280, 282, 283, 287, 290, 292, 293, 295, 299, 304, 311, 314, 315, 320—322, 327, 329, 333, 337—340, 342, 344—346, 349, 350, 352—360, 362, 363, 365, 366, 369, 370, 372—377, 379, 387—391
как наименование для различных общностей 21, 45
как объект исследования 21
многонациональный (советский) 357
образование типа «народность» (этнос) 45
образование типа «национальность» (этнос) 45
образование типа «нация» (этнос) 45
советский — новая историческая общность 38, 358, 372, 375, 389, 391
этнос 44—46, 49, 51, 53—55, 84, 154
этносоциальный организм 67

Народность 3, 4, 12, 15, 18, 38, 40, 45, 46, 58, 61, 64, 66, 72, 80, 115, 159, 196, 203, 224, 228, 235—238, 265, 274—278, 290, 291, 294, 296, 297, 301—307, 318, 320, 328, 331, 347, 349, 351, 353, 357, 366, 368, 369, 371, 375, 378, 384, 387, 391
этникос 276, 286
этнос 54, 115
этносоциальный организм 80, 286, 288, 297, 306, 307
классификация 285, 286

Население 41, 44, 80, 81, 85, 119, 189, 191, 205, 206, 210, 229, 239, 251, 266, 273, 274, 276, 280, 281, 284, 287—289, 292, 296, 300, 301, 306, 309, 310, 315, 316, 318—320, 322—330, 332, 337, 339, 350, 353, 357, 362, 364, 367, 371, 376, 379, 385, 387, 392

Национальность 45, 49, 50, 54, 58, 59, 61, 62, 71—73, 76, 175, 178, 183, 184, 188, 198, 201—203, 239, 275, 276, 294, 297, 298, 325, 334, 339, 349, 352, 354, 357, 360—363, 369, 370, 377, 378, 384
этникос 59, 61, 62, 72, 73, 297
этнос 54, 58

Национализм 177, 184, 185, 194, 228, 229, 365, 368
буржуазный 185, 228, 368

Нация 3, 4, 8, 9, 12—15, 38—40, 45, 46, 49, 50, 54, 58, 61, 64—72, 76—80, 84, 112, 115, 118, 119, 121, 123, 145, 146, 152—154, 157—161, 173—175, 178, 179, 185, 194—196, 198, 199, 201, 203, 220, 223, 225—229, 235, 237, 238, 241—243, 265, 275, 288, 294—310, 319, 320, 330—334, 338—349, 351—354, 357, 358, 361, 365—369, 371—378, 380, 384—386, 387, 389, 390
буржуазная 64, 68, 118, 119, 158, 160, 235, 237, 275, 295, 300, 301—303, 305—307, 310, 352
капиталистическая 238, 349, 384
социалистическая 64, 68, 80, 235, 237, 238, 275, 295, 343, 349, 351, 352, 366, 369, 371, 384, 388
как разновидность общности 39, 64, 65, 71, 84, 173, 175
как этносоциальный организм 67, 76, 79, 198, 201, 297, 310

Область историко-этнографическая 37, 84, 86, 123, 224, 292

Образование этническое 21, 66, 75, 80, 81, 111, 118, 121, 123, 146, 171, 180, 182, 187, 192, 197, 205, 211, 223, 224, 234, 267, 278, 293, 336, 337, 384
этносоциальное 69, 72, 75, 192, 237, 247, 269, 297, 384

Обряды (обрядность) 54, 55, 104, 120, 121, 130, 134, 206, 212, 247, 262, 293, 361, 365—367, 371, 385

Общение межнациональное 328, 331, 362, 369, 370

Общество 8, 10, 12, 16, 23, 24, 30, 31—34, 37, 40, 50, 62, 66, 68, 74, 76, 83, 91—99, 101—105, 108, 110, 115, 117, 118—120, 130—132, 135, 136, 140—142, 150, 158, 159, 164, 176, 180, 184, 187, 188, 193—195
антагонистическое 74—120, 176, 194, 197, 368
буржуазное 119, 349, 364
докапиталистическое 76, 159, 219, 274—276, 284, 286, 289, 293, 296, 349, 385, 387, 388
доклассовое 83, 110, 197, 261, 269, 280, 288
капиталистическое 32, 158, 194, 195, 197, 198, 275, 288, 341
классовое 30, 62, 68, 74, 76, 83, 110, 115, 118, 120, 150, 158, 159, 176, 184, 193, 194, 196, 197, 199, 215, 236, 263, 264, 267, 274—276,

280, 284, 286, 289, 290, 292, 293, 296, 384—387
первобытное 50, 62, 132, 140, 188, 200, 237, 244, 246, 247, 251, 253, 254, 256, 260, 262, 265, 267, 268, 269—271, 386
рабовладельческое 274, 284
раннеклассовое 132, 188, 224, 278, 284, 386
социалистическое 195, 197, 198, 229, 275, 288, 304, 341, 342, 365, 370, 372
Община 23, 24, 34, 73, 110, 224, 225, 248, 261, 265, 272
Общность (образование) 15, 16, 21, 23—29, 31, 34—49, 51—53, 56—67, 69—88, 111—115, 117—121, 123, 125—129, 131, 132, 140, 141, 146, 148—151, 153—161, 171—173, 175—178, 180, 182—185, 187—192, 193, 195, 197—201, 203, 204, 207—210, 213, 223, 224, 226, 228, 230—233, 235—240, 244, 247—249, 252, 253, 255—257, 260, 262, 264—273, 275—280, 283, 284, 286, 287, 289—291, 295—297, 301, 302, 307, 308, 317, 319, 320, 322, 326—328, 331, 332, 334, 353, 357, 358, 360, 372—376, 378, 379, 383—387, 390—393
биологическая 21, 28, 41, 43
историко-культурная 35, 37, 87, 392
историко-этнографическая (традиционно-культурная) 85, 87, 103, 387
историческая 31, 38—40, 58—61, 131, 384
культурная 11, 36, 56, 57, 84, 118—121, 123, 141, 158, 196, 197, 230, 266, 268, 392
макроэтническая 289, 305, 331
метаэтническая 13, 14, 82, 84, 86, 87, 239, 240, 265, 273, 293, 304, 328, 332, 375, 378, 383, 387, 391
метаэтноконфессиональная 83, 292
метаэтнокультурная 82
метаэтнолингвистическая 83, 86, 87, 307
метаэтнополитическая 82, 240, 291, 310
метаэтносоциальная 243, 268, 375
национальная 15, 62, 153, 173, 177, 193, 194, 198, 296, 334, 335
новая историческая — советский народ 38—39, 373, 375, 391
политическая 43, 47, 63, 74, 224, 373
потестарная 35, 62, 239
происхождения 19, 186—193, 287, 288
социальная 21, 27—31, 34, 37, 39, 40, 43, 63, 65, 70, 83, 87, 132, 141, 158, 207, 210, 214, 373
этническая 3, 10, 11, 13—16, 18, 21, 22, 37, 38, 46—49, 51, 52, 58, 61, 63, 69—73, 75, 76, 81—84, 87, 88, 103, 111—114, 120—121, 123, 126—129, 132, 140, 141, 146, 148—151, 153—161, 172, 173, 175—177, 180, 182—185, 187, 189, 192, 194, 201, 203, 204, 212, 213, 216, 223, 227, 228, 230, 232, 233, 235—238, 240, 244, 246, 247, 249, 252—254, 256, 259, 261, 264—268, 270, 275, 278, 280, 283—287, 289, 291, 296, 301, 305, 307—310, 316—322, 326—330, 336—337, 353, 354, 360, 374—376, 383—387, 393
ее основные единицы 264
этнолингвистическая 238, 267, 268, 277, 289, 290, 301, 305, 307, 321
этносоциальная 63—65, 80, 82, 84, 231, 235, 243, 253, 268, 285, 289, 295—298, 315, 338, 343, 345, 349, 383, 385, 390
ее историко-стадиальные типы 63
как народность 63, 297
как нация 63, 390
языковая 29, 56, 60, 113—115, 120, 290
Обычай 19, 20, 54, 55, 92, 107, 109, 121, 131, 133, 134, 152, 206, 209, 212, 221, 227, 253, 255, 262, 277, 293, 325, 362, 365, 371, 385, 390
Организм как потестарное образование (этнопотестарный) 46, 69—70
социальный 33—35, 37, 38, 46, 60, 62, 63, 68—70, 72—75, 80, 86, 97, 98, 208, 239, 247, 249, 276, 286, 291, 293, 296—298, 315, 316, 320, 383
типы его 34, 35, 75
этносоциальный (ЭСО) 13, 15, 63, 66—70, 73, 82, 124, 125, 133, 193, 196, 198, 201, 207, 225, 227, 231, 235, 243, 247, 249, 252, 254, 256, 264, 265, 268, 270, 274, 275, 277, 278, 286, 288, 291, 293, 297, 298, 301—303, 305, 307, 308, 310, 316, 322, 351, 383—386, 388, 390
его компоненты 67—69
Отношения межнациональные 4, 336, 345, 370
межэтнические 242, 319, 366
национальные 4, 22, 194, 229, 334, 338, 341, 344, 366, 368, 390

Парциация этническая 235, 236, 284, 307, 310, 333
Пережитки 131, 195, 368
Пассионарность 213
Племя (племена) 3, 7—9, 12, 15, 29, 34, 35, 38, 40, 45, 46, 50, 62, 66,

67, 80, 114, 115, 175, 187, 200, 201, 224, 231, 235, 236, 238, 246—256, 260—268, 270—272, 276—278, 280, 281, 284—286, 288, 289, 294, 301, 320, 322, 328, 331, 353, 387
этникос 247—249, 252—254, 256, 264
этносы 250, 256, 261, 262, 271, 272
этносоциальный организм 67, 80, 247, 256, 264
Плюрализм культурный 141
национальный 335
расовый 318
этнический 317
Поведение (этническая специфика его) 103, 109, 120, 125, 128, 138, 261
Подразделения этнические 75, 81, 82, 84, 171, 193, 197, 240, 241, 244, 246, 250, 254, 264, 270, 273, 286, 289, 298, 305, 315, 317, 331, 332, 353
этносоциальные 236, 268, 286, 288, 321, 373
Политика ленинская национальная 13, 370
Политоним 46, 47, 282, 328
Полиэтничность 317
Популяция (биологическая общность) 41—43, 53, 54, 131, 207—211, 213, 386
Признаки расовые 17, 51, 53
этнические 9, 51, 60, 61, 111—118, 122, 139, 173, 180, 190, 322, 341
Принадлежность этническая (национальная) 50, 51, 72, 73, 188, 191, 192, 197—199, 202—204, 206, 213, 233, 241, 326, 355, 356, 372
Проблематика этническая 4—7, 10, 12, 22, 386
Процесс всемирно-исторический 34, 131, 224, 283, 391, 393
Процессы ассимиляционные (ассимиляции) 230, 239, 279, 307, 309, 321—326, 328, 355, 356
консолидационные (консолидации) 203, 238, 272, 279, 307, 309, 320, 328, 353, 354
межэтнической интеграции 328, 331, 358
межэтнической консолидации 320
национальные 13, 294—296, 334, 343, 351, 364, 366, 368, 376, 384
Процессы этнические 3, 4, 12, 13, 15, 22, 71, 213, 214, 223—226, 228, 229, 232—235, 237, 238, 240, 241, 243, 244, 254, 271, 273, 274, 278, 283, 289, 295, 299—310, 315, 320, 332, 333, 337, 338, 352—355, 363, 366, 368, 376, 384, 386, 387, 391
объединительные 240, 241, 242
этнотрансформационные 234, 235, 237, 240
этноэволюционные 234, 235, 237, 241
их типы 301—307, 237, 241
этногенетические 215, 234, 280, 285, 289, 307
этнодемографические 13, 337, 356
этноконсолидационные 302, 354, 376, 389
этнокультурные 13, 22, 293
этносоциальные 22, 235, 243, 294, 298, 301, 315, 326, 338, 342, 343, 386, 388
Психика (этнические аспекты) 58, 61, 143—147, 162, 170, 172, 213, 214
Психология 60, 143, 144—147, 149, 153, 154, 158, 159, 163, 368, 369, 370, 375
национальная 60, 369
социальная 144, 145, 159
этническая (этнопсихология) 143—145, 153, 154, 172, 211, 365
Психический склад 145—147, 149, 153, 154, 156—161, 171, 212, 213

Раса 8, 13, 18, 21, 40, 41, 43, 44, 51—53, 155, 188, 309, 318
Расогенез 41, 43
Регион 138, 201, 202, 217, 219, 220, 258, 266, 304, 322, 328, 337, 339, 347, 357, 377, 390
Религия 17, 55, 56, 83, 86, 116, 120, 121, 127, 130, 140, 141, 190, 194, 206, 207, 211, 231, 261, 292, 293, 359, 366, 367, 378
Род 7, 34, 35, 38, 40, 64
антиэтнос 265
как социальное образование 38
Родство биологическое 188, 190
генеалогическое 43
кровное 187, 188
социальное 188

Самоназвание (этноним) 45—48, 50, 56—58, 85, 180, 267, 281, 282, 304
Самосознание 12, 15, 20, 49, 50, 56—58, 68, 69, 72, 84—87, 127, 151, 173—180, 182, 185, 187, 189—198, 204, 210, 229—231, 238—243, 245, 246, 248, 263, 267, 273, 281, 283, 287, 288, 292, 293, 303—306, 334, 336, 341, 358, 363, 365, 366, 372, 373, 375, 378, 385
нации 179, 194, 198, 199
национальное (этническое) 173—176, 178, 179, 185, 192—195, 197, 198, 229, 303, 334, 431, 463
этническое 13, 20, 21, 48, 56, 68, 87, 127, 151, 173—175, 179, 180, 182, 187, 189, 190—199, 204, 210, 213, 230, 231, 233, 240—243, 247,

263—267, 281, 283, 287, 288, 295, 305, 358, 363, 365, 366, 385
как компонент этноса 48, 58
Свойства психические 151, 157—159
этнические 18, 56, 57, 62, 63, 67, 81—83, 110, 114, 116, 117, 126, 137, 139, 140, 182, 185, 186, 190—192, 204, 208, 223, 234, 238, 241, 374. 375
Связи 41, 74, 134, 208, 211, 225, 234, 285, 290, 300, 383—385
брачные 42, 206, 208
буржуазные 64, 225, 300
внутринациональные 225, 226
внутриэтнические 134, 234
межнациональные 225, 226
национальные 64, 65, 225, 300
их виды 19, 27, 29, 41, 64, 65, 67, 78, 79, 211, 226, 284—286, 385
Семья 27, 29, 34, 39, 40, 43, 52, 54, 62, 73, 74, 83, 110, 159, 202, 203, 205, 206, 221, 268—270, 325, 356, 367, 369, 378
микроэтносоциальная единица 83
смешанная (национально, этнически) 202, 205, 356
как разновидность общности 39
племен 159, 253, 254, 267, 268, 277, 286, 290, 317
языковая 52, 114, 290
Сепарация этническая 235, 236, 308, 310, 333
Символы этнические 186, 359
Система 27, 30, 57
социальная 30, 34, 97, 99, 100
этническая 7, 57, 141, 182, 189, 233, 244
Ситуация этническая 18, 325, 392
этнополитическая 318, 319, 320
Сознание 44, 48, 103—107, 112, 116, 117, 131, 134, 135, 140, 144, 147, 148, 160, 170—172, 175—180, 182, 186, 188—191, 194, 196, 198, 199, 206, 213, 217, 255, 262, 263, 266, 295, 343, 364, 367—370
национальное 175, 178—180, 198
общественное 103—105, 117, 131, 134, 144, 170, 171, 177, 178, 182, 194, 295, 343, 364, 368—370
обыденное 44, 116, 117, 140, 160—171, 177, 179, 182, 186, 188—191, 199
этническое 112, 178—180, 186, 206, 263
Соплеменность 50, 253, 255, 256
Социализм 75, 76, 185, 195, 218, 229, 243, 294, 296, 312, 338—354, 358, 364, 366—368, 370—372, 380—382, 386, 387—390
Социология 102
Социум 67
Союз племен 35, 159, 253, 268, 289
Специфика этническая (национальная) 122, 123, 162, 170, 358, 359, 365, 385
Среда 27, 41, 88, 101, 107, 108, 122, 131, 154, 171, 178, 189, 212—214, 218, 221, 223, 230, 232, 262, 273, 326, 356, 377
географическая 212—215, 223
природная 85, 122, 131, 212, 218, 221, 222, 273
социальная 153, 262
этническая 189, 203
этносоциальная 131, 326
Стереотипы 191, 195, 206, 231, 260, 288, 385, 392
этнические 182—184, 186, 231
Стратификация этническая 74, 75
Строй первобытнообщинный 32, 35, 76, 133, 224, 227, 252, 254, 261, 285, 315
Структура общества 31
социальная 38, 286, 349, 352
этническая 12, 81, 316, 320, 330, 352, 355, 356, 376
Субкультура 231
Субпопуляция 207
Субстрат этнический 281—283
Суперстрат этнический 281—283
Субэтнос 14, 83—85, 87, 208, 288, 321, 353, 376, 377, 383

Теория этноса 5, 7, 10, 13
Терминология этническая 7, 10, 11, 12, 14—16, 18, 21
Территория 12, 20, 57, 63, 72, 76, 78, 81, 188, 207, 211, 214, 215, 218, 228, 248—250, 252, 254, 264, 271, 277, 278, 280, 282, 286, 294, 297, 298, 300, 303, 315, 317, 387, 388
этническая 12, 211
Типологизация понятия «этническая общность» 81
Типы антропологические 41, 209
Типы хозяйственно-культурные 37, 86, 122, 123, 143
Топоним (наименование территории) 46, 47
Традиции 17, 20, 55, 96, 129, 136, 160, 168, 190, 193, 195, 211, 216—218, 221, 222, 248, 339, 359—361, 365, 368, 371
культурные 17, 96, 130—133, 160. 190, 216, 220, 358, 372
этнические 221, 225, 361, 362
их компоненты 132

Установки 147, 148, 152, 160, 183, 184, 222, 367, 368, 370, 380
межэтнические 160, 184
психологические 368

религиозные 367
этнические (национальные) 183, 184

Факторы биологические 211, 386
государственно-политические (политические) 57, 286, 300, 328
национальные 194, 375, 376
социально-экономические 21, 63, 334
социальные 29, 66, 67, 210, 213, 214, 223, 286, 319
социокультурные 17, 163, 211, 353
экономические (хозяйственные) 257, 319, 386
этнические 21, 63, 66, 67, 220
Феодализм 284, 289, 299, 303, 386
Формация капиталистическая 79, 160, 197, 296, 299, 384, 387
первобытная (первобытнообщинная) 159, 244, 254, 256, 260, 269, 271, 286, 384, 387
социалистическая (коммунистическая) 79, 80, 159, 197, 226, 296, 384
феодальная 160, 201, 274, 289, 384
Формации 32, 36, 40, 49, 67, 69, 79, 80, 87, 102, 119, 158—160, 171, 187, 227, 235, 236, 238, 244, 260, 267, 269, 271, 275, 276, 283, 286, 287, 289, 291, 296, 299, 342, 349, 384, 386, 387, 391
докапиталистические 59, 80, 159, 219, 275, 276, 283, 287, 289, 291, 294
классовые 35, 59, 119, 158, 159, 187, 238, 271, 276, 283, 289—291, 294
социально-экономические 32, 36, 40, 49, 59, 63, 75, 80, 86, 87, 102, 187, 219, 235, 244, 271, 287, 349, 384, 386, 391

Характер 60, 145—153, 156—162
национальный 148—150, 157, 159—162
этнический 82, 148—150, 152, 153, 160, 162
Хозяйственно-культурный тип 122, 123, 143, 212, 215, 216, 219, 257, 259, 263, 266, 270, 272, 273
Хозяйство 77, 86, 212, 215, 217—219, 222, 225, 257—260, 266, 273, 289, 311, 322, 334, 335, 351

Ценности 19, 92, 160, 179, 184, 195, 368—380, 392, 393
духовные 94, 179, 195, 392, 393
материальные 179, 195
этнические (национальные) 184, 369
этнокультурные 326
Черты культурные 56, 57
психические (психика) 158, 159, 198
этнические (национально-специфические) 67, 121, 172, 189, 198, 239, 325, 333
этнокультурные 192, 333
Чувство этническое (национальное) 179, 192, 193, 195, 196, 368, 373

Экзогамия 205, 246, 249, 265, 270, 277
Экзоэтноним 45, 47, 180
Эндогамия 13, 53, 200—204, 206, 207, 209, 252, 255
Эндоэтноним (этноним — самоназвание) 45—47, 180
Этник 10
Этникос 15, 59, 61, 62, 68—70, 72—76, 78, 82, 83, 86, 192, 196, 208, 235, 243, 247, 252—254, 256, 264, 269, 275—277, 283, 290, 292, 294, 297, 298, 300, 308, 351, 383, 384, 386, 390
архогенетический 76
гетерогенный 69
гомогенный 69
дисперсный 69
как общность 59, 235
как явление панойкуменное 59
народность 275, 276, 283, 290
национальность 59, 61, 62, 73, 76, 297, 298, 390
негенетический 76
«областной» 277
неогенетический 76
племя 253, 254, 264
соплеменность 256
этносоциальный организм 63, 69
этнос (в узком значении) 70, 76, 78
Этнисити 16—19
Этничность 11
Этногенез 5, 12, 214, 235, 245, 277, 281
Этнография (этнографическая наука) 5, 8, 10, 13, 15, 45, 64, 130, 199, 247, 256, 317, 365
Этнология 8, 317
Этнонациональность 73
Этноним 45—50, 56, 61, 64, 180, 212, 263, 264, 281, 282, 353, 354, 378
Этнос 3, 5, 7, 8, 10, 12—15, 17, 19—22, 44, 46, 48—59, 62, 63, 66, 67, 70, 75—85, 88, 109—117, 120—128, 132, 134, 135, 138, 139, 150—155, 157, 160, 170—177, 179, 180, 182, 183, 186—193, 195—216, 218—220, 222—224, 227, 229, 230—236, 238—244, 250, 252, 256, 257, 261—263, 271—275, 278—308, 315—322, 326, 328—330, 332, 333, 354—356, 359,

360, 364, 369, 372, 376, 377, 383, 385, 386, 388
архогенетический 76, 317
в узком значении 70, 76—78, 80, 235
дисперсный 111, 207
неогенетический 76, 387
образование этносоциальное 75
объект исследования 10
основное этническое подразделение 83
палеогенетический 76, 386
постплеменная народность 285
племя 8, 45, 54, 250, 261, 262, 271, 272
характеристика 19, 20
этникос 15, 59, 70, 75—78, 82, 192, 333
этносоциальный организм 76, 78, 82
его внутренняя структура 88
его основные формы 81
его свойства 48—50, 88, 186, 190, 196
его типы 81
его формы 57
как биологическая общность (популяция) 20
как единица этнической классификации 14
как общность 15
как система 88, 124
как социальное явление 20
компоненты его 88, 210
народ 5, 8, 14, 15, 49, 51, 53—55, 84, 154, 215
народность 45, 54, 115
национальность 45, 54, 58, 198
нация 45, 54, 115, 123, 198, 315
Этнофор 83, 269
Этноцентризм 184

Явления 68, 71, 73, 102, 172, 192, 227, 228
культурные 100
национальные 5, 73
общественные 68, 92
социальные 35, 62, 91, 98, 100
этнические 5, 7, 21, 62, 71, 81, 192, 227, 228
Язык 9, 17, 20, 36, 44, 46, 55—60, 72, 73, 81, 83, 86, 89, 92, 104, 110—117, 121, 122, 124, 126, 127, 137, 140—142, 149, 152, 153, 155, 156, 163—170, 177, 191, 195, 196, 198, 201, 205, 206, 209, 224, 227, 229, 230, 238, 239, 241—243, 252, 253, 261, 268, 276, 282, 283, 287, 290, 291, 296, 300, 302, 303, 305—307, 309, 310, 321, 322, 324, 325, 327—332, 353, 360, 362, 363, 371, 372, 377—379, 385, 390
государственный 328—330
межэтнического (межнационального общения) 328—331, 362, 363
его этнические функции 117
Ячейка производственная 34
социальная 110, 264
этносоциальная 200

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ЭТНИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Абаджа 320
абазины 203
абат даваспр 255
авары 255
авка 320
австралийцы 270, 325
Австралия 200, 236, 250, 251, 260, 265, 325, 337
Австрийская империя см. Австро-Венгрия
австрийцы 56, 183, 230, 236
Австрия 303, 306
Австро-Венгрия (Австрийская империя) 206, 302
Азербайджанская ССР 340, 341
азербайджанцы 70, 189, 282, 355
Азия 220, 250, 308, 311, 314, 318, 320, 323, 328, 335, 392
айны 221
айова 268
аканы 321
акимы 321
акиты 270
Албания 61
албанцы 61, 128, 376, 377
алеманы 279
алеуты 308
алжирцы 112
алгонкины 251
Америка 76, 156, 236, 250, 309, 323, 338, 392
Алтае-Саянская обл. 86
алтай-кижи 353
алтайцы 76, 353, 387
Аляска 111
Амазонка, р. 260
американцы США 9, 56, 74, 84, 166, 183, 309, 315. 325
Амстердам 183
Амуро-Сахалинская обл. 86
англичане 15, 53, 56, 62, 71, 74, 112, 128, 149, 152, 169, 191, 198, 199, 236, 296, 308, 318, 319, 324, 334, 364
Англия см. Великобритания
англоавстралийцы 112, 325, 308
англоканадцы 56, 316, 308, 333, 387
англосаксы 287
Ангола 329
андалузцы 310
андаманцы 53
андезитии 267
анраки 302
Апеннинский п-ов 306
Арабский халифат 292
арабы 54, 189, 255, 289, 292, 316
Аргентина 310
аргентинцы 56, 112, 310
Армения см. Армянская ССР
армяне 48, 50, 70, 113, 126, 235, 242, 349, 354, 355, 369, 386
Армянская ССР (Армения) 340, 341, 355
архантропы 244—246, 258
ассирийцы 9
атапаски 251
Атлантика 290
Афганистан 54, 55, 62
афинцы 277
Афинское гос-во 277
Афины 183, 200
Африка 220, 232, 236, 238, 301, 308, 311, 314, 315, 317, 318, 328, 331, 335—338
африканеры 318, 319, 333
Африканская тропическая провинция 86
африканские народности 156
африканцы 318
ацина 268
ацтеки 166
ашанти 321
аэта 53, 270

Баварцы 321
бавары 278
Бали, о. 86
Балканский п-ов см. Балканы
Балканы (Балканский п-ов) 217, 281, 289
балкарцы 282
Балтийское море 290
Бангладеш 316
бангладешцы (восточные бенгальцы) 333
банту 291
банту Кавиропдо 320
бану сахр 255
баски 310, 334
Бачка 378
башкиры 113, 201, 242, 285, 354, 355
Белоруссия см. БССР
белорусы 201, 203, 236, 284, 339, 353, 354, 356
бельгийцы 46
Бельгия 46, 311, 315—317, 319, 329, 334
бенгальцы 315, 316, 333
Берег Слоновой Кости 321
берлинцы 183
бесс 253

Бирма 86, 316, 318
бирманцы 218, 316, 318
бирхоры 322
бистоны 267
Ближний Восток 289, 338
бойки 238, 353
Болгария, см. НРБ
болгары 47, 55, 159, 189, 281, 282, 386
болгары СССР 178
Боливия 333
боснийцы 376
Боспор 291
Ботсвана 320, 322
Бразилия 165, 203, 309, 310, 316
бразильцы 112, 310, 315, 387
брау 376
бревки 267
бретонцы 238
Британская Индия 333, 336
Британское Содружество 324
БССР (Белоруссия) 201, 298, 340, 355
буги 322
буряты 53, 218
Бухарская Народная Советская Республика 340
бушмены 251, 270
бхилы 322

Вавилония 289
валлийцы см. уэльсцы
валлоны 317, 319, 334
Ванкувер о-в 166
варвары 263, 288, 289
Ватерлоо 151
ваширы (ватумбату) 197
Великобритания (Англия) 62, 148, 156, 183, 198, 238, 287, 311, 315, 318, 322—325, 328, 334, 335
великорусы 340
Вена 183
Венгрия см. ВНР
венгры 48, 128, 189, 206, 286, 302, 376—378, 386
венецианцы 303
венцы 183
Вест-Индия 322
Византийская империя 292
византийцы 159
Виктория, оз. 320
Виктория, штат в Австралии 347
Вильнюс 202
винту 167
висайя 316
влахи 217
ВНР (Венгрия) 69, 351, 376
Воеводина 377
Волга, р. 213
Восточная Азия 289
Восточная Африка 322, 329
Восточная Европа 289, 298
Восточная Полинезия 320
Восточноиндокитайская обл. 86
Восточноиндонезийская обл. 86
Восточносибирская обл. 86
восточные славяне 290, 356
Вьетнам см. СРВ
вьетнамцы, вьеты (кинн) 138, 156, 376, 379

галлы 267
Гана 197, 321, 328
ганцы 328
гасконцы 199
Гватемала 332, 333
гватемальцы 332
гвинейцы 328
Гвинея 322, 328
ГДР 69, 321, 351, 352, 376
геклены 353
генуэзцы 306
Германия 10, 148, 152, 267, 299, 307, 311
германошвейцарцы 56, 316
Германская империя 307
германские племена 231, 283
Германское королевство (Священная Римская империя) 278
германцы 159, 236, 247, 267, 279
гессенцы 321
гилянцы 70
голландцы 151, 183, 236
Гондурас 332, 334
гонды 322
греки 128, 183, 288, 323, 325
Гренландия 111
Грузинская ССР (Грузия) 226, 339, 340, 355, 357, 358, 362
грузины 70, 126, 342, 349, 353, 354, 355, 358—362, 369
гуайналы 155
гуроны 268
гуцулы 238, 353

давасир 255
дакотские племена 268
Дальний Восток 259
дани 165
Дания 69
датчане 69, 183, 301
дачаа 197
даяки 320
Дели 183
дерсеи 267
деситиаты 267
ди 287
диери 247
дитионы 267
дравидийские народы 293
древнерусская народность 236, 279, 284
Древнерусское гос-во 284
древние греки 247

Древний Египет 69, 289
Древняя Греция 69
дреговичи 279
дубла 322
дулебы 50, 255
Дунай, р. 47
дьянду 253

Евразия 217, 249, 272, 273
евреи 203, 356
Европа 152, 220, 236, 250, 258, 261, 270, 289, 290, 308, 310, 318, 322, 323, 325
Европейская часть СССР 47
европейцы 55, 110, 155, 219, 236, 308, 318, 321
европеоидная раса 41, 51
Египет 291
египтяне 69, 112, 282

жун 263, 287

Забайкалье 53, 218
Заир 317, 329
Закавказье 339
Занзибар, о. 197
Западная Европа 10, 203, 228, 283, 287, 289, 293, 300, 322, 323, 335, 338
Западная Сибирь (Западносибирская обл.) 86, 369
Западно-Африканский регион 328
Западноиндокитайская обл. 86
Западноиндонезийская обл. 86
западные бенгальцы 333
западные славяне 290
Западный Берлин 183
Зарубежная Азия 337
Зарубежная Европа 337
ЗСФСР (Закавказская федерация) 340
зулусы 53, 170
зуни 166
зуон 304

И 263, 287
игвакетсе 320
ика 320
иллирийцы 267
Инд 290
индейско-португальские метисы 310
индейцы 54, 164, 183, 219, 247, 268, 308—310, 318, 332
индейцы винту 167
индейцы зуни 166
индейцы камайура 165
индейцы майя 168
индейцы навахо 168, 169
индейцы нутка 166, 167
индейцы хопи 166, 167
индейцы Центральной Америки 219
индийцы 9, 47, 55, 318, 320, 322, 325, 328
Индия 47, 54, 55, 215, 308, 317—319, 322, 323, 330, 333, 336
индоарийские народы 293
индоевропейские народы 52
Индокитай 111
индонезийцы 328
Индонезия 317, 320, 322, 329
Индостан 290
индусы 293, 336
Иоганнесбург 183
иомуды 353
Иордания 316
Ирак 62
Иран 62, 70, 290
Ирландская республика 324
ирландцы 149, 198, 242, 308, 324, 325
ирокезы 268
Испания 151, 249, 306, 318, 322, 328, 334
испанцы 48, 56, 112, 152, 236, 310, 321, 334
Италийский п-ов 283
Италия 284, 307, 316, 322
итальянцы 47, 51, 56, 74, 75, 149, 154, 183, 209, 238, 283, 306, 307, 310, 316, 321, 323, 387

Каабна 255
Кавказ 54, 55, 215, 220, 221, 390
кадары 217
казаки 85, 353
казаки донские 83, 84
казахи 349
Казахская АССР 340
Казахская ССР (Казахстан) 201, 226, 354
кайова 268
калабрийцы 321
калагади 320
Калимантан, о. 54, 86, 320
Калифорния 167
Камайура 165
Камбоджа см. Кампучия
Кампучия (Камбоджа) 86, 301, 302, 316, 318
камчадалы 353
Камчатско-Чукотская обл. 86
Канада 50, 61, 62, 111, 298, 315, 316, 319, 322, 329, 334
канадцы 112
кандийские сингалы 304
карачаевцы 282
карелы 113, 242, 356
каталонцы 45
кашубы 376
каюга 268
квена 320
кгатла 320
кельты 279

Кения 320, 322
кержаки 353
киконы 267
Кипр 319
Киргизская АССР 340
Киргизская ССР 355, 357
киргизы 285
Китай 111, 287—289, 308, 316, 323
китайцы 113, 263, 287, 288, 315—317, 319—321, 329
КНДР (Корейская Народно-Демократическая Республика) 351
коли 322
команчи 268
Конго см. Народная Республика Конго
Копенгаген 183
корейцы 74
коряки 270
коши 54
креолы 318, 332
кривичи 45, 279
кряшены 354
Куба 325, 344
кубинцы 56, 112, 325
кубу 251, 270
Кувейт 327
Кука о-ва 320
курды 62, 70
кхмеры 301, 302, 316, 318, 376
кхонтаи, см. тайцы
кхыон 304

лао 303, 304
лаолум 304
Лаос (Лаосская Народно-Демократическая Республика) 86, 303, 304
Латвийская ССР (Латвийская республика) 201, 355, 370
латгальцы 353
латиноамериканские народы 52
Латинская Америка 78, 151, 203, 309, 311, 314, 325, 328, 332, 333, 335, 337
латыши 349, 353—355, 356, 370
лемки 238, 353
лигурийцы 321
литовцы 62, 70, 355, 356
ло 197
ломбардийцы 321
Лондон 12
лопари (саамы) 322
лухья 320
лы 304
«люди гор» 264
«люди леса» 264
«люди моря» 264
«люди степи» 264

Мадагаскар 316
мазандеранцы 70
мазеи 267
майя 168
макам 262
Македония 377
македонцы 376, 377
максии 263
Малайзия 86, 317, 319, 330
Малайский архипелаг 86
малайцы 218, 317, 319, 329
малете 320
Мали 328
малийцы 328
малороссияне 152
мангаиа 321
мангвато 320
манихики-ракаханга 321
мань 287
марабри 216, 217
марийцы 201
мбугве 320
мёз 253
Мезия 253
мекленбуржцы 321
Мексика 332—334
мексиканцы 112, 169, 318, 335, 387
мексиканцы США 178
меланезийцы 54, 219, 320
мелановокаледонцы 320
Месоамерика 259
метисы 309
метисы (ладино) 318, 332
микронезийцы 54
мишари 354
могауки 268
молдаване 349, 355, 358—361, 369, 370
Молдавская ССР (Молдавия) 226, 298, 341, 355, 357, 358, 369
монголоидная раса 41, 52, 318
монголо-татары 289
Монгольская Народная Республика (МНР) 344, 351
монкхмеры 54
мордва 113, 242, 356
Московское царство 65
Мадура, о. 86
мулаты 203, 207, 318, 333
мыонги 376
мяо (мео) 111

навахо 168, 169
нагайбаки 353
нанайцы 54
Народная Республика Конго (Конго) 317, 329
народы Севера 54, 76, 339
нганасаны 352
нгнеу 304
негидальцы 352
негритосы 53
негроидная раса 41
негры 74, 75, 308, 309, 318, 322, 332, 333, 335

негры США 84, 207
немцы 56, 76, 113, 125, 151, 152, 183, 206, 209, 236, 278, 284, 301, 306, 307, 323, 325, 327, 351, 376
ненцы 339
Непал 222, 320
нивхи 54
Нигерия 307, 317, 320, 322
Новая Гвинея, о. 272, 317
Новая Каледония 320
Новая Франция 307
Норвегия 62, 316, 322
норвежцы 62, 113, 183, 316
нормандцы 199, 287
НРБ (Народная Республика Болгария) 281, 282, 351
Нубия 291
Нутка 166, 167
Нью-Йорк 183
ньямвези 320
ньятуру 320

огнеземельцы 260, 270
оду 376
Океания 153, 221, 328, 392
Ольстер 334—336
Оман 316
онейда 268
онондага 268
оранг-лауты 54
осетины 189, 220, 221, 282
Осло 183
османы 303

Пакистан 47, 62, 319, 323, 333, 336
пакистанцы 47, 322, 328
палеоантропы-неандертальцы 246, 258
панджабцы 333, 336
паннонцы 267
Папуа-Новая Гвинея 165
папуасы 272
Парильо 249
Пенджаб 336
Передняя Азия 258, 259
персы 70
Перу 259, 329, 333
петы 267
пигмеи 251
пирусты 267
Поволжье 390
Подмосковье 208
полинезийцы 54
Польша 32, 50, 316, 351, 376, 379
поляки 48, 50, 63, 75, 152, 203, 305, 321, 323, 325, 364, 376, 377, 386
поляне 279
полярные эскимосы 54
поморы 85, 353
Поморье 222
пор 302
Португалия 316, 318, 322
португальцы 316
прибалтийские народы 339
Прибалтийские республики 202
Прибалтика 215, 326, 356, 390
Причерноморье 290
провансальцы (южные французы) 51, 64, 199, 305
протоболгары 281
Пруссия 306
пупаны 54
пуштуны 62
пуэрториканцы 318, 323, 335
пьемонтцы 321

Рейн 267
Рига 202, 203
римляне 159, 247, 283
Римская империя 289, 291
рмам 376
ролонг 320
раротонга 320
Россия (Российская империя) 70, 79, 207, 285, 299, 301, 311, 312, 339, 340, 344, 346, 364, 366
Российская империя см. Россия
РСФСР 201, 298, 340, 354
Руанда 322
Румыния см. СРР
румыны 67
Русская равнина 248
русские 15, 47, 48, 53, 64, 76, 84, 85, 149, 151, 152, 183, 196, 201—203, 213, 218, 221, 225, 236, 280, 284, 296, 300, 315, 339, 342, 349, 352, 353, 354, 356, 360—362, 364, 366, 367, 369, 370
Русь 293

саксонцы 278, 279, 321
саксы 278
Сальвадор 332, 334
сапеи 267
сарси 268
сатры 267
Сахара 86, 232
Северная Азия 270
Северная Америка 251, 258, 323, 337
Северная Африка 262
Северная Ирландия 335
Северное море 290
Северный Кавказ 220, 221
североамериканцы 112, 318, 387
северофранцузы (северные французы) 51, 64, 305
северяне 279
селькупы (шеинкум — «таежные люди») 213
семанги 53, 270
Сенегал 328
сенегальцы 328

сенека 268
сенои 270
Сербия 377
сербы 46, 128, 191, 206, 376—378
«Серединные царства» («чжунго») 288
сету 353
Сибирь 86, 111, 218, 266, 280, 339, 353
сибиряки 47
сингалы 304, 305, 316
Сингапур 316, 319, 329
сирийцы 112, 316
Сирия 50, 316
сиу 45
сицилийцы 306, 321
Скандинавия 231
славяне 54, 84, 197, 217, 267, 279, 281, 290
славяно-болгары 281
словаки 62, 69, 376, 378
Словацкая Социалистическая Республика 69, 346
Словения 377
словенцы 46, 376, 378
советский народ 39, 350, 357, 358, 369, 372—375, 389, 391
спартанцы 277
СРВ (Вьетнам, Социалистическая Республика Вьетнам) 69, 86, 138, 315, 376, 379, 391
Средняя Азия 54, 215, 290, 339, 340, 390
Срем 378
СРР (Социалистическая Республика Румыния) 67, 351
СССР (Советский Союз, Советское гос-во, Союз Республик, Союз ССР) 4, 50, 58—62, 69, 78, 220, 226, 237, 239, 314, 315, 337, 339—341, 345—348, 350—352, 355—368, 371, 372, 375, 376, 381, 390, 391
Стокгольм 183
Сулавеси, о. 322
Суматра, о. 86
СФРЮ (Социалистическая Федеративная Республика Югославия; Югославия) 46, 62, 69, 201, 315, 346, 351, 376—378, 391
США (Соединенные Штаты Америки) 12, 46, 50, 60, 62, 74, 238, 299, 304, 308, 309, 311, 314, 318, 321—327, 335
ся 287, 288

тавана 320
тагалы 319
тай 376
Таиланд 86, 216, 304, 316, 318, 323, 328
тайские народы 216
тайцы 316, 318
Таллин 202
тамилы 319
Танзания 320, 329, 330
тасманийцы 210
Татарская АССР (Татария) 183, 357, 370
татары 183, 201, 354, 355, 366, 370
Ташкент 369
теке 353
теленгиты 353
телеуты 353
тибето-бирманские народы 293
тлоква 320
тоала 322
Того 322
тода 9
топгарева 321
Торонто 183
тосканцы 321
трибалл 253
Тропическая Африка 78, 291, 322
тсвана 320
Тумабату, о. 197
тунгры 267
Туркестанский край 339
турки 48, 159, 189, 191, 196, 282, 319
Туркмения 356
туркмены 349, 353, 356
Турция 62
тускарора 268
тхай 304
тюринги 279
тюрки 47, 289, 356

угро-финны 279
Угрюмово с. Серпуховского у. 208
удмурты 230
узбеки 342, 353, 358—361
Узбекская ССР (Узбекистан) 354, 357, 358
Украинская ССР (Украина, УССР) 61, 201, 221, 298, 340, 353—355
украинцы 45, 48, 50, 59—61, 70, 79, 113, 149, 196, 201, 203, 213, 230, 238, 242, 284, 298, 339, 352—356, 369
украинцы Венгрии 298
украинцы Канады 59—61, 75
украинцы Польши 298
украинцы ЧССР 75, 298
ульчи 54
Уругвай 310
Уэльс 335
уэльская народность 296
уэльсцы (валлийцы) 71, 238, 334

фанти 321
Фиджи 219
Филиппинская обл. 86
филиппинцы 328
Филиппины 316, 319, 320, 330
Финляндия 322

финны 152, 183, 230
фламандцы 316, 317, 334
флорентийцы 306
фракийцы 267
франки 284
франкоканадцы 298, 307, 319, 334
Франкская империя 284
Франция 10, 46, 148, 194, 199, 238, 301, 303, 306, 311, 314, 316, 318, 322, 323, 328, 334
французы 9, 15, 46—48, 56, 64, 76, 151, 152, 196, 199, 209, 284, 302, 305, 306, 316, 318, 321, 334, 365, 387
ФРГ (Федеративная Республика Германия) 69, 314, 316, 321, 322, 327, 351
фриулы 307
Фудзияма (Фудзи), гора 118, 213

хадза 251
хакасы 282, 387
Хельсинки 183
хиндустанцы 315
Хоккайдо, о. 221
хопи 166, 167
Хорватия 377, 378
хорваты 46, 128, 191, 206, 303, 376—378, 386
Хорезмская Народная Советская Республика 340
Хуанхэ, р. 259, 287
хуацяо 323

Центральная Америка 309
Центральная Европа 249, 298
цыгане 50, 73, 384

черкесско-абазинская группа 203
черкесы 203
Черногория 377
черногорцы 189, 282, 377
черноногие 268
ЧССР (Чехословацкая Социалистическая Республика, Чехословакия) 50, 62, 69, 346, 351, 376, 379
чехи 56, 303, 376, 387
Чехия 303
Чешская Социалистическая Республика 346
чилийцы 56
чон 302
Чувашия 356
чукчи 270, 296, 339
чукчи береговые (анкалын — «морские жители») 213

швабы 278
шведы 45, 183, 230
Швейцария 316, 319, 322, 327
швейцарцы 152
Швеция 322
шерпы 222
Шотландия 324, 335
шотландцы 45, 71, 128, 152, 191, 198, 242, 308, 325, 334, 387
Шри Ланка 304, 316, 319

эвенки 45, 113, 125, 218, 242, 339
Эквадор 333
эллины 69, 277, 278, 288
эскимосы 111, 125, 166, 251, 308, 318
Эстония 350
эстонцы 349, 353, 355, 356, 359—361
Эфиопия 329

ЮАР (Южно-Африканская Республика) 62, 318, 319, 333, 337
Юго-Восточная Азия (Юго-Восточноазиатская провинция) 53, 54, 86, 111, 122, 218, 259, 260, 323, 338
югославы 46, 378
Южная Азия 122, 289, 293, 322
Южная Америка 155
Южная Африка 53
Южная Индия 217
Южная Италия 51
Южная Меланезия 320
Южная Сибирь 290
Южная Франция 306
южные славяне 152, 290
южные французы см. провансальцы
юкагиры 352
Юкатан (Мексика) 168
юрюки 191

Ява, о. 86
яванцы 329
якуты 285
Ямало-Таймырская обл. 86
яо (ман) 111
Япония 138, 221, 308, 311, 316, 323, 337
японцы 45, 47, 48, 50, 55, 75, 118, 154, 169, 196, 209, 213, 315, 316
японцы Бразилии 178

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 3

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЭТНИЧЕСКИХ СИСТЕМ

Очерк первый

Понятийно-терминологические аспекты этнической проблематики (предварительные замечания) 7

Очерк второй

К характеристике основных видов общностей людей . 23

Очерк третий

К вопросу о выделении этносов среди других человеческих общностей 44

Очерк четвертый

Основные формы этноса. Иерархия этнических общностей 57

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ОСНОВНЫЕ КОМПОНЕНТЫ ЭТНОСА: ИХ СТРУКТУРА, ФУНКЦИИ И СРЕДА

Очерк пятый

Культура и ее этнические функции 88

Очерк шестой

Об этнических чертах психики 143

Очерк седьмой

Этническое самосознание — неотъемлемый компонент этноса 173

Очерк восьмой

Этнические функции эндогамии 200

Очерк девятый

Этнос и его среда 212

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ГЛАВНЫЕ ЭТАПЫ ЭТНОСОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Очерк десятый
К типологизации этнических процессов 233
Очерк одиннадцатый
Этносоциальная структура человечества и ее динамика в первобытнообщинной формации 244
Очерк двенадцатый
Этносоциальные процессы в докапиталистических классовых обществах 274
Очерк тринадцатый
Этносоциальные процессы в капиталистическом мире 294
Очерк четырнадцатый
Этносоциальные процессы в мире социализма 338
Вместо заключения 383
Список сокращений 394
Понятийно-терминологический указатель 395
Указатель географических и этнических названий . . . 404

Kharkov University
0 002120 3 4

Юлиан Владимирович
БРОМЛЕЙ

ОЧЕРКИ ТЕОРИИ ЭТНОСА

Утверждено к печати
Институтом этнографии
им. Н. Н. Миклухо-Маклая
АН СССР

Редактор издательства
Л. С. Кручинина

Художественный редактор
Н. А. Фильчагина

Технические редакторы
В. В. Тарасова,
Ф. М. Хенох

Корректоры
М. В. Ворткова, Ю. Л. Косорыгин

ИБ № 25431

Сдано в набор 20.10.82.
Подписано к печати 24.12.82.
Т-20150. Формат $60 \times 90^1/_{16}$
Бумага для глубокой печати.
Гарнитура обыкновенная
Печать высокая
Усл. печ. л. 26. Усл. кр. отт. 26.
Уч.-изд. л. 31,3. Тираж 9000 экз. Тип. зак. 1904.
Цена 2 р. 30 к.

Издательство «Наука»
117864, ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90
Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12

В 1983 г.
В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ
«НАУКА»
ВЫЙДУТ В СВЕТ:

МУЗЕИ АКАДЕМИИ НАУК СССР И АКАДЕМИЙ НАУК СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК

5 л., 50 коп.

Издание — справочник-путеводитель. Он содержит сведения о 48 музеях АН СССР и академий наук союзных республик. В путеводителе описаны фонды музеев, хранящиеся в них коллекции, их история; среди коллекций выделены уникальные, представленные в экспозиции.

Пшеничнюк А. Х.

КУЛЬТУРА РАННИХ КОЧЕВНИКОВ ЮЖНОГО УРАЛА

15 л., 1 р. 50 к.

Книга рассказывает о культуре ранних кочевников степных и лесостепных районов Башкирии, ее редких памятниках. Автор разрабатывает периодизацию памятников савроматской и сарматской культуры, публикует ряд новых материалов. Особо подробно описаны и рассмотрены вещевой материал, керамика, погребальные обряды и связанные с ними обычаи. Книга богато иллюстрирована.

Смирнова Я. С.

СЕМЬЯ И СЕМЕЙНЫЙ БЫТ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА XIX—XX вв.

20 л., 2 р. 20 к.

Формы брака, семейный этикет, права и обязанности членов семьи, положение женщин в семье — эти вопросы автор решает в плане выявления общего и национально-особенного в образе жизни народов Северного Кавказа — чеченцев, ингушей, осетин, кабардинцев, балкарцев, карачаевцев, черкесов, адыгейцев. Автор показывает, как в советское время получили новую жизнь проникнутые гуманизмом народные традиции: уважение к старшим, взаимопомощь, гостеприимство, общественное звучание семейных событий.

Снесарев Г. П.

ХОРЕЗМСКИЕ ЛЕГЕНДЫ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ РЕЛИГИОЗНЫХ КУЛЬТОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ

15 л., 1 р. 70 к.

В книге описаны хорезмские легенды, история их возникновения и развития, показаны происхождение культа мусульманских святых, причины, истоки, основные этапы его эволюции. Критически рассмотрены роль и место культа святых в духовной и социальной жизни народов Средней Азии в дореволюционный период. Освещается борьба с религиозными пережитками в годы Советской власти.

Книги можно предварительно заказать в магазинах Центральной конторы «Академкнига», в местных магазинах книготоргов или потребительской кооперации.

Для получения книг почтой заказы просим направлять по адресу: 117192 Москва, Мичуринский проспект, 12, магазин «Книга — почтой» Центральной конторы «Академкнига»; 197345 Ленинград, Петрозаводская ул., 7, магазин «Книга — почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига» или в ближайший магазин «Академкнига», имеющий отдел «Книга — почтой».

480091 *Алма-Ата*, ул. Фурманова, 91/97 («Книга — почтой»);
370005 *Баку*, ул. Джапаридзе, 13 («Книга — почтой»);
320093 *Днепропетровск*, проспект Гагарина, 24 («Книга — почтой»);
734001 *Душанбе*, проспект Ленина, 95 («Книга — почтой»);
375002 *Ереван*, ул. Туманяна, 31;
664033 *Иркутск*, ул. Лермонтова, 289;
252030 *Киев*, ул. Ленина, 42;
252030 *Киев*, ул. Пирогова, 2;
252142 *Киев*, проспект Вернадского, 79;
252030 *Киев*, ул. Пирогова, 4 («Книга — почтой»);
277012 *Кишинев*, проспект Ленина, 148 («Книга — почтой»);
343900 *Краматорск* Донецкой обл., ул. Марата, 1;
660049 *Красноярск*, проспект Мира, 84;
443002 *Куйбышев*, проспект Ленина, 2 («Книга — почтой»);
191104 *Ленинград*, Литейный проспект, 57;
199164 *Ленинград*, Таможенный пер., 2;
196034 *Ленинград*, В/О, 9 линия, 16;
220012 *Минск*, Ленинский проспект, 72 («Книга — почтой»);
103009 *Москва*, ул. Горького, 19а;
117312 *Москва*, ул. Вавилова, 55/7;
630076 *Новосибирск*, Красный проспект, 51;
630090 *Новосибирск*, Академгородок, Морской проспект, 22 («Книга — почтой»);
142292 *Пущино*, Московская обл., МР, «В», 1;
620151 *Свердловск*, ул. Мамина-Сибиряка, 137 («Книга — почтой»);
700029 *Ташкент*, ул. Ленина, 73;
700100 *Ташкент*, ул. Шота Руставели, 43;
700187 *Ташкент*, ул. Дружбы народов, 6 («Книга — почтой»);
634050 *Томск*, наб. реки Ушайки, 18;
450059 *Уфа*, ул. Р. Зорге, 10 («Книга — почтой»);
450025 *Уфа*, ул. Коммунистическая, 49;
720001 *Фрунзе*, бульвар Дзержинского, 42 («Книга — почтой»);
310078 *Харьков*, ул. Чернышевского, 87 («Книга — почтой»);

2 р. 30 к.